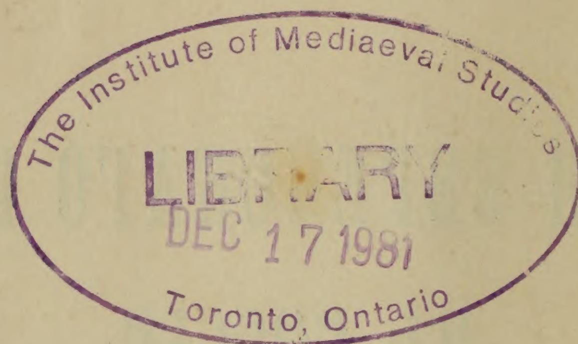
ЮЛІЙ ГЕССЕНЪ.

ИСТОРІЯ ЕВРЕЙСКАГО НАРОДА ВЪ РОССІИ.

Въ двухъ томахъ.

Томъ ПЕРВЫЙ.

ПЕТРОГРАДЪ.



Дозволено военной цензурой. Петроградъ, 20 Іюля 1916 г., № 6501.

Типографія Л. Я. Ганзбурга, Птгр., Мытнинская ул., 11.

Моя задача—дать безпристрастное, насколько это въ моихъ силахъ, описаніе жизни еврейскаго народа въ Россіи. Лишь точное знаніе нашего прошлаго можетъ указать пути къ достиженію лучшаго будущаго.

Работая въ теченіе двухъ лѣтъ надъ этой книгой, я старался быть глухимъ и къ великимъ міровымъ событіямъ, и къ потрясеніямъ еврейской жизни; я стремился уйти отъ текущихъ дней, полныхъ недолгихъ надеждъ и горестныхъ разочарованій, чтобы всецѣло отдаться минувшему, ощутить дыханіе отошедшихъ поколѣній, пройти вмѣстѣ съ ними ихъ земной путь.

Но можно-ли у берега не слышать взбаламученнаго моря? И когда волна общественныхъ испытаній и личныхъ переживаній поднималась слишкомъ высоко, я откладывалъ перо и ждалъ, пока не наступитъ сравнительное спокойствіе. Буря нынѣшняго дня не должна найти эхо въ историческомъ изслѣдованіи.

Петроградъ, 29 іюня 1916 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Раннія встрѣчи русскихъ славянъ съ евреями. — Посредничество хозаръ. — Когда появились евреи въ Кіевѣ? — Сказаніе о крещеніи Руси и объ еврейскихъ послахъ. — Евреи въ Кіевѣ въ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ вѣкахъ. — Погромъ евреевъ въ Кіевѣ. — Лѣтописное сообщеніе объ убіеніи Андрея Боголюбскаго. — Отрывочныя извѣстія о пребываніи евреевъ на Руси въ различныхъ мѣстностяхъ.

Славяне, жившіе въ приднѣпровскихъ областяхъ и связанные своими жизненными интересами съ Кіевомъ, колыбелью русской государственности, рано познакомились съ евреями.

Расположенный по пути изъ Балтійскаго моря къ Черному, „изъ Варягъ въ Греки", Кіевъ издавна игралъ роль торговаго центра, въ связи съ чѣмъ онъ и пріобрѣлъ политическое значеніе. Русь лежала между богатой Азіей и промышленной Европой и потому являлась главнымъ складочнымъ и мѣновымъ рынкомъ произведеній Европы и Азіи. На югѣ торговымъ центромъ служилъ Кіевъ, а на сѣверѣ Новгородъ. Кіевъ являлся сборнымъ пунктомъ русской торговли, замыкая цѣпь торговыхъ русскихъ городовъ по рѣчной греко-варяжской линіи сообщенія. Русскіе торговые города находились въ зависимости отъ Кіева, такъ какъ въ его власти было задержать ихъ торговыя лодки, направлявшіяся по Днѣпру къ рынкамъ на Азовскомъ и Черномъ моряхъ [1]), а оттуда къ каспійскимъ рынкамъ и далѣе на востокъ.

Арабскій писатель девятаго вѣка Хордабда, современникъ Рюрика и Аскольда, говоритъ, что русскіе купцы возятъ товары къ Черному морю, въ греческіе города, и что спускаясь по Дону и Волгѣ къ хозарской столицѣ, русскіе купцы, уплативъ здѣсь извѣстный сборъ, выходили въ Каспійское море, проникали на его юго-восточные берега и даже привозили свои товары въ Багдадъ [2]).

Всюду по этимъ путямъ торговали, наряду съ прочими народностями, также евреи. Уже съ первыхъ вѣковъ христіанской эры

---

1) В. Ключевскій, Курсъ русской исторіи (М. 1911 г.), т. I, стр. 170 и сл
2) Тамъ же, стр. 148.

группы евреевъ проживали какъ въ греческихъ владѣніяхъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря, такъ и въ областяхъ, лежавшихъ у Каспійскаго моря, и далѣе на Кавказѣ, въ Арменіи. То были выходцы изъ Византіи и Персіи; однихъ изъ нихъ сюда загнали преслѣдованія на родинѣ, другихъ привлекли торговые интересы.

Появляясь въ этихъ мѣстностяхъ, славяне завязывали, вѣроятно, торговыя сношенія также съ евреями. Особая роль выпала, какъ кажется, въ этомъ отношеніи на долю Тмутараканской области, лежавшей на берегу Азовскаго моря. Во времена Святослава (957—972) русская колонизація стала направляться въ Тмутаракань, гдѣ издавна проживала многолюдная группа евреевъ. Византійскій хронографъ Өеофанъ говоритъ подъ 671-мъ годомъ слѣдующее: „Къ восточной части, на побережьѣ Чернаго моря, у города Фанагорія (на Таманскомъ полуостровѣ) и его окрестностей, около живущихъ тамъ евреевъ, проживаютъ также и многія другія племена". Такимъ образомъ, говоритъ А. Гаркави, въ главномъ городѣ бывшаго босфорскаго царства и тогдашнемъ средоточіи торговли того края, въ Фанагоріи и его окрестностяхъ, жили въ восьмомъ и девятомъ вѣкахъ преимущественно евреи [1]). Приведенное сообщеніе византійскаго писателя подтверждается и арабскимъ географомъ, который говоритъ относительно девятаго вѣка, что славянскіе (славяно-русскіе) купцы возятъ мѣха лисицъ и выдръ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ славянской земли, отправляясь къ Румскому (Черному) морю, гдѣ владыка Рума (византійскій императоръ) беретъ съ нихъ пошлину; затѣмъ они идутъ моремъ въ „еврейскій Самкершъ", т. е. область, тождественную съ той, о которой сообщаетъ византійскій хронографъ, послѣ чего направляются на сѣверъ, а далѣе слѣдуютъ отъ Славянскаго (Азовскаго) моря, пока не приходятъ къ Хозарскому рукаву,—тамъ, у Дона, находилась крѣпость хозарская Саркелъ—гдѣ хозарскій владыка беретъ съ нихъ пошлину; затѣмъ идутъ они къ Хозарскому (Каспійскому) морю по рѣкѣ, которую называютъ Славянскою (Волга) [2]).

Посредниками въ торговлѣ славянъ съ югомъ и востокомъ являлись хозары. Выйдя изъ-за Волги и Дона, эта азіятская орда, давно блуждавшая между Чернымъ моремъ и Каспійскимъ, осѣла

[1]) А. Гаркави, Русь и русское въ средневѣковой еврейской литературѣ. Восходъ, 1881 г., кн. I, стр. 69.

[2]) Тамъ же, стр. 69—70. По словамъ Хордабда, еврейскіе купцы говорили на разныхъ языкахъ, между прочимъ и на славянскомъ, а такъ какъ, согласно его же сообщенію, они ѣздили изъ Европы въ Азію, то полагаютъ, что славяне, съ которыми они вступали въ дѣловыя сношенія, были русскіе.

Русскіе славяне и окружающіе ихъ народы въ 9 и 10 вѣкахъ.

Варяжское море
Сумь
Карела
Емь
М. Бѣлое
Самоядь
Печера
Онега
Двина
Зыряне
Р. Вычегда
Оз. Онега
Чудь Заволочская
Пермь
Нева
Ладога
Чудь
Новгородъ
Волховъ
Славяне Ильменскіе
Псковъ
Кривичи
Ярославль
Ростовъ
Вотяки
Вятка
Черемисы
Волга
Кама
Болгаре (Камскіе)
Жмудь
З. Двина
Полочане
Клязьма
Р. Москва
Пруссы
Литва
Р. Вилія
Нѣманъ
Днѣпръ
Смоленскъ
Дреговичи
Радимичи
Вятичи
Ока
Мордва
Р. Самара
Десна
Сѣверяне
Волга
Уралъ
Припеть
Древляне
Черниговъ
Поляне
Кіевъ
Волыняне
(Дулѣбы)
Переяславль
Хозарское Царство
Карпаты
Днѣстръ
Саркелъ
Печенѣги
Пороги
Мадьяры или Угры
Прутъ
Бугъ
Донъ
Хозарское море
Итиль
Славянское море
Валахи
Ясы
Тмутаракань
Р. Кубань
Р. Кума
Корсунь
Касоги
Р. Терекъ
Дунай
Болгары
Море Румское

Масштабъ

на южно-русскихъ степяхъ. Обратившись къ мирнымъ занятіямъ, хозары основали рядъ городовъ. Не установлено въ точности происхожденіе этого народа, — полагаютъ, что онъ представлялъ собою смѣсь различныхъ племенъ; но извѣстно, что въ восьмомъ вѣкѣ хозарскій царь (хаганъ) и окружавшая его знать приняли іудейскую вѣру, съ которой хозаръ познакомили евреи, пришедшіе къ нимъ изъ Закавказья. При этомъ, однако, большая часть хозаръ оставалась въ язычествѣ; впрочемъ, среди нихъ были также христіане и магометане. Столица хозаръ, Итиль, расположенная въ низовьяхъ Волги, являлась огромнымъ разноязычнымъ торжищемъ, гдѣ рядомъ жили магометане, евреи, христіане и язычники.

Въ восьмомъ вѣкѣ хозары покорили племена восточныхъ славянъ — полянъ, сѣверянъ и вятичей. Такимъ образомъ, данникомъ хозаръ сталъ и Кіевъ, и это продолжалось около ста лѣтъ. Подъ покровительствомъ хозаръ торговля изъ Днѣпровья начала развиваться [1]). Торговая дѣятельность Кіева и тяготѣвшихъ къ нему земель приводила, надо думать, славянъ къ сношеніямъ съ евреями. Встрѣчи, какъ мы видимъ, могли происходить и въ предѣлахъ хозарскаго царства и въ другихъ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ. И можно допустить, что завязывавшіяся здѣсь торговыя сдѣлки влекли евреевъ въ Кіевскую землю [2]). Сношенія евреевъ со славянами могли еще болѣе участиться, когда хозары, разгромивъ въ концѣ девятаго вѣка печенѣговъ и венгровъ, жившихъ къ сѣверу отъ Крымскаго полуострова, распространили свою власть надъ всей территоріей, тянувшейся отъ сѣверной части Кавказа, вдоль черноморскаго побережья, вплоть до кіевскихъ земель и даже сѣвернѣе [3]). Евреи всегда могли расчитывать на покровительство хозарскаго царя, а потому они прибывали съ торговыми цѣлями въ новыя хозарскія владѣнія не только съ Кавказа и изъ Крыма, но также изъ Византіи. Однако, торжество хозаръ не было длительнымъ. Въ 964 г. (или нѣсколько позже) кіевскій князь Святославъ Игоревичъ нанесъ имъ пораженіе, послѣ чего хозарское царство стало клониться къ упадку и вскорѣ оно исчезло.

Повторяемъ, все складывалось такъ, что сношенія со славянами, жившими по берегамъ Днѣпра, должны были или, по крайней

---

1) Ключевскій, стр. 146—147.

2) И. Малышевскій, Евреи въ южной Руси и Кіевѣ въ X — XII вѣкахъ. Труды Кіевской духовной академіи, 1878 г., кн. 6, 9. — Н. Закревскій, Описаніе Кіева (М. 1868 г.), стр. 311.

3) С. Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ (третье изданіе), т. I, стр. 116 и сл. Въ то время сѣверяне и радимичи, въ виду побѣды Олега надъ этими племенами (884 г. и сл.), платили дань уже не хозарамъ, а кіевскому князю, но вятичи продолжали быть данниками хозаръ.

мѣрѣ, могли тянуть евреевъ въ Кіевъ. Вполнѣ естественно, что знакомясь у себя дома съ пріѣзжими славянами, евреи, увлекаемые торговыми интересами, направлялись, при удобномъ случаѣ, въ Кіевъ.

Наряду съ этимъ не исключается возможность ранняго появленія въ Кіевѣ евреевъ изъ нѣмецкихъ земель чрезъ Польшу. Кіевъ, являясь центральнымъ торговымъ пунктомъ, велъ дѣла и съ Западной Европой.

Однако, нужно подчеркнуть, что нѣтъ достовѣрныхъ данныхъ, которыя прямо и опредѣленно говорили бы, что евреи фактически жили въ ту эпоху въ Кіевской Руси [1]). Въ извѣстномъ сказаніи о крещеніи Руси при Владимирѣ Святомъ (980—1025 гг.) лѣтописецъ повѣствуетъ, что къ Владимиру пришли (986 г.) проповѣдники отъ разныхъ народовъ и каждый хвалилъ свою вѣру. Узнавъ о желаніи Владимира отказаться отъ язычества, явились къ нему и евреи.

„Се слышавше, Жидове Козарьсти и придоша, рекуще: „слышахомъ, яко приходиша болгаре и Хрестеяне, учаще тя кождо ихъ вѣрѣ своей; Хрестияне бо вѣруютъ, его же мы распяхомъ, а мы вѣруемъ едину Богу Авраамову, Исакову, Яковлю". И рече Володимиръ: „что есть законъ вашь?" Они же рѣша: „обрѣзатися, свинины не ясти, ни заячины, суботу хранити". Онъ же рече „то гдѣ есть земля ваша?" Они

Изъ Ипатьевскаго списка лѣтописи. Діалогъ между Владимиромъ и евреями.

[1]) Въ книжкѣ И. Даревскаго „Къ исторіи евреевъ въ Кіевѣ" (Кіевъ, 1907г.) невѣрно сказано, будто Кіевъ въ VIII в. былъ „во множествѣ населенъ евреями", каковое сообщеніе въ первоисточникѣ относится къ Фанагоріи. Эту ошибку допустилъ М. Вишницеръ въ статьѣ о Кіевѣ въ „Еврейской Энциклопедіи".

же рѣша: „въ Іерусалимѣ“. Онъ же рече: „то тамо ли есть и нынѣ?“ Они же рѣша: „разъгнѣвался Богъ на отцы наши, и расточи ны по странамъ грѣхъ ради нашихъ, и предана бысть земля наша Хрестеяномъ“. Володемеръ же рече: „то како вы инѣхъ учите, а сами отвержени отъ Бога? Аще бы Богъ любилъ васъ, то не бысте расточени по чюжимъ землямъ: еда и намъ тоже мыслите зло пріяти?“ [1]).

Нѣкоторые историки не признаютъ достовѣрнымъ сказаніе о послахъ, хвалившихъ каждый свою вѣру. „Обстоятельства, предшествовавшія этому событію и сопровождавшія его, — говоритъ Костомаровъ по поводу крещенія Руси—разсказываются съ баснословными чертами, которыя вполнѣ свойственны изустнымъ преданіямъ, записаннымъ уже долгое время спустя послѣ означеннаго событія“ [2]). Соловьевъ также смотритъ на сказаніе какъ на преданіе, лишенное исторической основы. Ключевскій указываетъ, что сказаніе о послахъ, отличающееся полемической окраской, желаніемъ охулить всѣ вѣры, кромѣ православной, не принадлежитъ начальному лѣтописцу, а вставлено его продолжателемъ. Изъ отвѣта пословъ, что Іерусалимъ находится въ рукахъ христіанъ, видно, что сказаніе было записано не ранѣе начала двѣнадцатаго вѣка, ибо крестоносцы отобрали у магометанъ Іерусалимъ лишь въ 1099 г. [3]).

Существуетъ также мнѣніе, что все сказаніе есть книжное сочиненіе, лишенное фактической основы, что составленное въ двѣнадцатомъ вѣкѣ жившимъ на Руси грекомъ съ греческой тенденціей, оно, будучи отдѣльной повѣстью, было внесено въ лѣтопись [4]).

Но если даже допустить, что лѣтописное повѣствованіе объ обстоятельствахъ, при которыхъ будто произошло крещеніе Руси, не представляетъ собой пустой выдумки, что разсказъ о выборѣ вѣры, согласно сообщеніямъ арабскихъ источниковъ, заключаетъ въ себѣ зерно правды [5]), то и въ этомъ случаѣ нѣтъ еще достаточнаго основанія сдѣлать выводъ, что во времена Владимира Святого въ Кіевѣ проживали евреи,—они могли явиться со спеціальной цѣлью—склонить Владиміра къ іудейской вѣрѣ.

---

[1]) Ипатьевскій списокъ, изд. 1908 г., стр. 72—73. Лаврентьевскій списокъ, Полное собраніе русск. лѣтописей, т. I, стр. 36, (изд. 1872 г.—стр. 83).

[2]) Н. Костомаровъ, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, т. I (2-ое изд.), стр. 5.

[3]) Ключевскій, стр. 91—92.

[4]) Мнѣніе Голубинскаго. См. Малышевскій, цитир. сочиненіе.

[5]) I. Берхинъ, Еврейскій документъ о посольствахъ Св. Владимира для испытанія вѣры. Кіевская Старина, 1884 г., кн. XII.

Правда, имѣется указаніе на то, что еще до Владимира Святого въ кіевскихъ земляхъ была поселена принудительно группа евреевъ. Но это сообщеніе является, какъ сейчасъ будетъ видно, малодостовѣрнымъ; къ тому же возможно, что рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ не о евреяхъ по происхожденію, а о хозарахъ, исповѣдывавшихъ іудейство.

Говоря о еврейскихъ проповѣдникахъ, пытавшихся склонить Владимира къ принятію іудейства, Татищевъ [1]) въ примѣчаніяхъ къ своей „Исторіи Россійской“ замѣчаетъ: „не можно почитать за то, что они нарочно для того изъ хозаровъ пришли, но разумѣй тѣхъ, которые были Святославомъ плѣнены, въ Кіевѣ по рѣкѣ Роси и по другимъ городамъ поселены, которыхъ много было“ [2]).

Въ діалогѣ, который вели Владимиръ и „жидове козарьсти“, діалогѣ, выдуманномъ много лѣтъ спустя послѣ крещенія Владимира, были затронуты вопросы изъ исторіи евреевъ, совершенно не касавшіеся хозаръ, такъ поздно принявшихъ іудейство; но, конечно, тѣ хозары, которые исповѣдывали еврейское ученіе, восприняли библейскія сказанія, связали прошлое еврейскаго народа съ собственнымъ прошлымъ. И такъ какъ рѣчь шла о вѣрѣ, одинаковой у евреевъ и іудействующихъ хозаръ, то для лѣтописца, имѣвшаго опредѣленную цѣль, а именно засвидѣтельствовать, что православная вѣра оказалась лучше другихъ, было все равно, кто велъ съ Владимиромъ бесѣду о еврейской вѣрѣ — сами ли евреи, или іудействующіе хозары. Трудно поэтому съ твердостью сказать, что означаетъ выраженіе „жидове козарьсти“; подразумѣваются ли хозарскіе евреи, или же іудействующіе хозары? Однако, судя по одному историческому сообщенію, надо заключить, что Святославъ водворилъ не евреевъ, а хозаръ. Упомянутое выше указаніе Татищева приведено въ его примѣчаніяхъ къ историческому повѣствованію. Въ самомъ же текстѣ его „Исторіи“, основанномъ на лѣтописномъ матеріалѣ, говорится, что когда Святославъ разбилъ хозаръ, многіе изъ нихъ были поселены по разнымъ городамъ; да и позже, прибавляетъ Татищевъ — хозары по доброй волѣ переходили въ Русь, чтобы избавиться отъ притѣсненій со стороны печенѣговъ или для сохраненія жидовства [3]).

Какъ видно, въ обоихъ случаяхъ рѣчь идетъ объ однихъ и тѣхъ же поселенцахъ, и именно о хозарахъ, о „жидовствующихъ“ хозарахъ. Конечно, не устраняется возможность, что „жидове козарьсти“ состояли не изъ однихъ хозаръ, принявшихъ іудей-

---

[1]) Татищевъ умеръ въ 1750 году; его „Исторія Россійская“ была напечатана послѣ его смерти по черновымъ бумагамъ.

[2]) Исторія Россійская, т. II, прим. № 176.

[3]) Исторія Россійская, т. I, ч. II, стр. 463.

скую вѣру, что среди нихъ были также прирожденные евреи; но, слѣдуетъ повторить, что источники нигдѣ не говорятъ спеціально о евреяхъ. Козаре и жидове [1]) являлись какъ бы синонимами, потому что, подобно евреямъ, іудействующіе хозары всѣмъ складомъ своей жизни обособлялись отъ прочаго населенія. И это отожествленіе было, вѣроятно, широко распространено. Въ житіяхъ славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія и въ другихъ подобныхъ источникахъ „козаринъ и жидовинъ суть почти синонимы". Еврей Сангари (Замбрія, Замврія), обратившій хозарскаго царя въ іудейство, называется въ источникахъ то козариномъ, то жидовиномъ [2]). А позже, когда хозары-христіане слились съ окружающимъ населеніемъ, наименованіе хозаръ исчезаетъ, и остается только „жидове", подъ которымъ разумѣется опредѣленное религіозное общество [3]).

Кто бы ни были эти приверженцы іудейской вѣры, появившіеся въ Кіевской Руси, хозары ли, или евреи, они въ слѣдующемъ вѣкѣ — одиннадцатомъ — оставили слѣды въ историческихъ памятникахъ [4]), при чемъ опять-таки встрѣтимъ кое-какое указаніе на то, что въ Кіевѣ, — наряду, быть можетъ, съ евреями, жили потомки хозаръ, въ свое время принявшихъ іудейство.

Епископъ Лука Жидята и кіевскій митрополитъ Илларіонъ, а также Ѳеодосій Печерскій — это тѣ лица, которыя, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, являются свидѣтелями того, что въ Кіевѣ проживали послѣдователи іудейской вѣры.

Лука Жидята, назначенный въ 1035 г. (1036 г.) новгородскимъ епископомъ, останавливаетъ на себѣ наше вниманіе благодаря своему прозвищу „Жидята", которое всегда сопутствуетъ

---

[1]) Въ лѣтописяхъ встрѣчается также наименованіе „еврѣй". См., напр., Лаврентьевскую лѣтопись (изд. 1872 г., стр. 26, 178).

[2]) А. Гаркави, Сообщенія о хозарахъ. Еврейская Библіотека, кн. VIII, стр. 159.

[3]) Если еврейскіе странники обѣщали въ 960 г. видному испанскому еврею Ибнъ Шапруту передать его письмо хозарскому царю чрезъ землю Русь, то это вовсе не означаетъ, что странники надѣялись встрѣтить здѣсь евреевъ; посредниками при передачѣ письма могли быть тамошніе хозары. См. А. Гаркави, Сообщенія о хозарахъ (Хозарскія письма). Еврейская Библіотека, кн. VII, стр. 150.

[4]) Въ церковномъ уставѣ, появившемся, вѣроятно, во времена Ярослава Мудраго (1019—1054), имѣются постановленія, говорящія о евреяхъ: „Аще ли жидовинъ или бесерменинъ съ Рускою будетъ или иноязычникъ на иноязычницѣ: митрополиту 50 гривенъ, а Руску пояти въ домъ церковный". „Аще кто съ бесерменкою или съ Жидовкою блудъ сътворитъ, а не лишится (женится): отъ церкви да отлучится и отъ хрестьянъ, а митрополиту 12 гривенъ" (Полное собраніе русск. лѣтописей, т. XVI, стр. 268 и 270). Однако, надо имѣть въ виду, что церковный уставъ Ярослава является не оригинальнымъ произведеніемъ, а переводомъ византійскаго кодекса.

Лукѣ; порою же епископа называютъ просто „Жидята“ безъ упоминанія имени Луки. Изъ этого дѣлаютъ заключеніе, что Лука Жидята могъ быть насильно отнятъ у евреевъ и крещенъ при Владимирѣ. Въ „Поученіи Луки Жидяты“, являющемся наиболѣе раннимъ памятникомъ русской литературы, изслѣдователи склонны усмотрѣть отраженіе еврейскаго происхожденія автора; въ „Поученіи“ находятъ подражаніе талмудическимъ изреченіямъ, ветхозавѣтные мотивы. И все это наводитъ на мысль, что въ то время въ Кіевѣ жили евреи, изъ коихъ иные переходили въ христіанство [1]).

Что касается Кіевскаго митрополита Илларіона, современника Луки Жидяты, то его „Слово о законѣ, Моисеевомъ даннымъ по благодати и истинѣ Іисусомъ, Христомъ бывшимъ“ заключаетъ въ себѣ полемику противъ евреевъ, причемъ пріемы, къ которымъ прибѣгаетъ авторъ „Слова“, указываютъ, по мнѣнію изслѣдователей, что оно было направлено не противъ еврейства вообще, а именно противъ евреевъ, жившихъ въ Кіевѣ.

О Ѳеодосіи мы узнаемъ изъ его житія, что онъ, будучи игуменомъ печерскаго монастыря въ Кіевѣ (1057—1074 г.г.), часто уходилъ изъ монастыря въ городъ къ евреямъ на ихъ собранія; онъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, съ ними спорилъ и раздражалъ ихъ, чтобы пасть отъ ихъ руки и такимъ образомъ принять мученическую смерть. „Се бо сице обычай имѣше блаженный, якоже и многажды въ нощи встая, отай всѣхъ и схожаше къ жидамъ, тѣхъ же о Христѣ препирая, коряще и досажаще я тѣмъ, яко отметники и беззаконники тѣхъ нарицая: ждаше бо еже о Христѣ исповѣданія убіенъ быти“.

Объясненіе, что Ѳеодосій искалъ мученической смерти отъ рукъ евреевъ, а потому онъ держалъ себя вызывающе, едва ли можетъ быть принято. Разъ Ѳеодосій уходилъ тайкомъ, позднимъ временемъ, когда послѣ вечерней молитвы евреи предаются изученію закона и религіознымъ собесѣдованіямъ, то скорѣе всего надо предположить, что Ѳеодосій отправлялся къ евреямъ, чтобы мирно бесѣдовать съ ними. Это, какъ кажется, подтверждается тѣмъ, что Ѳеодосій училъ не отказывать евреямъ въ христіанскомъ

[1]) Малышевскій, Евреи въ Южной Руси.—А. Гаркави, Русь и русское въ средневѣк. еврейской литературѣ.

См. также: Г. Барацъ, Повѣсти и сказанія древне-русской письменности, имѣющія отношеніе къ евреямъ и къ еврейству (Кіевская Старина, 1906 г.). Г. Барацъ пытается въ рядѣ изслѣдованій установить слѣды іудейскихъ воззрѣній въ древне-русской письменности. См. его работу на эту тему въ Лѣтописи историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ за 1894 г. Библейско-агадическія параллели въ лѣтописныхъ сказаніяхъ о Владимірѣ Святомъ Кіевъ, 1908 г.; Критико-сравнительный анализъ договоровъ Руси съ Византіей, Кіевъ, 1910 г. См. рецензіи на эти работы въ Еврейской Старинѣ за 1909 и 1911 г.

сostраданіи и помощи, когда они въ этомъ нуждаются. Ѳеодосій былъ очень ретивъ въ вѣрѣ; онъ запрещалъ, напр., православнымъ имѣть общеніе съ латинянами [1]), и эта непримиримость, какъ видно, внушила лѣтописцу мысль придать бесѣдамъ Ѳеодосія съ евреями суровый характеръ.

О евреяхъ говорится и въ разсказѣ Поликарпа о Никитѣ Затворникѣ. Когда (въ концѣ одиннадцатаго вѣка) разнеслась слава о Никитѣ, какъ прозорливцѣ, къ нему стали ходить князья и бояре слушать его наставленія. „Не можаше, говорится о Никитѣ въ посланіи Поликарпа, никто стязатися съ нимъ книгами Ветхаго Завѣта, весь бо изъ устъ умѣяше: Бытіе, Исходъ, Левитъ, Числа, Судіи, Царства и вся пророчества по чину и вся книги жидовскія“. Между тѣмъ книги Новаго Завѣта Никита никакъ не хотѣлъ ни слушать, ни бесѣдовать по нимъ. И это потому, что Никиту въ затворѣ посѣтилъ искуситель, убѣдившій его оставить христіанскія молитвы и читать еврейскія книги. Братія поняла, что дѣло недоброе, что Никита обольщенъ лукавымъ, и вотъ, помолившись, она отогнала отъ Никиты бѣса и вывела Никиту изъ затвора.

Если этотъ разсказъ перенести на фактическую почву, то можно, пожалуй, предположить, что Никита имѣлъ общеніе съ іудеями или іудействующими хозарами. Однако, слишкомъ искусственнымъ является предположеніе, будто евреи помогли Никитѣ сыграть роль прозорливца и что они склонили Никиту къ затворничеству съ той цѣлью, чтобы здѣсь, вдали отъ постороннихъ вліяній, сдѣлать его приверженцемъ еврейскаго вѣроученія [2]).

Слѣдуетъ отмѣтить, что объ евреяхъ упоминается также въ каноническихъ правилахъ митрополита Іоанна II (1077—1088 гг.). Въ одномъ изъ этихъ правилъ Іоаннъ выступаетъ противъ тѣхъ, кто купивъ себѣ слугъ, имѣетъ съ ними общеніе въ молитвѣ, а потомъ продаетъ ихъ поганымъ; „законъ говоритъ: христіанина человѣка не должно продавать ни жидовину, ни еретику; кто продаетъ жидамъ, беззаконникъ“ [3]). Однако, неизвѣстно, о какихъ именно евреяхъ идетъ рѣчь. Торгъ плѣнными былъ очень распространенъ въ то время, составляя важную отрасль международной торговли, и евреи, наряду съ прочими, принимали участіе въ этомъ торгѣ. Возможно допустить, что въ самомъ Кіевѣ евреи занимались работорговлей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не исключается предположеніе, что то были чужеземные купцы, которымъ русскіе купцы продавали рабовъ на зарубежныхъ рынкахъ.

---

[1]) Костомаровъ, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ, т. I, стр. 30.
[2]) Малышевскій, цитир. сочиненіе.
[3]) Тамъ же.

Приведенныя нами сообщенія говорятъ, въ своей совокупности, о томъ, что въ теченіе одиннадцатаго вѣка въ стѣнахъ Кіева проживали евреи — будь то сыны Израиля или потомки іудействующихъ хозаръ. А изъ лѣтописнаго разсказа мы узнаемъ, что въ началѣ двѣнадцатаго вѣка въ Кіевѣ имѣлась еврейская колонія, пользовавшаяся матеріальнымъ достаткомъ.

Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1113 г. говорится: „Преставися благовѣрный Князь Михаилъ, зовемый Святополкъ.. Кіяни же разграбиша дворъ Путятинъ Тысячьского, идоша на жиды и разграбиша я“ [1]). Итакъ, послѣ смерти Святополка II (1113 г.) кіевская чернь, по словамъ лѣтописца, разгромивъ дворъ тысяцкаго, ограбила также и дома евреевъ. Чѣмъ же было вызвано это событіе и каковъ его характеръ? Татищевъ разсказываетъ, что Святополкъ „вельми сребролюбивъ былъ и скупъ, для котораго жидамъ многіе предъ христіаны вольности далъ, чрезъ что многіе христіане торгу и ремеслъ лишились“ [2]). Дѣйствительно, лѣтописецъ характеризуетъ Святополка, какъ сребролюбца, и легко допустить, что Святополкъ изъ корысти предоставлялъ евреямъ торговыя привилегіи. Когда же умеръ ихъ покровитель, они подверглись мести со стороны той части населенія, которая страдала отъ еврейской конкуренціи. Чернь разгромила прежде всего тысяцкаго и сотскихъ, которые, какъ видно, являлись исполнителями воли нелюбимаго князя. Погромщики, однако, не удовлетворились расправой съ начальствомъ и евреями.

Когда Святополкъ умеръ, кіевское вѣче рѣшило призвать къ себѣ прославленнаго Владимира Мономаха, но онъ отказался занять великокняжескій столъ, минуя старшаго въ родѣ. Тогда кіевляне послали вновь за нимъ, говоря: Приходи, князь въ Кіевъ; если же не придешь, знай, что много зла сдѣлается; ограбятъ уже не одинъ Путятинъ дворъ или сотскихъ и жидовъ, но пойдутъ на княгиню Святополкову, на бояръ, на монастыри, и тогда ты, князь, дашь Богу отвѣтъ, если монастыри разграбятъ [3]). Тогда Владимиръ Мономахъ пришелъ въ Кіевъ.

Изъ сказаннаго можно сдѣлать заключеніе, что извѣстная часть кіевскаго населенія, недовольная своимъ положеніемъ, воспользовалась смертью Святополка и наступившимъ междукня-

---

[1]) Въ продолженіи лаврентьевской лѣтописи ничего не говорится о погромѣ.

[2]) Исторія Россійская, т. II, стр. 211.

[3]) Ипатьевскій списокъ. Полное собраніе лѣтописей, т. II, стр. 4. (изд. 1908 г., стр. 275 — 276). „Поиди, княже, Кіеву; аще ли не пойдеши, то вѣси, яко много зло уздвигнется, то ти не Путятинъ дворъ, ни соцькихъ, но и жиды грабити, и паки (ти) пойдутъ на ятровъ твою и на бояры и на монастырѣ, и будеши отвѣтъ имѣть, княже, оже (иже) ти монастырѣ разграбятъ“.

жіемъ, чтобы выйти изъ повиновенія. Когда она бросилась на тѣхъ, кому князь особенно покровительствовалъ, ее не остановили ни бояре, ни церковь, надѣявшіеся, надо думать, что разгромъ сотскихъ и евреевъ утомитъ и успокоитъ взволнованную чернь, и благодаря этому сами бояре и церковь не пострадаютъ. Но черни было все равно, кого бить; она искала легкой наживы, а потому, не встрѣтивъ противодѣйствія при разгромѣ должностныхъ лицъ и евреевъ, она, поощренная успѣхомъ, замыслила пойти также на монастыри и имущіе круги кіевскаго общества. Когда же оказалось, что народный гнѣвъ угрожаетъ общему благополучію, что для водворенія порядка нужны сильная рука и доброе сердце, кіевляне вновь послали за Владиміромъ Мономахомъ.

Какъ видимъ, лѣтопись кратко сообщаетъ о событіи, которымъ были ознаменованы кончина Святополка и вокняженіе Владимира Мономаха. Татищевъ же приводитъ подробности погрома, а именно, что евреи искали спасенія отъ народной ярости въ синагогахъ, гдѣ они долго оборонялись, надѣясь дождаться Владимира [1]). Помимо того, въ „Исторіи“ Татищева, въ которой дѣйствительныя происшествія чередуются съ небылицами, многія сообщенія которой, основанныя будто бы на историческихъ данныхъ, оказались вымысломъ, въ этомъ историческомъ трудѣ разсказывается, будто Владиміръ Мономахъ, ненавидя евреевъ за склоненіе ими многихъ христіанъ въ іудейство [2]), призвалъ къ себѣ на совѣщаніе бояръ и съ общаго согласія постановилъ изгнать всѣхъ евреевъ

---

[1]) Т. II, стр. 212.

[2]) Нѣкоторые изслѣдователи (напр., Соловьевъ, см. кн. I, стр. 350) пытаются связать съ евреями то обстоятельство, что Владиміръ Мономахъ внесъ въ „Русскую Правду“ постановленія, направленныя противъ чрезмѣрныхъ процентовъ, которые взимались въ ту пору по разнымъ кредитнымъ операціямъ. Эти изслѣдователи голословно, безъ всякихъ доказательствъ, заявляютъ, что въ данномъ случаѣ имѣлись въ виду евреи. Однако, изученіе „Русской Правды“ приводитъ къ неопровержимому выводу, что если бы въ Кіевѣ проживала даже многолюдная группа евреевъ, они все же не могли бы сыграть какой-либо роли въ дѣлѣ урегулированія вопроса о ростѣ. „Русская Правда“—говоритъ Ключевскій—является выраженіемъ господствовавшихъ житейскихъ интересовъ, основныхъ мотивовъ жизни стараго кіевскаго общества. „Русская Правда“ есть по преимуществу уложеніе о капиталѣ, которому отводится исключительно важное значеніе въ общественно-государственной жизни; законъ строже наказываетъ за дѣянія, направленныя противъ собственности, чѣмъ за нарушеніе личной безопасности; съ другой стороны, капиталъ лежитъ въ основѣ системы наказаній и взысканій; само лицо разсматривается въ „Правдѣ“ не столько какъ членъ общества, сколько какъ владѣтель или производитель капитала; лицо, его не имѣющее и производить не могущее, теряетъ права свободнаго или полноправнаго человѣка. Капиталъ былъ въ то время чрезвычайно дорогъ. Владиміръ Мономахъ старался уменьшить бремя роста, но едва ли его постановленія исполнялись. „Русская Правда“ есть твореніе, такъ сказать, большого торговаго города; она отражаетъ господство торгово-промы-

изъ Кіева, причемъ всякому было разрѣшено убивать еврея, дерзнувшаго вернуться,—и это постановленіе, прибавляетъ Татищевъ, дѣйствуетъ по сію пору. Послѣднее замѣчаніе сразу освѣщаетъ разсказъ Татищева никогда въ Россіи никому не предоставлялось право надъ жизнью евреевъ, и если Татищевъ допустилъ столь лживое утвержденіе по отношенію къ своему времени, то нельзя вѣрить его разсказу о далекомъ прошломъ. Уже историкъ Карамзинъ отрицалъ фактъ изгнанія евреевъ изъ Кіева [1]). И это, главнымъ образомъ, потому, что въ 1124 г въ Кіевѣ произошло событіе, благодаря которому сохранилось извѣстіе о томъ, что евреи и въ ближайшіе годы проживали въ Кіевѣ. Въ ту пору въ Кіевѣ случился большой пожаръ, и евреи сильно пострадали. „У сеже лѣто—говоритъ лѣтописецъ—бысть бездожыье. Тогды жъ погорѣ Подолье все, на канунъ святаго Рождества Ивана Крестителя и Предътеча; въ утрій же день погорѣ Гора и монастыреве вси, что ихъ на Горѣ въ градѣ, и Жидове“ [2]).

Въ указанномъ мѣстѣ, на горѣ, евреи жили, какъ видно, всей массой, и оно получило названіе „Жидовской улицы“. Эта улица упиралась въ крѣпостную стѣну и ворота, устроенныя здѣсь (къ сѣверо-западу отъ Софійскаго собора), назывались „жидовскими“ [3]). „Жидовскія врата“ упоминаются дважды въ источникахъ, а именно въ 1146 и 1151 годахъ.

шленнаго капитала. Это положеніе продолжалось и позже. Духовныя особы не разъ обращались къ мірянамъ съ увѣщеваніемъ брать лихву милосердно, полегче, и это требованіе могло быть исполненно только въ связи съ утратой городомъ своего прежняго преобладанія въ народно-хозяйственной жизни (Ключевскій, т. I, стр. 304—306).

[1]) Принадлежащія къ коллекціи Фирковича эпитафія и надпись на книгѣ, говорящія объ изгнаніи евреевъ изъ Руси, не могутъ почитаться достовѣрными. А. Гаркави, Русь и русское въ средн. евр. литературѣ. Восходъ, 1882 г., кь 1—2.

[2]) Ипатьевская лѣтопись, Полн. собр. русск. лѣтописей, т. II, стр. 10, (изд. 1908 г., столб. 288).

Соловьевъ (т. I, стр. 350, прим. 6), указывая, что этимъ опровергается сообщеніе объ изгнаніи еврeвъ, добавляетъ, однако, что прежнее мѣстожительство евреевъ могло сохранить за собою ихъ имя; но, какъ видно, самъ Соловьевъ не настаиваетъ на своемъ предположеніи; къ тому же здѣсь рѣчь идетъ не о томъ, что жидовское мѣсто погорѣло, а что сами евреи пострадали отъ пожара.

[3]) Закревскій, Описаніе Кіева. Львовскія или Житомирскія врата, находящіяся въ Софійскомъ отдѣленіи Стараго города, въ древности назывались Жидовскими, стало быть, и улица возлѣ нихъ носила названіе Жидовской. Это еще болѣе доказывается текстомъ лѣтописи „погорѣ Гора“ т. е. „Старый Кіевъ“, и евреи, жившіе въ старомъ Кіевѣ, погорѣли.

І. Берхинъ (Историческая справка, Восходъ, 1887 г., кн. Іюль—Августъ) дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: еврейскій поселокъ находился на горѣ въ городѣ, изъ чего слѣдуетъ, что евреи составляли одинъ изъ элементовъ коренного населенія города, потому что приходящіе, временно проживающіе въ Кіевѣ купцы

Къ первой же половинѣ двѣнадцатаго вѣка относится наиболѣе раннее извѣстіе о евреяхъ въ Кіевѣ, почерпнутое изъ еврейскаго источника,—рѣчь идетъ о жившемъ въ ту эпоху талмудистѣ „Моисеѣ изъ Кіева“, который, повидимому, былъ ученикомъ знаменитаго тосафиста рабби Тама во Франціи.

Въ послѣднія десятилѣтія двѣнадцатаго вѣка политическое и торговое значеніе Кіева падаетъ; его разоряютъ и русскіе князья, и половцы. Съ 1151 г. нѣтъ извѣстій о евреяхъ въ Кіевѣ; Петахья изъ Регенсбурга, посѣтившій Русь во время своего долгаго путешествія (1175—1185г.г.), ничего не говоритъ о еврейской общинѣ въ Кіевѣ.

Имѣется, однако, извѣстіе отъ 1175 г. о евреяхъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, столицѣ Сѣверной Руси во времена Андрея Боголюбскаго. Кузьмище Кіянинъ, слуга Андрея Боголюбскаго, причитая надъ трупомъ своего господина, убитаго группой приближенныхъ, говорилъ: Бывало, придетъ гость изъ Царягорода, или изъ иной какой страны, изъ Руси ли, латынецъ, христіанинъ или поганный, прикажешь: поведите его въ церковь, въ ризницу, пусть посмотритъ на истинное христіанство и крестится, что и бывало, крестилось много; болгары и жиды и всякая погань, видѣвши Славу Божію и украшеніе церковное, сильно плачутъ по тебѣ [1]).

Такимъ образомъ, лѣтописецъ восхваляетъ религіозное рвеніе Андрея Боголюбскаго, обращавшаго, наряду съ болгарами (камскими), также и евреевъ въ христіанство. А изъ этого можно сдѣлать предположеніе, что евреи не были рѣдкими гостьми въ Сѣверной Руси.

Въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ спискахъ сообщается также и то, что въ умерщвленіи князя принялъ участіе одинъ еврей. Это кровавое дѣло произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

и промышленники занимали нижнюю часть города, Подолье; мѣстоположеніе евреевъ на горѣ отдѣляло кіевскихъ евреевъ отъ кіевскихъ хозаръ, потому что указаніе Нестора на то, что первая христіанская церковь въ Кіевѣ находилась „надъ ручьемъ, Конецъ Пасынчѣ Бесѣды и Козары“ (см. планъ гор. Кіева), даетъ право предположить существованіе поселка хозаръ другого, приходящаго разряда населенія древняго Кіева.

См. также: І. Берхинъ, Древнѣйшія извѣстія о евреяхъ въ Кіевѣ. Восходъ; 1888 г., кн. XI—XII.

[1]) Ипатьевская лѣтопись, стр. 115. „Иногда об аче и гость приходилъ изъ Царягорода и отъ иныхъ странъ русской земли, и аче латининъ и до всего хрестьяньства и до всеѣ погани и рече: введѣте и въ церковь и на палати, да видятъ истинное христіанство, и крестятся, яко же и бысть: и болгаре и жидове и вся погань, видивше славу Божію и украшеніе церковное и тѣ болма плачутъ по тебѣ“.

Планъ древняго Кiева.

Андрей Боголюбскій, круто расправлявшійся съ неугодными ему боярами, велѣлъ предать смерти одного изъ своихъ родственниковъ по женѣ, Кучковича. Тогда братъ казненнаго, Якимъ, вмѣстѣ съ зятемъ своимъ Петромъ и нѣкоторыми другими княжескими слугами составили заговоръ и умертвили князя. Въ числѣ убійцъ былъ и его ключникъ Анбалъ, родомъ Ясинъ. Древнѣйшіе лѣтописные списки говорятъ объ этомъ событіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ. Ипатьевскій—„начальникъ же убійцамъ бысть Петръ Куцьковъ зять, Анбалъ Ясинъ Ключникъ, Якимъ Кучьковичъ, а всихъ невѣрныхъ убійцъ числомъ 20" [1]); Лаврентьевская лѣтопись [2]) сообщаетъ:—„Аньбалъ Ясинъ Ключникъ, Якымъ Кучковичъ и всѣхъ невѣрныхъ убійцъ числомъ 20". Какъ мы видимъ, въ этихъ источникахъ нѣтъ никакого упоминанія о евреѣ. Но въ такъ называемыхъ Софійской [3]), Радзивиловской, въ схожей съ послѣдней Троицкой и въ Воскресенской рукописяхъ [4]), наряду съ Анбаломъ и Кучковымъ, фигурируетъ также „Ефремъ Моизичо", онъ же „Офремъ Моизовичъ".

Имя Ефрема Моизича могло, конечно, принадлежать еврею. Однако, невольно возникаетъ сомнѣніе относительно этой личности, если вспомнить, что старѣйшіе списки не знаютъ его, Софійская же лѣтопись составлена лишь на порогѣ 15 и 16 вѣковъ; Радзивиловскій списокъ, вообще недостаточно исправный, въ 15 вѣкѣ или даже въ началѣ 16 вѣка, въ предѣлахъ Западной Россіи; а Воскресенская лѣтопись возникла даже въ концѣ 16 вѣка!

Отрывочныя свѣдѣнія о евреяхъ на Руси встрѣчаются и въ дальнѣйшіе годы. Такъ, горюя о кончинѣ Владимира Васильковича, княжившаго во Владимирѣ Волынскомъ, лѣтописецъ сообщаетъ въ 1288 г., что она вызвала всеобщую печаль, что среди прочихъ „и Жидове плакахуся аки во взятье Іерусалиму, егда ведяхуть я

---

[1]) Полн. собраніе русск. лѣтописей, т. II, стр. 113.

[2]) Полн. собр. русск. лѣтоп., т. I, стр, 157.

[3]) Полн. собр. русск. лѣтоп., т. V, стр. 164—165.

[4]) Полн. собр. русск. лѣтоп., т. I, стр. 157, примѣч. ж; т. VII, стр. 89.

Когда Анбалъ отказался прикрыть трупъ князя, Кузмище сталъ упрекать его, говоря: „О еретиче! уже псомъ выверечи? Помнишь ли, жидовине, въ которыхъ портѣхъ пришелъ бяшетъ?". Изъ обращенія „жидовине" кое-кто дѣлаетъ заключеніе, что Анбалъ былъ евреемъ (I. Берхинъ, Изъ давно минувшаго, Восходъ, 1883 г., кн. VII—VIII), а между тѣмъ лѣтописецъ тутъ же сообщаетъ (Ипатьевская лѣтопись), что Анбалъ былъ родомъ „ясинъ", т. е., по мнѣнію историка Костомарова—кавказецъ, а по Карамзину—болгаринъ. Слово „жидовине", какъ видно, имѣетъ въ данномъ случаѣ значеніе предателя. Мы видимъ, что въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ упрекаетъ псковичей: „аще забудете Александра Ярославича... уподобистеся Жидомъ... наречетеся вторая Жидова". Историкъ Соловьевъ не считаетъ Анбала евреемъ.

во полонъ Вавилонскій" [1]). О присутствіи евреевъ въ Новгородской области можно заключить изъ того обстоятельства, что когда въ 1445 г. въ Новгородѣ разразился голодъ, то многіе ушли въ Литву и къ нѣмцамъ, а другіе къ басурманамъ „и Жидомъ изъ хлѣба даяхуся гостемъ" [2]).

Извѣстія, случайно дошедшія до насъ, въ своей совокупности позволяютъ думать, что евреи вообще не переставали на протяженіи вѣковъ появляться на Руси. Но всегда ли и во всѣхъ ли областяхъ они пользовались свободнымъ доступомъ, — это трудно сказать. Въ ту пору каждое княжество имѣло свои законы, а слѣдовательно и отношеніе къ евреямъ могло опредѣляться мѣстными обстоятельствами [3]).

Въ иныхъ условіяхъ оказались евреи, когда государственная власть сосредоточилась въ Москвѣ, когда здѣсь стали издаваться законы, обязательные для всей Руси.

1) Полн. собраніе русск. лѣтописей, т. II, стр. 220.

2) Тамъ же, т. VI, стр. 124. Имѣются варіанты этого сообщенія, напр., „и Жидомъ дающеся ис хлѣба и инымъ гостемь" (тамъ же, т. III, стр. 240 и примѣч.; т. XVI, стр. 187).

3) Подъ 1321 г. лѣтописецъ сообщаетъ, что въ Кашинъ пріѣхалъ отъ хана „татаринъ съ жидовиномъ должникомъ, много тягости учинилъ Кашину" (Полн. собр. русск. лѣтописей, т. XV, стр. 414). О возможномъ существованіи еврейскаго населенія въ верховьяхъ Волги говоритъ наименованіе „Жидоморское городище" въ Тверской области, упоминаемое во второй половинѣ шестнадцатаго вѣка (Акты московскаго государства, СПБ., 1890 г., т. I, стр. 11, 27).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Отношеніе московскаго государства къ иноземцамъ. — Ересь жидовствующихъ и еврей Схарія. — Сношенія великаго князя Ивана III съ двумя вліятельными крымскими евреями. — Пріѣзды еврейскихъ купцовъ въ Москву подъ защитой польскаго правительства. — Жестокое обращеніе царя Ивана Грознаго съ плѣнными евреями. — Смутное время. — Михаилъ Феодоровичъ Романовъ: благопріятное отношеніе къ плѣннымъ евреямъ; появленіе въ Москвѣ осѣдлаго еврейскаго населенія. — Московскій дворъ пользуется услугами еврейскихъ купцовъ. — Въ концѣ семнадцатаго вѣка доступъ въ Москву затрудняется евреямъ. — Жертвы стрѣлецкаго бунта.

Мы видѣли, что Кіевская Русь въ теченіе вѣковъ была открыта — по крайней мѣрѣ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ — для чужеземцевъ. Московское же государство жило замкнуто; охраняя православную вѣру, патріархальный бытъ отъ вліянія извнѣ, оно оберегало народъ отъ соприкосновенія съ иноземцами, а потому рѣдко отпускало русскихъ людей за рубежъ и неохотно принимало у себя иноземцевъ. Иностранцевъ боялись какъ возможныхъ шпіоновъ и какъ насадителей безбожныхъ обычаевъ. Католики и лютеране почитались еретиками. Торговый же людъ видѣлъ въ иноземцахъ нежелательныхъ конкурентовъ. И когда въ интересахъ торговли правительство дѣлало исключенія для чужестранныхъ купцовъ и открывало имъ доступъ въ страну, московскіе торговые люди въ заботѣ о своемъ заработкѣ выражали недовольство по поводу появленія этихъ конкурентовъ, и правительство снова принимало мѣры, чтобы по возможности оградить страну отъ пришельцевъ. Нерѣдко случалось, что ихъ просто изгоняли.

Иноземцы не могли разсчитывать на прочную осѣдлость. Ихъ терпѣли только какъ гостей.

Если купцы, пользовавшіеся, сравнительно съ другими иноземцами, болѣе свободнымъ доступомъ въ московское государство и могли пріѣзжать безъ особаго разрѣшенія въ пограничные города, то все же внутри государства, преимущественно въ Москвѣ, которая стала къ тому времени „самымъ крупнымъ торговымъ центромъ Руси и сконцентрировала въ своихъ стѣнахъ торговое оживленіе, распро-

странявшееся на все обширное царство“ [1]), торговая дѣятельность иностранцевъ подвергалась цѣлому ряду ограниченій и допускалась не иначе, какъ съ особаго каждый разъ дозволенія. При этомъ чужеземнымъ купцамъ не разрѣшалось здѣсь надолго водворяться. Торговля съ иностранцами носила ярморочный характеръ,—по окончаніи торга они должны были уѣзжать прочь. Купцы изъ восточныхъ странъ могли оставаться въ странѣ не болѣе года, а для западно-европейскихъ гостей былъ установленъ еще меньшій срокъ. Вопреки этимъ постановленіямъ, нарушеніе которыхъ влекло за собою кару, случалось, что иностранцы подолгу живали въ Россіи, занимаясь торговлей, „но такое проживаніе было фактомъ, а не правомъ“ [2]).

Разрѣшенія на пріѣздъ въ Москву давались подданнымъ опредѣленныхъ государствъ, купцамъ извѣстнаго города, торговымъ компаніямъ и отдѣльнымъ лицамъ: то одни, то другіе получали право пріѣзда, то одни, то другіе лишались его. Вообще, особенно въ 17 вѣкѣ, считалось необходимымъ ограничить торговлю иностранцевъ одними порубежными городами, при чемъ запрещалось ѣздить по селеніямъ. Случалось, что даже при наличности торговаго договора, предоставлявшаго подданнымъ даннаго государства право торговли, послѣднихъ останавливали въ пути и не пропускали въ Москву. Иногда точно устанавливалось число лицъ, которыя изъ даннаго государства могли одновременно торговать въ Московскомъ государствѣ (по два—три, пять—шесть человѣкъ). Правительство старалось, насколько возможно, ограничивать право торговли въ Москвѣ, а о другихъ городахъ заботились, какъ видно, мѣстные торговые люди—иностранцамъ отказывали въ правѣ пріѣзда, „потому что государевымъ людямъ отъ того будетъ тѣснота и большіе убытки“ [3]).

Среди коренного русскаго населенія было много торговцевъ; по словамъ иностранцевъ, русское общество, „отъ большихъ до малыхъ, чрезвычайно любило торговлю“, при чемъ торговля не прекращалась и по праздникамъ. Самъ „московскій царь былъ первымъ купцомъ въ своемъ государствѣ“ [4]). Малое знакомство съ условіями торговли, недовѣріе къ собственнымъ силамъ и чужой добросовѣстности заставляли русскаго купца „обманомъ предупредить обманъ“; „продажа и обманъ тѣсно слились съ представленіемъ

---

[1]) М. Довнаръ-Запольскій, Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII вѣковъ (Москва, 1910 г.).

[2]) А. С. Мулюкинъ, Пріѣздъ иностранцевъ въ Московское государство (СПБ. 1909 г.), стр. 58—62.

[3]) Тамъ-же, стр. 206.

[4]) М. Довнаръ-Запольскій.

московскаго купца“ [1]). Противодѣйствіе, которое встрѣчали иностранцы въ Россіи, и вызывалось домогательствомъ русскихъ купцовъ. Даже иностранные купцы, которымъ удалось получить отъ московскаго правительства извѣстныя торговыя привилегіи, хлопотали объ изгнаніи иностранцевъ-конкурентовъ [2]). „Если бы не постоянныя усилія и находчивость иностранцевъ, добивавшихся внутренней торговли, то русское купечество добилось бы, съ помощью правительства, ограниченія иностранной торговли одними порубежными городами“. Съ трудомъ допущенные въ страну, иностранцы должны были жить въ особыхъ частяхъ города или даже за городомъ; они обязывались носить свою одежду, отличную отъ русской, дабы ихъ не принимали за русскихъ. Домашнія помѣщенія иностранцевъ, ихъ яства и питья считались запретными для русскихъ [3]).

Въ этихъ условіяхъ и евреи не могли разсчитывать въ московской Руси на гостепріимство [4]).

Въ концѣ 1470 г. свободный Новгородъ, въ виду притязаній на него московскаго князя, упросилъ польскаго короля Казиміра IV прислать, какъ угрозу для Москвы, князя Михаила Александровича, или Олельковича, брата польскаго намѣстника въ Кіевѣ. Въ Новгородѣ возникли смуты,—боролись двѣ партіи: литовская и московская. Но Олельковичъ, представлявшій литовскую партію, не сталъ дожидаться развязки и удалился изъ Новгорода (15 марта 1471 г.), а потомъ Новгородъ подпалъ власти Москвы. Этотъ эпизодъ, по существу совершенно не связанный съ какими-либо религіозными моментами, привелъ, однако, если вѣрить лѣтописному сообщенію, къ распространенію въ Новгородѣ, а вслѣдъ затѣмъ и въ Москвѣ, жидовствующей ереси.

Вмѣстѣ съ Олельковичемъ прибылъ въ Новгородъ „кіевскій еврей Схарія“, о которомъ говорили, что онъ изучилъ астрологію, чернокнижіе и всякія чародѣйства; появились изъ Литвы и другіе евреи—извѣстны имена: Іосифъ, Шмойла, Скарявей (Скаряей),

---

[1]) Костомаровъ, Очеркъ торговли московскаго государства въ XVI и XVII в.в. (изд. II, 1889), стр. 2, 100, 153.—М. Довнаръ-Запольскій, стр. 22.

[2]) Костомаровъ, стр. 23. Англичане старались вытѣснить окончательно голландцевъ, фламандцевъ и нѣмцевъ.

[3]) Мулюкинъ, Пріѣздъ иностранцевъ.

[4]) Я останавливаюсь на „московскомъ періодѣ“ дольше, чѣмъ быть можетъ слѣдовало бы, такъ какъ до сихъ поръ онъ почти вовсе не подвергался разработкѣ въ нашей исторической литературѣ.

Настоящая глава, здѣсь дополненная, была напечатана въ Еврейской Старинѣ за 1915 г.

Моисей и Ханушъ [1]). Быть можетъ, Схарія выполнялъ кое-какія политическія, или вѣрнѣе финансовыя порученія, остальныхъ же евреевъ сюда, несомнѣнно, привлекли торговыя цѣли. Какъ видно, всѣ они оставались здѣсь короткое время, но память о нихъ сохранилась надолго, и именно потому, что лѣтописецъ связалъ съ ними фактъ распространенія ереси жидовствующихъ, видными дѣятелями которой явились два новгородскихъ священника.

Схарію и остальныхъ называютъ насадителями ереси: „Отселѣ почала быти въ Новѣгородѣ отъ жидовина Схарія ересь“ гласитъ лѣтопись, а затѣмъ прибавляетъ: „Того же мѣсяца въ 8 день пріѣхалъ въ Новгородъ на столъ князь Михаилъ Олельковичъ“ [2]). Болѣе подробно говоритъ рукопись шестнадцатаго вѣка: „былъ въ Новгородѣ князь Михаилъ Олельковичъ изъ Литвы, а съ нимъ жидове торгомъ“ и поясняетъ, что евреи соединили вокругъ себя большое общество изъ духовныхъ лицъ и гражданъ, которые и учились у нихъ волшебнымъ книгамъ [3]).

Извѣстныя группы русскихъ людей уже ранѣе находились подъ вліяніемъ религіознаго броженія, которое и привело къ возникновенію ереси, но весьма возможно, что евреи, прибывшіе съ Схаріей въ Новгородъ, вѣроятно, безъ предвзятой цѣли, ознакомили мѣстныхъ людей съ еврейскимъ вѣроученіемъ и этимъ придали извѣстную окраску ереси; но извѣстно, что они не принимали никакого участія въ развитіи религіознаго движенія — „жидъ Схарія и другіе пришедшіе было на помощь ему жиды совершенно исчезаютъ изъ исторіи секты“ [4]), говоритъ авторъ, принимающій на вѣру лѣтописное сказаніе. Правда, евреи, появившіеся въ Новгородѣ, вошли, прежде всего, въ сношенія съ мѣстнымъ духовенствомъ, но это было вызвано ихъ торговой дѣятельностью, такъ какъ въ Новгородѣ завѣдываніе мѣрами и вѣсами было сосредоточено въ рукахъ духовенства [5]).

Хотя сектанты тайно слѣдовали новому ученію, московскій великій князь Иванъ III зналъ о существованіи ереси, и нѣкоторые сектанты изъ среды духовенства пользовались одно время его особымъ

[1]) Быть можетъ первыя три имени принадлежать одному лицу, а послѣднія два—другому. См. Іосифъ, игуменъ Волоцкій, Просвѣтитель или обличеніе ереси жидовствующихъ (Православной собесѣдникъ, 1855 г., приложеніе).

[2]) Полн. собр. русскихъ лѣтописей, т. IV, 235.

[3]) Пановъ, Ересь жидовствующихъ. Журналъ мин. нар. просвѣщенія, 1877 г., ч. 189, стр. 1—15. Схарія въ памятникахъ называется Скаргіна, Схоргіна, Схарина, Скарій, Схарія (тамъ же, стр. 9).

[4]) Е. Голубинскій, Исторія русской церкви (М. 1900), т. II, стр. 561.

[5]) Пановъ, стр. 15.—Приписываемый крещеному еврею Θеодору „Псалтырь“ Пановъ считаетъ замаскированнымъ молитвенникомъ жидовствующихъ. См. Регесты и надписи, № 192.

расположенiемъ. Ересь проникла даже въ великокняжескую семью. Правда, ревнители православiя вскорѣ убѣдили великаго князя въ необходимости бороться съ сектантскимъ движенiемъ. Но уже тотъ фактъ, что эта ересь, по самому существу своему, въ отличiе отъ другихъ христiанскихъ сектъ, носившая „жидовскiй“ характеръ, успѣшно распространилась, свидѣтельствуетъ до нѣкоторой степени, что русскiе люди того времени еще не знали специфическихъ предразсудковъ противъ евреевъ. Еврей, въ глазахъ москвичей, ничѣмъ не отличался отъ всѣхъ прочихъ столь нелюбимыхъ иновѣрцевъ. Это подтверждается и сношенiями московскаго великаго князя Ивана III съ двумя крымскими евреями, изъ коихъ одинъ былъ, быть можетъ, тотъ самый Схарiя, которому приписывалось насажденiе ереси.

Во внѣшней политикѣ Ивана III важными моментами являлись отношенiя Москвы къ Литвѣ, Золотой Ордѣ и Турцiи. Казимiръ Литовскiй, у котораго Новгородъ просилъ помощи въ борьбѣ съ Москвою, задумалъ двинуть въ московское государство хана Золотой Орды Ахмата (Ахмедъ). Походъ Ахмата 1472 г. оказался неудачнымъ; но московскому князю этого было мало: ему надо было имѣть дружественную силу, которая парализовала бы въ будущемъ литовско-татарскiй союзъ; съ этой-то цѣлью Иванъ III старался сблизиться съ ханомъ Крымской (Большой) Орды, Менгли-Гиреемъ, недружелюбно относившимся къ Ахмату. Одинъ изъ младшихъ сыновей основателя крымскаго ханства, Хаджи-Гирея, Менгли-Гирей добился престола благодаря, между прочимъ, содѣйствiю генуэзской колонiи въ Кафѣ (Ѳеодосiя), въ которой татарамъ принадлежала видная роль. Татары же явились посредниками между московскимъ княземъ и Менгли-Гиреемъ. Но наряду съ ними выдвинулся и еврей, устроившiй между Москвой и Менгли-Гиреемъ дипломатическiя сношенiя [1]). Въ Кафѣ евреи занимали замѣтное положенiе въ торговлѣ; уставъ колонiи, изданный въ Генуѣ въ 1449 г., охранялъ евреевъ, наравнѣ съ греками и другими, отъ притѣсненiй епископа; консулу и Совѣту старѣйшинъ было вмѣнено въ обязанность энергично защищать ихъ [2]). При такихъ условiяхъ отдѣльные евреи могли достигать влiятельнаго положенiя, и, дѣйствительно, мы видимъ, что въ это время два еврея выдвигаются здѣсь въ качествѣ государственныхъ дѣятелей, и съ ними обоими поддерживаетъ сношенiя великiй князь

---

[1]) В. Смирновъ, Крымское ханство (СПБ., 1887 г.), стр. 245—55.

[2]) Въ 1455 г. нѣкоторые евреи изъ Кафы обратились въ правленiе Банка Св. Георгiя, которому Генуэзская республика уступила свои черноморскiя колонiи, съ просьбой оставить на должности начальника полицiи капитана Бона-вентура. См. Еврейская Старина, 1912 г. вып. I, стр. 66—69 (сообщенiе Г. Хокера).

Иванъ III. Одинъ изъ нихъ—богатый [1]) Хоза Кокосъ, пользовавшійся „непосредственной довѣренностью кафинскаго князя Ягупа и царя Менгли-Гирея“ [2]).

Въ 1472 г. (1473 г.) великій князь послалъ въ Кафу „челобитную грамоту“, поручая особымъ письмомъ Кокосу передать ее крымскому хану и приложить усилія къ тому, чтобы ханъ согласился на заключеніе оборонительнаго и наступательнаго союза съ московскимъ государствомъ. Кокосъ донесъ о своихъ шагахъ великому князю письмомъ на еврейскомъ языкѣ, каковое было доставлено въ Москву шуриномъ Кокоса, Исупомъ. Повидимому, свѣдѣнія, сообщенныя Кокосомъ, подавали надежду на успѣхъ, и великій князь посылаетъ въ Кафу толмача Иванчу Бѣлаго съ порученіемъ къ Кокосу „дѣлать дѣло до конца“, и опять отвѣтное письмо Кокоса было написано на еврейскомъ языкѣ.

Когда въ 1474 г. къ Менгли-Гирею отправилось отъ великаго князя Ивана III посольство съ бояриномъ Никитой Беклемишевымъ во главѣ, послу было предписано: заѣхать въ Кафу, передать Хозѣ Кокосу поклонъ великаго князя и вѣрительную грамоту, гдѣ сказано, что шуринъ Кокоса, Исупъ, былъ у великаго князя и передалъ ему письмо, которымъ Кокосъ увѣдомлялъ, что дѣятельно исполняетъ порученіе великаго князя сблизить его съ царемъ Менгли-Гиреемъ и выхлопотать для него ярлыкъ [3]); для этихъ хлопотъ великій князь направилъ къ Кокосу толмача; но Менгли-Гирей послалъ великому князю только увѣренія въ дружбѣ, а „ярлыкъ докончалный“ лишь обѣщалъ; великій князь проситъ Кокоса по прежнему помогать его людямъ, обѣщая ему, въ случаѣ успѣха, „свое жалованіе“; посылаемые же теперь скромные подарки объясняются тѣмъ, что посолъ ѣхалъ на-легкѣ. Беклемишеву было также поручено молвить Кокосу: если Кокосу нужно будетъ послать великому князю грамоту о какихъ-либо дѣлахъ,—„онъ бы жидовскимъ письмомъ грамотъ бы не писалъ, а писалъ бы грамоты русскимъ письмомъ или бесерменскимъ“. Далѣе Кокосу указывалось, что представленный имъ счетъ по

[1]) Braun, Die letzten Schicksale der Krimgoten (1890), стр. 35.

[2]) А. Малиновскій, Историч. и дипломатич. собраніе дѣлъ, происходившихъ между Росс. великими князьями и бывшими въ Крымѣ татарскими царями съ 1462 по 1533 г. (составлено въ 1793 г.). Записки Одесскаго общества исторіи и древностей, т. V.

[3]) Сборникъ Импер. русск. истор. общества, т. XLI. Памятники дипломатич. сношеній Россіи съ Крымскою и Ногайскою ордами и съ Турціею. Стр. 6—9. См. также А. Малиновскій, Истор. и дипломат. собраніе дѣлъ (подъ 1474 г.).

В. Огородниковъ, Иванъ III и зарубежные евреи. Сборникъ статей въ честь Д. Корсакова (Казань, 1912—1913). Настоящее мое изслѣдованіе было написано до появленія работы В. Огородникова.

выкупу русскихъ плѣнныхъ чрезмѣренъ, а въ заключеніе Кокоса просили оберегать русскихъ купцовъ отъ грабежа.

Посольство, отправленное къ Менгли-Гирею въ 1475 г., также не обошлось безъ услугъ Кокоса. Въ ту пору въ Крыму существовало Мангупское (Манкупское) княжество, въ концѣ того же года уничтоженное турками, состоявшее изъ остатковъ нѣкогда господствовавшихъ здѣсь готовъ. Князь Мангупскій Исайка имѣлъ въ виду выдать свою дочь замужъ за сына великаго князя; русскій посолъ долженъ былъ просить Кокоса отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ Исайкѣ, чтобы переговорить объ этомъ дѣлѣ [1]); между прочимъ, Кокосу было поручено узнать о приданомъ дочери Мангупскаго князя.

Въ 1475 г. Менгли-Гирей сталъ турецкимъ вассаломъ, но и при новыхъ политическихъ условіяхъ Кокосъ не утратилъ своего вліянія. Еще въ 1486 г. Иванъ III поручаетъ своему послу: „да молвити Кокосю жидовину отъ великаго князя... какъ еси напередъ того намъ служилъ и добра нашего смотрѣлъ, и ты бы и нынѣ служилъ намъ; а мы ажъ дастъ Богъ хотимъ тебя жаловати“ [2]). Кокосу поручается купить для великаго князя драгоцѣнные камни, причемъ обѣщается не только хорошая цѣна, но и „жалованіе“ [3]).

Эта многолѣтняя переписка между великимъ княземъ и Кокосомъ пріобрѣтаетъ особый интересъ, если вспомнить, какъ высокомѣренъ былъ великій князь въ сношеніяхъ съ сильными міра сего. „Гордый своимъ царственнымъ достоинствомъ и родственными связями съ византійскимъ императорскимъ домомъ, Иванъ III совсѣмъ инымъ является въ сношеніяхъ съ едва замѣтнымъ, но весьма нужнымъ и полезнымъ ему кафинскимъ евреемъ. Недосягаемо высокій на Москвѣ и требовавшій къ себѣ безпрекословнаго повиновенія и преклоненія, онъ снисходилъ до передачи Кокосу поклоновъ и извиненій за недостаточность поминковъ, посланныхъ ему“ [4]). Все это объясняется, повидимому, тѣмъ, что московскому князю была крайне необходима „дружба“ крымскаго хана, и несомнѣнно, что именно Хоза Кокосъ добился добрососѣдскихъ отношеній между ханомъ и московскимъ государствомъ.

Другимъ евреемъ, съ которымъ имѣлъ сношенія—и притомъ болѣе близкія—великій князь, былъ „таманскій князь“ Захарья Скарья, игравшій въ Крыму, повидимому, большую роль, чѣмъ Кокосъ.

---

[1]) Сборникъ Импер. русск. истор. общества, т. XLI, стр. 12.

[2]) Тамъ же, стр. 50.

[3]) Тамъ же, стр. 40.

[4]) В. Огородниковъ, Иванъ III и зарубежные евреи. Авторъ сообщаетъ, что Кокосъ „великому князю дружбу свою чинилъ“, за что и удостоился отъ него новаго поклона. Но это относится не къ Кокосу, а къ мангупскому князю Исайкѣ.

Таманскій полуостровъ составляетъ крайнюю западную оконечность Кавказа, усѣянную озерами, лиманами и заливами. Въ 1419 г. генуэзскій еврей Симеонъ де Гвизольфи, женившись на княжнѣ Бихаханимъ, сталъ, подъ покровительствомъ генуэзской республики, владѣтелемъ Таманскаго полуострова. Его потомокъ Захарія де Гвизольфи подвергся нападенію турокъ. Онъ долженъ былъ бѣжать со своими подданными черкесами на островъ Матрицу. Въ 1482 г. Захарія просилъ директоровъ генуэзскаго банка оказать ему матеріальную поддержку для борьбы съ турками. Онъ сообщалъ также директорамъ, что по пути къ нимъ былъ ограбленъ валахскимъ воеводой Стефаномъ, предлагающимъ ему теперь замокъ, но Захарія—какъ онъ писалъ – слишкомъ любитъ свою страну и республику и потому будетъ ждать, не поможетъ ли ему счастливый случай; но если ему не окажутъ поддержки, онъ пойдетъ въ Валахію вмѣстѣ съ другими людьми [1]).

Въ это, приблизительно, время и возникаетъ переписка между Скаріей и великимъ княземъ. Скарія, не извѣстно въ точности по какимъ побужденіямъ, хотѣлъ прибыть въ Москву и отдаться подъ покровительство великаго князя, и это намѣреніе было встрѣчено сочувственно. Князь Ноздроватый, посланный въ 1484 г. къ Менгли-Гирею, имѣлъ грамоту отъ 14 марта „къ Захарьѣ къ Скарьѣ, къ жидовину". Снабженная „золотой печатью", служившей выраженіемъ особаго благоволенія, она гласила: „Божіею милостью, великій осподарь Русскія земли, велики князь Иванъ Васильевичъ, царь всеа Руси... Захарьѣ Евреянину. Писалъ къ намъ еси съ нашимъ гостемъ Гавриломъ съ Петровымъ о томъ, чтобы ти у насъ быти. И ты бы къ намъ поѣхалъ. А будешь у насъ, наше жалованіе къ собѣ увидишь. А похочешь намъ служити, и мы тебя жаловати хотимъ, а не похочешь у насъ быти, а восхочешь отъ насъ опять въ свою землю поѣхати, и мы тебя отпустимъ добровольно, не издержавъ" [2]).

Эта грамота не застала Скаріи,—онъ былъ въ ту пору „за моремъ", и грамота была возвращена въ Москву.

Однако, Скарія не хотѣлъ разстаться со своими мечтами о Москвѣ. Судьба его преслѣдовала, и Москва представлялась ему уголкомъ, гдѣ онъ обрѣтетъ покой. Пользуясь, повидимому, оказіями, онъ дважды писалъ великому князю о своемъ желаніи пріѣхать въ Москву. И на то посланіе, которое было привезено

---

[1]) R. Loewe, Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere (Halle, 1896), стр. 42 и слѣд., 86, 90.

[2]) Сборникъ Имп. русск. истор. общества, т. XLI, стр. 40—41. См. также Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, хранящихся въ коллегіи иностр. дѣлъ (М. 1813—1828 г.г.), ч. II, № 20.

„человѣкомъ“ великаго князя, Сенькою Хозниковымъ, великій князь отвѣтилъ (18 Октября 1487 г.) грамотой (тождественной съ предыдущей), которую и отвезли ему подъячій Митя Нардуковъ и бояринъ Дмитрій Шеинъ [1]). Но Скарія былъ нетерпѣливъ. Не дожидаясь отвѣта, онъ поторопился напомнить о себѣ. Уже вскорѣ новая „грамота латынскимъ письмомъ пришла съ Богданомъ съ армяниномъ отъ таманскаго князя отъ Захарьи“, за подписью: Захарья Гуилъ Гурсисъ (по другому варіанту: Захарья Гуйгурсисъ). Въ этомъ посланіи [2]) Скарія сообщалъ, что онъ пустился было въ путь въ Москву, но по дорогѣ воевода Стефанъ ограбилъ и едва не замучилъ его. Теперь онъ снова выражаетъ желаніе пріѣхать на службу къ великому князю со всѣмъ домомъ или же пока одинъ съ „нѣкими малыми людьми“, какъ захочетъ князь; при этомъ Скарія завѣряетъ великаго князя въ своей готовности быть ему полезнымъ въ Черноморскихъ странахъ, гдѣ Скарія, какъ видно, чувствовалъ себя сильнымъ, вліятельнымъ лицомъ,—„а о всемъ, его же взмогу надобьѣ осподарстьвію твоему по сѣмъ странамъ, есмь въ твоемъ приказѣ, аки твой истинной слуга въ всѣхъ твоихъ“. Для безопасности въ пути Скарія проситъ прислать проводника. Великій князь въ отвѣтъ послалъ чрезъ того же армянина „Захарьѣ, князю Таманскому“ грамоту, въ которой [3]) вновь писалъ: „и ты бы къ намъ поѣхалъ служити, а мы, ажъ дастъ Богъ, хотимъ тебя жаловати“.

Одновременно великій князь извѣстилъ посла Дмитрія Шеина о приглашеніи Скаріи въ Москву, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о томъ, что Менгли-Гирею послана грамота съ просьбой послать въ Черкассы двухъ человѣкъ, знающихъ дорогу въ Москву, чтобы проводить Захарью къ великому князю. Кромѣ того, Шеину было приказано послать княжескаго татарина, „котораго пригоже“, дабы и онъ сопровождалъ Захарью [4]).

Но и на этотъ разъ пріѣздъ Захарьи не состоялся по какимъ-то невѣдомымъ обстоятельствамъ. Тогда были приняты новыя мѣры. Въ сентябрѣ 1489 г. къ Захарьѣ былъ посланъ съ гра-

[1]) Сборникъ Имп. русск. истор. общества, т. XLI, стр. 71. См. также Записки Одесскаго общества исторіи и древностей, т. V, стр. 272. Одно письмо къ великому князю Скарія послалъ изъ Копаріо (вблизи Таманскаго полуострова), другое изъ Кафы.

[2]) Отъ 8 іюня 1487 г. изъ Копаріо. Сборникъ И. Р. И. О., стр. 72.—Записки Одесск. об-ва, стр. 273.

[3]) 18 марта 1488 г. Сборникъ И. Р. И. О., стр. 72—73. Записки Одесск. об-ва, стр. 274.

[4]) Сборникъ И. Р. И. О., стр. 73. При подлинникѣ на особомъ листкѣ написано: „Съ сего списка посольственнаго отправлена копія въ Высокій Кабинетъ при доношеніи ассесора Семена Иванова, Декабря 13 дня 1739 г.“.

мотою великаго князя москвитинъ Мичюра Домановъ и селянинъ Данилко изъ Кафы, а татарину, которому прежде было поручено сопровождать Захарью, и людямъ Менгли-Гирея это осталось неизвѣстнымъ. Доманову было приказано передать Захарьѣ также словесно приглашенiе прiѣхать въ Москву и условиться о встрѣчѣ съ людьми, которые будутъ посланы за нимъ весною, у устья Мiюша и на Тайганѣ [1]). Но дѣло не наладилось; посолъ князь Ромодановскiй сообщилъ въ 1491 г. великому князю, что Захарьѣ пришлось отложить свой прiѣздъ изъ-за нерасторопности Доманова и что Менгли-Гирей не берется проводить Захарiю, опасаясь султанскаго гнѣва [2]). Къ тому же „Захарья тяжелъ, семья велика, подниматися ему надобе тяжело". Взялъ бы Менгли-Гирей Захарью къ себѣ, изъ дружбы къ великому князю, да не рѣшается, опасаясь турецкаго султана, такъ какъ „Турьскому Захарья великiй грубникъ" [3]). Возможно, что великiй князь оказалъ въ этомъ отношенiи воздѣйствiе—извѣстно, что въ 1500 г. Захарья состоялъ на службѣ у Менгли-Гирея; въ этомъ году великiй князь вновь пригласилъ къ себѣ Захарью, при чемъ боярину Кубенскому было поручено—если этого пожелаетъ Захарья—просить Менгли-Гирея отпустить его отъ себя, въ противномъ же случаѣ ничего не говорить Менгли-Гирею [4]).

Трудно сказать, что именно—не соображенiя ли политическаго характера?—побуждало московскаго великаго князя звать Захарью къ себѣ на службу. Но каковы бы ни были обстоятельства, связывавшiя великаго князя съ нимъ, эти многолѣтнiя сношенiя представляютъ тѣмъ большiй интересъ, что Скарiя—Захарья, котораго современники считали родоначальникомъ ереси жидовствующей, долженъ былъ быть особенно непрiятенъ правовѣрнымъ москвичамъ. Тожественность Скарiи, прибывшаго съ Олельковичемъ въ Новгородъ, и крымскаго Скарiи—Захарьи подтверждается „посланiемъ" инока Саввы „на жидовъ и на еретики" [5]), адресованнымъ тому боярину Дмитрiю Шеину, заподозрѣнному въ ереси, которому великiй князь поручилъ передать грамоту Захарьѣ въ Крыму. Воздавъ боярину должное за его добрыя дѣла, инокъ Савва, однако, замѣчаетъ о богопротивныхъ жидовствующихъ: „Аще человѣкъ будетъ добръ всѣми добродѣтелями и примѣситъ къ нимъ мало

---

[1]) Сборникъ Имп. русск. ист. общества, т. XLI, стр. 77.

[2]) А. М. Малиновскiй, Историческое и дипломатическое собранiе дѣлъ Записки Одесск. об-ва т. V, стр. 209.

[3]) Сборникъ И. Р. И. О., т. XLI, стр. 114.

[4]) Тамъ же, стр. 309.

[5]) Голубинскiй, Исторiя русской церкви, т. II, стр. 889. Уже ранѣе на идентичность этихъ лицъ указалъ Пановъ въ цитированномъ сочиненiи.

нѣчто жидовскаго сѣмени, ино то все его житье не потребно передъ Богомъ и человѣки, и Богъ не стерпитъ ему и обличитъ его, яко же и новгородскихъ поповъ, ученіе жидовское пріимшихъ". И опасаясь, что общеніе съ Захаріей толкнетъ боярина къ ереси, инокъ добавляетъ: „И ты господине Дмитрій, коли былъ еси посломъ и говорилъ еси съ тѣмъ жидовиномъ съ Захаріею Скарою. И я, господине Дмитрій, молюся тебѣ: что если отъ него слышалъ словеса добры или худы, то пожалуй, господине, отложи ихъ отъ сердца твоего и отъ устъ твоихъ" [1]).

Посланіе было написано (1496 г.) въ то время, когда ересь жидовствующихъ, несмотря на постановленія собора 1490 г., стала быстро распространяться въ Москвѣ. Нельзя допустить, чтобы великій князь считалъ Скарію распространителемъ жидовской ереси,—въ этомъ случаѣ онъ бы не звалъ его къ себѣ въ 1500 г., т.-е. тогда, когда сектанты уже подвергались гоненію. Но, повидимому, общественное положеніе Скаріи было столь исключительное для еврея, что лѣтописцы, не проникая въ скрытыя причины успѣха ереси, приписали Скаріи возникновеніе новаго ученія [2]).

Если въ глазахъ Саввы, посвятившаго себя монастырскому подвижничеству, общеніе съ евреями угрожало религіознымъ убѣжденіямъ русскаго народа, то люди живой дѣятельности не предвидѣли ничего дурного отъ сношенія съ евреями.

Во всякомъ случаѣ, многократное приглашеніе еврея, которому приписывалось распространеніе ереси жидовствующихъ, на службу, говоритъ о томъ, что въ Москвѣ въ то время не питали исключительной непріязни къ евреямъ.

---

[1]) Чтеніе въ Имп. обществѣ истор. и древн. Россіи, 1902 г. кн. III (см. введеніе Бѣлокурова).

[2]) Голубинскій (стр. 889) говоритъ, что „Скара, если прособирался до 1490 г., когда былъ въ Москвѣ соборъ на жидовствующихъ, конечно, отложилъ свое намѣреніе переселиться въ нее". Однако, великій князь поддерживалъ съ нимъ сношенія и въ 1500 г.

Слѣдуетъ отмѣтить, что тождественность матрегскаго (таманскаго) владѣтеля Захаріи Гуизольфи, такъ называемаго родоначальника ереси, Захаріи Скары, и Захаріи Гуилъ Гурсиса, который велъ переписку съ московскимъ великимъ княземъ, признается отнюдь не всѣми изслѣдователями. Такъ, Ф. К. Брунъ (О поселеніяхъ итальянскихъ въ Газаріи, 1872 г., стр. 21—23) говоритъ, что владѣтельный князь Гуизольфи былъ христіаниномъ и что онъ тождественъ съ Гурсисомъ, котораго приглашали пріѣхать въ Москву, а слѣдовательно, послѣдній тоже христіанинъ; именованіе его евреяниномъ—плодъ описки. На это В. Огородниковъ (въ цитир. работѣ) возражаетъ, что Гурсисъ названъ евреемъ не одинъ разъ, и что онъ фигурируетъ также подъ именемъ жидовина; къ тому же изъ посланія инока Саввы явствуетъ, что Гурсисъ былъ евреемъ; а изъ этого нужно заключить, что Захарія Гуизольфи и Захарія Гуилъ Гурсисъ были различныя лица. По сло-

Не лишне здѣсь замѣтить, что въ 1490 г. прибылъ въ Москву изъ Венеціи, среди разныхъ мастеровъ, врачъ еврей Леонъ (мистро Леонъ жидовинъ), которому и поручили лѣченіе сына великаго князя [1]).

И при слѣдующемъ великомъ князѣ, Василіи III (1505—1533 гг.), евреи встрѣчали гостепріимство въ Москвѣ, пріѣзжая сюда среди прочихъ купцовъ польско-литовскаго государства; право на пріѣздъ предоставлялось евреямъ общими договорами между Москвой и Польшей. Извѣстный дипломатъ Герберштейнъ [2]), посѣтившій въ то время (1517 и 1526 гг.) Москву съ цѣлью установить добрыя отношенія между великимъ княземъ и польскимъ королемъ, сообщаетъ, что не всякому купцу, кромѣ литовцевъ и поляковъ, а также торговыхъ людей, находящихся подъ ихъ властью, открытъ доступъ въ Москву—среди этихъ послѣднихъ, очевидно, и пріѣзжали евреи. О томъ, что евреи проживали въ государствѣ до Ивана Грознаго, можно заключить и изъ словъ иностранца Маржерета: „евреи нетерпимы со временъ Ивана Васильевича Мучителя". [3])

Насколько московское общество было въ то время далеко отъ недовольства евреями, видно изъ того, что русскій посолъ, прибывшій (1525 г.) въ резиденцію папы и долженствовавшій, въ силу особыхъ политическихъ условій, представить русскихъ людей въ глазахъ католиковъ хорошими христіанами, заявилъ итальянскому историку Іовію, будто евреевъ не впускаютъ въ предѣлы московскаго государства, „какъ весьма скверныхъ людей и зло-

---

вамъ В. Огородникова, Захарія Гуилъ Гурсисъ, богатый человѣкъ, велъ дѣла въ Крыму, по сѣверо-восточному побережью Чернаго моря и въ Предкавказьѣ. Особенно прочныя коммерческія связи онъ имѣлъ, повидимому, съ Таманью, „что, въ соединеніи съ его богатствомъ и вліятельнымъ положеніемъ, дало современникамъ поводъ усвоить ему почетное прозваніе князя таманскаго". Завоеваніе Кафы въ 1475 г. турками не отразилось на Гурсисѣ; его положеніе ухудшилось лишь тогда, когда султаномъ сталъ Баязетъ II, который, управляя Амазіей до вступленія на престолъ, имѣлъ столкновенія съ Гурсисомъ.

Съ другой стороны, В. Огородниковъ отрицаетъ тождественность Захаріи Гурсиса и родоначальника ереси Скаріи-Захаріи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ В. Огородниковъ указываетъ на фактъ, говорящій въ пользу тождественности этихъ лицъ, а именно, что дьякъ Өедоръ Курицынъ, примкнувшій къ ереси жидовствующихъ и имѣвшій большое вліяніе на великаго князя, принималъ дѣятельное участіе въ дипломатическихъ сношеніяхъ московскаго двора.

[1]) Леонъ ручался за жизнь больного, когда же послѣдній умеръ, Леона казнили. Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. I, стр. 1406—7.

[2]) Герберштейнъ, Записки о московскихъ дѣлахъ (Пет. 1908 г., изд. Суворина), стр. 90.

[3]) Сказанія современниковъ о Дмитріѣ Самозванцѣ, собранныя Устряловымъ (изд. III, 1859 г.), т. I, стр. 261.

дѣевъ, потому что тѣ еще недавно научили турокъ лить мѣдныя пушки“ [1]). Чтобы понять смыслъ этихъ словъ, надо имѣть въ виду то обстоятельство, что римская курія добивалась объединенія христіанскихъ государствъ, подъ главенствомъ папы, для изгнанія турокъ изъ Европы; однако, московское правительство не выражало готовности примкнуть къ подобному союзу [2]); это, конечно, могло вызвать представленіе, будто Москва поддерживаетъ турокъ, что интересы христіанскаго міра ей недороги; таковыя подозрѣнія и должна была разсѣять реплика посла: непріязнь къ евреямъ должна была явиться лучшимъ доказательствомъ того, что русскіе—добрые христіане [3]). Евреи, изгнанные изъ Испаніи и радушно принятые Турціей, дѣйствительно, научили турокъ изготовлять порохъ и лить пушки. Однако это не имѣло никакого отношенія къ евреямъ, пріѣзжавшимъ въ Москву. Посолъ сказалъ неправду, заявивъ, будто евреевъ не пускаютъ въ Москву. О томъ, что евреи имѣли въ то время доступъ въ московское государство, говорятъ и нѣкоторые позднѣйшіе офиціальные документы. Но характерно, что русскій посолъ ничего другого не могъ поставить въ упрекъ евреямъ, какъ то, что они усилили турокъ въ боевомъ отношеніи; сношенія русскихъ съ евреями, очевидно, не давали никакого повода для недовольства и жалобъ.

Рядъ актовъ свидѣтельствуетъ, что евреи не переставали появляться и даже водворяться въ русскомъ государствѣ. Рѣчь сперва идетъ, главнымъ образомъ, о евреяхъ Литвы, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ граничившей съ Московскимъ царствомъ; лишь позже мы встрѣчаемся съ польскими [4]) и другими евреями.

Литовскіе евреи, вступавшіе въ предѣлы русскаго государства, принадлежали къ двумъ категоріямъ—торговыхъ людей и военноплѣнныхъ.

Обмѣнъ товаровъ московскаго государства съ Литвой шелъ тремя путями—черезъ Псковъ, Новгородъ и Москву [5]). Вѣроятно,

---

[1]) Павелъ Іовій Новокомскій, Книга о московскомъ посольствѣ (Петр. 1908 г., изд. Суворина, вмѣстѣ съ сочиненіемъ Герберштейна), стр. 268. — Кн. Голицынъ (Исторія русск. законодат. о евреяхъ) ошибочно сообщаетъ, будто Іовій пріѣзжалъ въ Россію. Іовій написалъ книгу со словъ Дмитрія Герасимова.

[2]) М. Дьяконовъ, Власть московскихъ государей (1889 г.), стр. 79 и слѣд.

[3]) Такое мнѣніе высказываетъ и Н. Д. Градовскій, Отношенія къ евреямъ въ древней и современной Руси (Петр. 1891 г.), стр. 261—63.

[4]) Отмѣтимъ, что московскіе купцы встрѣчались съ евреями и за предѣлами русскаго государства—Герберштейнъ, говоря о Люблинской ярмаркѣ, передаетъ, что ее, наряду съ другими народностями, посѣщали московины и евреи (Записки о московскихъ дѣлахъ, стр. 221).

[5]) С. Платоновъ, Очерки по исторіи Смуты (изд. II, Петр. 1901 г.), 52—53.

евреи направлялись съ торгомъ на Псковъ и Новгородъ, но, во всякомъ случаѣ, они охотно пользовались дорогой на Москву, проходившей черезъ Красный, Смоленскъ, Дорогобужъ и Вязьму. Въ 16 вѣкѣ въ Москвѣ (на Срѣтенкѣ) былъ особый литовскій дворъ.

Московское правительство по-прежнему допускало къ себѣ иностранцевъ съ большой неохотой; случалось, что иностраннымъ купцамъ позволяли останавливаться только въ порубежныхъ городахъ, но не дальше; особенно охранялась въ этомъ отношеніи Москва; правительство нерѣдко подвергало гостей всяческимъ притѣсненіямъ, нарушало договоры, заключенные съ государствами или торговыми компаніями, что, конечно, приводило къ преслѣдованію тѣхъ русскихъ, которые появлялись за границей съ торговыми цѣлями. Яркой иллюстраціей въ этомъ отношеніи можетъ служить нижеслѣдующій фактъ: Иванъ III уничтожилъ въ Новгородѣ контору ганзейскихъ купцовъ, засадилъ ихъ въ тюрьму и конфисковалъ ихъ имущество, — тогда, въ отместку, въ Ревелѣ сожгли двухъ русскихъ купцовъ [1]).

Особенно часто московское правительство вступало въ конфликты съ Польшей.

Торговля Москвы съ Литвой и Польшей въ 16 и 17 вѣкахъ нарушалась безпрерывными войнами и постоянной враждой правительствъ; это отражалось не только на торговыхъ оборотахъ, но и на взаимномъ отношеніи между русскими и польско-литовскими купцами. „Положеніе купцовъ было не безопасно, когда были примѣры, что правительства, возобновивъ между собою едва потухающую вражду, задерживали купцовъ и конфисковали ихъ имущества... Въ промежутки, когда военныхъ дѣйствій между Литвою и Москвою не было, жители порубежныхъ земель безпрестанно дѣлали другъ на друга разбойничьи наѣзды, грабежи и раззоренія“. При такихъ условіяхъ купцы, пріѣзжавшіе изъ Польши и Литвы, не пользовались въ Москвѣ ни благосклоннымъ пріемомъ правительства, ни расположеніемъ народа [2]), и поэтому подвергались притѣсненіямъ. Когда около 1570 г. русскіе послы были задержаны въ Литвѣ, литовскіе купцы, прибывшіе въ то время въ Москву, были ограблены правительствомъ [3]).

Раздѣляя судьбу своихъ соотечественниковъ, литовскіе евреи, посѣщавшіе московское государство, испытывали всяческія стѣсненія. Евреи могли пріѣзжать въ московское государство въ силу

---

[1]) Костомаровъ, Очеркъ торговли, стр. 39.

[2]) Тамъ же, стр. 136—137.

[3]) А. Мулюкинъ, Очерки по исторіи юридическаго положенія иностранныхъ купцовъ въ Московскомъ государствѣ (Одесса, 1912 г.), стр. 72.

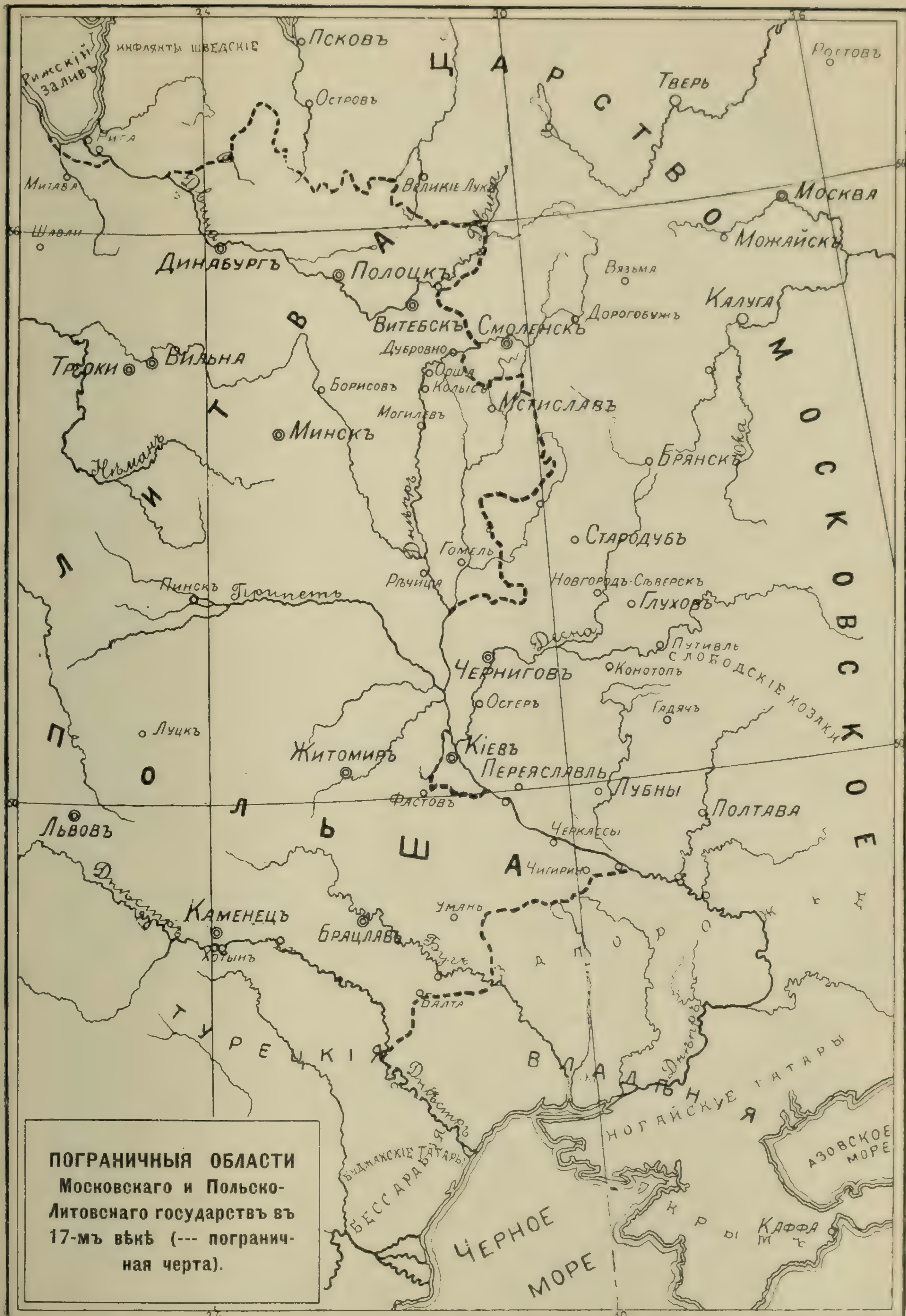
общихъ договоровъ между Россіей и Польшей [1]). Объ этомъ свидѣтельствуетъ посланіе короля Сигизмунда I къ великому князю Ивану Грозному по слѣдующему поводу. Двое бѣльскихъ евреевъ дали товаръ „ку вѣрной руцѣ“ смоленскому купцу. Когда евреи позже прибыли въ Смоленскъ, оказалось, что купецъ умеръ; наслѣдникъ же его не хотѣлъ разсчитаться съ евреями; смоленскій намѣстникъ обѣщалъ, что дѣло будетъ разобрано въ Москвѣ. Въ это время въ Москву отправился посолъ Сигизмунда: евреи рѣшили воспользоваться этимъ случаемъ и Сигизмундъ далъ имъ листъ на имя посла, чтобы онъ оказалъ имъ защиту. Евреи поспѣшили въ Москву, но здѣсь королевскій листъ былъ у нихъ отобранъ и никакого удовлетворенія они не получили. Когда же евреи вернулись въ Смоленскъ, одного изъ нихъ посадили въ тюрьму. Этотъ инцидентъ и побудилъ Сигизмунда обратиться (1539 г.) съ посланіемъ къ великому князю. Изложивъ обстоятельства дѣла, король просилъ великаго князя оказать евреямъ справедливость; онъ отмѣтилъ, что перемирныя грамоты предоставили „волно купцамъ на обѣ стороны ходити безъ жадное зачепки“. Въ заключеніе король напоминалъ о мирномъ договорѣ и крестномъ цѣлованіи. [2]).

Сохранилось извѣстіе и о другомъ подобномъ случаѣ въ годы правленія Ивана Грознаго. Однажды въ Москвѣ былъ сожженъ товаръ литовскихъ евреевъ. Польскій король заступился за нихъ, и великій князь, отправляя въ 1545 г. къ Сигизмунду Августу посла, поручилъ ему представить королю объясненія и по этому дѣлу, а именно, что товары были сожжены за то, что евреи привезли для продажи „мумею“, не смотря на запрещеніе имъ пріѣзжать въ Москву [3]). Евреи стали просить короля заступиться за нихъ. Сигизмундъ согласился. Однако, обмѣнъ писемъ между нимъ и великимъ княземъ не привелъ къ цѣли. Евреи продолжали просить Сигизмунда о защитѣ ихъ интересовъ, и Сигизмундъ нѣсколько лѣтъ спустя вновь обратился къ великому князю по этому дѣлу, —въ грамотѣ отъ 21 мая 1550 г. на имя Ивана Грознаго онъ писалъ: „передъ тѣмъ зъ вѣку за предковъ твоихъ великихъ князей волно было всѣмъ купцамъ нашимъ, хри-

[1]) Договоръ между Москвою и польско-литовскимъ государствомъ, заключенный въ 1503 г., гласилъ: „а твоимъ купцамъ изъ всѣхъ твоихъ земель во всѣ наши земли пріѣхати со всякимъ товаромъ и торговати на всякой товаръ, а пріѣхати имъ и отъѣхати добровольно, безо всякихъ зацѣпокъ“. Таковы же были и послѣдующіе договоры. А. Мулюкинъ, Очерки по исторіи юрид. положенія иностранныхъ купцовъ, стр. 5.

[2]) С. Бершадскій, Русско-еврейскій архивъ, т. I, № 198.

[3]) Регесты и надписи, № 462 („Книга посольская метрики литовской, I, 5“).



ПОГРАНИЧНЫЯ ОБЛАСТИ
Московскаго и Польско-Литовскаго государствъ въ 17-мъ вѣкѣ (--- пограничная черта).

стьянамъ и жидамъ, до панства твоего на Москву и по всей земли твоей съ товары ходити и купчити". Сигизмундъ вновь просилъ предоставить евреямъ право торговли, какъ прочимъ купцамъ. Но Иванъ Грозный отказалъ: „а что еси писалъ къ намъ, чтобы намъ жидомъ твоимъ позволили ѣздити въ наши государства по старинѣ, и мы къ тебѣ о томъ писали напередъ сего неодинова, извѣщая тебѣ отъ жидовъ лихія дѣла, какъ нашихъ людей и отъ крестьянства отводили и отравныя зелья въ наше государство привозили и пакости многіе людямъ нашимъ дѣлали; и тебѣ было брату нашему, слышавъ такіе ихъ злые дѣла, много о нихъ писати непригоже: занже и въ иныхъ государьствахъ, гдѣ жиды побывали, и въ тѣхъ государьства много зла отъ нихъ дѣлалось... и намъ въ свои государьства жидамъ никакъ ѣздити не велѣти, занже въ своихъ государьства лиха никакого видѣти не хотимъ, а хотимъ того, чтобы Богъ далъ въ моихъ государьствахъ люди мои были въ тишинѣ безо всякаго смущенья. И ты бы, братъ нашъ, впередъ о жидахъ къ намъ не писалъ" [1]).

На этомъ документѣ слѣдуетъ остановиться.

Не говоря о томъ, что взаимоотношенія между великимъ княземъ и королемъ отнюдь не были въ то время дружественны [2]), что, какъ мы видѣли, тяжело отзывалось на подданныхъ, —надо подчеркнуть, что Иваномъ Грознымъ руководили не соображенія о „лихихъ дѣлахъ" евреевъ, а религіозная вражда къ иновѣрцамъ. Если ссылка на то, будто евреи совращали христіанъ, можетъ быть объяснена превратнымъ представленіемъ о ереси жидовствующихъ, то указаніе на лихія дѣла являлось въ то время обычнымъ обвиненіемъ противъ тѣхъ, кого само правительство обижало. Когда въ 1570 г. правительство ограбило нѣсколькихъ грековъ и армянъ, прибывшихъ въ свитѣ литовскаго посольства, то такое незаконное дѣйствіе оправдывалось тѣмъ, что они „искали надъ государя нашею землею лихого дѣла"; это было даже милостью, такъ какъ подобные злодѣи достойны, молъ, казни [3]).

Какъ и въ русской жизни, правленіе Ивана Грознаго оставило по себѣ среди евреевъ воспоминаніе, полное ужаса. Когда въ 1563 г. русскія войска взяли Полоцкъ, Иванъ Грозный велѣлъ всѣхъ евреевъ съ семьями, говоря словами лѣтописца, „въ воду рѣчную

---

[1]) Чтеніе моск. общ. ист. и древн., 1860 г. т. IV, стр. 77—78. Мулюкинъ, Пріѣздъ иностранцевъ, стр. 223. Сборн. Имп. русск. истор. общ., т. LIX, стр. 341 и сл.

[2]) Съ 1549 г., въ теченіе ряда лѣтъ, шелъ споръ изъ-за титула Грознаго. Сигизмундъ отказывался признать великаго князя царемъ. М. Дьяконовъ, Власть московскихъ царей, стр. 140 и слѣд.

[3]) Мулюкинъ, Очерки по ист. юрид. полож. иностр. купцовъ, стр. 72—74

вметати и всѣхъ утопили ихъ“; принявшіе православіе были пощажены. Потоплены были и ксендзы-бернардины [1]).

Сохранился разсказъ [2]), переданный полякомъ, который былъ свидѣтелемъ печальной участи, постигшей полоцкихъ евреевъ. Вскорѣ послѣ полоцкаго событія нѣсколько евреевъ, по пути на Люблинскую ярмарку, встрѣтились на ночлегѣ съ тремя поляками, изъ которыхъ одинъ повѣдалъ слѣдующее. Онъ пробылъ въ Полоцкѣ три года; мѣстные евреи оказали ему много услугъ, особливо наиболѣе вліятельный среди нихъ Самуилъ, очень хорошій человѣкъ— „я много пилъ съ нимъ, какъ будто онъ былъ братъ мой“; когда городъ былъ взятъ русскими, евреямъ велѣно было собираться; поляки думали, что евреямъ удастся откупиться, но вскорѣ всѣхъ евреевъ, въ томъ числѣ одну женщину съ дѣтьми, повели къ водѣ и утопили; Самуила опустили въ воду на веревкѣ, а потомъ трупъ въ одной рубахѣ положили на ледъ—и „каждый изъ жалости проливалъ слезы“. Этотъ скорбный разсказъ былъ зафиксированъ при разсмотрѣніи вопроса о правѣ женщины, потерявшей своего мужа въ Полоцкѣ, выйти вторично замужъ (см. иллюстрацію).

במותב תלתא כחדא הוינא בי דינא ואתא לקדמנא כמר
משה בכמר אהרן והגיד בפנינו בגליו״ת ופ״פ
הרס יהושע בן נון מ״ר זאגין לו פאסטאלאטן געוועזין
איבר נאכט אז מיר זיין קיין לובלין גיפארין צום יאר מארק
סי׳ יודא שפירא לפ״ק דא זאגין דרייא רעדליכי פריצים
דורט בייא אונדז גילעגין איבר נאכט דא זיין גיוועזין אונטיר
קראקא הער דא האבין מיר גיהייסין יהודים אז אלי אונדז
ברענט ווין געבין פאר טאג אונ האבין דיא פריצים
אוך צו טרינקין געבין · האט איינר פון די פריצים אן
גיהויבין עס זאגין דאך אויך גוטי לייט אונטר יהודים איך
בין צו פאלאצק גיוועזין איר דרייא יאר נאך אנאנדר דא האב
אלדס גוטין גיהאט פון יהודים פין איינר דער האט גיהייסין
שמואל דער העכסטר דארטין דער איז גאר איין גוט מאן
גיוועזין האב פיל גוטס גיהאט פון אים אונ האב מיט אים
גיטרונקין אז וואן ער וועט מיין ברודר גיוועזין אז מן האט
דיא ליטווער אונ פאלקין פון אנאנדר גישיידין אזו זענין מיר
גילעגין פינוף אודר זעקס טאג דז ער איז בייא אונדז
גיוועזין דא האט דער פורסט לאזין אויס רופין אלו יהודים זאלין
דא זאלין זיך פארין האבין אים דיא שטאט לייט פר
מסירט דז מן האט צו אים גפירט אונ אנדרי יהודים אויך אין
איין פרויא מיט קינדר · אזו האבין מיר אונטיר אנאנדיר
גירעט נון העטס קיין נית מיט דען יודין דיא האבין פיל
געלט ווערין זיך וואול אויס קויפין אביר גאט ווייס וויא עס
מיט אונדז וועט גיין איבר איין קלייני ווילי דער נאך האבין
מיר גיזעהין דז מן אלי לוס וואסיר פירט האט אונ הרגין
גיזעהין דז מן דיא פרויא מיט דען קינדרליך אונ אנדרי
יודין גבינך אין דאס וואסיר דער טרענקט האט אונ דעם
שמואל געבינך מיט איין שטריק הוט מן אים אנאב גילאזין
אוס וואסיר ביז אים דיא זייל איז אויס גאנגין אונ האבין
אים ווידיר ארויס גילגין אונ אויף דאס אייז אזו מין העמד
גילייגט דז זיך אודיר מאן דער ברמט האט און האבין מוזין
וויינין כל זה הגיד בפנינו כ׳ משה הנ״ל כאשר שמע הדברים
ביום יום ד׳ שבת שכ״ה לפ״ק : יצחק בר יעקב שליטא :
אליעזר בר נפתלי ז״ל : אברהם בר יחיאל שליטא :
בחתימות הנ״ל אמיתות ויכרום ובפני הגבה העדות הנ״ל :
נאום משה׳ בן מהרר שלמה יצ״ו :
הועתק אות באות מגוף הכתב :

Изъ Респонсовъ (сборника мнѣній и рѣшеній раввиновъ) Іоеля Сыркиса (Корецъ, 1785 г.), т. II, стр. 47.

Какъ передаетъ Принцъ, бывшій дважды посломъ у великаго князя, печальная судьба постигла также евреевъ другихъ завоеванныхъ городовъ и крѣпостей—ихъ предали смерти.

Иностранецъ Петръ Петрей де Эрлезундъ, побывавшій въ 1611 г. въ Россіи, сообщаетъ въ своемъ „Описаніи русскихъ го-

[1]) Безъ-Корниловичъ, Историч. свѣдѣнія о примѣчательныхъ мѣстахъ въ Бѣлоруссіи (1855 г.), стр. 81.

[2]) Любезно указанъ мнѣ библіографомъ С. Е. Винеромъ.

сударей“ [1]) объ Иванѣ Грозномъ: „Какъ ни былъ онъ жестокъ и неистовъ, однако же не преслѣдовалъ и не ненавидѣлъ за вѣру никого, кромѣ жидовъ, которые не хотѣли креститься и исповѣдывать Христа: ихъ онъ либо сожигалъ живьемъ, либо вѣшалъ и бросалъ въ воду. Потому что обыкновенно говорилъ, что никакой царь, князь или король не долженъ довѣрить этимъ людямъ, или щадить тѣхъ, которые предали и убили Спасителя міра“.

Маржеретъ, прибывшій въ Россію почти сорокъ лѣтъ спустя, разсказываетъ, что „Государь приказалъ собрать всѣхъ евреевъ, находившихся въ Россіи; потомъ, связавъ имъ руки и ноги, вывели ихъ на мостъ, гдѣ они принуждены были отречься отъ своего закона, и когда сказали, что желаютъ креститься... , царь въ ту минуту велѣлъ бросить ихъ въ воду“ [2]). Это сообщеніе не соотвѣтствуетъ, насколько извѣстно, дѣйствительности, но оно характерно въ томъ отношеніи, что передаетъ, повидимому, ходячее представленіе о жестокомъ обращеніи Ивана Грознаго съ евреями.

Несмотря, однако, на всѣ стѣсненія, евреи продолжали появляться на Руси. Такъ, въ одномъ исковомъ дѣлѣ, производившемся въ Могилевѣ въ 1584 г., сообщается о евреѣ, который отправился въ Москву [3]). Особаго вниманія заслуживаетъ актъ, говорящій, какъ можно думать, о евреяхъ, осѣвшихъ въ государствѣ—это „вкладная“ отъ 1576 г. (7084 г.—по принятому тогда лѣтосчисленію), по которой владѣлецъ вотчины сельца Рожново и деревни Починокъ въ Кашинскомъ уѣздѣ Тверской губерніи завѣщалъ свое имущество Троицкому Сергіеву монастырю; между прочимъ, завѣщатель, заявляя, что отдаетъ монастырю сельце и деревню, пишетъ: „а на томъ мнѣ сельце въ Рожновѣ и деревнѣ Починокъ жидовскаго живота и всяки угодемъ владѣть“. [4]) Въ дальнѣйшемъ мы встрѣтимся съ евреями, захваченными въ Литвѣ въ плѣнъ и оставшимися въ московскомъ государствѣ,—быть можетъ, и ка-

---

1) Русскій переводъ—см. Чтенія въ Имп. обществѣ исторіи и древностей 1866 г., кн. I, отд., 4, стр. 165.

2) Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ, т. I, стр. 261.

3) Историко-юридическіе матеріалы Сазонова, вып. VII, стр. 361). Любопытство вызывается „дѣломъ Офремки пушкаря, что вышелъ изъ Литвы въ Полотескъ и сказывалъ про Жидовью, про Свибора, да про Кадыша, что имъ быти въ послы съ Литовскими къ Москвѣ“. Дѣло хранилось въ Московскомъ царскомъ архивѣ, согласно описи архива, составленной между 1575 и 1584 гг.; къ сожалѣнію, другихъ свѣдѣній объ этомъ не имѣется (Регесты и надписи, т. I, № 654).

4) Документъ, извлеченный изъ рукописнаго отдѣла Импер. публич. библіотеки и любезно предоставленный мнѣ А. Я. Лихтерманомъ.

шинскій завѣщатель имѣлъ у себя евреевъ, плѣненныхъ во время похода Ивана Грознаго.

Впрочемъ, и тогда, когда фактически закрывался доступъ въ Москву, евреи, какъ и другіе польскіе подданные, продолжали вести торговыя дѣла съ Москвою чрезъ посредство Смоленска, который имѣлъ большое торговое значеніе. Чрезъ Смоленскъ шли сухопутьемъ товары въ Москву изъ Литвы и странъ, лежавшихъ за нею. Въ Смоленскѣ былъ особый „гостинъ литовскій дворъ“ на посадѣ. Особенно выростало значеніе этого двора въ то время, когда стѣснялось появленіе литовскаго и польскаго купечества внутри московскаго государства. Такъ, въ 1590 г. запрещено было пускать изъ Литвы далѣе Смоленска „съ невеликими товары“ простыхъ „торговыхъ людей“, а пропускались въ Москву лишь „именитые гости съ большими товарами съ узорочными, съ каменіемъ съ дорогимъ и съ жемчугомъ и съ сукны скорлаты“. При такихъ условіяхъ Смоленскъ изъ транзитнаго пункта превращался въ торговый центръ [1]). А это имѣло, конечно, большое значеніе для литовскихъ евреевъ.

Есть извѣстіе, что въ Москву понаѣхали евреи изъ Польши вмѣстѣ съ Лжедмитріемъ (1605—1606), котораго сопровождала польская свита. „Сказаніе“, сообщающее, между прочимъ, о „злопроклятомъ еретикѣ Гришкѣ Отрепьевѣ“, передаетъ, что „тако наполнилъ онъ окаянный Россійское царство поганными иновѣрцы, еретики, Литвою, и Поляки, и жиды, и иными скверными иноземцами, и стало въ нихъ мало русскихъ людей видѣть“. По одному сказанію евреи оказались среди лицъ, окружавшихъ Лжедмитрія: готовясь въ Москвѣ къ нападенію русскихъ, онъ приказалъ „панамъ, сенаторамъ и жидамъ [2]) и всѣмъ иноземцамъ“ готовить оружіе; среди сторонниковъ Лжедмитрія, вмѣстѣ съ нимъ убитыхъ, другой источникъ отмѣчаетъ и евреевъ [3]).

Въ ту пору въ Москву прибыли изъ-за рубежа люди, искавшіе торговыхъ барышей [4]). Торговля была объявлена свободною, какъ русскимъ, такъ и иностранцамъ; уничтожены были стѣсненія ко въѣзду въ государство и къ переѣздамъ внутри государства. Одинъ современникъ говоритъ, что мать Дмитрія настаивала на допущеніи свободной торговли между московскимъ царствомъ и Польшею въ благодарность полякамъ за то, что они помогли ему овладѣть

---

[1]) С. Платоновъ, Очерки по исторіи Смуты, стр. 54.

[2]) Въ одномъ варіантѣ сказано вмѣсто „жидамъ“—„жилцамъ“. См. Русск. историч. библіотека, т. XIII, стр. 820.

[3]) См. различныя сообщенія: Русск. историч. библіот., т. XIII, стр. 495, 820, 824, 827, 829—830.

[4]) С. Платоновъ, Очерки по исторіи Смуты, стр. 221—223.

престоломъ — угожденіемъ матери царь, вѣроятно, прикрывалъ, изъ политическихъ соображеній, собственное желаніе. „Столѣтія, говоритъ современникъ - полякъ, проходили, и трудно было даже птицамъ летать въ государство московское, а въ это время не только купцы, но и мелкіе шинкари стали ѣздить туда". Наконецъ, по просьбѣ Сигизмунда, Дмитрій далъ особое согласіе на то, чтобы литовскіе купцы свободно торговали въ московскомъ государствѣ [1]).

Можно думать, что евреи использовали это благопріятное положеніе и развили здѣсь торговую дѣятельность.

Москвичамъ было тяжело видѣть у себя поляковъ; русскіе вообще ненавидѣли католиковъ, которыхъ какъ бы не считали за христіанъ. Теперь же къ религіозному предубѣжденію присоединилось оскорбленное чувство національной гордости. Евреи, прибывшіе въ то время въ Москву, не были обычными купцами, пріѣзжавшими по своимъ торговымъ надобностямъ, занятыми только своимъ дѣломъ. Близкіе къ польскимъ панамъ, они, какъ можно думать, не ограничились скромной ролью торговцевъ, — они пользовались покровительствомъ пановъ, ничѣмъ не стѣснявшихся въ Москвѣ. Какъ бы то ни было, крайняя ненависть, которою прониклись москвичи къ полякамъ, обрушилась и на евреевъ, когда Смута улеглась и осталось воспоминаніе, полное жгучей обиды. Но это недружелюбіе къ евреямъ не выразилось въ какихъ-либо непріязненныхъ актахъ, направленныхъ спеціально противъ нихъ. А между тѣмъ — еще тогда, когда Смута держала страну въ смятеніи — возникло движеніе, направленное противъ евреевъ.

Въ селѣ Тушино, резиденціи Лжедмитрія II, прозваннаго „Тушинскимъ Воромъ", образовался таборъ изъ поляковъ и различныхъ группъ русскаго общества, въ силу тѣхъ или другихъ причинъ ставшихъ врагами московскаго царя Василія Шуйскаго, занявшаго престолъ послѣ гибели Лжедмитрія I.

Когда отсюда начались переговоры съ польскимъ правительствомъ о возведеніи польскаго королевича Владислава на московскій престолъ, тушинскіе депутаты, сознавая, какой ударъ національной гордости должно было нанести приглашеніе католика на московскій престолъ, видѣли себя вынужденными всячески смягчить этотъ ударъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—принять мѣры къ тому, чтобы появленіе католика на престолѣ не превратилось въ угрозу для православной церкви. И вотъ, въ проектѣ договора между тушинцами и польскимъ правительствомъ, среди условій, выработанныхъ

[1]) Костомаровъ, Смутное время московск. государства (изд. III, 1883 г.), ч. I, стр. 276, 282, 298.

съ цѣлью охранить неприкосновенность церкви, мы находимъ пунктъ, касающійся евреевъ: Чтобы святая вѣра греческаго закона оставалась неприкосновенной, чтобы учителя римскіе, лютерскіе и другихъ вѣръ раскола не чинили; если люди римской вѣры захотятъ приходить въ церкви греческія, то должны приходить со страхомъ, какъ прилично православнымъ христіанамъ, а не съ гордостью, не въ шапкахъ, псовъ съ собою въ церковь не водили бы... Не отводить никого отъ греческой вѣры, потому что вѣра есть даръ Божій и силою отводить отъ нея и притѣснять за нее не годится. Жидамъ запрещается въѣздъ въ московское государство.

Когда же вскорѣ затѣмъ, послѣ сверженія царя Василія съ престола, веденіе переговоровъ о приглашеніи польскаго королевича перешло отъ тушинскихъ бояръ къ коллегіи изъ тушинскихъ бояръ и ихъ московскихъ единомышленниковъ, требованіе о недопущеніи евреевъ было сохранено среди прочихъ условій; договорныя записи (1610 г.) вмѣнили королевичу въ обязанность запретить въѣздъ „жидамъ въ россійское во все государство съ торгомъ и ни съ которыми иными дѣлы“. [1]) Этому требованію вообще не слѣдуетъ придавать значеніе продуманнаго государственнаго акта — достаточно вспомнить, что въ эту смутную годину русское общество пережило не только чрезвычайное политическое потрясеніе, но и глубокую общественную деморализацію. Нѣтъ сомнѣнія, что требованіе о недопущеніи евреевъ вызывалось желаніемъ какъ-нибудь скрасить тотъ ужасный для народнаго достоинства фактъ, что на московскій престолъ приглашался католикъ. Преслѣдовалась, вѣроятно, и практическая цѣль; бояре должны были принять всяческія мѣры для того, чтобы охранить неприкосновенность православной церкви, которой угрожало воцареніе католика; къ тому же предвидѣлся наплывъ поляковъ, каковой долженъ былъ произвести гнетущее впечатлѣніе на народъ; при такихъ условіяхъ появленіе, вслѣдъ за ними, значительнаго числа евреевъ могло еще болѣе обострить создавшееся положеніе.

Къ тому же, московскіе бояре не могли не выставить требованія касательно евреевъ, ибо оно уже раньше было выдвинуто, когда были начаты переговоры о приглашеніи польскаго королевича на престолъ лицами, принадлежащими къ лагерю Тушинскаго Вора. Московскіе бояре, призывавшіе къ себѣ католика, были въ чрезвычайно тягостномъ и фальшивомъ положеніи, и исключеніе требованія, касавшагося евреевъ, могло бы показаться въ то тревожное время чуть ли не измѣной народу. Не лишне здѣсь

[1]) Собраніе государств. грамотъ и договоровъ, ч. II, №№ 199 и 200.

отмѣтить, что о Тушинскомъ Ворѣ распространяли слухи, будто онъ крещеный еврей [1]),—это-то обстоятельство могло заставить тушинскихъ депутатовъ требовать изгнанія евреевъ, чтобы доказать, что прежніе сподвижники Тушинскаго Вора, тушинцы, отреклись отъ него и зовутъ на престолъ польскаго королевича.

Какъ бы то ни было, домогательство московскихъ бояръ относительно евреевъ не было выставлено съ необходимой твердостью; вопросъ о евреяхъ не представлялся тогдашнимъ вершителямъ русскихъ судебъ особенно серьезнымъ дѣломъ—гетманъ Жолкѣвскій, игравшій столь видную роль при приглашеніи польскаго королевича, не призналъ пріемлемымъ требованіе о недопущеніи евреевъ въ московское государство, и этого было достаточно, чтобы русскіе послы, отправившіеся въ Польшу, не заводили болѣе рѣчи о евреяхъ [2]); а на ряду съ этимъ, послы потребовали, чтобы королевичъ взялъ съ собою изъ Польши поменьше людей.

Впрочемъ, все это не имѣло какого-либо практическаго значенія. Какъ извѣстно, польскому королевичу не суждено было занять московскій престолъ. Царемъ сталъ юный Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ (1613—1645 гг.). Эта замѣна не принесла ничего дурного тушинскому лагерю; царь былъ связанъ родственными узами съ тушинскими боярами, его отецъ былъ виднѣйшимъ тушинцемъ; пожалованія чинами, сдѣланныя въ тушинскомъ лагерѣ, были признаны новымъ правительствомъ. Казалось, что съ недавнимъ прошлымъ все было покончено, однако, чувствовалось, что кто захочетъ, тотъ сможетъ попрекнуть правителей смутными днями. Надо было вырыть пропасть между вчерашнимъ и сегодняшнимъ. Было недостаточно опорочить Лжедмитрія тѣмъ, что онъ не только многихъ „злыхъ еретиковъ, колвинцевъ, новокщенцевъ, армянъ, люторей и римлянъ“, но также „богоубійцъ жидовъ на оскверненіе храма приведе“ [3]), какъ говорилось въ грамотѣ объ избраніи Михаила Ѳеодоровича на царство. Надо было сказать, что никто изъ русскихъ людей не смѣетъ помышлять о томъ, что у новаго царя можетъ быть соперникъ изъ прежней династіи; стоитъ только подумать—кто былъ послѣднимъ серьезнымъ претендентомъ на московскій престолъ: Лжедмитрій II былъ „родомъ жидовинъ“! [4]).

---

[1]) Костомаровъ, Смутное время, ч. II, стр. 111, „по іезуитскимъ извѣстіямъ онъ былъ крещеный іудей“; звали его Богданко; онъ служилъ у царя Дмитрія, занимаясь составленіемъ писемъ на русскомъ языкѣ.

[2]) Градовскій, Отношенія къ евреямъ въ древн. и соврем. Руси, стр. 314—20.

[3]) Собраніе государств. грамотъ и договоровъ, ч. I, стр. 605.

[4]) Акты историческіе, собр. и изданные археограф. комиссіей, т. III, стр. 6: „И послѣ того Жигимонтъ Король и паны рады... на московское государство послали другого вора, родомъ жидовина“.

Не могло быть лучшаго оружія противъ самозванства, какъ угроза, что на престолъ православнаго государства сядетъ „жидовинъ“. Вѣдь именно для того, чтобы не отдать престола Лжедмитрію II, бояре готовы были признать своимъ царемъ католика, польскаго королевича. Ужъ если, призывая въ Москву королевича, надо было крѣпко призадуматься надъ тѣмъ, что ждетъ впереди православную церковь, то какъ больно должна была поразить народную душу мысль, что престолъ могъ оказаться въ рукахъ врага не только православія, но и всего христіанства.

Все это, однако, относилось лишь къ области чувства, къ пережитому. Въ повседневной же жизни евреи были знакомы москвичамъ, какъ мирные купцы, которые думали только о томъ, какъ бы подешевле откупиться отъ чиновнаго люда, обиравшаго торговцевъ независимо отъ ихъ религіи. И неудивительно, что когда вскорѣ, волею судьбы, въ московскіе предѣлы была заброшена болѣе или менѣе значительная группа евреевъ, то къ нимъ отнеслись въ Москвѣ не какъ къ опаснымъ политическимъ авантюристамъ, а какъ къ обыкновеннымъ плѣнникамъ, захваченнымъ во время военныхъ дѣйствій.

Иностранецъ Олеарій, посѣтившій Москву въ 1633—34 гг. (также въ 1639 и 1643 гг.), сообщаетъ, что русскіе „крайне неохотно видятъ и слышатъ папистовъ и іудеевъ“ [1]).

Въ словахъ Олеарія есть, конечно, извѣстная доля правды— вѣдь поляки-католики и евреи какъ бы олицетворяли въ народномъ представленіи мрачную пору смуты. Но, кромѣ того, неохотно видѣли католиковъ и евреевъ тѣ, кому они не были нужны, а вѣрнѣе тѣ, для которыхъ католики и евреи являлись нежелательными конкурентами. Въ это время поляки утратили право торговать въ Москвѣ; по Поляновскому миру 1634 г. имъ разрѣшили торговать только въ пограничныхъ городахъ, а въ Москву и замосковскіе города запрещено было ѣздить. Однако, нужно замѣтить, что, не любя католиковъ и евреевъ, русскіе купцы отнюдь не питали симпатій къ другимъ иноземцамъ; всякій конкурентъ былъ русскимъ торговцамъ непріятенъ — въ 1642 г. на земскомъ соборѣ гости (высшій купеческій классъ) и торговые люди жаловались, что нѣмцы, персіяне и всякіе иноземцы торгуютъ въ

---

[1]) Адамъ Олеарій, Описаніе путешествія въ Московію и черезъ Московію въ Персію и обратно (Спб., 1906 г. изд. Суворина), стр. 343 — 4. Олеарій говоритъ еще слѣдующее: „Русскаго нельзя сильнѣе обидѣть, какъ выбранивъ его іудеемъ, хотя многіе изъ купечества довольно похожи на жидовъ“.

Характерно отмѣтить, что Олеарія и его спутниковъ, заходившихъ во время путешествія въ 1634 г. въ православныя церкви, немедленно выводили вонъ и выметали за ними полъ (Красноженъ, Иновѣрцы на Руси, 1903 г., стр. 135).

столицѣ и другихъ городахъ и благодаря этому „въ городахъ всякіе люди обнищали". [1]) Уже въ началѣ семнадцатаго вѣка иностранцевъ вообще стали стѣснять въ торговлѣ; это, разумѣется, явилось реакціей послѣ смутнаго времени, когда Москва была наводнена иноземцами. [2]) Съ другой стороны, тотъ, кто велъ выгодныя для себя дѣла съ зарубежными иновѣрцами, тотъ, конечно, забывалъ о религіозныхъ разногласіяхъ.

Да и не одни торговцы относились недружелюбно къ иноземцамъ, не дѣлая различія между представителями разныхъ исповѣданій. Духовенство слѣдовало примѣру торговцевъ. Даже лютеране, пользовавшіеся особыми привилегіями, испытывали стѣсненія въ дѣлѣ отправленія вѣры. Въ 1643 г., напр., въ Москвѣ были разрушены лютеранскія кирки. А между тѣмъ въ это время московское правительство было заинтересовано въ томъ, чтобы за границей распространялись извѣстія о его вѣротерпимости по отношенію къ лютеранамъ (предполагался бракъ царевны Ирины съ датскимъ королевичемъ). Впредь лютеране могли молиться только внѣ города, подальше отъ православныхъ храмовъ [3]).

Такимъ образомъ, недружелюбіе русскихъ къ полякамъ и евреямъ не должно быть разсматриваемо какъ исключительное явленіе. Евреи не подвергались въ то время въ московскомъ государствѣ какимъ-либо спеціальнымъ притѣсненіямъ; они, какъ подданные польско-литовскаго государства, раздѣляли судьбу своихъ согражданъ. Это ясно сказалось и тогда, когда, вслѣдствіе войны между Москвою и Польшею, среди русскихъ появились плѣнники—нѣмцы, литовцы, евреи и другіе.

Въ 1632 г. началась война, приведшая къ Поляновскому миру; нѣкоторые польскіе города сдались русскимъ; евреи, попавшіе въ плѣнъ [4]), были вмѣстѣ съ прочими отосланы въ Россію въ болѣе отдаленныя мѣстности; въ Москвѣ плѣнныхъ не оставляли, такъ какъ послѣ мира они могли бы вернуться на родину и разсказать, что дѣлается тамъ, а это было опасно въ военномъ отношеніи. Плѣнники были двоякаго рода—одни были государевы; другіе, захваченные частными лицами, поступали въ зависимость къ последнимъ или къ тому, кому ихъ продавали. По заключеніи мира, евреямъ была предоставлена та же свобода, какъ и остальнымъ плѣннымъ. Приказавъ грамотою (1634 г.) въ Пермь Великую отпу-

---

[1]) Костомаровъ, Очеркъ торговли, стр. 68.

[2]) Мулюкинъ, Очерки по исторіи юрид. положенія иностр. купцовъ, стр. 12.

[3]) Д. Цвѣтаевъ, Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ 16 и 17 вѣкахъ (Москва, 1886 г.), стр. 56 и слѣд.

[4]) Напр., въ с. Мезинѣ Новгородъ-Сѣверска уѣзда. См. Акты московскаго государства, 462.

стить на родину литовскихъ плѣнниковъ, среди которыхъ были особо упомянуты и евреи, царь разрѣшилъ всѣмъ этимъ плѣнникамъ остаться въ Россіи, если они пожелаютъ [1]). Партію плѣнныхъ евреевъ мы застаемъ также въ Сибири, куда они были сосланы въ города „въ службу" и „на пашню", наравнѣ съ литовскими и нѣмецкими людьми. И этимъ евреямъ, подобно пермскимъ, было предоставлено остаться въ странѣ, независимо отъ того, примутъ ли они крещеніе. Мы узнаемъ объ этомъ изъ нижеприводимаго указа 1635 г. [2]).

„143 г. декабря въ 1 день, государь, царь и великій князь Михаило Өедоровичъ всеа Русіи, слушавъ росписи полонениковъ, указалъ: которые полоненики литовскіе и нѣмецкіе люди и ж и д ы, а сосланы въ сибирскіе города въ службу, а иные на пашню, и тѣхъ полонениковъ государь, царь и великій князь Михаило Өедоровичъ всеа Русіи, которые сосланы въ Сибирь, по посольскому договору и вѣчному докончанью велѣлъ ихъ взять и отпустити въ Литовскую сторону. А будетъ изъ тѣхъ литовскихъ и изъ нѣмецкихъ людей и изъ жидовъ, которые будетъ крестились въ православную крестьянскую (христіанскую) вѣру, а похотятъ остатца на государево имя, и тѣхъ не отпускать, и исъ пашенныхъ, будетъ нарочиты, написати въ службу. Которые служилые люди, и тѣмъ прибавить хлѣба и денегъ, смотря по человѣку; такъ же, которые и некрещеные [3]), а похотятъ (остаться) на государево имя, и ихъ въ Литовскую сторону не отпускать, имъ тожъ, что и крещенымъ. А которые литовскіе люди, а поженились на русскихъ дѣвкахъ и жонкахъ и похотятъ итти въ Литовскую сторону, покиня жонъ своикъ, и такихъ въ Литовскую сторону не пускать, для того, что мужъ з женою николи не разлучаетца, и о такихъ писать къ государю—сколько такихъ, и къ Москвѣ женатыхъ не посылать. И которые то учинятъ и з женами разлучитися и въ Литовскую сторону итти не похотятъ, и исъ пашенныхъ крестьянъ взять и учинити служилыми людьми; а которые служилые люди, и тѣмъ прибавить хлѣба и денегъ, а достальныхъ, кромѣ женатыхъ, такихъ всѣхъ отпускать безъ зацѣпки, которые не похотятъ остатца на государево имя полоненики литовскіе люди".

---

[1]) Акты, собранные археограф. экспедиціей, III, стр. 389 (№ 252)—было предписано представить въ съѣзжую избу „литовскихъ полонениковъ, Литву, и Нѣмцевъ, и Жидовъ, и Татаръ..."

[2])Московскій архивъ министерства юстиціи, столб. Сибирскаго приказа № 59; скл. 36—39.—Приношу благодарность И. С. Бѣляеву, любезно приславшему мнѣ копію съ этого и нѣкоторыхъ другихъ документовъ.

[3]) Т.-е. евреи, а также христіане, не принявшіе православія. При переходѣ католиковъ и другихъ христіанъ въ православіе совершался обрядъ крещенія.

Вслѣдствіе этого указа велѣно было „изъ городовъ Литовской полонъ: Литву и нѣмцевъ и жидовъ, гдѣ кто ни имамъ или покупанъ, сыскивая и роспрашивая, присылати ко государю въ Москву“ [1]).

Сохранились имена этихъ плѣнныхъ, но нельзя сказать, какія изъ нихъ принадлежатъ евреямъ, потому что, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, евреямъ присваивались имена, встрѣчаемыя у окружающаго населенія.

Воспользовались ли тогда евреи правомъ остаться въ московскомъ государствѣ, не знаемъ; объ этомъ пока не имѣется какихъ-либо данныхъ; но возможно допустить, что не всѣ евреи ушли за рубежъ, ибо, когда, тридцать два года спустя, повторился такой же случай, то иные евреи прочно осѣли въ Москвѣ. Какъ бы то ни было, важнымъ фактомъ являлось то, что царь Михаилъ Θеодоровичъ, много лѣтъ спустя по вступленіи на престолъ, т.-е. тогда, когда онъ уже не былъ отрокомъ, выразилъ согласіе на то, чтобы въ его государствѣ евреи остались на постоянное жительство. Характерно отмѣтить, что правительство, какъ это видно изъ указа 1635 г., не воспользовалось исключительнымъ положеніемъ, въ какомъ находились плѣнные на чужбинѣ, чтобы путемъ принудительныхъ мѣръ склонить ихъ къ обращенію въ православіе; было спеціально оговорено, что не крестившимся, т.-е. евреямъ, а также христіанамъ, не принявшимъ православія, должно быть дано столько же хлѣба и денегъ, сколько крестившимся.

Въ ближайшіе годы отношеніе московскаго правительства къ евреямъ принимаетъ неблагопріятное для нихъ направленіе; правда, въ это время всѣ вообще польскіе подданные ограничены въ правѣ пріѣзда въ предѣлы Руси. Поляки истолковывали условія Поляновскаго мира въ томъ смыслѣ, что имъ запрещено посѣщать Москву и замосковскіе города, что для нихъ открыта полоса отъ границы до Москвы; русскіе же дозволяли имъ пріѣзжать въ одни только пограничные города [2]). Въ Поляновскомъ договорѣ ничего не говорилось о евреяхъ. На этомъ основаніи они, повидимому, пріѣзжали въ предѣлы Руси [3]), несмотря на

---

[1]) Московскій архивъ министерства юстиціи, скл. 54—56.

[2]) Мулюкинъ, Пріѣздъ иностранцевъ, стр. 199—200.

[3]) Когда польскому королю Владиславу IV понадобилось въ концѣ 1637 г. послать своего фактора, виленскаго купца Аарона Марковича, не только купить „безпошлино про его королевской обиходъ разной рухляди, но и провесть на продажу многіе другіе товары“, царь Михаилъ Θедоровичъ отказалъ, говоря, чтобы пріѣхалъ полякъ, а не еврей, „коихъ никогда въ Россіи не бывало и съ коими никакого сообщенія христіане не имѣютъ“ (Переписка между Россіей и Польшей см. Чтеніе Моск. Общ. Истор. и Древн. 1862 г. т. IV, стр. 101; Мулюкинъ, Пріѣздъ иностранцевъ, стр. 224). Однако, этотъ отвѣтъ былъ вызванъ, очевидно, недружелюбіемъ къ королю (котораго—когда онъ еще былъ королевичемъ—бояре пригла-

то, что имъ, какъ кажется, запрещали останавливаться даже въ пограничныхъ городахъ. Если бы евреи въ эти годы не пріѣзжали въ государство, русскому посольству, отправленному въ Варшаву въ 1638 г., не было бы поручено предложить польскому правительству запретить польскимъ купцамъ ввозить заповѣдные товары, „а жидамъ отнюдь въ Россію не въѣзжать“. Польскіе вельможи настаивали, чтобы евреевъ пропускали, если не во всѣ города (Поляновскій миръ ограничилъ права польскихъ подданныхъ), то хотя бы до Вязьмы и Свинска [1]),—и это потому, что пріѣздъ евреевъ въ Россію былъ обыденнымъ явленіемъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что русскіе люди вступали въ то время, какъ и раньше, въ торговыя сношенія съ евреями и внѣ предѣловъ Россіи. Пріѣзжая въ Польшу и Литву съ торговыми цѣлями, русскіе люди не обходились безъ услугъ евреевъ [2]).

И въ Ригѣ русскіе вступали въ торговыя сношенія съ евреями, пріѣзжавшими изъ Польши. Въ Ригѣ существовало особое еврейское подворье, и оно, согласно правиламъ, изданнымъ въ 1666 г., служило также складочнымъ мѣстомъ для водки, привозимой какъ евреями, такъ и русскими; изъ этого дѣлаютъ заключеніе, что торговля водкою была сосредоточена въ рукахъ евреевъ, которые покупали ее у пріѣзжихъ русскихъ [3]).

Каково бы, однако, ни было отношеніе московскаго правительства къ евреямъ, какъ къ иноземнымъ купцамъ, въ серединѣ 17 вѣка въ Москвѣ, а можетъ быть, и въ другихъ городахъ, появляется осѣдлое еврейское населеніе. Этому содѣйствовали войны съ Польшей [4]).

шали занять московскій престолъ и который продолжалъ считать себя претендентомъ на титулъ московскаго царя), а не нежеланіемъ царя допустить хоть бы одного еврея въ страну; самая ссылка на то, будто евреевъ въ Россіи „никогда не бывало“, говоритъ о томъ, что письмо было составлено въ минуту раздраженія; вѣдь самъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ разрѣшилъ евреямъ, взятымъ въ плѣнъ, остаться въ странѣ.

[1]) Въ Свинскѣ Брянскаго уѣзда былъ сосредоточенъ „литовскій торгъ“; свинская ярмарка славилась въ концѣ 17 вѣка. Костомаровъ, Очеркъ торговли, стр. 138. Мулюкинъ, Пріѣздъ иностранцевъ, стр. 224.

[2]) Н. Оглоблинъ, Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа (1592—1768 г.), ч. III, стр. 198. Купецъ Стефановъ, посланный въ 1646 г. изъ Сибири въ Литву, чтобы продатъ или обмѣнять мѣха, заявилъ, по возвращеніи на родину, что онъ разоренъ „отъ жидовъ до основанія“.

[3]) Имѣется позднѣйшее извѣстіе, что евреи привозили водку изъ Польши въ Прибалтійскій край. Buchholtz, Geschichte der Juden in Riga (Рига, 1899 г.), стр. 16 и 118 (уставъ 1666 г., § 2).

[4]) О томъ, что въ московскомъ государствѣ было осѣдлое еврейское населеніе, говоритъ Градовскій (Отношенія къ евреямъ въ древней и современной Руси), но онъ не привелъ фактическихъ данныхъ въ пользу своего утвержденія.

Русскіе брали города съ еврейскимъ населеніемъ. Порою евреи раздѣляли общую участь своихъ согражданъ. Такъ, витебскіе евреи, наряду съ мѣщанами, были (1655 г.) лишены своего имущества [1]). Въ Кіевѣ (1660 г.) евреямъ, наравнѣ съ поляками и армянами, „на вѣчныя времена“ было запрещено селиться [2]). Однако, на долю евреевъ выпадала также особая тяжелая судьба. По взятіи Могилева (1654 г.), евреямъ было запрещено жить въ городѣ [3]); когда же въ слѣдующемъ году русскій военачальникъ Поклонскій узналъ, что евреи остались на своихъ мѣстахъ въ Могилевѣ, онъ велѣлъ евреямъ покинуть городъ, гарантировавъ имъ безопасность, но затѣмъ евреи, по его приказанію, были измѣннически умерщвлены и тутъ же зарыты; остальные евреи, не успѣвшіе выйти изъ города, узнавъ о гибели своихъ братьевъ, согласились креститься, чтобы спасти себя отъ смерти; впослѣдствіи они большею частью вернулись въ лоно іудейства [4]). Изъ завоеванной Вильны (1658 г-), въ виду ходатайства мѣстныхъ должностныхъ лицъ, помѣщиковъ и мѣщанъ о сохраненіи за гражданами ихъ правъ, евреи были удалены „на житье за городъ“. Впрочемъ, тогда же было сдѣлано распоряженіе „пріѣзжихъ бы мѣщанъ изъ Вильны выслать въ тѣ города, гдѣ кто живетъ“ [5]).

Евреи испытали общую судьбу завоеваннаго края и въ другомъ отношеніи—подобно прочимъ жителямъ, многіе евреи, мужчины и женщины, взрослые и дѣти, были отправлены въ Россію въ качествѣ военно-плѣнныхъ, а иные, захваченные отдѣльными офицерами и солдатами, были обращены въ крѣпостное состояніе. Повторилось то, что произошло въ тридцатыхъ годахъ.

Плѣнные служили предметомъ торговли. Въ Москвѣ на Ивановской площади происходилъ торгъ людьми: русскіе продавали плѣнниковъ своимъ и чужимъ и совершали купчія крѣпости, которыя писались площадными подъячими [6]).

Въ 1655 г. партія плѣнныхъ „литовскихъ людей и жидовъ“ была отослана изъ Калуги въ Нижній Новгородъ; къ ней была присоединена партія плѣнныхъ изъ Брянска [7]). Имѣется извѣстіе

---

[1]) Витебск. старина Сапунова, т. IV, ч, II, стр. 44.

[2]) Соотвѣтствующую царскую грамоту исходатайствовалъ кіевскій полковникъ, который, по взятіи города казаками, отдалъ православной церкви земли, принадлежавшія бернардинамъ, іезуитамъ и армянамъ. Кіевская Старина, 1885 г., кн. IV, стр. 744,

[3]) Акты историч. IV, стр. 227: „а жидамъ въ Могилевѣ не быти и житья никакого не имѣти“.

[4]) Археографич. сборн., т. II, прилож. (записки игумена Ореста), стр. XIII—XIV.

[5]) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, ч. IV, № 11.

[6]) Костомаровъ, Очеркъ торговли, стр. 99.

[7]) Первое полное собраніе законовъ, № 148.

о плѣнныхъ евреяхъ, родомъ изъ Витебска,томившихся вмѣстѣ съ поляками въ Казани [1]) и насильно обращенныхъ въ христіанство.

Плѣнные евреи оказались и въ Москвѣ.

Согласно существовавшему закону, „иноземцы некрещеные", т. е. всѣ вообще иностранцы, не православные, должны были жить въ отведенной для нихъ части за городомъ [2]), причемъ они могли держать въ услуженіи только иноземцевъ всякихъ вѣръ; русскимъ же было строго запрещено жить у иноземцевъ, какъ по крѣпостямъ, такъ и добровольно, и это потому, что „православнымъ христіанамъ отъ иновѣрцевъ чинится тѣснота и оскверненіе"; говорили, что православные, живущіе у иноземцевъ, умираютъ безъ покаянія, въ посты ѣдятъ скоромное [3]) и т. д. Было приказано разыскивать православныхъ людей въ иноземныхъ дворахъ и чинить имъ жестокое наказаніе, „чтобы имъ и инымъ такимъ неповадно было такъ дѣлать". Въ 1659 г. была произведена своего рода облава въ Москвѣ, въ Нѣмецкой слободѣ, гдѣ проживали иноземцы. Тамъ нашлись русскіе люди, бѣлоруссы, „крещеные" и „некрещеные".

Было захвачено и нѣсколько евреевъ [4]). Они, въ большинствѣ, попали въ Москву не по доброй волѣ. Въ 1654 г., въ виду войны съ Польшей, было велѣно пропускать на заставахъ только плѣнныхъ, „которые скажутся Мстиславскаго и иныхъ зарубежныхъ городовъ литовскіе люди, католицкія Смяцкія вѣры, и Жиды и Мурзы, и всякіе некрещеные люди" [5]).

Зарубежными, взятыми въ плѣнъ, оказались и евреи, схваченные при облавѣ. Преобладали женщины. Ганка и Рыся, дочери Меоровы, имѣвшія при себѣ дѣтей, заявили, что онѣ изъ Мстислава; въ 1654 г. ихъ взялъ въ плѣнъ подполковникъ Михайло Вестовъ, который и передалъ ихъ своей матери „некрещеной нѣмкѣ"; тотъ же подполковникъ забралъ въ Горкахъ и отдалъ своей матери дѣвушку Махлю. Другой сынъ этой нѣмки, подполковникъ Самойло Вестовъ, привелъ дѣвушку Эстерку, дочь Юдину, изъ Мстислава; всѣхъ этихъ женщинъ „допрашивали" въ иноземскомъ

---

[1]) Акты виленск. археогр. комиссіи, т. V. (Вильна, 1871 г.), 173.

[2]) Въ 1652 г. всѣхъ иностранцевъ, проживавшихъ въ Москвѣ, выселили за городъ въ особую новую (прежняя была уничтожена въ смутное время) иноземную слободу. Въ 1664 г. правительство не дало согласія на то, чтобы голландцы пріобрѣтали дома за предѣлами нѣмецкой слободы. Мулюкинъ, Очерки по исторіи юридич. положенія иностр. купцовъ, стр. 233.

[3]) Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, гл. XX, ст. 70.

[4]) Моск. архивъ мин. юстиціи, столбецъ моск. разряднаго приказу № 909, склейки 246—265. Дѣло дефектное, и потому нельзя разобраться въ нѣкоторыхъ подробностяхъ.

[5]) Первое полное собраніе законовъ, № 135.

приказѣ, хотятъ ли онѣ перейти въ православную христіанскую вѣру или въ нѣмецкую-люторскую; онѣ выразили согласіе принять лютеранство, и тогда онѣ были отданы одному изъ братьевъ Вестовыхъ [1]). Въ Москвѣ нашлись еще другія еврейки, но судьба не разлучила ихъ съ мужьями. Оска Александровъ, изъ Новотроицкаго повѣта, вмѣстѣ съ женою и сыномъ, попалъ въ руки подполковника Кондратьева, который отдалъ ихъ живописцу Иванову; позже вдова Иванова отпустила семью на свободу,—Оска остался жить въ слободѣ—„кормился черною работою". Марко Яковлевъ съ женою Дворкою были захвачены въ 1654 г. въ Горкахъ людьми Касимовскаго царевича; въ 1659 г. царевичъ отпустилъ его съ женою въ Москву, гдѣ Марко и сталъ торговать ветошью. Нашлись и бобыли. Якубко Израилевъ былъ захваченъ въ 1654 г. Темниковскими татарами; прожилъ у нихъ около двухъ лѣтъ, а потомъ старика отпустили: онъ пришелъ изъ Темникова въ Москву и здѣсь вотъ уже второй годъ „печетъ на торгъ хлѣбы". Моска Марковъ находился въ Смоленскѣ въ 1654 г., когда городъ былъ взятъ русскими; Моска покинулъ его и жилъ у полковника Якова Флена, а по смерти послѣдняго пришелъ въ Москву и поселился у пастора, а потомъ, оставивъ его, продолжалъ жить въ нѣмецкой слободѣ, торгуя мясомъ. Только одинъ еврей крестился, принялъ католическую вѣру—Марчко-Захаръ Яшевъ, Новгородскаго повѣта, вмѣстѣ съ другими мѣщанами Дубровны захваченный въ 1654 г. въ плѣнъ и вынужденный пойти въ Москву.

Нѣкоторые изъ указанныхъ евреевъ были вскорѣ сосланы съ женами и дѣтьми въ Сибирь на вѣчное житье [2]). Это были тѣ, которые остались въ своей вѣрѣ.

Высылкѣ не долженъ быть приданъ характеръ мѣры, направленной единственно противъ евреевъ; запрещеніе жить въ Москвѣ распространялось и на другія народности. Только тотъ, кто принималъ православіе, освобождался отъ высылки [3]). Подобно

---

[1]) Если бы онѣ приняли православіе, онѣ были бы выкуплены правительствомъ (§ 71 Уложенія царя Алексѣя Михайловича).

[2]) Оглоблинъ, Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа, III, стр. 60—63. Въ одномъ мѣстѣ въ подлинникѣ слово Сибирь зачеркнуто, а вмѣсто него написано Астрахань, однако, фактически евреи были сосланы въ Сибирь. Въ то время и другихъ иноземныхъ людей ссылали въ Поволожье и въ Сибирь.

[3]) Тамъ же.

Можно полагать, что въ то время на Руси было не мало евреевъ-выкрестовъ. Любопытно отмѣтить, что опальный патріархъ Никонъ, жалуясь изъ ссылки царю Алексѣю Михаиловичу на своихъ враговъ, писалъ (1671 г.), между прочимъ, слѣдующее: „Да у меня же въ Воскресенскомъ монастырѣ были два жида крещеныхъ, и, оставя православную вѣру, начали они старую жидовскую держать и

указаннымъ евреямъ, жившимъ въ Нѣмецкой слободѣ, въ Москвѣ, водворялись и другіе плѣнные, но это было противозаконно, и ихъ высылали въ Сибирь. Случалось, что иноземцы, сосланные въ Сибирь, возвращались въ Москву, но правительство не хотѣло этого терпѣть, и въ 1664 г. былъ изданъ особый указъ—„... иноземцевъ ссыльныхъ людей, которые въ прошлыхъ годахъ съ Москвы сосланы были въ Сибирь на вѣчное житье, а нынѣ они изъ Сибири пріѣзжаютъ къ Москвѣ..., сослать съ Москвы въ Сибирь... и впредь ихъ и иныхъ такихъ же иноземцевъ“ не посылать въ Москву [1]).

При всемъ томъ, однако, не слѣдуетъ полагать, будто пребываніе евреевъ въ Москвѣ вообще считалось недопустимымъ.

По словамъ иностраннаго врача Коллинса, находившагося при дворѣ Алексѣя Михайловича съ 1659 г. по 1666 г., въ Москвѣ образовалась небольшая еврейская колонія; „въ послѣднее время—говоритъ онъ—къ русскому двору пробралось много жидовъ чрезъ покровительство одного лекаря жида, который принялъ лютеранскую вѣру“ [2]). То былъ Гаденъ, онъ же Данило Ѳунгадановъ, Стефанъ, „жидовинъ нѣмецкіе-шленскіе земли, города Бресля, люторскіе вѣры“ [3]). Въ 1673 г. къ Гадену въ Москву пріѣхала его мать; у него гостили и другіе родные, оставшіеся въ еврействѣ, съ особаго каждый разъ разрѣшенія государя; они получали при отъѣздѣ казенныя подводы и подарки соболями и деньгами отъ казны [4]).

Помимо тѣхъ, которые пользовались покровительствомъ Гадена, въ Москвѣ проживали и другіе евреи. Это были тѣ, которые попали въ Россію въ качествѣ военно-плѣнныхъ, а затѣмъ получили свободу. Наравнѣ съ прочими военно-плѣнными

молодыхъ чернецовъ развращать; я, сыскавъ объ этомъ подлинно, велѣлъ жида Демьяна посмирить и сослать въ Иверскій монастырь, а Демьянъ другому жиду, Мишкѣ, сказалъ: „Не пробыть и тебѣ безъ бѣды, бѣги въ Москву и скажи за собою государево слово“; тотъ такъ и сдѣлалъ; ты (т. е. царь) по этому дѣлу присылалъ ко мнѣ думнаго дьяка Дементія Башмакова; а въ это время молодые чернецы, бывшіе въ жидовской ереси, покрали у меня деньги, платье и тѣмъ жидамъ помогли, да имъ же помогалъ архимандритъ Чудовскій“. Соловьевъ, Исторія Россіи, книга III, стр. 276.

Отмѣтимъ здѣсь, что когда (послѣ смерти царя Алексѣя Михаиловича) вліятельный Артамонъ Матвѣевъ былъ сосланъ, отъ него потребовалъ выдачи двухъ людей, изъ коихъ одинъ назывался Иванъ Еврей (Соловьевъ, книга III, стр. 812).

[1]) Оглоблинъ, ч. IV, стр. 120—121.

[2]) Русскій Вѣстн., 1841 г. кн. 9, стр. 588—89.

[3]) О Гаденѣ—см. І. Берхинъ, Два еврея врача при московскомъ дворѣ. Восходъ, 1888, кн. III. Также Регесты, № 1156 (Матеріалы для исторіи медиц. въ Россіи).

[4]) Мулюкинъ, Пріѣздъ иностранцевъ, стр. 227 (Моск. гл. арх. мин. иностр. дѣлъ, Выѣздъ въ Россію, 1675 г. 8 Марта, № 2. Рихтеръ, Исторія медицины, ч. II, стр. 262 и сл., прим. 3).

евреи поселились не въ Нѣмецкой слободѣ, а въ Мѣщанской. Общее правило было таково, что извѣстная группы обывателей могли жить лишь въ опредѣленной части города [1]).

„Образованіе Мѣщанской слободы — говоритъ руководитель цѣннаго изданія матеріаловъ по исторіи московскаго купечества— останавливаетъ на себѣ особенное вниманіе тѣмъ, что первоначальное населеніе ея... составили почти исключительно выходцы изъ западнаго края (въ томъ числѣ и евреи), изъ которыхъ нѣкоторые не только вскорѣ послѣ того перешли уже въ гостиную сотню и, такимъ образомъ, вышедши изъ состава тяглаго населенія, пріобрѣли высшее положеніе въ средѣ торговаго сословія, но въ непродолжительномъ затѣмъ времени достигли даже почетнаго званія гостей, а члены ихъ семействъ заняли впослѣдствіи высшія должности въ государственныхъ, относившихся къ торговлѣ, учрежденіяхъ" [2]).

Дѣйствительно, сохранившіяся переписныя книги Мѣщанской слободы свидѣтельствуютъ, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, что аборигенами слободы явились, среди прочихъ, и евреи.

По Андрусовскому договору 1667 г., согласно которому между русскимъ и польскимъ правительствомъ было заключено перемиріе на тринадцать съ половиною лѣтъ [3]), всѣмъ полякамъ и литовцамъ, казакамъ и др., которые, будучи взяты въ плѣнъ, проживали въ Московскомъ государствѣ, не исключая обращенныхъ въ крѣпостное состояніе (вязенье), было разрѣшено уйти къ польскому королю; тѣ же, которые не пожелали бы покинуть московское государство, могли остаться, причемъ они освобождались отъ крѣпостной зависимости. Подобно другимъ плѣнникамъ, остаться въ московскомъ государствѣ могли также и евреи. Это случилось не по не досмотру и не по шаблону. Нѣтъ, о нихъ было сдѣлано спеціальное распоряженіе. Если 32 года назадъ (въ 1635 г.) указъ, давшій свободу плѣннымъ, упомянулъ о евреяхъ наряду съ другими, то теперь въ указѣ евреямъ были посвящены особыя строки: „и жидовъ тѣхъ, которые въ вѣру Русскую не кре-

---

[1]) Въ 1643 г. нѣмцамъ и нѣмкамъ было воспрещено имѣть дворы „въ Китаѣ и Бѣломъ городѣ на Москвѣ и за городомъ въ слободѣ".—Подобныя правила существовали и въ другихъ городахъ. Въ Новгородѣ въ 1632 г. иностраннымъ торговцамъ было разрѣшено, въ отмѣну прежняго заперта, входить въ „каменный городъ", но лишь для домашнихъ дѣлъ, а отнюдь не для торговли. Костомаровъ, Очеркъ торговли, стр. 102.

[2]) Матеріалы для исторіи московскаго купечества, т. I, приложеніе № 2 (Москва, 1886 г.), предисловіе.

[3]) Въ Россіи перешли по этому договору Украйна, расположенная по лѣвому берегу Днѣпра (Полтавщина, Черниговщина и часть Кіевщины съ Кіевомъ включительно).

стилися, всѣхъ съ женами и съ дѣтьми и съ животами ихъ, никого не тая и къ заставанію не принуждаючи, доброю вѣрою въ сторону Его Королевскаго Величества и Рѣчи Посполитой взволить и выпустить Его Царское Величество укажетъ; и которые бъ изъ нихъ похотѣли въ сторону Его Царскаго Величества добровольно остаться, то имъ вольно имѣетъ быть. А которые Польскаго и Литовскаго народу женской полъ и жидовки вышли замужъ за русскихъ людей, и тѣмъ оставаться въ сторону Его Царскаго Величества при мужѣхъ своихъ“ [1]).

Нѣкоторые евреи, которые воспользовались правомъ остаться въ Москвѣ, не имѣли основанія быть недовольными своимъ новымъ отечествомъ. Трудно сказать, сколько евреевъ осталось въ Москвѣ. Переписныя книги мѣщанской слободы въ Москвѣ приводятъ имена иноземцевъ, въ свое время плѣненныхъ и обращенныхъ въ крѣпостное состояніе, которые, получивъ свободу, не пожелали покинуть Россію. Не мало именъ говорятъ о еврейскомъ происхожденіи слободскихъ домохозяевъ; но не довѣряя именамъ, не всегда представляющимъ надежное свидѣтельство, нельзя утверждать, что мы имѣемъ предъ собой въ данномъ случаѣ евреевъ. Однако, съ другой стороны, встрѣчаются имена, которыя не вызвали бы и мысли о еврейскомъ происхожденіи, а между тѣмъ они принадлежатъ евреямъ, какъ объ этомъ вполнѣ опредѣленно говорятъ документы [2]). Приходится поэтому довольствоваться тѣми лицами, о еврейскомъ происхожденіи которыхъ упомянутый списокъ говоритъ совершенно открыто. И вотъ мы видимъ, что, если одни изъ нихъ были бѣдны, не имѣли недвижимаго имущества, то другіе владѣли собственными домами и пользовались почетомъ среди московскаго торгово-промышленнаго люда.

Нѣкоторые изъ этихъ плѣнныхъ явились родоначальниками русскихъ дворянскихъ фамилій. Особенно интересна судьба одной изъ этихъ еврейскихъ семей.

„Матюшка Григорьевъ, еврей; у него сынъ Петрунька, да у него же братъ ево родной Ѳедка Григорьевъ“. Родомъ изъ Мстислава, Григорьевъ былъ взятъ въ 163 г. (1655 г.) [3]) служилыми людьми на Москву и отданъ Кирилу Волосатому изъ гостинной сотни; жилъ у него пятнадцать [4]) лѣтъ и освобожденъ отъ него по указу великаго государя въ 176 году изъ посольскаго при-

---

[1]) Первое полное собраніе законовъ, № 398, п. 11.

[2]) Впервые я использовалъ эти матеріалы въ статьѣ „Триста лѣтъ назадъ“. Новый Восходъ, 1913 г., №№ 9 и 10.

[3]) Въ то время лѣтосчисленіе велось „отъ сотворенья міра“; 163 означало 7163 г., соотвѣтствующій по обычному счисленію отъ Р. Хр.—1655 году.

[4]) Здѣсь, очевидно, ошибка на два—три года.

казу отосланъ былъ съ памятью на житье въ Новомикитскую слободу; наконецъ, въ 179 г., по указу великаго государя, былъ взятъ въ Новомѣщанскую слободу, безъ поручной записи; торговалъ онъ въ овощномъ ряду [1]).

Такъ гласила перепись 1676 года. А перепись 1684 года, гдѣ при имени Григорьева вновь обозначено „еврей“, сообщаетъ уже новыя данныя о Григорьевѣ. Въ 182 г. мы видимъ его въ мѣщанскихъ старостахъ; четыре года спустя онъ служилъ „на мѣщанскихъ кружечныхъ дворахъ головою“; въ томъ же году въ его положенiи произошла важная перемѣна—онъ былъ взятъ въ гостинную сотню, и съ этого времени ему уже не приходится нести мѣщанскую службу и платить тягло [2]).

Семья Матюшки (Матвѣя) Григорьева увеличилась,—у него родился Яковъ, и этотъ представитель семьи Григорьева, ставшiй называться Евреиновымъ, придалъ ей особый блескъ. Владѣлецъ шелковой фабрики въ Москвѣ, Яковъ Евреиновъ, состоявшiй при Петрѣ Великомъ—консуломъ въ Кадиксѣ, а при Елизаветѣ Петровнѣ — дипломатическимъ агентомъ въ Голландiи, получилъ званiе совѣтника мануфактуръ-коллегiи; если къ этому прибавить, что въ 1742 г. онъ сталъ вице-президентомъ коммерцъ-коллегiи, а въ 1753 г. ея президентомъ, то можно смѣло сказать, что сынъ мстиславскаго еврея сдѣлалъ блестящую карьеру.

Товарищемъ Григорьева по судьбѣ былъ и „Андрюшка Лукьяновъ еврей, Дубровны гор.“. Въ 163 г. (1655 г.) его вывезли люди боярина князя Якова Куденетовича Черкасскаго; по смерти боярина Лукьяновъ былъ отпущенъ на волю и жилъ недолго въ тяглѣ въ Казенной слободѣ, а въ 179 г., по указу великаго государя, взятъ былъ въ Новомѣщанскую слободу, безъ поручной записи; торговалъ онъ въ шелковомъ ряду. Въ 183 г. онъ служилъ головой на мѣщанскихъ кружечныхъ дворахъ, а три года спустя взятъ въ привилегированную гостинную сотню [3]). Лукьяновъ, какъ и Григорьевъ, имѣли свои дворы.

Съ обозначенiемъ „еврей“ указанъ въ переписи 1684 г. также Яковъ Самойловъ, изъ Дубровны, служившiй у Рагозина, а послѣ его смерти освобожденный „государскимъ указомъ“ и водворившiйся съ поручной записью въ Мѣщанской слободѣ; у него были дѣти: Сенька 20 лѣтъ, Ивашко 16 лѣтъ, а также зять Павелко Степановъ; въ другомъ мѣстѣ они указаны (подъ именемъ Семенъ, Иванъ и Павелъ) какъ живущiе въ отдѣльномъдомѣ, при чемъ отмѣчено, что

---

[1]) Матерiалы для исторiи московскаго купечества т. I, прил. № 2, стр. 11.

[2]) Тамъ-же, стр. 78, № 102. Его брату Ѳедору присвоили фамилiю „Евреинъ“

[3]) Тамъ-же, стр. 78, № 103.

они „еврейской породы“; послѣдній сталъ свободнымъ послѣ смерти боярина Василія Борисовича Шереметева, воевавшаго съ поляками [1]).

Приведу еще одну запись: „Степанъ Ивановъ, сынъ Копьевъ, родиною изъ Дубровны, еврейской породы“; служилъ у боярина Заборовскаго, а послѣ его смерти въ 1681 г. отпущенъ съ отпускною на волю и водворился съ поручной записью въ Мѣщанской слободѣ, гдѣ купилъ домъ [2]).

Все это были домохозяева въ Мѣщанской слободѣ Но мы находимъ въ то же время, въ 1666 г. (1665 г.), домовладѣльца и въ Новоиноземной слободѣ [3]).

А на ряду съ домохозяевами евреи встрѣчаются и среди тѣхъ мѣщанъ, которые нанимали „дворы и потклѣты у своихъ братьевъ въ подсосѣдникахъ“, таковъ, напр., Лучка Гавриловъ, „еврейской породы“, свобода котораго была записана въ „бездворныхъ книгахъ“ [4]).

Помимо плѣнныхъ, къ Россіи, надо думать, перешло и еврейское населеніе той мѣстности, которая по Андрусовскому договору подпала власти московскаго государства (Смоленскъ, Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскъ и все Заднѣпровье)—право остаться на территоріи московскаго государства, дарованное плѣненнымъ полякамъ, литовцамъ и евреямъ, принадлежало и населенію вновь завоеванной мѣстности.

Вообще, пребываніе евреевъ въ московскомъ государствѣ было столь распространеннымъ явленіемъ, что „Новоуказныя статьи“ 1669 г., устанавливая кару за совращеніе христіанъ въ другую религію, упоминаетъ особо евреевъ: „аще жидовинъ или агарянинъ дерзнетъ развратить отъ христіанской вѣры христіанина, повиненъ есть казни главнѣй; а аще жидовинъ христіанина раба имый и обрѣжетъ его, да отсѣкнуть ему главу“; законъ предусматривалъ также возможность, чтобы евреи владѣли христіанами-рабами.

---

1) Матеріалы для исторіи моск. купечества, т. I, прилож. 2, стр. 100; стр. 95.

2) Этотъ Степанъ Копьевъ явился родоначальникомъ дворянской фамиліи, Тамъ-же стр. 79, № 105.—Его сынъ Данило былъ оберъ-коммисаромъ въ Верхотурьѣ, а другой, Самойло, членомъ Ревизіонъ - Коллегіи; см. Энциклопед. словарь Брокгаузъ-Ефронъ, подъ словомъ Копіевы.

3) П. Милюковъ, Очерки русской культуры, вып. II (СПБ. 1901 г.), стр. 103. Мулюкинъ, Пріѣздъ иностранцевъ.

4) Матеріалы для исторіи моск. купечества, т. I, прилож. № 2, стр. 113.

Быть можетъ, тѣ лица, которыя именуются „еврейской породы“, принадлежали къ числу крестившихся добровольно или принудительно, хотя этого нельзя положительно утверждать. Что касается лицъ, обозначенныхъ „еврей“, то нѣтъ основанія предполагать, чтобы это были выкресты. — Весьма возможно, что въ архивахъ различныхъ городовъ имѣются данныя и о другихъ евреяхъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимоети и оставленныхъ на мѣстахъ.

О другихъ евреяхъ—см. стр. 78, 85, 96.

Любопытно отмѣтить здѣсь, что вслѣдъ за заключеніемъ Андрусовскаго договора, въ 1668 г., на государеву службу, въ ряды такъ называемыхъ „боярскихъ дѣтей“, въ Верхотурьѣ, вступилъ нѣкій „иноземецъ“ Самойло Вистицкій (и его сынъ), подписавшійся на офиціальномъ документѣ, „сказкѣ“ (1680 г.), еврейскими буквами:

יע שמולה וויסטיצקי איך סיי איז

קוקו יע רוקו פרי לאזיל, т. е. „Я Шмуйло Вистицкій къ сей сказкѣ руку приложилъ“, что даетъ основаніе для утвержденія, что Вистицкій былъ еврейскаго происхожденія [1]).

Сказка, подписанная еврейскимъ шрифтомъ.

„Иноземцы, 188-го Іюля въ 5 день Самойло Обрамовъ сынъ Вистицкой сказал: служитъ де он по Верхотурью въ детехъ боярскихъ лѣтъ з двенатцать, по грамоте великого Государя, при стольнике и воеводе, при Ѳедоре Хрущове, а верстан онъ вновь, а оклад ему: денег семнадцать рублевъ; хлѣба осмнатцать чети ржи, овса тож; а отецъ де ево служилъ королю польскому по Брестъ Литовскому шляхтою; а до того верстанья служилъ онъ, Самойло, по Смоленску Великому Государю съ шляхтою смоленскою въ ряд; а отъ роду де ему пят (ь) десять вос (ь) мъ лѣтъ. А буде он, Самойло, сказалъ ложно, или утаилъ верстанье свое и чинъ отца своего, а сыщетца про то допряма, и за тое ево ложную, скаску указалъ бы Великій Государь взять у него свое государево денежное и хлѣбное жалованье и учинить наказанье и взять пеню, что Великій Государь укажетъ. Иа Шмула Вистицки ик (к) сей изк(а)зку иа руку прилозилъ“.

---

[1]) С. М. Гольдштейнъ, Евреи—дѣти боярскія XVII вѣка (Календарь изд. І. Лурье, за 1902 г.).

Приведенныя данныя о пребыванiи евреевъ въ странѣ вообще, и въ Москвѣ въ частности, свидѣтельствуютъ, что ни правительство, ни общество не питали такой ненависти къ евреямъ, которая дѣлала бы невозможными добрыя сосѣдскiя отношенiя между коренными обывателями и евреями. Однако, такъ какъ литовскiе купцы, независимо отъ ихъ религiи, испытывали порою гоненiя въ Москвѣ, то среди прочихъ могли подвергаться непрiятностямъ и евреи. Однажды царь Алексѣй Михайловичъ, узнавъ, что въ Москвѣ находятся съ товарами литовскiе купцы изъ Могилева и Шклова, приказалъ выслать ихъ въ порубежные города, гдѣ имъ единственно предоставлялось торговать [1]).

Да и не только литовскiе купцы, но и другiе иноземцы были въ это время ограничены въ правахъ. Англiйскiй посолъ передаетъ (1663 г.), что москвичи охотно терпятъ всѣхъ европейцевъ, лишь бы они были протестанты, что только католики и евреи подвергались изгнанiю [2]). Москвичи, быть можетъ, говорили такъ послу, но они не сказали ему всей правды—и лютеране не были въ большой милости. Вообще въ ту пору иностранцы теряютъ свои преимущества въ Россiи: „казна заподозрѣваетъ ихъ въ нечестности и въ томъ, что они лучшихъ своихъ товаровъ не показываютъ [3]) и ихъ по цѣнѣ прямой, заморской не продаютъ“ [4]); а купцы уже ранѣе, какъ выше было указано, жаловались на убытки, проистекающiе отъ сдѣлокъ иноземнаго купечества. И вотъ, въ 1667 г. былъ изданъ Новоторговый уставъ, содержащiй въ себѣ ограниченiя для торговли иноземцевъ на пользу свободной торговли русскаго купечества [5]).

Иноземцы не могли продавать товары врознь, не могли вступать въ торговыя сдѣлки между собою, а только съ мѣстными русскими купцами. Наконецъ, иноземцамъ было запрещено разъѣзжать по городамъ Россiи, равно какъ прiѣзжать въ Москву для торговли, за исключенiемъ иностранцевъ, имѣющихъ отъ русскаго правительства жалованныя грамоты „за красною печатью“ [6]).

Только принявъ во вниманiе это обстоятельство, можно правильно понять послѣдовавшее въ 1676 г. распоряженiе: если евреи

---

[1]) Костомаровъ, Очеркъ торговли, стр. 137.

[2]) Тамъ же, стр. 71.

[3]) Для царя отбирались наилучшiе товары.

[4]) Лешковъ, Русскiй народъ и государство (М., 1858 г.), стр. 385.

[5]) Перв. полн. собранiе законовъ, № 408. Содержанiе этого акта приведено у Лешкова (вкралась опечатка: годъ изданiя закона указанъ 1656 вмѣсто 1667), стр. 385 и 386, а также у Соловьева, Исторiя Россiи, кн. III, стр. 722—723.

[6]) Мулюкинъ (Очерки по исторiи юрид. положенiя иностр. купцовъ, стр. 7) говоритъ, что законъ лишь оформилъ то, что уже ранѣе было на практикѣ

Москва въ началѣ XVII вѣк

браніе рисунковъ къ путешествію Майерберга, 1827 г.).

будутъ пріѣзжать „утайкою" въ Москву и станутъ записывать свой товаръ въ Московской большой таможнѣ, то отсылать ихъ изъ приказу Большаго Приходу въ Посольскій Приказъ, а товаровъ не записывать въ таможнѣ, такъ какъ „евреянъ" какъ съ товарами, такъ и безъ таковыхъ, „изъ Смоленска пропускать не велѣно" [1]).

Все дѣло заключалось въ „утайкѣ"; безъ грамоты за красной печатью никто не смѣлъ пріѣзжать,—въ числѣ прочихъ и евреи. Съ грамотами же за красной печатью евреи могли прибывать въ Москву. И дѣйствительно, при всемъ стѣсненномъ положеніи, въ какомъ очутилось иноземное купечество въ отношеніи пріѣзда въ Москву, предъ евреями раскрываются ворота въ столицу—„жиды, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, умѣли добыть себѣ такія грамоты съ красною печатью; они пріѣзжали въ Москву съ сукнами, жемчугомъ и другими товарами и получали коммиссіи отъ Двора [2])". Извѣстны даже имена нѣкоторыхъ евреевъ, получившихъ грамоты на пріѣздъ въ Москву [3]).

Въ 1671—76 г.г. евреи Іуда и Яковъ Исаевы поставляли въ казну сукно. Они часто пріѣзжали въ Москву и обратно за литовскій рубежъ, пользуясь для этого проѣзжими грамотами. Такъ какъ они поставляли въ казну, то пошлинъ ни съ нихъ, ни съ ихъ приказчиковъ не брали и даже иногда давали подъ товары казенныя подводы и жаловали подарками. Когда этихъ евреевъ пропускали, то приказные должны были смотрѣть, чтобы съ ними не пріѣзжали другіе евреи. Іуда, а также шкловскій еврей Самойло Яковлевъ встрѣчаются и позже въ Москвѣ, сдавая товары казнѣ. Въ 1672 г. Самуилъ Яковлевъ съ товарищами отпущенъ былъ изъ Москвы за рубежъ для покупки венгерскаго вина.

Въ 1674 г. билъ челомъ государю еврей Моисейко Исаевъ; „приволокся я, работникъ твой,—писалъ Исаевъ въ челобитной,—къ Москвѣ для торговаго своего промыслишку"; здѣсь онъ забо-

---

[1]) Полн. собр. законовъ, № 662. См. также Чулковъ, Историческое описаніе Россійской коммерціи (М. 1786 г.), т. IV, кн. VI, стр. 443—44, гдѣ указывается, что эта мѣра была вызвана тѣмъ, что отъ евреевъ происходили „пронырства и подлоги"; авторъ тутъ же сообщаетъ, что торговля въ Россіи была запрещена грекамъ, которые дѣлали въ торговлѣ „великіе обманы" и занимались корчемствомъ; грекамъ было дозволено торговать въ одномъ лишь Путивлѣ. Чулковъ сообщаетъ, что въ 1673 г. литовскимъ людямъ было разрѣшено свободно торговать въ Россіи; врядъ-ли, однако, для нихъ была отмѣнена общая строгость въ отношеніи въѣзда въ Москву; но если бы литовцы дѣйствительно пользовались безпрепятственнымъ въѣздомъ въ Москву, означенное распоряженіе относительно евреевъ носило бы конечно, характеръ репрессіи противъ однихъ только евреевъ.

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. III, стр. 723.

[3]) Около 1667 г. въ Москвѣ умеръ витебскій еврей. Регесты и надписи, № 1060.

лѣлъ и пролежалъ два мѣсяца; съ нимъ пріѣхала и его мать „еврейка-же Маремьяница“: она умерла въ столицѣ, и осиротѣвшій Исаевъ просилъ государя отпустить его за рубежъ съ тѣломъ матери, за которымъ прибудутъ четыре иноземца—государь велѣлъ дать проѣзжую [1]).

Объ обычномъ посѣщеніи евреями русскаго государства можно заключить изъ того, что когда въ 1675 г. на Волыни, въ Подоліи и въ другихъ мѣстностяхъ распространилось моровое повѣтріе, кіевскому воеводѣ было предписано не пропускать оттуда грековъ, евреевъ и иныхъ туземцевъ съ товарами [2]). Это были, вѣроятно, евреи изъ Польши (быть можетъ также изъ Литвы) и Турціи.

Въ 1678 г. съ польскими послами былъ заключенъ договоръ, согласно которому торговымъ людямъ обоихъ государствъ, „кромѣ жидовъ“, было предоставлено ѣхать въ столичные города Краковъ, Варшаву и Вильно—съ одной стороны, и въ Москву—съ другой [3]).

Быть можетъ, въ этомъ рѣшительномъ запрещеніи евреямъ пріѣзжать въ Москву сказалось то настроеніе по отношенію къ евреямъ, которое могло распространиться въ высшемъ московскомъ обществѣ подъ вліяніемъ проповѣди архимандрита Іоанникія Голятовскаго, написавшаго рядъ трудовъ, направленныхъ противъ лютеранъ, магометанъ и др. На евреевъ Голятовскій обрушился въ книгѣ „Мессія правдивый“, посвященной царю Алексѣю Михайловичу (около 1669 г.) Голятовскій не имѣлъ въ виду спеціально евреевъ, жившихъ въ Московскомъ государствѣ, но русскіе люди, мало сравнительно знавшіе евреевъ, не могли не встревожиться, узнавъ, что Голятовскій возводитъ на евреевъ самыя тяжкія обвиненія. „Мы христіане,—проповѣдывалъ Голятовскій,—должны ниспровергать и сожигать жидовскія божницы, въ которыхъ вы хулите Бога, мы должны у васъ отнимать синагоги и обращать ихъ въ церкви; мы должны васъ, какъ враговъ

---

1) Мулюкинъ, Пріѣздъ иностранцевъ, 227—28. Временникъ Имп. общества исторіи и древностей, т. 24, Отд. II, Матер. стр. 11—15. Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. III, стр. 723.

2) Акты Южн. и Зап. Россіи, XII (Спб. 1882 г.), стр. 365 и 367.

3) Костомаровъ, (Очеркъ торговли, стр. 137) толкуетъ это соглашеніе въ томъ смыслѣ, что русскіе и польскіе купцы могли пріѣзжать единственно въ столицы, отнюдь не въ другіе города. Если это такъ, то надо заключить, что въ это время иноземнымъ евреямъ былъ совершенно закрытъ доступъ въ государство. — Въ 1686 г. договоръ былъ продленъ на нѣсколько лѣтъ. См. Полн. собр. закон., №№ 730 и 1186. — Ссылаясь на этотъ договоръ, Лешковъ (Русскій народъ и государство) говоритъ о постоянномъ исключеніи евреевъ „изъ общаго права входа въ Россію, со времени жидовской ереси, чрезъ все XVII столѣтіе“ (стр. 273). Данныя, приведенныя въ настоящей статьѣ, опровергаютъ указанное утвержденіе.

Христа и христіанъ, изгонять изъ нашихъ городовъ, изъ всѣхъ государствъ, убивать ихъ мечемъ, топить въ рѣкахъ и губить различными родами смерти" [1]).

Однако, состоявшееся въ 1678 г. запрещеніе евреямъ пріѣзжать въ Москву не соотвѣтствовало фактическому положенію вещей, а потому евреи въ дѣйствительности прибывали въ Москву, и не тайно, а открыто. Такъ, напримѣръ, 20 Февраля 1680 года взяли къ допросу въ посольскій приказъ еврея Левека Абрамова, жителя мѣстечка Друи; онъ пріѣхалъ въ Москву со своимъ шуриномъ, „Обрамкомъ Моисеевымъ", чрезъ Великіе Луки, Торопецъ, Ржевъ, гдѣ являлся къ воеводамъ, которые и пропустили его безъ задержки; Абрамовъ пріѣхалъ съ товаромъ „съ сукнами съ пестредми, съ оловяными ѳляжки"; онъ явился въ таможню, гдѣ взята была „по немъ порука", что по продажѣ товара онъ заплатитъ пошлину [2]).

Подобные случаи побуждали московское правительство подтверждать воеводамъ, чтобы они не пропускали евреевъ къ Москвѣ, а отсылали ихъ за рубежъ. Воеводы пропускали евреевъ, конечно, не изъ добраго чувства къ нимъ, а изъ матеріальныхъ соображеній — услуги оплачивались. То же бывало и съ другими иноземцами [3]).

О неблагопріятномъ отношеніи къ евреямъ говорятъ и современники. Впрочемъ, надо имѣть въ виду, что иноземцы, оставившіе записки о Московіи, мало были знакомы съ дѣйствительной русской жизнью, такъ какъ члены посольствъ находились въ Москвѣ подъ строгимъ, хотя и почетнымъ карауломъ, и кругъ лицъ, съ которыми они вступали въ общеніе, былъ крайне ограниченъ. А по пути въ Москву посольства почти вовсе не допускались въ города, они ночевали если не въ полѣ, то въ предмѣстьѣ. Таннеръ, прибывшій съ посольствомъ въ Москву въ 1678 году, сообщаетъ, что пограничный городъ Кадинъ служитъ предѣломъ для дѣятельности евреевъ, торговавшихъ русскими мѣхами, такъ какъ „въ Московію они и показаться не смѣютъ" [4]). Однако, къ самому посольству, въ которомъ участвовалъ Таннеръ,

---

[1]) Костомаровъ, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ (II изд.), т. II, стр. 365.

[2]) Мулюкинъ, Пріѣздъ иностранцевъ, стр. 225—6.

[3]) Такъ, въ 1635 г. государь издалъ указъ, въ которомъ говорилось, что воеводы „для своей корысти" пропускаютъ иностранныхъ купцовъ изъ пограничныхъ городовъ внутрь Россіи и въ Москву безъ государевыхъ жалованныхъ проѣзжихъ грамотъ. Мулюкинъ, Очерки по исторіи юридич. положенія иностр. купцовъ, стр. 298.

[4]) Таннеръ Бернардъ, Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 г. (Москва, 1891), стр. 28.

присоединились евреи. Приставъ, сопровождавшій посольство, говорилъ за Смоленскомъ, чтобы евреи не слѣдовали далѣе, но послы заявили, что и въ прежнее время съ послами хаживали торговые люди и евреи съ товарами невозбранно [1]).

Другое свидѣтельство, относящееся къ самому концу 17 в., говоритъ нѣчто новое: посѣтившій Россію въ составѣ посольства къ Петру Корбъ передаетъ: „Іудеевъ не терпятъ въ Московіи иначе, какъ крещенныхъ. Московиты сами приводятъ объясненіе этого: именно представляется имъ несообразнымъ, чтобы разнились отъ нихъ въ религіи тѣ, въ нравахъ которыхъ проявляются и выражаются одинаковыя съ ними замѣчательная хитрость и способность къ самымъ искуснымъ обманамъ“ [2]).

Стрѣлецкій бунтъ 1682 г. лишилъ московскихъ евреевъ ихъ покровителя—во время бойни, учиненной стрѣльцами, погибъ врачъ Данилъ Гаденъ. Ища во дворцѣ нѣкоторыхъ бояръ, стрѣльцы потребовали выдачи врача „Даніеля“, котораго обвинили въ отравленіи Царя Ѳеодора Алексѣевича, и такъ какъ Гадена не нашли, то убили его помощника, нѣмца Гутменша, и 22-лѣтняго сына Гадена, Михаила; хотѣли было убить и жену Гадена, но царица Марѳа Матвѣевна выпросила ей жизнь. Однако, вскорѣ въ „Нѣмецкой слободѣ“ нашли Гадена, въ одеждѣ нищаго. Ударили въ набатъ; пьяные стрѣльцы огромною толпою сопровождали его ко дворцу; царица Марѳа и царевны увѣряли разъярившихся стрѣльцовъ, что Гаденъ невиновенъ, что онъ самъ отвѣдывалъ лѣкарства, которыя подавали царю, но все это не помогло. „Онъ чернокнижникъ,—кричали стрѣльцы—мы въ его домѣ нашли сушеныхъ змѣй и поэтому его надобно казнить смертью“. Несчастнаго повели въ застѣнокъ, пытали. Не вытерпѣвъ мукъ, Гаденъ наговорилъ на себя, просилъ дать ему три дня сроку, и онъ укажетъ тѣхъ, кто больше его достойны смерти. „Долго ждать“—закричали стрѣльцы, разорвали записку съ пыточными рѣчами, потащили Гадена на Красную площадь и тамъ разрубили на мелкія части [3]).

Опьяненные властью, стрѣльцы потребовали, чтобы на Красной площади былъ воздвигнутъ столпъ съ написанными на немъ именами „побитыхъ злодѣевъ“. Это было исполнено, но позже столпъ былъ разрушенъ.

---

[1]) Таннеръ Бернардъ. Описаніе путешествія, стр. 28, примѣчаніе № 21.

[2]) Корбъ Іоганнъ, Дневникъ путешествія въ Московію въ 1698—99 г. (Пет. 1906 г., изд. Суворина), стр. 239.

[3]) Костомаровъ, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, т. II, стр. 485 и сл. Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. III, стр. 903.

Въ нѣкоторыхъ документахъ сообщается, что стрѣльцы умертвили вмѣстѣ съ нѣмцемъ Гутменшемъ и сына послѣдняго [1]) Но Таннеръ, получившій извѣстіе отъ своихъ московскихъ знакомыхъ вслѣдъ за событіемъ, сообщаетъ, что былъ умерщвленъ не сынъ Гутменша, а сынъ Гадена Михаилъ—въ спискѣ убитыхъ „царедворцевъ“ указанъ Михаилъ Даниловъ фонъ-Гаденъ“ (Galden), а затѣмъ отдѣльно упомянуты погибшіе врачи—Даніилъ фонъ-Гаденъ (Galden) и Иванъ Гутменшъ [2]). Это подтверждается и еврейскимъ источникомъ, сообщающимъ, что вмѣстѣ съ Гаденомъ погибъ и его сынъ Цеви-Гиршъ, принявшій христіанство, и что на столпѣ были означены имена ихъ обоихъ.

שאלה דב

במותב תלתא בי דינא · כחדא הוינא · ואתא לקדמנא
פיקר כמר חיים בר יצחק כ"ץ והגיד בח"ע באליו"ע ח"ל דאס איז ידיעה ברורה דו האב גיהורט מכמה אנשים אונ' האבין איין כתב גיזעהן פיסעי' אנס אונ' שרייבט בפרוטרוט וואס ויין אוועק גיקומן שרים ברעש אונ' שרייבט בשם דו כמר צבי בן דניאל איז נ"כ נהרג גיווארין בייא דיא שרים וגם שארי כרילים דז כמר צבי הנ"ל איז בוודאי נהרג גיווארין אונ' אנשי" האבין אים בהאלטין דהיינו ישעי' אנס הנ"ל האט אים בעצמו מקבר גיוועזין עכ"ל :

שוב העיד כמר יעקב בר יצחק כעמנס הנ"ל וז"ל איך בין גיקומן למאסקווי אחר הרעש ג' או ד' ימים · נכן בין איך גנגין עם שארי אנשים דען עס איז איין ציווי גיוועזין מהקיסר ואל ויין הודג בהאלטין

בהאלטין · וכן בין איך גנגן עם שארי אנשים אונ' האבין גינומן דניאל גה"ד צו האקט אויף שטיקל אונ' ער איז נכך גיוועזין רק איין פוס איז אפ' גיהאקט וגם איין יד · וגם דורך גישלאגין גיוועזין מיט איין קאפיה"א אונ' איין האק איבירן קא"פ · נכן האבין מיר ויא גינומן אונ' האבין מקבר גיוועזין דהיינו איך בעצמי עם שארי אנשים אין פעלד דניאל ובנו צבי הנ"ל עכ"ל :

שוב בא והגיד כמ' אלי' אחיו של כמ' יעקב הנ"ל בעונש ח"ל דז חמי כמ"' פסח האט צו מיר גישריבן דז דניאל ובנו צבי זיין נהרג גווארין ברעש נאחד וש בין גיוועזין במאסקווי"י בעצמי האבין מיר אנכים ב'ווין דאש אורט וואו מען האט ויא נידן מקבר גיוועזין · גם הגידו הנ"ל דו איין סלו"פ איז גימויערט גיווארין אחר הריגה הנ"ל אונ' אויף איין טאביל של ברזל אויף גיהנגין וגם נרשם הרוגים של השרים כל א' בשמו וגם נרשם שם דו דניאל ובנו הירש איז אויך נתוכב נהרג גיווארין עכ"ל : הוגבה כל הנ"ל כדת וכהלכה בפנינו כ"ד היו' יו' א' ד"ו אייר תמ"ג לפ"ק פה ק"ק בוחאווי :

נא' משה בלא"א מוהר"ר יוסף זצ"ל:
ונאם ראובן במהר"ר יעקב זצ"ל.
ונא' משה בלא"א כמוהר"ר אברהם כ"ץ שלי"ט ס"ד דק"ק בוחאווי לע"ע :

Респонсы люблинскаго раввина Мордуха Зискиндъ Роттенбурга (Гамбургъ, 1716 г.).

О смерти Гирша допрашивались въ Быховѣ въ 1683 г. свидѣтели, очевидцы Стрѣлецкаго бунта, дабы рѣшить вопросъ, можетъ ли его вдова вступить въ новый бракъ (см. иллюстрацію).

---

[1]) Регесты и надписи, №№ 1207—1209 (Архивъ кн. Куракина, кн. I, стр, 46. Ал. Сумароковъ, Перв. главн. Стрѣлец. бунтъ, стр. 46—47; Хилковъ, Ядро Россійской исторіи, 3-е изд. стр. 443—444).

[2]) Таннеръ Бернардъ, Описаніе путешествія, стр. 125—126.

Въ то время въ Москвѣ была цѣлая группа евреевъ, о которыхъ въ документѣ, сохранившемъ показанія свидѣтелей смерти Гирша, говорится, что это были „онсимъ“, что они не могли почитаться евреями въ отношеніи свидѣтельскихъ показаній. Можно думать, что ихъ грѣхъ состоялъ въ томъ, что они, дабы имѣть возможность оставаться въ Москвѣ въ тѣ смутные дни, объявили себя христіанами. Это какъ бы подтверждается указаніемъ на то, что нѣкій Яковъ, сынъ Исаака, прибывшій въ Москву вскорѣ послѣ бойни и участвовавшій вмѣстѣ съ другими евреями въ погребеніи, по царскому велѣнію, Данила и его сына, былъ въ тотъ разъ „онесъ“; но позже, давая показанія о московскомъ событіи, онъ уже ушелъ „съ дурного пути“; прочіе же евреи, бывшіе въ Москвѣ въ кровавые дни, не бѣжали оттуда и остались „онсимъ“. Онесомъ, „въ тотъ разъ“ былъ Хаимъ сынъ Исаакъ Кацъ (аббревіатура Когенъ-цедекъ, т. е. священникъ), который въ документѣ именуется „уважаемый“. [1])

О неблагопріятномъ отношеніи московскаго правительства къ евреямъ въ концѣ семнадцатаго вѣка можно заключить и изъ словъ А. Бранда, посѣтившаго Москву въ 1692—94 годахъ. Онъ говоритъ, что евреи совершенно не допускались въ страну [2]).

---

[1]) Сообщено С. Е. Винеромъ.

[2]) Переводчикъ „Описанія путешествія“ Таннера замѣчаетъ (стр. 69), что, по словамъ Бранда, „католики, подобно жидамъ, могутъ совершать службу (т.-е богослуженіе) въ купленномъ ими домѣ“. По свѣркѣ мной съ нѣмецкимъ изданіемъ книги Бранда оказалось нѣчто совершенно иное, а именно, что евреевъ не допускали въ страну. Adam' Brands neu vermehrte Beschreibung seiner grossen Chinesischen Reise (Lübeck, 1734): „was Juden und dergleichen Geschmeiss betrifft werden sie in allen Czaarischen Ländern nicht geduldet, weil man in Moscau an anderer Nationen ihren Schaden gelernet, was untheils dieses Gotts-lästerende Volk nach sich ziehet, wann es einmahl in einer Stadt und Republik eingelassen und auffgenommen worden“.—О запрещеніи евреямъ пріѣзжать въ Россію говоритъ позднѣйшій авторъ: Grot, Bemerkung über die Religionsfreiheit der Ausländer im Russischen Reiche, 1797, стр. 26.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отношеніе Петра Великаго къ евреямъ. — Погромъ въ Малороссіи. — Евреи въ Смоленской области. — Сожженіе Возницына, отпавшаго отъ христіанства, и Бороха, совратившаго его. — Безуспѣшныя попытки удалить евреевъ изъ Россіи. — Имп. Елизавета, побуждаемая религіозной нетерпимостью, настойчиво требуетъ изгнанія евреевъ изъ малороссійскихъ и великороссійскихъ губерніи, а также изъ Риги. — Къ исторіи евреевъ въ Ригѣ. — Окончательное изгнаніе евреевъ при Елизаветѣ. — Желаніе Екатерины II водворить ихъ въ Россіи. — Сочувственное отношеніе населенія къ возвращенію евреевъ.

Въ началѣ 18-го вѣка Москва утрачиваетъ свою вѣковую государственную роль. Петръ Великій основываетъ вторую столицу—Санктъ-Петербургъ (Петроградъ), куда переводится центральное управленіе и гдѣ возникаетъ торговая жизнь. И вскорѣ Петроградъ получаетъ въ исторіи евреевъ въ Россіи то значеніе, которое ранѣе имѣла Москва.

Когда говорятъ объ отношенін Петра Великаго къ евреямъ, то обыкновенно ссылаются на разсказы и анекдоты про Петра. Разсказываютъ, что когда царь, живя въ Голландіи, приглашалъ въ Россію художниковъ, фабрикантовъ и купцовъ, амстердамскіе евреи задумали воспользоваться этимъ случаемъ и обратились къ царскому любимцу Витзену съ просьбой исходатайствовать у Петра разрѣшеніе селиться евреямъ въ Россіи и вести торговлю; они сулили громадныя выгоды Россіи отъ своего торговаго посредничества и обѣщали преподнести государю на первый случай сто тысячъ гульденовъ. Витзенъ исполнилъ это порученіе, но Петръ отвѣтилъ, улыбаясь: „Вы знаете жидовъ, знаете и русскихъ. Я также хорошо знаю тѣхъ и другихъ, что касается первыхъ, то еще не время позволить жидамъ селиться въ моемъ государствѣ. Скажите имъ, отъ моего имени, что я благодарю ихъ за предложеніе, но мнѣ пришлось бы жалѣть ихъ, еслибы они поселились въ Россіи, потому что хоть и говорятъ, что жиды въ торговлѣ всѣхъ надуваютъ, но не думаю, чтобы они провели моихъ русскихъ“ [1]). Есть и другой разсказъ (Нартова). Петръ будто зая-

---

[1]) Разсказы и анекдоты про Петра Великаго, Русск. Архивъ, 1883 г., кн. II, стр. 352.

вилъ—„я хочу видѣть у себя лучше магометанской и языческой вѣры, нежели жидовъ. Они плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не распложаю. Не будетъ для нихъ въ Россіи ни жилища, ни торговли, сколько о томъ ни стараются и какъ ближнихъ ко мнѣ ни подкупаютъ".

Это все переходившія изъ устъ въ уста росказни, довѣріе къ которымъ не обязательно. Но есть документъ, съ которымъ нельзя не считаться, а онъ говоритъ объ иномъ отношеніи Петра къ евреямъ. Одинъ изъ братьевъ Веселовскихъ, еврейскаго происхожденія, [1]) Абрамъ Павловичъ, занимая постъ резидента въ Вѣнѣ, писалъ царю, что евреи-врачи всегда отличались своими познаніями и только благодаря евреямъ-врачамъ возможно было бороться съ разными лютыми болѣзнями; вотъ почему онъ рекомендовалъ царю еврея-врача, который соглашался пріѣхать въ Россію подъ условіемъ свободы вѣроисповѣданія, и Петръ написалъ Веселовскому: „По мнѣ будь крещенъ или обрѣзанъ—едино, лишь будь добръ человѣкъ и знай дѣло" [2]). Это не были одни слова. Есть извѣстіе, что изъ числа первыхъ восьми аптекъ въ Москвѣ, разрѣшенныхъ къ открытію по указу 1701 г., одна была учреждена евреемъ (1712 г.) [3]). Петръ не отказывался отъ услугъ евреевъ: Израиль Гиршъ, родомъ изъ Вильны, но проживавшій въ Ригѣ, былъ царскимъ факторомъ [4]). Подрядчикомъ по доставкѣ серебра на монетный дворъ былъ Зундель Гиршъ, проживавшій въ Петербургѣ съ семьей, слугами [5]) и компаньонами: сыномъ Моисеемъ и рижскимъ евреемъ Самсономъ Соломономъ.

---

[1]) Отецъ Веселовскихъ, еврей, выходецъ изъ польскаго мѣстечка Веселово, оказалъ услуги московскому правительству при осадѣ Смоленска (1654 г.); позже онъ крестился. — Среди лицъ, окружавшихъ Петра, было нѣсколько крещеныхъ евреевъ; помимо братьевъ Веселовскихъ, слѣдуетъ отмѣтить барона Шафирова, шута Акосту, перваго петербургскаго оберъ-полицеймейстера Дивьера. См. соотвѣтствующія замѣтки въ Еврейской Энциклопедіи (о Шафировѣ — см. Русскій Архивъ, 1903 г., т. VII, стр. 384) и статью В. Строева въ Revue des études juives, 1906 г., № 103.

[2]) Изъ Государственнаго Архива; приведено въ изданіи „Петръ Великій въ его изреченіяхъ" (СПБ., изд. Вольфа), стр. 92.

[3]) Варадиновъ, Аптекарскій уставъ, извлеч. изъ свода законовъ (СПБ. 1880 г.), глава „Исторія фармацевтич. сословій"; по словамъ Фредеркинга, автора „Grundzüge der Geschichte der Pharmacie etc", имя упомянутаго аптекаря, Абрамъ Рутъ, говоритъ, что это былъ еврей.

[4]) Buchholtz, Geschichte der Juden in Riga, стр. 25. Гиршъ пользовался покровительствомъ рижскаго магистрата; не въ примѣръ прочимъ евреямъ, онъ былъ оставленъ въ Ригѣ во время эпидеміи 1710 г. Въ 1715 г. Меншиковъ далъ Гиршу патентъ на проживаніе въ Ригѣ съ семьей и домочадцами.

[5]) Зундель Гиршъ былъ сыномъ вышеупомянутаго Израиля Гирша. См. Buchholtz, стр. 33.

Чтобы лишній разъ подчеркнуть замѣчаемое порою несоотвѣтствіе между сообщеніями современниковъ и достовѣрными документами, слѣдуетъ указать, что, по словамъ игумена Ореста, Петръ ласково принялъ въ Могилевѣ въ 1706 г. магистратскихъ чиновниковъ, а на евреевъ, пришедшихъ съ хлѣбомъ и поднесшихъ живаго осетра въ чанѣ, царь „и не взглянулъ, только хлѣбъ велѣлъ отъ нихъ принять“ [1]). Фактически же царь вовсе не относился къ евреямъ съ подобнымъ пренебреженіемъ. Такъ, два года спустя онъ посѣтилъ въ Мстиславѣ синагогу; приходъ Петра оказался своевременнымъ; евреи сообщили ему, что они терпятъ насилія отъ солдатъ и Петръ подвергъ виновныхъ карѣ, какъ объ этомъ сообщаетъ нижеслѣдующая запись въ мѣстномъ пинкосѣ: „28 Элула 5468 г. пришелъ Кесарь, называемый царь Московскій, по имени Петръ, сынъ Алексѣя, со всей толпой своей — огромнымъ несмѣтнымъ войскомъ. И напали на насъ изъ народа его грабители и разбойники, безъ его вѣдома, и едва не дошло до кровопролитія. И если бы Господь Богъ не положилъ царю на душу, чтобы онъ самолично зашелъ въ нашу синагогу, то навѣрное была бы пролита кровь. Только съ помощью Божіей спасъ насъ царь и отомстилъ за насъ, и приказалъ повѣсить немедленно тринадцать человѣкъ изъ нихъ, и успокоилась земля“ [2]).

Въ царствованіе Петра евреи по прежнему встрѣчаются въ различныхъ мѣстностяхъ государства — одни были осѣдлые, другіе — гости. Въ 1702 г. переяславскій воевода доносилъ царю, что многіе греки и армяне, волохи и жиды проѣзжаютъ караванами изъ Константинополя на Украину и обратно, держа путь на Переяславъ, мимо Кіева, и „тайно все провозятъ“ [3]). Съ другой стороны, и Кіевъ привлекалъ къ себѣ зарубежныхъ евреевъ, находившихъ здѣсь, въ случаѣ надобности, защиту въ лицѣ городской власти [4]).

---

[1]) Археографическій сборникъ, II, приложеніе, стр. XLIII.

[2]) С. Дубновъ, Изъ еврейской старины. Восходъ, 1889 г., кн. 1—2.

[3]) Кіевская Старина, 1893 г., сентябрь, стр. 441.

[4]) Левицкій, Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ 17 вѣка (Кіевская Старина, 1901 г., книга XII). Пріѣхавшій изъ Фастова въ Кіевъ еврей Беня Абрамовъ подвергся нападенію со стороны учениковъ мѣстной духовной академіи, позволявшихъ себѣ совершать насилія и надъ другими кіевскими обывателями, христіанами. Магистратъ заступился за него; тогда студенты, въ отместку, ограбили Беню; онъ спасся, бѣжавъ въ ратушу. Студенты обычно пользовались безнаказанностью въ подобныхъ дѣлахъ, такъ какъ подлежали власти одного только ректора. Но теперь мѣщане потребовали наказанія студентовъ. Воевода послалъ къ ректору подъячаго; бургомистръ также послалъ къ нему людей; отправился и пострадавшій въ сопровожденіи еврея Рафала, „толмача войсковаго“. Бенѣ возвратили его лошадь, но потомъ студенты вновь избили его. Тогда въ академію были посланы стрѣльцы забрать студентовъ; произошла схватка; студенты вооружились

Осѣдлое еврейское населеніе мы находимъ въ это время въ Малороссіи. Эта такъ называемая лѣвобережная Украина, лежащая на лѣвомъ берегу Днѣпра, перешла въ 1667 г. подъ власть русскихъ государей. Незадолго до этого казацкое войско Хмѣльницкаго предало огню и мечу жившихъ здѣсь евреевъ [1]). Но уже въ шестидесятыхъ годахъ евреи вновь водворяются въ нѣкоторыхъ украинскихъ городахъ и въ полной безопасности разъѣзжаютъ по ярмаркамъ. Они появились сперва въ Сѣверной Украинѣ, гдѣ торговали лошадьми, дегтемъ; нѣкоторые евреи были извѣстны какъ „докторчики". Потомъ евреи стали арендовать панскіе шинки и корчмы [2]). Они жили безъ тревоги, не опасаясь повторенія казацкихъ изувѣрствъ. Любопытно, что въ 1684 г. еврей Ицакъ изъ Прилукъ, пріѣхавъ на ярмарку, спорилъ съ духовными и свѣтскими лицами о вѣрѣ [3]). Однако, это спокойствіе было нарушено въ 1704 г. погромомъ. Обстоятельства, предшествовавшія погрому, и само побоище даютъ нѣкоторый матеріалъ, иллюстрирующій положеніе евреевъ въ краѣ [4]).

На Украинѣ для пополненія войскового скарба и для средствъ къ содержанію платнаго войска были установлены такъ назыв. оранды, т. е. отдавали на откупъ доходы отъ торговли виномъ и нѣкоторыми другими предметами, обращенные на войсковыя потребности. Въ 1703 г. въ Черниговскомъ полку, въ с. Жуковкѣ или Жуковцахъ, была корчма, которую сотникъ сдавалъ въ аренду еврею Шмулю. Шмуль также торговалъ — табакомъ, дегтемъ и виномъ, составлявшими регаліи. Шмуль находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ мѣстнымъ священникомъ, охотно бесѣдовавшимъ „о предметахъ, касающихся религіи и вообще міра умственнаго"; священникъ любилъ Шмуля за то, что послѣдній былъ человѣкомъ, „отъ природы способнымъ возвыситься надъ земною суетою"; когда къ священнику пріѣзжали погостить священники изъ окрестныхъ мѣстностей, Шмуль приглашался на эти собранія, и дружеская бесѣда на религіозныя темы не нарушалась какими-либо непріятностями; онъ умѣлъ спорить, не оскорбляя

жились, напали на стрѣльцовъ и произвели погромъ въ городѣ. Въ виду этого послѣдовалъ царскій указъ 1700 г., предоставившій магистрату арестовывать студентовъ, при помощи ратныхъ людей, и предавать ихъ суду воеводы, который и долженъ судить ихъ не по мѣстному, а по болѣе строгому, великорусскому закону.

[1]) См. главу настоящей книги, посвященную исторіи евреевъ въ польско-литовскомъ государствѣ.

[2]) Левицкій, Очерки народной жизни въ Малороссіи. Кіевская Старина, 1901 г., книга XII, стр. 467 и сл.

[3]) Тамъ же.

[4]) Костомаровъ, Жидотрепаніе въ началѣ 18 вѣка. Кіевская Старина, 1883 г., кн. I и III.

религіознаго чувства собесѣдника. Шмуль пользовался большимъ уваженіемъ среди евреевъ, разбросанныхъ по околодку. У него была особая комната для богомоленія, и окрестные евреи пріѣзжали къ нему на праздники; они привозили съ собою съѣстные припасы и проводили ночи въ повозкахъ. Однажды къ празднику новаго года, помимо обычныхъ гостей, къ Шмулю пріѣхалъ „цадикъ“ изъ Львова, разъѣзжавшій по Волыни, Подоліи и Украинѣ, Соломонъ Захарьевичъ Грековичеръ. Радостное настроеніе Шмуля и его гостей, вызванное присутствіемъ Соломона, омрачилось исключительнымъ обстоятельствомъ: появилась комета, и Соломонъ сказалъ, что она возвѣщаетъ несчастье.

Въ это время въ корчму прибылъ сотникъ, очень хорошо относившійся къ Шмулю, а вмѣстѣ съ нимъ студентъ кіевской духовной академіи Микола Сохна, пользовавшійся въ Черниговскомъ полку славой ученаго. Сохна ненавидѣлъ евреевъ и открыто агитировалъ противъ нихъ, обвинялъ ихъ въ употребленіи христіанской крови. Онъ сталъ вести себя у Шмуля вызывающе, оскорблялъ евреевъ, говорилъ, что имъ нужна христіанская кровь. Вскорѣ послѣ этого Сохна, гостя у своихъ родителей въ Городнѣ, исчезъ; прошло не мало времени, пока его трупъ былъ найденъ изуродованнымъ въ стогѣ соломы. Обвиненіе пало на мѣстнаго еврея Давыда, оговорившаго подъ пыткой и другого еврея, Якова. Судъ происходилъ въ Черниговѣ. Здѣсь пыткою—палачъ водилъ раскаленнымъ желѣзомъ по спинѣ—у Давыда вырвали „признаніе“, что евреи, бывшіе у Шмуля, когда къ нему пріѣхалъ Сохна, уговорили его, Давыда, убить студента; онъ выполнилъ это порученіе и источилъ кровь у убитаго. Яковъ, которому обрили голову и бороду передъ тѣмъ, какъ предать пыткѣ, испугавшись ждавшихъ его мукъ, поспѣшилъ подтвердить показаніе Давыда. Среди мѣстныхъ евреевъ оказались и герои. По наговору Давыда арестовали сѣдневскаго еврея Шмуля и тупичевскаго Юдку; палачъ дважды проводилъ имъ по спинѣ раскаленнымъ желѣзомъ, но отъ нихъ не добились сознанія.

Вѣсть о томъ, будто евреи замучили христіанина, разнеслась по краю—толпы бросились на еврейскіе дворы и оранды. Былъ убитъ извѣстный намъ Шмуль въ Жуковицахъ, которому-де обвиняемые послали платокъ, смоченный кровью Сохны, для раздачи лоскутковъ евреямъ; съ нимъ погибла и его семья, запертая въ подожженной избѣ; были убиты и нѣкоторые другіе евреи; молельни и свитки Торы стали добычей огня. Во многихъ орандахъ евреи были ограблены и изгнаны; большая часть бѣженцевъ погибла въ пути отъ голода и стужи. Универсалъ гетмана потребовалъ прекращенія самосуда; но вспышка и безъ этого погасла.

Узнавъ о подробностяхъ кроваваго дѣла, о томъ, какъ городненскіе обыватели, отбивъ Давыда и Якова отъ конвоя, растерзали ихъ въ клочья, гетманъ заявилъ, что, по его мнѣнію, евреи убили Сохну изъ мести за то, что онъ поносилъ ихъ, и только подъ пыткой взяли на себя вину въ источеніи крови; „темна вода во облацѣхъ“; если бы обвиняемые были живы, можно было бы выяснить дѣло, „а теперь кто ихъ разберетъ“.

Погромъ не распространился за предѣлами Черниговскаго полка. И, вообще, если приведенный разсказъ и не сгущенъ, кровавое событіе, надо думать, не сохранившись въ памяти мѣстнаго населенія, не произвело особаго впечатлѣнія на правящіе круги — погромъ, насколько извѣстно, не упоминается даже въ тѣхъ позднѣйшихъ актахъ, которые направлены противъ пребыванія евреевъ въ краѣ.

Пользуясь свободой въ торговлѣ, евреи въ ближайшіе годы развили здѣсь свою дѣятельность. Есть указаніе, что именно съ цѣлью пресѣчь развитіе торговли евреевъ, въ 1708 г. было „велѣно ѣздить имъ только до Кіева и продавать товары оптомъ“ [1]). Это распоряженіе слѣдуетъ объяснить финансовыми соображеніями: въ ту пору даже великороссійскіе купцы не имѣли права торговать въ Малороссіи,—оно было имъ дано лишь въ слѣдующемъ году [2]); что касается розничной торговли, то таковая, по старому обычаю, дозволялась въ городахъ лишь мѣстному торговому классу. Къ тому же указъ 1708 г. имѣлъ, несомнѣнно, въ виду не тѣхъ евреевъ, которые водворились въ городахъ и на панскихъ земляхъ, а тѣхъ, которые совершали многократные переѣзды изъ Польши въ Малороссію и обратно; продавъ въ Малороссіи товаръ, евреи, уѣзжая за рубежъ, увозили, по необходимости, русскую монету, а правительство боролось съ этимъ обстоятельствомъ.

Правда, и противъ осѣвшихъ въ краѣ евреевъ издавались указы—требовалось выселеніе ихъ, но эти распоряженія не шли дальше бумаги. Отъ гетмана Скоропадскаго не разъ исходили универсалы объ изгнаніи евреевъ, тѣмъ не менѣе число евреевъ возрастало. Въ 1721 г. гетманомъ былъ исходатайствованъ у царя указъ объ удаленіи свреевъ, но онъ не былъ осуществленъ, хотя гетманъ угрожалъ, что если у кого либо окажется еврей, то нарушитель указа будетъ присужденъ къ штрафу и наказанію, „а жида, имъ удержаннаго, велимо все его жидовское имѣніе разграбивши, съ безчестьемъ и съ умаленіемъ здоровья, прочь за

[1]) Чулковъ, Историч. описаніе россійской коммерціи, т. IV, кн. VI, стр. 453.
[2]) Тамъже, стр. 453—454.

рубежъ обнаженнаго выгнать“ [1]). Универсалъ Скоропадскаго называетъ евреевъ „богоненавистными“, „Креста Господня врагами“, укоряетъ ихъ за то, что служащіе у нихъ христіане не соблюдаютъ постовъ, но отнюдь не мотивируетъ изгнанія какими-либо экономическими мотивами. Однако, надо думать, что все-же универсалъ былъ вызванъ корыстными домогательствами извѣстной части населенія, какъ это можно заключить изъ обстоятельствъ, которыя будутъ далѣе изложены.

Другой мѣстностью, въ которой евреи осѣли, была Смоленская губернія (провинція); они взяли здѣсь кабацкіе и таможенные откупа и завели торговлю. Они жили, повидимому, небольшими колоніями какъ въ Смоленскѣ, такъ и въ уѣздахъ. Борохъ-Лейбъ, державшій откупъ съ 1717 г., устроилъ даже молельню въ селѣ Звѣровичахъ, вблизи Смоленска.

Изъ Малороссіи и Смоленской губерніи евреи заходили и въ великороссійскія губерніи.

Русскій агентъ въ Бреславѣ Резе сообщилъ въ 1717 г. царю, чрезъ посредство Шафирова, что нѣкоторые значительные еврейскіе торговые дома въ Германіи предложили внести въ компанію персидской торговли триста тысячъ рейхсталеровъ, если царь разрѣшитъ нѣсколькимъ еврейскимъ семействамъ основать конторы въ Москвѣ, Петербургѣ и Архангельскѣ и пользоваться свободой богослуженія въ своихъ синагогахъ. Это предложеніе было, по словамъ Резе, принято царемъ; когда же потомъ евреи потребовали отъ русскаго правительства, чтобы оно гарантировало имъ безопасность торговли съ Персіей, то на поданный объ этомъ проектъ Резе не послѣдовало отвѣта [2]).

Торговый успѣхъ евреевъ часто создавалъ имъ враговъ. Это случилось и со смоленскими евреями. Двое мѣщанъ, Герасимъ Шила и Семенъ Паскинъ, обратились въ 1722 г. въ святѣйшій синодъ съ жалобою, въ которой говорили, что со времени присоединенія Смоленска къ Россіи въ немъ „благочестивая вѣра учреждена была“, „жидовская поганая вѣра искоренена была безъ остатку, и благочестіе было безъ помѣшательства разныхъ вѣръ многіе годы“. Но бывшій смоленскій вице-губернаторъ кн. Гагаринъ допустилъ евреевъ въ край. Между тѣмъ ихъ присутствіе, заявили жалобщики, развращающе дѣйствуетъ на христіанъ: евреи по субботамъ отдыхаютъ, въ христіанскіе же праздники торгуютъ и этимъ отвлекаютъ христіанъ отъ посѣщенія богослу-

---

[1]) Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. III, стр. 169—170.

[2]) Уляницкій, Историческій очеркъ русскихъ консульствъ, стр. 73 (въ приложеніи къ 6-му выпуску Сборника моск. архива министерства иностранныхъ дѣлъ).

женія; откупщика же Бороха Лейбова, устроившаго въ дворцовомъ селѣ Звѣровичахъ молельню, обвинили даже въ томъ, что онъ избилъ священника въ Звѣровичахъ. Жалобщики просили выслать всѣхъ евреевъ за рубежъ и впредь не допускать ихъ ни къ откупамъ, ни къ торговымъ промысламъ.

Нѣкоторыя обстоятельства позволяютъ предположить, что мѣщане Шила и Паскинъ дѣйствовали не по собственному побужденію, что ими водила чья-то сильная и вліятельная рука и что ихъ руководитель, стоявшій ближе къ духовнымъ, чѣмъ къ свѣтскимъ сферамъ, не считалъ для себя удобнымъ выступать открыто [1]).

Синодъ не замедлилъ удовлетворить ходатайство мѣщанъ. Не провѣривъ даже жалобы, онъ приказалъ „противную христіанской церкви жидовскаго ученія школу раззорить до основанія и въ ней обрѣтающагося прелестнаго ихъ ученія книги и протчее, собравъ, сжечь безъ остатку"; по поводу дѣйствій Гагарина и Бороха синодъ велѣлъ произвести слѣдствіе и сдѣлать представленіе въ сенатъ объ удаленіи евреевъ изъ края,—„никогда бы въ тѣхъ странахъ, гдѣ православныхъ жительство имѣется, никакого имъ пристанища и жительства отнюдь не было", а камеръ-коллегіи указать, чтобы кабацкіе и прочіе сборы были отняты у евреевъ. Все было исполнено: молельня разрушена, книги сожжены, откупа отняты у Бороха.

Во время слѣдствія по обвиненію Бороха въ причиненіи священнику смертельныхъ побоевъ была сдѣлана попытка возбудить кровавый навѣтъ—нашелся свидѣтель, который заявилъ, что Борохъ и его жена повѣсили служившую у нихъ дѣвушку, связавъ ей руки и ноги, „за переводной брусъ, держали въ такомъ положеніи съ вечера до утренняго звона, и завѣсивши ея голову, булавками и иглами испущали изъ нея руду".

Между тѣмъ, уже въ началѣ 1725 г., по предписанію изъ Петербурга, Бороху вновь были отданы въ Звѣровичахъ откупа. Борохъ имѣлъ, очевидно, связи въ столицѣ, куда онъ прибылъ, чтобы оправдаться въ предъявленныхъ ему обвиненіяхъ; но и противники его не дремали, и въ 1727 г. было повелѣно отнять откупа у Бороха и его товарищей, произвести съ ними расчеты и выслать ихъ за рубежъ; впредь откупа отдавать „другимъ, кромѣ жидовъ" [2]).

---

[1]) Х. Рывкинъ, Евреи въ Смоленскѣ (СПБ., 1910 г.), стр. 61 и слѣд. См. также: Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ синодѣ, т. II, ч. II, № 1187 (стр. 526—530).

[2]) Перв. полн. собраніе законовъ, № 5032.

Вслѣдъ затѣмъ, въ томъ же году, когда на престолъ вступила Екатерина I, именнымъ указомъ, въ согласіи съ желаніемъ Меньшикова, было повелѣно удалить евреевъ, живущихъ на Украинѣ [1]) и въ другихъ Россійскихъ городахъ, и впредь не допускать ихъ въ страну [2]). Изъятіе было допущено лишь для трехъ евреевъ, находившихся въ свитѣ герцога Гольштинскаго и австрійскаго посла графа Рабутина [3]), а нѣсколько спустя—и для упомянутаго выше Гирша, его сына Зунделя и компаньона Самсона Соломона, доставлявшихъ серебро казнѣ [4]), пока Гиршъ „съ прочими по контракту достальное серебро изъ-за моря поставитъ"; оставался въ Петербургѣ также и еврей Леви Липманъ, финансовый агентъ при русскомъ дворѣ [5]).

Неизвѣстно, при какихъ обстоятельствахъ состоялся указъ объ изгнаніи евреевъ [6]). Но можно предположить, что имѣлось въ виду устранить евреевъ отъ винокуренія и торговли.

---

[1]) Въ законѣ 1727 г. сказано „Украйна", въ позднѣйшихъ же актахъ употребляется выраженіе „Малая Россія".

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, книга IV, стр. 1052. Голицынъ, Исторія русскаго законодательства о евреяхъ, стр. 284.

[3]) Сборникъ Имп. русск. истор. общества, т. 75, стр. 30 (сообщеніе Маньяна, повѣреннаго по дѣламъ Франціи при русскомъ дворѣ отъ 14 іюня 1727 г.).

[4]) Я. Гурляндъ, Эпизодъ изъ исторіи изгнанія евреевъ изъ Россіи въ 1727 т. Еврейская Старина, 1909 г., вып. IV, стр. 246—50. См. также Сборникъ Имп. русск. истор. общ., т. 79, стр. 21; Голицынъ, Исторія русскаго законодательства о евреяхъ, стр. 19 и 284.

[5]) Свѣдѣнія о Липманѣ Леви (Исаакѣ Либманѣ) часто встрѣчаются съ 1727 г., когда онъ сталъ финансовымъ агентомъ или ювелиромъ при русскомъ дворѣ; онъ титулуется „оберъ-гофъ-комисаръ", „камеръ-агентъ" (Липманъ велъ, кромѣ того, разныя торговыя дѣла; напр., привозилъ вино). Онъ былъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ Бирономъ, фаворитомъ Анны Іоанновны, которой Липманъ, быть можетъ, оказывалъ услуги, когда она проживала въ Курляндіи. Близость Липмана ко двору до того поражала окружающихъ, что говорили, будто Биронъ ничего не предпринимаетъ безъ совѣта Липмана; когда въ 1739 г. былъ задуманъ переворотъ съ цѣлью низложить Анну Іоанновну, было рѣшено предать Липмана черни. Однако, Липманъ остался при дворѣ и тогда, когда Биронъ былъ сосланъ. Въ 1741 г. (13 Января) въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" появилось оффиціальное сообщеніе, что „оберъ-коммисаръ Липманъ коммерцію свою по прежнему продолжаетъ и при всѣхъ публичныхъ случаяхъ у здѣшняго Императорскаго Двора бываетъ". См. Еврейская Энциклопедія, т. X, стр. 224—225.

[6]) Имѣется объ этомъ слѣдующее сообщеніе: „Какъ послѣдовали нѣкоторыя замѣшательства въ торговлѣ по границамъ къ Черному морю, отъ недоброжелателей таможенныхъ откупщиковъ, Жидовъ и отложившихся въ то время Запорожцевъ", то казакамъ было разрѣшено торговать „харчевыми" припасами безпошлино; имъ была также разрѣшена безпошлинная торговля въ Черкаскѣ; евреевъ же было велѣно выслать изъ страны, отобравъ у нихъ червонцы и ефимки, взамѣнъ чего дать имъ мѣдную монету. Чулковъ, Истор. описаніе Росс. коммерціи, кн. VI, стр. 531—532.

Вообще вопросъ о винной продажѣ нерѣдко ставилъ правительство въ затруднительное положеніе. Винная продажа составляла одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ дохода для казны [1]); однако, хлѣбные неурожаи заставляли правительство помышлять объ уменьшеніи числа винокуренныхъ заводовъ; къ тому же приходилось бороться съ корчемствомъ, т. е. съ тайнымъ куреніемъ водки—крестьяне и именитые люди крѣпко держались за этотъ промыселъ [2]). Въ Малороссіи же, гдѣ существовала свободная продажа вина и откуда водка тайно ввозилась въ великороссійскіе города, въ ущербъ казнѣ, правительство, въ силу мѣстныхъ условій, не могло предпринимать мѣры противъ тѣхъ, кому принадлежало право курить вино,—только двадцать лѣтъ спустя, въ виду неурожая, было рѣшено лишить извѣстную часть населенія права курить вино. Евреи же были слишкомъ слабы, чтобы правительство считалось съ ними. Евреи не имѣли недвижимаго имущества,—они жили на чужихъ земляхъ. Услугами евреевъ пользовались и Кіево-Софійскій монастырь, и отписныя маетности, и генералъ-фельдмаршалъ Минихъ, а затѣмъ рядъ высокопоставленныхъ лицъ и различныхъ чиновъ малороссійскаго войска. Одинъ офиціальный документъ [3]) такъ и говоритъ, что евреи „живутъ для шинкованія владѣльческими напитками, виномъ, пивомъ и медомъ, и во владѣльческихъ шинкахъ“. Такимъ образомъ, удаляя евреевъ изъ края, правительство могло стѣснить винокуренное дѣло, не покушаясь на права населенія. И этой мѣрѣ не могли не сочувствовать тѣ жители-христіане, которые, на ряду съ евреями, стояли въ шинкахъ. Удаленію евреевъ рады были и мѣстные торговые люди, усердно старавшіеся избавить себя отъ конкурента, независимо отъ его вѣроисповѣданія. Въ томъ же 1727 г., когда послѣдовалъ указъ объ удаленіи евреевъ, мѣщане и купцы Глухова (административнаго центра Малороссіи) жаловались, что изъ Великороссіи понаѣхали посадскіе люди, которые и занялись торговлей разными предметами, въ частности и водкой („шинками“), и „глуховскимъ гражданамъ отъ того не малая обида, и убытки чинятся“ [4]). Въ виду этого не трудно допустить, что мѣстный

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи кн. III, стр. 717; сообщеніе относится ко второй половинѣ 17 в.; значеніе винной продажи въ дальнѣйшемъ не измѣнилось.

[2]) Тамъ же, кн. V, стр. 452—453. Въ 1748 г. винокуреніе было запрещено рядовымъ казакамъ, подсосѣдкамъ, мѣщанству и посполитному народу. Тамъ же, стр. 622.

[3]) Указъ 11 іюля 1740 г.

[4]) Судіенко. Матеріалы для отечественной исторіи, т. I, отд. II, стр. 15—17. Въ 1727—8 гг. великороссамъ было запрещено владѣть въ Малороссіи хуторами и другими угодьями.

торговый людъ хлопоталъ объ удаленіи евреевъ; быть можетъ, къ этому обстоятельству имѣютъ отношеніе слова императрицы Анны Іоанновны: „Мы слышимъ, писала она въ 1730 г., что Малороссійскаго народа въ купечествѣ обращается самое малое число, но болѣе торгуютъ греки, турки и жиды“ [1]).

Согласно указу 1727 г., въ Малороссіи стали подвергать евреевъ выселенію; впрочемъ, дѣлалось исключеніе для тѣхъ, кому нужно было взыскать долги съ христіанъ и вообще устроить свои дѣла [2]); это, конечно, давало администраціи возможность не тревожить тѣхъ евреевъ, которые могли откупаться и имѣли покровителей [3]). Но и при этихъ условіяхъ гоненіе, воздвигнутое на евреевъ, должно было отразиться на мѣстной торговлѣ. Гетманъ Апостолъ, ставленникъ Меньшикова, уже отправленнаго въ то время въ ссылку, выступаетъ (апрѣль 1728 г.) съ просьбой на высочайшее имя о допущеніи евреевъ, наравнѣ съ другими иностранцами, на ярмарки [4]) и вскорѣ (24 августа 1728 г. въ царствованіе Петра II) ходатайство было удовлетворено съ оговоркой, что евреи могутъ лишь торговать оптомъ [5]); чтобы серебряная и золотая монета не уходила за границу, они обязаны покупать на вырученныя деньги мѣстные товары. При этомъ былъ подтвержденъ указъ о запрещеніи евреямъ имѣть осѣдлость въ странѣ. Но все же временное посѣщеніе евреевъ стало превращаться въ постоянное пребываніе. Къ тому же, въ краѣ по прежнему проживали въ помѣстьяхъ арендаторы-евреи, имѣвшіе при себѣ семьи. Евреямъ не трудно было водворяться въ краѣ—у нихъ были союзники,— это тѣ, кто курилъ водку.

Въ 1731 г. гетманъ строго повторилъ требованіе объ удаленіи осѣдлыхъ евреевъ [6]), но владѣльцы помѣстій продолжали пользоваться ихъ услугами.

Евреи стали водворяться и въ деревняхъ, и въ городахъ [7]).

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. IV, стр. 1207.

[2]) Судіенко, Матеріалы для отечествен. исторіи т. I, Отд. II, стр. 11.

[3]) См. переписку малороссійскихъ властей о высылкѣ евреевъ. Еврейская Старина, 1913 г., вып. III.

Въ февралѣ 1728 г., по пути въ Москву, гетманъ Апостолъ послалъ Глуховскому сотнику предписаніе выдать паспортъ для проѣзда въ Москву еврею Мовшѣ, отправлявшемуся туда „для поисканія на нѣкоторыхъ людяхъ долговъ своихъ“. Судіенко, Матеріалы для отеч. исторіи, т. I, Отд. I, стр. 3.

[4]) Тамъ же, стр. 30.

[5]) У Чулкова (Историч. описаніе росс. коммерціи, стр. 535—536) это разрѣшеніе отнесено къ 1727 г.—Въ томъ же году сенатъ опубликовалъ, что иноземцы въ Россіи не должны продавать товары въ розницу, подъ страхомъ конфискаціи товара. Тамъ же, стр. 535; см. также стр. 553 (1731 г.).

[6]) Судіенко, Матеріалы для отеч. исторіи, т. I, Отд. II, стр. 162—164.

[7]) Въ Кролевцѣ, въ 1731 г. отъ пожара пострадали греческіе, русскіе

Требованіе, чтобы евреи ограничивались одной оптовой торговлей, не соотвѣтствовало интересамъ обывателей, ибо оно устанавливало монополію въ пользу мѣстныхъ торговцевъ. И уже въ 1734 г., по ходатайству правителя Малороссіи, кн. Шаховскаго, указавшаго на то, что въ слободскихъ полкахъ ощущается недостатокъ въ торговыхъ людяхъ, евреи получили право торговли на локти и фунты [1]).

Право пріѣзда съ товарами, предоставленное евреямъ въ Малороссіи, было распространено и на Смоленскую губернію (1731 г.) [2]). Вскорѣ пришлось сдѣлать и другую уступку. По ходатайству губернской власти послѣдовало разрѣшеніе допустить евреевъ изъ Польши къ торгамъ на поставку вина (водки) въ Смоленской губерніи въ теченіе одного 1736 года и передать имъ таковую, если предложенная ими цѣна окажется выгодной въ сравненіи съ той, которую назначатъ другіе „жители польской націи“ [3]). Это было вызвано казенными интересами; въ виду неурожаевъ было необходимо уменьшить винокуреніе въ нѣсколькихъ губерніяхъ, въ томъ числѣ и въ Смоленской [4]), но такъ какъ казенные кабаки нуждались въ водкѣ, то и было рѣшено привезти ее въ Смоленскую губернію изъ-за рубежа. Въ Польшѣ въ торговлѣ водкой евреи принимали видное участіе [5]), и вотъ почему, предоставляя иноземцамъ поставку водки, нашли необходимымъ не устранить евреевъ отъ торговъ.

Евреи не переставали появляться и въ великороссійскихъ городахъ. Когда смоленскій откупъ былъ отобранъ у евреевъ,

---

купцы, „а наипаче жиды и татары“. Кіев. Старина, 1895 г., IX, прилож., стр. 131. Въ Глуховѣ въ 1729 г. проживалъ еврей-ремесленникъ (портной). Кіев. Старина, 1894 г., VIII, прил., стр. 309. Въ Нѣжинѣ было „множество жидовъ“. Архивъ кн. Воронцова, кн. I, стр. 84.

[1]) Первое полн. собраніе законовъ, № 6610, 6614.

[2]) Можно думать, что, разбросанные небольшими группами на обширной территоріи Малороссіи, евреи не утратили религіозно-общественной связи; выше мы видѣли, что у Шмуля въ Жуковцахъ имѣлась молельня и что къ нему пріѣзжали окрестные евреи; имѣется также указаніе, что въ Ракитиной слободѣ жилъ раввинъ и что сюда евреи съѣзжались въ праздничные дни. Чтобы заставить управителя имѣнія выселить евреевъ, архіепископъ отлучилъ его „отъ входа церковнаго“. Регесты и надписи, № 1754 (Полное собраніе постановленій по вѣдомству правосл. исповѣданія, т. VIII, стр. 113).

[3]) Указъ сената 6 февраля 1736 г. Архивъ Госуд. Совѣта, Департаментъ Законовъ, дѣло 1835 г. за № 11.

[4]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IV, стр. 1421 и слѣд.

[5]) Въ 1731 г. къ государынѣ поступила жалоба изъ Лифляндіи, что иностранцы, особливо евреи, привозятъ водку въ край и этимъ подрываютъ благосостояніе мѣстныхъ помѣщиковъ, курящихъ водку; кромѣ того, изъ Лифляндіи такимъ образомъ уходитъ монета. Въ виду этого 12 марта 1731 г. было запрещено ввозить въ Лифляндію водку. Joffe, Regesten und Urkunden, № 301.

они не были высланы. Борохъ Лейбовъ затѣялъ различныя торговыя предпріятія, имѣлъ дѣла съ казной, изъ-за которыхъ бывалъ и въ Петербургѣ. Коммерческія предпріятія упомянутаго выше Липмана, равнымъ образомъ, нуждались въ содѣйствіи единовѣрцевъ. Сколь ни скудны соотвѣтствующія данныя, мы видимъ все же, что въ Москвѣ одновременно находились какъ Борохъ Лейбовъ, именуемый порою Глѣбовъ, такъ и торговые сотрудники Липмана; послѣднихъ было нѣсколько человѣкъ, они жили въ Нѣмецкой слободѣ: Авраамъ Самойловъ, Давидъ Исаковъ и при нихъ писарь Файвесъ „по русски Ѳилиппъ“, Авраамъ Давыдовъ и Шмерль, зять Бороха, исполнявшій обязанности шойхета (рѣзника).

Посѣщеніе Борохомъ Москвы оказалось для него роковымъ. Въ Москвѣ Борохъ познакомился (1736 г.) съ отставнымъ морскаго флота капитаномъ-поручикомъ Александромъ Возницынымъ. Человѣкъ религіозныхъ исканій, и, повидимому, душевно неуравновѣшенный, Возницынъ поѣхалъ съ Борохомъ въ Смоленскъ, а потомъ переправился въ Польшу и тамъ далъ себя обрѣзать. Жена Возницына, жившая съ нимъ не въ ладахъ, донесла, что онъ обратился въ еврейство, и дѣлу былъ данъ ходъ. Кромѣ Возницына къ отвѣтственности были привлечены Борохъ, которому теперь напомнили и о старыхъ обвиненіяхъ (избіеніе священника и проч.), и его зять Шмерль. Въ разслѣдованіи дѣла принялъ участіе и печальной памяти начальникъ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ Ушаковъ. Возницынъ не сознавался, объясняя, что онъ подвергся не обрѣзанію, а операціи, вызванной необходимостью. Государыня Анна Іоанновна настаивала на томъ, чтобы приговоръ былъ поскорѣе вынесенъ, и это спасло, вѣроятно, другихъ евреевъ, находившихся въ Россіи, отъ подозрѣнія въ сообществѣ съ Борохомъ; сенатъ выразилъ сожалѣніе, что если Борохъ будетъ сейчасъ казненъ, то виновные въ совращеніи христіанъ „могутъ остаться безъ достойнаго за ихъ вины истязанія“. 3-го іюля 1738 г. была высочайше утверждена резолюція: Возницынъ и Борохъ сами признались, а потому, „чтобы сіе богопротивное дѣло не продолжалось“, немедленно обоихъ „казнить смертью, сжечь, чтобы другіе, смотря на то, невѣжды и богопротивники отъ христіанскаго закона отступать не могли“. Шмерль былъ оправданъ. 15-го іюля въ 8 часовъ утра, о чемъ населеніе было предварительно оповѣщено, Возницынъ и Борохъ были преданы ауто-да-фе въ Петербургѣ, на Адмиралтейскомъ острову, близъ новаго гостиннаго двора [1]).

---

[1]) Дѣло Возницына опубликовано И. Маркономъ въ сборникахъ „Пережитое“, т. т. II, III, IV.

Это исключительное событіе, разсмотрѣнное правительствомъ, какъ эпизодъ, внѣ всякой связи съ вопросомъ о евреяхъ въ Россіи вообще, не отразилось на политикѣ правительства по отношеніи къ евреямъ. Все осталось по старому. Евреи офиціально допускались только на короткій срокъ для торговыхъ цѣлей, имъ запрещалось заниматься шинкарствомъ и арендами, но фактически евреи не покидали насиженныхъ мѣстъ.

Удаленіе евреевъ изъ Малороссіи шло въ разрѣзъ съ интересами землевладѣльческаго класса, и администрація уклонялась отъ осуществленія закона въ полной мѣрѣ. Такъ, въ 1739 г. войсковая генеральная канцелярія предложила оставить евреевъ на мѣстахъ въ виду военнаго времени, во избѣжаніе будто бы шпіонства, и кабинетъ министровъ согласился на отсрочку, требуя, однако, чтобы никто не держалъ ихъ въ корчмахъ и не давалъ имъ аренды. Когда же съ Турціей былъ заключенъ миръ, послѣдовало повелѣніе (1740 г.) выслать всѣхъ евреевъ за рубежъ. По офиціальнымъ даннымъ, ихъ было всего 292 мужч. (въ томъ числѣ три учителя) и 281 женщ., жившихъ въ ста тридцати дворахъ.

Не всѣ евреи были высланы, а можетъ быть и никто изъ нихъ. Два года спустя новая императрица Елизавета отдаетъ строжайшее повелѣніе о немедленной высылкѣ изъ Россіи всѣхъ евреевъ, „какого бы званія и достоинства ни были". Этотъ указъ 2 декабря 1742 г. одиноко выдѣляется среди государственныхъ актовъ своей религіозной окраской, которою вообще была отмѣчена дѣятельность Елизаветы,—въ ея правленіе были сломаны всѣ армянскія церкви, разрушены мечети; насильственно крестили татаръ и другихъ инородцевъ; на некрещеныхъ были наложены платежи, отъ которыхъ были освобождены принявшіе православную вѣру [1]). Не можетъ быть добра отъ евреевъ, „имени Христа Спасителя ненавистниковъ" —такъ мотивировала Елизавета, между прочимъ, свое распоряженіе о высылкѣ евреевъ; что касается евреевъ, которые согласятся принять православіе, то „таковыхъ крестя въ нашей Имперіи жить имъ позволить, токмо вонъ ихъ изъ государства уже не выпускать" [2]). Запрещеніе проживать въ Малороссіи было распространено также на татаръ и другихъ „невѣрныхъ".

---

[1]) Градовскій, Отношеніе къ евреямъ въ древней и современной Руси, стр. 434—435. О религіозной нетерпимости Елизаветы говоритъ Grot въ книгѣ Bemerkungen über die Religionsfreiheit etc. (1797 г.), стр. 26.

[2]) Вскорѣ къ разнымъ россійскимъ форпостамъ прибыло 25 евреевъ, пожелавшихъ креститься; они были обращены въ православіе и получили разрѣшеніе жить въ Кіевѣ и другихъ малороссійскихъ городахъ. Донося объ этомъ сенату, кіевская губернская канцелярія запросила, пропускать ли впредь таковыхъ евреевъ,

Указу была придана широкая огласка; было предписано указъ „во всей Нашей Имперіи публиковать“. Отвѣтственность за исполненіе указа возлагалась на высшую мѣстную власть; „въ губерніи — губернаторамъ, а въ провинціи и прочихъ городахъ воеводамъ, въ Малой же Россіи опредѣленнымъ командирамъ и генеральной, полковой и сотенной старшинѣ смотрѣть накрѣпко, подъ опасеніемъ за неисполненіе по сему Высочайшаго нашего гнѣва и тягчайшаго истязанія“. Несмотря, однако, на эту внушительную суровость, говорившую о непоколебимой рѣшительности государыни, тотчасъ же были сдѣланы попытки склонить государыню къ уступкѣ. Указъ, изгоняя евреевъ изъ страны, не сдѣлалъ оговорки объ ихъ временномъ пребываніи для торговыхъ цѣлей, и это именно обстоятельство и послужило поводомъ для ходатайствъ. Донося, что уже 140 человѣкъ высланы изъ края, малороссійская войсковая канцелярія увѣдомила сенатъ, что, по словамъ грековъ, откупщиковъ такъ называемыхъ индуктныхъ сборовъ, взимавшихся съ привозимыхъ товаровъ, запрещеніе евреямъ привозить товары повлечетъ за собою уменьшеніе государственныхъ доходовъ и раззоритъ самихъ откупщиковъ; пріѣзжающіе въ Малороссію евреи имѣютъ торговыя сношенія не только съ малороссійскими, но и съ великороссійскими купцами; у нихъ имѣются взаимныя долговыя обязательства на разные сроки; поэтому греки-эксакторы просятъ разрѣшить евреямъ по прежнему пріѣзжать съ товарами.

Значительно большій переполохъ вызвалъ указъ 1742 г. въ Ригѣ, гдѣ евреи имѣли свою давнюю исторію.

Когда съ паденіемъ Ливонскаго ордена Лифляндія была присоединена (1561 г.) къ польскому королевству, было постановлено, что евреи не могутъ въ Лифляндіи заниматься торговлею и взиманіемъ пошлинъ и вообще не должны пользоваться какими либо правами. Однако, именно въ эти годы евреи изъ Польши и Литвы стали развивать торговую дѣятельность въ Лифляндіи,— это видно уже изъ того, что отъ того времени сохранился рядъ актовъ, направленныхъ противъ водворенія евреевъ; эти акты, отмѣтимъ, требовали изгнанія также шотландцевъ, голландцевъ, англичанъ и др. Объ удаленіи евреевъ и вообще иностранцевъ хлопотали города, особливо Рига, видѣвшіе въ пришельцахъ опасныхъ конкурентовъ. Но евреи, тѣмъ не менѣе, пріѣзжали въ Ригу,

---

и сенатъ указомъ 26 сентября 1746 г. объявилъ, что евреямъ, принявшимъ православіе, разрѣшается жить въ Россійской Имперіи, но „нужно смотрѣть за ними накрѣпко, чтобы они вѣру греческаго вѣроисповѣданія содержали, и для того въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они жить будутъ, кому надлежитъ о томъ крѣпкимъ указомъ подтвердить“. Изъ Архива Госуд. Совѣта, Департаментъ Законовъ, 1825 г. № 11.

Рига въ началѣ XVII вѣка (Изъ книги: Mettig, Geschichte der Stadt Riga).

гдѣ уплачивали, какъ заявилъ рижскій совѣтъ въ 1611 г., съ незапамятныхъ лѣтъ по венгерскому гульдену, дабы спокойно торговать въ теченіе опредѣленнаго времени. Евреямъ разрѣшался розничный торгъ лишь во время ярмарки, причемъ они могли продавать привозимые товары исключительно рижскимъ бюргерамъ, а покупаемые у послѣднихъ мѣстные товары (соль, желѣзо, вино, пряности) должны были вывозить, а не перепродавать въ самой Ригѣ. Когда Лифляндія перешла подъ господство шведовъ, Густавъ-Адольфъ издалъ (1621 годъ), постановленіе, „чтобы никакіе евреи и иностранцы, въ ущербъ гражданамъ, въ Лифляндіи терпимы не были". Все же евреи, по прежнему, пріѣзжали по Двинѣ на баркахъ въ Ригу. Продавъ привезенные товары, они покидали городъ. Но нѣкоторые евреи оставались и на болѣе продолжительное время. А потому, въ цѣляхъ контроля, всѣхъ евреевъ обязали жить въ одномъ опредѣленномъ подворьѣ. Первое извѣстіе о гетто относится къ 1638 г., когда право содержать подворье было передано нѣкоему Генриху Розену на все время, пока онъ и его жена будутъ выплачивать ежегодно извѣстную сумму. Когда Розенъ умеръ, право содержать подворье было передано его дочери, которая попросила городской совѣтъ снабдить ее письменной инструкціей, и тогда (1666 г.) появляется „Juden Hauses Ordinantze", правила о пребываніи евреевъ въ этомъ подворьѣ и о контролѣ за ихъ торговой дѣятельностью. Исключеніе въ отношеніи жительства въ подворьѣ было сдѣлано лишь для тѣхъ евреевъ, которые прибывали на баркахъ или на плотахъ, — они могли оставаться на ночь при своихъ товарахъ. Когда случалось, что и другіе евреи проводили ночь въ городѣ, хозяинъ подворья (Judenwirth) выступалъ съ протестомъ. Во время военныхъ дѣйствій 1700—1701 годовъ предмѣстье, вмѣстѣ съ подворьемъ, было опустошено, и евреи получили свободу въ выборѣ жилища, за исключеніемъ центра города. А во время военныхъ дѣйствій 1709 года, послѣ которыхъ Рига перешла (1710 г.) подъ власть Россіи, евреямъ совершенно запретили появляться въ городѣ; право проживанія въ Ригѣ вмѣстѣ съ семьей было предоставлено только еврею Гиршу Израилю; факторъ Петра I, Гиршъ получилъ (1715 г.) и отъ русскихъ властей разрѣшеніе на пребываніе въ Ригѣ.

По переходѣ Риги къ Россіи прежнія постановленія о евреяхъ остались въ силѣ—евреямъ разрѣшалось лишь временное пребываніе. Въ 1722 г. бюргеры возбудили вопросъ о возстановленіи подворья. Съ притязаніями на гетто, право на которое признавалось принадлежавшимъ семьѣ Розенъ, выступили двое лицъ, и судебный процессъ завершился тѣмъ, что гетто стало достояніемъ

одного изъ нихъ. Однако, счастливый наслѣдникъ оказался не въ состоянiи выстроить домъ, и тогда городской совѣтъ выдалъ въ 1724 г. привилегiю на подворье, срокомъ на 50 лѣтъ, другому рижанину, который и долженъ былъ выплачивать городу извѣстныя суммы; евреи вынуждены были сюда переселиться. Даже ночевавшiе на баркахъ должны были уплачивать владѣльцу подворья опредѣленное вознагражденiе [1]). Только трое могли жить внѣ подворья — ювелиръ изъ Гамбурга Маркусъ Соломонъ, и упомянутые выше Зундель Гиршъ съ Самсономъ Соломономъ.

Когда въ 1727 г. послѣдовало повелѣнiе объ изгнанiи евреевъ изъ Россiи, рижскiя власти потребовали, чтобы и мѣстные евреи удалились. Высылка угрожала и тремъ привилегированнымъ евреямъ, но они имѣли сильныхъ покровителей—ими интересовался и вице-канцлеръ Остерманъ, объяснившiй депутату Риги, что законъ 1727 г. не касается торговли Риги съ Польшей; это противорѣчило бы давнимъ мѣстнымъ условiямъ,—имперскiй законъ не долженъ имѣть силы для Риги, которой предоставлены особыя привилегiи. Но городской совѣтъ не пожелалъ воспользоваться своимъ правомъ; онъ заявилъ, что торговля съ Польшей и другими мѣстностями можетъ обойтись безъ евреевъ. Вѣроятно, подъ влiянiемъ Остермана, выступившаго на защиту упомянутыхъ трехъ евреевъ, указъ 1727 г. не былъ въ Ригѣ опубликованъ [2]). Но всѣмъ евреямъ, за исключенiемъ тѣхъ, кто имѣлъ влiятельныхъ покровителей, пришлось покинуть Ригу.

Иное случилось въ 1742 г., когда состоялось повелѣнiе Елизаветы объ изгнанiи евреевъ изъ государства. Предавъ забвенiю то, что было такъ гордо сказано въ 1727 г.,—будто торговля можетъ обойтись безъ евреевъ, предвидя, что запрещенiе евреямъ появляться въ Ригѣ подорветъ торговлю съ Польшей, что они направятся въ другiе города, которые разовьются за счетъ Риги, городской совѣтъ поспѣшилъ обратиться съ соотвѣтствующимъ представленiемъ къ генералъ-губернатору. А между тѣмъ сенатъ прислалъ указъ, подтвердившiй запрещенiе евреямъ жить въ Россiи, а потому рижскому совѣту пришлось (1743 г.) удалить всѣхъ евреевъ, за исключенiемъ нѣсколькихъ, получившихъ отсрочку—судьбу ихъ долженъ былъ рѣшить сенатъ.

---

[1]) По исторiи евреевъ въ Ригѣ см. Anton Buchholtz, Geschichte der Juden in Riga, Рига, 1899 г.; Wunderbar, Geschichte der Juden in Prov. Lif-und-Kurland, 1853 г.; J. Joffe, Regesten und Urkunden zur Geschichte der Juden in Riga und Kurland; И. Іоффе, Изъ жизни первой еврейской общины въ Ригѣ. Сборникъ „Пережитое“, т. II.

[2]) См. интересныя подробности: J. Joffe, Regesten und Urkunden, №№ 241, 242, 243; также Buchholtz, Die Juden in Riga, стр. 32 и слѣд.

Особо важное значеніе для торговли имѣли тѣ евреи, которые прибывали съ товаромъ по Двинѣ на баркахъ. Въ апрѣлѣ они, по обычаю, появились на рѣкѣ. Узнавъ, что администрація поставила стражу, между прочимъ у Фридрихштадта, чтобы не пропускать этихъ гостей, городской совѣтъ послалъ немедленно сенату и находившемуся въ Петербургѣ рижскому генералъ-губернатору ходатайство о пропускѣ къ Ригѣ этихъ барокъ и поручилъ двумъ лицамъ въ столицѣ выступить на защиту интересовъ города. Совѣтъ нашелъ поддержку и въ мѣстныхъ администраторахъ, обѣщавшихъ хлопотать предъ сенатомъ. Все это требовало времени, а между тѣмъ со дня на день ждали прибытія евреевъ въ Фридрихштадтѣ. И вотъ, туда былъ посланъ гонецъ, чтобы объяснить евреямъ создавшееся положеніе и просить ихъ дождаться разрѣшенія вопроса, а пока отослать товары въ Ригу. Отъ генералъ-губернатора получилось вскорѣ радостное извѣстіе, что сенатъ склоненъ удовлетворить ходатайство Риги. Однако, вице-губернаторъ не рѣшился пропустить евреевъ безъ сенатскаго указа, и тогда вновь былъ посланъ гонецъ въ Фридрихштадтъ, чтобы успокоить евреевъ [1]).

Но надежды рижскаго совѣта на благопріятный исходъ не оправдались.

Когда сенатъ представилъ государынѣ докладъ, въ которомъ говорилось, что отъ запрещенія евреямъ пріѣзжать въ страну не только купечество понесетъ убытки, „но и Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества интересамъ не малый ущербъ приключиться можетъ“, а потому не согласится ли государыня „для приращенія... Высочайшихъ интересовъ и распространенія коммерціи“ разрѣшить евреямъ пріѣзжать въ Малороссію, Слободскіе полки, Ригу и другіе пограничные пункты,—послѣдовала Высочайшая резолюція: „Отъ враговъ христовыхъ не желаю интересной прибыли“ [2]).

Эта резолюція должна была разрушить послѣднюю надежду на то, что евреямъ будетъ предоставленъ доступъ въ Россію, хотя бы для временнаго пребыванія. Правда, резолюція государыни не стала достояніемъ гласности, но въ январѣ 1744 г. сенатъ

---

[1]) Buchholtz, Geschichte der Juden in Riga, стр. 45 и слѣд.

[2]) Декабрь, 1743 г., Первое полн. собраніе законовъ, № 8840.

Въ 1743 г. въ Глуховѣ былъ составленъ кодексъ „Права, по которымъ судится малороссійскій народъ“, предусматривавшій возможность временнаго пребыванія въ краѣ еврея или другого невѣрнаго. Кодексъ этотъ, какъ видно, запоздалъ выходомъ. Регесты и надписи (т. III), № 1900 („Права, по которымъ судится малороссійскій народъ“, изданы подъ редакціей проф. Кистяковскаго, Кіевъ, 1879 г., стр. 820—828).

издалъ указъ, въ которомъ было заявлено, что ходатайства о невысылкѣ евреевъ изъ Малороссіи и Рижской губерніи не удовлетворены, а затѣмъ указъ предписывалъ: „да и о впускѣ ихъ никакихъ ниоткуда представленій въ Правительствующій Сенатъ не присылать“ [1]).

До полученія въ Ригѣ этого указа городской совѣтъ вновь вошелъ въ сенатъ съ представленіемъ, подробно объяснявшимъ, что евреи стали направляться въ Данцигъ, Кенигсбергъ и Мемель и что торговля города сильно пострадаетъ отъ недопущенія евреевъ. Но отвѣта на это не получилось [2]).

Религіозная нетерпимость Елизаветы къ нехристіанамъ проявилась и въ отношеніи отдѣльныхъ лицъ [3]).

Особенно характерно въ этомъ отношеніи дѣло о выдающемся врачѣ Антоніи Санхецѣ. Начавъ свою дѣятельность въ Россіи въ 1731 г., Санхецъ достигъ званія второго лейбъ-медика при императрицѣ. Въ 1747 г., въ виду болѣзни глазъ, онъ уѣхалъ за границу, при чемъ былъ назначенъ почетнымъ членомъ академіи и награжденъ жалованіемъ въ 200 рублей ежегодно. Неожиданно, въ ноябрѣ 1748 г., императрица Елизавета приказала президенту академіи Разумовскому исключить Санхеца изъ числа почетныхъ членовъ академіи. Разумовскій увѣдомилъ объ этомъ Санхеца, не объяснивъ причины опалы. Опасаясь, что несчастье

---

[1]) Первое полн. собраніе законовъ, № 8867.

Сохранилась публикація провинціальнаго учрежденія, вызванная этимъ сенатскимъ указомъ: „Изъ суздальской провинціальной канцеляріи января 30 дня, 744 году, въ указѣ Е. И. В. изъ московской губернаментской канцеляріи въ суздальскую провинціальную канцелярію, написано: онаго же января 9 дня, въ указѣ Е. И. В. изъ Правительствующаго Сената въ губернскую канцелярію напечатано по Высочайшему Е. И. В. указу, повелѣно изъ всей Россійской Имперіи, какъ великороссійскихъ, такъ и малороссійскихъ городовъ, жидовъ мужеска, такъ и женска полу, какого кто званія и достоинства ни былъ, со всѣмъ ихъ имѣніемъ, немедленно выслать за границу и впредъ жъ, ни подъ какимъ видомъ, и въ ярмарочные времена, на ярмарки, ни на малое время, ни для чего въ Россію не впускать, развѣ кто изъ нихъ захочетъ быть въ христіанской вѣрѣ греческаго исповѣданія: таковыхъ крестя, въ Имперіи Е. И. В.—жить имъ позволить, только вонъ ихъ изъ государства не выпускать. Того ради, отъ суздальской провинціальной канцеляріи симъ, въ городѣ жъ Суздалѣ и въ Суздальскомъ уѣздѣ публикуется, и ежели означенные жиды гдѣ въ коихъ мѣстахъ явятся, и тѣхъ приведя, объявляли въ суздальской провинціальной канцеляріи немедленно. Февраля 21 день, 1744 г.“ (Голицынъ, Исторія русскаго законодательства о евреяхъ, стр. 297—298).

[2]) Buchholtz, Geschichte der Juden in Riga, стр. 50 и слѣд.

[3]) Когда великій канцлеръ графъ Бестужевъ предложилъ государынѣ (1745 г.), чтобы камеръ-агентъ въ Вѣнѣ Симонъ, лишенный этого званія, былъ возстановленъ въ прежнемъ достоинствѣ, императрица, не желая имѣть на своей службѣ ни одного еврея, „на то не соизволила“. См. Архивъ кн. Воронцова, кн. II, стр. 138. Съ Симономъ въ дѣловыхъ отношеніяхъ состоялъ Липманъ.

вызвано обвиненіемъ въ политической неблагонадежности. Санхецъ поспѣшилъ реабилитировать себя въ глазахъ Разумовскаго; когда же Разумовскій передалъ письмо Санхеца канцлеру Бестужеву, послѣдній увѣдомилъ его (1749 г.), что государыня желаетъ, чтобы „члены ея академіи были добрыми христіанами, а она узнала, что докторъ Саншесъ не принадлежитъ къ числу таковыхъ. Итакъ, сколько мнѣ извѣстно, причина, по которой онъ лишился мѣста своего, было его іудейство, а вовсе не какія-либо политическія обстоятельства“. Разумовскій сообщилъ объ этомъ Санхецу въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Она (государыня) полагаетъ, что было бы противъ ея совѣсти имѣть въ своей академіи такого человѣка, который покинулъ знамя Іисуса Христа и рѣшился дѣйствовать подъ знаменемъ Моисея и ветхозавѣтныхъ пророковъ“. По этому поводу Санхецъ писалъ: „Я отвѣчалъ ...., что такое обвиненіе (исповѣданіе іудейской вѣры) ложно, и есть тѣмъ болѣе клевета, что я католической религіи, но что я не забочусь опровергнуть это, потому что мнѣ отъ рожденія суждено, чтобы христіане признавали меня за еврея, а евреи за христіанина, и что, сверхъ того, Провидѣніемъ это предназначено крови, текущей въ моихъ жилахъ, той самой, которая была и у первыхъ святыхъ церкви и святыхъ апостоловъ, униженныхъ, преслѣдованныхъ и мученныхъ при жизни, чтимыхъ и поклоняемыхъ послѣ ихъ смерти“. Эти данныя указываютъ, какъ кажется, что Санхецъ былъ еврейскаго происхожденія и что онъ принадлежалъ къ маранамъ, каковое обстоятельство и привело къ опалѣ [1]).

---

[1]) Antonio Nunes Ribeiro Sanchez, по французски Sanchés, встрѣчается въ русскихъ источникахъ подъ именемъ: Санхесъ, Санжесъ, Санше. Онъ родился въ 1699 г. въ Португаліи, умеръ въ 1788 г. въ Парижѣ. Осталась рукопись Санхеца „L'origine de la persecution contre les juifs“, по поводу которой его біографъ замѣчаетъ, что „манера, съ которой Санхецъ разбираетъ вопросъ, заставляетъ думать, что онъ самъ еврей“. Въ спискѣ рукописныхъ сочиненій Санхеца, приводимомъ Шугуровымъ (Русскій Архивъ, 1894 г.) изъ одесскаго архива кн. Воронцова, значится подъ № 12: Origine de la denomination de chretien ancien et de chretien nouveau dans le royaume de Portugal et des causes de la continuation de ces d'enominations, ainsi que de la persecution des Juifs avec les moyens de faire cesser en peu de temps cette distinction entre les sujets d'un même état, ainsi que la persucution des jufs, le tout pour la propagation de la religion catholique et l'utilite' de l'etat (en portugais).

Проживая за границей, Санхецъ не порвалъ связи съ видными русскими людьми. Вслѣдъ за вступленіемъ на престолъ Екатерины II Санхецу, нѣкогда вылѣчившему ее, была назначена пожизненная пенсія въ тысячу рублей. Изъ его трудовъ выдѣляется создавшій ему имя трактатъ „О парныхъ россійскихъ баняхъ, поелику споспѣшествуютъ онѣ укрѣпленію, сохраненію и возстановленію здоровья“ (перев. съ французскаго). Извѣстность Санхецу доставила его книга о происхожденіи и лѣченіи сифилиса, не утратившая понынѣ своего значенія. Въ очеркѣ С. О. Грузенберга о Санхецѣ (Восходъ, 1898 г. кн. VII) собраны свѣдѣнія, имѣю-

На бумагѣ — врядъ ли въ дѣйствительности — Имперія при Елизаветѣ осталась безъ евреевъ. Когда же престолъ, недолго принадлежавшій Петру III [1]), перешелъ, въ силу дворцоваго переворота, къ Екатеринѣ II (1762 г.), положеніе быстро перемѣнилось.

Сенатъ, который двадцать лѣтъ назадъ сдѣлалъ послѣднюю попытку склонить Елизавету къ болѣе терпимому отношенію къ евреямъ, выступилъ съ представленіемъ отъ отмѣнѣ запрета евреямъ въѣзжать въ Россію. Объ этомъ свидѣтельствуетъ автобіографическая замѣтка на французскомъ языкѣ самой имп. Екатерины II, составленная ею въ третьемъ лицѣ.

„На пятый или шестой день по вступленіи на престолъ Екатерины II прибыла она въ Сенатъ... Такъ какъ всѣ дѣла въ Сенатѣ производятся по журналу, за исключеніемъ дѣлъ, крайне спѣшныхъ, какъ нарочно оказалось, что въ это засѣданіе первымъ находился въ спискѣ проектъ разрѣшенія евреямъ пріѣзда въ Россію; покамѣстъ записывали рѣшеніе по предыдущему дѣлу, Екатерина, стѣсненная обстоятельствами, чтобы дать свое согласіе на это предположеніе, признанное единогласно полезнымъ, была выведена изъ этого положенія сенаторомъ кн. Одоевскимъ, который всталъ и сказалъ ей: „Не угодно ли Вашему Величеству, прежде, чѣмъ рѣшиться, посмотрѣть то, что Императрица Елизавета собственноручно начертала на поляхъ подобнаго предположенія“. Екатерина приказала принести доклады и нашла, что Елизавета, по набожности, написала на полѣ: „Я не желаю выгоды отъ враговъ Іисуса Христа“. Не прошло еще недѣли, какъ Екатерина вступила на престолъ; она возведена была на него, чтобы защищать православную вѣру; она имѣла дѣло съ набож-

---

щіяся о немъ въ литературѣ. Среди масоновъ, подвергшихся въ 70-хъ годахъ 18 в. преслѣдованію со стороны инквизиціи въ Португаліи и вынужденныхъ бѣжать, значится докторъ Ribeiro Sanches; быть можетъ, это былъ Санхецъ; одна изъ его рукописей озаглавлена „Размышленія объ инквизиціи для моего личнаго употребленія“; не принадлежность ли Санхеца къ масонству дала имп. Елизаветѣ поводъ заключить, что онъ не былъ „добрымъ христіаниномъ“? — Ср. замѣтку въ „Еврейской Энциклопедіи“, т. XIII, 954—955.

[1]) Вступленіе на престолъ Петра III было воспѣто евреемъ въ Килѣ, Аарономъ Самсономъ Левинымъ (Hof und Cammer Agent), который, судя по нѣкоторымъ строфамъ его стихотворенія, зналъ государя съ юныхъ лѣтъ въ Гольштиніи. Въ стихотвореніи говорится и о евреяхъ:

Auch, allergnädigster, Dein weisestes Regieren
Durchdringt unser Herz und unser Heiligthum,
Da unter Deinem Schutz wir Glück uud Freude spüren,
Entzückt es Israel, Dein treues Judenthum.

Ср. Голицынъ, Исторія русскаго законодательства, стр. 302—303 (стихотвореніе издано въ Килѣ, 1762 г.).

нымъ народомъ, съ духовенствомъ, которому еще не возвратили его имѣній, и которое нуждалось въ необходимомъ чрезъ эту дурно направленную мѣру; умы были въ сильномъ возбужденіи, какъ это всегда бываетъ послѣ столь важнаго событія: начать царствованіе такимъ проектомъ не могло быть средствомъ успокоенія; признать его вреднымъ—было невозможно. Екатерина просто повернулась къ генералъ-прокурору, когда онъ, послѣ отбора голосовъ, подошелъ принять ея рѣшеніе, и сказала ему: я желаю, чтобы это дѣло было отложено до другого времени. И вотъ, какъ часто недостаточно быть просвѣщеннымъ, имѣть наилучшія намѣренія и власть привести ихъ въ исполненіе. И, однако, часто выражаютъ смѣлыя сужденія о разумномъ поведеніи"... [1]).

Такимъ образомъ, вопросъ о допущеніи евреевъ въ страну—по соображеніямъ политическаго характера, связаннымъ съ обстоятельствомъ, сопровождавшимъ воцареніе Екатерины II—былъ отложенъ. Сознаніе, что допущеніе евреевъ въ страну можетъ быть истолковано какъ антирелигіозный актъ, заставило Екатерину II сдѣлать исключеніе для евреевъ и въ манифестѣ 4 декабря 1762 г.– водвореніе въ Россіи было разрѣшено всѣмъ иностранцамъ, „кромѣ жидовъ" [2]). Однако, мысль о пользѣ, которую могутъ принести евреи, и о необходимости предоставить имъ доступъ въ страну, не покидала государыню. И не считая возможнымъ открыто проявить свое благоволеніе къ евреямъ, избѣгая шумливыхъ актовъ, Екатерина II добивалась своей цѣли инымъ путемъ.

Въ это время евреи стали хлопотать о допущеніи ихъ въ страну. И всюду—въ Петербургѣ, Малороссіи и Ригѣ—они нашли людей, которые, въ заботахъ о мѣстныхъ интересахъ, сочли нужнымъ пойти навстрѣчу желаніямъ евреевъ.

Въ прошеніи о возстановленіи старинныхъ правъ Малороссіи, поданномъ государынѣ въ 1764 г. шляхетствомъ и старшинами вмѣстѣ съ гетманомъ, указывалось, что мѣстная торговля „и тѣмъ не мало подкрѣпляемая была, что какъ всему прочему иностранному купечеству, такъ и жидамъ свободное въ Малой Россіи торговъ отправленіе дозволяемо было"; будучи родомъ изъ погра-

---

[1]) И. Г. Оршанскій, Русское законодательство о евреяхъ, СПБ., 1877 г. стр. 247—248. Голицынъ, Исторія русскаго законодательства о евреяхъ, стр. 57—59; также примѣчаніе № 101.

[2]) За два мѣсяца до того Екатерина послала сенату собственноручно написанный указъ приблизительно такого же содержанія. Повидимому, государыня опасалась, что привлеченіе иностранцевъ можетъ быть дурно истолковано, а потому она прибавила, что надѣется такимъ путемъ „умножить славу Божію и его Православную греческую вѣру". Голицынъ, Исторія русскаго законодательства, стр. 311.

ничныхъ государствъ, евреи принимали наибольшее участіе въ торговлѣ; они покупали мѣстные товары по болѣе дорогой цѣнѣ, а продавали привезенные изъ-за границы товары по болѣе низкой цѣнѣ, чѣмъ та, которая установилась послѣ запрещенія евреямъ пріѣзжать въ край. А потому, не рѣшаясь, какъ гласило прошеніе, утруждать государыню просьбой о томъ, чтобы евреямъ было разрѣшено жить осѣдло въ краѣ, шляхетство и старшины ходайствовали „единственно для распространенія малороссійской комерціи“ о дозволеніи евреямъ свободно пріѣзжать на извѣстное время въ Малую Россію для промысловъ [1]).

Уже въ 1763 г. рижскій городской совѣтъ предложилъ гражданамъ, купцамъ и обывателямъ заявить о своихъ претензіяхъ къ евреямъ, которые, въ виду неожиданнаго повелѣнія 1743 г. о недопущеніи ихъ въ Ригу, остались должными рижанамъ [2]). А нѣсколько мѣсяцевъ спустя рижскій депутатъ въ Петербургѣ сообщилъ родному городу, что евреи хлопочутъ о дозволеніи имъ водвориться въ „Россіи и въ завоеванныхъ провинціяхъ“ [3]), при чемъ они предложили компенсировать свои долги тѣми суммами, которыя подлежатъ взысканію въ ихъ пользу въ Россіи и въ завоеванныхъ областяхъ. Это извѣстіе вызвало радость въ Ригѣ и городской совѣтъ поручилъ своему депутату въ Петербургѣ сдѣлать правительству представленіе о допущеніи евреевъ въ Ригу, при условіи, однако, сохраненія привилегій города, т. е., чтобы евреи пользовались правомъ временнаго, но не постояннаго проживанія. Въ мартѣ 1764 г. депутатъ внесъ въ сенатъ особую записку по этому поводу. Отмѣтивъ, что двадцать лѣтъ назадъ ходатайство города объ отмѣнѣ запрещенія евреямъ торговать въ Ригѣ не имѣло успѣха, депутатъ писалъ, что опытъ показалъ, какой большой ущербъ Ригѣ принесъ запретъ: въ Ригѣ торговля стала изъ года въ годъ падать, а въ это же время она возросла въ сосѣднихъ портахъ (Виндавѣ, Либавѣ, Мемелѣ и Кенигсбергѣ); теперь городъ проситъ разрѣшить евреямъ, проживающимъ въ Литвѣ, Польшѣ и Курляндіи, срочное пребываніе въ Ригѣ; это отразится благопріятно на торговлѣ и таможенномъ сборѣ и не причинитъ ни малѣйшаго подрыва обывателямъ и торговому сословію.

Ходатайство Риги соотвѣтствовало желанію Екатерины II; у государыни были особые виды на евреевъ; однако, имѣлись причины, которыя мѣшали открыто дѣйствовать; и эти причины были

---

[1]) Кіевская Старина, 1883 г., кн. VI, стр. 341, § 16.

[2]) Buchholtz, Geschichte der Juden in Riga, стр. 55, примѣчаніе.

[3]) Разумѣются, вѣроятно, Малороссія, Лифляндія.

настоль серьезны, или, быть можетъ, желаніе имѣть въ Россіи евреевъ было столь велико, что государыня рѣшилась прибѣгнуть къ конспираціи, лишь бы достигнуть своей цѣли. Екатерина II, вообще, любила окружать свои дѣйствія таинственной завѣсой.

Государыня стремилась привлечь иностранцевъ въ Россію. При этомъ ее особенно интересовала Новороссія. Когда Екатерина II учредила Новороссійскую губернію, то главная задача, поставленная начальнику области, А. П. Мельгунову, заключалась въ скорѣйшемъ заселеніи этого пустыннаго края [1]). Заботу о привлеченіи иностранцевъ государыня возложила на вновь учрежденную „Канцелярію опекунства иностранныхъ", предсѣдателемъ которой былъ назначенъ близкій государынѣ графъ Григорій Орловъ.

И вотъ, было рѣшено обратиться въ этомъ дѣлѣ къ помощи нѣсколькихъ евреевъ, при чемъ организація колонизаціоннаго предпріятія должна была быть сосредоточена въ Ригѣ,

Въ апрѣлѣ 1764 г. секундъ-маіоръ Ртищевъ доставилъ рижскому генералъ-губернатору Броуну слѣдующее письмо: „Если будутъ рекомендованы отъ канцеляріи опекунства иностранныхъ нѣсколько купеческихъ людей Новороссійской губерніи, то имъ позволить жительство имѣть въ Ригѣ и торгъ производить на такомъ основаніи, какъ прочихъ россійскихъ губерній купечеству въ Ригѣ дозволяется въ силу законовъ. Сверхъ того, когда отъ оныхъ будутъ отправляемы ихъ приказчики, повѣренные и работные люди въ Новую Россію (Новороссію), также и для поселенія туда-жъ, то для препровожденія и безопасности оныхъ, несмотря на законы и вѣру, давать пристойное провожаніе и паспорты отъ васъ. Да сверхъ того, если изъ Митавы будутъ три или четыре человѣка, которые пожелаютъ ѣхать въ Петербургъ для нѣкоторыхъ требованій, имѣющихся на коронѣ, дать имъ паспорты, не упоминая ихъ націй и о законѣ оныхъ испытанія не чинить, а писать только въ паспортахъ имена ихъ, а чтобы знать оныхъ, то должно чтобъ они имѣли письмо отъ находящагося здѣсь купца Левія Вульфа, которое они вамъ показать должны. Екатерина" [2]).

На этомъ письмѣ императрица сдѣлала слѣдующую собственноручную надпись на нѣмецкомъ языкѣ: Wenn sie mir nicht verstechen so wird es meine Schuld nicht seyn; dieser Brief hat der

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. VI, 38.—Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ, человѣкъ образованный, былъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей Екатерининскаго времени.

[2]) И. Іоффе, Изъ жизни первой еврейской общины въ Ригѣ. Сборникъ „Пережитое", т. II, стр. 190. Buchholtz, Geschichte d. Juden in Riga, стр. 57—58. Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края, т. IV, стр. 365.

President von der Protection Canzley selber geschrieben, halten Sie dieses alles geheim (Если вы не поймете меня, то не я буду виновата въ этомъ; письмо это написалъ самъ предсѣдатель канцеляріи опекунства, держите все это въ секретѣ).

Итакъ, государыня хотѣла предоставить безъ огласки нѣкоторымъ евреямъ, подъ видомъ новороссійскихъ купцовъ, право вести торговую дѣятельность въ Ригѣ, одновременно поручивъ имъ колонизировать Новороссію.

Снабженный письмомъ Броуна на имя русскаго посла при герцогскомъ дворѣ въ Митавѣ, Симолина, Ртищевъ немедленно отправился туда; Симолинъ оказалъ ему содѣйствіе въ его секретной миссіи, и черезъ пару дней Ртищевъ вернулся въ Ригу въ сопровожденіи семи евреевъ. Это были раввинъ Израиль Хаимъ и его помощникъ Натанъ Абрагамъ, оба изъ Биржъ; купцы Давидъ Леви, Моисей Аронъ, Израиль Лазарь изъ Митавы, одинъ рѣзникъ и одинъ слуга. Всѣ они были тотчасъ отправлены въ Петербургъ. Одновременно генералъ-губернаторъ послалъ государынѣ слѣдующій рапортъ: „По содержанію Всевысочайшаго Вашего Императорскаго Величества секретнаго имяннаго Всемилостивѣйшаго соизволенія, желающіе въ С.-Петербургъ для нѣкоторыхъ требованій таковые, о коихъ ни о законѣ, ни о ихъ націи испытанія не было, съ нарочно для ихъ съ письмомъ купца Левія Вульфа, присланнымъ секундъ-маіоромъ Ртищевымъ, купцовъ 3, духовныхъ 2 и одинъ рѣзникъ съ работникомъ, всего въ 7-ми человѣкахъ, сюда изъ Митавы сего Мая 7-го прибыли, и сего числа въ С.-Петербургъ съ тѣмъ же секундъ-маіоромъ на такомъ основаніи, какъ Всемилостивѣйше повелѣно, отправлены. Всемилостивѣйшая Государыня! О семъ дѣлѣ съ моей стороны, конечно, содержанъ быть имѣетъ всегдашній секретъ, но какъ упомяненные люди сюда прибыли открытымъ образомъ, то не долго иногда можетъ, особливо по знаемости оной націи, сіе отправленіе ихъ остаться въ секретѣ“ [1]).

Такимъ образомъ, часть таинственнаго предпріятія, изложеннаго въ письмѣ президента Канцеляріи опекунства къ Броуну, была выполнена,—въ столицу были отправлены митавскіе евреи „для нѣкоторыхъ требованій, имѣющихся на коронѣ“. Здѣсь они, во главѣ съ Левіемъ Вульфомъ, занимавшимся въ столицѣ казенными подрядами, вступили въ соглашеніе съ Мельгуновымъ по вопросу о колонизаціи Новороссіи. И тогда все это дѣло, заранѣе секретнымъ образомъ подготовленное, было оформлено путемъ офиціальной переписки.

---

[1]) Іоффе, Изъ жизни первой евр. общины въ Ригѣ, „Пережитое“, т II, стр. 191. Также Сборникъ матеріаловъ по исторіи Прибалтійскаго края, т. IV, стр. 366.

„Новороссійская губернія — писалъ Мельгуновъ Канцеляріи опекунства — вся состоять и наполняться должна иностранными людьми. Вслѣдствіе того для доставленія въ помянутую губернію изъ за границы людей посланы отъ меня въ Ригу новороссійскіе купцы: Давидъ Левій Бамбергъ [1]), Моисей Аронъ (эти двое были изъ числа трехъ, отправленныхъ въ Петербургъ), Беръ Бейнаминъ [2]) съ ихъ служителями, которымъ отъ меня оное дѣло и поручено; но какъ оные, будучи торговые люди, иного посредства къ своему пропитанію и содержанію, какъ только по тому ихъ званію (т. е. торговому), не имѣютъ, то въ разсужденіе сихъ обстоятельствъ Канцелярію опекунства иностранныхъ прошу помянутыхъ новороссійскихъ купцовъ рижскому генералъ-губернатору рекомендовать, дабы они могли, равно какъ и прочихъ городовъ Ея Импер. Величества подданные купцы, въ Ригѣ торговлею пользоваться". Для оказанія содѣйствія упомянутымъ купцамъ и для сопровожденія колонистовъ до крѣпости Св. Елизаветы (впослѣдствіи Елисаветградъ) былъ назначенъ маіоръ Ртищевъ. Старшему же надъ этими купцами Левію Вульфу, коему „вся комиссія поручена въ наблюденіе", Мельгуновъ предоставилъ право замѣнять поименованныхъ купцовъ другими лицами. Въ случаѣ надобности въ дома купцовъ должна быть поставлена „сальвогвардія" (военная охрана).

Изъ этихъ строкъ можно сдѣлать заключеніе, что правительство интересовалось главнымъ образомъ дѣломъ колонизаціи; еврейскіе же купцы воспользовались возложеннымъ на нихъ порученіемъ, чтобы добыть себѣ право свободной торговли въ Ригѣ.

Канцелярія опекунства одобрила всѣ предложенія Мельгунова и послала соотвѣтствующее предписаніе Броуну [3]), пояснивъ, что такъ какъ по манифесту 1762 г. иностранцы пользуются правомъ

---

[1]) Бамбергъ, также Бамбергеръ, уже раньше имѣлъ сношенія съ представителями русской власти; онъ былъ поставщикомъ при генералъ-фельдмаршалѣ Апраксинѣ (1760 г.); когда Бамбергъ отправился въ 1760 г. съ семьей въ Кенигсбергъ изъ Митавы, гдѣ онъ жилъ въ продолженіе 18 лѣтъ (очевидно, послѣ изгнанія изъ Риги), оберъ-офицерамъ, состоящимъ при складахъ, было велѣно не только не чинить ему препятствій, но оказывать ему содѣйствіе; вообще, согласно аттестаціи, выданной шефомъ русскаго корпуса въ Митавѣ въ 1764 г., Бамбергеръ „оказалъ ея императорскому величеству выдающіяся услуги" въ различныхъ экспедиціяхъ. См. мою замѣтку въ Еврейской Энциклопедіи, т. III, стр. 735—737; также статью Рига въ Еврейской Энциклопедіи, т. XIII.

[2]) О Берѣ Бейнаминѣ говорится въ главѣ, посвященной исторіи евреевъ въ Курляндіи.

[3]) Архивъ бывшаго министерства земледѣлія, № 25659 „Дѣло по доношенію генералъ-поручика Мельгунова объ отправленныхъ въ Ригу новороссійскихъ купцахъ". Письма Мельгунова отъ 17 и 22 мая 1764 г. были разсмотрѣны Канцеляріей опекунства 25 мая; 4 іюня Броунъ подтвердилъ полученіе указа (№ 442).

торговли во всѣхъ русскихъ городахъ, то и указаннымъ тремъ купцамъ разрѣшается торговать въ Ригѣ какъ русскимъ подданнымъ—Канцелярія опекунства сдѣлала видъ, будто забыла, что манифестъ 1762 г. исключилъ евреевъ изъ общей милости. Впрочемъ, официально рѣчь шла не объ евреяхъ, а объ иностранцахъ, ставшихъ новороссійскими купцами.

Левій Вульфъ принялся за работу. Онъ послалъ куда-то письма, и вскорѣ въ Ригу направились „двадцать человѣкъ польскаго города Полоцка". Были ли это евреи? О національности было запрещено говорить и въ сохранившихся бумагахъ нѣтъ отвѣта на поставленный вопросъ. Но изъ того, что этихъ двадцать человѣкъ не впустили въ Ригу, а заставили въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города дожидаться, пока вернется отсутствующій генералъ-губернаторъ, безъ котораго никто не рѣшался дать пропускъ, можно сдѣлать заключеніе, что это были евреи.

Вскорѣ колонизаторская дѣятельность Вульфа была перенесена въ Ригу. Онъ и его товарищи съ Ртищевымъ и слугами прибыли въ Ригу и отсюда Вульфъ разослалъ письма въ польскія мѣстечки, въ Пруссію, Бранденбургъ и Померанію [1]). Вслѣдъ за тѣмъ въ Ригу стали прибывать евреи.

Повидимому, комиссія по привлеченію иностранцевъ въ Новороссійскій край работала не единодушно. Левій Вульфъ (Judenaeltester der Commission) и Ртищевъ злоупотребляли своей властью. Давидъ Бамбергеръ и Моисей Аронъ жаловались генералъ-губернатору, что Левій Вульфъ не отдалъ имъ векселя въ восемь тысячъ рублей „съ причиненіемъ имъ несносныхъ обидъ", а Ртищевъ подвергалъ ихъ притѣсненіямъ. Броунъ всполошился, опасаясь, что „по несогласіямъ сихъ иностранныхъ" (такъ именовались знакомые намъ евреи!) казнѣ будетъ нанесенъ ущербъ; къ тому же, „освѣдомясь о такихъ суровостяхъ, другіе иностранные люди... не отважатся въ Россію болѣе ѣхать" [2]).

Неизвѣстно, насколько успѣшна была дѣятельность комиссіи. Но государыня нашла и другіе пути для привлеченія евреевъ въ Новороссію.

Нѣсколько лѣтъ спустя, когда Екатеринѣ II не приходилось болѣе считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, ибо волею историческихъ событій въ число ея подданныхъ было включено многотысячное еврейское населеніе, она въ письмѣ къ энциклопедисту Дидро (1773 г.) откровенно заявила, что въ 1764 г. евреи были объявлены купцами и жителями Новороссіи. Изъ этого же письма

---

1) Рапортъ Ртищева. Указанное архивное дѣло.

2) Донесеніе генер.-губернатора 18 сентября 1764 г. Указанное архивное дѣло.

мы узнаемъ, что трое-четверо евреевъ, прибывшихъ въ ту пору въ Петербургъ, квартировали у духовника государыни: ихъ терпѣли вопреки закону—„дѣлаютъ видъ, что не знаютъ объ ихъ пребываніи“ [1]).

Желаніе Екатерины II привлечь евреевъ въ Новороссійскій край не ослабѣвало; она пользовалась всякимъ случаемъ, дававшимъ ей возможность направить ихъ туда, не прибѣгая къ актамъ, которые требовали бы широкой гласности. Она предписала (іюль 1764 г.) князю Дашкову, находившемуся съ войскомъ въ Литвѣ, а затѣмъ въ Польшѣ, принимать подъ свою защиту польскихъ и другихъ евреевъ, которые заявятъ о готовности ѣхать въ Новороссію и выдавать имъ паспорта до Риги и Смоленска [2]).

Въ Ригѣ вскорѣ скопилось значительное, сравнительно, число евреевъ, направлявшихся будто бы въ Новороссію, но фактически занимавшихся въ Ригѣ торговой дѣятельностью, которое обратило на себя вниманіе городского совѣта; къ тому же евреи нарушили старыя правила, устанавливавшія извѣстный срокъ для ихъ пребыванія, и требовавшія, чтобы евреи жили не въ городѣ, а въ предмѣстьѣ [3]). Въ виду недовольства городского совѣта генералъ-губернаторъ вздумалъ стѣснить евреевъ въ правѣ проживанія. Тогда они обратились съ жалобой въ Канцелярію опекунства, прося, чтобы было опубликовано о томъ, что имъ предоставлены новыя права. Но Екатерина II не согласилась на подобную огласку; напротивъ, она подтвердила властямъ, что тайна должна быть соблюдена, но при этомъ государыня потребовала болѣе снисходительнаго отношенія къ евреямъ. Вотъ что она написала тогда (6 августа 1764 г.) генералъ-губернатору Броуну: „Господинъ генералъ-губернаторъ, Вамъ извѣстно, что воля наша есть, дабы не обнародовать позволенія жить въ Россіи особливо тѣмъ людямъ, о которыхъ Вы писали въ канцелярію опекунства, однакожъ не имѣть и строгаго запрещенія. Вслѣдствіе сего извольте поступать такъ и сказать требующимъ объ обнародованіи, что оное не нужно потому, ибо уже въ манифестѣ о вызовѣ чужестранныхъ всѣмъ націямъ глухо безъ изъятія жить въ Россіи

---

[1]) Русскій Архивъ, 1880 г., кн. III, стр. 2—3. Екатерина II писала Дидро: „Впрочемъ, впускъ ихъ (евреевъ) въ Россію могъ бы принести большой убытокъ нашимъ мелкимъ торговцамъ, такъ какъ эти люди все притягиваютъ къ себѣ, и могло бы статься, что при ихъ возвращеніи (послѣ изгнанія при Елизаветѣ) было бы больше жалобъ, чѣмъ пользы“.

[2]) Сборникъ Импер. русск. истор. общества, т. 51, стр. 440.

[3]) Іоффе, Изъ жизни первой еврейск. общины въ Ригѣ, „Пережитое“, т. II, стр. 192 — 193. Buchholtz, Geschichte der Juden in Riga, стр. 60—61.

Петроградъ (невскій проспектъ и аничкинъ мостъ) въ серединѣ XVIII-го вѣка.
(Изъ книги: Божеряновъ, Невскій проспектъ, II вып.).

дозволяется, на чемъ и оные свое основаніе имѣть могутъ; дозвольте же жить хотя и болѣе нарѣченнаго вамъ числа канцеляріею опекунства въ предмѣстьи рижскомъ. О пріѣзжающихъ же для отправленія въ Новую Россію можно, покуда соберется довольное число къ отправленію, дозволить жить по мѣсяцу или недѣль по шести, въ прочемъ помощь вашу, въ сходствіе съ законами, извольте подавать имъ въ разсужденіи ихъ обязательства торговаго съ короною. Екатерина" [1]).

Мы видимъ, что письмо составлено съ такой осторожностью, что человѣкъ, не посвященный въ подробности переписки, не могъ бы догадаться, о комъ идетъ рѣчь; генералъ-губернаторъ отвѣтилъ государынѣ въ томъ же конспиративномъ духѣ [2]). Но изъ того, что было сказано въ рижскомъ магистратѣ по поводу письма государыни, вытекаетъ съ несомнѣнностью, что подразумѣвались евреи [3]),—впрочемъ, позже вполнѣ открыто говорилось о томъ, что правительствомъ имѣлось въ виду создать въ Новороссіи еврейскую колонію.

Съ этого времени въ Ригѣ образуется осѣдлое еврейское населеніе.

Въ 1766 г. были изданы спеціальныя правила о пребываніи евреевъ въ Ригѣ. Ссылаясь на собственноручно подписанное государыней повелѣніе, чтобы евреямъ было разрѣшено жить и торговать въ Ригѣ, дабы они могли развивать внѣшнюю торговлю, особливо съ Польшей, Литвой и Курляндіей, рижскій городской совѣтъ постановилъ, чтобы евреямъ, торгующимъ зерномъ, пенькой, льномъ, воскомъ, медомъ, саломъ, кожами, лѣсомъ и нѣкоторыми другими продуктами, было предоставлено привозить всѣ эти товары въ Ригу для продажи, но никому иному, какъ только мѣстнымъ торговцамъ; при этомъ пребываніе евреевъ въ Ригѣ ограничивалось шестинедѣльнымъ срокомъ. Такъ какъ пріѣздъ дозволялся лишь для торговыхъ цѣлей, то евреямъ было запрещено изготовлять и продавать тѣ предметы, которымъ занимались мѣстные цехи, —евреи могли посвятить себя только тому ремеслу, которое не имѣло представителей среди рижскихъ обывателей. Были установлены и другія правила, направленныя къ тому, чтобы охранить рижанъ отъ конкуренціи со стороны евреевъ. Всѣ пріѣзжающіе

---

[1]) Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края, т. IV, стр. 370.

[2]) Броунъ подтвердилъ полученіе высочайшаго указа о „наставленіи какимъ образомъ поступать въ дозволеніи здѣсь жить пріѣзжающимъ для отправленія въ Новую Россію извѣстной націи и всходствіе законовъ въ производствѣ имъ торга чинить помощь". Сборникъ матеріаловъ по исторіи Прибалтійскаго края, т. IV.

[3]) Іоффе, Изъ жизни первой еврейской общины. Сборникъ „Пережитое", т. II, стр. 193.

евреи должны были останавливаться въ „жидовскомъ постояломъ дворѣ“ [1]). Одни лишь упомянутые привилегированные евреи, члены комиссіи по привлеченію колонистовъ, могли постоянно жить внѣ подворья, но и то внутри форштадта. Впрочемъ, постепенно число привилегированныхъ евреевъ увеличилось, и рижская колонія стала разростаться, не смотря на то, что ее раздирали внутреннія дрязги. Привилегированные евреи, гордясь предоставленными имъ исключительными правами, относились свысока къ пріѣзжающимъ евреямъ. Такъ, хотя послѣдніе участвовали въ расходахъ по содержанію молельни, устроенной въ 1767 г. въ подворьѣ, привилегированные члены рижской общины старались устранить ихъ отъ завѣдыванія общественными дѣлами. Изъ за избранія синагогальнаго старшины между привилегированными и пріѣзжающими евреями происходили безконечныя распри и обѣ стороны, ища поддержки у рижской администраціи, доносили и клеветали другъ на друга.

Екатерина II и въ дальнѣйшемъ старалась колонизировать Новороссію евреями. Когда въ 1768 г. началась война съ Турціей и русскіе заняли Молдавію и Валахію, появились военно-плѣнные; всѣмъ имъ было разрѣшено водворяться въ Россіи по собственному желанію; что касается евреевъ, взятыхъ въ плѣнъ, то для нихъ была открыта только Новороссія [2]). Судя по соотвѣтствующему именному указу (16 августа 1769 г.), можно было бы думать, что разрѣшеніе на поселеніе евреевъ было дано противъ желанія правительства, какъ бы только въ силу неодолимой необходимости, но приведенныя выше сообщенія свидѣтельствуютъ, что

---

[1]) Іоффе. Изъ жизни первой евр. общины. Подворье находилось между крѣпостной стѣной, окружавшей городъ, и частоколомъ, опоясывавшимъ предмѣстье города. Такимъ образомъ, подворье было расположено хотя и на окраинѣ города, но внутри форштадта, у Ивановыхъ воротъ, въ южной сторонѣ города, у Двины, недалеко отъ мѣста, нынѣ занятаго еврейскимъ кладбищемъ.

[2]) Графъ Румянцевъ донесъ государынѣ 13 марта 1770 г., что послѣ побѣды надъ татарами (находясь въ союзѣ съ турками, они появились на югѣ Россіи) при Балтѣ, „освобождено забратыхъ ими съ польскихъ селеній жидовъ и христіанъ 862 души“. Чтеніе общества исторіи и древностей, 1865 г., т. II, стр. 29.

Въ октября 1770 г. отрядъ казаковъ захватилъ въ Ногайскихъ степяхъ часть табора крымскаго хана; тамъ нашлись взятые въ плѣнъ волохи и евреи. „Такъ какъ евреи не могли остаться въ Запорожьѣ“, они послали ходоковъ въ Польшу, чтобы раздобыть денегъ для выкупа. Ходокамъ удалось собрать лишь 600 червонцевъ, а не ту сумму, какую назначили казаки, и евреи обратились за помощью къ Румянцеву; возмутившись тѣмъ, что казаки требуютъ выкупа, Румянцевъ все-же разрѣшилъ имъ взять 600 червонцевъ въ покрытіе расходовъ по прокормленію плѣнныхъ. Было отослано за рубежъ 77 евреевъ. Изъ Умани они прислали (начало 1772 г.) благодарственное письмо казакамъ за охрану въ пути. А. Скальковскій, Еврейскій плѣнъ въ Запорожьѣ. Кіевская Старина, 1884 г., кн. I.

государыня умѣла маскировать свои желанія, что она прилагала исключительныя усилія къ тому, чтобы привлечь евреевъ въ Новороссію, нуждавшуюся въ торгово-промышленномъ элементѣ.

Слѣдуетъ здѣсь отмѣтить, что когда въ 1768 г. гайдамаки залили правобережную польскую Украйну кровью евреевъ и поляковъ, русскія власти принимали подъ свою защиту евреевъ-бѣженцевъ. Мы застаемъ спасавшихся евреевъ въ крѣпости св. Елизаветы, у подполковника желтаго гусарскаго полка Хорвата, который на требованіе гайдамаковъ выдать скрывшихся евреевъ и поляковъ, отвѣтилъ: „тѣхъ жидовъ и поляковъ, потому что оные въ силѣ предложеніевъ находятся у насъ подъ защитой, отдать невозможно“.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Съ раздѣломъ Польши часть ея еврейскаго населенія переходитъ въ русское подданство. — Исторія евреевъ въ польско-литовскомъ государствѣ. — Короли оказываютъ имъ покровительство и жалуютъ привилегіи. — Духовенство успѣшно агитируетъ противъ евреевъ среди городского мѣщанства, инсценируетъ ритуальные процессы, призываетъ къ погромамъ. — Въ виду стѣсненій въ жительствѣ и торговлѣ, испытываемыхъ въ городахъ, евреи поселяются на частновладѣльческихъ земляхъ, гдѣ занимаются арендами и винными промыслами. — Съ умаленіемъ королевскаго авторитета усиливается власть помѣщика надъ евреями и ухудшается ихъ положеніе въ городахъ. — Окруженное враждебными организованными общественными группами, евреи, въ свою очередь, сплачиваются. — Кагальная организація. — Казацкія возстанія на Украинѣ обрушиваются на евреевъ, какъ на посредниковъ между католиками-помѣщиками и православными крестьянами. — Катастрофа 1648 г. — Бѣдствія въ годы Сѣверной войны. — Разложеніе во внутренней еврейской жизни. — Въ 1768 г. повторяется кровавое событіе 1648 г. — Духовное состояніе евреевъ въ Польшѣ. — Гнетъ раввинизма и гоненія извнѣ вызываютъ въ народѣ мистическое настроеніе. — Возникновеніе сектъ: саббатіанство и франкизмъ. — Зарожденіе хасидизма.

Вопросъ — быть или не быть евреямъ въ составѣ русскаго государства, былъ разрѣшенъ не волею отдѣльныхъ лицъ, а историческимъ событіемъ исключительной важности; въ своемъ развитии это событіе не имѣло никакого отношенія къ евреямъ, но въ результатѣ оно отразилось на судьбѣ значительной части еврейскаго народа.

Въ 1772 г. состоялся первый раздѣлъ Польши—часть ея территоріи была подѣлена между Россіей, Австріей и Пруссіей, и тогда къ Россіи перешла Бѣлоруссія съ издавна осѣвшимъ здѣсь еврейскимъ населеніемъ. А позже, при дальнѣйшихъ двухъ раздѣлахъ Польши, приведшихъ къ уничтоженію ея самостоятельнаго существованія, Россія приняла въ свое подданство новыя массы еврейскаго населенія.

Жизнь евреевъ въ русскомъ государствѣ сохранила многія черты, которыя были присвоены ей при польскомъ господствѣ, а потому для выясненія нѣкоторыхъ ея сторонъ необходимо разсказать, хотя бы бѣгло, о вѣкахъ, проведенныхъ евреями въ Польшѣ.

Медленная иммиграція [1]) евреевъ въ польскія земли, возникновеніе которой теряется въ отдаленномъ прошломъ, становится болѣе замѣтной съ конца одиннадцатаго вѣка. Крестовые походы заставили чешскихъ евреевъ искать спасенія въ Польшѣ; здѣсь же укрывались отъ всяческихъ гоненій германскіе евреи. Полагаютъ, что евреи сюда иммигрировали и какъ колонисты, въ общемъ нѣмецкомъ колонизаціонномъ движеніи тринадцатаго и четырнадцатаго вѣковъ. Бѣженцы были радушно приняты въ Польшѣ, вслѣдствіе чего сюда начали приходить отдѣльныя группы евреевъ, искавшихъ болѣе благопріятныхъ условій жизни. Хозяйственное состояніе страны, нуждавшейся въ развитіи торговли и промышленности, побуждало польскихъ правителей брать подъ свое покровительство дѣятельныхъ, предпріимчивыхъ выходцевъ изъ Западной Европы—будь то христіанинъ или еврей.

Конечно, и на новой родинѣ евреи, какъ иновѣрцы и какъ конкуренты въ торговлѣ, испытывали на себѣ непріязнь со стороны извѣстныхъ группъ окружающаго населенія.

Съ конца двѣнадцатаго вѣка въ Польшѣ начинаетъ развиваться общественная организація, основанная на частныхъ привилегіяхъ. Княжеская власть постепенно отказывается отъ своихъ правъ въ пользу духовенства, рыцарства (milites), превращающагося въ дворянство, и вновь возникающихъ городовъ — князь опредѣляетъ свободы тѣхъ, кому даетъ привилегію, и при этомъ онъ обязывается не вступать въ предѣлы правъ и преимуществъ, предоставленныхъ его привилегіями. Освобожденіе рыцарскихъ помѣстій, въ той или иной степени, отъ различныхъ обязанностей и изъ подъ власти княжескихъ чиновниковъ вызывалось часто тѣмъ, что нѣмцы соглашались водвориться въ Польшѣ подъ условіемъ, чтобы въ данной мѣстности устанавливались нѣмецкіе законы, на что и требовалась привилегія князя. Тѣ же нѣмецкіе колонисты, первые поселенцы вновь возникшихъ городовъ, дали послѣднимъ то устройство — магдебургское право, — къ которому привыкли на своей родинѣ. Привилегіи разбили общество на группы, отличныя одна отъ другой не только по занятіямъ, но и по юридическому положенію.

Этими обстоятельствами опредѣлилась и жизнь еврейскаго

---

[1]) При составленіи настоящей главы мною были использованы слѣдующіе труды: С. М. Дубновъ, Всеобщая исторія евреевъ, т.т. II и III (главы, посвященныя исторіи евреевъ въ польско-литовскомъ государствѣ). Очерки М. Балабана и М. Вишницера, помѣщенные въ „Исторіи еврейскаго народа“ (изд. Т-ва „Міръ“). С. Кутчеба, Очеркъ исторіи государственнаго и общественнаго строя Польши (перев. съ польскаго.) Спб., 1907 г.). В. Грабенскій, Исторія польскаго народа (Спб. 1910 г.). А. Ефименко, Исторія украинскаго народа (Спб., 1906 г.

населенія, образовавшаго особую общественную единицу. Окруженные различными общественными классами и организаціями, боровшимися между собой изъ за политической власти и матеріальныхъ благъ, евреи, ведя борьбу за существованіе, должны были, въ свою очередь, опираться на свою внутреннюю организованность и на поддержку со стороны то одной, то другой внѣшней общественной силы.

Правовое положеніе евреевъ въ Великой Польшѣ было впервые установлено привилегіей князя Болеслава Благочестиваго (1264 г.), составленной въ духѣ чешско-австрійскихъ привилегій и наложившей печать на все позднѣйшее польское законодательство о евреяхъ. Привилегія Болеслава Благочестиваго придерживалась взгляда на евреевъ, какъ на княжескихъ людей (servi camerae). Они, такъ сказать, принадлежатъ князю; онъ извлекаетъ изъ нихъ выгоду для себя, и вслѣдствіе этого беретъ ихъ подъ свою защиту. Привилегія Болеслава Благочестиваго имѣла цѣлью охранить великопольскихъ евреевъ отъ угнетенія со стороны христіанскаго населенія и дать имъ возможность развивать свою экономическую дѣятельность.

Предоставивъ евреямъ заниматься ссудными операціями подъ залогъ недвижимости, — съ правомъ пріобрѣтать таковую въ собственность (если должникъ не вернетъ денегъ)—и повсемѣстно торговать, привилегія ставила евреевъ подъ защиту правосудія: ихъ тяжбы подлежали не общему мѣстному суду, а суду князя, его намѣстника или особо назначеннаго судьи; для доказательства правильности иска къ еврею недостаточно было свидѣтельскаго показанія одного лишь христіанина, требовался также свидѣтель-еврей; дѣла по обвиненію евреевъ въ преступленіяхъ съ ритуальной цѣлью разбирались при наличіи шести свидѣтелей—троихъ христіанъ и троихъ евреевъ; евреямъ была гарантирована опека князя и воеводы, личная и имущественная безопасность, свобода вѣроисповѣданія, неприкосновенность кладбищъ, молитвенныхъ домовъ и проч.

Привилегія Болеслава Благочестиваго была подтверждена королемъ Казиміромъ Великимъ (1334 г.). Заботясь о подъемѣ гражданской жизни въ государствѣ, объ экономическомъ развитіи страны, Казиміръ оказывалъ покровительство евреямъ въ такой же мѣрѣ, какъ и прочимъ сословіямъ. Распространивъ дѣйствіе грамоты Болеслава на всѣ польскія провинціи, Казиміръ въ послѣдніе годы своего царствованія (1364—1370 г.г.) дополнилъ ее новыми постановленіями, дабы открыть предъ евреями просторъ для экономической дѣятельности и оградить ихъ отъ притѣсненій. Евреи могли всюду свободно селиться, арендовать и брать въ

залогъ шляхетскія имѣнія, владѣть землею, заниматься ссудными операціями. Имѣя въ виду, что католическое духовенство и городскіе магистраты относились къ евреямъ непріязненно, король подтвердилъ, что дѣла евреевъ не могутъ разбираться въ церковныхъ и городскихъ учрежденіяхъ, а подлежатъ королевской юрисдикціи. При этомъ король не только какъ-бы санкціонировалъ, но и укрѣпилъ значеніе и силу внутренней еврейской организаціи, возложивъ на еврейскую общину извѣстныя функціи въ судебномъ процессѣ. Представителямъ общины было дано право указывать такъ называемому „еврейскому судьѣ" (христіанину, назначенному королемъ), гдѣ именно долженъ происходить разборъ дѣла—въ синагогѣ или другомъ мѣстѣ; синагогальный служка, „школьный", исполнялъ обязанности судебнаго пристава. Евреямъ Львова, столицы Червонной Руси, присоединеннаго Казиміромъ къ Польшѣ, было предоставлено (1356 г.) „судиться по собственнымъ своимъ законамъ" наравнѣ съ другими иновѣрцами.

Благосклонность короля къ евреямъ вызывала порою противодѣйствіе со стороны общества, охотно воспринимавшаго человѣконенавистническую проповѣдь духовенства, и королю приходилось иногда уступать. Такъ, статутъ короля (1347 г.), данный на Вислицкомъ сеймѣ, ограничивая евреевъ въ ссудныхъ операціяхъ, мотивируетъ это тѣмъ, что „коварное стремленіе іудеевъ направлено къ разрушенію благосостоянія христіанъ". Тѣмъ не менѣе, евреи подъ защитою Казиміра чувствовали себя въ безопасности. Это благопріятное положеніе вскорѣ измѣнилось.

Владиславъ Ягелло, великій князь литовскій, занявшій польскій престолъ, благодаря брачному союзу, и тогда же принявшій католичество, не могъ противодѣйствовать агитаціи духовенства, и его длительное царствованіе (1386—1434 г.г.) оставило въ исторіи польскихъ евреевъ мрачную страницу. Духовенство натравило на нихъ часть общества, и они претерпѣли кровавыя бѣдствія. Такъ, раввинъ и старѣйшины познанской общины были сожжены по обвиненію въ оскверненіи гостіи (1399 г.). Краковскіе евреи пережили (1407 г.) ужасы погрома. Многіе краковскіе христіане разбогатѣли послѣ погрома, поглотившаго не мало человѣческихъ жертвъ, и это обстоятельство, повторяющееся въ столь же явной или болѣе скрытой формѣ при другихъ гоненіяхъ на евреевъ, говоритъ о тѣхъ матеріальныхъ интересахъ, которые побуждали общество откликаться на призывъ духовенства. Подъ вліяніемъ проповѣди, проникнутой религіозной нетерпимостью, зависть къ удачливому конкуренту выливалась въ грабежѣ и убійствѣ. Въ годы Ягелло были изданы различныя соборныя постановленія

(Калишскій соборъ), запрещавшія, между прочимъ, общеніе между евреями и христіанами.

Инымъ оказалось правленіе Ягелло для литовскихъ евреевъ. Когда, благодаря вступленію Ягелло на польскій престолъ, Литва вошла въ унію съ Польшей, литовскіе евреи (среди нихъ и караимы), прибывшіе сюда, какъ полагаютъ, не изъ Западной, а, главнымъ образомъ, изъ юго-восточной Европы (Крымскій полуостровъ и прилегающія къ нему области), были поставлены въ такія же правовыя условія, какъ ихъ польскіе единовѣрцы. Привилегіи, дарованныя еврейскимъ общинамъ въ Брестѣ, Гроднѣ и Трокахъ литовскимъ великимъ княземъ Витовтомъ, правившимъ (1388 1430 г.г.) отъ имени своего двоюроднаго брата Ягелло, были составлены въ духѣ привилегій Болеслава Благочестиваго и Казиміра Великаго. Принявъ евреевъ подъ свое покровительство, Витовтъ предоставилъ имъ самоуправленіе въ религіозно-общественной жизни.

Сословія, на которыя разбилось польское общество, не были равны между собою, но все-же каждое изъ нихъ могло свободно жить въ предѣлахъ своихъ правъ и привилегій, и такимъ образомъ создавалось извѣстное равновѣсіе. Но въ концѣ пятнадцатаго вѣка это равновѣсіе нарушается и дворянство начинаетъ пріобрѣтать господство въ ущербъ низшимъ классамъ. Законодательнымъ органомъ становится сеймъ, состоявшій, кромѣ короля, изъ сената, представлявшаго аристократію и высшее духовенство, а также изъ посольской избы, представлявшей шляхетскую массу, избиравшую на сеймикахъ своихъ депутатовъ.

Въ связи съ этимъ еврейская жизнь уже не регулировалась постановленіями одного только короля; онъ разрѣшалъ лишь вопросы о подсудности евреевъ и ихъ внутренней организаціи; что касается торгово-промышленной дѣятельности евреевъ, то здѣсь значеніе шляхетскихъ сеймиковъ начало все болѣе и болѣе сказываться, ибо королевскимъ привилегіямъ противопоставлялись конституціи, вынесенныя на сеймахъ. Конституціи, подсказанныя религіознымъ рвеніемъ однихъ членовъ сейма и корыстными домогательствами другихъ, стали направляться къ тому, чтобы лишить силы королевскія привилегіи, которыя обезпечивали за евреями возможность поддерживать свое существованіе. Къ тому же сами короли не всегда оказывали евреямъ поддержку. А между тѣмъ, евреи встрѣчали все болѣе упорнаго противника въ лицѣ городского мѣщанства. Развитіе экономической дѣятельности евреевъ, объясняемое не наличностью капиталовъ, размѣры коихъ были очень скромные, а давнимъ опытомъ и связью съ единовѣрцами, разбросанными по различнымъ странамъ, вызывало въ мѣщанствѣ чувство зависти къ счастливому конкуренту, и, не обладая поли-

тической силой, находившейся въ распоряженіи духовенства и шляхты, мѣщане, пользуясь поддержкой со стороны духовенства, все чаще прибѣгали къ инымъ средствамъ борьбы—къ насиліямъ и кровавому навѣту.

Казиміръ IV Ягеллончикъ, великій князь литовскій (съ 1440 г.) и король польскій (1447—1492 г.г.), согласившійся занять польскій престолъ безъ того, чтобы дать какія-либо обязательства полякамъ, сумѣвшій подчинить себѣ духовенство и шляхту, подтвердилъ привилегію, пожалованную евреямъ Казиміромъ Великимъ, и, между прочимъ, разрѣшилъ общеніе евреевъ съ христіанами, а также отмѣнилъ постановленія соборовъ. Это вызвало возмущеніе въ рядахъ духовенства, и когда короля постигли военныя неудачи, несчастье было объявлено божьимъ возмездіемъ за покровительство, оказываемое королемъ евреямъ. Вовлеченный въ военныя дѣйствія, требовавшія увеличенія налоговъ, король долженъ былъ подчиниться волѣ дворянства, которое соглашалось воевать и платить налоги лишь при условіи расширенія шляхетскихъ свободъ. Казиміръ IV оказался вынужденнымъ дать шляхтѣ новыя вольности и офиціально отмѣнить привилегію, имъ же самимъ подтвержденную евреямъ, что и было установлено Нѣшавскимъ статутомъ (1454 г.). Тогда же были вновь провозглашены старыя соборныя постановленія, сила которыхъ заключалась не столько въ ихъ практическомъ осуществленіи, сколько въ тѣхъ кричащихъ лозунгахъ религіозной нетерпимости, подъ которымъ постановленія издавались. И результаты этого не заставили себя долго ждать. Такъ, напр., въ 1464 г. толпа изъ монаховъ, студентовъ, захудалыхъ шляхтичей и крестьянъ произвела въ Краковѣ погромъ, во время котораго погибло около тридцати евреевъ. Подобныя нападенія произошли и въ Познани, и въ др. мѣстахъ. Однако, общее благопріятное положеніе евреевъ въ ту пору мало, сравнительно, измѣнилось, такъ какъ король не отказывалъ имъ въ покровительствѣ, отдавая имъ, между прочимъ, на откупъ различныя статьи государственныхъ доходовъ. Но преемникамъ Казиміра Ягеллончика пришлось сдѣлать фактическія уступки шляхтѣ, и статутомъ Петроковкаго сейма 1496 г. (лишившимъ, между прочимъ, крестьянъ свободы и отдавшимъ ихъ подъ юрисдикцію помѣщика) было не только подтверждено постановленіе Нѣшавскаго статута, но и запрещено евреямъ давать ссуды подъ залогъ недвижимостей,—этимъ путемъ евреи были совершенно лишены возможности пріобрѣтать земельную собственность, такъ какъ они могли вступать во владѣніе лишь тѣми землями, которыя оставались у нихъ за долги. А „Временный Радомскій статутъ“ 1505 г. потребовалъ, чтобы евреи не занимали государственныхъ должностей, т. е. чтобы они не допу-

скались на службу по финансовому вѣдомству, въ которомъ они заняли видное положеніе въ качествѣ откупщиковъ королевскихъ доходовъ.

Конецъ пятнадцатаго вѣка ознаменовался въ исторіи польскихъ евреевъ также созданіемъ перваго „гетто“. Когда во время громаднаго пожара въ Краковѣ (1494 г.) чернь разграбила имущество евреевъ, король приказалъ всѣмъ евреямъ переселиться въ предмѣстье Кракова, Казимержъ, и такимъ образомъ подлѣ Кракова возникъ особый городъ, населеніе котораго состояло исключительно изъ евреевъ,—водворяться въ Краковѣ имъ было запрещено. Краковъ получилъ такимъ образомъ привилегію de non tolerandis judaeis, т. е. право не допускать къ себѣ евреевъ. Впрочемъ, еврейской общинѣ въ Казимержѣ было впослѣдствіи (1564 г.) предоставлено право не разрѣшать христіанамъ селиться въ ея предѣлахъ.

Со смертью Казиміра Ягеллончика прервалась на время польско-литовская унія. Великій князь литовскій Александръ, сынъ Казиміра Ягеллончика, проявлялъ сперва расположеніе къ евреямъ, но безденежье, вызванное войнами его отца и его самого, побудило Александра круто измѣнить свое отношеніе къ евреямъ, и онъ прибѣгъ къ крайней мѣрѣ, которая, какъ ему казалось, одна могла вывести его изъ безнадежнаго положенія. Онъ издалъ (1495 г.) повелѣніе объ изгнаніи всѣхъ евреевъ литовскаго княжества—изъ Бреста, Гродны, Трокъ, Луцка, Владиміра-Волынска [1]) и Кіева [2]), и это привело къ тому, что въ распоряженіи великаго князя оказалась поземельная собственность, конфискованная у евреевъ, и тѣ суммы, которыя имъ должны были подъ залогъ недвижимости христіане,—послѣднимъ было приказано внести въ казну свои долги евреямъ. Земли, перешедшія отъ евреевъ къ великому князю, были розданы и частнымъ лицамъ—духовнымъ и свѣтскимъ, — и монастырямъ, и благотворительнымъ учрежденіямъ. Такимъ образомъ, разнообразныя общественныя группы могли порадоваться неожиданному событію. Торжествовали побѣду и христіане, оставшіеся должными евреямъ не подъ залогъ недвижимости, а по различнымъ сдѣлкамъ—они увидѣли себя свободными отъ денежныхъ обязательствъ.

Зарубежныя торговыя сношенія литовскихъ евреевъ послужили изгнанникамъ путеводной нитью. Изъ Кіева, Луцка и Владиміра-Волынска толпы потянулись въ Кафу и Константинополь, а изъ Бреста, Гродны и Трокъ—въ Польшу.

---

[1]) Съ 1336 г. принадлежалъ Литвѣ.

[2]) Въ четырнадцатомъ вѣкѣ Кіевское княжество, разоренное татарами, вошло въ составъ литовскаго государства.

Польскій король Янъ Альбрехтъ, братъ великаго князя литовскаго Александра, оказалъ покровительство изгнанникамъ—они могли селиться въ городахъ и пользоваться мѣстными вольностями. Когда послѣ смерти Яна Альбрехта литовскій князь Александръ принялъ также польскую корону (1501 г.), духовенство возымѣло надежду, что новый король поступитъ съ польскими евреями столь же сурово, какъ съ литовскими. Однако, случилось иное. Александръ не только отнесся благожелательно къ польскому еврейству, но также разрѣшилъ (1503 г.) литовскимъ изгнанникамъ вновь водвориться на своихъ старыхъ мѣстахъ и предоставилъ имъ вернуть себѣ отчужденное у нихъ имущество, съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы они возмѣстили новымъ владѣльцамъ всѣ ихъ расходы по пріобрѣтенію и пользованію имуществомъ въ годы еврейскаго изгнанія; рухнули тогда и надежды должниковъ, мнившихъ, что ихъ расчеты съ евреями покончены—евреямъ было разрѣшено взыскать долги по старымъ обязательствамъ.

Бѣдствіе, заставившее часть литовскихъ евреевъ провести нѣсколько лѣтъ въ тѣсномъ общеніи съ польскими единовѣрцами, научило ихъ цѣнить значеніе духовной сплоченности и организованности, которыми отличалось польское еврейство. Плоды этого тотчасъ сказались, когда изгнанники вернулись на родину. Возродившіяся общины объединились, чтобы защищать свои интересы. Онѣ коллективно выступили предъ великимъ княземъ съ ходатайствомъ объ освобожденіи ихъ отъ необходимости ставить на свой счетъ тысячу вооруженныхъ всадниковъ, каковое требованіе было предъявлено литовскимъ евреямъ когда имъ было разрѣшено вернуться на старыя мѣста, и это привело къ цѣли — воинскій налогъ князь отмѣнилъ, а взамѣнъ его общины были обязаны платить подати въ томъ же размѣрѣ, что и мѣщане, причемъ отвѣтственность за правильное поступленіе подати возлагалась на всѣ еврейскія общины другъ за друга, что создало почву, на которой это объединеніе въ дальнѣйшемъ успѣшно развилось въ общественную организованность.

Преемникъ Александра, Сигизмундъ I Старый (1506—1548 гг.), не останавливавшійся предъ жестокими мѣрами борьбы съ реформаціоннымъ движеніемъ, проникшимъ въ польско-литовское государство, проявляетъ полную терпимость къ еврейскому населенію. Подтвердивъ старую генеральную привилегію великопольскимъ евреямъ, онъ жалуетъ частныя привилегіи отдѣльнымъ евреямъ въ Польшѣ. Но въ это время, именно въ связи съ реформаціоннымъ движеніемъ, особую силу пріобрѣтаетъ духовенство, оплотъ государственной религіи, и успѣхъ, котораго достигла здѣсь реформація, обошелся евреямъ дорого.

Агитація противъ евреевъ подъ знаменемъ религіи не дала тѣхъ результатовъ, которыхъ добивались представители духовенства (разрушеніе синагогъ, изгнаніе евреевъ и проч.), но она сыграла свою роль уже въ томъ отношеніи, что сгустила вокругъ евреевъ атмосферу непріязни, создала настроеніе, при которомъ вражда со стороны шляхты стала болѣе дѣйственной, настроеніе, при которомъ евреямъ было труднѣе бороться со своимъ противникомъ-конкурентомъ, мѣщанствомъ. Лучшимъ орудіемъ противъ евреевъ, предъ которымъ не могъ устоять даже король, расположенный къ евреямъ, являлся тотъ или иной религіозный мотивъ. Когда въ Познани бургомистръ и ратманы строго запретили евреямъ торговать и нанимать товарные склады за предѣлами особаго еврейскаго квартала, король по жалобѣ евреевъ приказалъ не чинить имъ никакихъ стѣсненій. Но услышавъ изъ устъ познанскаго христіанскаго купечества, что отъ евреевъ, нанимающихъ склады на рынкѣ, въ мѣстѣ скопленія христіанскаго населенія, можетъ произойти соблазнъ для христіанъ и совращеніе отъ истинной вѣры, Сигизмундъ не осмѣлился ничего возразить, и евреямъ было запрещено нанимать склады на рынкѣ (1520 г.). Нѣсколько позже король постановилъ не допускать новыхъ поселенцевъ-евреевъ въ Познань и повелѣлъ, чтобы евреи проживали здѣсь въ извѣстныхъ кварталахъ (гетто), не строили домовъ между домами, принадлежащими христіанамъ. По просьбѣ Львовскаго магистрата, жаловавшагося на конкуренцію, евреи были ограничены въ правахъ торговли. Петроковскій сеймъ 1538 г. потребовалъ, чтобы былъ возстановленъ давній законъ, повидимому, никогда не исполнявшійся, о ношеніи евреями на одеждѣ отличительнаго знака, такъ какъ „іудеи, пренебрегая старымъ постановленіемъ, отбросили знаки, по коимъ ихъ можно отличить отъ христіанъ, и присвоили себѣ одежду, совершенно схожую съ одеждой христіанъ, дабы ихъ нельзя было распознать среди христіанъ“. Тогда же состоялись постановленія объ ограниченіи евреевъ въ экономической дѣятельности,—имъ было запрещено брать на откупъ государственные доходы, торговать въ деревняхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, евреевъ обязали исполнять тѣ договоры, которые были заключены еврейскими общинными управленіями, кагалами, съ городскими магистратами; эти соглашенія, наносившія ущербъ евреямъ, не были добровольными актами; евреи, окруженные непріязнью, вынуждены были идти на уступки, отказываться частично отъ правъ, предоставленныхъ имъ королевскими привилегіями. Такимъ образомъ, въ однихъ городахъ евреи могли жить и торговать лишь въ опредѣленныхъ частяхъ (въ Познани число еврейскихъ домовъ не должно было превышать установлен-

ной цифры—49, вслѣдствіе чего приходилось возводить многоэтажные дома), въ другихъ—ограничивалась численность еврейскаго населенія или евреи даже вовсе не допускались на жительство. Петроковскій сеймъ 1542 г. возбудилъ предъ королемъ ходатайство объ уменьшеніи числа евреевъ въ городахъ, особливо въ Краковѣ, о запрещеніи торговать на рынкахъ и лавкахъ и т. д. Это не было осуществлено. Но попытки къ умаленію правъ евреевъ не прекращались. Нѣсколько позже евреямъ запретили имѣть христіанъ въ услуженіи.

Эти постановленія и пожеланія не выражали настроенія всего польскаго общества; кто могъ извлечь изъ евреевъ пользу, тотъ не выступалъ противъ нихъ, и если сеймъ выносилъ резолюціи, требовавшія ограниченія правъ евреевъ, то это означало лишь то, что въ данный моментъ, въ виду разнообразныхъ обстоятельствъ, побѣду одержалъ голосъ тѣхъ, матеріальные интересы которыхъ не могли мириться съ наличностью конкуренціи. Мелкая шляхта, занявшаяся торговлею сельско-хозяйственными продуктами, была недовольна тѣмъ, что и евреи помогаютъ помѣщикамъ въ ихъ хозяйственной дѣятельности, и этимъ объясняется выступленіе мелкой шляхты противъ евреевъ. Крупная же шляхта не имѣла надобности интересоваться подобными коллизіями, такъ какъ свои взаимоотношенія съ евреями она устанавливала въ соотвѣтствіи со своими интересами. И среди городского населенія евреи встрѣчали не только враговъ, но и, такъ сказать, „друзей", которые не имѣли основанія выступать противъ евреевъ.

Когда въ первой половинѣ шестнадцатаго вѣка еврейское населеніе въ Польшѣ значительно возросло благодаря иммиграціи, тѣ улицы, которыя были заселены евреями въ королевскихъ городахъ, оказались уже недостаточными; между тѣмъ магистраты препятствовали евреямъ занимать новыя мѣста, противясь также и тому, чтобы евреи водворялись въ тѣхъ частяхъ города, которыя принадлежали дворянамъ, церквамъ и монастырямъ, соглашавшимся предоставить евреямъ свои участки. Вслѣдствіе этого избытокъ городского еврейскаго населенія сталъ переходить на земли частныхъ лицъ. Евреи приняли широкое участіе въ сельскомъ хозяйствѣ помѣщиковъ и заполнили города, вновь возникшіе на частновладѣльческой землѣ. Здѣсь среди евреевъ широко распространилось занятіе арендою различныхъ статей помѣщичьяго хозяйства и, между прочимъ, винныхъ промысловъ.

Евреи почитались въ силу вѣкового порядка „servi camerae", принадлежащими королю. Но это не соотвѣтствовало новымъ условіямъ, сопряженнымъ съ появленіемъ частновладѣльческихъ поселеній. Шляхта настаивала на томъ, чтобы евреи, жившіе въ

ея селеніяхъ, не пользовались защитой короля, такъ какъ этимъ умалялась власть владѣльца-шляхтича; къ тому же, за покровительство короля евреямъ приходилось платить, что также находилось въ полномъ несоотвѣтствіи съ интересами землевладѣльца. И шляхтѣ удалось добиться своего. Въ 1539 г. король удовлетворилъ соотвѣтствующее требованіе краковскаго сейма: „Шляхта проситъ насъ, чтобы отнынѣ она пользовалась одна доходами съ евреевъ, живущихъ въ ея мѣстечкахъ и деревняхъ и чтобы она разбирала судебныя дѣла евреевъ по своей волѣ; на это мы отвѣчаемъ: если евреи, отрекаясь впредь отъ своихъ судовъ, а также и отъ правъ, которыя пожаловали наши предки и которыя нами были подтверждены, вслѣдствіе этого отказываются отъ нашей опеки, то мы, не имѣя впредь извлекать отъ нихъ никакой пользы, не хотимъ считать себя обязанными даровать имъ какія либо льготы“ [1]).

Сигизмундъ II (1548—1572 гг.), смѣнившій на польско-литовскомъ престолѣ Сигизмунда I, проявилъ по отношенію къ евреямъ полную вѣротерпимость. Подтвердивъ ихъ старыя привилегіи, король значительно расширилъ и укрѣпилъ административныя и судебныя функціи раввиновъ и кагальныхъ старшинъ, предоставивъ имъ руководствоваться еврейскимъ правомъ при разрѣшеніи дѣлъ, возникающихъ между евреями (1551 г.). Кагальнымъ старостамъ было отведено мѣсто и въ воеводскомъ судѣ, разбиравшемъ дѣла между христіанами и евреями, жившими въ королевскихъ городахъ и селеніяхъ.

Въ Литвѣ наблюдается такое же соотношеніе общественныхъ группъ, какъ въ Польшѣ. Крупные землевладѣльцы, имѣвшіе дѣловыя связи съ евреями, относились благожелательно къ нимъ. Прочая же, мелкая шляхта, добившаяся значительнаго политическаго вліянія, заставляетъ короля санкціонировать постановленія, имѣющія цѣлью унизить евреевъ (отличительный знакъ) и парализовать ихъ экономическую дѣятельность. Шляхта направляетъ свой ударъ на откупщиковъ, которые, выполняя различныя функціи по финансовому вѣдомству,пріобрѣтали и вліяніе въ правительственныхъ сферахъ, и богатство—и одно, и другое представлялось шляхтичамъ очень заманчивымъ, и на люблинскомъ сеймѣ (1569 г.) они потребовали, чтобы откупщиками были только шляхтичи. Среди мѣщанства литовскіе евреи находили какъ своихъ сторонниковъ въ лицѣ болѣе состоятельнаго купечества, которое вело дѣла съ ними, такъ и противниковъ. Враждебное евреямъ теченіе пробило себѣ ложе и въ Литовскомъ статутѣ 1566 г., евреямъ было

[1]) Позже было установлено, что защитой короля, кромѣ судебной, пользуются тѣ евреи, живущіе на частновладѣльческихъ земляхъ, которые уплачиваютъ королевскую подать (1549 г.).

запрещено носить платье одинаковое съ христіанами (органы еврейскаго самоуправленія, въ свою очередь, запрещали евреямъ подражать въ платьѣ христіанамъ) и, вообще, наряжаться (таковыя постановленія издавались, впрочемъ, и въ отношеніи всѣхъ городскихъ обывателей), имѣть прислугу изъ христіанъ, занимать должности въ христіанскомъ обществѣ (это относилось ко всѣмъ нехристіанамъ). Еврейскій торговый людъ въ Литвѣ, повидимому, не былъ состоятельнымъ; все это были мелкіе торговцы и посредники, которые, чтобы имѣть оборотныя средства, брали взаймы деньги у священниковъ, дворянъ, чиновниковъ и у сосѣдей мѣщанъ-христіанъ. Бо̀льшимъ достаткомъ обладали евреи на Волыни и въ Подоліи, пользовавшіеся также и лучшимъ общественнымъ положеніемъ.

Мы видѣли, что власть короля уже не распространялась на всѣхъ польскихъ евреевъ; частично его прерогативы переходятъ къ частнымъ лицамъ, владѣльцамъ имѣній и городовъ. Однако королевское благоволеніе по прежнему было дорого еврейству въ цѣломъ, ибо королевскимъ расположеніемъ парализовались до извѣстной степени тѣ темныя силы, направленныя противъ евреевъ, которыя, зарождаясь въ нѣдрахъ духовенства, находили въ мѣщанствѣ благопріятную почву для своего развитія. Короли были безсильны остановить побѣдоносное шествіе духовенства, порабощавшаго мысль и волю общества, но защита, которую они оказывали евреямъ, служила моральной поддержкой въ ихъ борьбѣ съ врагами. Такъ, когда три еврея были преданы — вопреки волѣ короля — смертной казни (1556 г.) по обвиненію, будто они искололи гостію, купленную у христіанки изъ Сохачева, послѣ чего изъ гостіи потекла кровь,— Сигизмундъ Августъ заявилъ по поводу казни, что онъ „безмѣрно гнушается этимъ дѣяніемъ и не настолько лишенъ разсудка, чтобы вѣрить, что въ этой гостіи находится кровь“. Осуждено было Сигизмундомъ Августомъ подобное же дѣяніе, совершенное въ Литвѣ, когда мстя евреямъ за то, что въ ихъ руки перешелъ винный откупъ, мѣщане Бѣльска возвели на приказчика откупщика обвиненіе въ умерщвленіи христіанской дѣвочки (1564 г.). Сигизмундъ Августъ поспѣшилъ пожаловать евреямъ грамоту, въ силу которой право суда по такимъ дѣламъ принадлежало королю съ Радой; обвиненіе должно было считаться доказаннымъ лишь при наличіи свидѣтелей: четырехъ христіанъ и трехъ евреевъ, въ противномъ случаѣ, самъ обвинитель подвергался карѣ. Мѣстныя власти отказались внести эту грамоту въ актовыя книги, и евреямъ пришлось выхлопотать новую привилегію, которою присутственныя мѣста обязывались не препятствовать внесенію грамоты въ книги и обнародованію ея на ярмаркахъ.

Однако и эта не всегда дѣйствительная королевская защита еще болѣе утрачиваетъ въ дальнѣйшемъ свое значеніе, потому что самая королевская власть умаляется. Польша становится монархіей избирательной. Со времени Люблинской уніи (1569 г.) Польша и Литва, слившись въ одну Рѣчь Посполитую, совмѣстно избираютъ себѣ короля. Назначая короля, народъ можетъ ставить ему какія угодно условія. И вотъ, наступаетъ періодъ полнаго господства шляхты. Она окончательно уничтожаетъ равновѣсіе между сословіями и связываетъ королевскую власть.

Избранный послѣ безкоролевья Стефанъ Баторій (1576—1586 гг.) сумѣлъ сохранить за собою извѣстную самостоятельность, и онъ пожаловалъ евреямъ привилегію, которая уравнивала ихъ въ правахъ съ мѣщанствомъ, предоставляла имъ свободно заниматься ремеслами, освобождала ихъ отъ унизительной формы присяги и т. д.; онъ охраняетъ евреевъ отъ насилій и кроваваго навѣта. Но преемники Баторія, Сигизмундъ III изъ шведской династіи Вазы (1585—1632 гг.) и Владиславъ IV (1632—1648 гг.) дали усилиться католической реакціи, и всѣ инако мыслящіе стали подвергаться преслѣдованію. Конечно, торжество религіозной нетерпимости должно было тяжело отразиться на еврейскомъ населеніи. Духовенство, всячески разжигая фанатизмъ въ народѣ, прибѣгало къ навѣтамъ на евреевъ, стараясь вызвать чернь на эксцессы: учащаются такъ назыв. ритуальные процессы, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ литература, посвященная обвиненію евреевъ въ преступленіяхъ съ ритуальною цѣлью и въ злобныхъ дѣйствіяхъ, направленныхъ противъ христіанскаго міра; устраиваются различнаго рода церковныя торжества, имѣющія цѣлью довести народъ до крайней степени возбужденности. Этими обстоятельствами умѣло пользуются городскіе магистраты; между прочимъ, они присваиваютъ себѣ право суда надъ евреями и королю приходится напоминать, что евреи подлежатъ суду не по магдебургскому (городовому) праву, а по земскому, и что дѣла, въ которыхъ заинтересованы одни евреи, разсматриваются раввинскимъ судомъ. Вражда къ конкурентамъ находитъ свой исходъ и въ насиліи (погромы въ Познани, Вильнѣ), но наиболѣе надежное средство противъ конкуренціи—это ограниченіе евреевъ въ правѣ торговли. Король удовлетворяетъ подобныя ходатайства мѣщанъ, но отъ этого терпитъ остальное населеніе, такъ какъ съ устраненіемъ еврейской конкуренціи цѣны на товары повышаются, и королю порою приходится отмѣнить свое распоряженіе.

Непрерывная борьба за экономическое существованіе и самозащита противъ лживыхъ обвиненій содѣйствовали укрѣпленію и развитію той общественной организаціи евреевъ, которая вызы-

валась потребностями ихъ религіозно-національнаго быта. Выборному представительству еврейскихъ общинъ, сосредоточенному въ кагалахъ, оказывали покровительство короли, ибо кагалы несли заботу объ исправномъ поступленіи податей (укрѣпленіе кагальной власти соотвѣтствовало въ извѣстной мѣрѣ также интересамъ городовыхъ магистратовъ, потому что кагалъ наблюдалъ за тѣмъ, чтобы еврейское населеніе не нарушало договоровъ, заключенныхъ съ магистратами). То обстоятельство, что кагалъ находилъ защиту извнѣ, отразилось на характерѣ этого еврейскаго представительнаго учрежденія. Выросши изъ нѣдръ еврейской жизни и усвоивъ черты организаціи нѣмецкихъ городовъ, въ которыхъ евреи издавна жили, кагалъ не развивался въ естественныхъ условіяхъ, свободно измѣняющихся въ соотвѣтствіи съ нуждами текущаго дня; пользуясь поддержкой внѣшней власти, онъ имѣлъ возможность не всегда считаться съ эволюціей еврейской жизни, съ расширяющимися духовными потребностями народа; кагалъ нерѣдко становился даже поперекъ пути народнаго развитія. И вотъ почему наступилъ моментъ, когда кагалъ, въ той формѣ, въ какую онъ облекся при содѣйствіи внѣшней силы, перестать быть дѣтищемъ еврейской жизни; выполняя самыя разнообразныя функціи, вызывавшіяся религіозно-національными и общественными потребностями народа, кагалъ не всегда дѣйствовалъ въ качествѣ выборнаго представительства; своей властью онъ обязанъ былъ въ такіе моменты не собственному авторитету, а поддержкѣ со стороны королей, воеводъ и т. д. Демократическіе принципы, лежавшіе въ основѣ кагала, были попраны олигархіей, рано внѣдрившейся въ кагальной организаціи. Тѣмъ не менѣе, кагалъ сыгралъ въ исторіи польско-литовскаго еврейства великую роль; благодаря кагалу оно сумѣло выдержать вѣковую борьбу съ коалиціей враговъ, жаждавшихъ видѣть еврейское населеніе, если не окончательно уничтоженнымъ, то, по крайней мѣрѣ, глубоко униженнымъ и обезсиленнымъ.

Община несла заботу о религіозно-воспитательныхъ, административно-финансовыхъ и судебныхъ дѣлахъ, и совокупность этихъ задачъ придавала кагалу значеніе учрежденія, представлявшаго интересы всего еврейскаго населенія, учрежденія, являвшагося посредникомъ между еврействомъ и правительствомъ.

Кагалъ принялъ болѣе устойчивую форму, повидимому, лишь въ серединѣ шестнадцатаго вѣка. Въ основныхъ чертахъ кагалы, существовавшіе во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ еврейской осѣдлости, были организованы на однихъ и тѣхъ же началахъ. Численный составъ должностныхъ лицъ кагала зависѣлъ отъ размѣра общины. Они избирались ежегодно въ промежуточные

дни Пасхи, обыкновенно по двухстепенной системѣ; изъ состава прихожанъ всѣхъ синагогъ, имѣвшихся въ общинѣ, назначались путемъ жребія выборщики („боreримъ"), которые и избирали кагальныхъ старшинъ. Этотъ основной порядокъ подвергался въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ различнымъ измѣненіямъ, направленнымъ къ тому, чтобы господство въ кагалѣ оставалось въ рукахъ олигархіи, пользовавшейся въ этомъ отношеніи содѣйствіемъ внѣшней власти. Важнѣйшую роль въ кагалѣ играли двѣ группы старшинъ—„роши" и „тувы". Управленіе дѣлами общины сосредоточивалось въ ихъ рукахъ. За ними слѣдовали „даяны" (судьи) и „габаи" (попечители и старосты религіозныхъ и воспитательныхъ учрежденій). Кагальныя должности были безплатныя, только судьи получали опредѣленное вознагражденіе. Дѣятельность кагала была чрезвычайно разнообразна, въ виду чего при кагалахъ существовали комиссіи, завѣдывавшія отдѣльными частями кагальной администраціи (контрольная, благотворительная, больничная и др.). Кагалъ взыскивалъ въ предѣлахъ своего района подати и вносилъ ихъ въ государственную казну, производилъ раскладку общихъ и спеціальныхъ налоговъ, завѣдывалъ дѣлами молитвенныхъ домовъ, школъ и прочихъ общинныхъ учрежденій, совершалъ купчія крѣпости на недвижимыя имущества, устанавливалъ правила для торговли и ремесленныхъ занятій, разбиралъ, при помощи даяна и раввина, тяжбы между членами общины. Раввинъ, пользовавшійся самостоятельностью при разрѣшеніи религіозныхъ вопросовъ, находился въ прочихъ дѣлахъ въ зависимости отъ кагала, который и приглашалъ раввиновъ на службу на извѣстный срокъ. Тѣмъ не менѣе раввинъ считался высшимъ должностнымъ лицомъ и духовнымъ главою кагала. Раввинъ предсѣдательствуетъ въ судѣ, руководитъ выборами, слѣдитъ за ихъ правильностью; безъ подписи раввина кагальныя постановленія не имѣютъ силы.

Небольшія мѣстности, не имѣвшія собственныхъ органовъ самоуправленія, равно какъ и небольшія общины, возникавшія въ предмѣстьяхъ городовъ, составляли п р и к а г а л к и главнаго кагала. Кагалы малыхъ городовъ и мѣстечекъ находились въ зависимости отъ болѣе значительныхъ кагаловъ въ отношеніи раскладки податей и судебной юрисдикціи. Сѣть этихъ малыхъ кагаловъ, подчиненныхъ вліятельной общинѣ, составляла кагальный округъ. Между кагалами возгорались споры по вопросу о границахъ района, и тѣ общины, изъ за которыхъ происходили столкновенія, отдавались подъ покровительство то одной, то другой изъ спорящихъ сторонъ. Недоразумѣнія изъ-за юрисдикціи кагала возникали также между отдѣльными группами еврейскаго населенія, жившими въ одномъ

и томъ же городѣ, но подчиненными различнымъ органамъ внѣшней власти; случалось, что часть мѣстнаго населенія была подчинена юрисдикціи городового старосты, другая—юрисдикціи воеводы и т. д., и благодаря этому группы пользовались различными правами и несли различныя обязанности, что осложняло взаимоотношенія между кагаломъ и населеніемъ. Случалось, что евреи, жившіе внѣ гетто, отказывались отъ подчиненія кагалу, находя защиту у магнатовъ. Нерѣдко паны, владѣльцы поселеній, вторгались въ общинную жизнь евреевъ, требовали денегъ за утвержденіе кагальныхъ старшинъ и раввина и проч.

Высшимъ органомъ самоуправленія являлись „ваады", съѣзды раввиновъ и кагальныхъ представителей. Первоначально съѣзды устраивались одними раввинами для разрѣшенія сомнѣній, возникавшихъ у отдѣльныхъ раввиновъ при примѣненіи талмудическаго законодательства, а также для разбора споровъ между общинами и т. д. Съ середины шестнадцатаго вѣка подобные съѣзды происходили во время большихъ ярмарокъ, — главнымъ образомъ люблинской,—на которыя евреи съѣзжались съ различныхъ мѣстъ по торговымъ дѣламъ. Встрѣчи кагальныхъ представителей съ раввинами постепенно обратились въ сеймы, на которыхъ и стали обсуждаться разнообразные вопросы еврейской жизни. Ваадъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, охранялъ населеніе отъ внѣшнихъ опасностей; онъ посылалъ своихъ „штадлоновъ" на польскіе сеймы, чтобы исходатайствовать подтвержденія старыхъ привилегій, предотвратить появленіе ограничительныхъ постановленій и т. д.

Въ засѣданіяхъ ваада принимали участіе раввины и кагальные старшины отъ Великой Польши (главная община Познань), Малой Польши (Краковъ, Люблинъ), Подоліи или Руси (Львовъ), Волыни (Острогъ или Кременецъ) и Литвы (Брестъ или Гродна). Кагалы, входившіе въ составъ каждой изъ этихъ областей, устраивали свои районные съѣзды.

Въ зависимости отъ числа представленныхъ областей съѣздъ назывался ваадомъ трехъ, четырехъ и пяти областей. Въ 1623 г. кагалы Литвы учредили свой особый союзъ, и съ этого времени только четыре области посылаютъ своихъ представителей на съѣзды „ваада четырехъ областей".

Выше было отмѣчено, что евреи въ Подоліи и на Волыни пользовались болѣе благопріятнымъ положеніемъ, чѣмъ въ прочихъ земляхъ польско-литовскаго государства. Изъ Подоліи и Волыни они стали медленно проникать и на Украину, охватывавшую, вмѣстѣ съ частью Подоліи и Волыни, также Кіевщину, Полтавщину и Черниговщину. На Украинѣ, являвшейся нѣкогда удѣльнымъ владѣніемъ русскихъ князей, а въ четырнадцатомъ

вѣкѣ перешедшей къ Литвѣ, населеніе состояло преимущественно изъ православнаго крестьянства, которое, находясь вдали отъ правительственной власти, окруженное просторомъ свободныхъ степей, пользовалось вольностями и въ теченіе долгаго времени не знало никакихъ податей и повинностей, кромѣ военной службы. Государство, по традиціи, раздавало здѣсь землю своихъ малонаселенныхъ старостѣ лицамъ высшаго сословія. Ко времени заключенія Люблинской уніи значительная часть староствъ находилась въ частныхъ рукахъ. Старосты, въ цѣляхъ увеличенія своихъ доходовъ, пытались понемногу притягивать мѣщанъ къ тяглу, но это дѣлалось весьма осторожно, такъ какъ мѣщане были слишкомъ знакомы со всякими „уходами", чтобы бояться старостинской власти. И сельскіе простолюдины, удѣляя пану или на замокъ немногое изъ своихъ продуктовъ, не знали посягательствъ на личную свободу и на трудъ; поселянину было легко уйти прочь въ степной просторъ.

Эта картина измѣнилась, когда Южная Русь, въ силу Люблинской уніи, была присоединена къ Польшѣ, т. е. тогда, когда помимо Подолья, уже ранѣе перешедшаго во владѣніе Польши, польское господство распространилось также на территорію Кіевскаго, Брацлавскаго и Волынскаго воеводствъ. И до Люблинской уніи польскій правовой порядокъ постепенно проводился въ южнорусскую жизнь путемъ литовскаго законодательства. Со времени же Люблинской уніи Польша стремится быстро, всесторонне охватить жизнь въ этомъ краѣ. Однимъ изъ результатовъ измѣнившихся условій является то, что земля перестаетъ быть собственностью земледѣльца, она дѣлается достояніемъ землевладѣльца, который начинаетъ смотрѣть на поселянина, какъ на свою собственность. Земледѣльческое населеніе прикрѣпляется къ землѣ, и тогда недовольные элементы стали уходить въ вольную степь. Однако, въ ту же пору начинается въ высшей степени интенсивная колонизація Украины. Сюда хлынула шляхта. Паны привлекали поселенцевъ, обѣщая имъ свободу отъ всякихъ повинностей и платежей.

Среди колонистовъ появляются и евреи. Въ короткое время здѣсь выросли сотни городскихъ поселеній. Быстрота, съ которой расцвѣлъ край, не соотвѣтствовала росту мѣстныхъ соціально-экономическихъ силъ. И уже вскорѣ намѣтились обстоятельства, которыя должны были привести къ катастрофѣ. Встрѣча латинскаго христіанства, которое представлялъ господствующій польскій классъ, съ русскимъ православіемъ, носителями котораго являлись низшіе слои населенія, не предвѣщала ничего хорошаго. Угрожающимъ для общественнаго спокойствія являлось и то, что

козаки, вольные поселенцы, въ свое время занявшіе свободныя земли, превратились теперь въ панскихъ подданныхъ; они не довольствуются тѣмъ, что не знаютъ налогового бремени, они отказываются также отъ подчиненія юрисдикціи землевладѣльца, и когда недовольство наростаетъ, они уходятъ въ глубь Украины,—тамъ, за Днѣпровскими порогами, скопилось безпокойное, свободолюбивое козачество, служившее какъ бы моральной опорой для украинской народной массы. Правительство пыталось дисциплинировать козаковъ, превратить ихъ въ пограничное охранное войско, но вначалѣ это не удавалось, и польскому правительству приходилось сталкиваться съ козаками съ оружіемъ въ рукахъ. Возстанія запорожскихъ козаковъ встрѣчали сочувственное отношеніе со стороны украинскаго населенія. Поэтому польское правительство обратило (1638 г.) въ хлоповъ всѣхъ украинскихъ козаковъ, не записанныхъ въ реестры; козацкія поселенія были включены въ составъ панскихъ имѣній, самихъ же козаковъ прикрѣпили къ землѣ и обязали къ барщинѣ и данямъ. Тогда же и реестровые козаки, не принимавшіе участія въ возстаніяхъ, были ограничены въ правѣ самоуправленія.

Въ этихъ условіяхъ антагонизмъ между православнымъ хлопомъ и паномъ-католикомъ долженъ былъ сильно обостриться не только въ виду разновѣрія, но и на экономической почвѣ. Крестьяне были обременены разнообразными налогами и поборами, и въ этомъ отношеніи печальную роль пришлось сыграть еврею. Польскіе магнаты широко пользовались услугами евреевъ, которые брали у пановъ на откупъ право „пропинаціи", т. е. право выдѣлки и продажи водки, и вообще принимали участіе въ многообразныхъ отрасляхъ помѣщичьяго хозяйства. Арендаторъ-еврей, становясь на мѣсто пана, получалъ—конечно, лишь въ извѣстной мѣрѣ—ту власть надъ крестьяниномъ, которая принадлежала землевладѣльцу, и такъ какъ еврей-арендаторъ, выполняя хозяйственныя порученія магната, старался извлечь изъ крестьянина возможно большій доходъ, то злоба крестьянина, грубо эксплуатируемаго, направлялась и на католика-пана, и на еврея-арендатора. И вотъ почему, когда въ 1648 г. разразилось страшное возстаніе козаковъ подъ предводительствомъ Хмельницкаго, евреи, наравнѣ съ поляками, пали жертвой кровавой расправы козачества съ польскимъ правительствомъ.

Заручившись помощью со стороны крымскихъ татаръ, Хмельницкій, собравъ вокругъ себя сторонниковъ частью изъ запорожскихъ козаковъ, частью изъ украинскихъ бѣглецовъ, двинулся изъ Запорожья въ Украину и сталъ таборомъ при урочищѣ Жовти-Воды. Здѣсь произошло столкновеніе съ польскими отря-

дами, и козаки заставили ихъ отступить, а вслѣдъ затѣмъ козаки нанесли пораженіе полякамъ у Корсуни, послѣ чего Хмельницкій подошелъ къ Бѣлой Церкви. Тотчасъ видъ Украины перемѣнился. На зовъ Хмельницкаго откликнулись хлопы, съ дѣтскихъ лѣтъ пріученные къ оружію, и это вызвало чрезвычайную панику среди тѣхъ, кто пользовался трудомъ хлопа—мелкая шляхта, эта панская кліентела, и евреи искали спасенія за стѣнами замковъ и въ глубинѣ края. Народъ, все уничтожая на пути, сталъ избивать шляхтичей, вообще католиковъ, и евреевъ. Городское православное мѣщанство присоединилось къ повстанцамъ и помогло козакамъ взять рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ. „Теперь, когда вырвались на свободу всѣ страсти, заявилъ себя и религіозный фанатизмъ, до тѣхъ поръ, повидимому, совсѣмъ чуждый душѣ украинскаго народа; очевидно, его успѣли развить въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій унія и іезуитско-католическое вліяніе. Католическій монахъ съ жидомъ подвергался утонченнымъ истязаніямъ; синагоги, или школы, и костелы съ католической святыней осквернялись и истреблялись безъ пощады“.

Расправа съ католиками, евреями и даже съ православными, носившими польское платье, сопровождалась нечеловѣческими звѣрствами. Сдирали съ живыхъ кожу, распиливали пополамъ, забивали до смерти палками, жарили на угольяхъ. Не было пощады и младенцамъ. Таковъ былъ отвѣтъ козаковъ на тѣ жестокости, къ которымъ прибѣгали поляки, подавляя козацкія возстанія. Въ рядѣ городовъ евреи были безжалостно замучены; только принятіе православія спасало отъ смерти. Переяславъ, Пирятинъ, Лохвица, Лубны, Немировъ, Тульчинъ, Полонное, Заславль, Острогъ, Старо-Константиновъ, Баръ, Нароль, Кременецъ и многіе другіе города стали ареной мученической смерти десятковъ тысячъ евреевъ. Въ Тульчинѣ евреи были выданы поляками, которыхъ козаки завѣрили, что будутъ умерщвлены одни лишь евреи; но и поляки не были пощажены. Шайки возставшихъ крестьянъ, такъ назыв. гайдамаковъ, перешли изъ Украины въ Бѣлоруссію и Литву. Предавъ смерти евреевъ Чернигова и Стародуба, они подкупомъ взяли Гомель и умертвили здѣсь всѣхъ евреевъ.

Элегіи и молитвы, составленныя выдающимися раввинами того времени, въ потрясающихъ выраженіяхъ сохранили память о страшной катастрофѣ. Многія еврейскія дѣвушки были насильственно повѣнчаны съ козаками. Евреи проявили въ эти ужасные дни великое мужество—они шли на мучительную смерть, но не соглашались измѣнить вѣрѣ отцовъ.

Наконецъ, военныя обстоятельства заставили Хмельницкаго заключить съ польскимъ государствомъ миръ. Въ силу такъ

назыв. Зборовскаго договора (1649 г.) изъ состава Южной Руси была выдѣлена козацкая Украина, обнимавшая территорію Кіевскаго, Черниговскаго и Брацлавскаго воеводствъ. Въ этихъ предѣлахъ евреи не могли проживать, а іезуиты удалялись со своими школами изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ были русскія школы.

Польскій король Янъ Казиміръ разрѣшилъ евреямъ, принявшимъ подъ угрозою смерти христіанство, вернуться въ іудейство. Еврейки, насильственно взятыя козаками замужъ, стали убѣгать къ своимъ роднымъ. Ваадъ четырехъ областей сдѣлалъ въ 1650 г. рядъ постановленій, направленныхъ къ возстановленію общественной и семейной жизни.

Зборовскій договоръ не могъ породить длительный миръ. Козаки, не занесенные въ реестры,—число реестровыхъ козаковъ было точно установлено—должны были проститься съ недавней свободой и возвратиться въ хлопство. Но они на это не соглашались. Хмельницкій едва могъ сдерживать озлобленіе противъ пановъ, обострявшееся тяжелымъ экономическимъ кризисомъ, постигшимъ разоренный край; съ своей стороны шляхтичи, спасшіеся отъ смерти бѣгствомъ и вернувшіеся теперь на старыя пепелища, мстили своимъ хлопамъ. Вскорѣ между польскимъ войскомъ, въ составѣ котораго былъ особый еврейскій отрядъ, и козаками произошло столкновеніе; козаки потерпѣли пораженіе, и тогда по Бѣлоцерковскому договору (1651 г.) прежнія условія, заключенныя съ козаками, были измѣнены. Между прочимъ, евреямъ было возвращено право водворяться по всей Украинѣ, не исключая козацкой Украины, территорія которой была теперь уменьшена— „жиды, какъ прежде были обывателями и арендаторами въ имѣніяхъ его королевской милости и въ имѣніяхъ шляхты, такъ и теперь должны быть“. Но враждебныя дѣйствія вскорѣ возобновились. Отдѣльныя группы козаковъ, особенно тѣ, которыя жили на территоріи, отошедшей вновь къ Польшѣ, не признали Бѣлоцерковскаго договора. Среди козачества начались массовые уходы за Днѣпръ, въ предѣлы московскаго государства. Козаки были приняты радушно московскимъ правительствомъ и, благодаря его содѣйствію, они стали устраиваться здѣсь на козацкомъ положеніи. Такимъ образомъ возникли козацкія слободы — Харьковъ, Сумы и др., составившія Слободскую Украину. Въ 1654 г. Украина въ томъ территоріальномъ составѣ, который былъ опредѣленъ Зборовскимъ договоромъ, стала подъ власть московскаго царя. А вслѣдъ затѣмъ возникла война между Москвою и польско-литовскимъ государствомъ. Вторженіе русскихъ войскъ и козаковъ въ предѣлы Литвы и Бѣлоруссіи повлекло за собою страшное бѣдствіе для евреевъ (1654—1656 гг.). Многіе погибли, иные были

изгнаны изъ городовъ, другіе оказались въ плѣну [1]). Русское нашествіе захватило и Польшу. Наконецъ, миръ былъ заключенъ въ 1667 г. По Андрусовскому договору, лѣвобережная Украина (Малороссія), часть Кіевщины, вмѣстѣ съ Кіевомъ, а также Смоленская и Черниговo-Сѣверская область перешли къ Москвѣ [2]).

Тяжко пострадали евреи и во время шведско-польской войны. Вторгнувшись (1655 г.) въ предѣлы Польши, шведы быстро овладѣли страной благодаря предательству польскихъ полководцевъ. Гнетъ со стороны шведовъ заставилъ широкія массы подняться на защиту родины, и тогда война со Швеціей приняла характеръ народнаго возстанія. Повстанцами руководилъ Стефанъ Чарнецкій. Преслѣдуя шведовъ, повстанческіе отряды не щадили и евреевъ, вымещая на нихъ злобу за измѣну пановъ. Евреи, избѣгнувшіе шведскаго меча, гибли отъ руки поляковъ, обвинявшихъ ихъ въ союзѣ съ врагомъ. Шайки Чарнецкаго столь жестоко расправлялись съ евреями, что имя Чарнецкаго поставлено въ исторіи еврейскаго мученичества наряду съ именемъ Хмельницкаго. Каждая изъ борющихся сторонъ, давая волю своимъ страстямъ, обрушивалась на беззащитныхъ евреевъ. Мужественнаго защитника нашли евреи въ ту пору въ лицѣ князя Іереміи Вишневецкаго, спасшаго не одну еврейскую общину на Украинѣ отъ козацкаго разгула.

Кровавое десятилѣтіе—1648-1658 гг.—поглотило сотни тысячъ еврейскихъ жертвъ. Около семисотъ еврейскихъ общинъ въ Польшѣ были разгромлены. На лѣвобережной Украинѣ еврейскія поселенія, повидимому, исчезли; а на Украинѣ, принадлежавшей Польшѣ, уцѣлѣла, вѣроятно, лишь одна десятая часть населенія. Многіе, спасшіеся отъ смерти и отъ увода татарами въ неволю, бѣжали въ Литву, внутреннюю Польшу и въ государства западной Европы. Среди прочихъ удалились видные раввины, и вслѣдствіе этого, наряду съ экономическимъ разгромомъ, въ польскомъ еврействѣ обнаружился духовный упадокъ.

Когда страшные дни миновали, еврейская жизнь стала постепенно успокаиваться. Король Янъ-Казиміръ всячески старался вознаградить населеніе за пережитыя бѣдствія. Многія еврейскія общины были освобождены на время отъ налоговъ, получили различныя льготы. Послѣдующіе короли, Михаилъ Вишневецкій (1669—1673 гг.) и Янъ Собѣскій (1674—1696 гг.) также содѣйствовали возрожденію экономической жизни еврейскаго населенія, но шляхта, подъ вліяніемъ духовенства, продолжала свою старую политику нетерпимости. Янъ Собѣскій снабжалъ еврейскія общины

---

[1]) См. выше, стр. 46 и слѣд.

[2]) См. карты на стр. 33 и 120—121.

охранными грамотами, предоставлявшими „вольности и привилегіи“, расширилъ сферу ихъ самоуправленія, освободилъ ихъ отъ юрисдикціи городской власти. Да и сеймы, въ годы правленія Яна Собѣскаго, не разъ выносили постановленія, имѣющія цѣлью оградить евреевъ отъ притѣсненій со стороны конкурентовъ. Но еврейская жизнь, потрясенная въ своихъ экономическихъ основахъ, не могла возродиться при тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, въ которыхъ влачила свое существованіе сама Польша, раздираемая внутренними неурядицами; сословія преслѣдовали каждое свои интересы, не заботясь объ общемъ благѣ; правительственная дѣятельность тормозилась знаменитымъ правомъ liberum veto, въ силу котораго любой депутатъ могъ по капризу сорвать сеймъ. Евреи страдали отъ своеволія воеводъ и старостъ, смотрѣвшихъ на нихъ только какъ на источникъ доходовъ. Впрочемъ, та же „доходность“ побуждала нерѣдко пановъ оказывать евреямъ покровительство. Пользуясь трудомъ крѣпостного крестьянства, паны прибѣгали къ услугамъ евреевъ, какъ торговцевъ и арендаторовъ, и такимъ образомъ евреи попрежнему стояли на виду у эксплуатируемаго крестьянства, укрывая собою отъ его взора эксплуататора-землевладѣльца. Была даже сдѣлана (1740 г.) попытка закрѣпить евреевъ за помѣщиками, но правительство не приняло этого проекта, такъ какъ онъ лишилъ бы казну доходовъ съ евреевъ. Но и безъ офиціальной санкціи еврей являлся въ роли крѣпостного, потому что помѣщику принадлежало право суда и расправы надъ живущими у него евреями. Ваады старались удерживать евреевъ отъ занятій, которыя вызывали со стороны конкурентовъ озлобленіе, но это не приводило къ цѣли, потому что и нищета не избавляла евреевъ отъ эгоистическихъ вожделѣній сосѣдей. Въ городахъ евреямъ приходилось попрежнему бороться съ магистратами. А еврейство въ цѣломъ не переставало страдать отъ агитаціи духовенства, создававшаго „ритуальные“ процессы (Сандомирскій 1698—1710 гг.; Познанскій 1736 г.; Житомирскій 1753 г.; Войславицкій 1760 г. и многіе другіе, не столь крупные) и распространявшаго злобные предразсудки о евреяхъ путемъ литературной пропаганды.

Между тѣмъ, и во внутренней еврейской жизни происходилъ процессъ разложенія. Въ 1676 г. ваадъ предписываетъ членамъ еврейскихъ общинъ безпрекословно подчиняться кагаламъ, запрещаетъ прибѣгать къ содѣйствію польской власти для цѣлей, вредныхъ обществу, вносить раздоры въ общинную жизнь,—какъ видно, члены общины, недовольные кагаломъ, искали защиты у администраціи. Съ своей стороны, и кагалы, не пользуясь авторитетомъ въ народѣ, поддерживаютъ свое господство благодаря именно содѣйствію правительства, въ интересахъ котораго было

сохранить власть кагала, дабы кагалъ имѣлъ возможность собирать съ еврейскаго населенія государственные налоги. Стало обычнымъ явленіемъ и то, что раввинская должность покупалась у воеводъ и пановъ-владѣльцевъ. На помощь кагалу, когда онъ устанавливалъ свои чрезмѣрныя полномочія, приходили также воеводы и старосты. Въ 1672 г. кагальнымъ старшинамъ на Литвѣ король предоставилъ право карать порочныхъ членовъ общины, навлекающихъ своими дѣйствіями нареканія на все еврейство, а такъ какъ подъ это понятіе легко было подвести всѣхъ тѣхъ, кто не подчинялся кагалу, то карательная власть превращалась въ рукахъ старшинъ въ угрозу для населенія. Кагалъ, добиваясь расширенія своей власти, ссылался на то, что онъ несетъ отвѣтственность за дѣйствія членовъ общины, и его домогательства удовлетворялись. Такъ, напр., по ходатайству кагала, львовскій воевода потребовалъ, чтобы евреямъ давали на откупъ казенныя пошлины лишь въ томъ случаѣ, если кагалъ удостовѣритъ добропорядочность откупщика. Право владѣнія недвижимостью или эксплуатаціи доходныхъ статей, какъ откупъ и аренда, предоставлялось отдѣльнымъ евреямъ лишь съ разрѣшенія кагала. Водвориться въ общинѣ и приписаться къ ней можно было также лишь съ дозволенія кагала. Все это создавало зависимость членовъ общины отъ кагала, и кагальные старшины, широко пользуясь своей властью, нерѣдко ею злоупотребляли. Кагалы выступали якобы защитниками еврейскаго населенія и тогда, когда это не вызывалось его интересами и нуждами, вслѣдствіе чего „свобода личности стѣснялась въ большей степени, чѣмъ это требуется самой строгой общественной дисциплиной“ (С. Дубновъ).

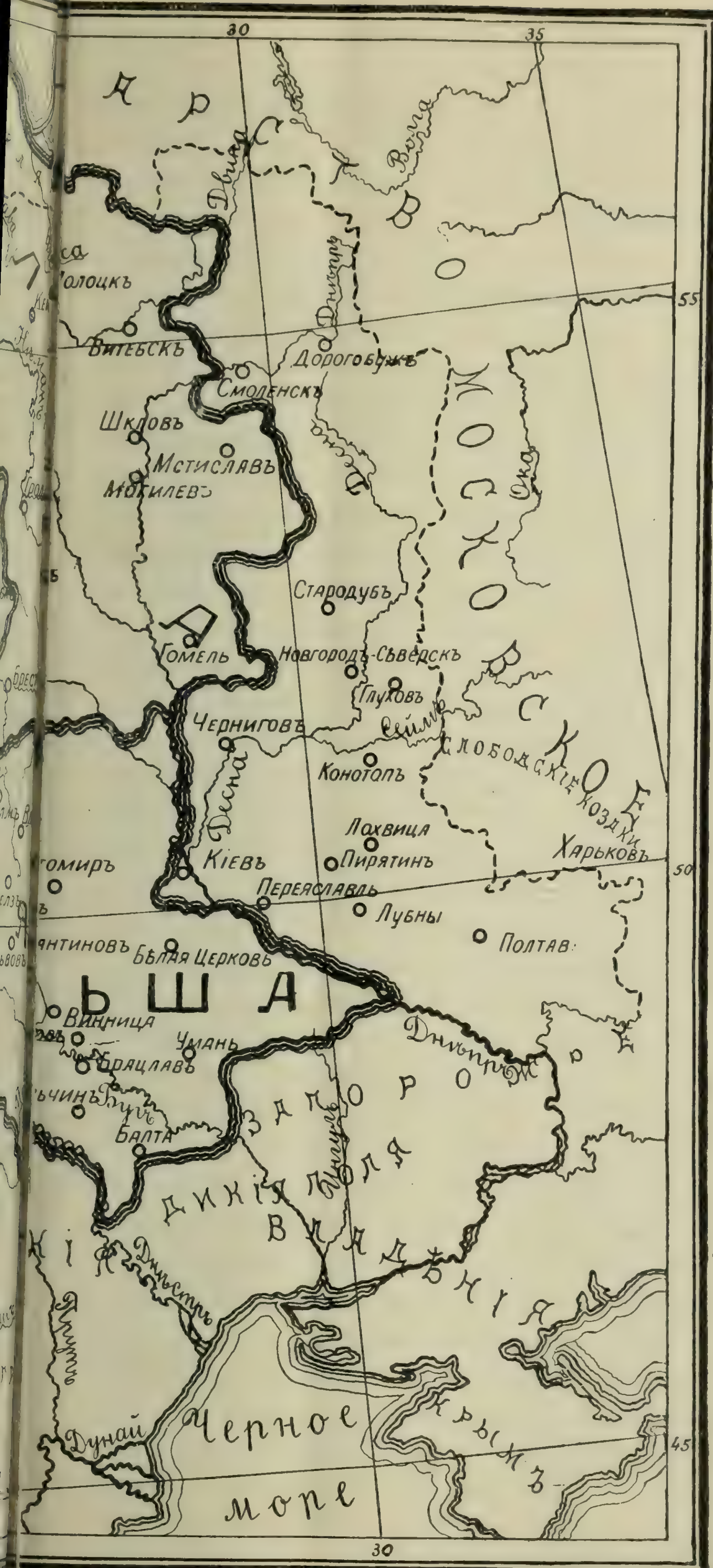
Едва еврейская жизнь стала оправляться отъ событій кроваваго десятилѣтія, какъ она вновь была потрясена катастрофой.

Бѣдствія, которыми сопровождался переходъ Украины то въ руки Москвы, то Турціи, то Польши, обратили нѣкогда цвѣтущій край въ пустыню. Подольское, Брацлавское и большая часть Кіевскаго воеводства представляли собою руину. Только въ послѣднія десятилѣтія семнадцатаго вѣка начинается оживленіе правобережной Украины. Къ 1699 г. она всецѣло переходитъ во власть Польши. Козаки вновь обращаются въ панскихъ подданныхъ, и тогда опять начинаются движенія среди козаковъ, приносящія евреямъ новыя испытанія. Въ 1702 г. возстаніе охватило Кіевщину, Подолье и Брацлавщину. Козаки и крестьянскія банды стали жечь панскія усадьбы и еврейскія корчмы. Богуславъ, Корсунь, Бердичевъ, взятые козаками при содѣйствіи мѣщанъ, и Бѣлая Церковь, выдержавшая долгую осаду, подвергаются разгрому.

Въ 1734 г. въ Украину вступили русскія войска, чтобы поддержать вновь избраннаго польскаго короля Августа III противъ его соперника Станислава Лещинскаго. Отъ русскихъ послѣдовалъ указъ дѣйствовать противъ шляхетской партіи Лещинскаго. Это распоряженіе было истолковано въ томъ смыслѣ, что всякому „дана воля грабить жидовъ и убивать ляховъ", и тогда поднялся бунтъ во всѣхъ трехъ воеводствахъ. Начался разгромъ шляхетскихъ и еврейскихъ домовъ, сопровождаемый убійствами. Впрочемъ, шляхта вскорѣ отказалась поддерживать Лещинскаго, и тогда русскія войска стали усмирять мятежниковъ. Гайдамацкіе набѣги не прекращаются въ теченіе долгихъ лѣтъ, а въ 1768 г. они завершились для евреевъ тягчайшей катастрофой.

Когда польскимъ королемъ былъ избранъ Станиславъ-Августъ Понятовскій (1764—1795 гг.), обя-

Польско-литовское го
(Восточная часть, отмѣченная пунктиромъ, отошл



зъ концѣ XVII-го вѣка.
осударству по Андрусовскому договору 1667 г).

занный престоломъ русской императрицѣ Екатеринѣ II, съ которой сблизился, состоя во времена Елизаветы посломъ при русскомъ дворѣ, Польша стала находиться подъ протекторатомъ Россiи. Король во всемъ повиновался русской императрицѣ. Россiя потребовала, чтобы православнымъ подданнымъ Польши (диссидентамъ) были предоставлены религiозная свобода и политическiя права. Часть шляхты и духовенства воспротивилась этому и образовала Барскую конфедерацiю (1768 г.) для защиты вѣры и древнихъ шляхетскихъ свободъ. Русскiя и польскiя войска выступили противъ конфедератовъ и сломили ихъ. А въ это время въ юго-восточныхъ воеводствахъ вспыхнуло возстанiе гайдамаковъ и православнаго хлопства, которое должно было явиться отвѣтомъ на стремленiе конфедератовъ сохранить за католичествомъ нераздѣльное господ-

ство въ Польшѣ. Темное православное хлопство не взялось бы за оружіе во имя одного лишь религіознаго лозунга, а потому агитаторы связали религіозный лозунгъ съ матеріальными вожделѣніями. Былъ поддѣланъ манифестъ Екатерины II, якобы призывавшій вырѣзать ляховъ и евреевъ—панское и еврейское добро должно было служить приманкой.

Запорожскій козакъ Желѣзнякъ, жестоко расправившись съ панами и евреями въ предѣлахъ нынѣшней Кіевской губерніи, учинивъ страшную рѣзню въ мѣстечкахъ Лысянкѣ и Тетіевѣ, подошелъ со своей шайкой къ Умани, куда сбѣжались тысячныя толпы поляковъ и евреевъ, ища спасенія въ ея укрѣпленіяхъ. Начальникъ Умани Младановичъ послалъ противъ приближавшагося Желѣзняка сотника Гонту, который командовалъ состоявшими въ распоряженіи Младановича надворными козаками. Уже ранѣе Гонту подозрѣвали въ сочувствіи гайдамакамъ. Дѣйствительно, онъ присоединился къ Желѣзняку и вмѣстѣ съ нимъ подошелъ къ городу. Сперва поляки и евреи дружно защищались. Но самъ Младановичъ, повѣривъ слову Желѣзняка, что поляковъ не тронутъ, ослабилъ защиту Умани. Козаки ворвались въ городъ и учинили неописуемыя звѣрства надъ евреями. А потомъ бросились и на поляковъ, не щадя никого. Двадцать тысячъ человѣкъ пали жертвою „уманьской рѣзни". Въ это время другіе гайдамацкіе отряды свирѣпствовали въ Подоліи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кіевщины (Фастовъ, Животовъ, Тульчинъ, Дашевъ, Балта и др.).

Гайдамацкое движеніе было пріостановлено вооруженными силами Россіи, испугавшейся, что возстаніе ворвется въ ея предѣлы. Гайдамаки, состоявшіе въ подданствѣ Польши, были выданы полякамъ, которые и покарали ихъ жестоко. Съ Гонты содрали полосами кожу, а затѣмъ его четвертовали. Желѣзнякъ и другіе были сосланы русскимъ правительствомъ въ Сибирь.

Изстрадавшееся еврейское населеніе не могло найти успокоенія и тогда, когда кровавые дни миновали. Враги евреевъ, мѣщане, продолжали свою давнюю борьбу съ конкурентами. Король былъ безсиленъ защищать евреевъ, и въ томъ же 1768 г., когда тысячи евреевъ погибли отъ руки козаковъ и хлоповъ, варшавскій сеймъ сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: „поелику евреи чинятъ городамъ и мѣщанамъ невыносимую кривду и отнимаютъ средства къ пропитанію, постановляемъ, чтобы евреи во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ они не имѣютъ особыхъ, одобренныхъ конституціей, привилегій, вели себя, согласно договорамъ, заключеннымъ съ городами, не присваивая себѣ большихъ правъ подъ опасеніемъ суровыхъ каръ". Такимъ образомъ, въ цѣломъ

рядѣ городовъ евреи были поставлены въ полную зависимость отъ магистратовъ. Хотя имѣлось постановленіе, что въ случаѣ недоразумѣній между магистратами и евреями въ споръ долженъ вмѣшаться королевскій комиссаръ, дабы могло состояться „наиболѣе справедливое“ соглашеніе, евреямъ, фактически приходилось покидать городъ, когда магистратъ отказывался заключить съ ними договоръ.

Въ шестнадцатомъ вѣкѣ духовная гегемонія надъ еврейскимъ міромъ переходитъ къ нѣмецко-польскому еврейству. И съ этого времени духовныя силы еврейскаго народа не направляются болѣе на созидательную работу, а обращаются преимущественно на кропотливое собираніе наслѣдія прошлаго; все, что было создано отцами, становится священнымъ, независимо отъ внутренней цѣнности. Чтобы предотвратить возможность растворенія народа среди окружающаго населенія, духовные руководители издавна вводили установленія, которыя должны были изолировать народъ отъ близкаго общенія съ сосѣдями. Талмудъ, вѣковой сводъ авторитетныхъ рѣшеній законоучителей, сталъ орудіемъ, помощью котораго раввины опутали общественную жизнь и частный бытъ еврея сложной сѣтью предписаній религіозно-обрядоваго характера, которыя, имѣя цѣлью препятствовать сближенію съ иновѣрцами, подчиняли, вмѣстѣ съ тѣмъ, народъ волѣ его руководителей и придавали его умственному развитію одностороннее направленіе. Подъ вліяніемъ внѣшнихъ катастрофъ еврейскій народъ, чувствуя свое одиночество, все болѣе замыкался въ самомъ себѣ; утративъ творческую силу, онъ впалъ въ состояніе окаменѣлости. Это положеніе было использовано раввинами: въ теченіе вѣковъ они не переставали направлять свою дѣятельность къ тому, чтобы удерживать народъ подъ бременемъ религіознаго формализма, благодаря которому возрастали власть и значеніе раввината. Постепенно раввинизмъ выродился, предавъ забвенію ту задачу, которой онъ нѣкогда служилъ; реальныя требованія текущаго дня, духовныя потребности, вызывавшіяся новыми условіями жизни, были принесены въ жертву устарѣвшимъ формамъ народнаго быта, давно уже утратившимъ непосредственную связь съ идеей о поддержаніи духовно-національнаго существованія народа, идеей, одухотворявшей раннюю дѣятельность раввинизма. Все старое охранялось не потому только, что въ немъ искали якоря спасенія отъ бушевавшихъ волнъ, угрожавшихъ уничтоженіемъ еврейства среди окружающихъ народовъ; оберегая архаическія формы еврейской жизни, раввины имѣли въ виду не одни лишь народные интересы, но и свои собственные, ибо было несомнѣнно, что съ разрушеніемъ основъ устарѣлаго уклада жизни, изъ нѣдръ народа выступятъ новыя

общественныя силы, пробудятся новыя духовныя потребности, зародятся новые идеалы, которые болѣе не захотятъ питаться крохами прошлаго. Тягостною религіозно-обрядовою регламентаціей раввинизмъ подавлялъ въ народѣ свободное мышленіе и творческую дѣятельность, и съ теченіемъ времени, слѣпое исполненіе обрядности превратилось для народа какъ бы въ цѣль существованія еврейства.

Жизнь, протекавшая въ тѣснинахъ внѣшнихъ преслѣдованій и внутренняго гнета, давала мало радости, и народъ черпалъ утѣшеніе въ надеждѣ, что скоро наступятъ мессіанскіе дни, и тогда все измѣнится къ лучшему. Вѣра, что впереди ждетъ спокойная, достойная жизнь, свободная отъ тяжелыхъ путъ, придавала народу бодрость, и онъ, въ ожиданіи лучшаго будущаго, готовъ былъ страдать изо дня въ день. Въ противовѣсъ реальному міру, приносившему однѣ лишь физическія и душевныя муки, народъ создалъ въ своей душѣ мистическій міръ, полный радостныхъ видѣній. Онъ терпѣливо ждалъ, когда, наконецъ, осуществятся эти грезы. А тѣмъ временемъ раввинизмъ, застывшій въ безжизненной формѣ, продолжалъ ковать цѣпь, крѣпко державшую въ неподвижности и мысль, и волю народа.

Свѣтскія науки были запретнымъ плодомъ. Даже изученіе и толкованіе Закона было втиснуто въ узкія рамки. Все было низведено къ умственной эквилибристикѣ. Творчество уступило мѣсто механическому умствованію. Созданный раввиномъ Яковомъ Полякомъ (1460—1542 гг.) методъ, получившій названіе „пилпула", придавалъ значеніе не усвоенію дѣйствительнаго содержанія вѣроученія, а хитроумному истолкованію текста даже по внѣшнимъ признакамъ—расположенію словъ и буквъ, входящихъ въ текстъ. „Ясное логическое мышленіе было замѣнено головоломными софизмами, изумительными парадоксами; сухая безплодная схоластика превратилась въ самодовлѣющій культъ... даже знаніе родного языка и его грамматики считалось преступленіемъ: святотатствомъ было утверждать, будто слова видоизмѣняются по какимъ-то правиламъ грамматики, когда въ каждой буквѣ кроется тайна, которую только избранные могутъ разгадать".

Еврейская жизнь въ Польшѣ была всецѣло подчинена могущественной, крѣпко организованной раввинской наукѣ, и этимъ господствомъ раввинская наука была обязана кагально-раввинскому союзу. Вліятельные члены общины и раввинатъ, нерѣдко враждовавшіе другъ съ другомъ, вступали въ союзъ, когда вопросъ шелъ о воспитаніи народа въ преданности вѣковымъ установленіямъ. Между прочимъ, были созданы многочисленные разсадники раввинской науки, изученіе которой являлось обязательнымъ.

Дѣти съ раннихъ лѣтъ напрягали свои умственныя силы въ сторону „пилпула“. Умственныя способности систематически развивались, но не для житейскихъ надобностей, и люди, обогатившіеся на школьной скамьѣ познаніями, оказывались неприспособленными къ борьбѣ за существованіе.

Кровавые 1648—58 годы, свидѣтели гибели множества еврейскихъ общинъ, повлекли за собою не только экономическій, но и духовный застой въ польскомъ еврействѣ. Многія талмудическія школы закрылись изъ-за отсутствія средствъ и учениковъ; подрастающее поколѣніе должно было работать для поддержанія своего существованія; не было времени для умственныхъ занятій: къ тому же видные раввины ушли въ сосѣднія страны. Менѣе всего раввинизмъ пострадалъ на Литвѣ и въ коренныхъ областяхъ Польши, но и здѣсь раввинская литература выродилась. „Оригинальность отсутствовала даже въ узкой области раввинскаго творчества. „Свѣтила“ раввинизма препирались въ своей ученой перепискѣ (шаалотъ у-тешувотъ) о запутанныхъ и мелочныхъ казусахъ религіозно-юридической практики, нерѣдко даже о такихъ, которые были невозможны на практикѣ. Другіе писали подробнѣйшіе головоломные комментаріи и новеллы (хидушимъ) къ различнымъ отдѣламъ Талмуда, даже къ тѣмъ, которые давно утратили законодательное значеніе... Литва особенно отличалась обиліемъ такихъ героевъ раввинской схоластики, которые, кромѣ своихъ умствованій, не признавали никакихъ другихъ отраслей свѣтскаго и духовнаго знанія“ [1]).

Позже, когда экономическое положеніе польскаго еврейства возстановилось, талмудическая наука вновь заняла доминирующее положеніе, но все же она уже не была, какъ прежде, общимъ достояніемъ, ею занимался лишь ограниченный кругъ избранниковъ. Относясь презрительно къ трудовой массѣ, для которой сухая раввинская наука была недоступна, эти ученые образовали какъ бы особую касту. Они пользовались большимъ общественнымъ значеніемъ, но, не соприкасаясь съ народомъ, не имѣли на него нравственнаго вліянія. Несмотря на демократическіе принципы, лежавшіе въ основѣ кагала, простолюдины не имѣли фактически доступа въ органы общественнаго самоуправленія. Кагальные старшины и раввины, ревниво оберегая свою власть, основанную на взаимной поддержкѣ, держали народную массу вдали отъ себя. Обнищавшій въ тяжелые годы, угнетаемый кагаломъ, народъ влачилъ жалкую духовную и матеріальную жизнь. Нуждаясь въ ру-

---

[1]) С. Дубновъ, Всеобщая исторія евреевъ, книга III (Спб. 1906), стр. 309.

ководительствѣ, онъ жадно искалъ участливаго взора, бодрящаго слова, но ничего не находилъ.

Мистическое движенiе, вызванное въ Турцiи лжемессiей Саббатаемъ Цеви (1626—1676 гг.), долго держало въ броженiи еврейскую массу въ польско-литовскомъ государствѣ, особливо на Украинѣ, близкой къ Салоникамъ, служившимъ главнымъ гнѣздомъ саббатiанской секты. Даже переходъ Саббатая Цеви въ магометанство не охладилъ пыла его легковѣрныхъ послѣдователей. Одинъ за другимъ появлялись въ Польшѣ агитаторы, возбуждавшiе въ народной массѣ болѣзненныя мечтанiя. Въ Подолiи существовали кружки „тайныхъ саббатiанцевъ“, которые назывались въ народѣ „шабсицвинниками“. или — сокращенно — „шебсами“. Пренебрегая многими обрядами, одни изъ сектантовъ вели аскетическiй образъ жизни, другiе же, напротивъ, предавались излишествамъ. Несмотря на мѣры, принятыя раввинами, секта не была уничтожена. Она продолжала свое тайное существованiе, пока не вылилась въ открытое движенiе, такъ назыв., франкистское, по имени ея руководителя Якова Франка (1726—1791 гг.), котораго иные признавали перевоплощенiемъ Саббатая Цеви, и который особое значенiе придалъ въ своемъ ученiи элементу чувственности. Развивъ дѣятельность въ Подолiи, Яковъ Франкъ навлекъ на сектантовъ гоненiя со стороны раввината; тогда вожаки обновленной секты заручились содѣйствiемъ католическаго духовенства, завѣривъ его, что ученiе сектантовъ имѣетъ общее съ христiанствомъ, что Талмудъ ими отвергнутъ, а признается ими одинъ лишь Зогаръ, священная книга каббалы. По требованiю епископа Домбровскаго раввины вынуждены были выступить (въ Каменцѣ-Подольскомъ, 1757 г.) на публичномъ диспутѣ съ „контръ-талмудистами“, какъ начали называть сектантовъ. Два года спустя, въ виду заявленiя франкистовъ, что они готовы перейти въ католичество, но предварительно желали бы изобличить раввиновъ, состоялся вторичный диспутъ (во Львовѣ), послѣ чего франкисты, боясь мести со стороны нетерпѣливаго католическаго духовенства, стали обращаться въ католичество, что вызвало радость среди раввинистовъ, ибо благодаря крещенiю секта вырывалась прочь изъ нѣдръ еврейскаго народа. Воспрiемникомъ Франка былъ польскiй король Августъ III; другiе видные франкисты нашли крестныхъ отцовъ и матерей среди польской знати; новообращенные приняли имена своихъ воспрiемниковъ и такимъ путемъ вошли въ ряды извѣстныхъ польскихъ фамилiй. Однако, актъ крещенiя не обманулъ бдительности католическаго духовенства, подозрѣвавшаго сектантовъ въ религiозной неискренности, и когда стало извѣстно, что Франкъ продолжаетъ разыгрывать роль мессiи, его заключили въ Ченстохов-

скую крѣпость (1760 г.); Онъ былъ выпущенъ оттуда русской властью, когда (1773 г.) Ченстоховъ заняли русскія войска [1]). Выйдя изъ крѣпости, Франкъ вскорѣ переселился въ Западную Европу и тамъ кончилъ свои дни. Его секта исчезла безъ остатка, растворившись въ католическомъ населеніи.

Ни саббатіанство, ни франкизмъ, оба измѣнившіе еврейской вѣрѣ, не могли дать исходъ мистическому порыву, съ особенной силой волновавшему украинское еврейство. Если книжная ученость, отождествлявшаяся съ богоугодной жизнью, импонировала еврейской массѣ на Литвѣ, гдѣ общественная жизнь, сосредоточенная въ рукахъ кагально-раввинскаго союза, находилась подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ талмудической учености, то тамъ, на югѣ, въ Подоліи и Волыни, малограмотная масса была чужда раввинской схоластикѣ, и она жаждала словъ, которыя исходили бы не изъ книгъ, а изъ сердца. И именно, здѣсь, среди населенія, проникнутаго искреннимъ религіознымъ чувствомъ и искавшаго утѣшенія въ мистическихъ чаяніяхъ, появилось новое ученіе—хасидизмъ [2]).

Основатель хасидизма Израиль Бештъ (1698—1760 гг.), вышедшій изъ народной массы, провозгласилъ, что человѣка спасаетъ не талмудическая ученость, не мелочная обрядность, а искреннее благочестіе, душевная чистота, горячая молитва. „Все, чего я достигъ, я достигъ не путемъ изученія Торы, а молитвою“. Такая проповѣдь, дававшая послѣднему бѣдняку утѣшеніе, что при всемъ своемъ духовномъ убожествѣ онъ можетъ быть угоденъ Богу, собрала вокругъ Бешта толпы приверженцевъ. Ученіе Бешта влекло къ себѣ массу и потому, что оно разрѣшало и даже признавало необходимымъ умѣренное пользованіе наслажденіями, раввинизмъ же придавалъ еврейской жизни аскетическій характеръ. Простое слово Бешта зажгло сердца не только простолюдиновъ; къ Бешту примкнули также многіе изъ украинскихъ раввиновъ и даже ученые талмудисты. Исключительная роль, которую хасидизмъ предоставилъ экзальтированной личности,—такъ

---

[1]) Еще находясь въ крѣпости, Франкъ чрезъ посредство своихъ приверженцевъ сталъ добиваться помощи Екатерины II, обѣщая принять православіе. Но Іаванъ Барухъ, финансистъ и агентъ польскаго министра гр. Брюля, упорно боровшійся съ франкизмомъ, воспользовался своимъ пребываніемъ въ Петербургѣ, чтобы помѣшать домогательствамъ Франка. Вмѣстѣ съ Іаваномъ Барухомъ противъ Франка выступилъ могилевскій купецъ Бима (Веніаминъ) Шпейеръ, знавшій русскій языкъ и имѣвшій въ Петербургѣ связи во вліятельныхъ кругахъ.

[2]) С. Дубновъ: 1) Введеніе въ исторію хасидизма. 2) Возникновеніе цадикизма. 3) Возникновеніе хасидизма. 4) Исторія хасидскаго раскола. 5) Религіозная борьба (Восходъ, 1888—1893 г.г.).

какъ только восторженныя, горячія молитвы создаютъ единеніе между Богомъ и человѣкомъ, — способствовала развитію „цадикизма“. Если каждый могъ служить Богу молитвою и даже возвышенными помыслами, то все же праведникъ—„цадикъ“—болѣе полно, чѣмъ кто либо другой, сливается съ божествомъ, а потому за цадикомъ, религіозно-вдохновеннымъ посредникомъ между Богомъ и обыкновеннымъ человѣкомъ, была признана чудодѣйственная сила. Порою цадики являлись истинными пастырями народа, но большинство, злоупотребляя невѣжествомъ и суевѣріемъ массы, ограничивалось ролью чудодѣя. Давая житейскіе совѣты, исцѣляя якобы отъ недуговъ, цадики стали близкими, нужными народу. Нѣкоторые преемники Бешта усилили значеніе цадиковъ, признавъ, что одни лишь цадики могутъ достичь высшаго экстаза, необходимаго для сліянія съ божествомъ. Такимъ образомъ, на цадиковъ стали смотрѣть какъ на божіихъ избранниковъ. Окруженные этимъ ореоломъ, цадики утратили свою первоначальную простоту, отдалились отъ народа, но все же они сохранили за собою доминирующую роль въ жизни хасидской массы.

Отрицательное отношеніе Бешта къ схоластикѣ выродилось у его послѣдователей въ ненависть къ наукѣ; приверженцы хасидизма, чрезвычайно быстро распространившагося, стали апологетами невѣжества.

Таковы были условія, въ которыхъ жили евреи въ Польшѣ, когда въ силу перваго раздѣла польскаго государства многотысячная еврейская масса, жившая въ Бѣлоруссіи, перешла въ 1772 г. подъ скипетръ русской императрицы Екатерины II.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Переходъ бѣлорусскихъ евреевъ въ русское подданство. — Правительство санкціонируетъ кагальную организацію. — Русское сословно-городское самоуправленіе совпадаетъ во многомъ съ кагальной организаціей. — Устройство кагала и его функціи. — Подчиненіе евреевъ общимъ установленіямъ. — Вступленіе еврейскаго населенія въ составъ русскаго торгово-промышленнаго класса. — Евреи становятся равноправными гражданами. — Недовольство части христіанскаго населенія равноправіемъ евреевъ. — Борьба изъ-за избранія ихъ на общественныя должности. — Какъ члены торгово-промышленнаго класса, евреи лишаются права жить внѣ городовъ и заниматься винными промыслами. — Расколъ внутри еврейства. — Глава бѣлорусскихъ хасидовъ р. Шнеуръ-Залманъ. — Вождь литовскихъ раввинистовъ Илія гаонъ. — Раввинисты вступаютъ въ открытую борьбу съ хасидами. — Зачатки просвѣтительнаго движенія.

Плакатъ о переходѣ Бѣлоруссіи къ Россіи, опубликованный генералъ-губернаторомъ графомъ Чернышевымъ отъ имени государыни, оповѣстилъ жителей, что всѣ они, „какого бы рода и званія ни были", отнынѣ будутъ состоять въ русскомъ подданствѣ, и что государыня „изволитъ не только всѣхъ ихъ подтверждать при совершенной свободѣ въ публичномъ отправленіи ихъ вѣры, также и при законномъ каждаго владѣніи и имуществѣ, но и совершенно ихъ подъ державою своей усыновляя, всѣхъ и каждаго награждать, еще отнынѣ, въ полной мѣрѣ и безъ всякаго изъятія, всѣми тѣми правами, вольностями и преимуществами, каковыми древніе ея подданные пользуются, такъ что каждое состояніе изъ жителей присоединенныхъ земель вступаетъ, съ самаго сего дня, во всѣ оному свойственныя выгоды, по всему пространству Имперіи Россійской".

Плакатъ говорилъ о всѣхъ новыхъ подданныхъ. Однако, при всемъ томъ было признано необходимымъ упомянуть особо о евреяхъ. „Черезъ торжественное выше всего обнадеженіе всѣмъ и каждому свободнаго отправленія вѣры и неприкосновенной въ имуществахъ цѣлости, собою разумѣется, что и еврейскія общества, жительствующія въ присоединенныхъ къ Имперіи Россійской городахъ и земляхъ, будутъ оставлены и сохранены при всѣхъ тѣхъ свободахъ, коими они нынѣ въ разсужденіи закона и

имуществъ своихъ пользуются, ибо человѣколюбіе Ея Императорскаго Величества не позволяетъ ихъ однихъ исключить изъ общей всѣмъ милости и будущаго благосостоянія подъ благословенною Ея Державою, доколѣ они, съ своей стороны, съ надлежащимъ повиновеніемъ яко вѣрноподданные жить и въ настоящихъ торгахъ и промыслахъ, по званіямъ своимъ, обращаться будутъ" [1]).

Не многое было дано бѣлорусскимъ евреямъ въ торжественный моментъ ихъ перехода подъ скипетръ Екатерины II; за

> *Чрезъ торжественное выше сего обнадѣженіе всѣмъ и каждому свободнаго отправленія вѣры и неприкосновенной въ имуществахъ цѣлости, собою разумѣется, что и Еврейскія общества жительствующія въ присоединенныхъ къ Имперіи Россійской городахъ и земляхъ будутъ оставлены и сохранены при всѣхъ тѣхъ свободахъ, коими они нынѣ въ разсужденіи закона и имуществъ своихъ пользуются; ибо человѣколюбіе* **ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА** *не позволяетъ ихъ однихъ изключать изъ общей всѣмъ милости и будущаго благосостоянія подъ благословенною* **ЕЯ** *державою, доколѣ они съ своей стороны съ надлежащимъ повиновеніемъ, яко вѣрноподданные жить и въ настоящихъ торгахъ и промыслахъ по званіямъ своимъ обращаться будутъ. Судъ и разправа да будутъ продолжаемы въ настоящихъ ихъ мѣстахъ, имянемъ и властію* **ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА** *съ наблюденіемъ строжайшаго правосудія.*

Изъ плаката, печатаннаго въ 1772 г.

ними было сохранено то, чѣмъ они пользовались въ Польшѣ— свобода вѣроисповѣданія, съ которой на старой родинѣ было тѣсно связано внутреннее самоуправленіе (кагалъ), и право собственности. Предоставляя эти элементарныя права евреямъ, госу-

---

[1]) Кн. Голицынъ (Исторія русскаго законодательства о евреяхъ, стр. 107) заявляетъ, будто словами, „по званіямъ своимъ" государыня хотѣла сказать „въ качествѣ неполноправныхъ гражданъ". Бѣлорусскія власти не извратили словъ государыни, понявъ ихъ въ такомъ смыслѣ, что евреи будутъ пользоваться милостями, пока будутъ обращаться „въ торгахъ и промыслахъ своихъ по принадлежащему обыкновенію"

При присоединеніи въ 1793 г. Подоліи и Волыни манифестъ 1772 г. былъ дословно повторенъ. Въ Русскомъ Архивѣ за 1863 г., т. I, имѣется сводка постановленій касательно Бѣлоруссіи, извлеченныхъ изъ Перваго полнаго собранія законовъ.

дарыня ясно указала въ плакатѣ, что иначе быть не можетъ, что при общественно-политическихъ условіяхъ, въ которыя поставленъ новый край, „собою разумѣется“, что евреи должны пользоваться свободой совѣсти и правомъ собственности. Но на ряду съ этимъ категорическимъ заявленіемъ Екатерина II проявила обычную ей осторожность въ своемъ отношеніи къ евреямъ. Она какъ бы опасалась, что слово о евреяхъ, сказанное въ манифестѣ, создастъ въ чьихъ-то умахъ неудобное для нея преувеличенное представленіе о ея милостивомъ вниманіи къ евреямъ, и она поспѣшила выставить въ свое оправданіе естественное чувство человѣколюбія.

Если десять лѣтъ назадъ государыня уклонилась отъ принятія рѣшенія сената о допущеніи евревъ въ Россію, такъ какъ боялась недовольства со стороны извѣстнаго круга русскаго общества, то теперь ее, вѣроятно, смущалъ тотъ взглядъ на евреевъ, который упрочился въ польскомъ обществѣ. Плакатъ не выражалъ личнаго отношенія государыни къ евреямъ и ея намѣреній. И то, что не было возвѣщено манифестомъ, прочитаннымъ по церквамъ и занесеннымъ въ городскія книги, было сдѣлано впослѣдствіи путемъ распоряженія, чуждаго всякой торжественности.

Новый край былъ раздѣленъ на двѣ губерніи—Полоцкую (Псковскую) и Могилевскую; въ первой были учреждены провинціи: Двинская, Полоцкая и Витебская, во второй: Могилевская, Оршанская, Мстиславская и Рогачевская [1]). Заботой русскаго правительства было водворить прежде всего порядокъ въ бѣлорусскихъ губерніяхъ и начать взиманіе податей. Три группы населенія, другъ отъ друга обособленныя, подлежали „поголовному“ сбору податей—крестьяне, евреи и купцы. Въ отношеніи поголовнаго сбора евреи заняли среднее мѣсто между крестьянами и купцами; для первыхъ, какъ и для прочихъ русскихъ крестьянъ, сборъ былъ опредѣленъ въ суммѣ семи гривенъ, для купцовъ—одного рубля двадцати копеекъ, для евреевъ—одного рубля.

Чтобы упростить задачу по сбору податей съ евреевъ, русская власть обратилась къ учрежденію, уже существовавшему. Евреи составляли въ Польшѣ, какъ мы знаемъ, особую податную и административную единицу, представленную кагалами, являвшимися отвѣтственными предъ правительствомъ за правильное поступленіе податей. Русское правительство и воспользовалось

---

[1]) Перв. полн. собраніе законовъ, № 13888. Въ сущности край былъ раздѣленъ на Могилевскую и Псковскую губерніи; къ бѣлорусскому краю были присоединены двѣ великорусскія провинціи: Псковская и Великолуцкая, которыя и вошли въ составъ Псковской губ.; однако, очень часто въ актахъ того времени встрѣчается вмѣсто Псковской—Полоцкая губернія. Вообще, первоначально предположенное административное дѣленіе края не было осуществлено.

кагалами въ фискальныхъ, а затѣмъ и въ административныхъ цѣляхъ. Оно ввело кагалы въ кругъ учрежденій, при содѣйствіи которыхъ стало управлять новымъ краемъ.

Прежде, чѣмъ остановиться подробнѣе надъ той формой, которую получила кагальная организація въ Россіи, слѣдуетъ отвѣтить на вопросъ—чѣмъ объяснить, что русская власть сочла возможнымъ санкціонировать тотъ строй еврейской жизни, который превращалъ еврейское населеніе въ обособленную общественную группу, пользовавшуюся широкимъ самоуправленіемъ. Кагалъ былъ потому признанъ правительствомъ, что въ условіяхъ тогдашней государственной и общественной жизни въ Россіи онъ не представлялъ собою ничего исключительнаго. Кагалъ, въ рамкахъ тѣхъ функцій, которыя были возложены на него правительствомъ въ своихъ интересахъ, соотвѣтствовалъ, въ основѣ, тѣмъ учрежденіямъ, которыя вѣдали русское торгово-промышленное сословіе.

Управленіе и судъ среди русскаго торговаго и ремесленнаго населенія городовъ принадлежали ратушамъ и магистратамъ. Члены этихъ присутствій, бургомистры и ратманы, выбирались на посадскихъ сходахъ. Это посадское управленіе было учреждено въ интересахъ не обывателей, а правительства—„выбираемые населеніемъ, эти бургомистры и ратманы поступали въ полное распоряженіе центральной правительственной власти, и все значеніе мірскихъ выборовъ сводилось лишь къ тому, что населеніе должно было поставить для правительства изъ среды своей исполнительныхъ агентовъ съ ручательствомъ за ихъ исполнительность“ [1]). Дѣло въ томъ, что выборные представители посадскаго населенія несли тяжелыя государственныя обязанности, которыя нерѣдко вовсе не имѣли отношенія къ данной общинѣ, — производство различныхъ общихъ сборовъ, напр., питейныхъ и кабацкихъ, продажа соли и т. д. Но, съ другой стороны, выборные представители посадскаго населенія имѣли своей обязанностью раскладку податей и сборъ ихъ [2]). А раскладывая подати и повинности и собирая ихъ, магистраты по необходимости заботились о „полнотѣ“ посада, т. е., чтобы на учетѣ были всѣ тѣ, кто долженъ былъ уплачивать сборы и повинности; приходилось возвращать на посадъ бѣглыхъ, записывая въ сотни и въ слободы крестьянъ, содержащихъ купеческіе промыслы, имѣющихъ на посадѣ лавки и дома [3]). Кромѣ того, магистраты являлись также судебнымъ учре-

---

[1]) А. Кизеветтеръ, Мѣстное самоуправленіе въ Россіи (М. 1910 г.), стр. 111.

[2]) Дитятинъ, Устройство и управленіе городовъ въ Россіи (Спб. 1875 г.), стр. 172, 351 и др.

[3]) Тамъ же, стр. 216.

жденіемъ. Не всѣ города имѣли магистраты; къ магистрату приписывались обыкновенно по нѣсколько городовъ [1]), такъ назыв., приписныхъ; при чемъ случалось, что происходила перетасовка; такъ, Екатерина II велѣла губернаторамъ росписать города по ихъ значенію и численности населенія: города не важные, съ малочисленнымъ населеніемъ, рекомендуется оставить за штатомъ, приписать ихъ къ какому либо сосѣднему городу; тѣ же изъ „приписанныхъ", которые окажутся на самомъ дѣлѣ значительными городами, обратить въ штатные [2]).

Все это мы находимъ и въ кагальной организаціи.

Установленіе сѣти кагаловъ явилось результатомъ длительной общественной борьбы. Общины, сознававшія свою матеріальную силу или духовный авторитетъ, отказывались отъ подчиненія, въ видѣ „прикагалка", сосѣднему кагалу и добивались самостоятельнаго существованія. Пользуясь значительными правами въ общинномъ управленіи, кагалы, всеже, не являлись вполнѣ самостоятельными учрежденіями, которыя черпали бы силу въ самихъ себѣ и не нуждались во взаимной поддержкѣ. Поэтому существовали организаціи, объединявшія извѣстныя группы кагаловъ; а эти центральныя организаціи, въ свою очередь, подчинялись высшему учрежденію, представлявшему болѣе обширную территорію.

Такимъ образомъ, жизненныя требованія сами соткали кагальную сѣть. Однако, русская власть, санкціонируя существованіе кагаловъ, предусмотрѣла возможность перемѣщенія автономныхъ центровъ. Распоряженіе объ учрежденіи кагаловъ гласило: „съ жидовъ сборъ положить также поголовный, по одному рублю съ каждой (души), и приписать ихъ къ кагаламъ, которые и учредить по разсмотрѣнію губернаторовъ и по надобности" [3]).

Судя по этимъ словамъ, можно было бы думать, что кагаламъ имѣлось въ виду поручить единственно взиманіе подати; но изъ инструкціи Чернышева губернаторамъ бѣлорусскихъ губерній надо заключить, что кагалы должны были содѣйствовать не только тому, чтобы сборъ съ евреевъ „въ казну вѣрнѣе вступать могъ", но и чтобы „въ прочемъ во всемъ сдѣлать съ ними надлежащій порядокъ" [4]).

---

[1]) Дитятинъ, Устройство и управленіе городовъ, стр. 241.

[2]) Тамъ же, стр. 383.

[3]) 1772 г., Сентября 13. Высочайше утвержденный докладъ и пункты бѣлорусскаго генералъ-губернатора графа Чернышева. Екатерина II положила резолюцію „быть по сему впредь до указа". Въ актахъ, исходившихъ отъ центральной власти, наименованіе „жидъ" не встрѣчается. Да и мѣстная власть не употребляла въ дальнѣйшемъ этого выраженія.

[4]) Перв. полн. собраніе законовъ, № 14522.

Учреждая кагалы, правительство отнюдь не руководствовалось высокимъ стремленіемъ дать еврейскому обществу право свободнаго самоуправленія; правительство, какъ мы видимъ, желало лишь одного—облегчить себѣ заботу по собиранію подати и ближайшему надзору за передвиженіемъ населенія, осложнявшимъ взиманіе податей. Въ этихъ цѣляхъ еврейское населеніе было отдано въ распоряженіе кагала, но сами то кагалы, какъ агенты правительства, подобно другимъ тогдашнимъ общественнымъ учрежденіямъ, были взяты подъ административный надзоръ. Такъ какъ губерніи были раздѣлены на провинціи, не соотвѣтствовавшія прежнему административному дѣленію края, то старое взаимоотношеніе между кагалами нарушилось; кагалы были поставлены въ связь съ главнымъ провинціальнымъ учрежденіемъ (нѣсколько позже [1])—съ уѣзднымъ управленіемъ, когда вмѣсто провинцій были учреждены уѣзды). Впрочемъ, помимо этого, переходу власти отъ одной общины къ другой могли содѣйствовать ходатайства отдѣльныхъ подчиненныхъ общинъ, страдавшихъ отъ произвола кагала.

Кагальная сѣть широко раскинулась по бѣлорусскому краю. Чтобы составить себѣ общее представленіе о кагальной организаціи въ первые годы по переходѣ края къ Россіи, достаточно ознакомиться, помимо законодательнаго матеріала, съ двумя документами, составленіе которыхъ относится къ этому времени—запиской могилевскаго губернатора Каховскаго [2]), рисующей положеніе евреевъ въ губерніи въ 1773 г., и кагальнымъ уставомъ мѣстечка Петровичи, являющимся, вѣроятно, воспроизведеніемъ другихъ существовавшихъ уставовъ, ибо онъ былъ выработанъ не мѣстными людьми, а членами еврейскаго центральнаго представительнаго учрежденія, имѣвшими въ рукахъ соотвѣтствующій матеріалъ. Онъ былъ составленъ въ 1777 г., т. е. тогда, когда край уже принадлежалъ Россіи и авторы устава считались съ новыми административными условіями [3]).

„Во всѣхъ мѣстечкахъ,—сообщаетъ губернаторъ Каховскій,—какъ во владѣльческихъ, такъ и коронныхъ, имѣютъ евреи своихъ собственныхъ старшинъ, ими самими между собою избранныхъ; выбираютъ къ тому достаточныхъ (состоятельныхъ), а не меньше того въ талмудѣ искусныхъ и во всемъ проворныхъ. Кагалъ составляютъ шесть жидовъ; они же имѣютъ своихъ намѣстниковъ (кандидатовъ)... И тѣ шесть жидовъ называются кагальными; въ малыхъ же мѣстечкахъ кагалъ составляется изъ пяти, а менѣе

---

[1]) Въ 1777 г. были раздѣлены на уѣзды—Могилевская губ. на 12, а Полоцкая (еще въ 1775 г. именовавшаяся Псковская)—на 11 уѣздовъ.

[2]) Академическое изданіе сочиненій Державина, т. VII, Спб., 1878 г.

[3]) Опубликованъ С. Дубновымъ. Восх., 1894 г., кн. 2, стр. 99—104.

четырехъ нигдѣ не бываетъ". Для исполненія текущихъ дѣлъ старшины чередовались каждыя двѣ недѣли. Очередной старшина назывался „парнесомъ". Кромѣ старшинъ, имѣлись еще слѣдующія должности: контролеръ, каковымъ являлся кандидатъ, избиравшійся на случай отсутствія одного изъ старшинъ, попечители благотворительныхъ учрежденій, и кандидатъ къ нимъ. Право баллотироваться на должности старшинъ и контролера имѣли тѣ, кто уже ранѣе занималъ ихъ, а также плательщики, удовлетворяющіе извѣстному высокому денежному цензу, и домовладѣльцы. Назначеніе этихъ должностныхъ лицъ (не связанныхъ родствомъ) предоставлено избирателямъ (также не связаннымъ родствомъ), намѣчавшимся путемъ жребія. Тѣ же избиратели назначали нѣсколькихъ „главарей". Для попечителей и главарей устанавливался денежный цензъ, меньшій, чѣмъ для старшинъ. Однако, на должности попечителей и главарей все же не избирались лица, хотя и отвѣчавшія условіямъ ценза, но записавшіяся „низкими ремеслами"; съ другой стороны, дѣлалось исключеніе для лицъ бѣдныхъ, не удовлетворяющихъ денежному цензу, но отличающихся личными достоинствами—иниціатива въ данномъ случаѣ принадлежала старшинамъ, а рѣшеніе вопроса—избирателямъ.

Переходя къ функціямъ кагала, остановимся прежде всего на тѣхъ, которыя были на него возложены правительствомъ. Кагалъ, какъ уже было ранѣе отмѣчено, являлся отвѣтственнымъ за поступленіе въ казну сборовъ – онъ долженъ былъ „платить" эти послѣдніе, вносить ихъ въ провинціальную канцелярію [1]). Эта обязанность предоставляла кагалу право раскладки податей. Въ связи съ указанной функціей кагалъ, подобно магистрату, былъ снабженъ и правомъ административнаго надзора за членами общины: чтобы предотвратить уклоненіе отъ уплаты подати, было постановлено, что никто не могъ поселиться въ какомъ либо пунктѣ или перемѣнить мѣстожительство и даже отлучиться по дѣламъ, не получивъ отъ кагала надлежащаго паспорта; значительное число евреевъ, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, проживало въ деревняхъ, въ помѣстьяхъ, на дорогахъ (шинкахъ) — всѣ эти лица также должны были получать паспортъ отъ соот-

---

[1]) Перв. полное собраніе законовъ, № 14522. — Въ 1781 г. (Высоч. утвержд. 24 марта) новое казенное управленіе издало правила о приходо - расходныхъ книгахъ, причемъ, между прочимъ, постановило (§ 7) „всѣхъ евреевъ росписать по кагаламъ, и кагаламъ собирать съ нихъ поголовныя и накладныя деньги и вносить въ казначейство"; казна „не должна мѣшаться въ раскладку на каждаго евреина, при кагалѣ записаннаго, сколько кто заплатить въ состояніи, а должны кагалы отвѣтствовать, чтобы все число денегъ съ жидовъ, сколько кагалу приписано, въ казну сполна внесено было".

вѣтствующаго кагала. Съ своей стороны, кагалы подлежали правительственному контролю—паспорты должны были быть явлены въ провинціальныхъ канцеляріяхъ и здѣсь записаны [1]).

Затѣмъ слѣдовали судебныя функціи. „Гдѣ шесть кагальныхъ, тамъ черезъ два, а гдѣ четыре, тамъ черезъ три мѣсяца, суды продолжаютъ; не только въ духовныхъ внутреннихъ ихъ дѣлахъ и обрядовъ вѣры ихъ касающихся, но и гражданскія между ими подчинены кагалу; и всѣ евреи, какъ живущіе въ городѣ, такъ и въ уѣздѣ по корчмамъ, подлежатъ суду кагальному". Такъ какъ еврейское населеніе жило разсѣянно по уѣздамъ, то раввины, разъѣзжая, судили на мѣстахъ; кагалъ же въ данномъ случаѣ служилъ апелляціонной инстанціей [2]). Если кагальный служитель приглашалъ кого либо въ судъ и тотъ не шелъ, то парнесъ обязанъ былъ принудить отвѣтчика явиться. Когда же отвѣтчикъ не соглашался подчиниться постановленному рѣшенію, то по прошествіи трехъ дней, если онъ не помирится съ противной стороной, кагальный служитель „обязанъ, подъ страхомъ херема, учинить ему принужденіе, заранѣе предваряя его объ этомъ въ теченіе означенныхъ трехъ сутокъ" [3]). Недовольный рѣшеніемъ кагала не могъ, подъ страхомъ херема, обращаться въ общій судъ, если противная сторона не выражала на это своего согласія. Лицамъ, обиженнымъ рѣшеніемъ мѣстнаго кагала, было предоставлено апеллировать въ соотвѣтствующія еврейскія учрежденія. Согласно манифесту о присоединеніи края, предварившему, что „судъ и расправа будутъ продолжаемы въ настоящихъ ихъ мѣстахъ", въ бѣлорусскихъ губерніяхъ для разбора дѣлъ между евреями были учреждены уѣздные кагалы, а въ качествѣ апелляціонной, высшей инстанціи—по губернскому кагалу „съ положеннымъ числомъ по собственному ихъ выбору судей" [4]). Въ этихъ судахъ разбирались не одни лишь дѣла, связанныя съ еврейскимъ закономъ, но также гражданскія дѣла между евреями, за исключеніемъ вексельныхъ. Надо думать, что не только офиціально, но и самими евреями губернскій кагалъ почитался высшей судебной инстанціей; мы видимъ, что евреи жаловались (около 1782 г.), что такъ какъ некуда апеллировать на рѣшенія губернскаго кагала, то „принуждены обвиненные иногда невинно страдать" [5]).

Судейскія функціи въ дѣлахъ религіознаго характера исполнялись, такъ сказать, при кагалѣ раввиномъ, совмѣстно съ даяномъ,

---

[1]) Перв. полн. собраніе законовъ, № 14522.

[2]) Записка губернатора Каховскаго.

[3]) Уставъ петровичскаго кагала.

[4]) Перв. полн. собраніе законовъ, № 15436.

[5]) Тамъ же.

назначавшимся кагаломъ; какъ кажется, въ составъ суда входили и нѣкоторые изъ старшинъ; [1]) этотъ судъ, несомнѣнно, принималъ участіе и въ разсмотрѣніи гражданскихъ споровъ, разрѣшавшихся согласно талмудическому праву. Вообще, кагалъ признавалъ авторитетъ за раввиномъ; такъ, напр., ни предавать херему, ни налагать штрафъ, кагалъ не могъ безъ согласія раввина; безъ вѣдома раввина нельзя было также принимать свидѣтельскія показанія. Кагалъ „можетъ судить въ случающихся дѣлахъ и самаго раббина". Однако, рѣшенія раввина касательно „талмуда и духовенства" не подлежали компетенціи кагаловъ; спорные вопросы, разрѣшавшіеся на основаніи религіозныхъ постановленій, представлялись „раббину старшему въ Брестъ или въ Вильну"; рѣшенія этого „старшаго раббина" кагалъ приводилъ въ исполненіе. Чтобы выполнить всѣ указанныя функціи кагалъ, конечно, долженъ былъ обладать принудительной властью.

Являясь отвѣтственнымъ передъ правительствомъ за поступленіе податей, кагалъ пользовался правомъ дѣлать постановленія съ цѣлью обезпечить поступленіе полностью всѣхъ денегъ, причитавшихся казнѣ, для чего онъ возлагалъ, какъ будетъ видно въ дальнѣйшемъ, бо̀льшую часть податного обложенія на извѣстные классы. Подобно тому, какъ кагалъ обязывался собирать и уплачивать казнѣ подати, онъ долженъ былъ также заботиться объ уплатѣ сборовъ, принадлежавшихъ помѣщику. Взысканіе сборовъ требовало порою примѣненія принудительныхъ мѣръ; нѣтъ указаній на то, какимъ путемъ онѣ осуществлялись въ казенныхъ имѣніяхъ, однако, принимая во вниманіе тѣ средства, къ какимъ кагалъ прибѣгалъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, надо думать, что расправу съ неисправными плательщиками кагалъ предоставлялъ администраціи. Петровичи были частновладѣльческимъ имѣніемъ, а уставомъ мѣстнаго кагала было постановлено, что право воздѣйствія на неисправнаго плательщика и вообще на ослушника вручалось помѣщику, который получалъ за это вознагражденіе съ виновнаго. Помѣщики, привыкшіе въ польское время къ грубому произволу надъ евреями, легко могли взыскивать съ неисправныхъ плательщиковъ сумму денегъ, требуемую кагаломъ—тѣлесное наказаніе, арестъ и угроза изгнать съ насиженнаго мѣста были въ данномъ случаѣ вполнѣ достаточны. Русская администрація не имѣла этого оружія, но у нея было другое—кагалъ могъ задержать выдачу паспортовъ, администрація же вправѣ была подвергать безпаспортнаго всякаго рода репрессіямъ.

---

[1]) По уставу петровичскаго кагала (§ 30) назначается судьею одинъ даянъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ же уставѣ (§ 17) говорится о судьяхъ.

Что касается карательной власти въ отношенiи преступниковъ, то кагалъ могъ „сажать въ желѣзы и тѣлесно наказывать“ [1]) ихъ и предавать херему. Въ частновладѣльческихъ имѣнiяхъ прибѣгали порою и къ помѣщичьей рукѣ. Если отвѣтчикъ, несмотря на „принужденiе“ кагальнаго служителя, не подчинится судебному рѣшенiю, „то парнесъ, получивъ объ этомъ извѣстiе, обязанъ послать кагальнаго служителя съ истцомъ ко двору (пана) съ жалобой, дабы заставить отвѣтчика подчиниться рѣшенiю“. Ослушникъ долженъ заплатить пени въ пользу двора — полтинникъ. „Вообще, во всѣхъ случаяхъ, когда кто нибудь воспротивится исполненiю рѣшенiя суда (бесдина) или взысканiю кагала, и придется довести дѣло до двора, для употребленiя принудительныхъ мѣръ, то таковый ослушникъ долженъ внести въ пользу двора штрафъ въ полтинникъ“ [2]).

Таковъ былъ кругъ дѣятельности кагала, въ основныхъ чертахъ присвоенной ему администрацiей, и лишь въ подробностяхъ установленной представителями еврейскаго общества. Однако, кагалу принадлежали еще другiя функцiи—онъ ихъ выполнялъ въ силу вѣковой традицiи внѣ правительственнаго контроля, но администрацiи было извѣстно о нихъ.

Кагалъ „налагаетъ всякiя подати на своихъ подсудимыхъ; содержитъ сборъ для своихъ нищихъ“ [3]). Право взимать сборъ на общественныя нужды являлось привилегiей кагала въ сопоставленiи съ магистратами, которымъ не дозволялось устанавливать какiе-либо сборы. Кагалъ производитъ сборы не только для покрытiя расходовъ данной общины; онъ являлся передаточной инстанцiей и при болѣе обширныхъ сборахъ на нужды всего края. „Кагалъ обязанъ заботиться о томъ, чтобы вся сумма коробочнаго сбора, установленнаго для провинцiи и употребляемаго на нужды всего края, была приготовлена по меньшей мѣрѣ за двѣ недѣли до срока. Каждые три мѣсяца уплачивается сборъ (частями) для того, чтобы кагалу не пришлось сдѣлать слишкомъ много издержекъ“ [4]). Вообще право взымать подати и сборы служило въ рукахъ кагала орудiемъ воздѣйствiя—непокорныхъ членовъ общины можно было карать наложенiемъ болѣе высокой раскладочной суммы [5]).

Такъ какъ еврейское населенiе жило разбросанно, образуя лишь въ немногихъ мѣстахъ компактныя массы, то должны были

---

[1]) Записка Каховскаго.

[2]) §§ 20 и 21 устава петровичскаго кагала.

[3]) Записка Каховскаго.

[4]) § 22 устава петровичскаго кагала.

[5]) О раскладкѣ см. десятую главу.

существовать прикагалки. Съ другой стороны, кагалы провинціальныхъ, а позже уѣздныхъ, городовъ, какъ ближе стоящіе къ провинціальной администраціи, и, вѣроятно, являвшіеся въ нужныхъ случаяхъ посредниками между ней и кагалами данной провинціи, стали играть роль мѣстныхъ центральныхъ органовъ. Этому должно было способствовать и то, что уѣздные кагалы служили апелляціонной инстанціей въ судебныхъ дѣлахъ для кагаловъ, состоящихъ въ данномъ уѣздѣ. Петровичскій уставъ, какъ мы только-что видѣли, возлагалъ на кагалъ заботу о взысканіи сбора, установленнаго для провинціи и употребляемаго на нужды всего края. Здѣсь рѣчь идетъ не о государственныхъ, а о внутреннихъ, общественныхъ сборахъ, при чемъ сумма денегъ, нужная для общихъ расходовъ всего края, распредѣлялась между провинціями, а отсюда уже шла разверстка по отдѣльнымъ кагаламъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ данномъ случаѣ центральнымъ органомъ для провинціи являлся кагалъ провинціальнаго города. Можно допустить, что силою житейскихъ условій провинціальные кагалы, игравшіе роль во внутренней жизни мѣстнаго еврейства, получили извѣстное значеніе и въ глазахъ провинціальной администраціи, которой было удобнѣе сноситься съ однимъ центральнымъ органомъ, чѣмъ съ мѣстными учрежденіями.

Затруднительно рѣшить вопросъ, что подразумѣвается въ кагальномъ уставѣ подъ словомъ край—одна губернія или обѣ бѣлорусскія губерніи, такъ неожиданно оторвавшіяся отъ остального польско-литовскаго еврейства? Объединялись ли евреи всего бѣлорусскаго края какимъ-либо областнымъ учрежденіемъ, или каждая губернія въ отдѣльности являлась самостоятельной организаціей?

Такой же вопросъ остается открытымъ и по отношенію къ съѣзду представителей общинъ, состоявшемуся въ Могилевѣ въ 1777 г. Какъ гласитъ официальный еврейскій документъ, это были „назначенные изъ среды именитыхъ людей и славныхъ предводителей всего края, выборныхъ отъ пяти общинъ, засѣдающихъ на престолѣ суда во градѣ Могилевѣ“. На этомъ судѣ была разсмотрѣна жалоба евреевъ м. Петровичи по поводу непорядковъ, царившихъ въ общинѣ, и было постановлено выработать кагальный уставъ. Изъ этого обстоятельства можно, кажется, сдѣлать заключеніе, что могилевскій съѣздъ представлялся болѣе авторитетной инстанціей, чѣмъ губернскій кагалъ, являвшійся высшей губернской инстанціей для разбора спорныхъ дѣлъ; еслибы съѣздъ былъ равноцѣненъ губернскому кагалу, евреямъ м. Петровичи не было бы надобности ждать съѣзда, сравнительно рѣдко созывавшагося, проще было бы обратиться за содѣйствіемъ къ постоянному учрежденію.

Однако, нѣтъ данныхъ, чтобы рѣшить вопросъ, были ли на могилевскомъ съѣздѣ представлены важнѣйшія общины одной лишь Могилевской губерніи, или также и Полоцкой, т. е., всего бѣлорусскаго края [1]).

Конечно, кагальная автономія не освобождала евреевъ отъ подчиненія общимъ судебнымъ учрежденіямъ. Вначалѣ въ Бѣлоруссіи дѣйствовали въ этомъ отношеніи прежнія польскія постановленія, согласно которымъ судебная власть принадлежала, между прочимъ, и владѣльцамъ имѣній, въ которыхъ жили евреи. Но въ 1778 г. были введены новыя правила: городскіе евреи стали подсудны магистратамъ, а тѣ, которые проживали въ уѣздахъ, — нижней расправѣ даннаго уѣзда, причемъ каждый еврей, выступалъ ли онъ въ качествѣ истца или отвѣтчика, пользовался правомъ „имѣть при себѣ для помощи и наставленія одного изъ членовъ уѣзднаго кагала“ [2]).

Въ этихъ судебныхъ учрежденіяхъ разбирались уголовныя преступленія евреевъ, ихъ гражданскія дѣла съ христіанами и, наконецъ, дѣла по векселямъ и „облигамъ“ между самими евреями [3]).

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что по польско-литовскому законодательству свидѣтельскія показанія евреевъ не принимались судомъ. Это правовое ограниченіе было возстановлено въ бѣлорусскомъ краѣ, когда десять лѣтъ спустя послѣ перехода его къ Россіи, мѣстная администрація, совмѣстно съ дворянствомъ и шляхтою, предприняла, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго, организованную кампанію, чтобы лишить евреевъ правъ, предоставленныхъ имъ русской властью. Когда въ уголовномъ дѣлѣ, или гражданскомъ, по претензіи христіанина къ еврею, христіанинъ ссылался на христіанина-свидѣтеля, показанія свидѣтеля принимались судомъ; когда же еврей, предъявляя искъ къ христіанину, выставлялъ свидѣтелемъ еврея, послѣдній не допускался въ судъ. Кромѣ того, христіанинъ находился въ болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ еврей, и въ отношеніи присяги: „при разбираніи какого дѣла между евреиномъ и христіаниномъ, — жаловались

---

[1]) Можно было бы думать, что именно такіе съѣзды имѣлъ въ виду губернаторъ Каховскій, говоря: „изъ кагала апелляція бываетъ до Синагоги. Синагогу избираютъ они сами съ вѣдома правленія“,—но вѣдь евреи жаловались какъ разъ на то, что имъ некуда переносить дѣла изъ губернскаго кагала, что нѣтъ высшей инстанціи; слѣдовательно, подъ „синагогой“ надо подразумѣвать духовный судъ, разрѣшавшій гражданскія дѣла на основаніи талмудическаго права.

[2]) Распоряженіе генер.-губернатора Чернышева 4 іюня 1778 г. Изъ архивнаго матеріала: Меморія Еврейскаго комитета за октябрь 1825 г.

[3]) Архивъ сената, дѣло I отд., 3 деп., 1797, № 49. О выборахъ въ Новгородъ-Сѣверскій кагалъ. Этотъ матеріалъ былъ мной использованъ въ книгѣ „Евреи въ Россіи“.

евреи,—христіанинъ въ допущеніи присяги противъ еврейна преимущество имѣетъ, хотя бы оная по дѣлу слѣдовала бы евреину“ [1]).

Помимо всего указаннаго, зависимость евреевъ отъ магистратовъ сказывалась и въ томъ отношеніи, что изготовленіе и продажа вина, водки, пива и меду были отданы правительствомъ на откупъ магистратамъ, которымъ и было предоставлено право распоряжаться — кому изъ обывателей и за какую сумму денегъ дозволить производить и продавать питія; винные же промыслы составляли одно изъ распространенныхъ занятій среди евреевъ.

Въ 1778 г. въ бѣлорусскихъ губерніяхъ было введено „учрежденіе о губерніяхъ“ (незадолго до того установленное для Имперіи), долженствовавшее, между прочимъ, придать организованность торгово-промышленному классу, поднять его общественное значеніе. Раньше наряду съ группой евреевъ въ Бѣлоруссіи существовали два сословія—крестьянское и купеческое. Теперь христіанскій торгово - промышленный классъ былъ раздѣленъ на два разряда—лица, владѣвшія капиталомъ до 500 р., стали именоваться мѣщанами, а обладавшія большой суммой—купцами: первой, второй и третьей гильдіи, въ зависимости отъ капитала. При такихъ условіяхъ торгово-промышленный классъ долженъ былъ пополниться притокомъ свѣжимъ силъ. Купцы пользовались тѣмъ преимуществомъ, что освобождались отъ подушнаго налога; они платили извѣстный процентъ съ объявленнаго ими „по совѣсти“ капитала. При этомъ бѣлорусскіе купцы и мѣщане стали, совмѣстно, пользоваться такимъ же самоуправленіемъ, какое было вновь предоставлено прочему русскому торгово-промышленному сословію. Органами самоуправленія служили въ посадахъ — ратуши, состоявшія изъ бургомистра и двухъ ратмановъ, въ городахъ — магистраты, въ составѣ двухъ бургомистровъ и четырехъ ратмановъ; кромѣ того, существовали словесные суды и должность городскихъ старостъ. Всѣ эти лица избирались только изъ среды купечества и мѣщанства, а не изъ городского населенія вообще. Вначалѣ магистраты представляли собою преимущественно судебное учрежденіе, но уже вскорѣ на нихъ стали возлагаться обязанности административнаго характера—они взыскиваютъ сборы, исполняютъ функціи, относящіяся къ торговой полиціи, принимаютъ новыхъ членовъ въ торгово-промышленное сословіе [2]).

Составляя группу, оторванную отъ прочаго населенія въ податномъ и административномъ отношеніи, образуя какъ бы особое „сословіе“, представленное кагаломъ, евреи не могли войти

---

[1]) Архивъ сената, 1797 г., № 49.

[2]) Дитятинъ, Устройство и управленіе городовъ, стр. 394 и др.

въ общую массу торгово-промышленнаго класса, не могли воспользоваться предоставленной ему организацiей. А между тѣмъ извѣстная сплоченность, которую создавала эта организацiя въ христiанскомъ торгово-промышленномъ классѣ, должна была угрожать евреямъ, столь близко соприкасавшимся съ нимъ по своей торгово-промышленной дѣятельности. Чтобы войти въ органы общественнаго самоуправленiя, надо было прежде всего превратиться изъ „евреевъ" въ купцовъ и мѣщанъ, сдѣлаться составною частью городского торгово-промышленнаго сословiя.

Ставъ русскими подданными, бѣлорусскiе евреи не перемѣнили своего мѣста жительства, не обратились къ какимъ-либо новымъ занятiямъ. Все осталось по старому, т. е. такъ, какъ было въ польское время,—евреи и въ городахъ, и въ панскихъ помѣстьяхъ занимались торговлей и промыслами. Проживавшiе въ уѣздахъ представляли собою, подобно своимъ городскимъ собратьямъ, торгово-промышленный элементъ. И такъ какъ евреи, осѣвшiе по деревнямъ и селамъ, были, вмѣстѣ съ тѣмъ, приписаны къ кагаламъ, учрежденнымъ въ городскихъ поселенiяхъ, вслѣдствiе чего находились въ податномъ и административномъ отношенiи въ вѣдѣнiи тѣхъ же учрежденiй (кагалъ, провинцiальная канцелярiя), которымъ были подчинены городскiе евреи, то благодаря этому все еврейское населенiе носило характеръ городского торгово-промышленнаго класса. Евреи, такимъ образомъ,имѣли формальное право хлопотать о томъ, чтобы ихъ слили съ христiанскимъ купечествомъ.

Неизвѣстно, была ли у евреевъ увѣренность, что, преобразившись въ купцовъ, они станутъ равноправными членами торгово-промышленнаго сословiя. И возможно сдѣлать предположенiе, что помимо надежды на вступленiе въ органы самоуправленiя, инициаторы ходатайства о включенiи евреевъ въ общiй составъ торгово-промышленнаго сословiя руководствовались и другими соображенiями, а именно, какъ объ этомъ будетъ далѣе сказано, объ избавленiи себя отъ власти кагала.

Домогательство евреевъ о припискѣ въ купечество не могло не встрѣтить сочувствiя со стороны Екатерины II, которая такъ заботилась объ устроенiи и благосостоянiи городовъ и ожидала въ этомъ отношенiи услугъ со стороны торгово-промышленнаго населенiя,—отъ этого „средняго рода людей", говорила государыня, „государство много добра ожидаетъ". Евреи представляли собою тотъ именно элементъ, котораго не хватало въ городахъ. Екатерина II удовлетворила ходатайство евреевъ, [1]) при чемъ

[1]) Именной указъ 7 янв. 1780 г. на имя бѣлорусскаго генер.-губернатора гласилъ: „На представленiе ваше относительно просьбы евреевъ, обитающихъ въ

предуказала взимать съ купцовъ евреевъ сборъ съ капиталовъ въ томъ же размѣрѣ (одинъ процентъ), какой установленъ для прочаго населенія.

Евреи широко воспользовались правомъ записываться въ купечество: въ 1784 г. въ Могилевской губерніи изъ 15593 евреевъ, обложенныхъ государственнымъ сборомъ, вошли въ купечество 1513 душъ (почти 10%), въ то время какъ среди христіанскаго торгово-промышленнаго класса изъ 7522 душъ записалось въ купечество всего 404 (около $5^1/_2$%). Въ Полоцкой губерніи евреи уступили въ процентномъ отношеніи христіанамъ, среди которыхъ купцы составили около $7^1/_2$%, но все же и здѣсь изъ среды еврейскаго населенія записалось [1]) въ купечество — около $6^1/_2$%.

Естественно, что часть еврейскаго населенія, записавшаяся въ купечество, оторвалась отъ той административной единицы, которая до сихъ поръ именовалась „евреи". Разъ рубрика „евреи" впредь уже не могла представлять в с е г о еврейскаго населенія, ея существованіе являлась ненужнымъ, невозможнымъ. И потому долженъ былъ возникнуть вопросъ, какъ же быть теперь съ тѣми евреями, которые не вошли въ составъ купечества? Для нихъ былъ одинъ путь—не имѣя возможности примкнуть ни къ крестьянству, ни къ дворянству, они должны были войти въ ту группу городского населенія, для котораго, въ виду недостатка капитала, доступъ въ купечество былъ закрытъ,—т. е., въ сословіе мѣщанъ.

Врядъ-ли, однако, еврейская масса желала перейти въ мѣщанство—это превращеніе не было выгодно, такъ какъ для мѣщанъ поголовный сборъ былъ установленъ въ размѣрѣ шестидесяти коп., а для евреевъ—всего пятидесяти коп. [2]) По этому вопросу возникла, повидимому, переписка между бѣлорусской администраціей и Петербургомъ, и лишь въ 1783 г. евреи, не записавшіеся въ купечество, были включены въ мѣщанство. Тогда же послѣдовало распоряженіе: „евреи, въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ пребывающіе, долженствуютъ обложены быть податьми по состояніямъ,

---

Могилевской и Полоцкой губерніяхъ, о дозволеніи имъ записываться въ купечество, мы чрезъ сіе вамъ волю нашу объявляемъ, что въ томъ имъ препятствовать не должно". Въ отношеніи уплаты процентнаго сбора была сдѣлана ссылка на ст. 47 прилож. къ манифесту 17 Марта 1775 г. — Въ 1781 г. было подтверждено, что процентный сборъ со всѣхъ взимается въ одинаковомъ размѣрѣ, независимо отъ вѣроисповѣданія купца.

[1]) Извлечено мною изъ подлинныхъ окладныхъ книгъ. Данныя о Полоцкой губерніи относятся къ 1787 г.; въ 1784 г. евреи въ окладныхъ книгахъ не были выдѣлены изъ общаго состава купечества и мѣщанства.

[2]) Въ 1779 г.; Первое полн. собраніе закон., № 14892.

въ какое они запишутся, безъ различія закона и народа“ [1]), — думается, что этими строками не имѣлось въ виду оповѣстить, что для евреевъ сборъ не будетъ установленъ въ высшемъ размѣрѣ, чѣмъ для христіанъ; напротивъ, указъ имѣлъ цѣлью довести прежнюю, меньшую по размѣру еврейскую подать,до нормальной, обязательной для прочаго мѣщанства.

Слѣдуетъ добавить, что не всегда обывателямъ разрѣшалось вступить въ это сословіе—все зависѣло отъ правительственной власти, а послѣдняя обычно руководствовалась соображеніями о казенной пользѣ. Предоставивъ евреямъ право массового вступленія въ купечество и мѣщанство, правительство сдѣлало не совсѣмъ обычный шагъ; оно предвидѣло, надо думать, что это принесетъ казнѣ матеріальную выгоду; извѣстно, напр., что въ это же время правительство выразило недовольство по поводу того, что въ одной русской губерніи записалось много мѣщанъ, что „отнюдь не сходствуетъ съ казенной пользой, причиняя всегда пониженіе въ государственныхъ доходахъ, а при томъ и для городовъ никакой пользы не приноситъ въ разсужденіи видимой бѣдности записавшихся въ мѣщане“ [2]). Какъ бы то ни было, въ 1783 г. все еврейское населеніе было распредѣлено по двумъ сословіямъ—купеческому и мѣщанскому.

Теперь для евреевъ наступилъ рѣшительный моментъ. Что ждетъ ихъ впереди? Будутъ ли они признаны равноправными членами торгово-промышленнаго сословія, или же, вступивъ въ мѣщанское и купеческое общество, они и здѣсь останутся, по прежнему, обособленной группой, какъ въ Польшѣ, гдѣ, замкнутые въ кагалѣ, они совершенно не соприкасались съ христіанами въ общественной жизни. Наименованіе купцовъ и мѣщанъ связало формально евреевъ съ прочимъ населеніемъ, но не сохранитъ ли безправіе прежнюю общественную оторванность евреевъ? Вопросъ шелъ о томъ, предоставятъ ли евреямъ право участвовать въ избраніи должностныхъ лицъ сословнаго — купеческаго и мѣщанскаго — самоуправленія и самимъ занимать соотвѣтствующія должности.

Въ 1783 г. происходили выборы. Евреи, какъ видно, приняли въ нихъ участіе, но когда нѣкоторые изъ нихъ были избраны на должности, начался протестъ со стороны обывателей (а можетъ быть и со стороны нѣкоторыхъ администраторовъ) противъ допущенія евреевъ къ занятію должностей.

---

[1]) Перв. полн. собр. закон., № 15724, ч. III, § 6. Для мѣщанъ подать была установлена въ размѣрѣ 1 р. 20 к., причемъ было прекращено взиманіе сбора за винную продажу.

[2]) Перв. полн. собраніе законовъ, № 15459.

Тогда-то для Екатерины II наступило время заявить о томъ, о чемъ не было сказано десять лѣтъ назадъ въ торжественномъ манифестѣ о присоединеніи края. Когда до нея дошло извѣстіе о сомнѣніяхъ, возникшихъ относительно права евреевъ занимать общественныя должности, она велѣла генералъ-прокурору Вяземскому сообщить новому бѣлорусскому генералъ-губернатору Пассеку о высочайшемъ повелѣніи: „если евреи, въ купечество записавшіеся, по добровольному согласію общества, выбраны будутъ къ каковымъ либо должностямъ въ сходственность высочайшаго учрежденія [1]), то и не могутъ они удержаны быть отъ вступленія въ дѣйствительное возложенныхъ на нихъ должностей отправленіе“ [2]).

Такимъ образомъ, евреи, переставъ быть особымъ своеобразнымъ „сословіемъ“, устраненнымъ отъ участія въ общественно-государственной дѣятельности, превратились въ гражданъ. Говоря о евреяхъ, записавшихся „въ купечество“, государыня имѣла въ виду не однихъ только купцовъ, но всѣхъ евреевъ—подъ словомъ „купечество“ подразумѣвался, несомнѣнно, весь торгово-промышленный классъ. Не только евреи-купцы, но и евреи-мѣщане, подобно христіанамъ, приняли участіе въ сословныхъ выборахъ.

Повелѣніе Екатерины II о предоставленіи евреямъ доступа въ органы общественнаго самоуправленія взволновало нѣкоторые круги христіанскаго населенія. Вражда къ евреямъ сплотила представителей различныхъ общественныхъ классовъ. На бѣлорусское еврейство надвинулась опасность. Писатель Соломонъ Беннетъ, жившій въ ту пору въ Бѣлоруссіи, передаетъ, что окружающее общество стало подкапываться подъ потомство Якова; старая вражда католиковъ къ евреямъ не была еще забыта. Перваго генералъ-губернатора графа Чернышева, относившагося, какъ надо думать, благопріятно къ евреямъ, смѣнилъ въ 1782 г. Пассекъ, и вслѣдъ за этимъ евреи стали подвергаться различнымъ стѣсненіямъ. „Между польскимъ дворянствомъ и шляхетствомъ— говоритъ Соломонъ Беннетъ — и русскимъ генералъ-губернаторомъ, губернаторами и оберъ-интендатами составились заговоры съ цѣлью лишить евреевъ ихъ правъ [3]), подъ предлогомъ значительныхъ выгодъ, которыя отъ этого проистекутъ для дворянства, шляхетства и даже для казны. При первомъ нападеніи у евреевъ отняли пивоваренные и винокуренные заводы, таможни,

---

[1]) Т. е. „Учрежденія о губерніяхъ“.

[2]) Письмо Вяземскаго отъ 13 мая 1783 г. Это повелѣніе не приведено въ полномъ собраніи законовъ; я извлекъ его изъ упомянутаго дѣла изъ архива сената.

[3]) Къ исторіи западно-русскихъ евреевъ. Еврейская Библіотека, т. IV. Рѣчь шла о винныхъ промыслахъ. См. дальше, стр. 153—154.

постоялые дворы и т. д., что составляло большую часть ихъ промысловъ (я самъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые пострадали отъ этихъ распоряженій); тысячи семействъ повергнуты были въ нищету, потому что у нихъ отняли средства къ пропитанію. Сверхъ того, сдѣланы были еще нововведенія относительно торговли, ремеслъ и т. д. Но нападеніе, которое предприняли противъ ихъ генеалогіи нравовъ и доброй совѣсти, было имъ страшнѣе всѣхъ прежнихъ несправедливостей. Также рѣшено было съ этихъ поръ не допускать евреевъ быть свидѣтелями и не допускать ихъ къ присягѣ ни въ какомъ судебномъ мѣстѣ. Что еще можно было ожидать послѣ этого, кромѣ окончательнаго истребленія?“.

Беннетъ, самъ пострадавшій отъ мѣропріятій администраціи, къ тому же много лѣтъ спустя записавшій впечатлѣнія юности, нѣсколько сгустилъ, какъ кажется, краски. Евреи, дѣйствительно, подверглись въ это время стѣсненіямъ, ихъ лишили права заниматься винными промыслами и жить въ селахъ и деревняхъ. Но, какъ будетъ видно въ дальнѣйшемъ, это явилось результатомъ не одного только злого умысла, но также и несоотвѣтствія между тѣми формами, которыя еврейская жизнь приняла въ Польшѣ, и условіями русскаго общественно-государственнаго строя. Мѣропріятія, вызванныя этимъ обстоятельствомъ, тяжело отразились на благосостояніи бѣлорусскаго еврейства, именно потому, что они были осуществлены въ атмосферѣ вражды къ евреямъ. Бѣдствія, обрушившіяся на евреевъ, создавъ въ окружающемъ населеніи представленіе, будто евреи лишены правительственной защиты, оживили надежду, что евреи будутъ оставлены въ такомъ же положеніи, въ какомъ они были въ Польшѣ. Въ этихъ-то условіяхъ христіанскій торгово-промышленный классъ Полоцкой губерніи задумалъ воспротивиться избранію евреевъ на общественныя должности.

Въ 1784 г. происходили выборы бургомистровъ и ратмановъ— на трехлѣтіе, членовъ словесныхъ судовъ и старостъ—на срокъ одного года. Высшая бѣлорусская администрація предписала могилевскому и полоцкому намѣстническимъ правленіямъ держаться слѣдующей системы: въ городахъ, гдѣ численно преобладаетъ еврейское населеніе, привлекать евреевъ къ выборамъ въ томъ же числѣ, какъ и христіанъ—не болѣе, руководствуясь правилами депутатскихъ выборовъ, согласно которымъ сто „выборщиковъ“, избранные изъ мѣстнаго населенія, производили выборы безъ участія остальныхъ обывателей; въ городахъ же, гдѣ евреевъ меньше, чѣмъ христіанъ,—тамъ допускать къ выборамъ все купеческое и мѣщанское населеніе по обычному порядку. Вслѣдствіе этого въ Могилевѣ, Оршѣ и Мстиславѣ къ выборамъ были

Численное соотношеніе между христіанскимъ и еврейскимъ торгово-промышленными классами въ Бѣлоруссіи.

МОГИЛЕВСКАЯ ГУБЕРНІЯ.	1772 г. *) Мужч. и женщ.			1783 г. **). Мужчинъ, обложенныхъ податью:						1784 г. ***).
	Въ городахъ и мѣстечк.		Въ уѣздн. посел.	Въ городахъ и уѣздныхъ поселеніяхъ.						Евреи въ уѣздн. поселеніяхъ.
				Христіане.			Е в р е и.			
	Христ.	Евреи.	Евреи.	Купцы	Мѣщ.	Итого.	Купцы	Мѣщ.	Итого.	
Могилевъ	—	—	—	196	2703	2899	375	2709	3084	1985
Чаусы	—	—	—	8	724	732	110	1337	1447	410
Быховъ	—	—	—	—	—	—	—	1132	1132	?
Орша	—	—	—	16	494	510	83	1248	1331	990
Копысь	—	—	—	11	589	600	85	1413	1498	483
Бабиновичи . . .	—	—	—	1	69	70	193	969	1162	1007
Сѣнно	—	—	—	—		—	—	439	439	?
Мстиславъ . . .	—	—	—	5	906	911	76	1221	1297	782
Климовичи . . .	—	—	—	38	366	404	58	1049	1107	1111
Чериковъ	—	—	—	34	744	778	63	802	865	795
Рогачевъ	—	—	—	11	255	266	88	1101	1189	1202
Бѣлицы	—	—	—	1	276	277	30	838	868	869
Всего .	—	32624	—	321	7126	7447	1161	14258	15419	9634
ПОЛОЦКАЯ (ВИТЕБСКАЯ) ГУБ.										
Витебскъ	4155	1227	797	252	2997	3249	175	857	1032	296
Себежъ	722	113	449	42	440	482	—	328	328	272
Динабургъ . . .	299	136	1597	5	121	126	—	783	783	680
Люцинъ	373	66	1241	23	235	258	8	525	533	466
Рѣжица	93	—	1158	16	28	44	1	546	547	503
Дрисса	107	21	1296	7	93	100	2	728	730	706
Городокъ . . .	255	391	763	48	199	247	46	441	487	288
Полоцкъ	912	1013	710	126	518	644	159	996	1155	718
Велижъ	2269	22	629	74	1953	2027	27	533	560	399
Суражъ	627	8	640	—	402	402	36	766	802	789
Невель	1670	250	650	53	838	891	13	452	465	332
Мѣстечки въ губ.	5128	1878	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего .	16610	5125	9930	646	7824	8470	467	6955	7422	5449
		15055								

*) Данныя 1772 г. о Могилевской губ. взяты изъ записки Каховского.

Данныя 1772 г. о Полоцкой губ. извлечены изъ статьи X. Коробкова, „Еврейская Старина“, 1912 г., стр. 164—177, табл. №№ 3 и 4; въ этихъ таблицахъ отсутствуетъ Невельскій уѣздъ; чтобы восполнить этотъ пробѣлъ я извлекъ данныя изъ таблицы № 1, въ которой указаны лишь мужчины и помножилъ цифру вдвое, такъ какъ женщинъ всюду было въ то время почти столько же, сколько мужчинъ.

**) Данныя 1783 г. о Могилевской и Полоцкой губерніяхъ взяты мной изъ архивнаго источника—подлинныхъ окладныхъ книгъ, хранящихся въ министерствѣ финансовъ, по департаменту окладныхъ сборовъ. Цифры, касающіяся Полоцкой губерніи, фактически относятся къ 1787 г., но онѣ подходятъ и къ 1783 г.,—разница въ численности еврейск. населенія небольшая; въ 1784 г. (объ источникѣ—см. ниже) числилось 7426 душъ, а въ 1787 г.—7422 души.

***) Цифры 1784 г. извлечены мной изъ архива сената: дѣло I отд., 3 деп., 1797 г. № 49.

приглашены по сто „выборщиковъ“ и среди нихъ евреи „съ равною, противу живущихъ въ тѣхъ городахъ христіанъ, пропорціей“, въ остальныхъ же городахъ въ выборахъ участвовало все общество—купцы и мѣщане—какъ христіанское, такъ и еврейское [1]). Въ результатѣ изъ евреевъ оказались избранными:

Общественныя должности.	Могилевъ.	Орша.	Мстиславль.	Копысь.	Черикокъ.	Климовичи.	Рогачевъ.	Бѣлица.	Чаусы.	Бабиновичи.	Всего.
Бургомистръ	—	—	1	1	1	1	1	1	1	—	7
Ратманъ	—	—	1	1	2	2	1	2	—	—	9
Судья словеснаго суда .	1	1	1	1	1	1	1	—	—	1	8
Староста	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
Всего . .	1	1	3	3	4	5	3	3	1	1	25

Таблица распредѣленія этихъ должностныхъ лицъ по городамъ даетъ представленіе о томъ, какъ неблагопріятна была для евреевъ система выборовъ, произвольно примѣненная въ иныхъ городахъ, гдѣ евреи численно преобладали надъ христіанами. Въ Могилевѣ и Оршѣ ни одинъ еврей не былъ избранъ въ магистратъ [2]), — прошли лишь по одному словесному судьѣ [3]). Да и въ Мстиславѣ евреи могли расчитывать на большее число мѣстъ; въ Климовичахъ и Чериковѣ, гдѣ выборы оказались особенно благопріятны для евреевъ, преобладаніе евреевъ надъ христіанами было менѣе значительно, чѣмъ въ Оршѣ. При всемъ томъ, выборы въ губерніи прошли безъ замѣшательства.

---

[1]) По сообщенію могилевск. намѣстническаго правленія, евреи допущены были къ выборамъ: „во многолюдныхъ городахъ, какъ то Могилевѣ, Оршѣ, и Мстиславѣ съ равною въ предписанное намѣстическимъ правленіемъ число сто человѣкъ кандидатовъ, противу живущихъ въ тѣхъ городахъ христіанъ препорціею, и въ протчихъ городахъ сколько оныхъ евреевъ тамъ обще съ христіанами въ жительствѣ обрѣтаются такихъ, которые къ таковому выбору достойны“. Могилевскій магистратъ писалъ въ 1786 г.: „да и къ выборамъ на должности допустить ихъ (т. е. евреевъ) въ тѣхъ городахъ, гдѣ изъ нихъ евреевъ находится числомъ больше — тамъ противу христіанъ въ равной пропорціи, а въ которыхъ городахъ меньше—въ тѣхъ столько, сколько изъ евреевъ имѣется въ жительствѣ своими домами, какъ оное и до сего происходило“. Оба сообщенія извлечены изъ упомянутаго выше дѣла изъ архива сената.

[2]) Въ 1784 г. въ уѣздахъ (по даннымъ, извлеченнымъ мною изъ окладныхъ книгъ) числилось лицъ, обложенныхъ податью:

	Могилевск.	Оршанск.	Мстислав.	Чериковск.	Климовичск.
Христ.-купцы: . . .	220	20	18	37	41
Христ.-мѣщ.: . . .	2692	491	893	742	369
Евреи-купцы: . . .	450	167	97	65	107
Евреи-мѣщ.: . . .	2616	1202	1192	847	1093

[3]) Словесные суды, въ составѣ одного бургомистра и двухъ выборныхъ отъ купечества, играли второстепенную роль въ сословномъ самоуправленіи.

Иная картина представляется въ Полоцкой губерніи. Здѣсь была примѣнена та-же система выборовъ, что и въ Могилевской губерніи, но витебскій магистратъ, созвавъ сто выборщиковъ, назначилъ среди нихъ лишь двадцать пять евреевъ. Витебскій кагалъ не замедлилъ (мартъ 1784 г.) обратиться съ жалобой къ администраціи, и тогда было повелѣно, не назначая ста выборщиковъ, всѣмъ евреямъ и христіанамъ, „наличнымъ обществомъ" произвести выборы городского головы и судей. Когда же и въ городецкомъ магистратѣ [1]) при выборѣ головы и магистратскихъ членовъ евреи не были допущены къ выборамъ, всѣмъ магистратамъ въ намѣстничествѣ были посланы указы съ истолкованіемъ, что по смыслу высочайшаго повелѣнія „евреевъ не только самихъ выбирать къ должностямъ, но до выбора христіанъ допускать съ обществомъ нѣтъ сомнѣнія, предоставляя на волю каждому силу узаконеннаго балотированія", т. е., что евреи и христіане, не образуя отдѣльныхъ курій, производятъ выборы совмѣстно, а потому евреи участвуютъ въ избраніи кандидатовъ и на такія должности, на каковыя они сами тогда не претендовали (повидимому, городского головы). Въ Полоцкой губерніи оказались избранными изъ среды евреевъ лишь немногіе: въ одномъ городѣ—бургомистръ [2]) и ратманъ, въ другомъ—два ратмана. Это объясняется, въ извѣстной мѣрѣ, численнымъ преобладаніемъ христіанъ [3]); но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ евреямъ не была дана свобода выборовъ, и кагалы, участвовавшіе въ организаціи выборовъ, рѣшили протестовать противъ допущенныхъ стѣсненій.

Выше было отмѣчено, что когда послѣдовало высочайшее разъясненіе, что евреевъ можно выбирать на общественныя должности, евреямъ запретили заниматься винными промыслами и проживать въ селахъ и деревняхъ. Это было вызвано, съ одной стороны, тѣмъ обстоятельствомъ, что еврейское населеніе вошло въ составъ русскаго торгово-промышленнаго класса, обязаннаго жить въ городахъ а съ другой — желаніемъ правительства ввести въ бывшемъ польскомъ краѣ, не считаясь съ мѣстными соціально-

---

[1]) Въ 1772 г. въ Городкѣ проживало мужчинъ: христіанъ 125, евр. 194; въ 1787 г. во всемъ Городецкомъ уѣздѣ христ.-купц. — 48; евр.-купцовъ — 46; христ.-мѣщанъ—199; евр.-мѣщанъ 441.

[2]) Авторъ книжки: „Beantwortung der Bemerkungen über die Duldung der Juden" (Митава, 1787) сообщаетъ, что въ Велижѣ на должность бургомистра былъ избранъ еврей, однако въ то время въ Велижѣ было очень мало евреевъ.

[3]) Въ 1772 г. въ Витебскѣ имѣлось мужчинъ: христ. 2157, евр. 573; въ 1787 г. въ уѣздѣ вмѣстѣ съ Витебскомъ: христ.-купц. 252; евр.-купц. 175; христ.-мѣщ. 2997; евр.-мѣщ. 857.

экономическими условіями, тотъ общественно-государственный порядокъ, который существовалъ въ Великороссіи.

Остановимся сперва на вопросѣ о проживаніи евреевъ внѣ городовъ.

Посадское общество, т. е. тотъ слой русскаго населенія, съ которымъ евреи слились въ гражданской жизни, не пользовалось свободой передвиженія; посадскіе тяглецы были прикованы къ своему обществу, такъ какъ уходъ знатныхъ купцовъ понижалъ платежную способность оставленнаго посада. Переходъ членовъ одного посада въ другой зависѣлъ отъ усмотрѣнія петербургскаго главнаго магистрата (1744 г.). Правда, фактически самовольные переходы изъ одного посада въ другой совершались довольно часто и оставались безнаказанными, но правовое сознаніе общества смотрѣло на это, какъ на нарушеніе закона. Съ другой стороны, правительство нерѣдко насильственно переселяло посадскихъ тяглецовъ въ дальній край для „заведенія купечества": по требованію правительства „переводилось по наряду извѣстное количество переведенцевъ изъ опредѣленныхъ посадскихъ обществъ". Еще въ концѣ восемнадцатаго вѣка при заселеніи новыхъ крѣпостей высылали принудительно опредѣленное число купеческихъ и цеховыхъ семействъ [1]).

Стремясь развить торговлю, Екатерина II сняла путы съ купечества, дала ему свободу передвиженія. Но старый взглядъ, будто сложныя экономическія явленія можно разрѣшать росчеркомъ пера, не былъ еще забытъ. И вотъ, усмотрѣвъ причину „непорядковъ" въ Олонецкой губерніи въ томъ, что мѣщане и купцы, не переселяясь въ города, „остаются въ селеніяхъ крестьянскихъ, пользуясь прибытками сихъ послѣднихъ съ крайнимъ ихъ утѣсненіемъ", государыня предписала (1782 г.), чтобы по всей Россіи купцы и мѣщане, проживающіе въ уѣздахъ, были немедленно переселены въ города [2]).

Среди прочаго купечества и мѣщанства, эта мѣра должна была, конечно, распространиться и на евреевъ.

---

[1]) Кизеветтеръ, Посадская община въ Россіи XVIII ст., (М., 1903 г.) стр. 51, 54.

[2]) Арх. сената, № 49, 1797 г.—Указъ сенату послѣдовалъ 7 февр. 1782 г. Соотвѣтствующій указъ былъ разосланъ сенатомъ по всѣмъ губернскимъ правленіямъ 31 января 1783 г. (С. Бершадскій, Положеніе о евреяхъ 1804 г., Восходъ, 1895 г., кн. VI, ст. 37).

Въ 1782 г. сенатъ сдѣлалъ вологодскому генералъ-губернатору слѣдующее предписаніе по поводу мѣщанъ, проживавшихъ въ уѣздѣ, при чемъ онъ сослался на упомянутый указъ 7 февраля,—„буде бы таковые гдѣ либо случились, то ихъ надлежитъ конечно понудить, чтобы они поселились на мѣстахъ въ городахъ и предмѣстьяхъ ихъ при промыслахъ и упражненіяхъ, званію ихъ свойственныхъ". Перв. полн. собраніе зак. № 15459.

Требованіе о проживаніи всѣхъ купцовъ и мѣщанъ въ городахъ было, вообще, трудно провести на практикѣ, и правительство не разъ впослѣдствіи повторяло упомянутое распоряженіе, такъ какъ христіане-купцы и мѣщане по прежнему оставались въ уѣздахъ. Но особенно суровымъ и въ полномъ несоотвѣтствіи съ экономическими условіями мѣстной жизни оказалось это требованіе въ примѣненіи къ бѣлорусскимъ евреямъ,—оно угрожало имъ, камъ мы сейчасъ увидимъ, неисчислимыми матеріальными бѣдствіями. Но помимо того, это мѣропріятіе должно было повлечь за собою для евреевъ такія послѣдствія, которыя никто не могъ предвидѣть. Переселяя русскихъ купцовъ и мѣщанъ въ города, администрація видѣла предъ собою группу лицъ, составлявшихъ часть русскаго населенія. Когда же стали выселять евреевъ, то оказалось, что репрессивной мѣрѣ подвергается поголовно все еврейское населеніе, жившее въ уѣздахъ, ибо кромѣ купцовъ и мѣщанъ среди евреевъ не было членовъ другихъ сословій. Такимъ образомъ, мѣра, въ одинаковой степени распространявшаяся на русскій и на еврейскій торгово-промышленный классъ, пріобрѣтала въ отношеніи евреевъ исключительное значеніе. Законъ, касавшійся русскаго торгово-промышленнаго класса, говорилъ объ извѣстной части русскаго населенія; въ примѣненіи же къ евреямъ онъ охватывалъ все еврейское населеніе. Это привело къ тому, что создалось представленіе, будто ограниченіе въ жительствѣ касалось евреевъ не какъ части торгово-промышленнаго класса, а какъ вѣроисповѣдной группы. Мѣра, являвшаяся для христіанскаго населенія частнымъ ограниченіемъ, превращалась для евреевъ въ общее правовое ограниченіе.

Бòльшая часть еврейскаго населенія проживала не въ городахъ, малочисленныхъ и бѣдныхъ, а по уѣзднымъ селеніямъ. Мы знаемъ, что это положеніе создалось въ годы польскаго господства, когда христіанскій городской торговый классъ стремился освободиться отъ конкурентовъ-евреевъ, помѣщики же охотно пользовались услугами евреевъ въ качествѣ арендаторовъ, шинкарей, приказчиковъ и проч. Объ обстоятельствахъ, заставившихъ евреевъ скопиться въ уѣздныхъ поселеніяхъ, русской администраціи было извѣстно. Такъ, могилевскій магистратъ сообщалъ въ одномъ документѣ: „Евреи во время польскаго владѣнія не могли по правамъ имѣть никакихъ движимыхъ по крѣпостямъ (т. е. въ собственности) имѣній... Всякіе откупы, наймы или аренды государственныхъ сборовъ и корчмы имъ запрещены были; торги не инако имѣть могли, какъ въ согласіи и по контрактамъ съ магистратами, да и въ самой куплѣ товаровъ и съѣстныхъ припасовъ не должны были упреждать христіанъ; въ селеніяхъ же и никакой

торгъ имъ дозволенъ не былъ... Не будучи они наравнѣ съ христіанами и не пользуясь тѣми выгодами, какія христіанамъ присвоены, принуждены были искать своей пользы (т. е. заработка), занимаясь арендарями и шинкарями въ селеніяхъ".

Чтобы составить себѣ представленіе о томъ значеніи, которое должна была имѣть для евреевъ мѣра выселенія, надо обратиться къ цифрамъ.

Въ Полоцкой губерніи проживало нѣсколько болѣе четырнадцати тысячъ евреевъ, составлявшихъ 2,76% среди всего населенія въ губерніи; изъ указаннаго числа были водворены въ городахъ и мѣстечкахъ нѣсколько менѣе пяти тысячъ душъ, остальная же еврейская масса—свыше девяти тысячъ—сидѣла по селамъ и деревнямъ. Теперь возникаетъ вопросъ, что представляли собою тѣ городскіе центры, куда должны были направиться эти девять тысячъ человѣкъ? Достаточно сказать, что во всѣхъ городахъ и и мѣстечкахъ губерніи проживало всего то около двадцати тысячъ человѣкъ (христіанъ и евреевъ). Ясно, что незванные гости, лишенные средствъ къ существованію, не имѣвшіе возможности найти заработокъ въ бѣдныхъ городахъ съ примитивнымъ бытомъ, легли бы бременемъ на коренное городское населеніе. Если бы всѣ безъ исключенія, жители городовъ, мужчины и женщины, старцы и дѣти, христіане и евреи, согласились подать помощь вновь прибывшимъ, то каждымъ двумъ аборигенамъ пришлось бы взять на свое попеченіе, на долгіе годы, по одному пришельцу. Однако, бѣдствіе не пало бы въ одинаковой степени на всѣ городскія поселенія. Ища крова и хлѣба, бѣглецы направились бы къ болѣе крупнымъ городскимъ поселеніямъ, и если предположить, что таковыми явились бы уѣздные города, то оказалось бы, что витебчане могли быть еще довольны своей судьбой — одинъ гость пришелся бы на шесть-семь жителей; нѣсколько хуже было бы въ Велижѣ, гдѣ тремъ-четыремъ обывателямъ пришлось бы взять на себя кормленіе одного изгнанника; но въ ужасномъ положеніи очутилися бы Люцинъ—его 439 жителей должны были бы принять болѣе 1200 гостей, иначе говоря, каждый изъ жителей вынужденъ былъ бы содержать чуть ли не трехъ бѣдняковъ; что касается обывателей Рѣжицы, коихъ было всего-то 93 души—и среди нихъ ни одного еврея, то на ихъ долю пришлось бы 1158 пришельцевъ! [1]).

Для Могилевской губерніи нѣтъ подробныхъ данныхъ; все же сохранившійся цифровый матеріалъ свидѣтельствуетъ, что и

---

[1]) Таковое цифровое соотношеніе въ Полоц. губ. относится къ 1772 г.; оно не могло измѣниться въ сколько нибудь значительной степени къ 1783 г., т. е. къ тому времени, когда началось принудительное переселеніе евреевъ.

тамъ города не могли вмѣстить въ себѣ еврейскую массу, подлежавшую удаленію изъ уѣздныхъ поселеній. Въ губерніи было около двадцати трехъ тысячъ лицъ—евреевъ и христіанъ, записанныхъ въ купечество и мѣщанство, и изъ нихъ почти десять тысячъ евреевъ (въ томъ числѣ триста купцовъ) проживали внѣ городовъ. Такимъ образомъ, каждыя двѣ городскія семьи должны были потѣсниться, чтобы дать мѣсто новому пришлому семейству; въ нѣкоторыхъ городахъ обстояло еще хуже; напр., въ Бабиновичахъ къ 225 обывателямъ, платившимъ подать, прибыли бы изъ уѣздовъ 1007 такихъ же лицъ.

Несмотря, однако, на всю очевидность, что переселеніе евреевъ въ города неосуществимо, администрація стала принуждать евреевъ покидать села и деревни.

Въ это же время евреи утратили право курить и продавать водку, и опять-таки это запрещеніе (тѣсно связанное съ вопросомъ о проживаніи въ уѣздныхъ поселеніяхъ, гдѣ помѣщики отдавали въ аренду куреніе и продажу водки) было установлено отнюдь не спеціально для евреевъ; но, касаясь лишь опредѣленной части русскаго общества, запретъ оказался обязательнымъ для всего еврейскаго населенія, а потому получилъ характеръ какъ бы особаго правового ограниченія евреевъ.

Винные промыслы являлись заманчивой статьей доходовъ, составляя значительную часть бюджета частныхъ и юридическихъ лицъ. Изъ-за обладанія винной монополіей происходила борьба. Въ городахъ шинковали магистраты, а въ уѣздахъ, какъ писалъ нѣсколько позже очевидецъ,—„курятъ вино владѣльцы, курятъ панцырные бояре, окольная шляхта, попы, разныхъ орденовъ монахи и жиды“ [1]). Сперва въ Бѣлоруссіи доходы отъ питейныхъ промысловъ (приготовленіе и продажа вина, водки, пива и меда) въ городахъ были предоставлены (1772 г.) магистратамъ, которые и уплачивали за это казнѣ извѣстную сумму денегъ, въ зависимости отъ численности населенія; магистратъ, съ своей стороны, передавалъ это право отдѣльнымъ обывателямъ за соотвѣтствующее вознагражденіе. Случалось, что магистратъ уступалъ свое право кагалу, который и бралъ на себя отвѣтственность за поступленіе суммы, причитавшейся казнѣ. Затѣмъ былъ введенъ другой порядокъ: право питейнаго промысла стало принадлежать каждому обывателю въ отдѣльности и за это населеніе было обложено спеціальнымъ сборомъ [2]). Но въ 1783 г., въ цѣляхъ умноженія государственныхъ доходовъ, право винокуренія и продажи питей

---

[1]) Поэтъ Державинъ, посѣтившій Бѣлоруссію въ 1800 г.

[2]) Перв. полн. собраніе закон., № 14892.

было предоставлено: въ деревняхъ казеннаго вѣдомства—казнѣ, въ городахъ — магистратамъ, въ частно-владѣльческихъ деревняхъ—помѣщикамъ, а сборъ съ обывателей былъ отмѣненъ [1]).

Такимъ образомъ, евреи, подобно прочему городскому населенію, утратили непосредственное право на винные промыслы. Но законъ не препятствовалъ имъ, подобно прочимъ обывателямъ, брать винные промыслы на откупъ у магистрата. Но въ атмосферѣ вражды къ евреямъ, вызванной уравненіемъ ихъ въ сословныхъ правахъ, магистраты, очевидно, рѣшили не передавать откуповъ евреямъ, и винокурни послѣднихъ были закрыты. Многіе евреи разорились [2]) и стали направляться въ уѣзды. А между тѣмъ, оттуда въ это именно время стали удалять евреевъ. Къ тому же мѣстная администрація запретила заниматься винными промыслами всѣмъ обывателямъ,—въ томъ числѣ и евреямъ—жившимъ на помѣщичьихъ земляхъ. Было опубликовано (29 сентября 1783 г.) по уѣздамъ, что „прямое правило предлежитъ каждому гражданину употребить себя къ торговлѣ и ремеслу, состоянію его приличному, а не куренію вина, яко промыслу совсѣмъ для него не свойственному“, причемъ было указано, что „если кто изъ помѣщиковъ на аренду отдастъ или другимъ какимъ образомъ уступитъ въ своихъ деревняхъ куреніе вина купцу, мѣщанину или жиду, тотъ сочтенъ будетъ яко преступникъ узаконеній, не брегущій собственной своей пользы дарованнаго отъ Ея Имп. Величества права винокуренія“ [3]).

Бѣлорусское еврейство, въ лицѣ кагальныхъ представителей, рѣшило защищать свои права. Въ Петербургъ была послана депутація. Однако ея задачей было не только довести до свѣдѣнія

---

[1]) Перв. полн. собраніе закон., № 15724.

[2]) Мѣстная администрація представила по этому вопросу слѣдующее объясненіе высшей власти: „винная, пивная и медовая продажа въ городахъ Могилевской губ., гдѣ есть магистраты, отдана онымъ и содержится съ дозволеніемъ варенія пива и меду откупщикамъ въ своихъ или постороннихъ пивоварняхъ, а въ городахъ Полоцкой губерніи отдана на откупъ. Что жъ принадлежитъ до винокуренныхъ заводовъ, оныхъ по городамъ Могилевской губерніи у евреевъ какъ прежде не было, такъ и нынѣ не имѣется, а были и нѣкоторыя теперь есть небольшія винокурни въ пяти городахъ: въ Бабиновичахъ 2, въ Копысѣ 18, въ Оршѣ 5, въ Мстиславѣ 1, въ Рогачевѣ 2, итого 28, которыя, за отдачею винной продажи на откупъ и за крайнею ихъ ветхостью, состоятъ безъ дѣйствія; по городамъ же Полоцкой губерніи деревянныхъ винокуренъ или броваровъ состоитъ: въ Полоцкѣ здоровыхъ 4; ветхихъ 28; въ Себежѣ здоровыхъ 8, ветхая 1; въ Невелѣ ветхая 1; въ Динабургѣ здоровыхъ 3, ветхихъ 2; въ Рѣжицахъ 3; въ Витебскѣ здоровыхъ 68, ветхихъ 15; въ Городкѣ здоровыхъ 4, ветхихъ 3,—итого здоровыхъ 100, ветхихъ 50, въ томъ числѣ нѣкоторыя съ солодовнями, избами и амбарами“.

[3]) Арх. сен., 1797 г. № 49. Опубликовано въ моей книгѣ „Евреи въ Россіи“ стр. 459 (на стр. 293 сдѣлана ошибочно ссылка на другой источникъ).

государыни о невзгодахъ, обрушившихся на евреевъ извнѣ. Депутація, представлявшая кагальную олигархію, преслѣдовала и иную цѣль, а именно укрѣпить, при содѣйствіи правительства, власть кагала. Кагальной организаціи были нанесены удары съ двухъ сторонъ: благодаря вступленію евреевъ въ составъ русскаго торгово-промышленнаго сословія, функціи кагала должны были сузиться; еврей освобождался въ извѣстныхъ случаяхъ отъ опеки кагала. А на ряду съ этимъ, авторитетъ кагала былъ поколебленъ междоусобной религіозной борьбой, вызванной возникновеніемъ хасидизма, расколовшей въ концѣ восемнадцатаго вѣка польско-русское еврейство на два враждебныхъ лагеря. Секта хасидовъ успѣла въ короткое время пріобрѣсти большое вліяніе на народныя массы. Кагалъ прилагалъ всѣ старанія, чтобы сохранить за собою господствующее положеніе. Но, пользуясь новыми условіями гражданской жизни, умалившими значеніе кагала, и религіозной борьбой, подъ знаменемъ которой собрались такъ или иначе страдавшіе отъ гнета кагала, недовольные элементы сумѣли сорганизоваться, стать общественной силой, и кагалъ увидѣлъ себя вынужденнымъ искать для борьбы съ ними помощи у правительства.

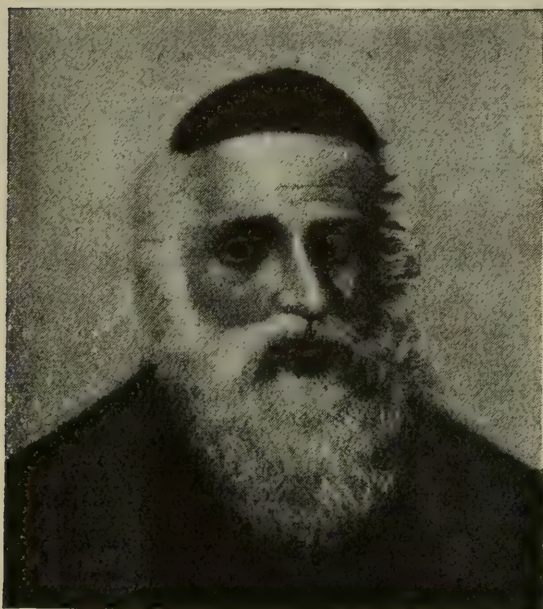
Виднѣйшимъ представителемъ хасидизма на сѣверѣ—литовско-бѣлорусскаго—явился рабби Шнеуръ-Залманъ бенъ Барухъ, или какъ его называли русскіе офиціальные документы, Залманъ Боруховичъ (1747—1812 гг.), основатель такъ назыв. „хабадскаго“ ученія. Отвергая чудодѣйственный элементъ, онъ признавалъ только истинныхъ вѣроучителей; самое слово „цадикъ“ было долгое время неизвѣстно на Литвѣ и въ Бѣлоруссіи; даже враги рабби Залмана называли его „раввиномъ“. Шнеуръ-Залманъ придалъ хасидизму болѣе трезвый раціоналистическій характеръ и спаялъ хасидизмъ со многими элементами раввинизма. Въ ученіи р. Залмана хасидизмъ освободился отъ многихъ суевѣрныхъ представленій. Отличаясь неутомимой энергіей и организаторскими способностями, р. Залманъ занялъ первенствующее положеніе въ хасидскомъ движеніи [1]).

Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій восемнадцатаго вѣка хасидизмъ привлекъ къ себѣ значительную часть населенія Подоліи, Волыни и Украины. Въ Бѣлоруссіи же и на Литвѣ его восприняли лишь немногочисленныя группы, нерѣдко, къ тому же, скрывавшія свою принадлежность къ сектѣ; только къ самому концу восемнадцатаго вѣка хасидизмъ получилъ и здѣсь широкое распространеніе, выдержавъ упорную борьбу съ раввинизмомъ.

---

1) На еврейскомъ языкѣ: M. Teitelbaum, Der Rabh von Ladi, sein Leben, Werke und System, sowie die Geschichte der Sekte Chabad (Варшава, I и II т.т.).

Въ ту пору во главѣ литовскаго раввината стоялъ знаменитый ученый талмудистъ Илія Виленскій (1720—1797 гг.), извѣстный въ народѣ подъ именемъ „гаона". Онъ пользовался исключительнымъ авторитетомъ въ краѣ. Противникъ „пилпула", гаонъ Илія указывалъ, что для правильнаго пониманія талмудическихъ постановленій надо основательно изучить Библію, въ которой таковыя находятъ свои корни; изученіе же Библіи, въ свою очередь, требуетъ полнаго знакомства съ грамматикой еврейскаго языка. И вотъ почему гаонъ Илія считалъ необходимымъ отказаться отъ установившейся системы школьнаго образованія и ввести въ кругъ преподаванія не только талмудическую письменность, но также Библію и еврейскій языкъ. Необходимо изучать, и такія науки, какъ медицина, астрономія, математика. Однако, этимъ наукамъ гаонъ придавалъ лишь служебный характеръ—онѣ нужны, потому, что безъ нихъ нѣкоторые вопросы, о которыхъ говорится въ Библіи и Талмудѣ, не могутъ быть разрѣшены. Вспомогательныя свѣтскія науки должны были, по мнѣнію гаона, укрѣпить въ народномъ сознаніи преданность стариннымъ установленіямъ, которыя отнюдь не подлежатъ измѣненіямъ, не подчиняются условіямъ современной жизни. Законъ незыблемъ; изученіе и строжайшее исполненіе его составляетъ цѣль жизни—таковъ былъ лозунгъ гаона. И вполнѣ понятно, что гаонъ, фанатически преданный обрядовому раввинизму, отнюдь не былъ приверженцемъ широкаго просвѣщенія и не желалъ пріобщенія еврейскаго народа къ культурѣ окружающаго населенія.



Вождь литовскаго раввинизма гаонъ Илія Виленскій.

Гаонъ Илія, поглощенный изученіемъ Закона, стоялъ въ сторонѣ отъ общественной жизни. Но онъ далъ увлечь себя въ борьбу съ хасидскимъ движеніемъ еще тогда, когда на Литвѣ только начали возникать сектантскіе кружки. Въ 1772 г. нѣкоторые виленскіе хасидскіе дѣятели, тайно распространявшіе ученіе, были схвачены кагаломъ и подвергнуты тяжкимъ наказаніямъ, а затѣмъ виленскій раввинатъ, съ одобренія гаона, предалъ херему сектантовъ и выпустилъ воззваніе о преслѣдованіи ихъ; многія общины провозгласили херемъ на хасидовъ и стали подвергать

ихъ гоненіямъ. Однако, подобныя репрессивныя мѣры лишь усилили рвеніе сектантовъ, и, жестоко преслѣдуемые, они встрѣтили сочувствіе со стороны молодежи. Юноши оставляли родителей и вступали въ ряды гонимыхъ. Хасидизмъ сталъ замѣтно усиливаться на Литвѣ.

Въ 1781 г. главари раввинизма сочли нужнымъ вновь выступить противъ сектантовъ. Какъ и нѣсколько лѣтъ назадъ, иниціатива и теперь принадлежала виленскому раввинату, дѣйствовавшему отъ имени гаона. Былъ объявленъ херемъ на хасидовъ. Кромѣ того, виленскій кагалъ командировалъ въ Бѣлоруссію эмиссаровъ для борьбы съ хасидскимъ движеніемъ. Члены гродненскаго окружнаго раввината, собравшись на ярмаркѣ въ м. Зельвѣ, обратились съ посланіемъ къ общинамъ, призывая ихъ принять рѣшительныя мѣры противъ сектантовъ. Такія же воззванія были выпущены раввинами отдѣльныхъ общинъ. Раввинъ изъ Брестъ Литовска, пользовавшійся большимъ авторитетомъ, обнародовалъ посланіе, которымъ призывалъ всѣхъ „соединиться и ополчиться на хасидовъ... искоренить ихъ, преслѣдовать ихъ лично, наносить имъ матеріальный вредъ, гнушаться ихъ, какъ нечистыхъ тварей.“ Въ Бѣлоруссіи состоялись съѣзды раввиновъ, вначалѣ выражавшіе готовность выслушать хасидовъ, но потомъ превратившіеся въ суровыя судилища, не желавшія знать никакой пощады къ инакомыслящимъ. Съѣздъ раввиновъ, состоявшійся въ Шкловѣ, постановилъ распространить на бѣлорусскихъ хасидовъ отлученіе, незадолго до того провозглашенное литовскимъ раввинатомъ. О томъ, къ какимъ послѣдствіямъ это привело, мы узнаемъ изъ посланія р. Залмана, съ которымъ онъ обратился къ съѣзду раввиновъ, созванному въ Могилевѣ въ 1784 г., въ грубой формѣ потребовавшему р. Залмана къ допросу. Предлагая обратиться къ третейскому суду для разрѣшенія спора между хасидами и ихъ противниками, р. Залманъ писалъ: „Прежде, чѣмъ правосудіе озаритъ насъ, произнесите властное слово и разошлите письменныя приказанія по всѣмъ областямъ, чтобы къ обществу вновь были приближены тѣ (хасиды), которые по распоряженію упомянутыхъ духовныхъ лицъ (въ Шкловѣ) были изъ него исключены. Ибо по

Глава бѣлорусскихъ хасидовъ р. Шнеуръ-Залманъ бенъ Барухъ.

примѣру тѣхъ духовныхъ лицъ простонародье тоже возстало на насъ, дабы дѣлать намъ зло. Мы приравнены къ злодѣямъ и настоящимъ отступникамъ, которыхъ убить есть дѣло угодное Богу и спасительное для общества и для души убійцы. Вѣдь если бы не страхъ предъ государственной властью, насъ живьемъ бы проглотили, и такое дѣяніе вмѣнилось бы еще въ заслугу. Втихомолку совершено уже дѣло неслыханное, и дана воля дѣлать имъ (хасидамъ) жизнь несносною, лишать ихъ средствъ къ существованію и доканать ихъ всевозможными средствами...“

Отповѣдь р. Залмана не произвела впечатлѣнія на раввинскій съѣздъ. Р. Залманъ, не явившійся на съѣздъ, чтобы дать объясненія по поводу предъявленныхъ къ хасидамъ обвиненій, былъ заочно осужденъ, прозванъ ересіархомъ. Хасидовъ съѣздъ объявилъ находящимися внѣ закона, ихъ имущество „выморочнымъ“. Вслѣдъ за этимъ чернь въ нѣкоторыхъ городахъ учинила разгромъ хасидскихъ домовъ.

Пока происходила все болѣе разгоравшаяся борьба между раввинистами и хасидами, въ средѣ русскаго еврейства стало собираться силами новое духовное движеніе, одинаково враждебное какъ раввинизму, такъ и хасидизму. Это было, обычно называемое, „мендельсоновское“ движеніе, направленное къ насажденію общаго образованія среди евреевъ.

Извѣстный берлинскій философъ Моисей Мендельсонъ (1729—1786 гг.) говорилъ, какъ и гаонъ, что изученіе Библіи и еврейскаго языка необходимо для пониманія Талмуда; но онъ видѣлъ въ этомъ лишь первый этапъ, который въ дальнѣйшемъ долженъ былъ повести къ общему европейскому просвѣщенію; подобно гаону, Мендельсонъ считалъ необходимымъ сохраненіе обрядности въ неприкосновенности; однако, онъ проповѣдывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ культурное общеніе съ окружающимъ населеніемъ. Самъ Мендельсонъ явился какъ бы олицетвореніемъ союза еврейской традиціи и европейскаго просвѣщенія. Живя въ блестящемъ Берлинѣ, близкій ко многимъ выдающимся нѣмецкимъ писателямъ, Мендельсонъ оставался преданнымъ религіозной обрядности.

Мендельсоновское движеніе проникло и въ среду польско-литовскаго еврейства, гдѣ, впрочемъ, просвѣтительное движеніе зародилось, быть-можетъ, независимо отъ непосредственнаго вліянія Мендельсона. Крупные еврейскіе купцы изъ польско-литовскаго края, имѣя торговыя сношенія съ промышленными центрами Западной Европы, приходили въ соприкосновеніе съ различными кругами христіанскаго общества, отъ котораго и усвоили зачатки европейскаго просвѣщенія. Начиная съ шестидесятыхъ

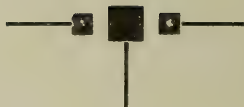
годовъ восемнадцатаго вѣка, появляются произведенія свѣтскаго содержанія. Такъ, раввинъ Іегуда Лебъ Марголіотъ выпустилъ въ 1770 г. книгу по естествознанію, гдѣ называлъ дикарями противниковъ просвѣщенія и указывалъ, что науки нужны „и для знанія Торы, и для жизни".

Мысль о необходимости пріобщиться къ общему образованію должна была принять среди русскихъ евреевъ болѣе реальныя формы тогда, когда они были вовлечены въ обще-гражданскую жизнь. И дѣйствительно, уравненіе евреевъ въ правахъ съ прочимъ населеніемъ пробудило въ наиболѣе образованныхъ бѣлорусскихъ евреяхъ потребность духовно связать еврейское населеніе съ новымъ отечествомъ. 13 мая 1783 г. было послано въ Бѣлоруссію сообщеніе о высочайшемъ повелѣніи открыть евреямъ доступъ къ общественнымъ должностямъ, а уже 15 мая находившійся въ Петербургѣ Яковъ Гиршъ изъ Могилева, горя желаніемъ помочь „невѣжеству и слѣдственно бѣдственному и презрительному состоянію несчастныхъ соотчичей", представилъ правительству записку о поднятіи умственнаго развитія еврейскаго населенія.

Гиршъ имѣлъ уже случай воспользоваться милостью государыни: у него были, несомнѣнно, связи въ столицѣ; повидимому, нѣкоторые русскіе вліятельные люди выразили свое сочувствіе его намѣренію. Можно даже допустить, что Гиршъ хлопоталъ въ Петербургѣ о дарованіи евреямъ гражданскихъ правъ, указывая, что молодое поколѣніе пойдетъ по пути просвѣщенія. Еще будучи въ Могилевѣ, Гиршъ бесѣдовалъ со „значительными изъ единовѣрцевъ" о своемъ проектѣ и они обѣщали содѣйствовать ему. Предвидѣлась, конечно, оппозиція, и потому Гиршъ обратился въ комиссію о народныхъ училищахъ, находившуюся подъ покровительствомъ государыни, съ просьбой „дать на сіе свое соизволеніе и покровительство, дабы благонамѣренное мое предпріятіе не только не было препятствуемо, но еще и споспѣшествуемо". Планъ Гирша заключался въ слѣдующемъ.

Во всѣхъ еврейскихъ поселеніяхъ имѣются небольшія школы (хедера), въ которыхъ преподается Законъ вѣры; въ этихъ „малыхъ" школахъ достаточно упорядочить обученіе и придать самымъ школамъ лучшій видъ; въ большихъ же общинахъ слѣдуетъ учредить „среднія" школы, а въ Могилевѣ главную, образцовую, въ которыхъ, кромѣ Закона вѣры, необходимо преподавать „разныя, благопотребныя сочлену гражданскаго общества, по различію состоянія и предопредѣленія его, нужныя и полезныя науки и художества" (ремесла). Гиршъ предполагалъ опредѣлить сейчасъ же пятьдесятъ бѣдныхъ дѣтей въ могилевскую школу; имущіе

родители, онъ надѣялся, охотно будутъ вносить небольшую плату. Учителями должны быть на первыхъ порахъ только евреи; однихъ можно найти въ Бѣлоруссіи, другихъ вызвать изъ-за границы чрезъ посредство „ученаго Моисея Мендельсона“. Повидимому, Яковъ Гиршъ имѣлъ въ виду подвергнуть измѣненію систему преподаванія вѣроученія: „самое ученіе—писалъ онъ — могло бы также распоряжено быть съ нѣкоторыми нужными перемѣнами по плану, отъ высоко учрежденной Комиссіи изданному“ [1]).



[1]) Яковъ Гиршъ предлагалъ употребить на учрежденіе школъ извѣстную часть коробочнаго сбора, взимаемаго кагаломъ съ населенія. О коробочномъ сборѣ см. главу десятую.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Религіозный расколъ колеблетъ авторитетъ и власть кагала. — Значеніе кагала умаляется также благодаря новымъ условіямъ гражданской жизни евреевъ. — Представители бѣлорусскихъ кагаловъ добиваются возстановленія правъ еврейскаго населенія, нарушенныхъ въ связи со вступленіемъ его въ составъ торгово-промышленнаго класса (жительство въ деревняхъ и селахъ, занятіе винными промыслами) и склоняютъ вмѣстѣ съ тѣмъ правительство къ сохраненію за кагальной организаціей ея прежнихъ функцій. — Христіанское общество противится избранію евреевъ на сословно-городскія должности. — Екатерина II настаиваетъ на признаніи евреевъ равноправными гражданами. — Установленіе „черты еврейской осѣдлости“. — Обстоятельства, вызвавшія эту мѣру, и характеръ ея. — Разселеніе евреевъ по сосѣднимъ губерніямъ. — Расширеніе территоріи еврейской осѣдлости.

Мы видѣли, что въ послѣднія десятилѣтія восемнадцатаго вѣка въ нѣдрахъ русскаго еврейства столкнулись три теченія: раввинизмъ, хасидизмъ и просвѣтительное движеніе. Они боролись между собою, каждое за себя. Случалось, однако, что двѣ группы объединялись противъ третьей. Такъ, позже наступило время, когда раввинисты и хасиды совмѣстно ополчались противъ общаго врага — просвѣщенія. А въ 1781-1784 годахъ, когда столкновеніе между раввинистами и хасидами приняло особенно рѣзкій характеръ, и секта была предана ея противниками проклятію [1]), хасиды, выступивъ противъ кагально-раввинской олигархіи, дѣйствовали, какъ кажется, не безъ помощи представителей болѣе просвѣщенной группы бѣлорусскаго еврейства, — вѣдь и одни, и другіе страдали подъ гнетомъ кагала.

Обостреніе отношеній между раввинистами и хасидами въ Бѣлоруссіи совпало съ тѣмъ моментомъ, когда еврейское населеніе вошло въ составъ русскаго торгово-промышленнаго класса и поступило въ вѣдѣніе общегородскихъ учрежденій, благодаря чему власть кагала потерпѣла ущербъ. И думается, что между этими обстоятельствами была внутренняя связь. Преслѣдованіе со стороны кагала должно было побуждать недовольные элементы выйти тѣмъ или инымъ путемъ изъ-подъ господства кагала, и

[1]) См. выше, стр. 157—158.

магистраты могли служить имъ въ этомъ отношенiи надежнымъ убѣжищемъ.

Инициаторами въ дѣлѣ сближенiя евреевъ съ прочимъ торгово-промышленнымъ классомъ явились, надо полагать, тѣ изъ евреевъ, которые задумали стать купцами, а не мѣщанами. Купцы платили не подушную подать, взымавшуюся съ евреевъ кагалами, а процентный сборъ съ капиталовъ, которымъ вѣдали магистраты. Такимъ образомъ, евреи, становясь купцами, освобождались отъ подчиненiя кагалу въ податномъ отношенiи, а въ связи съ этимъ и за разрѣшенiемъ на отлучки купцы не должны были обращаться къ кагалу. И невольно возникаетъ мысль, — не добивалась ли извѣсгная группа евреевъ вступленiя въ купечество главнымъ образомъ для того, чтобы сбросить съ себя иго кагала? И хасиды, и болѣе образованные евреи, не принадлежавшiе къ сектѣ, тяготившiеся суровой религiозно-обрядовой регламентацiей, въ одинаковой мѣрѣ были заинтересованы въ томъ, чтобы евреямъ было дозволено войти въ ряды русскаго купечества. Слова р. Залмана: „вѣдь если бы не страхъ предъ государственной властью, насъ живьемъ бы проглотили“, рисуютъ то ужасное положенiе, въ которомъ оказались гонимые хасиды, и можно допустить, что они приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы администрацiя обуздала кагалы, лишила ихъ функцiй.

Вскорѣ обнаружилось, что вступленiе евреевъ въ купеческое и мѣщанское сословiя, вершавшiя въ магистратахъ и словесныхъ судахъ свои судебныя, финансовыя и административныя дѣла, больше сузило соотвѣтствующiя функцiи кагала, чѣмъ можно было ожидать; въ качествѣ членовъ торгово-промышленнаго класса, въ вѣдѣнiе магистратовъ поступили не только евреи-купцы, но также евреи-мѣщане, т. е. все еврейское населенiе. Не одни лишь купеческie сборы, но также и мѣщанскiя подушныя стали вноситься евреями въ общiя учрежденiя. Еще въ 1781 г. было указано, что раскладкой подати всецѣло распоряжается кагалъ [1]), но затѣмъ этотъ порядокъ былъ нарушенъ — магистраты стали вмѣшиваться въ раскладку еврейской подати. Выдача паспортовъ также перешла въ вѣдѣнiе магистратовъ [2]). Болѣе того, не находясь въ прежней зависимости отъ кагала и имѣя основанiе опасаться пристрастiя со стороны кагала, евреи начали обращаться по своимъ тяжбамъ въ общiя судебныя учрежденiя. Наконецъ, недовольные элементы вздумали искать защиты въ общихъ судеб-

---

[1]) См. выше, стр. 135, примѣчанiе.

[2]) Полоцкiй магистратъ рекомендовалъ правительству дозволить евреямъ проживать въ уѣздныхъ селенiяхъ по паспортамъ изъ магистратовъ.

ныхъ установленіяхъ также по дѣламъ религіознаго характера. Администрація запретила кагаламъ творить судъ надъ евреями, иначе говоря, закрыла еврейскіе суды, въ свое время открытые самой администраціей [1]). Когда сенату было доложено, что нѣтъ инстанціи, куда можно было бы приносить жалобы на дѣйствія губернскаго кагала, вслѣдствіе чего „принуждены обвиненные иногда невинно страдать", сенатъ предоставилъ (1783 г.) бѣлорусскому генералъ-губернатору Пассеку разсмотрѣть вопросъ о еврейскихъ судахъ, и, какъ видно, именно тогда еврейскіе суды, вѣроятно, по ходатайству хасидовъ, были закрыты [2]).

Кагалъ, конечно, рѣшилъ бороться за свое существованіе. И та бѣлорусская депутація, которой было поручено принести въ Петербургѣ жалобы на дѣйствія мѣстной администраціи, запрещавшей евреямъ жить внѣ городовъ и заниматься винными промыслами, а также стѣснявшей въ избирательныхъ правахъ [3]), приняла на себя и другую миссію—ходатайствовать о возстановленіи власти кагала. Изъ этого обстоятельства можно сдѣлать заключеніе, что депутаты являлись представителями не общества, а однихъ лишь кагаловъ, имѣвшихъ, правда, извѣстное формальное право говорить отъ имени народа, но фактически боровшихся противъ цѣлыхъ группъ еврейскаго населенія.

Соломонъ Беннетъ сообщаетъ любопытныя подробности объ этой депутаціи бѣлорусскихъ кагаловъ, отправившейся въ 1784 г. въ Петербургъ [4]). Собраніе представителей кагаловъ „открыло подписку и положило взыскать съ каждаго извѣстную сумму для снаряженія депутаціи въ Петербургъ. Собраніе выбрало изъ среды себя четырехъ депутатовъ и двухъ секретарей и отправило ихъ въ Петербургъ для защиты общаго дѣла предъ высшимъ судилищемъ (сенатомъ) и петербургскимъ кабинетомъ. Депутаты эти сдѣлали правительству соотвѣтствующія представленія и доказали, что большая часть налоговъ и доходовъ отъ таможенъ обѣихъ губерній, главнымъ образомъ, имѣютъ своимъ источникомъ обширную внутреннюю и внѣшнюю торговлю евреевъ, что доходъ городовъ тоже составляютъ налоги, взимаемые съ заводовъ, находящихся въ рукахъ гражданъ и большею частью въ рукахъ евреевъ; но все это уничтожается новыми распоряженіями и, такимъ образомъ, доходы государственной казны значительно уменьшатся. Словомъ, депутаты своими дѣльными доводами сумѣли обратить на порученное имъ дѣло вниманіе мини-

---

1) См. выше, стр. 136.

2) Перв. полн. собраніе законовъ, № 15436.

3) См. стр. 154—155.

4) Беннетъ ошибочно указываетъ 1786 г.

стровъ тогдашняго русскаго двора, и ходатайство ихъ было принято во вниманіе. Вслѣдъ за тѣмъ, предписано было генералъ-губернатору и нѣкоторымъ оберъ-интендантамъ явиться въ Петербургъ для дачи подробныхъ разъясненій по предпринятымъ нововведеніямъ и для дачи отвѣта на сдѣланныя противъ нихъ возраженія, а равно для объясненія причинъ униженія нравственнаго и гражданскаго характера евреевъ. Такъ какъ отвѣты и объясненія, данныя по этому поводу, оказались весьма слабыми и безцвѣтными и нисколько не соотвѣтствовали поставленнымъ вопросамъ, то милостивая императрица выразила генералъ-губернатору свою волю и мнѣніе въ слѣдующихъ словахъ: „Пассиковъ! я послала васъ въ эти провинціи для того, чтобы вы защищали моихъ подданныхъ, чтобы радѣли объ общемъ благѣ и содѣйствовали благосостоянію гражданъ, а ни въ какомъ случаѣ для того, чтобы вы угнетали ихъ и повергали ихъ въ нужду. Я не хочу воздать вамъ такъ, какъ вы того заслуживаете, потому что уважаю вашу старость и тѣ многія заслуги, которыя вы прежде оказывали. Но возвратитесь и постарайтесь уладить это дѣло, дабы жалобы и слезы моихъ подданныхъ не достигали моего престола“. Тотчасъ же дано было разрѣшеніе на отъѣздъ генералъ-губернатора и двухъ депутатовъ, и начались переговоры. Остальные два депутата остались еще при дворѣ, чтобы окончательно провести свой планъ“.

Торжественный тонъ этого сообщенія, быть можетъ не совсѣмъ вѣрнаго въ деталяхъ, имѣлъ свое основаніе. Депутація выполнила возложенную на нее миссію. Но въ описываемомъ событіи болѣе важнымъ представляется не то, что были возстановлены права евреевъ, нарушенныя мѣстнымъ обществомъ и администраціей, а тотъ лозунгъ, провозглашенный Екатериной II, которымъ должно было опредѣлиться отношеніе правительства къ евреямъ. Когда прошеніе депутатовъ [1]) было направлено на разсмотрѣніе въ сенатъ, секретарь государыни, графъ Безбородко, исполняя ея порученіе, сообщилъ генералъ-прокурору, что „Ея Величество примѣтить указала, что когда означенные еврейскаго закона люди вошли уже, на основаніи указовъ Ея Величества, въ состояніе, равное съ другими, то и надлежитъ при всякомъ случаѣ наблюдать правило, Ея Величествомъ установленное,

---

[1]) Это ходатайство, въ изложеніи сената, имѣется въ моихъ матеріалахъ (архивъ сената, I отд., 3 деп., 1797 г., дѣло № 49), но еще ранѣе оно было, безъ другихъ относящихся до него данныхъ, опубликовано М. Шугуровымъ въ Русск. Арх., 1894 г., кн. 1—5. Точная дата ходатайства неизвѣстна, но оно, повидимому, относится къ концу 1784 г., такъ какъ уже 26 февраля 1785 г. состоялось высочайшее повелѣніе о передачѣ прошенія въ сенатъ (См. Перв. полн. собраніе законовъ, № 16391).

что всякъ по званію и состоянію своему долженствуетъ пользоваться выгодами и правами безъ различія закона и народа“ [1]).

Этимъ повелѣніемъ императрица твердо предуказала правительству, что вопросы еврейской жизни должны быть разрѣшаемы не иначе, какъ въ полномъ соотвѣтствіи съ правами, принадлежащими торгово-промышленному классу, въ составъ котораго евреи вошли равноправными членами. Съ этой точки зрѣнія должны были быть разсмотрѣны сенатомъ, какъ жалобы евреевъ на стѣсненія въ жительствѣ по деревнямъ и селамъ, въ занятіи винными промыслами и въ избирательныхъ правахъ, такъ и домогательства депутаціи объ усиленіи власти кагала.

Говоря о необходимости переселить евреевъ изъ уѣздовъ въ города, бѣлорусская администрація выставляла два мотива: съ одной стороны—законъ вообще запрещаетъ купцамъ и мѣщанамъ проживать въ уѣздахъ; съ другой—присутствіе евреевъ въ деревняхъ вредно отражается на экономическомъ и нравственномъ состояніи крестьянскаго населенія, такъ какъ евреи, арендуя у помѣщиковъ винокурни и шинки, развиваютъ пьянство среди мѣстнаго населенія. Послѣдній доводъ былъ угрожающаго характера; къ нему правительство не разъ впослѣдствіи возвращалось, предпринимая противъ евреевъ репрессивныя мѣры, а потому въ дальнѣйшемъ изложеніи будетъ внимательно разсмотрѣнъ вопросъ, насколько это обвиненіе подкрѣплялось фактическими данными. Теперь же можно ограничиться лишь бѣглымъ замѣчаніемъ.

Въ численномъ отношеніи евреи по деревнямъ и селамъ [2]) не занимали виднаго мѣста среди общаго населенія, составляя, напр., по Полоцкой губерніи менѣе двухъ процентовъ. Но по роду своей дѣятельности, окруженные несвободнымъ крестьянствомъ, они играли важную роль въ экономическомъ отношеніи—въ ихъ рукахъ сосредоточивалась торговля, они брали въ аренду различныя статьи помѣщичьихъ доходовъ, продажу водки въ шинкахъ. Интересы евреевъ нерѣдко совпадали съ интересами помѣщиковъ. Однако, сами евреи страдали отъ произвола помѣщика и, завися

[1]) Перв. полн. собраніе законовъ, № 16391, 26 февр. 1785 г. (ошибочно указанъ Пассекъ вмѣсто Безбородко, см. объ этомъ: Голицынъ, Исторія Русск. законод. о евреяхъ, стр. 331).—Нѣсколько ранѣе, отдавъ распоряженіе рязанскому генералъ-губернатору по поводу избранія мѣщанъ, государыня замѣтила, что они избираются „безъ различія закона или обрядовъ церковныхъ, коимъ оные слѣдуютъ. На семъ основаніи въ другихъ губерніяхъ не только въ разсужденіи людей христіанскаго вѣроисповѣданія, но и съ евреями... поступлено было“. (Перв. полн. собраніе законовъ, № 16124).

[2]) Х. Коробковъ, Перепись еврейскаго населенія Витебской губ. (Полоцкой) въ 1772 г. Еврейская Старина, 1912 г., вып. II, табл. № 4.

отъ его милости, вынуждались злоупотреблять въ пользу помѣщика трудомъ крестьянина, а также пускать въ продажу среди крестьянъ назначенное помѣщикомъ количество водки, чѣмъ способствовали распространенію пьянства.

Въ организованной кампаніи, направленной противъ евреевъ, участвовали различныя группы общества, въ томъ числѣ—отдѣльные дворяне-землевладѣльцы. Союзники, конечно, должны были поддерживать другъ друга. А потому вопросъ о роли, которая принадлежала помѣщикамъ въ распространеніи пьянства среди крестьянъ, былъ обойденъ молчаніемъ, когда изъ сената были потребованы объясненія отъ администраціи. Между тѣмъ, когда администрація предписала (1783 г.) помѣщикамъ не отдавать винокуренія ни на откупъ, ни въ аренду лицамъ, „не имѣющимъ на то права, особливо жидамъ", [1]) помѣщики этому воспротивились. Правда, губернскіе предводители дворянства поддержали требованіе администраціи объ удаленіи евреевъ отъ винныхъ промысловъ, и даже одна группа помѣщиковъ отнеслась къ этому сочувственно; но все это не потому, чтобы ихъ сердцу были дороги крестьяне; ими руководили иныя побужденія,—предводители дворянства просили генералъ-губернатора передать государынѣ благодарность отъ имени дворянства „за возобновленіе древняго дворянскаго права пользоваться исключительно предъ другими винокуреніемъ". Остальные же помѣщики, по прежнему, отдавали евреямъ на откупъ винные промыслы. Это было ихъ право, и генералъ-губернаторъ Пассекъ, вынужденный дать отвѣтъ сенату, понявъ, что въ данномъ случаѣ приходится выступить не только противъ евреевъ, но и противъ помѣщиковъ, смирился. Пассекъ объяснилъ, что сдѣлавъ распоряженіе о неотдачѣ виннаго откупа евреямъ, онъ имѣлъ въ виду тѣ мотивы, въ силу которыхъ винная монополія въ Бѣлоруссіи была распредѣлена между казною, магистратами и помѣщиками, а именно, чтобы сокращеніемъ винокуренія побудить обывателей заняться торговлею и ремеслами. При этомъ генералъ-губернаторъ увѣрялъ, что дворяне, которые одни могли бы жаловаться на „утѣсненіе", причиняемое запрещеніемъ отдавать откупъ евреямъ, благодарны за эту мѣру.

Но сенату было легко понять, что если бы помѣщики не желали пользоваться услугами евреевъ, то администрація не имѣла бы надобности издавать соотвѣтствующее запрещеніе. И сенатъ постановилъ [2]) отмѣнить распоряженіе бѣлорусской администраціи

---

[1]) См. выше, стр. 154.

[2]) На имѣющейся у меня копіи этого сенатскаго постановленія, разрѣшившаго ходатайства, возбужденныя депутатами бѣлорусскихъ кагаловъ (Архивъ сената, 1797 г., дѣло № 49) и помѣщеннаго въ Первомъ полномъ собраніи законовъ

о недозволенiи помѣщикамъ отдавать винокуренiе на откупъ евреямъ. Въ отзывахъ администрацiи было, между прочимъ, отмѣчено, что евреи дачею крестьянамъ водки въ долгъ и проч., приводятъ ихъ къ пьянству, бездѣлiю и нищетѣ. Это указанiе не было оставлено сенатомъ безъ вниманiя. Но сознавая, что евреи служатъ лишь орудiемъ въ рукахъ помѣщиковъ, сенатъ не счелъ возможнымъ принять противъ евреевъ какiя-либо мѣры. Что же касается помѣщиковъ, какъ насадителей пьянства, то вопросъ о взаимоотношенiи между крѣпостными и ихъ господами былъ слишкомъ серьезный, чтобы можно было его коснуться— считалось, что помѣщичья власть служитъ опорой для государственной власти. Поэтому, сенатъ ограничился назидательной сентенцiей, что помѣщики, какъ для собственной, такъ и для общественной пользы, должны наблюдать за крестьянами, дабы они „отъ сего винокуренiя не вдавались въ распутную жизнь, не истощали своего имущества и не удалялись отъ работъ".

Больше трудностей представило разрѣшенiе вопроса о насильственномъ переселенiи евреевъ изъ селъ и деревень въ города.

Даже среди представителей мѣстной администрацiи не было достигнуто единогласiя по этому вопросу; если одни, сознавая, что еврейское населенiе скопилось въ уѣздахъ въ силу длительнаго историческаго процесса, все же предлагали осуществить принудительную мѣру, то другiе не рѣшались принести евреевъ въ жертву новому закону, въ корнѣ не соотвѣтствовавшему вѣками установившимся условiямъ мѣстной соцiально-хозяйственной жизни. Полоцкiй магистратъ заявилъ, что онъ „для нихъ (евреевъ) усматриваетъ неотвратимую бѣдность, ибо есть нѣкоторые изъ нихъ безъ малѣйшей способности строиться и жить въ городахъ"; въ виду этого магистратъ „не можетъ самъ собою положить мнѣнiе, а отдаетъ сiе... на разсмотрѣнiе верхняго начальства". Полоцкое же намѣстническое правленiе высказалось болѣе смѣло: надо изыскать всѣ мѣры къ тому, чтобы отвлечь евреевъ отъ „вреднаго" виннаго промысла и обратить ихъ къ торговой дѣятельности и ремесленному труду, но все же слѣдуетъ дозволить евреямъ проживать въ уѣздныхъ поселенiяхъ, по паспортамъ изъ магистратовъ, „для торговли, ремесла и промысла".

Изъ донесенiй различныхъ административныхъ лицъ и учрежденiй видно было, что настаивая на переселенiи евреевъ изъ уѣздныхъ поселенiй въ города, администрацiя шла навстрѣчу общерусскому закону, требовавшему, чтобы мѣщане и купцы жили

(№ 16391) лишь въ своей заключительной части, помѣчено 21 января 1786 г., а не 7 мая 1786 г., какъ датировано въ полн. собранiи законовъ. Дата 21 января 1786 г. встрѣчается и въ другихъ документахъ при ссылкахъ на сенатское постановленiе.

въ городахъ, но что, съ другой стороны, евреи не могли подчиниться закону, ибо онъ не соотвѣтствовалъ условіямъ жизни. Имѣя предъ собою однѣ только бумаги, донесенія администраціи, въ большинствѣ случаевъ холодныя, лишенныя малѣйшаго трепета сострадания, сенатъ, быть можетъ, разрѣшилъ бы дѣло такъ, какъ того требовалъ законъ. Но живая рѣчь депутатовъ, имѣвшихъ возможность разсказать о тѣхъ дѣйствительныхъ причинахъ бѣдственнаго положенія крестьянства, о которыхъ нельзя было сообщать на бумагѣ, заставила сенатъ задуматься надъ участью евреевъ. За закономъ должна быть признана сила, но вѣдь жизнь также властна—она по прежнему удерживаетъ вѣковыхъ обитателей на старомъ мѣстѣ, несмотря на то, что они стали теперь именоваться купцами и мѣщанами. И вотъ, чтобы выйти изъ тупика, сенату пришлось сослаться на то, что, если законъ и не дозволяетъ купцамъ и мѣщанамъ имѣть осѣдлость по уѣзднымъ поселеніямъ, то онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не запрещаетъ имъ временной отлучки. Поэтому было рѣшено: евреевъ, записавшихся въ купечество и мѣщанство и живущихъ въ мѣстечкахъ и деревняхъ, „безвременно селиться въ городахъ не принуждать"; торговымъ людямъ, вообще, не запрещается отлучаться изъ городовъ, лишь бы подати были уплачены, а потому и евреи могутъ „упражняться по уѣздамъ въ промыслахъ и работахъ съ дозволенія о б щ е с т в а", особливо тогда, когда въ городахъ нѣтъ мѣста для новыхъ домовъ и неизвѣстно, найдутъ ли тамъ пришельцы пропитаніе.

Такимъ образомъ, даже многотысячное еврейское населеніе, вѣками проживавшее въ уѣздныхъ поселеніяхъ, было признано принадлежащимъ къ городскому торгово-промышленному классу, лишь временно пребывающимъ въ деревняхъ, отлучившимся изъ городовъ на извѣстный срокъ. Съ этой-то точки зрѣнія былъ разрѣшенъ сенатомъ также вопросъ объ избирательныхъ правахъ евреевъ.

Депутаты бѣлорусскихъ кагаловъ подробно остановились въ своей жалобѣ на стѣсненіяхъ, испытываемыхъ евреями на выборахъ. „Хотя Высокомонаршимъ Ея Величества соизволеніемъ и допущены евреи къ выбору въ должности въ сходственность высочайшаго учрежденія о управленіи губерній, но какъ къ оному требуется меньшее число голосовъ еврейскихъ противъ прочихъ, то и не можетъ евреинъ никогда вступить въ должность; чрезъ то евреинъ, не имѣя въ судахъ по себѣ заступниковъ, ненадежнымъ состоитъ, за страхомъ и незнаніемъ россійскаго языка, отъ несчастія, хотя и за несодѣянное имъ. Въ такомъ случаѣ, къ довершенію всѣхъ благъ, изліенныхъ на нихъ, дерзаютъ просить, чтобы къ выбору требованы были выборщики изъ евреевъ въ равномъ числѣ противу прочихъ, а по крайней мѣрѣ въ случающихся дѣлахъ евреина

съ людьми другого рода (т. е. съ христіанами), вмѣстѣ съ подсудимыми евреями даваны были отъ ихъ общества засѣдатели въ судъ (равно и при допросѣ евреина), кои бы въ правѣ голоса равносильны были съ прочими присутствующими". А въ дополнительной жалобѣ необходимость засѣдать въ магистратахъ мотивировалась также тѣмъ, что евреи лишены права давать свидѣтельскія показанія; кромѣ того, засѣдая въ ратушахъ и магистратахъ, евреи будутъ освѣдомлены о городскихъ доходахъ, и еврейское населеніе „не столько притѣсненій и убытковъ претерпѣвать будетъ" [1]).

Жалоба бѣлорусской депутаціи еще не успѣла быть разсмотрѣнной въ сенатѣ, какъ вопросъ объ избирательныхъ правахъ получилъ для евреевъ еще большее значеніе въ виду опубликованія „Грамоты на права и выгоды городамъ Россійской Имперіи", упрочившей общественную силу торгово-промышленнаго класса. Грамота, или „Городовое положеніе" 1785 г., имѣла задачей объединить разрозненныя сословныя группы, жившія въ городахъ, въ одно городское общество. Для этого всѣ городскіе обыватели были привлечены къ участію въ мѣстномъ самоуправленіи. При этомъ, однако, торгово-промышленному сословію была предоставлена доминирующая роль въ городскомъ самоуправленіи. Права и обязанности обывателей, въ томъ числѣ и евреевъ, опредѣлялись принадлежностью ихъ, съ одной стороны—къ городскому обществу, съ другой—къ тому или иному сословію. Обыватели были разбиты на шесть группъ [2]), и евреи, въ зависимости или отъ рода занятій, или отъ размѣра капиталовъ, вступили въ нѣкоторыя изъ нихъ. Каждая группа являлась отдѣльнымъ обществомъ, пользовавшимся правомъ особыхъ собраній и представительства въ общегородскихъ учрежденіяхъ. Всѣ группы посылали въ общую думу по нѣсколько гласныхъ, а здѣсь каждая изъ нихъ выбирала своего гласнаго для присутствованія въ шестигласной думѣ, въ которой сосредоточивалась городская администрація. Кромѣ того, каждый обыватель, имѣвшій дохода не менѣе 50 руб., принималъ участіе въ общемъ городскомъ собраніи, избиравшемъ лицъ для занятія административно-городскихъ и сословно-судебныхъ должностей; при этомъ избирателями и избираемыми были почти исключительно члены

---

[1]) Архивъ сената, 1797 г., дѣло № 49.

[2]) И. Дитятинъ, Устройство и управленіе городовъ Россіи, стр. 421—3. Къ первой группѣ относились тѣ, кто владѣлъ недвижимою собственностью; ко второй—купцы всѣхъ трехъ гильдій; къ третьей—ремесленники, записанные въ цехъ; къ четвертой—иногородніе и иностранцы; къ пятой—именитые граждане, т. е. представители самаго крупнаго капитала и интеллектуальнаго труда; къ шестой — промышленное рабочее населеніе, не вошедшее въ другую группу.

торгово-промышленнаго класса. Такимъ образомъ, евреи получили возможность избираться впредь не только въ члены губернскихъ и городовыхъ магистратовъ, ратушъ, словесныхъ, совѣстныхъ судовъ, но также въ обще-городскія учрежденія—въ думу и депутатскую комиссію (составлявшую городскія обывательскія книги) [1]. Это право и было подтверждено за ними сенатомъ, постановившимъ, что евреи, подобно христіанамъ, должны „соразмѣрно по количеству каждаго званія“, составлять магистраты, ратуши и думы, а также занимать судейскія и прочія должности.

Вступленіе евреевъ въ составъ торгово-промышленнаго сословія отразилось, какъ было указано выше, не только на ихъ внѣшней, гражданской жизни, но и на бытовой. Внутренняя организація стала рушиться. Но кагалы никакъ не хотѣли примириться съ умаленіемъ ихъ власти, они стремились сохранить свое господство надъ еврейскимъ населеніемъ и при новыхъ условіяхъ его гражданской жизни. Депутація бѣлорусскихъ кагаловъ возбудила ходатайство о томъ, чтобы дѣла „между одними евреями, кромѣ векселя и облиговъ (обязательствъ), нигдѣ бы не приняты были къ производству, какъ только въ еврейскихъ судахъ“, въ оправданіе чего выставлялось то, что евреи заключаютъ между собою обязательства, условія и всякія сдѣлки на еврейскомъ языкѣ, по обряду и закону еврейскому, въ коихъ общіе суды неосвѣдомлены. А затѣмъ въ дополнительной запискѣ они вновь „слезно“ просили, чтобы были учреждены суды (значитъ, они были въ то время упразднены!) по дѣламъ, касающимся евреевъ. Такимъ образомъ, ходатаи стремились принудить еврейское населеніе къ тому, чтобы оно разбирало свои тяжбы только въ еврейскихъ судахъ. То, что въ данномъ случаѣ имѣлись въ виду хасиды и вообще, кто былъ недоволенъ существовавшимъ религіозно-бытовымъ строемъ или нарушалъ кагально-раввинскія постановленія, видно изъ дальнѣйшей просьбы кагаловъ, чтобы также „преступникъ ихъ законовъ и обрядовъ судимъ былъ въ еврейскихъ судахъ“ [2]. Кагалъ ходатайствовалъ и о томъ, чтобы онъ попрежнему собиралъ подати съ евреевъ и чтобы, въ связи съ этимъ, ему былъ возвращенъ административный надзоръ за населеніемъ. Кагалъ и на этотъ разъ прикрывался народными интересами, хотя фактически этотъ порядокъ, усиливая власть кагала, усугублялъ по-

---

[1]) С. Бершадскій, Положеніе о евреяхъ 1804 года. Восходъ, 1895 г., кн. VI. См. всеподданнѣйшее прошеніе 1802 г. каменецъ-подольскаго еврейскаго общества.

[2]) Ходатаи просили также „охранить ихъ (евреевъ) при цѣлости ихъ обрядовъ и праздниковъ по духовенству ихъ“. Врядъ ли тутъ имѣются въ виду хасиды; рѣчь идетъ, вѣроятно, о принудительномъ нарушеніи праздничнаго отдыха, въ связи со службой въ магистратахъ и другихъ общественныхъ учрежденіяхъ.

датное бремя, тяготѣвшее надъ еврейскимъ населеніемъ. Внося подати прямо въ казну, евреи освобождались отъ круговой поруки, каждый отвѣчалъ самъ за себя; когда же отвѣтственность за правильное поступленіе подати возлагалась на кагалъ, еврейское населеніе обязывалось, въ цѣломъ, уплатить по раскладкѣ полностью подать; имущій платилъ за неимущаго. По раскладкѣ кагалъ взыскивалъ также сборы на общественныя потребности. Населеніе не могло контролировать правильность раскладки, и кагалъ этимъ злоупотреблялъ; деньги обращались, между прочимъ, на борьбу съ хасидами, а частью поступали въ собственность кагальныхъ заправилъ. Когда кагалъ потерялъ возможность взымать подать, недовольные элементы стали уклоняться отъ взноса и тѣхъ сборовъ, которые должны были предназначаться на общественныя нужды. Кагалы понимали, что въ правѣ „раскладки" таится ихъ сила, и вотъ почему депутаты бѣлорусскихъ кагаловъ, стремясь будто бы къ тому, чтобы при взысканіи государственныхъ, общественныхъ и „церковныхъ" (т. е. на религіозныя нужды) сборовъ „бѣдный по состоянію своему противу имущаго не былъ излишне отягченъ", просили, чтобы никто не смѣлъ вмѣшиваться въ дѣло раскладки подати и сборовъ съ еврейскаго населенія, „ибо, кромѣ тѣхъ евреевъ, никто состоянія каждаго изъ народа знать не можетъ" [1]).

Правительство не имѣло желанія ослабить власть кагала, подвергнуть его такой ломкѣ, которая не вызывалась непосредственными интересами государства. Поэтому, ходатаямъ было отказано лишь въ просьбѣ о томъ, чтобы были сохранены кагальные суды,— разъ еврейское населеніе имѣетъ своихъ представителей въ общихъ судахъ торгово-промышленнаго класса, то сюда и должны направляться дѣла между евреями (конечно, стороны могутъ разбираться въ третейскихъ судахъ); при этомъ было установлено, что въ отношеніи свидѣтельскихъ показаній и принесенія присяги, евреи должны находиться въ тѣхъ же условіяхъ, что и христіане—„не поставляя за препятствія различія въ законѣ" (религіи); болѣе того, сенатъ, какъ кажется, призналъ возможнымъ, чтобы дѣла между евреями въ общихъ судахъ велись на еврейскомъ языкѣ [2]).

---

[1]) Архивъ сената, 1797 г., дѣло № 49.

[2]) Говоря о разборѣ въ магистратѣ дѣлъ, возникающихъ между одними евреями, сенатъ сослался на 127 статью Город. Положенія, гласившую, что если въ городѣ окажется 500 или болѣе семействъ иногороднихъ или иностранцевъ, послѣднимъ разрѣшается выбрать изъ своей среды столько же бургомистровъ и ратмановъ, сколько выбрано мѣстными купцами и мѣщанами; причемъ, русскіе должны были судить на русскомъ, а иностранцы—на своемъ языкѣ. Но этой статьей сенатъ, конечно, вовсе не хотѣлъ приравнять евреевъ къ иностранцамъ или

Что касается прочихъ ходатайствъ бѣлорусской депутаціи, то они были удовлетворены. Еврейскіе суды — уѣздные и губернскіе—вновь могли разбирать дѣла, касающіяся „еврейскаго духовенства“ и обрядовъ вѣры. Далѣе, ссылаясь на то, что мѣщане (наряду съ крестьянами и казаками) казеннаго вѣдомства въ Малороссіи получили право самообложенія, сенатъ постановилъ „предоставить имъ (евреямъ) раскладывать, сколько по ихъ усмотрѣнію слѣдуетъ, безъ всякаго препятствія“ какъ подушныя подати, такъ и общественные сборы. Наконецъ, было подтверждено, что каждый еврей въ отдѣльности можетъ пользоваться правомъ передвиженія лишь съ согласія „общества“. Собственно говоря, право распоряжаться раскладкой подати и передвиженіемъ еврейскаго населенія было передано не спеціально кагалу; но по условіямъ еврейской жизни кагалъ фактически заступилъ и тѣхъ невѣдомыхъ „евреевъ“, которымъ законъ поручилъ раскладку подати, и то „общество“, на которое былъ возложенъ контроль за передвиженіемъ населенія [1]).

Такимъ образомъ, борьба, которую пришлось кагальнымъ заправиламъ выдержать съ одной стороны—съ бѣлорусской администраціей и частью христіанскаго общества, а съ другой — съ недовольными элементами еврейскаго населенія, привела, какъ мы видимъ, къ тому, что за еврейскимъ обществомъ была сохранена полная автономія; духовный судъ, школы, синагоги, взыманіе подати, самообложеніе для общинныхъ и вообще еврейскихъ нуждъ и проч., все осталось въ вѣдѣніи кагаловъ. Правящій еврейскій классъ сохранилъ за собою прежнюю широкую власть, которая въ смутную пору религіозныхъ волненій превратилась въ гнетъ для народа. А масса получила лишь одно право — обращаться въ русскіе суды по гражданскимъ дѣламъ. Что касается внѣшней

иногороднимъ, дабы предоставить имъ только 1/2 всѣхъ голосовъ, и то лишь при наличностп 500 семействъ; еслибы сенатъ желалъ установить это ограниченіе, онъ указалъ-бы его, говоря, вообще, о выборныхъ правахъ евреевъ, о допущеніи ихъ на общественныя должности. Между тѣмъ, сенатъ сослался на 127 статью только по поводу разбора еврейскихъ дѣлъ въ магистратахъ; очевидно, онъ привелъ эту статью для того, чтобы разрѣшить евреямъ, не знавшимъ русской рѣчи, вести, подобно иностранцамъ, дѣла на родномъ языкѣ. Нѣкоторыя городскія общества въ Полоцкой губерніи, не допуская евреевъ къ занятію судейскихъ должностей, дѣлали ссылку на эту статью (Голицынъ, Исторія русскаго законодат., стр. 346), но это было признано неправильнымъ.

[1]) Быть можетъ, подъ „обществомъ“ имѣлось въ виду не еврейское общество, не кагалъ, а сословное общество, представленное магистратомъ. Имѣется указаніе, что евреи проживали въ уѣздахъ „съ паспортами отъ городовыхъ магистратовъ“ (Бершадскій, Положеніе о евреяхъ 1804 года. Восходъ, 1895 г., кн. VI, стр. 38). Но и въ этомъ случаѣ рѣшающая роль принадлежала кагалу, который долженъ былъ удостовѣрить, что подати съ даннаго еврея взысканы. Возможно, что магистратъ только удостовѣрялъ паспортъ, выдававшійся кагаломъ.

жизни еврейскаго общества, то оно было уравнено въ правахъ съ христіанскимъ торгово-промышленнымъ классомъ: евреи судили и судились въ сословныхъ учрежденіяхъ, избирали и избирались на должности городского и сословнаго самоуправленія.

Однако, даже постановленіе сената, высшаго въ то время въ государствѣ учрежденія, не остановило въ извѣстныхъ кругахъ бѣлорусскаго общества того движенія противъ евреевъ, которое въ свое время было поддержано мѣстной администраціей. Когда въ 1786 году происходили выборы судей словесныхъ судовъ (думы тогда еще не функціонировали, а срокъ для выбора бургомистровъ и ратмановъ еще не наступилъ), витебскій магистратъ сталъ противиться избранію евреевъ. Намѣстническое правленіе обращалось нѣсколько разъ къ магистрату съ требованіемъ объ избраніи одного еврея въ словесный судъ. Но напрасно. Примѣръ оказался заразительнымъ, — безпорядки возникли и въ другихъ городахъ. Тогда бѣлорусскіе евреи обратились (около іюня 1786 г.) съ новой жалобой къ государынѣ. Ихъ повѣренный указывалъ, что во многихъ городахъ евреи „не бываютъ выбраны во всякій судъ“, что витебскій магистратъ выгналъ евреевъ изъ собранія, не желая допустить ихъ къ участію въ выборахъ, а въ другой разъ евреи, явившіеся къ выборамъ, были взяты подъ стражу; когда же, по настоятельному требованію намѣстническаго правленія, магистратъ вынужденъ былъ призвать евреевъ къ участію въ выборахъ, то были исключены купцы, жившіе по уѣздамъ, хотя они принадлежали къ городскому обществу и несли всѣ тяготы; для поддержанія порядка пришлось вызвать къ выборамъ воинскій отрядъ. Повѣренный бѣлорусскихъ евреевъ выражалъ опасеніе, что при такихъ условіяхъ евреи не будутъ избираться и въ думы, долженствовавшія вскорѣ начать свои дѣйствія, и онъ ходатайствовалъ о распоряженіи, чтобы евреи выбирались въ ратуши и думу „къ отправленію судейскихъ и прочихъ должностей“ въ томъ же числѣ, какъ и христіане, хотя еврейское населеніе многочисленнѣе христіанскаго. Выступленіе въ защиту единовѣрцевъ было дѣломъ небезопаснымъ. Можно думать, что когда въ 1784 г. депутація отправилась въ столицу, со стороны бѣлорусской администраціи раздались угрозы по адресу тѣхъ, кто хлопоталъ въ Петербургѣ; по крайней мѣрѣ повѣренный кагаловъ, вновь обратившійся съ ходатайствомъ къ государынѣ, заключилъ свое прошеніе слѣдующими словами: „А дабы сей доступъ къ освященному Вашему престолу не былъ въ Бѣлоруссіи сочтенъ преступленіемъ, благоволите Высочайшимъ повелѣніемъ охранить меня отъ всякаго осужденія“.

Безпорядки въ Витебскѣ продолжались; неоднократныя попытки намѣстническаго правленія провести выборы на законномъ

основанiи оставались безуспѣшными,—напрасно правленiе цитировало извѣстное высочайшее повелѣнiе о признанiи евреевъ равноправными гражданами. Между тѣмъ прошенiе повѣреннаго бѣлорусскихъ евреевъ дошло до государыни, и вслѣдъ затѣмъ генералъ-губернаторъ Пассекъ получилъ слѣдующiй высочайшiй рескриптъ [1]):

„Петръ Богдановичъ! Поданное Намъ вновь прошенiе отъ Бѣлорусскаго еврейскаго общества о недопущенiи ихъ къ выборамъ, на основанiи изданнаго отъ Насъ Городового Положенiя, въ магистратскiе судьи и протчiя должности, препровождая при семъ къ вамъ въ оригиналѣ, съ его приложенiями, повелѣваемъ подтвердить строжайше, дабы предписанiе объ нихъ Сената Нашего, основанное на точной силѣ именнаго Нашего указа, непремѣнно и безъ всякаго отлагательства приведено было въ дѣйствiе и съ неисполнителей онаго учинено было законное взысканiе“.

Рескриптъ, какъ мы видимъ, не совпадаетъ съ содержанiемъ письма государыни, которое приводится въ воспоминанiяхъ Соломона Беннета; быть можетъ, Беннетъ имѣлъ въ виду иное, болѣе раннее посланiе государыни; но даже, если упоминаемое Беннетомъ письмо государыни является лишь невѣрнымъ изложенiемъ рескрипта, оно все же интересно въ томъ отношенiи, что изъ него [2]) видно, сколь глубокое впечатлѣнiе на евреевъ произвела побѣда, одержанная ими въ борьбѣ съ бѣлорусской администрацiей и извѣстными кругами христiанскаго общества. Какъ ни сильны были недруги-сосѣди, изо дня въ день отравляющiе жизнь, гдѣ то далеко есть могущественная царица, охраняющая евреевъ отъ козней враговъ.

Въ ближайшiе годы, протекшiе въ тишинѣ, въ еврейскомъ народѣ должно было укрѣпиться сознанiе, что онъ находится подъ защитой престола—страсти улеглись, наступило затишье — никто не нарушалъ правъ, предоставленныхъ евреямъ, какъ русскимъ подданнымъ. Водворился ли, однако, среди бѣлорусскихъ евреевъ также и внутреннiй миръ? Нѣтъ извѣстiй о томъ, чтобы на почвѣ религiозно-общественнаго движенiя, связаннаго съ хасидизмомъ, возникали въ это время яркiя событiя, грубые эксцессы. Но можно предположить, что подъ покровомъ внѣшняго благополучiя шла глухая борьба, только и ждавшая случая, чтобы вырваться наружу.

---

[1]) Подробности безпорядковъ въ Витебскѣ изложены Голицынымъ въ „Исторiи русскаго законодательства о евреяхъ“, стр. 346—357; тамъ же приведенъ высочайшiй рескриптъ.

[2]) См. стр. 164.

Случилось, однако, что именно тогда, когда евреи были признаны равноправными членами сословно-городскихъ обществъ, неожиданно возникла такъ называемая „черта постоянной еврейской осѣдлости“, положившая рѣзкую грань между евреями и прочимъ населеніемъ, бросившая евреевъ въ пропасть безправія.

Выше уже было отмѣчено, что русское торгово-промышленное сословіе было прикрѣплено къ мѣсту приписки. Но для Бѣлоруссіи было сдѣлано исключеніе; на запросъ мѣстной администраціи, можно ли дозволить купцамъ переходить изъ города въ городъ, „смотря по удобности ихъ коммерціи“, сенатъ отвѣтилъ (1782 г.) утвердительно, прибавивъ—особенно, если отъ этого „можно ожидать приращенія казенныхъ интересовъ“ [1]). Здѣсь, повидимому, рѣчь шла о переходѣ изъ города въ городъ лишь въ предѣлахъ одной Бѣлоруссіи [2]), но здѣшніе еврейскіе купцы стали записываться въ купечество и внѣ Бѣлоруссіи. Мы ихъ находимъ въ Москвѣ и Смоленскѣ.

Среди евреевъ, начавшихъ торговать въ Москвѣ, выдѣлялся могилевскій купецъ, „польскаго королевскаго двора надворный совѣтникъ“ Нота Хаимовичъ Ноткинъ (Натанъ Ноте Шкловеръ по родному городу Шклову), съ которымъ мы въ дальнѣйшемъ еще не разъ встрѣтимся [3]). Обширныя дѣла Ноткина, которыя онъ велъ отчасти единолично, отчасти же въ товариществѣ съ русскими купцами Шошинымъ и Иконниковымъ, вызвали среди нѣкоторыхъ московскихъ купцовъ недоброжелательное отношеніе къ нему. Да и другіе евреи-конкуренты не были угодны московскимъ торговцамъ. И вотъ, въ началѣ 1790 года московское купечество [4]) обратилось къ московскому главнокомандующему съ жалобой, въ которой указывалось, что съ недавняго времени въ Москвѣ появились изъ-за границы и Бѣлоруссіи евреи; они занялись запрещенной законами разносной торговлей по домамъ, по дешевой цѣнѣ, чѣмъ наносятъ мѣстной торговлѣ „весьма чувствительный вредъ и помѣшательство“; дешевизна товара указываетъ, молъ, на то, что это контрабандный товаръ; евреи обрѣ-

---

[1]) Перв. полное собраніе законовъ, № 15577.—Д и т я т и н ъ, Устройство и управленіе городовъ въ Россіи, стр. 401, примѣчаніе.

[2]) Когда бѣлорусская еврейская депутація возбудила ходатайство о дозволеніи евреямъ записываться въ торговое сословіе Рижскаго форштадта, сенатъ отказалъ въ этомъ на томъ основаніи, что не имѣется Высочайшаго повелѣнія, которымъ было бы разрѣшено евреямъ записываться по другимъ городамъ, кромѣ бѣлорусскихъ.

[3]) Ноткинъ пользовался расположеніемъ Потемкина, которому былъ извѣстенъ какъ крупный поставщикъ его арміи.

[4]) На прошеніи, кромѣ подписи городского головы, были всего пять подписей купцовъ.

заютъ, обычно, монеты; возможно, что они будутъ то же дѣлать и въ Москвѣ; нѣкоторые изъ нихъ не указали, къ какой національности принадлежатъ, [1]) и такимъ путемъ имъ удалось записаться въ здѣшнее купечество; это одно уже показываетъ „хитрые ихъ во всемъ вымыслы"; евреи строятъ свою торговлю на обманѣ, и это опять таки подтверждается тѣмъ, что они „потаенно" записались въ московское купечество; наконецъ, въ примѣръ того, какъ безчестны еврейскіе купцы, ходатаи указали на слѣдующій случай: „одинъ изъ ихъ общества, бѣлорусскій жидъ, Нота Хаимовъ, а болѣе по простонарѣчію извѣстный подъ именемъ Нотки, введя себя у публики разными ухищреніями и подлогами въ знатный кредитъ и выманя чрезъ то у многихъ здѣшнихъ купцовъ въ долгъ товаровъ, цѣною до пятисотъ тысячъ рублей, всѣ оные выпроводилъ въ разныя имъ только однимъ извѣстныя мѣста, а потомъ и самъ... изъ Москвы скрылся заграницу"; въ заключеніе москвичи объяснили, что они жалуются на евреевъ только въ заботѣ о торговлѣ, а „отнюдь не изъ какого либо къ нимъ, въ разсужденіи религіи, отвращенія или ненависти" [2]). Въ виду всего этого евреи подлежатъ удаленію изъ Москвы.

Просьба москвичей была передана на разсмотрѣніе „Совѣта Государыни", которому была представлена также жалоба евреевъ на то, что ихъ болѣе не принимаютъ въ смоленское и московское купечество. Предсѣдатель коммерцъ-коллегіи графъ А. Р. Воронцовъ нашелъ, что евреи не имѣютъ права „записываться въ купеческіе россійскіе города и порты", къ тому же отъ этого не предвидится никакой выгоды; они могутъ пользоваться правомъ гражданства и мѣщанства только въ Бѣлоруссіи. Съ этимъ согласился и Совѣтъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ было признано полезнымъ предоставить евреямъ право гражданства и мѣщанства также въ намѣстничествѣ Екатеринославскомъ и Таврической области [3]).

---

[1]) Такое средство было въ свое время рекомендовано самой государыней— см. выше, стр. 88 и слѣд.

[2]) Шугуровъ, Исторія евреевъ въ Россіи. Русскій архивъ 1894 г. См. также: Регесты и надписи, т. III, №№ 2364, 2375.

[3]) Архивъ Государств. совѣта, т. I, ч. II (Спб. 1869 г.), ст. 365—368; т. II, ч. II, столб. 321.

Екатеринославское намѣстничество и Таврическая область были позже преобразованы въ Екатеринославскую, Таврическую и Херсонскую губ. Въ запискѣ Воронцова, переданной Д. П. Трощинскому, были приведены „мысли о жидахъ"; Трощинскій изготовилъ соотвѣтствующіе указы, при чемъ государыня подписала указъ о евреяхъ съ прибавленіемъ, что право гражданства распространено также на упомянутыя мѣстности (Архивъ кн. Воронцова, XII, 380).

Это предложенiе было санкцiонировано имп. Екатериною II и соотвѣтствующимъ указомъ 23 декабря 1791 г. [1]) было положено начало черты еврейской осѣдлости. Однако, ни Совѣтъ, ни государыня не сдѣлали этого преднамѣренно; они не могли предвидѣть, къ какому результату приведетъ въ будущемъ этотъ указъ. Въ условiяхъ тогдашняго общественно-государственнаго строя, вообще, и еврейской жизни, въ частности, правительство отнюдь не могло имѣть въ виду создать для евреевъ особое стѣснительное положенiе, ввести спецiальныя ограниченiя въ правѣ передвиженiя. Давнiй порядокъ, приковывавшiй обывателей къ мѣсту, продолжалъ въ ту пору держаться въ общественной жизни. Даже Городовое положенiе 1785 г., не установившее стѣсненiй въ передвиженiи русскихъ купцовъ, не устранило сомнѣнiя, пользуются ли они свободой передвиженiя. А мѣщане еще въ 1796 г. не могли переходить изъ губернiи въ губернiю, даже съ согласiя мѣстнаго начальства [2]). Указъ 23 декабря 1791 г. не имѣлъ своей задачей отгородить евреевъ отъ христiанъ; мы видимъ, что тогда же предъ евреями были открыты новыя области, въ которыя имъ, подобно христiанамъ, по общему правилу, нельзя было переселяться. Все сводилось къ вопросу экономическаго характера. Такъ какъ торговая дѣятельность евреевъ во внутреннихъ городахъ, по мнѣнiю правительства, не приноситъ пользы — вѣдь тамъ имѣется русское купечество!—правительство парализуетъ торговлю евреевъ въ этихъ мѣстахъ. Переселенiе же евреевъ въ малонаселенный край, нуждающiйся въ экономическомъ оживленiи, сулитъ государству выгоду, а потому существующiя правила, стѣсняющiя свободу передвиженiя, отвергаются для даннаго случая, и евреи получаютъ доступъ въ новый край.

Все же, повторяемъ, именно съ указа 1791 г. ведетъ свое начало „черта еврейской осѣдлости“. Указъ послужилъ основанiемъ для толкованiя, что евреи, независимо отъ правъ, предоставленныхъ соотвѣтствующимъ христiанскимъ классамъ, пользуются лишь въ опредѣленныхъ губернiяхъ правомъ осѣдлаго жительства, т. е. правомъ приписки, съ коимъ было связано право гражданства, отправленiе купеческихъ и мѣщанскихъ промысловъ въ мѣстѣ

---

[1]) „... Евреи не имѣютъ никакого права записываться въ купечество во внутреннiе Россiйскiе города и порты, а только по указамъ Нашимъ дозволено имъ пользоваться правомъ гражданства и мѣщанства въ Бѣлоруссiи. Подтверждая о точномъ наблюденiи изданныхъ о семъ постановленiй, Мы признали за благо распространить таковое право гражданства евреямъ сверхъ Бѣлорусскихъ губернiй на Екатеринославское намѣстничество и область Таврическую“ (Перв. полн. собранiе законовъ, № 17006).

[2]) Перв. полн. собранiе законовъ, № 17605.

приписки. „Черта постоянной еврейской осѣдлости“ — хотя это выраженіе не было тогда еще извѣстно—стала основой законодательства о евреяхъ [1]). Запрѣтъ пользоваться естественнымъ правомъ жить и передвигаться по странѣ сковалъ дѣятельную волю еврейскаго населенія въ области физическаго и умственнаго труда, и этимъ наложилъ мертвящую печать на духовный и экономическій бытъ евреевъ.

Подобно русскимъ людямъ, нарушавшимъ законы, стѣснявшіе свободу передвиженія, евреи—купцы и мѣщане—покидали старыя мѣста и водворялись, съ вѣдома, конечно, администраціи, на новыхъ, гдѣ порою и записывались въ общества. За предѣлами Бѣлоруссіи появились также выходцы изъ зарубежныхъ странъ, преимущественно изъ Польши. Въ Новороссійскомъ краѣ, о колонизаціи котораго евреями нѣкогда хлопотала сама государыня, они поселились [2]) еще до того, что законъ 1791 г. открылъ имъ туда доступъ. Что касается Таврической губерніи, охватывавшей Крымскій полуостровъ, то евреи — въ томъ числѣ и караимы — издавна тамъ проживали [3]).

Были и другія мѣстности, гдѣ евреи водворились, но объ этомъ не было извѣстно въ Петербургѣ при установленіи предѣловъ черты осѣдлости. Когда же правительство узнало о разселеніи евреевъ по ближайшимъ губерніямъ, то онѣ были включены въ территорію еврейской осѣдлости. Въ трехъ малороссійскихъ губерніяхъ—Кіевской, Черниговской и Новгородъ-Сѣверской [4])—жило около тысячи душъ, изъ коихъ почти половина прибыла изъ-за рубежа, главнымъ образомъ—изъ Польши. Нѣкоторые евреи приписались къ мѣстнымъ обществамъ и вошли въ составъ разныхъ группъ — гостей, купечества, мѣщанства, цеховыхъ. Какъ приписавшіеся, такъ и остальные евреи пользовались въ городахъ правами гражданства. Въ лицѣ евреевъ были представлены различныя отрасли дѣятельности—тутъ были поставщики, ремесленники,

---

[1]) Юлій Гессенъ, Законъ и жизнь (Спб. 1910 г.), стр. 24—26.

[2]) С. Станиславскій, Къ исторіи колонизаціи евреевъ въ Новороссіи. Восходъ, 1887 г., кн. 9. Въ 1776 г. въ Новороссію переселился изъ польскихъ владѣній „балтскій выходъ всѣмъ кагаломъ“, въ числѣ ста семействъ, по поводу чего маршалъ Сангушко жаловался, что „забираютъ жидовъ съ его маетности“. Въ 1777 г. Потемкинъ потребовалъ, чтобы глава поселяющейся въ Новороссіи еврейской семьи приводилъ съ собою по шесть польскихъ поселенцевъ для обращенія ихъ въ казенныхъ поселянъ. См. Регесты и надписи, т. III, № 2244.

[3]) Въ городахъ Таврич. губерніи насчитывалось въ 1783 г. всего 469 „жидовскихъ домовъ“. Регесты и надписи, т. III, №№ 2302—2304, 2316.

[4]) Изъ этого края, а также изъ части присоединенныхъ позже Волынской и Подольской губерній, были впослѣдствіи образованы губерніи: Кіевская, Полтавская и Черниговская.

шинкари, служащіе и др. [1]). Когда появился указъ 1791 г., дозволившій евреямъ пользоваться правомъ гражданства въ Таврической и Екатеринославской губерніяхъ, генералъ-губернаторъ трехъ малороссійскихъ губерній всполошился—какъ быть съ водворившимися здѣсь евреями? Вѣдь, если для Новороссіи потребовалось высочайшее разрѣшеніе, то таковое нужно имѣть и для Малороссіи. Отданъ былъ даже приказъ удалить отсюда всѣхъ евреевъ [2]), но изъ Петербурга пришло успокоительное извѣстіе, и вскорѣ малороссійскія губерніи оказались включенными въ составъ черты осѣдлости.

---

[1]) По переписи 1792 г. (Историч. матеріалы изъ архива кіевск. губ. правленія, вып. I, 1882 г., стр. 151—155) въ Малороссіи проживало евреевъ.

Уѣзды.	Польскіе евреи		Бѣлорусскіе евреи	
	мужч.	женщ.	мужч.	женщ.
Кіевскій	44	—	—	—
Остерскій	36	—	41	—
Козелецкій	7	3	78	71
Переяславскій	9	6	20	18
Пирятинскій	28	24	49	54
Лубенскій	3	—	5	—
Миргородскій	7	—	3	—
Хорольскій	37	21	28	18
Золотоношскій	68	71	44	46
Гадячскій	7	—	24	—
	246	125	292	207
Города.				
Кіевъ	35	26	9	3
Лубны	8	—	7	—
Миргородъ	3	—	1	—
Гадячъ	3	1	—	—
	49	27	17	3
Всего	295	152	309	210

Въ Черниговѣ имѣлись евреи—рѣзчики печатей. Регесты и надписи, т. III, № 2315.

[2]) Регесты и надписи, т. III, № 2398.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Второй и третій раздѣлы Польши. — Послѣднія десятилѣтія, проведенныя евреями въ польскомъ королевствѣ. — Еврейская жизнь въ краѣ, вновь присоединенномъ къ Россіи. — Кагальная организація. — Обложеніе всего еврейскаго населенія двойной податью. — Стремленіе христіанъ умалить значеніе евреевъ въ сословно-городскомъ самоуправленіи. — Ограниченіе избирательнаго права. — Наслѣдіе прошлаго: Въ силу мѣстныхъ привилегій, евреевъ на Литвѣ лишаютъ права участвовать въ общественномъ самоуправленіи. Нѣкоторые города пытаются возстановить дѣйствіе привилегій, позволявшихъ не допускать евреевъ къ водворенію. Помѣщики считаютъ себя полновластными господами надъ живущими у нихъ евреями. — Кровавый навѣтъ.

Въ 1793 г. произошелъ второй раздѣлъ Польши, и тогда къ Россіи перешли земли, изъ которыхъ были образованы Волынская, Подольская и Минская губерніи. А въ 1795 г. по третьему—послѣднему раздѣлу, уничтожившему самостоятельное существованіе Польши, къ Россіи была присоединена территорія, составившая Литовскія губерніи. Одновременно къ Россіи перешла Курляндія [1]), находившаяся въ ленной зависимости отъ Польши.

Еще тогда, когда польское королевство формально пользовалось независимостью, хотя фактически сосѣднія государства наложили на его свободу свою властную руку, политическая партія, во главѣ которой стояли Чарторыжскіе, опиравшіеся на русскія войска, введенныя въ край, хотѣла провести на конвокаціонномъ сеймѣ (1764 г.) реформы, чтобы дать Речи Посполитой прочное государственное устройство. Но Россія и Пруссія воспротивились широко задуманнымъ преобразованіямъ, а потому пришлось ограничиться частичными реформами. Между прочимъ, въ финансовыхъ цѣляхъ, была измѣнена система податного обложенія еврейскаго населенія. Издавна было установлено, что кагалы, объединенные ваадомъ, сообщали правительству свѣдѣнія о численности населенія; правительство назначало размѣръ подушной подати и соотвѣтствующая сумма, распредѣлявшаяся центральными и окружными ваадами по областямъ и общинамъ, взыскивалась

[1]) Исторія евреевъ въ Курляндіи изложена въ главѣ восьмой.

кагалами по раскладкѣ. Этимъ порядкомъ были недовольны и правительство, утверждавшее, что кагалы сообщаютъ невѣрныя цифры, чѣмъ наносится ущербъ казнѣ, и еврейское населенiе, жаловавшееся, что кагалы собираютъ суммы, превышающiя размѣръ подати. Поэтому, въ 1764 г. была введена личная подать, за поступленiе которой были отвѣтственны каждый кагалъ въ отдѣльности. Перепись должна была установить численность населенiя. Такимъ образомъ, ваады стали, съ точки зрѣнiя правительства, ненужными, и ихъ упразднили. Кагалы утратили право производить раскладку подати; на нихъ была возложена лишь одна обязанность: получать съ каждаго обывателя подать и вносить ее въ казну. Однако, кагалъ попрежнему завѣдывалъ денежными дѣлами общины.

Когда Польша по первому раздѣлу лишилась части своей территорiи, польское правительство стало пытаться придать своей преобразовательной дѣятельности болѣе интенсивный характеръ. Это отразилось и на еврейскомъ вопросѣ,—онъ былъ поставленъ на очередь. Но, подобно другимъ преобразовательнымъ проектамъ, онъ не могъ быть разрѣшенъ въ прогрессивномъ направленiи, такъ какъ торжествовавшая клерикально-шляхетская политика парализовала малѣйшiя попытки либеральныхъ реформъ. Извѣстный польскiй государственный дѣятель Андрей Замойскiй, выработавъ, по порученiю сейма, кодексъ польскихъ законовъ, которымъ нѣсколько сглаживались сословныя различiя и смягчалась доля крѣпостного крестьянства, не рѣшился представить свой трудъ на разсмотрѣнiе сейма 1778 г., такъ какъ и самъ Замойскiй, и король предвидѣли, что нужно заблаговременно подготовить умы къ принятiю намѣченныхъ преобразованiй. Эти опасенiя не были безосновательны. Шляхта отнеслась въ высшей степени враждебно къ замысламъ Замойскаго, и сеймъ 1780 г. отвергъ его проектъ, запретивъ когда либо вновь представить его на разсмотрѣнiе сейма. Въ этихъ условiяхъ евреи не могли расчитывать на улучшенiе ихъ положенiя. Даже Замойскiй остался вѣренъ традицiонному отношенiю къ еврейскому населенiю. Его проектъ еврейской реформы, предложенный сейму 1778 г., но не получившiй санкцiи, представляетъ собою, въ сущности, сводъ ограничительныхъ постановленiй, изданныхъ въ разное время: евреи должны жить въ городахъ отдѣльно отъ христiанъ, на особо отведенныхъ улицахъ; имъ запрещается пользоваться услугами христiанъ; дабы они не господствовали надъ христiанскимъ населенiемъ, имъ не слѣдуетъ давать на откупъ государственные доходы и проч. Лишь въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ выступаетъ группа публицистовъ и общественныхъ дѣятелей, которая, не отказываясь отъ отдѣль-

ныхъ ограничительныхъ постановленій о евреяхъ, ставитъ себѣ все же задачей реформировать еврейскую жизнь: съ одной стороны, нужно воздѣйствовать на внутренній еврейскій бытъ путемъ просвѣщенія, съ другой стороны--необходимо измѣнить тѣ внѣшнія условія, которыя дѣйствуютъ отрицательно на евреевъ. Реформа подсказывалась не заботой о евреяхъ, а соображеніями объ интересахъ христіанъ. Депутатъ на сеймѣ отъ гор. Пинска, Матвѣй Бутримовичъ, издалъ въ 1789 г. анонимную брошюру, появившуюся еще въ 1782 г., въ которой настаивалось на необходимости лишить кагалы административно-финансовыхъ функцій,—они должны завѣдывать лишь религіозно-обрядовыми дѣлами; не только въ офиціальной, но даже и въ частной перепискѣ евреи обязываются употреблять польскій языкъ; еврейскія книги религіознаго характера также подлежатъ переводу на польскій языкъ; ношеніе традиціоннаго платья должно быть запрещено; надо устранить евреевъ отъ аренды шинковъ въ деревняхъ, влекущей за собою печальныя послѣдствія для крестьянъ; напротивъ, надо поощрять евреевъ къ арендѣ земель съ сельскохозяйственными цѣлями; воспитаніе юношества должно находиться подъ контролемъ правительственной (эдукаціонной) комиссіи. Всѣ эти преобразованія нужны потому, что успѣху ассимиляціи евреевъ съ окружающимъ населеніемъ препятствуетъ не еврейское вѣроученіе, а польское законодательство, способствующее обособленію евреевъ.

Эта брошюра представляетъ собою среднюю линію тѣхъ пожеланій, которыя высказывались различными публицистами: одни уходили нѣсколько назадъ, боясь оторваться отъ старой политики по отношенію къ еврейскому населенію; другіе же шли впередъ, склоняясь въ пользу расширенія его правъ. Впрочемъ, даже болѣе прогрессивно настроенные публицисты не могли освободить себя отъ старыхъ предразсудковъ. Такъ, самъ Бутримовичъ высказывался противъ отбыванія евреями натуральной воинской повинности, пока они не проникнутся патріотизмомъ. Радикалъ Коллонтай, говорившій за уравненіе евреевъ съ прочимъ населеніемъ предъ лицомъ закона, настаивалъ на столь коренномъ преобразованіи ихъ быта, что требовалъ даже того, чтобы они не носили бороды.

Еврейскимъ вопросомъ занялась и Скарбовая комиссія, однимъ изъ членовъ которой былъ извѣстный государственный дѣятель и писатель Тадеушъ Чацкій. Собравъ статистическій матеріалъ о численности евреевъ и ихъ экономическомъ положеніи, комиссія убѣдилась, что стѣсненная правовыми ограниченіями, преслѣдуемая магистратами, еврейская масса влачила жалкое существованіе; одна двѣнадцатая часть евреевъ не имѣла опредѣленныхъ занятій, одна

шестидесятая—нищенствовала, а между тѣмъ въ рукахъ еврейскаго населенія была сосредоточена вывозная торговля (три четверти всего вывоза) и оно давало половину всѣхъ ремесленниковъ Польши. И вотъ, Скарбовая комиссія, руководимая Чацкимъ, установила слѣдующія положенія еврейской реформы: правительство всегда считало евреевъ только терпимыми; нынѣ за ними признаются всѣ права „обывателей“, гражданъ, и это позволяетъ требовать, чтобы евреи стали „просвѣщенными на пользу государства“; всякія отличія евреевъ отъ христіанъ, кромѣ религіозныхъ, уничтожаются; всѣ промыслы открыты для евреевъ, кромѣ питейной торговли, каковой запретъ имѣетъ силу на пятьдесятъ лѣтъ. Чтобы эта реформа была успѣшна, предлагалось запретить ранніе браки, а также браки лицъ, не имѣющихъ средствъ къ жизни; еврейская одежда замѣняется польской и т. д.

Тадеушъ Чацкій.
(Изъ книги: Ai. Osinski, O Zyciu i Pismach Tad. Czackiego).

Искренне желая разрѣшить еврейскій вопросъ на пользу самихъ евреевъ, а не только одного христіанскаго населенія, Чацкій счелъ нужнымъ тщательно изучить исторію евреевъ, въ частности въ польско-литовскомъ государствѣ, а также ихъ право, и результатомъ его изслѣдованій явилось „Разсужденіе о евреяхъ и караимахъ“ [1]), первое по времени сочиненіе по исторіи евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ. Произведеніе Чацкаго имѣло большое вліяніе на всѣхъ позднѣйшихъ писателей по исторіи евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ, и это объясняется, помимо разносторонней эрудиціи Чацкаго, тѣмъ, что онъ использовалъ въ своемъ трудѣ матеріалы изъ рѣдкихъ книгъ и рукописей [2]).

---

[1]) Rosprawa o Zydach i Karaitach (Вильна, 1807 г.).
[2]) С. Бершадскій, Литовскіе евреи (СПБ. 1883), стр. 69 и сл.

На четырехлѣтнемъ сеймѣ (1788—1792 гг.) была избрана особая комиссія для разсмотрѣнія еврейскаго вопроса. Ея предсѣдатель Я. Езерскій (каштелянъ луковскій), придавая особое значеніе экономической дѣятельности евреевъ, считалъ ихъ полезнымъ элементомъ и требовалъ радикальной реформы не для того, чтобы сдѣлать евреевъ полезными, а чтобы государство извлекло еще бòльшую выгоду отъ этой части населенія. Подъ руководствомъ Бутримовича и Езерскаго комиссія, разсмотрѣвъ рядъ проектовъ еврейской реформы, между прочимъ и работу Чацкаго, составила проектъ реформы, расширявшій, въ частности, торговыя права евреевъ. Но ни сеймъ, ни общество не хотѣли идти на уступки и дѣло съ разсмотрѣніемъ еврейскаго вопроса не подвигалось...

Между тѣмъ, произошелъ второй раздѣлъ Польши и вспыхнуло возстаніе Костюшки. Варшава, гдѣ евреи терпѣли особенно много униженій и даже испытали ужасы погрома, была осаждена русско-прусскими войсками. Въ эти знаменательные дни все злобное было забыто и братское единеніе охватило поляковъ и евреевъ. Изъ рядовъ варшавскихъ евреевъ выдвинулся Берекъ Іоселовичъ, перешедшій въ память польскаго народа, окруженный легендами. Состоя факторомъ у одного польскаго магната, Берекъ неоднократно бывалъ въ Парижѣ и онъ проникся тамъ идеями революціоннаго движенія. Когда началось возстаніе, Берекъ, съ разрѣшенія Костюшки, образовалъ еврейскій отрядъ въ составѣ пятисотъ человѣкъ. Призывая евреевъ стать на защиту родины, обѣщающей имъ тѣ же свободы, которыя будутъ добыты поляками, Берекъ восклицалъ: „Богъ всемогущій съ вами, и я—вождь вашъ. Гдѣ будетъ наибольшая опасность, туда пойду я, а вы лишь вслѣдъ за мною... Пробудитесь же, помогите освободить угнетенную доселѣ Польшу. Вѣрные братья, будемъ бороться за отчизну, пока останется въ насъ хоть капля крови. Если бы мы и не дождались этого (освобожденія), то хоть дѣти наши будутъ жить безпечно и свободно...“. Отрядъ Берека, подъ его командой, участвовалъ въ отраженіи штурма Варшавы и почти весь погибъ. Польскій генералъ Заіончекъ бѣжалъ въ Австрію и былъ заключенъ тамъ въ крѣпость, и эту судьбу раздѣлилъ съ нимъ Берекъ. Не проявили сочувствія возстанію одни только литовскіе евреи, окруженные обществомъ, относившимся къ нимъ съ особымъ презрѣніемъ.

Со взятіемъ Варшавы дѣло возстанія было проиграно. Вскорѣ послѣдовало окончательное уничтоженіе Польши...

Въ краѣ, пріобрѣтенномъ Россіей по второму и третьему раздѣламъ Польши [1]), еврейская жизнь протекала, въ общемъ,

[1]) О численности еврейскаго населенія въ Россіи, положеннаго въ окладъ, см. таблицы на стр. 186 и 187. — Минская, Брацлавская и Изъяславская губерніи

въ такихъ же условіяхъ, какъ въ Бѣлоруссіи. Многочисленное еврейское населеніе, разсѣянное по городамъ и панскимъ имѣніямъ, занималось торговлей и ремеслами, арендой владѣльческихъ угодій и шинковъ. Оно представляло собою торгово-промышленный классъ, въ связи съ чѣмъ и въ новомъ краѣ, какъ въ Бѣлоруссіи, должны были стать на очередь два вопроса: о проживаніи евреевъ по деревнямъ, что противорѣчило русскому закону, запрещавшему купечеству и мѣщанству жить внѣ городовъ, и объ участіи въ общественномъ самоуправленіи, что не допускалось при польскомъ господствѣ. Съ другой стороны, евреи, вновь перешедшіе въ русское подданство, будучи подчинены кагалу, вели междоусобную борьбу, находясь въ рядахъ хасидовъ и ихъ противниковъ, раввинистовъ. Эта религіозная распря служила единственнымъ звеномъ, объединявшимъ, для коллективныхъ дѣйствій, три группы еврейскаго населенія, послѣдовательно перешедшія подъ русское господство по тремъ раздѣламъ Польши—бѣлорусскую, подольско-волынскую и литовскую. Въ остальномъ бѣлорусское, подольско-волынское и литовское еврейство оказались разрозненными; каждая группа выступала отдѣльно въ защиту своихъ правъ и не всѣ онѣ достигли одинаковаго успѣха. Да и свою внутреннюю жизнь каждая группа налаживала различнымъ способомъ и сама кагальная организація не всюду была тождественна въ деталяхъ.

Подобно тому, какъ это было въ Бѣлоруссіи, правительство и во вновь пріобрѣтенныхъ областяхъ санкціонировало кагальную организацію. Кагалы не должны были касаться никакихъ иныхъ дѣлъ, кромѣ „обрядовъ закона и богослуженія“ [1]). Но фактически, съ вѣдома администраціи, функціи кагала были гораздо шире. Любопытно отмѣтить, что минскій кагалъ послалъ своего служащаго въ Витебскъ, чтобы изучить тамошнія учрежденія [2]); вѣроятно, имѣлось въ виду ознакомиться съ взаимоотношеніями между кагаломъ съ одной стороны, и администраціей и органами сословно-городского самоуправленія—съ другой.

Кагалъ дѣлалъ раскладку подати и сборовъ, государственныхъ и городскихъ. Въ Минскѣ взысканіе денегъ производилось чрезъ посредство выборныхъ „сотниковъ“ (или „десятскихъ“), которые и

были въ маѣ 1795 г. преобразованы въ Брацлавскую, Подольскую и Волынскую губерніи, а въ іюлѣ 1795 г. въ губерніи: Волынскую и Подольскую.

Литва была раздѣлена на Слонимскую и Виленскую губерніи; позже онѣ слились въ Литовскую (1800—1801 гг.), а затѣмъ онѣ образовали Виленскую и Гродненскую.

[1]) Такъ было сказано въ указѣ, касавшемся Минской губерніи. Перв. полн. собраніе законовъ, № 17327.

[2]) 1800 г. См. Брафманъ, Книга кагала (документы минскаго кагала), т. II (изд. 1888 г.), № 141.

	1800 г.	Христіане—купцы.	**Евреи—купцы.**	Христіане—мѣщане.	**Евреи—мѣщане.**
	БѢЛОРУССК. ГУБ. (МОГИЛЕВСКАЯ И ВИТЕБСКАЯ).				
Города съ уѣздными поселеніями.	Витебскій .	380	40	3219	1251
	Полоцкій .	372	54	1831	1968
	Городецкій .	48	21	285	426
	Велижскій .	108	8	2061	381
	Невельскій .	95	7	982	495
	Себежскій .	53	10	502	398
	Люцинскій .	31	9	348	573
	Динабургск.	88	23	295	725
	Сѣнненскій .	—	—	—	1612
	Оршанскій .	4	20	505	1529
	Могилевскій	117	61	2818	3613
	Чаусовскій .	6	38	732	1146
	Мстиславск.	1	50	933	1967
	Чериковскій	7	16	680	1572
	Рогачевскій.	6	43	317	1176
	Бѣлицкій . .	53	57	895	831
Безъуѣздн. города.	Дрисса . .	16	—	173	697
	Рѣжица . .	29	3	179	534
	Суражъ . .	4	4	420	408
	Климовичи .	—	15	419	93
	Копысь . .	—	91	585	349
	Быховъ . .	—	—	—	1244
	Бабиновичи.	5	57	85	938
	Всего въ губерніи.	1423	**627**	18264	**23926**
	Подати и сборы—въ рубляхъ .	10962	**7710**	46573	**111734**
	ПОДОЛЬСКАЯ ГУБ.				
	Города съ уѣздн. поселеніями.				
	Каменецъ-Под. .	66	46	933	2515
	Ушицкій	—	12	862	1734
	Летичевскій . . .	101	59	868	1691
	Проскуровскій .	—	7	564	2019
	Ямпольской . . .	—	—	82	1873
	Литинскій . . .	32	10	2466	2399
	Винницкій . . .	277	13	2454	1661
	Брацлавскій . .	23	95	1346	2173
	Могилевскій . .	36	39	1136	2774
	Гайсинскій . . .	—	10	582	1275
	Ольгопольскій .	72	5	293	1221
	Балтскій	7	20	11	1259
	Всего въ губерніи	614	**316**	11597	**22594**
	Подати и сборы .	3894	**4595**	29572	**105513**

	1800 г.	Христіане—купцы.	**Евреи—купцы.**	Христіане—мѣщане.	**Евреи—мѣщане.**
	ВОЛЫНСКАЯ ГУБ.				
Города съ уѣздными поселеніями.	Новоград-волынскій .	74	466	603	1934
	Заславльск.	1	14	8	2124
	Острожскій .	—	45	436	2165
	Ровенскій .	1	6	3	2144
	Овручскій .	13	—	388	1034
	Житомірскій	75	35	1004	3130
	Владимірск.	—	22	680	1929
	Ковельскій .	—	17	1372	816
	Ст. Констант.	—	17	216	2030
	Дубненскій .	8	43	1671	2794
	Кременецкій	17	33	1604	2400
	Луцкій . .	3	28	1267	1941
	Всего въ губерніи	192	**726**	9252	**24441**
	Подати и сборы—въ рубляхъ .	2595	**7426**	23592	**114139**
	МИНСКАЯ ГУБ.				
Города съ уѣздными поселеніями.	Минскій . .	56	29	1640	3449
	Борисовскій	24	15	508	840
	Игуменскій	—	—	182	852
	Бобруйскій .	54	50	476	1023
	Мозырскій .	—	7	878	771
	Пинскій . .	3	8	1368	1596
	Слуцкій . .	3	47	641	1537
	Вилейскій .	—	28	362	900
	Дисенскій .	86	7	1535	775
	Рѣчицкій .	34	14	573	1254
Безъуѣздные.	Давыдгородъ	—	—	—	143
	Несвижъ .	—	—	761	404
	Рокшицы .	—	—	296	211
	Поставы . .	—	—	—	300
	Всего въ губерніи	260	**205**	9220	**14055**
	Подати и сборы .	2443	**4830**	23511	**66188**
	КУРЛЯНДСКАЯ ГУБ.				
	Города съ уѣздн. поселеніями.				
	Зельбургскій . .	85	9	694	704
	Митавскій . . .	426	79	3273	814
	Гольдингенскій .	375	39	3692	658
	Туккумскій . . .	1	17	18	255
	Пильтенскій . .	28	14	1441	664
	Всего въ губерн.	915	**158**	9118	**3095**
	Подати и сборы .	25827		23250	**14453**

1800 г. МАЛОРОССІЙСКАЯ ГУБ. (Черн. и Полт.). Города съ уѣздн. поселеніями.	Христiане—купцы.	Евреи—купцы.	Христiане—мѣщане.	Евреи—мѣщане.
Черниговскій . .	781	—	2232	1385
Нѣжинскій . . .	366	5	2546	30
Золотоношскій .	8	36	713	135
Новг.-Сѣверскій .	35	1	1495	161
Полтавскій . . .	145	4	981	210
Кременчугскій . .	398	33	1658	429
Стародубскій . .	1263	—	7886	302
Суражскій . . .	—	—	149	152
Прочіе уѣзды . .	1450	—	19563	1430
Всего въ губерн.	4446	**79**	37223	**4234**
Подати и сборы—въ рубляхъ .	33247	**725**	94931	**19772**
КІЕВСКАЯ ГУБ.				
Кіевскій	319	11	5394	656
Васильковскій . .	—	18	98	1878
Уманскій	6	32	175	3248
Сквирскій . . .	—	3	789	1480
Пятигорскій . . .	—	4	601	1808
Липовецкій . . .	3	—	5	1082
Махновскій . . .	6	5	388	1124
Богуславскій . .	88	—	2910	1938
Звенигородскій .	8	6	113	1885
Чигиринскій . .	—	10	46	1394
Черкасскій . . .	23	15	231	1771
Радомысльскій .	—	—	469	1480
Всего въ губерн.	453	**104**	11219	**19744**
Подати и сборы .	4459	**3258**	28608	**92204**
НОВОРОССІЙСКАЯ ГУБ.				
Новороссійскій .	175	8	1062	144
Новомосковскій .	43	—	217	9
Павлоградскій . .	47	—	294	10
Бахмутскій . . .	147	21	490	106
Ростовскій . . .	633	—	1950	10
Маріупольскій .	50	—	202	—
Елисаветградскій	642	7	3524	397
Ольвіопольскій .	30	1	302	107
Херсонскій . . .	480	38	1601	140
Тираспольскій . .	30	—	109	1
Перекопскій . .	131	6	521	—
Симферопольскій (Акмечетскій) .	926	13	5912	332
Всего въ губерн.	3334	**94**	16184	(?) **1306**
Подати и сборы .	28371	**1638**	41269	**5865**

(1797 г.). ВИЛЕНСКАЯ ГУБ. Города съ уѣздн. поселеніями.	Христiане—купцы.	Евреи—купцы.	Христiане—мѣщане.	Евреи и караимы.
Виленскій	—	—	5014	3152
Завилейскій . . .			614	477
Троицкій	—	—	2329	1251
Браславскій . . .	—	—	826	446
Ошмянскій . . .	—	—	3218	938
Ковенскій	—	—	2701	1508
Упитскій	—		3007	2899
Вилькоміръ . . .	—	—	3527	2827
Тельшевскій . .	—	—	2500	1650
Россіенскій . . .	—	—	4305	4247
Шавельскій . . .	—	—	3118	2757
Всего въ губерн.	—	—	31159	**22152**
Подати и сборы—въ рубляхъ .	—	—	67303	**95696**
(1797 г.). СЛОНИМСКАЯ ГУБ.				
Слонимскій . .	—	—	965	1360
Новогородскій .	—	—	1421	1156
Гродненскій . . .	—	—	2608	2282
Волковыскій . .	—	—	1821	1477
Лидскій	—	—	807	2060
Брестскій	—	—	2170	2313
Кобринскій . .	—	—	1472	1484
Пружанскій . . .	—	—	2213	1289
Всего въ губерн.	—	—	13477	**13421**
Подати и сборы .	—	—	29110	**57978**

ОБЩАЯ СВОДКА. Губерніи.	Христiане—купцы.	Евреи—купцы.	Христiане—мѣщане.	Евреи—мѣщане.
Бѣлорусская . .	1423	627	18264	23926
Подольская . . .	614	316	11597	22594
Волынская . . .	192	726	9252	24441
Минская	260	205	9220	14055
Курляндская . .	915	158	9118	3095
Малороссійская .	4446	79	37223	4234
Кіевская	453	104	11219	19744
Новороссійская .	3334	94	16184	1306
Виленская . . .	—	—	31159	22152
Слонимская . . .	—	—	13477	13421
Всего . . .	11637	**2309**	166713	**148968**

доставляли кагалу свѣдѣнія о численности населенія въ околодкѣ [1]). Сотники выступали въ отдѣльныхъ случаяхъ какъ бы въ роли откупщиковъ—они вносили въ кассу кагала сумму, причитавшуюся съ сотни, потомъ самостоятельно взыскивали деньги съ членовъ сотни [2]). Сотникамъ предоставлялись порою и болѣе широкія полномочія — входить въ разсмотрѣніе расходовъ и уменьшить ихъ. Въ отношеніи неаккуратныхъ плательщиковъ предпринимались принудительныя мѣры, при чемъ, въ крайнемъ случаѣ, прибѣгали за содѣйствіемъ къ администраціи [3]). Въ связи съ несеніемъ отвѣтственности за поступленіе податей, кагалъ контролировалъ передвиженіе населенія; какъ для переселенія иногородняго еврея въ новую общину, такъ и для отлучки члена общины требовалось письменное разрѣшеніе кагала [4]). Кагалъ являлся представителемъ населенія предъ администраціей. Извѣстенъ случай, когда уголовный судъ поручилъ минскому кагалу подвергнуть наказанію провинившагося еврея [5]). Характерно, что когда потребовалось (1794 г.) опредѣлить еврея для присутствія въ полиціи при судопроизводствѣ, то онъ былъ назначенъ кагаломъ, а не избранъ обществомъ [6]). Такую роль кагалъ игралъ и въ другихъ случаяхъ. Напр., однажды предъ выборами словесныхъ судей, кагалъ и общее собраніе, намѣтивъ кандидатовъ въ словесные судьи, вмѣнили избирателямъ въ обязанность подавать голоса за нихъ. Возможно, что вмѣшательство кагала было вызвано въ данномъ случаѣ тѣмъ, что словесные судьи разбирали коммерческія дѣла, каковыя должны были рѣшаться между евреями по еврейскому праву; для евреевъ, членовъ словесныхъ судовъ, была даже выработана особая инструкція [7]); слѣдуетъ еще отмѣтить, что по правилу, установленному въ польское время, въ судахъ въ то время не принимались свидѣтельскія показанія евреевъ; только въ 1803 г. минскій кагалъ добился разрѣшенія евреямъ выступать свидѣтелями по дѣламъ между евреями и христіанами [8]).

Въ Литовскихъ губерніяхъ кагалъ не пользовался особымъ вниманіемъ со стороны администраціи. Но онъ и здѣсь былъ снабженъ большой властью. По словамъ одного мѣстнаго освѣдомленнаго администратора, въ каждой парафіи должны были быть раввинъ

---

[1]) Тамъ же, №№ 45, 46.

[2]) Тамъ же, № 480, 504.

[3]) Тамъ же, № 24. Иногда отдѣльныя лица за заслуги освобождались кагаломъ на извѣстное число лѣтъ отъ уплаты податей и сборовъ. Тамъ же, № 72.

[4]) Тамъ же, рядъ актовъ.

[5]) Тамъ же, № 226.

[6]) Тамъ же, № 23.

[7]) Тамъ же, №№ 199, 200.

[8]) Тамъ же, № 512.

(утверждавшійся землевладѣльцемъ), подрабинокъ, пятнадцать кагальныхъ и двѣнадцать духовныхъ судей; всѣ они избирались обществомъ черезъ посредство пяти „электоровъ", т. е. выборщиковъ; „кагалъ самъ, или выбранныя отъ него особы, управляютъ экономіею цѣлаго общества, имѣютъ въ вѣдомствѣ своемъ доходы и расходы, налагаютъ или уменьшаютъ сборы, собираютъ казенныя подати и вносятъ ихъ въ казну и, наконецъ, наблюдаютъ за наружнымъ порядкомъ въ ихъ обществѣ". Раввинъ, духовный судъ и кагалъ, „сопряженные между собою тѣсными узами, имѣя все въ своей силѣ и располагая даже самою совѣстью евреевъ, владычествуютъ надъ ними совсѣмъ отдѣленно, безъ всякаго отношенія къ гражданскому начальству" [1]).

Какъ и въ Бѣлоруссіи, объединяющими органами въ Подоліи, Волыни и на Литвѣ являлись уѣздные и губернскіе кагалы, служившіе административными центрами не только во внѣшней, но и во внутренней еврейской жизни. Мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, что, объявивъ походъ противъ хасидовъ, гаонъ Илія поручилъ веденіе борьбы губернскимъ кагаламъ [2]). Дѣйствительно, губернскіе кагалы организовали кампанію; ближайшій же надзоръ за дѣйствіемъ противъ сектантовъ былъ возложенъ на уѣздные кагалы, которымъ были подчинены кагалы, входившіе въ составъ уѣзда [3]); уѣздные кагалы выполняли порученія губернскаго кагала по взиманію сбора на общественныя нужды [4]). Съ своей стороны, городскіе кагалы являлись господами въ отношеніи прикагалковъ [5]). Губернскій кагалъ могъ сноситься съ мѣстными учрежденіями и должностными лицами, минуя уѣздные кагалы [6]).

Когда подольско-волынскіе евреи стали русскими подданными, они, зная о положеніи дѣлъ въ Бѣлоруссіи, могли надѣяться, что въ новомъ отечествѣ имъ будетъ легко забыть о без-

---

[1]) Записка литовскаго губернатора Фризеля, Восходъ, 1895 г., кн. III, стр. 85—86.

[2]) С. Дубновъ, Исторія хасидскаго раскола. Восходъ, 1891 г., кн. XI. Въ посланіи гаона упомянуты губернскіе кагалы Минска, Могилева, Полоцка, Житомира, Винницы, Каменеца-Подольскаго; Винница была наиболѣе многолюднымъ городомъ существовавшей въ то время Брацлавской губерніи; Житомиръ офиціально не считался губернскимъ городомъ, но фактически являлся административнымъ центромъ, т. к. въ немъ находилось губернское правленіе.

[3]) С. Дубновъ, Историческія сообщенія, Восходъ, 1893 г. кн. VIII, стр. 22—23.

[4]) Брафманъ, Книга кагала, № 339.

[5]) Тамъ же, № 85. Минскій кагалъ упразднилъ прикагалокъ въ предмѣстьѣ Комаровкѣ.

[6]) Тамъ же, № 226. Минскій кагалъ поручилъ въ 1802 г. раввину г. Клецка, Слуцкаго уѣзда, объявить жителямъ, чтобы никто не смѣлъ дать пріютъ одной женщинѣ, осужденной за проступокъ.

правіи, бывшемъ ихъ удѣломъ въ Польшѣ. Но едва только подольско-волынскія земли перешли подъ русскую власть, былъ изданъ законъ, который долженъ былъ тяжело поразить и въ экономическомъ и въ нравственномъ отношеніи бѣлорусское и подольско-волынское еврейство (по переходѣ Литвы къ Россіи этотъ законъ былъ распространенъ и на мѣстныхъ евреевъ).

Выше было сказано, что значительная часть подольско-волынскихъ евреевъ жила по панскимъ имѣніямъ. Опытъ въ Бѣлоруссіи показалъ, что перевести евреевъ изъ деревень въ ближайшіе города представляется невозможнымъ. Но былъ Новороссійскій край, все еще мало населенный, ждавшій живой торгово-промышленной дѣятельности. И вотъ, возникла мысль направить туда евреевъ, не изъ числа заграничныхъ, какъ этого хотѣла государыня тридцать лѣтъ назадъ, когда не было „своихъ" евреевъ, а изъ тѣхъ, которые жили въ бывшемъ польскомъ краѣ. Льготы, предоставленныя въ Новороссіи поселенцамъ, между прочимъ, освобожденіе отъ податей, не были достаточны, чтобы вызвать среди евреевъ колонизаціонное движеніе. Поэтому государыня рѣшилась прибѣгнуть къ принудительной мѣрѣ. Чтобы заставить неимущихъ сдвинуться съ насиженныхъ мѣстъ, все еврейское населеніе было обложено податью, вдвое превышавшей ту, которую платили купцы и мѣщане христіанскихъ исповѣданій [1]). Въ законѣ ничего не говорилось о причинахъ, вызвавшихъ эту мѣру. Но упомянутый выше Нота Хаимовичъ Ноткинъ, освѣдомленный въ еврейскихъ дѣлахъ, сообщаетъ, что установленіе двойной подати, „сколь можно было знать, послѣдовало, дабы принудить изъ нихъ несостоятельныхъ въ платежѣ сего къ переселенію на пустопорожнія земли" [2]). Свидѣтельство Ноткина подтверждается тѣмъ, что, съ одной стороны, тогда была принята мѣра съ цѣлью удержать евреевъ отъ ухода заграницу—покинуть страну евреи могли лишь по уплатѣ трехлѣтней двойной подати [13]). Съ другой стороны, по вновь пріобрѣтеннымъ

---

[1]) Въ 1795 г. отъ уплаты двойной подати были освобождены караимы, причемъ Екатерина II предоставила генералъ-губернатору гр. Зубову распорядиться „объ оказаніи имъ по возможности и другихъ выгодъ и облегченій, съ предостереженіемъ только, чтобы въ общество сихъ караимовъ не входили изъ тѣхъ евреевъ, кои извѣстны подъ названіемъ Раббиновъ". Караимы и въ дальнѣйшемъ именуются въ законодательныхъ актахъ „евреями"; при установленіи для евреевъ ограниченій, которыя не распространялись на караимовъ, дѣлались соотвѣтствующія оговорки. См. Еврейская Энциклопедія, т. IX, стр. 291 и слѣд.

[2]) Ю. Гессенъ, Евреи въ Россіи, стр. 445. О томъ, что правительство хотѣло переселить „излишнихъ" евреевъ въ Южную Россію, говоритъ одинъ позднѣйшій документъ.

[3]) Указъ 23 іюня 1794 г. „Позволивъ евреямъ отправлять мѣщанскіе и купеческіе промыслы ихъ въ губерніяхъ: Минской, Изъяславской, Брацлавской, По-

губерніямъ послѣдовало распоряженіе „стараться переселять“ евреевъ изъ деревень въ города [1]). Санкціонируя эти мѣры, государыня отнюдь не смотрѣла на евреевъ, какъ на группу людей, для которыхъ общіе законы, будто, не писаны. Напротивъ, одновременно Екатерина II повторила, что въ отношеніи выбора на „должности гражданскія“ для евреевъ не должно быть никакихъ изъятій [2]). Тѣмъ не менѣе, принудительныя мѣры способствовали

лоцкой, Могилевской, Кіевской, Черниговской, Новгородской-Сѣверской, Екатеринославской и въ области Таврической, записаться по городамъ въ мѣщанство и купечество, повелѣваемъ съ тѣхъ изъ упомянутыхъ евреевъ, которые таковымъ дозволеніемъ пользоваться желаютъ, собирать съ 1 числа слѣдующаго іюля установленныя подати вдвое противу положенныхъ съ мѣщанъ и купцовъ христіанскаго закона разныхъ исповѣданій, которые же не похотятъ остаться, таковымъ дать свободу, на основаніи Положенія о городахъ, по заплатѣ трехлѣтней двойной подати, выѣхать изъ Имперіи Нашей“ (Первое полн. собраніе законовъ, № 17224).

Тождественный указъ имѣется въ собраніи законовъ и подъ 1797 г., когда царствовалъ Павелъ I. Но такого указа во времена Павла I вовсе не издавалось. Надо полагать, что среди матеріаловъ, на основаніи которыхъ было составлено собраніе законовъ (Сперанскимъ при Николаѣ I), помимо экземпляра екатерининскаго указа, правильно занесеннаго въ собраніи подъ 1794 г., имѣлась еще копія указа, въ которой рукописное „4“ превратилось въ „7“, и такимъ образомъ законъ 1794 г. былъ повторенъ подъ 1797 г. Въ пользу этого утвержденія говоритъ рядъ обстоятельствъ: нѣкоторыхъ губерній, поименованныхъ въ обоихъ указахъ и существовавшихъ въ 1794 г., уже не было въ 1797 г. (напр. Екатеринославская губ., которую Павелъ, относясь враждебно къ памяти матери, переименовалъ въ Новороссійскую); въ позднѣйшихъ законахъ, касающихся двойной подати и права записываться въ купечество и мѣщанство, дѣлаются ссылки только на указъ 1794 г.; въ докладѣ сената, утвержденномъ Павломъ, дважды цитируется указъ 1794 г. и вовсе не упоминается указъ 1797 г. (Полн. собр. зак. №№ 18889, 21776); еврейскіе ходатаи также упоминаютъ лишь екатерининскій указъ; павловскаго нѣтъ ни въ сенатскомъ изданіи „Именные указы имп. Павла I“, ни въ хранящейся въ архивѣ сената описи, въ которую въ свое время заносились всѣ именные указы и высочайшія повелѣнія, поступавшія въ сенатъ.

[1]) Указъ 3 мая 1795 г.; онъ касался Минской губерніи; распоряженіе относительно другихъ вновь пріобрѣтенныхъ губерній состоялось, повидимому, раньше.

[2]) Тотъ же указъ 3 мая 1795 г.

Списокъ мѣстъ, въ которыхъ были (1800 г.) магистраты и ратуши: Минская губ. *магистраты:* въ Минскѣ и повѣтовыхъ городахъ: Вилейскъ, Дрисса, Борисовъ, Игумень, Слуцкъ, Бобруйскъ, Мозырь, Пинскъ, Рѣчица. *Ратуши:* въ упраздненномъ каз. гор. Доншица и привилегированныхъ мѣстечкахъ Радошковичъ, Несвижъ, Друя. Волынская губ. *магистраты:* въ казенныхъ, бывшихъ старостинскихъ горадахъ: Житоміръ, Овручъ, Кременецъ, Луцкъ, Владиміръ, Ковель, во владѣльческихъ городахъ: Дубно, Новоградоволынскъ (ему подсудны Заславль, Ровно, Ст. Константиновскъ). *Ратуша:* м. Олыка. Подольская губ. *магистраты:* Каменецъ-Под., Винница, Ушица, Проскуровъ, Летичевъ, Литинъ, Брацлавскъ, Гайсинъ, Балта (ему подсуденъ Ольгополь), Могилевъ, (ему подсудна Цекиновка). *Ратуши:* Хмѣльницы, Вербовецкъ (Архивъ сената, I отд., 3 департаментъ, 1800 г., № 400).

тому, что христіане, привыкшіе въ польскія времена видѣть евреевъ въ безправіи, стали прилагать усилія къ тому, чтобы лишить ихъ общественнаго значенія.

Въ Подольской губерніи администрація постановила, что евреи могли занимать лишь мѣста двухъ ратмановъ—мѣста остальныхъ двухъ ратмановъ и двухъ бургомистровъ были предоставлены христіанамъ [1]). При такихъ условіяхъ евреямъ трудно было охранять свои интересы. Но помимо того, подобное ограниченіе способствовало тому, что христіанскій торгово-промышленный классъ считалъ себя въ правѣ презрительно относиться къ евреямъ. Евреи жаловались, что христіане, купцы и мѣщане, не были „исполнены духа терпимости, чтобы по дѣламъ гражданскимъ почитали равнымъ съ собою того согражданина, который по дѣламъ, до религіи касающимся, не одинаковаго съ ними мнѣнія. При таковыхъ понятіяхъ, почитая оное распоряженіе нарочитымъ уничиженіемъ для евреевъ и возмня, что сіи послѣдніе лишены отъ правительства единой довѣренности и уваженія, присвоили себѣ неограниченное во всемъ преимущество предъ еврейскими членами, которые, какъ по сему самому, такъ и по малому количеству, не имѣли почти голоса въ магистратахъ“ [2]). Каменецъ-Подольскіе евреи указывали, что „въ тѣхъ городахъ, гдѣ вовсе нѣтъ христіанскихъ купцовъ, и въ члены магистратовъ по необходимости избраны были самые простолюдины, располагались купеческія дѣла и судились такими людьми, которые объ оныхъ не имѣли ни малѣйшаго понятія“; въ большей части городовъ Подольской губерніи „отягощаются евреи предъ христіанами въ разсужденіи налагаемаго на нихъ“ [3]) сбора для покрытія городскихъ расходовъ, а при взысканіи сбора съ евреевъ „употребляются всякія строгости, между тѣмъ, какъ на христіанахъ остается весь почти окладъ въ недоимкѣ“ [4]).

---

[1]) Распоряженіе генералъ-губернатора Тутолмина, утвержденное государыней. См. опредѣленіе I отд. 3 департ. сената, 7 октября 1802 г.

[2]) С. Бершадскій, Положеніе евреевъ 1804 года. Восходъ, 1895 г. кн. VI, стр. 46.

[3]) Когда въ бывшихъ польскихъ губерніяхъ было введено управленіе, основанное на особыхъ принадлежащихъ имъ правахъ и привилегіяхъ (указъ 12 декабря 1796 г.), евреи должны были подлежать по уголовнымъ и „прочимъ важнымъ дѣламъ“ суду пана, но сенатъ, найдя, что „при настоящемъ благоустроенномъ правленіи“ это было бы неумѣстно, согласился съ предложеніемъ каменецъ-подольскаго генер.-губернатора Беклешева подчинить евреевъ городскимъ магистратамъ съ тѣмъ, чтобы евреи принимали участіе въ дѣлахъ магистрата (см. опредѣленіе 1 отд. 3 деп. сената 7 октября 1802 г.). Евреямъ была предоставлена одна треть голосовъ.

[4]) С. Бершадскій, Положеніе о евреяхъ 1804 года. Восходъ, 1895 г., кн. VI, стр. 46.

Въ виду этого начальникъ Волынской, Подольской и Минской губерній, гр. Гудовичъ, сославшись на статью Городового положенія, предоставляющую половину голосовъ иностранцамъ и иногороднимъ при ихъ значительномъ скопленіи въ одномъ мѣстѣ, приказалъ (1800 г.) выбирать евреевъ въ магистраты въ числѣ половины всѣхъ членовъ, при условіи, чтобы президентомъ былъ христіанинъ [1]). Несомнѣнно, мѣстныхъ евреевъ нельзя было приравнять къ этимъ „гостямъ“ [2]), но ссылка эта сдѣлана была только потому, что иначе евреевъ слѣдовало бы выбирать въ магистраты по числу душъ, и они могли бы, такимъ образомъ, оказаться въ большинствѣ. Но и половиной голосовъ евреи пользовались не долго. Имъ ставилось въ вину, что и при этихъ условіяхъ они господствуютъ въ магистратахъ, въ связи съ чѣмъ на выборахъ, молъ, происходятъ безпорядки. Борьба изъ-за общественнаго господства и злоупотребленіе членами магистратовъ властью приводили къ конфликтамъ повсемѣстно въ Россіи. Власть магистрата надъ гражданами посада часто превращалась въ рукахъ членовъ магистратовъ „въ опасное орудіе всевозможныхъ злоупотребленій, дорого стоившихъ посадскимъ жителямъ... Нерѣдко избирательная борьба принимала до дикости рѣзкія формы и затягивалась на нѣсколько лѣтъ подрядъ...“ [3]). Но этимъ столь обычнымъ явленіямъ приписывали въ Подольской и Волынской губерніяхъ такой характеръ, словно подобныя замѣшательства происходили благодаря однимъ только евреямъ. Мѣстное общество, а за нимъ администрація, никакъ не хотѣли примириться съ тѣмъ, что евреи пользуются правами гражданъ, и всячески дискредитировали ихъ въ глазахъ правительства. Любопытно отмѣтить, что администрація Подольской губерніи доказывала, что общественныя дѣла терпятъ благодаря тому, что евреи не знаютъ ни русской, ни польской грамоты, администрація же Волынской губерніи была недовольна именно тѣмъ, что евреи грамотны, а христіане неграмотны. Между прочимъ, указывалось, что евреевъ нельзя признавать иностранцами, что они „коренные тамошніе жители“, но это говорилось не для того, чтобы предоставить евреямъ соотвѣтствующія права, а для того, чтобы поставить этихъ коренныхъ жителей—въ отношеніи выборнаго права—ниже иностранцевъ. Все это привело къ

[1]) Опредѣленіе 1 отд. 3 деп. сената 7 окт. 1802 г.; быть можетъ, этотъ порядокъ былъ введенъ въ одной Подольской губ.

[2]) Толкованіе къ 66 ст. „Иногородніе и иностранные гости суть тѣ изъ иныхъ Россійскихъ городовъ, или иныхъ государствъ люди, кои ради промысла или работы, или иныхъ мѣщанскихъ упражненій, записались“.

[3]) А. Кизеветтеръ, Посадскіе избирательные сходы (изслѣдованіе доведено до 80-хъ годовъ 18-го вѣка). Русское богатство, 1901 г. кн. 9, стр. 55.

тому, что (1802 г.), подольско-волынскимъ евреямъ предоставили въ городскихъ учрежденіяхъ, по прежнему, лишь одну треть голосовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видахъ прекращенія недоразумѣній между христіанскимъ и еврейскимъ обществами, было постановлено, чтобы христіанъ избирали христіане, а евреевъ—евреи.

При новомъ порядкѣ общественное положеніе евреевъ должно было ухудшиться. Христіане могли отнынѣ открыто выражать непріязнь къ ограниченному въ правахъ еврейству, отъ котораго болѣе не зависѣли на выборахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, не выбирая болѣе должностныхъ лицъ сообща съ христіанами, евреи утратили возможность препятствовать вступленію въ магистраты лицъ, враждебно относившихся къ еврейскому населенію.

Каменецъ-Подольскіе евреи пытались защитить свои права; они уполномочили мѣщанина Ицку Гельмановича выступить со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ [1]).

Упомянувъ, что Екатерина II предоставила евреямъ купеческія и мѣщанскія права и преимущества и повелѣла въ отношеніи выбора евреевъ въ городскія должности придерживаться общихъ законовъ, Ицка Гельмановичъ остановился на перемѣнахъ, которыя вносились въ эту сферу мѣстными администраторами [2]); поясняя далѣе, что мѣстное еврейское торговопромышленное населеніе превышаетъ въ три-четыре раза христіанское, что дѣла, поступающія въ магистратъ, главнымъ образомъ, еврейскія, Гельмановичъ заключилъ жалобу слѣдующими строками: „Вѣрители мои недоумѣваютъ, какая бы могла быть причина таковому исключенію ихъ народа изъ общихъ законовъ, ибо нельзя приписать сіе какому-либо замѣченному правительствомъ злоупотребленію, въ каковомъ они почитаютъ себя совершенно невинными, поелику никогда не требовано было отъ общества евреевъ какое-либо по такому случаю объясненіе; вѣдая же, что правительство россійское столь человѣколюбиво, что и важнѣйшаго преступника не позволяетъ наказывать, не выслушавъ прежде его изъясненія противъ преступленія, въ которомъ его

---

[1]) Довѣренность на имя Гельмановича гласила: „Ицка Гельмановичъ. Мы, нижеподписавшіеся каменецкіе мѣщане, будучи обязаны своими домашними надобностями, не имѣемъ время вслучаѣ каковаго либо по судебному мѣсту имѣть ходатайство, просимъ васъ, дабы вы по всемъ, какіе только могутъ случиться отъ стороны нашей дѣла во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ, имѣть по онымъ хожденіе и подавать отъ имени нашего прошенія и исходатайствовать резолюціи, въ чемъ вамъ вѣримъ и что по сему законно учините спорить и прекословить не будемъ, но останемся благодарными“ (1 отд. 3 деп. сената, 1804 г. дѣло № 533; подпись евреевъ-мѣщанъ удостовѣрена нѣкіимъ коллежскимъ ассесоромъ).

[2]) Подробности—см. Ю. Гессенъ, Евреи въ Россіи, (Спб. 1906 г.), глава „Общественное самоуправленіе“.

обвиняютъ, твердо увѣрены, что менѣе попуститъ сіе самое правительство осуждать цѣлый народъ за что-либо, не истребовавъ прежде отъ него объясненій. Да и какіе могутъ быть проступки, которые бы обвиняли цѣлый народъ, когда пороки частныхъ людей не доказываютъ еще относительно ихъ къ цѣлому народу? Пороки же цѣлаго народа—если таковые суть—должны быть исправлены, а не наказываемы, поелику не можетъ быть, чтобы въ немъ не находились люди невинные, которыхъ не слѣдуетъ наказать за поступки другихъ. Сверхъ того, надлежало бы прежде изслѣдовать погрѣшности, въ коихъ обвиняютъ одинъ народъ, не суть ли онѣ всѣмъ общія, но замѣчаемы больше у того, противъ котораго употребляютъ особенное примѣчаніе и о которомъ всѣ уже расположены вѣрить, что онъ подверженъ онымъ. Напротивъ того, я осмѣливаюсь всеподданнѣйше ссылаться на опытъ, доказывающій, что... случалось множество такихъ дѣлъ, при рѣшеніи коихъ въ магистратахъ происходило разногласіе между членами христіанскими и еврейскими и по пересмотрѣніи оныхъ въ высшей инстанціи утверждены были мнѣнія послѣднихъ"... И Ицка Гельмановичъ проситъ „выбирать евреевъ въ магистраты по числу душъ, или же хотя половинное число. А дабы не подать вида отъ правительства къ различенію народовъ по дѣламъ гражданскимъ, то, не раздѣливъ общества купцовъ и мѣщанъ на двѣ части при выборахъ, то есть на христіанскія и еврейскія, велѣть обоимъ вообще выбирать какъ христіанскіе, такъ и еврейскіе члены" [1]).

Въ иныхъ условіяхъ протекла и къ иному результату привела борьба изъ-за избирательнаго права на Литвѣ. Здѣсь общерусское управленіе не было введено; за краемъ были сохранены старыя права и привилегіи. Въ силу этого евреи остались по прежнему обособленной группой, не участвовавшей въ органахъ общественнаго самоуправленія.

Въ ту пору жизнь евреевъ на Литвѣ, особенно въ Вильнѣ, раздирали междоусобія; религіозная борьба стала въ извѣстной степени борьбой изъ-за кагальной власти [2]). И вотъ, группа виленскихъ евреевъ, чтобы сломить силу кагала, обратилась къ правительству (1799 г.) съ ходатайствомъ, чтобы литовскимъ евреямъ было дано такое же гражданское устройство, какъ и прочимъ евреямъ. Этотъ шагъ былъ сдѣланъ, несомнѣнно, подъ воздѣйствіемъ литовскаго губернатора Фризеля; нѣсколько позже онъ выступилъ съ предложеніемъ объ уравненіи евреевъ въ пра-

---

[1]) С. Бершадскій, Положеніе о евреяхъ 1804 г. Восходъ, 1895 г. кн. VI

[2]) См. главу девятую.

вахъ съ остальнымъ населеніемъ; а теперь, полагая, что евреямъ будетъ предоставлено участіе въ городскомъ самоуправленіи, онъ исходатайствовалъ учрежденіе магистратовъ и ратушъ [1]) въ рядѣ городовъ, при чемъ поддержалъ предъ правительствомъ просьбу виленскихъ евреевъ объ избраніи ихъ на общественныя должности. Ходатайство евреевъ было удовлетворено [2]), — имъ было разрѣшено занимать мѣста въ магистратахъ. Но затѣмъ исполненіе этого рѣшенія было пріостановлено—формально подъ тѣмъ предлогомъ, что въ то время было приступлено къ общему разсмотрѣнію различныхъ вопросовъ еврейской жизни, но фактически тутъ сыгралъ роль мѣстный городской христіанскій классъ, принявшій самыя энергичныя мѣры къ тому, чтобы не допустить евреевъ къ участію въ общественномъ самоуправленіи [3]).

Вскорѣ послѣ этого, избирательныя права евреевъ были ограничены и въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ объ этомъ вовсе не заводили рѣчи. Когда сенату было донесено о порядкѣ, установленномъ въ Подольской и Волынской губерніяхъ, выдѣленіе евреевъ въ особую избирательную курію было не только санкціонировано въ отношеніи упомянутыхъ губерній, но и распространено (1802 г.) на всѣ прочія, входившія въ черту еврейской осѣдлости [4]). При этомъ было потребовано, чтобы евреи нигдѣ не имѣли болѣе одной трети голосовъ [5]). Это распоряженіе было сообщено и въ литовскія губерніи, и хотя здѣсь евреи находились въ сторонѣ отъ городского самоуправленія, литовскій губернаторъ предписалъ произвести выборы при участіи евреевъ, что было одобрено и министромъ внутреннихъ дѣлъ, гр. Кочубеемъ [6]).

---

[1]) Архивъ сената, 1 отд. 3 деп. 1804 г. Дѣло „О магистратахъ и ратушахъ Литовской губерніи“ (указомъ сената 1 января 1800 г. ратуши были учреждены въ Шавляхъ, Россіенахъ, Тельшахъ, Поневѣжѣ, Вилькомірѣ, Видзѣ, Свѣнцянахъ).

[2]) Журналъ Сената, 1 отд. 3 деп. 13 августа 1800 г.

[3]) 1 отд. 3 деп. сената, дѣло 1797 г., № 64.

[4]) Опредѣленіе 1 отд. 3 деп. сената, 7 октября 1802 г.; указъ былъ посланъ 9 декабря 1802 г., кромѣ Волынской и Подольской губ., также въ Минскую, Кіевскую, Гродненскую, Виленскую, Витебскую и Могилевскую губ.

[5]) По прежнему евреи могли избираться въ гласные и городскіе головы.— Когда бѣлорусскій губернаторъ Михельсонъ, разъяснивъ губернскому правленію, что въ числѣ одной трети членовъ магистрата можетъ быть одинъ еврей—бургомистръ, донесъ объ этомъ сенату, послѣдовалъ отвѣтъ (августъ 1803 г.; 1 отд., 1804 г., дѣло № 533), позволяющій заключить, что сенатъ не согласился на занятіе евреями должности бургомистра; однако, фактически евреямъ предоставляли въ магистратахъ одно мѣсто бургомистра (Архивъ министерства народн. просвѣщенія, карт. № 1483, дѣло № 47505). Въ октябрѣ 1803 г. копысскій 1-ой гильдіи купецъ, депутатъ бѣлорусскаго общества, Хононъ Лейзеровичъ ходатайствовалъ, чтобы ему была выдана копія съ отвѣта сената Михельсону; очевидно, бѣлорусскіе евреи добились отмѣны запрещенія занимать должность бургомистра.

[6]) 1 отд. 3 деп. сената, 1804 г. № 533.

Это нововведеніе было принято польскимъ обществомъ какъ оскорбленіе его національнаго достоинства. Виленское, гродненское, а затѣмъ и ковенское общества выступили съ протестами оффиціальнаго и частнаго характера—противъ уравненія евреевъ въ правахъ. Во главѣ оппозиціи стали виленскіе христіане. Они подписали 1 февраля 1803 г. всеподданнѣйшее прошеніе о неизбраніи евреевъ и въ тотъ же день виленскій президентъ обратился къ неизвѣстному вліятельному лицу съ просьбою оказать поддержку этому ходатайству [1]).

Виленскіе христіане съ возмущеніемъ указывали, что городъ „черезъ допущеніе евреевъ къ должностямъ, терялъ бы свою свободу, свои права и прерогативы, и граждане его христіане принуждены были бы современемъ подпасть подъ разные, свойственные евреямъ, происки такъ, что сіи могли бы взять надъ ними и верхъ". Отмѣчая далѣе, что евреи всегда были ограничены „въ разсужденіи своего и мѣстопребыванія, и образа жизни", что они лишены права быть свидѣтелями въ судахъ, что по своей неопрятности бываютъ причиной заразы, виленское общество заявляло: „Къ тому же не имѣютъ они никакой идеи о морали, и образъ ихъ внутренняго воспитанія не пріуготовляетъ ихъ къ званію судьи, а вообще содержитъ себя сей народъ посредствомъ однихъ происковъ, не имѣя впрочемъ положительнаго и непремѣннаго для себя состоянія. Напротивъ того, христіане отъ времени основанія города Вильны, будучи всегда вѣрными подданными и нося всегда по правамъ и привилегіямъ, по выбору, обязанности урядниковъ, старались долгъ свой выполнить, какъ вѣрноподданническая присяга требуетъ, и для своего и для потомковъ добраго имени. Нынѣ же, съ прискорбіемъ видя, что евреи смѣшаны съ ними, стѣсненъ ихъ духъ уныніемъ и отнята вовсе изъ нихъ у каждаго охота къ принятію публичнаго служенія тогда, когда евреямъ дана воля возрастать надъ христіанами, а особенно если ихъ начальствованіе сколько унижаетъ уваженіе къ судилищу, въ которомъ православная религія имѣетъ наиболѣе вліянія и есть нерушимымъ основаніемъ для каждаго судьи служить вѣрно престолу, блюсти законы и исполнять обязанности, столько содѣлается слѣдствіемъ,

---

[1]) Это частное письмо президента я нашелъ среди разрозненныхъ бумагъ, присланныхъ (автографовъ ради) изъ архива сената въ рукописное отдѣленіе Имп. публичной библіотеки въ Петроградѣ; къ письму была приложена копія всеподданнѣйшаго прошенія. Письмо президента заканчивается словами: „Мы, дѣти наши и потомки первымъ долгомъ всегда поставимъ прославлять имя Ваше, возсылая теплыя молитвы предъ престоломъ Всевышняго за здравіе и долгоденствіе ихъ благотворителя". Въ іюнѣ 1803 г. президентъ обратился къ одному вліятельному лицу съ подобнымъ же письмомъ на французскомъ языкѣ.

что пришельцы изъ границы, желающіе водвориться въ Вильнѣ, видя евреевъ въ урядахъ, въ магистратѣ, чего ни въ одномъ заграничномъ городѣ нѣтъ, потеряютъ, конечно, охоту селиться въ Вильнѣ, и черезъ то городъ, лишась гражданъ, наполненъ будетъ одними евреями. Болѣе же всего довѣріе публичное и довѣріе къ людамъ, правосудіе наблюдающимъ, падутъ, послушаніе черни обратится въ поруганіе, когда приходящій въ мѣсто, такъ сказать, освященное, обрѣтаетъ еврея и въ немъ своего начальника и судью, которому подчинено быть несвойственно ни по состоянію, ни по религіи". И потому виленское общество просило отмѣнить распоряженіе объ избраніи евреевъ [1]).

Въ жалобѣ гродненскихъ христіанъ, дѣйствовавшихъ за одно съ виленскими, заключалась та же ссылка на городскія привилегіи, на некультурность евреевъ. „Ни мало намѣрены мы поносить какого либо рода исповѣданія и законы, но предпріемлемъ изъяснить, что поселившійся въ Литвѣ за нѣсколько сотъ лѣтъ еврейскій народъ доселѣ еще не просвѣщенъ, а тѣмъ болѣе не знаетъ государственныхъ законовъ, письмопроизводства и діалекта края, въ которомъ живетъ; дѣти сего народа не обучаются нужнымъ наукамъ въ мѣстахъ, къ тому принадлежащихъ (предназначенныхъ); они на еврейскомъ своемъ языкѣ обучаются тѣмъ только правиламъ, которыя или вовсе несходны общественнымъ обрядамъ, или весьма мало сообразны съ мѣстными нравами. Того для и не можетъ быть ничего вреднѣе для города, когда неспособные и незнающіе по дѣламъ евреи обще съ христіанами займутъ мѣста въ городѣ, и тогда они или подвергнуты будутъ власти евреямъ или же въ распряхъ не исполнятъ обязанностей своихъ". Къ тому же, говорили гродненскіе христіане, евреевъ и потому нельзя допустить въ магистратъ, что тамъ хранятся документы, относящіеся къ многолѣтней тяжбѣ между гродненскими христіанами и евреями, которая велась изъ-за того, что евреи занимались въ городѣ торговлей и ремеслами [2]).

Противъ евреевъ ополчилось и ковенское общество, уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ добивавшееся изгнанія евреевъ изъ города; оно, съ своей стороны, также выставило новый доводъ въ пользу устраненія евреевъ отъ участія въ органахъ самоуправленія,—„для приведенія на вѣрность Господу Богу и Государю къ присягѣ, на судейскомъ столѣ поставленъ крестъ съ изображеніемъ распятія Іисуса Христа даетъ всякому видѣть и почитать сіе за святость... а еврей себя при сей святой фигурѣ распятія

[1]) С. Бершадскій, Положеніе о евреяхъ 1804 года. Восходъ, 1895 г., кн. VI.

[2]) Жалоба отъ 16 февраля 1803 г. Архивъ сената. 1 отд., 3 деп., 1804 г., дѣло № 533.

(отъ чего ихъ самая религія отвлекаетъ) уповательно, что будучи невѣрный, не будетъ на оную смотрѣть, но противно, по своему обряду, противъ оной думать, а потому вмѣсто судейской справедливости насмѣиваться только будутъ съ христіанскаго закона“ [1]).

Эти жалобы произвели свое дѣйствіе: послѣдовало разъясненіе, что правила объ избраніи евреевъ на должности имѣютъ силу лишь для тѣхъ губерній, гдѣ евреи и до того пользовались выборными правами, и вслѣдствіе этого выборы евреевъ на Литвѣ были пріостановлены (1803 г.). Тогда отъ имени литовскихъ евреевъ выступилъ съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ Гиршъ Давидовичъ [2]); ссылаясь на примѣръ другихъ губерній, онъ ходатайствовалъ о предоставленіи избирательнаго права также евреямъ литовскихъ губерній [3]). Но вопросъ былъ предрѣшенъ. Отказавшись отъ своего первоначальнаго мнѣнія, министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ государю объявить особымъ указомъ, что законъ объ избирательномъ правѣ евреевъ не распространяется на Литву. Александръ I не прибѣгъ, однако, къ такому исключительному средству; онъ повелѣлъ передать дѣло въ сенатъ, а здѣсь было постановлено (1804 г.) прекратить на Литвѣ избраніе евреевъ въ магистраты.

Борьба, которую христіанское населеніе городовъ Литвы вело противъ участія евреевъ въ самоуправленіи, не являлась единственнымъ проявленіемъ вѣками укрѣпившагося отношенія польскаго общества къ евреямъ, какъ къ чужеродному элементу, какъ

---

[1]) Жалоба отъ 24 іюня 1802 года. Рукописное отдѣленіе Имп. публичной библіотеки, F'' 195.

[2]) 1 отд. 3 деп. сената; 1804 г., дѣло № 533. Гиршъ Давидовичъ былъ снабженъ слѣдующимъ полномочіемъ: „Я, нижеподписавшійся, Виленскаго еврейскаго кагала сындыкъ, еврей Еремiатъ Нохимовичъ, въ силу данной мнѣ отъ виленскаго еврейскаго кагала, купечества, обывателей и цѣлаго Литовско-Виленской губерніи еврейскаго общества, о выбраніи одного достойнаго и вѣрнаго человѣка къ хожденію по дѣламъ кагальнымъ, купеческимъ, обывательскимъ и цѣлаго общества въ Правительствующій Сенатъ или другія какія либо присутственныя мѣста, сколько нужда потребовать будетъ, отъ имени цѣлаго общества прошенія подавать, вслѣдствіе того полномочія признаю достойнымъ къ хожденію по вышеозначеннымъ дѣламъ еврея Гиршу Давидовича, Гродненской губ. въ Бржестскомъ повѣтѣ жительствующаго, который властенъ есть, отъ имени цѣлаго общества Литовско-Виленской губ., по дѣламъ кагальнымъ, купеческимъ, обывательскимъ и всего еврейскаго общества въ Правительствующій Сенатъ и прочія присутственныя мѣста прошенія подавать, сколько нужда требовать будетъ, и что бы показанный Давидовичъ ни просилъ, за важное приниматься должно; въ чемъ удостовѣряя при прошенныхъ отъ меня свидѣтеляхъ собственноручно утверждается. Г. Вильно. Августа 13 дня 1803 г.“

Эта довѣренность была занесена въ земскую книгу.

[3]) Прошеніе Гирша Давидовича приведено у С. Бершадскаго, Восходъ, 1895 г., книга VI.

къ группѣ населенія, не находящей защиты предъ закономъ. Если извѣстная часть христіанскаго общества считала ниже своего достоинства засѣдать въ магистратахъ наряду съ евреями, то другія группы готовы были лишить евреевъ элементарныхъ правъ лишь бы избавиться отъ конкуррентовъ въ торговлѣ и ремеслахъ. Нѣкоторыя общества стали добиваться изгнанія изъ города всѣхъ евреевъ [1]).

Въ Ковнѣ издавна шелъ споръ изъ-за проживанія евреевъ, По жалобѣ мѣстнаго общества литовскій надворный судъ предписалъ въ 1753 г. „очистить отъ жительства евреевъ“ городскія земли, за исключеніемъ старостинскихъ замковыхъ домовъ, вслѣдствіе чего ковенскій староста поселилъ евреевъ на „грунтахъ старостинскихъ“, и христіане не выразили тогда никакого недовольства. Однако, въ 1761 г. горожане выгнали евреевъ, и только въ 1782 г. староста могъ вернуть евреевъ, которые и заняли свои прежнія улицы—Замковую и Повилейскую. Постепенно евреи перешли границы этихъ улицъ и стали даже владѣть домами въ разныхъ мѣстахъ города; такое нарушеніе запрета вызывалось какъ потребностями окрестныхъ евреевъ, торговая дѣятельность которыхъ тяготѣла къ Ковнѣ, такъ и интересами христіанъ, связанныхъ съ евреями дѣловыми сношеніями. И противъ этого нарушенія запрета одинаково безсильны были какъ декреты судовъ, такъ и „протестація“ кагала (1792 г.), имѣвшаго, очевидно, причины быть недовольнымъ тѣмъ, что христіане отдавали евреямъ дома въ запретныхъ улицахъ. Тогда нѣкоторые христіане, ссылаясь на привилегію Станислава Августа, запретившую евреямъ жить въ Ковнѣ, возбудили (1797 г.) ходатайство объ ихъ изгнаніи. Такъ какъ при переходѣ Литвы къ Россіи за городами были сохранены ихъ права, то Павелъ I повелѣлъ выяснить, дѣйствительно ли Ковна имѣетъ подобную привилегію, и въ утвердительномъ случаѣ привести ее въ исполненіе. Надворный судъ призналъ законнымъ проживаніе евреевъ на Замковой и Повилейской улицахъ (запретивъ, однако, евреямъ расширять старые дома или строить новые!) и разрѣшилъ имъ покупать для себя съѣстные припасы на рынкѣ, а также торговать на ярмаркахъ. Что касается домовъ въ запретной части города, перешедшихъ къ евреямъ отъ христіанъ по долгамъ, то судъ потребовалъ, чтобы христіане, задолжавшіе евреямъ, расплатились съ ними и приняли обратно свои дома; въ противномъ же случаѣ христіанское общество Ковны, какъ юридическое лицо, обязано выкупить ихъ у евреевъ.

---

[1]) Въ иныхъ городахъ (напр., Вильнѣ) строго соблюдалось запрещеніе евреямъ жить на извѣстныхъ улицахъ.

Добиваясь изгнанія евреевъ, ковенскіе мѣщане имѣли въ виду не только избавиться отъ конкуррентовъ, но, кромѣ того, и конфисковать въ свою пользу ихъ товары, а также воспользоваться суммами, выданными евреями подъ залогъ домовъ. По рѣшенію же надворнаго суда товары остались бы при евреяхъ, а христіанское общество должно было бы выплатить евреямъ долги своихъ членовъ. Поэтому ковенскіе мѣщане „взяли на апелляцію" рѣшеніе суда.

Между тѣмъ, пока судъ разсматривалъ ковенское дѣло, возникъ вопросъ о проживаніи евреевъ въ Каменцѣ-Подольскомъ, считавшемся до того времени для нихъ запретнымъ. Водворившимся здѣсь евреямъ угрожала, повидимому, высылка вслѣдствіе протеста христіанъ, но Павелъ I повелѣлъ (1797 г.) евреевъ „не высылать, а оставить на томъ основаніи, какъ они и въ другихъ городахъ свободное пребываніе имѣютъ" [1]).

Въ виду этого, генералъ-прокуроръ не рѣшился представить государю постановленіе суда по ковенскому дѣлу, стоявшее въ противорѣчіи съ повелѣніемъ относительно Каменца-Подольскаго. Онъ предложилъ литовскому ген.-губернатору, кн. Репнину, „опредѣлить цѣну" рѣшенія суда. Характеристика, данная Репнинымъ, оказалась крайне неблагопріятной для христіанскаго общества; по его словамъ, обыватели Ковны, за исключеніемъ небольшого числа иностранныхъ и нѣсколькихъ польскихъ купцовъ, находятся въ такомъ жалкомъ состояніи, что удаленіе евреевъ опустошило бы городъ,—утруждавшіе государя сами не знали, чего просили, и „слѣдовали только застарѣлой ихъ, легкомысленной и, такъ сказать, несмысленной къ евреямъ зависти". Павелъ I повелѣлъ (іюнь 1798 г.), чтобы поселившіеся въ Ковнѣ евреи были оставлены „въ спокойномъ собственностью ихъ владѣніи, невозбранно отправляли ремесла и производили бы торговыя дѣла безпрепятственно". Ковенское общество, однако, не успокоилось. Когда въ 1803 г. три литовскихъ города,—среди нихъ и Ковна — выступили съ ходатайствами, чтобы евреи не избирались въ магистраты, оно вновь возбудило требованіе объ изгнаніи евреевъ изъ города, но безрезультатно.

И кіевскій магистратъ, ссылаясь на то, что грамоты и привилегіи города возстановлены (1797 г.) въ своей силѣ, предложилъ (1801 г.) выселить изъ Кіева всѣхъ евреевъ—11 купцовъ, 656 мѣщанъ съ семействами, хотя они поселились здѣсь на законномъ основаніи.

---

[1]) Когда въ 1797 г. евреямъ было позволено жить въ Каменцѣ, болѣе состоятельные изъ евреевъ мѣст. Карвасары переселились туда; въ Карвасарахъ осталась лишь самая бѣднота. См. Регесты и надписи, № 2448

Но губернаторъ Феньшъ не нашелъ „никакого резона", почему бы евреямъ жительство въ Кіевѣ могло быть воспрещено, а въ донесеніи генералъ-прокурору онъ отмѣтилъ, что въ городѣ среди мѣщанъ-христіанъ нѣтъ искусныхъ мастеровъ, что большинство таковыхъ евреи; равнымъ образомъ христіане-купцы не заботятся о томъ, чтобы въ лавкахъ были нужные товары, городу же необходимы хорошіе мастера и купцы, — слѣдовательно, надо оставить евреевъ. Генералъ-прокуроръ поддержалъ донесеніе губернатора, и государь повелѣлъ (1801 г.) „евреевъ никуда не переселяя, оставить на жительствѣ въ Кіевѣ" [1]).

Другимъ пережиткомъ польскихъ временъ являлось отношеніе помѣщиковъ къ живущимъ у нихъ евреямъ.

Власть помѣщика распространялась какъ на внѣшнюю, такъ и на внутреннюю еврейскую жизнь. Владѣльцы имѣній въ теченіе вѣковъ являлись полновластными господами для жившихъ у нихъ евреевъ; евреи были какъ бы ихъ подданными; отъ землевладѣльца зависѣло само проживаніе евреевъ на его землѣ и до извѣстной степени право передвиженія; онъ же налагалъ и взыскивалъ подати, творилъ судъ и расправу, вмѣшивался въ религіозныя дѣла. Землевладѣлецъ старался извлечь изъ еврея все, что возможно, не давая ему, однако, погибнуть, дабы не изсякъ источникъ дохода. Жизнь еврея представляла собою, въ сущности, безпрерывную оплату подаваемыхъ счетовъ; золотомъ регулировались взаимоотношенія владѣльцевъ имѣній и жившихъ у нихъ евреевъ, при чемъ играла роль платежеспособность не каждаго еврея въ отдѣльности, а цѣлыхъ еврейскихъ обществъ; золотомъ предотвращались насилія со стороны пановъ, направлявшіяся на тѣ или другія группы еврейскаго населенія, при чемъ выкупъ вносился всѣмъ еврейскимъ обществомъ.

По переходѣ польскаго края къ Россіи помѣщикъ долженъ былъ потерять власть надъ евреемъ—всѣ евреи, войдя въ составъ торгово-промышленныхъ классовъ, были подчинены соотвѣтствующимъ административнымъ и судебнымъ установленіямъ. Однако, фактически, евреи на помѣщичьихъ земляхъ остались въ прежнихъ условіяхъ [2]), хотя правительство боролось съ этимъ явленіемъ. Когда депутація отъ бѣлорусскихъ евреевъ, прибывшая въ Петербургъ, указала, между прочимъ, на притѣсненія, чинимыя евреямъ

---

[1]) Юлій Гессенъ, Евреи въ Россіи (стр. 339—352); по рукописнымъ источникамъ: архивъ сената, дѣло министерства юстиціи, 1797 г., № 316; тамъ-же, 1801 г., № 35; рукописное отдѣленіе Имп. публ. библіотеки, F'' 195.

[2]) Выморочное имущество евреевъ поступало частью или полностью въ пользу помѣщика, Указъ сената 8 авг. 1801 г. по дѣлу Бердичевскихъ евреевъ. (Архивъ Государственнаго совѣта, департам. законовъ 1835 г., № 11).

владѣльцами имѣній, бѣлорусской администраціи было предписано слѣдить за тѣмъ, чтобы жалобы евреевъ были разсмотрѣны „на основаніи законовъ и съ тѣмъ же безпристрастіемъ, съ каковымъ дѣла прочихъ бѣлорусскихъ жителей въ судахъ наблюдаются". При возстановленіи въ Подольской губ. (а также, вѣроятно, въ Волынской и Минской губ.) прежнихъ польскихъ учрежденій (1798 г.), было указано въ отношеніи евреевъ, что, „при настоящемъ благоустроенномъ правленіи несовмѣстно уже будетъ, по прежнимъ того края правамъ, подвергнуть ихъ земскому суду владѣльцевъ" и потому-то за евреями было сохранено право на участіе въ магистратахъ, хотя это не дозволялось въ польское время [1]). Спустя нѣсколько лѣтъ, узнавъ о притѣсненіяхъ, которымъ евреи подвергаются въ одномъ литовскомъ имѣніи, имп. Павелъ I приказалъ разсмотрѣть дѣло „немедленно и не въ очередь" и чтобы съ владѣльцемъ имѣнія, въ случаѣ, если онъ „въ предъявленныхъ на него зловредныхъ поступкахъ окажется виновнымъ, было поступлено по всей строгости законовъ", чтобы приняты были „всевозможныя мѣры къ огражденію... евреевъ отъ притѣсненія" [2]).

Жертвой произвола помѣщика явились въ данномъ случаѣ евреи Новаго Мѣста староства Хвейданскаго, пожалованнаго въ 1765 г. литовскому чеснику Михайлѣ Роникеру. Помѣщикъ угнеталъ евреевъ непосильными поборами, а со времени покупки имѣнія Сингуты, онъ сталъ подвергать ихъ еще большимъ притѣсненіямъ, дабы понудить ихъ переселиться въ Сингуты. Надворный судъ присудилъ въ пользу евреевъ съ Роникера значительную сумму денегъ и предложилъ губернскому правленію слѣдить за тѣмъ, чтобы староста Роникеръ „впредь ни подъ какимъ видомъ не притѣснялъ новомѣстскихъ жителей, не чинилъ имъ никакихъ непозволенныхъ налоговъ, обидъ, какъ личныхъ, такъ и въ имѣніи и торговлѣ, и не препятствовалъ имъ разбираться между собою въ дѣлахъ духовныхъ и партикулярныхъ въ своей синагогѣ". А сенатъ, подтвердивъ это рѣшеніе, предписалъ губернскому правленію взять съ Роникера подписку о нечиненіи евреямъ притѣсненій и постановилъ посадить Роникера на шесть недѣль „на вѣжу" [3]).

Обо всемъ этомъ было доложено Павлу I. А вскорѣ до государя дошла вѣсть о противозаконныхъ дѣйствіяхъ владѣльца мѣстечка Шклова, бывшаго фаворита Екатерины II, генерала Зорича, направленныхъ, „противъ евреевъ и прочихъ въ бѣлорусской гу-

---

[1]) Опред. 1 отд. 3 деп. сената 7 октября 1802 г.

[2]) Архивъ сената, т. 216, № 1139. О высочайшемъ повелѣніи разсмотрѣть дѣло генералъ-прокуроръ Лопухинъ увѣдомилъ сенатъ 20 марта 1799.

[3]) Архивъ сената, всеподданнѣйшіе доклады.

берніи обитающихъ“. Потому ли, что жалобы слишкомъ ярко рисовали произволъ Зорича, или въ данномъ случаѣ сыграла роль самая личность Зорича, какъ фаворита Екатерины II, къ памяти которой Павелъ относился со злобой, для разслѣдованія дѣйствій Зорича государь командировалъ сенатора (извѣстнаго поэта) Державина [1]), который и долженъ былъ донести обо всемъ не только сенату, но и самому государю.

Вслѣдъ за тѣмъ Павлу I была представлена (1800 г.) также жалоба повѣреннаго еврейскаго общества м. Соколовки (Кіевской губ.) Файвиша Хаимовича на владѣльца мѣстечка—Станислава Потоцкаго. Повѣренный указывалъ, что прежній владѣлецъ Соколовки „Францишекъ“ Потоцкій пригласилъ предковъ жалобщиковъ поселиться въ мѣстечкѣ, „съ ограниченіемъ помѣщичьихъ съ нихъ сборовъ“, вслѣдствіе чего евреи и „застроились“. Но Станиславъ Потоцкій, хотя и подтвердилъ это условіе, нарушилъ его, „подати на евреевъ новыя налагая, а старыя подвышая до чрезвычайности“. Евреи возбудили судебное дѣло; между тѣмъ, пока оно тянулось, Потоцкій продолжалъ „простирать“ свою власть и самовольно взыскивать съ евреевъ налоги по своему усмотрѣнію; такимъ образомъ—жаловались евреи—Потоцкій „можетъ довести ихъ до такого состоянія, что они не сумѣютъ заплатить подати“, а потому евреи просили повелѣть, чтобы до рѣшенія суда Потоцкій „не простиралъ своей власти надъ евреями чрезъ предѣлы“ и не взыскивалъ сборовъ. Эта жалоба обратила на себя особое вниманіе Павла I—было ясно, что помѣщичій произволъ надъ евреями не случайное явленіе, что это наслѣдіе вѣкового прошлаго. И государь передалъ прошеніе Файвиша Хаимовича на разсмотрѣніе сенату „съ тѣмъ, чтобы такъ какъ въ губерніяхъ, отъ Польши къ Россіи присоединенныхъ, на таковомъ, какъ и проситель, положеніи находится великое число евреевъ, собравъ всѣ нужныя по предмету случаи отъ начальниковъ губерній, гдѣ евреи находятся, съ мнѣніемъ ихъ сдѣлать постановленіе и внесть на высочайшее его величества утвержденіе“ [2]).

Сенатъ истребовалъ отъ начальниковъ губерній соотвѣтствующія свѣдѣнія [3]), и тогда правительство узнало, что помѣщики

---

[1]) Рескриптъ государя отъ 15 іюня 1799 г. о командировкѣ Державина опубликованъ въ „Вѣстникѣ всемірной исторіи“ за 1900 г. и перепечатанъ въ журналѣ „Будущность“, 1900 г., № 2.

[2]) Предложеніе генер.-прокурора отъ 6 декабря 1800 г. Архивъ сената, именные указы, т. 233, л. 82.

[3]) Опредѣленіе 1 отд. 3 деп. сената, 11 декабря 1800 г. Эти донесенія образовали дѣло: „По именному указу о собраніи отъ нѣкоторыхъ начальниковъ губерній и казенныхъ палатъ свѣдѣній и мнѣній относительно содержанія евреевъ въ

сохранили за собою ту неограниченную власть надъ евреями, которою они пользовались въ польское время.

Дѣло Зорича послужило яркой иллюстрацiей къ вопросу о жизни евреевъ на помѣщичьихъ земляхъ. Когда евреи въ 1668 г. стали „строиться“ въ Шкловѣ, въ договорѣ, заключенномъ съ шкловскимъ владѣльцемъ графомъ Сенявскимъ, было сказано, что они „во всякихъ дѣлахъ судиться имѣютъ предъ намѣстникомъ его, графа Сенявскаго, апелляцiю же на опредѣленiя намѣстника имѣть къ нему самому Сенявскому“. Основываясь на этомъ, Зоричъ „оставался въ томъ мнѣнiи, что онъ съ евреями, на его земляхъ живущими, въ разсужденiи суда и расправы, между его экономiею и крестьянами случающимися, можетъ употреблять власть помѣщичью надъ тѣми и другими...“ [1]) Зоричъ считалъ, что евреи для него „меньше, нежели у хозяевъ слуги“, признавалъ ихъ „подвластными ему, покуда на землѣ его проживаютъ“.

Не говоря о прочихъ жалобахъ евреевъ, свидѣтельствовавшихъ, что „Зоричъ оставилъ безъ платежа одинъ только воздухъ“, нельзя не отмѣтить того, что Зоричъ принуждалъ евреевъ продавать крестьянамъ опредѣленное количество водки, а когда евреи отказывались, говоря, что не могутъ такого числа ведеръ распродать и стоитъ оно въ три раза дешевле положенной Зоричемъ цѣны, то Зоричъ для продажи вина помѣстилъ въ домахъ шинкарей своихъ крестьянъ; но и крестьяне не могли продать назначеннаго количества; ихъ увели и тогда стали водку свозить въ шинки и, независимо отъ того, продана ли она или нѣтъ, взыскивали съ евреевъ деньги посредствомъ экзекуцiи.

Вообще, дѣло показало, что Зоричъ „мыслитъ, что онъ, яко помѣщикъ, могъ, по прежнимъ польскимъ установленiямъ, простирать власть надъ евреями, въ его селенiи и на его земляхъ живущими“; между тѣмъ, евреи, въ качествѣ купцовъ и мѣщанъ, находились въ вѣдѣнiи магистратовъ и ратушъ, а потому присвоенiе Зоричемъ надъ евреями „помѣщичьяго распоряженiя мѣста имѣть не должно было“. Вслѣдствiе этого сенатъ и рѣшилъ, что управляющiе Шкловомъ не имѣютъ права суда и расправы надъ евреями, „яко не подвластными шкловскимъ помѣщикамъ“, а должны обращаться съ просьбами и жалобами въ присутственныя мѣста. Чтобы охранить евреевъ отъ поборовъ, было постановлено, въ видѣ временной

казенныхъ и партикулярныхъ селенiяхъ на такомъ основанiи, чтобы не были отягощаемы излишними поборами и налогами отъ владѣльцевъ“. Дѣло поступило потомъ въ распоряженiе комитета 1802 г., а затѣмъ возвращено въ сенатъ. Мнѣ не удалось найти этотъ матерiалъ.

[1]) Всеподданнѣйшiй докладъ сената (ноябрь, 1800 г.); опубликованъ С. Бершадскимъ. Восходъ, 1895 г., кн. IV.

мѣры, чтобы подать уплачивалась шкловскими евреями въ средней суммѣ за послѣдніе три года до возникновенія споровъ. Но это было незаконно, такъ какъ землевладѣлецъ пользовался неограниченнымъ правомъ распоряжаться своимъ имуществомъ и извлекать изъ него доходы по своему усмотрѣнію. И, дѣйствительно, уже вскорѣ, при разсмотрѣніи жалобы евреевъ г. Бердичева на своеволіе [1]) его владѣльца кн. Матвѣя Радзивила, сенатъ принялъ во вниманіе, съ одной стороны, неотъемлемое право помѣщика распоряжаться своимъ имѣніемъ, съ другой — независимость свободныхъ людей, живущихъ по договорамъ въ помѣщичьихъ мѣстечкахъ. И поэтому съ кн. Радзивила была взята подписка въ томъ, что онъ не будетъ самовольно наказывать евреевъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ евреямъ, затѣявшимъ съ нимъ споры, было объявлено, что если они считаютъ сборы, установленные Радзивиломъ, обременительными для себя, они могутъ покинуть безпрепятственно Бердичевъ; при этомъ имъ былъ данъ двухгодичный срокъ для ликвидаціи своихъ дѣлъ [2]), что явилось уступкой гуманному духу времени.

Утрата помѣщиками—вѣроятно, только формальная—прежняго господства надъ евреями не принесла послѣднимъ, надо думать, тѣхъ плодовъ, которые ожидались. Лишенные внѣшнихъ прерогативъ вѣковой власти надъ евреями, столь импонировавшей прочему населенію, помѣщики стали вымещать на нихъ свою злобу, обременяя ихъ поборами. Многіе помѣщики начали отказываться отъ услугъ евреевъ, вышедшихъ формально изъ прежняго подневольнаго состоянія. Евреи оказались менѣе нужными и потому, что съ уничтоженіемъ польской независимости, съ прекращеніемъ недавней бурной политической жизни въ Польшѣ, помѣщики занялись болѣе усердно сельскимъ хозяйствомъ. И все это привело къ тому, что когда правительство потребовало переселенія евреевъ изъ деревень въ города, многіе помѣщики изгнали евреевъ съ насиженныхъ мѣстъ. Кіевскій губернаторъ свидѣтельствовалъ, что евреи у помѣщиковъ „какъ безполезные и не принадлежащіе имъ, нетерпимы“ [3]). А Нота Хаимовичъ Нот-

---

[1]) Владѣлецъ Бердичева Матвѣй Радзивилъ предписалъ въ 1794 г. мѣстнымъ евреямъ избрать независимый отъ раввина судъ, который и долженъ былъ дѣйствовать по правиламъ, установленнымъ Радзивиломъ. См. Регесты и надписи, т. III № 2408 (Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. 5, т. I, стр. 581).

[2]) Архивъ государственнаго совѣта, департаментъ законовъ, 1835 г., № 11 Указъ сената 8 августа 1801 г. „о дарованіи евреямъ, недовольнымъ своимъ помѣщикомъ, 2-хъ лѣтъ сроку для переселенія въ другое мѣсто“.

[3]) Архивъ минист. внутр. дѣлъ, департаментъ полиціи исполнительной, 1802. № 558 (180), всеподданнѣйшій докладъ кіевскаго губернатора Панкратьева отъ 1802 г.

кинъ передаетъ, что хотя администрація дѣлала отсрочки для выселенія евреевъ изъ уѣздовъ, „многіе помѣщики изъ своихъ деревень ихъ повысылали, а сіи, таскаяся изъ мѣста на мѣсто, въ крайнюю пришли бѣдность“. Бѣлорусскія власти свидѣтельствовали, что помѣщики нарушали при этомъ контракты съ евреями.

Изъ Польши перекочевалъ въ Россію, наряду съ другими предразсудками, и миѳъ о преступленіяхъ, совершаемыхъ будто бы евреями съ религіозной цѣлью.

Чаще всего обвиненіе въ употребленіи крови христіанъ для ритуальныхъ цѣлей возводилось на евреевъ выкрестами или христіанами, которые такимъ путемъ мстили за личныя обиды или добивались тѣхъ или иныхъ выгодъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ случалось что выступали съ обличеніемъ евреевъ также люди, которые, подпавъ подъ власть предразсудка, вѣрили, будто еврейская религія требуетъ человѣческой крови. Эта легенда, поглотившая много жертвъ среди польскаго еврейства, постепенно распростерла свои крылья и надъ русскимъ обществомъ. Не всѣ повѣрили злобной сказкѣ. Но и въ глазахъ болѣе разсудительныхъ людей легенда окутала еврейскій народъ какой-то мрачной тайной, которая и въ иныхъ трезвыхъ умахъ рождала невольную тревогу. А въ тѣхъ общественныхъ кругахъ, гдѣ легенда была встрѣчена съ большимъ или меньшимъ довѣріемъ, искреннимъ или дѣланнымъ, тамъ она придала специфическую окраску самымъ разнообразнымъ обыденнымъ явленіямъ духовной и матеріальной жизни евреевъ,—всюду подозрѣвалась злоба евреевъ противъ христіанъ.

Возникновенію въ Россіи процессовъ по обвиненію евреевъ въ преступленіяхъ изъ религіозныхъ побужденій предшествовало зарожденіе литературы, поддерживающей вѣру въ кровавый миѳъ. Въ 1787 г. появляется книжка: „Обряды жидовскіе, производимые въ каждомъ мѣсяцѣ у сяпвсціэціуховъ. Съ подлинника польскаго, напечатаннаго въ Могилевѣ“ [1]). А семь лѣтъ спустя была напечатана въ типографіи Почаевской лавры (на Волыни, перешедшей въ то время къ Россіи) славянскимъ шрифтомъ книжка подъ заглавіемъ „Басни Талмудовы отъ самихъ жидовъ узнанныя и нову ересь сяпвсціеціуховъ или противу-талмудистовъ открытыя, прежде въ Краковѣ за соизволеніемъ власти на польскомъ языкѣ, напеча-

---

[1]) Издана въ Петербургѣ. Въ журналѣ „Ежемѣсячное сочиненіе, издаваемое въ Ярославлѣ на 1787 г.“, ч. II, іюль, помѣщены „Обряды и дѣла жидовскія, производимы въ каждомъ мѣсяцѣ“ (см. Систематическій указатель литературы о евреяхъ, № 2315). Названнаго журнала не оказалось въ Императ. публичной библіотекѣ.

таныя, нынѣ же на русскій языкъ переведенныя“ [1]). Обѣ книжки представляютъ собою извлеченіе изъ польскаго сочиненія Пикульскаго „Zlosc Zydowska“ (напечатаннаго въ 1758 г. или 1760 г.) или же переводъ какихъ-либо брошюръ, написанныхъ на основаніи произведенія Пикульскаго. „Басни Талмудовы“ по заглавію совпадаютъ съ польской книжкой, появившейся въ 1758 г., вслѣдъ за диспутомъ въ Каменецъ-Подольскѣ между евреями и франкистами, „Bledy talmudowe od samych zydow uznane i przez nowa sekte siapwsciecіuchow czyli Contra-Talmudystow wyjawione“, т. е. „Тайны Талмудовы, отъ самихъ жидовъ узнанныя и черезъ новую секту сяпвсціэціуховъ или контръ-талмудистовъ обнаруженныя“.

„Сяпвсціеціухи“, искаженное названіе послѣдователей лжемессіи Саббатая Цеви, нерѣдко впослѣдствіи присваивалось и приверженцамъ Франка [2]). Франкисты, отрекшіеся отъ Талмуда съ цѣлью снискать расположеніе католическаго духовенства, бросили евреямъ обвиненіе, будто Талмудъ требуетъ пролитія христіанской крови. Такимъ образомъ, выходило, будто сами евреи, т. е. контръ-талмудисты, они же франкисты, они же якобы саббатіанцы, свидѣтельствуютъ, что евреямъ нужна кровь христіанъ.

Въ обѣихъ названныхъ русскихъ книжкахъ [3]) одинаково описываются еврейскіе обряды по мѣсяцамъ и числамъ. Кое-что соотвѣтствуетъ дѣйствительности; многое въ той или иной мѣрѣ извращено; остальное—вымышлено; между прочимъ, приводится легенда объ оскверненіи евреями христіанскихъ святынь и объ употребленіи крови христіанъ для ритуальныхъ цѣлей. Однако, между „Обрядами жидовскими“ и „Баснями Талмудовыми“ имѣется различіе внѣшнее и внутреннее. „Обряды жидовскіе“—частное предпріятіе; скромное названіе, данное книжкѣ, указываетъ, что у издателя [4]) русскаго перевода не было, какъ кажется, намѣренія вызвать сен-

---

[1]) Вслѣдъ затѣмъ, предъ текстомъ, прибавлено „Обряды жидовскіе въ каждомъ мѣсяцѣ обходимыя“. Объ этой рѣдкой книжкѣ см. Н. Губерти, Матеріалы для русской библіографіи, вып. II, № 112.—„Опытъ словаря“ Сопикова сообщаетъ объ изданіи указанной книжки Почаевскою лаврой не въ 1794 г., а въ 1772 г., при чемъ содержаніе обложки нѣсколько иное: „Басни Талмудовы отъ самихъ жидовъ узнанныя и чрезъ нову ересь сапвсціеціуховъ или противо-талмудистовъ открытыя, прежде въ Краковѣ за изволеніемъ власти на польск. яз. въ лѣто 1758 напечатанныя, нынѣ же на рус. яз. Киръ 1 т. б. д. л. н. с. ц. с. д. переведенныя“. Думается, что тутъ ошибка въ годѣ; судя по предисловію къ книжкѣ, выпущенной въ 1794 г., Почаевская лавра впервые издала тогда эту книжку.

[2]) О сектахъ Саббатая Цеви и Франка—см. выше, стр. 126.

[3]) Въ польскомъ оригиналѣ сказано, что тайны талмудовы обнаружены чрезъ посредство сектантовъ, а въ русскомъ переводѣ „Обряды жидовскіе“ говорится, будто эти тайны совершаются у самихъ сектантовъ.

[4]) М. Кулишеръ (Первое печатное изложеніе на русскомъ языкѣ кроваваго навѣта, Новый Восходъ, 1913, № 43) сообщаетъ любопытныя данныя объ издателѣ.

сацію, настроить общество противъ евреевъ: пораженный извѣстіемъ, что еврейскій народъ, мало знакомый Россіи, обвиняется

БАСНЇ ТАЛМꙊДѠВЫ
ѿ самихъ Жидѡвъ
оузнанныѧ
и новꙋ ересь
САПЕВСЦЇЕЦЇꙊХѠВЪ
или
Противо-талмꙋдистѡвъ
ѿкрытыѧ
прежде в Краковѣ за сонзволенїе власти
на Полскомъ азыкѣ.
НАПЕЧАТАНЫѦ.
нынѣ же на Рꙋскїй азыкъ
ПРЕВЕДЕННЫѦ

Напечаташаса въ Тꙋпографїи Почаевской
Ч. С. В. В. в лѣто Гдне, ҂аѱчд

въ чудовищныхъ преступленіяхъ, издатель повѣдалъ объ этомъ, не стараясь сказать болѣе того, что было въ польской книжкѣ.

При иныхъ условіяхъ изданы „Басни Талмудовы“ Почаевскою Лаврой. Даже въ обычномъ разрѣшеніи духовной цензуры указывается, что книга представляетъ собою „обличеніе христоненавистныхъ людей“. А въ предисловіи говорится, что „лукавый родъ жидовскій Закона Божія послушати не хощетъ, и самому законоположнику Христу, истинному Мессіи не вѣрова“; евреи, сообщается далѣе, въ теченіе вѣковъ составляли Талмудъ; недавно появилась секта „отъ сяпвсціецiуха жидовина“, распространившаяся и въ Польшѣ; сектанты „прекословлятъ Талмуду и показываютъ, что онъ противенъ закону Божескому и закону человѣческому“; послѣ диспута между сектантами и талмудистами „сяпвсціецiуховы“ стали называться „контра-талмудистами“. Въ заключеніи же предисловія заявляется: „Сея ради вины не безмѣстно будетъ, да православные люди присмотрятся нѣкіимъ обрядамъ и обычаямъ тѣхъ талмудистовъ, всеусердно согласившихся на истребленіи имени христіанскаго“.

„Басни Талмудовы“ болѣе богаты небылицами, чѣмъ „Обряды жидовскіе“; такъ, напр., въ январѣ, „казня жидовское невѣріе“, Господь „низпущаетъ иногда предъ восхожденіемъ солнца въ ихъ брашна (яства) капли кровавыя“, и еврей, отвѣдавъ этой пищи, „внезапно житія лишается и умираетъ“; но проданная христіанамъ, эта ѣда не вредитъ вкушающимъ ее!

Мы видимъ, что въ кровавой литературѣ на русскомъ языкѣ были использованы польскія книжки [1])—онѣ же сыграли извѣстную роль и въ практикѣ навѣта [2]).

[1]) См. сборную брошюру (Юл. Гессена, М. Вишницера и А. Карлина) „Записка о ритуальныхъ убійствахъ (приписываемая Далю) и ея источники“. Спб., 1914 г. См. также: Юл. Гессенъ, „Метаморфозы въ ритуальной литературѣ“. Русская Мысль, 1914 г., кн. V.

[2]) О наиболѣе раннемъ процессѣ—см. ниже, главу одиннадцатую.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ [1]).

Евреи въ Курляндскомъ герцогствѣ. — Ихъ жизнь протекаетъ въ условіяхъ борьбы между дворянами-землевладѣльцами и городами. — Въ 1710 г. евреямъ впервые предоставляется имѣть кладбище. — Многократныя постановленія объ удаленіи ихъ. — Еврейская община въ Митавѣ. — Борьба изъ-за евреевъ между дворянами, съ одной стороны, и правительствомъ и городами — съ другой, принимаетъ въ концѣ восемнадцатаго вѣка острый характеръ. — Литературная полемика. — Евреи въ Пильтенскомъ округѣ. — Переходъ герцогства къ Россіи. — Послѣдніе отголоски прошлаго. — Дарованіе гражданскихъ правъ евреямъ Курляндіи.

Когда Ливонскій орденъ распался въ 1561 г., при чемъ значительная часть его территоріи перешла къ Польшѣ, послѣдній магистръ ордена Кеттлеръ, получившій въ наслѣдственное владѣніе Курляндію (и Семигалію), сталъ, въ качествѣ курляндскаго герцога, вассаломъ польскаго короля.

Согласно договору, заключенному тогда съ польскимъ королемъ, во всей Ливоніи евреямъ было запрещено торговать, но это постановленіе осталось мертвой буквой [2]). Повидимому, и въ Курляндіи евреи рано начали развивать торговую дѣятельность. Возможно, что не всѣ евреи-торговцы представляли собою осѣд-

---

[1]) Настоящая глава представляетъ собою небольшое извлеченіе изъ моего изслѣдованія по исторіи евреевъ въ Курляндіи, еще не опубликованнаго. На основаніи этого же изслѣдованія былъ составленъ мной очеркъ „Евреи въ Курляндіи. XVI–XVIII в.“, напечатанный въ „Еврейской Старинѣ“ за 1914 г. (вып. II, III—IV). Важнѣйшимъ источникомъ, использованнымъ мною, является богатый архивъ Курляндскаго герцогства; затѣмъ слѣдуетъ коллекція матеріаловъ по исторіи Прибалтійскаго края, хранящаяся въ Имп. публичной библіотекѣ, а также дѣла: изъ архива бывшаго министерства земледѣлія, 1798 г., № 14458, и изъ архива сената, дѣло минист. юстиціи 1798 г. № 558. Изъ книгъ должны быть отмѣчены: I. Joffe, Regesten und Urkunden, zur Geschichte der Juden in Riga und Kurland (нѣкоторые акты пропущены въ этомъ собраніи документовъ); Carl von Rummel, Curländische Landtags-und Conferential Schlüsse (1851); Wunderbar, Geschichte der Juden in den Provinzen Liv-und Kurland (Митава, 1853).

Главѣ о евреяхъ въ Курляндіи отведено въ настоящей книгѣ нѣсколько большее, пропорціонально, мѣсто, такъ какъ ихъ исторія оставалась до сихъ поръ почти совершенно не разработанной.

[2]) О евреяхъ въ Лифляндіи и Ригѣ см. выше, стр. 78 и слѣд.

лый элементъ. И въ болѣе позднее время многіе евреи проводили въ герцогствѣ лишь шесть трудовыхъ дней, возвращаясь къ субботѣ на родину, въ пограничное польское селеніе. Однако, съ теченіемъ времени, въ Курляндіи образовалось и осѣдлое населеніе. Указъ герцога 1661 г. гласилъ, что извѣстнымъ сборомъ облагаются „всѣ наши города, наши и частновладѣльческія имѣнія, всѣ прочіе жители, домохозяева, торговые люди и ремесленники, евреи и русскіе, проживаютъ ли они на нашихъ земляхъ или на земляхъ дворянъ"; размѣръ сбора былъ назначенъ въ зависимости отъ занятія, и евреи не были исключены изъ общаго правила. Взысканіе сбора было возложено на особыя комиссіи, въ которыя входили и представители горожанъ, но для Динабургскаго округа были назначены лица со спеціальной миссіей — взыскать деньги „съ русскихъ и евреевъ и съ городовъ Иллукстъ и Субботъ". Судя по этому распоряженію, можно, какъ кажется, предположить, что въ той мѣстности проживало болѣе или менѣе значительное еврейское населеніе, не сосредоточенное, однако, въ какомъ-либо пунктѣ, а разбросанное по помѣщичьимъ владѣніямъ. Быть-можетъ, это скопленіе евреевъ было вызвано происходившими незадолго до того погромами въ Польшѣ. О томъ, что пребываніе евреевъ на частновладѣльческихъ земляхъ было обычнымъ явленіемъ, можно заключить также изъ того, что братья Остенъ-Сакенъ, учреждая въ 1686 г. на своей землѣ городъ, сочли нужнымъ спеціально оговорить, что они не разрѣшаютъ евреямъ проживать тамъ.

Герцогъ Фридрихъ-Казиміръ, запутавшійся въ долгахъ, отдалъ евреямъ (около 1686 г.) на откупъ пошлины. Но это вызвало протесты со стороны ландтага, и съ 1699 г., насколько извѣстно. евреи уже не имѣютъ прикосновенія къ откупу. Они занимаются преимущественно мелкой, развозной и разносной, торговлей, посѣщая небольшія поселенія; они арендуютъ корчмы и курятъ вино на помѣщичьихъ земляхъ, оказываютъ различныя хозяйственныя услуги помѣщикамъ; для иныхъ источникомъ пропитанія служитъ посредничество.

Городовъ въ Курляндіи насчитывалось тогда немного и они были малолюдны. Спустя сто лѣтъ Митава имѣла всего восемь тысячъ жителей, Либава — четыре, а остальные: Гольдингенъ, Виндава, Баускъ, Фридрихштадтъ (Neustädtchen), Гробинъ и Якобштадтъ (Holmhof) лишь по тысячѣ жителей. Въ концѣ же семнадцатаго вѣка было еще меньше населенія. Проникнутый кастовымъ духомъ, не выносившій конкурренціи, городской торговый классъ— особливо въ столицѣ Митавѣ, гдѣ евреи жили въ качествѣ „покровительствуемыхъ",—добивался изгнанія евреевъ изъ края. Но

ихъ спасали дворяне-помѣщики, которые не только не позволяли удалить ихъ, но и брали ихъ подъ свое особое покровительство. Городское торговое сословіе, обрушиваясь на евреевъ, фактически выступало противъ самихъ дворянъ.

Издавна въ различныхъ странахъ Западной Европы велись безконечные споры о томъ, имѣютъ ли дворяне право заниматься торговыми дѣлами. Существовалъ рядъ постановленій, согласно которымъ дворяне, въ силу своего привилегированнаго положенія, не должны были торговать, такъ какъ подобная дѣятельность, съ одной стороны, роняла ихъ достоинство, а съ другой— нарушала интересы городского населенія. Тѣмъ не менѣе, всюду дворяне вели торговлю. Курляндія не составляла исключенія. Нѣкоторыя отрасли торговой дѣятельности, безспорно, принадлежали курляндскому дворянину; онъ могъ продавать продукты своей земли какъ въ сыромъ, такъ и въ обработанномъ видѣ, но продажа должна была происходить тутъ же, на мѣстѣ; оптовая продажа указанныхъ продуктовъ разрѣшалась и въ городахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дворянамъ разрѣшалось покупать на городскихъ ярмаркахъ все необходимое для себя, но тутъ происходили злоупотребленія; крестьяне съ дворянскихъ земель и вообще чужіе люди покупали на ярмаркахъ не для личной надобности, а для перепродажи, вслѣдствіе чего приходилось устанавливать ограниченія по отношенію къ негородскимъ жителямъ,—право на городскую мелочную торговлю принадлежало одному только городскому торговому сословію. Однако, дворяне стали все больше вторгаться въ торговую область, предоставленную городамъ, и такъ какъ герцоги уклонялись отъ вмѣшательства въ возникавшие споры, то города искали защиты у польскаго короля, и герцогамъ поневолѣ приходилось, подъ давленіемъ извнѣ, принимать мѣры къ охранѣ интересовъ городского сословія; дворяне не подчинялись соотвѣтствующимъ распоряженіямъ; города же, съ своей стороны, стремились парализовать дѣятельность дворянъ и въ той области, которая была предоставлена послѣднимъ.

И вотъ на фонѣ этой безпрерывной экономической борьбы городского сословія съ дворянскими вольностями, а также съ чужеземнымъ торговымъ людомъ, и протекала исторія евреевъ въ Курляндіи. Они тревожились, впрочемъ, не только изъ-за того, кто одержитъ побѣду — городской классъ или дворяне. Евреями интересовалась и герцогская казна. Добиваясь одного— взыскать съ еврейскаго населенія извѣстную сумму денегъ, правительство становилось то на сторону городовъ, то на сторону дворянства, вѣрнѣе сказать, оно то угрожало евреямъ изгнаніемъ, то соглашалось, чтобы они оставались въ странѣ.

Гдѣ-то, на частновладѣльческой землѣ, евреи устроили синагогу. Но они не могли имѣть кладбища. Покойниковъ приходилось отвозить за границу. Это вызвало особенно много затрудненій въ 1710 г., когда въ Курляндіи свирѣпствовала чума. Въ то время герцогомъ сталъ молодой Фридрихъ-Вильгельмъ. Привѣтствуя новаго правителя, митавскіе евреи просили, чтобы онъ, по примѣру своихъ предковъ, столь милостиво относившихся къ „бѣднымъ евреямъ", подтвердилъ за ними право на спокойное пребываніе въ краѣ. Одновременно они возбудили ходатайство о разрѣшеніи имѣть кладбище. Чума, писали они, не щадитъ насъ, одного за другимъ убирая съ пути; мы же не имѣемъ въ странѣ мѣста, гдѣ могли бы хоронить нашихъ покойниковъ; увозить же ихъ теперь, при большой смертности, въ Литву невозможно; съ вѣдома митавскаго обергауптмана—такъ говорили евреи въ своемъ ходатайствѣ—подыскано даже подходящее мѣсто: это клочокъ земли въ Альтбергфридѣ, не имѣющій никакой цѣнности; пусть же герцогъ разрѣшитъ хоронить тамъ евреевъ [1])! Герцогъ выразилъ свое согласіе, если только не встрѣтится препятствія со стороны обергауптмана, и въ августѣ 1710 г. евреи были введены во владѣніе указаннымъ участкомъ земли.

Ведя подвижную жизнь, тайно переходя границу, евреи, какъ видно, не приносили казнѣ той выгоды, которую можно было ожидать отъ нихъ. Между тѣмъ, герцогъ Фердинандъ, замѣстившій рано умершаго Фридриха-Вильгельма, находясь въ тяжеломъ матеріальномъ положеніи, прибѣгалъ къ различнымъ средствамъ, чтобы поправить свои дѣла. Между прочимъ, герцогъ пытался получить съ евреевъ сто рейхсталеровъ за кладбище, и онъ несомнѣнно очень разгнѣвался, когда ему донесли, что этого нельзя добиться мирными средствами (mit der Güte), такъ какъ помѣщики берутъ евреевъ подъ свою защиту.

Въ это-то время Митава выступила съ предложеніемъ удалить евреевъ изъ страны, и герцогъ далъ (6 октября 1713 г.) слѣдующее предписаніе своему совѣту: „Имѣя въ виду разные обманы со стороны евреевъ и то, что они лишаютъ христіанъ средствъ къ жизни, мы не хотимъ видѣть и терпѣть евреевъ въ городахъ и въ имѣніяхъ. Евреи, проживающіе какъ въ Митавѣ, такъ и въ другихъ городахъ, должны быть высланы магистратами. Вы также распорядитесь, чтобы изо всѣхъ княжескихъ имѣній и корчемъ евреи были удалены безъ замедленія, дабы въ теченіе не далѣе этого года евреи совершенно покинули страну и города, о чемъ

---

[1]) На прошеніи нѣтъ подписей; оно заканчивается словами: „Unterthänigste nechte, sämtliche in Mitau sich aufhaltende Juden".

оберраты должны дать знать дворянамъ; иначе придется употребить другія соотвѣтствующія мѣры“ [1]).

Von Gottes Gnaden Wir Friederich Wilhelm, in Liefland, zu Curland und Semgallen Hertzog.

Unsern Gnädigen Gruß zuvor. Wohlgebohrner Lieber Getreuer, aus der Beilage werdet ihr mit mehreren ersehen, was maßen die in Mitau sich aufhaltende Juden, wegen eines Gewissen Orths zu ihro Begräbniß Supplicando einkommen, Wann Wir dann ihren Gesuch, deßen ihr dieselben nicht vorzustellen hättet, in Gnaden nachgegeben; also werdet Ihr denenselben bis auf Unsere anderweitige Verordnung einig solchen Ort zu ihrem Begräbniß anweisen, Die Wir Euch übrigens der Göttl. Obhut empfehlen. Datum im Lager vor Riga d. 29ten July: A. 1710.

Friedrich Wilhelm Hz.

[1]) Далѣе камерѣ, завѣдывавшей финансовыми дѣлами, предписывается штрафовать евреевъ, которые тайно привозятъ въ Митаву зерно, воскъ и другіе продукты.

Однако, никто, какъ кажется, кромѣ Митавы, не торопился исполнить это распоряженіе; герцогу пришлось повторить свое повелѣніе, при чемъ было потребовано, чтобы съ каждаго чужого еврея взыскивалось ежедневно по одному талеру. Впрочемъ, и въ Митавѣ въ отдѣльныхъ случаяхъ дѣлались исключенія. Такъ, совѣтъ герцога дозволилъ остаться въ Митавѣ до наступленія теплой погоды вдовѣ Лазаря, а также вдовѣ Іоеля съ сыновьями Авраамомъ и Энохомъ; одна изъ вдовъ была больна; другой преклонный возрастъ мѣшалъ двинуться въ путь, а вѣдь „христіанская любовь — писалъ совѣтъ герцогу — требуетъ терпимости по отношенію къ больнымъ и убогимъ“; милость была оказана также двумъ евреямъ изъ Гессенъ-Касселя, которые вели большія дѣла и имѣли сильныхъ покровителей. Требованіемъ объ удаленіи изъ страны были глубоко поражены крупные торговцы, имѣвшіе привилегіи отъ польскаго и прусскаго правительствъ, Joseph Schapschejowitz (Louige Factor), Jankel Schapschejowitz и Samuel Elkan, въ свое время переселившіеся въ Туккумъ по предложенію тогдашняго туккумскаго обергауптмана. Въ прошеніи на имя герцога они указывали, что на ихъ долю падаетъ половина сборовъ, которые взимаются съ туккумскаго купечества, что они уплачиваютъ пошлину въ Либавѣ и Митавѣ; они готовы также уплачивать за терпимость „Schutzgelder“, лишь бы имъ было разрѣшено пребываніе, по меньшей мѣрѣ, въ теченіе одного года, дабы успѣть инкассировать долги. Сами туккумскія власти не хотѣли разстаться съ названными евреями.

Многимъ евреямъ пришлось въ ту пору покинуть край; однако, они переселились въ неотдаленныя мѣстности—въ польско-литовскія мѣстечки, а также въ такъ называемый Пильтенскій округъ [1]), находившійся въ предѣлахъ Курляндіи, но независимый отъ курляндскаго правительства. Зорко слѣдя за перемѣнчивыми настроеніями въ Курляндіи, эти зарубежные евреи при первомъ удобномъ случаѣ возвращались на старыя мѣста.

Срокъ, назначенный для окончательнаго удаленія евреевъ, приближался, и герцогъ напомнилъ (16 февраля 1714 г.) о взысканіи съ евреевъ установленнаго сбора за пребываніе въ краѣ. Наконецъ, 23 марта 1714 г. послѣдовалъ нижеслѣдующій декретъ: „Мы уже неоднократно предписывали удалять евреевъ изъ страны— изъ имѣній, корчемъ, городовъ и мѣстечекъ—въ теченіе законнаго срока, подъ страхомъ немаловажнаго штрафа, потому что признавали ихъ промыселъ чрезвычайно вреднымъ для страны и для городовъ, вслѣдствіе чего въ минувшія времена ихъ никогда не

---

[1]) О Пильтенскомъ округѣ см. дальше, стр. 229—30.

терпѣли, такъ какъ это было противно законамъ страны и принятымъ обычаямъ, изъ каковыхъ соображеній противъ вышеназванныхъ (евреевъ) издавались и составлялись точныя распоряженія. Во всѣхъ сихъ случаяхъ принималось за правило, чтобы отъ даннаго числа въ теченіе шести недѣль изложенное распоряженіе было приведено въ исполненіе безразлично противъ всѣхъ и всякаго, никого не исключая подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, а также, что ежели тотъ или иной еврей застигнутъ будетъ на княжескихъ границахъ по истеченіи сего съ излишкомъ предоставленнаго срока, то таковой немедленно долженъ быть захваченъ и не ранѣе отпущенъ, чѣмъ онъ или они внесутъ и уплатятъ назначенное за каждый день—по одному имперскому талеру. Равно и съ тѣхъ, которые, вопреки запрету, съ начала сего года оставались еще въ странѣ или же тѣмъ временемъ ушли, должно быть взыскано установленное, при чемъ оставшіеся должны быть принуждены уплатить за ушедшихъ причитающіяся деньги немедленно, еще до истеченія даннаго шестинедѣльнаго срока, считая ежедневно по одному имперскому талеру...“. Администрація была обязана помочь евреямъ взыскать въ кратчайшій срокъ долги съ христіанъ.

Этотъ декретъ, вызвавшій на первыхъ порахъ большое замѣшательство среди евреевъ, не могъ быть полностью осуществленъ. Герцогъ встрѣчалъ такую оппозицію со стороны дворянъ, что онъ, правя государствомъ, былъ вынужденъ жить за его предѣлами. При такихъ условіяхъ дворяне менѣе всего намѣревались подчиниться требованію герцога. Къ тому же и герцогу было выгоднѣе, чтобы казна, благодаря указу объ изгнаніи евреевъ, пополнялась штрафами съ нихъ. Евреи же смотрѣли на штрафъ, какъ на налогъ за право проживать въ странѣ. И именно въ этомъ отношеніи указъ 1714 г. сохранилъ на долго свое значеніе. Отнынѣ право пребыванія евреевъ въ краѣ, якобы предоставляемое временно, въ нарушеніе указа 1714 г., связывается съ требованіемъ объ уплатѣ ими извѣстнаго сбора, при чемъ, въ случаѣ неуплаты надлежащей суммы, евреямъ угрожаютъ изгнаніемъ, отказываютъ въ „терпимости“.

Евреи не были аккуратными плательщиками; это можно объяснить тѣмъ, что они, разбросанные по селеніямъ, не имѣли внутренней организаціи, которая вѣдала бы сборомъ денегъ; кромѣ того, еврейское населеніе было очень бѣдно. И вотъ, правительство ввело институтъ евреевъ-поручителей, какъ объ этомъ говоритъ постановленіе ландтага 1719 г. „Хотя евреи и получили на одинъ годъ право свободнаго пребыванія въ странѣ при уплатѣ ими четырехсотъ рейхсталеровъ, но они, сверхъ того, должны внести

еще и двѣсти рейхсталеровъ, оставшіеся въ недоимкѣ; поэтому компанистовъ (Companisten) изъ Нейенбурга [1]) слѣдуетъ строгими мѣрами принудить къ уплатѣ денегъ"; если компанисты въ настоящемъ году обяжутся уплатить ту сумму, которая была установлена въ прошломъ году, „евреевъ слѣдуетъ почитать „терпимыми" еще въ теченіе года; въ противномъ случаѣ, съ церковной каѳедры будетъ оглашено повелѣніе земскихъ чиновъ, чтобы никто изъ помѣщиковъ (Possessor) въ своихъ вотчинахъ не держалъ евреевъ и не защищалъ ихъ, подъ страхомъ штрафа въ 50 рейхсталеровъ. Для полученія же долга, оставшагося за евреями отъ прежняго времени, земскому офицеру при взысканіи долженъ быть данъ еврей, который установитъ раскладку и укажетъ уклоняющихся отъ уплаты. „Синагогу же, — гласило цитируемое повелѣніе—которую евреи, къ неудовольствію христіанскаго общества, построили на землѣ маннрихтера Шредера, нынѣ принадлежащей полковнику Гану, владѣлецъ земли обязанъ сломать не позже, чѣмъ черезъ четыре недѣли, или же долженъ быть готовымъ къ тому, что начальство своей властью велитъ сломать ее вооруженной рукой".

Указъ, какъ видимъ, направленъ лишь противъ евреевъ, жившихъ по селеніямъ, а не противъ осѣвшихъ въ городахъ; угроза штрафа обращена къ помѣщикамъ, а не къ городамъ. Это можно, объяснить тѣмъ, что евреи, поселившіеся въ городахъ, находились подъ лучшимъ контролемъ, чѣмъ разбросанные по имѣніямъ. Однако, возникаетъ вопросъ, не принадлежитъ ли мысль о поручителяхъ, о евреѣ-раскладчикѣ или таксаторѣ, самимъ городскимъ евреямъ? Городскимъ евреямъ, жившимъ, такъ сказать, на виду у всѣхъ, могло вредить то, что ихъ собратья, скрытые въ имѣніяхъ, уклонялись отъ уплаты налога.

Однако, угрозы герцога не подѣйствовали ни на евреевъ, ни на помѣщиковъ. Въ теченіе ближайшихъ пяти лѣтъ евреи не вносили установленной ежегодной суммы. И, тѣмъ не менѣе, они не только не были выселены, но за ними было даже упрочено существованіе въ странѣ. Дворяне-помѣщики попрежнему ограждали своихъ евреевъ отъ поборовъ, и администрація не могла взыскать денегъ, опасаясь столкновенія съ помѣщиками. Поэтому пришлось вступить въ миролюбивое соглашеніе съ евреями. Ландтагъ 1724 г. рѣшилъ отказаться отъ угрозы изгнанія; онъ предоставилъ имъ безсрочное пребываніе въ краѣ, такъ какъ евреи, „частью проживающіе въ странѣ, частью же производящіе здѣсь

---

[1]) Не ясно, имѣется ли въ виду „общество" евреевъ или компаньоны, на которыхъ было возложено поручительство.

торговлю“, обѣщали уплатить къ ближайшему Іоаннову дню причитающіяся съ нихъ двѣ тысячи рейхсталеровъ. Таксаторы, назначенные рыцарствомъ и земствомъ (Ritter und Landschaft), должны были оцѣнивать имущество, если же какой-либо еврей уклонится отъ таксаціи или прибѣгнетъ къ обману, любой дворянинъ, который уличитъ его, можетъ подвергнуть его наказанію по своему усмотрѣнію, и землевладѣлецъ въ такихъ случаяхъ не смѣетъ защищать проживающихъ у него евреевъ, подъ страхомъ штрафа въ сто рейхсталеровъ. Таксаторы не помогли дѣлу. Таксатора Майнца (Bendix Mayntz) обвиняли въ томъ, что онъ удержалъ деньги, взысканныя со многихъ евреевъ. Самъ же Майнцъ и его товарищъ Авраамъ Іоель (Abraham Joel) жаловались герцогу на трудность своихъ обязанностей: таксація доставляетъ много непріятностей, портитъ кредитъ, вредитъ имени; власти требовали, чтобы таксаторы облагали сборомъ также пріѣзжихъ евреевъ, но пріѣзжіе скрывались, не уплативъ сбора, и таксаторы возлагали отвѣтственность за нихъ на другихъ пріѣзжихъ; пріѣзжій, который долженъ былъ быть поручителемъ за своихъ десять товарищей, вносилъ извѣстную сумму таксаторамъ и раввину, каковая служила залогомъ впредь до того, пока поручитель не захватитъ тѣхъ, за кого онъ отвѣтствуетъ, и не представитъ ихъ къ таксаціи. Таксаторы увѣряли, что за ихъ счетъ разъѣзжали по странѣ двое уполномоченныхъ, чтобы созвать всѣхъ евреевъ въ Митаву для таксаціи, но мало кто отозвался.

Вмѣстѣ съ раввиномъ, таксаторы составили списокъ евреевъ, постоянно жившихъ въ Курляндіи. Изъ этого списка, въ которомъ Митава не значится, видно, что осѣдлые евреи были зарегистрированы въ митавскомъ, туккумскомъ и гольдингенскомъ обергауптманствахъ, въ дубленскомъ гауптманствѣ, также въ нейенбургскомъ и фрауенбургскомъ кирхшпиляхъ. Болѣе всего евреевъ было въ гор. Туккумѣ. Списокъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ, что среди евреевъ имѣлись ремесленники, корчмари, богатые торговцы.

Таксаторы искали у правительства помощи для взысканія налога, но безуспѣшно. Администрація не хотѣла или не могла принять репрессіи по отношенію къ евреямъ, пользовавшимся покровительствомъ дворянъ. Однако, у правительства все еще тлѣла надежда на полученіе денегъ съ евреевъ; съ другой стороны, долгъ, оставшійся за евреями, все еще служилъ въ ихъ рукахъ орудіемъ самозащиты. Ссылаясь на то, что евреи не уплачиваютъ подати, ландтаги требовали удаленія ихъ изъ страны; часть евреевъ выселялась, но вслѣдъ затѣмъ давались отсрочки, дабы могъ быть погашенъ долгъ казнѣ, и изгнанные вновь возвра-

щались въ предѣлы герцогства. Такъ шло изъ года въ годъ. Между тѣмъ, изъ общей массы евреевъ выдѣлились группы, пользовавшіяся благосклонностью не только со стороны правительства, но и со стороны городского общества: ландтагъ 1730 г. предоставилъ чужеземнымъ евреямъ право посѣщать страну въ торговыхъ цѣляхъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы они не устраивались здѣсь осѣдлой жизнью; при этомъ имъ была гарантирована полная безопасность; кромѣ того,—что особенно важно—право постояннаго проживанія было дано евреямъ, занимающимся винокуреніемъ у дворянъ во дворахъ и въ бюргерскихъ домахъ, а также ремесленникамъ, которые не конкурируютъ съ христіанами.

Признаніе за извѣстными группами евреевъ права на осѣдлость побудило митавскихъ евреевъ создать то учрежденіе, которое обычно служитъ первымъ камнемъ общинной жизни: въ 1730 г. возникло въ Митавѣ погребальное братство (хевра кадиша); тогда же стали вести пинкосъ, т. е. общинную лѣтопись [1]).

Разъ законъ дозволилъ нѣкоторымъ группамъ проживать на дворахъ помѣщиковъ и въ городахъ, борьба съ тѣми еврейскими элементами, противъ которыхъ издавна выступало городское христіанское общество, стала практически еще болѣе затруднительной. Борьба изъ-за евреевъ и въ дальнѣйшемъ ведется въ прежнемъ направленіи. Ландтаги требуютъ, чтобы евреи уплатили подать и покинули страну, а евреи не вносятъ въ казну причитающихся съ нихъ денегъ и остаются на мѣстахъ. Дворяне-помѣщики оказывали покровительство евреямъ не только потому, что нуждались въ нихъ, какъ въ исполнителяхъ различныхъ хозяйственныхъ порученій, но и потому, что евреи были ихъ должниками; кредиторы-помѣщики въ своихъ интересахъ удерживали евреевъ на старыхъ мѣстахъ и давали имъ возможность уклоняться отъ уплаты „еврейскихъ денегъ". Сколько бы рыцарство и земство ни желали осуществить постановленіе о выселеніи евреевъ,—замѣчаетъ ландтагъ 1738 г.—все же это невозможно, потому что нельзя придумать, какимъ образомъ дворяне-землевладѣльцы, особливо земство, сумѣютъ взыскать съ евреевъ долги. Евреевъ спасали

---

[1]) Въ 1730—1732 г. общинное представительство составляютъ четверо лицъ: два габая, одинъ нееманъ и ревизоръ. Позже появляется также должность старшины, но она вскорѣ замѣняется должностью писаря. Въ 1742 г. представительство увеличилось тремя новыми лицами, такъ называемыми депутатами (Baale Takonot), въ слѣдующемъ году возрождается должность старшины. Къ этой девятичленной коллегіи присоединяются въ 1745 г. второй нееманъ и третій габай. Увеличеніе членовъ общиннаго представительства было, несомнѣнно, вызвано ростомъ еврейскаго населенія въ Митавѣ и окрестностяхъ. Joffe, Ueber einige jüdische Chroniken oder Pinkossim aus den Ostseeprovinzen (Sitzungsberichten der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde in den Ostseeprovinzen, 1904).

отъ изгнанія также „еврейскія деньги“; дворяне, выступавшіе въ защиту евреевъ, обнадеживали остальныхъ дворянъ, что сборъ съ евреевъ будетъ, наконецъ, взысканъ. Впрочемъ, это было обоюдоострое оружіе, такъ какъ опасеніе, что число защитниковъ евреевъ возрастетъ, если послѣдніе будутъ аккуратно вносить деньги, заставляло правительственную власть, прислушивавшуюся къ голосу городовъ, настаивать на удаленіи евреевъ. Съ цѣлью ослабить противодѣйствіе со стороны правительства, ландтагъ 1738 г., принявъ мѣры къ взысканію налога съ евреевъ, объявилъ что и поступленіе сбора не избавитъ ихъ отъ скораго изгнанія. Однако, правительство понимало, что это пустыя слова, и оно зафиксировало въ спеціальномъ актѣ свое недовольство ландтагомъ за его благосклонное отношеніе къ евреямъ.

Подъ угрозой изгнанія евреи переживали тревожные годы. Тѣмъ не менѣе, имъ удалось не только остаться въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, но и численно возрасти въ городахъ—Митавѣ, Цабельнѣ, Кандау и Туккумѣ. Въ Кандау и Цабельнѣ было больше евреевъ, чѣмъ христіанъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждали митавскіе бюргеры жалуясь на то, что раньше въ этихъ городахъ находили себѣ пропитаніе нѣмцы, и эти мѣстности, особливо Туккумъ, могли бы и впредь быть доходными для нихъ, если бы тамъ не было евреевъ. Въ 1737—1741 гг. герцогомъ курляндскимъ былъ Биронъ, фаворитъ русской императрицы Анны Іоановны. Въ его имѣніяхъ евреи встрѣчались, какъ кажется, въ значительномъ числѣ [1]), и тогда евреи водворились и въ городахъ. Но едва, послѣ смерти Анны Іоанновны, Биронъ былъ сосланъ, города, совмѣстно съ нѣкоторыми кирхшпилями, добились у польскаго короля (Курляндія оставалась до 1758 г. безъ герцога) патента объ изгнаніи евреевъ. Тогда многіе дворяне изъ различныхъ мѣстностей, сговорившись, выступили съ коллективными протестами противъ немедленнаго удаленія евреевъ. Объ отсрочкѣ хлопотали и сами евреи, но правительство отвѣтило имъ, что если, дѣйствительно, одна часть дворянъ желаетъ, чтобы евреевъ оставили на мѣстахъ, то другая настаиваетъ на осуществленіи патента.

Былъ моментъ, когда опасность, казалось, надвинулась вплотную. Въ этотъ часъ бѣды евреи обнаружили единеніе, котораго ранѣе не проявляли. Считая, что несчастье можно предотвратить уплатою сбора, двадцать болѣе состоятельныхъ евреевъ изъ Митавы, Туккума и Бауска обѣщали принять на себя отвѣтственность за правильное поступленіе сбора и при этомъ они просили пре-

---

[1]) Его факторъ Леви Липманъ имѣлъ большія связи въ Петербургѣ. См. выше, стр. 72, примѣчаніе.

доставить евреямъ право не одного лишь проживанія, но также и торговли; разъ зарубежнымъ евреямъ, проѣдающимъ свой заработокъ внѣ страны, разрѣшается заниматься здѣсь торговлей, говорили ходатаи, то герцогству было бы еще выгоднѣе, если бы этимъ правомъ пользовались мѣстные евреи, оставляющіе свой заработокъ въ странѣ. Это предложеніе было поддержано нѣкоторыми дворянами, но правительство не приняло его. Болѣе того, тѣхъ помѣщиковъ, которые давали евреямъ пріютъ, власти стали привлекать къ суду, чему содѣйствовали сами помѣщики, донося другъ на друга.

Но все же евреямъ удалось удержаться въ странѣ. Зарубежнымъ евреямъ разрѣшалось пріѣзжать на извѣстный срокъ, и трудно было провѣрить, кто изъ нихъ водворяется на болѣе продолжительное время; съ другой стороны, отсутствіе достаточнаго кордона вдоль многоверстной границы съ Литвой давало тамошнимъ евреямъ возможность незамѣтно переходить границу. Къ тому же евреи находили убѣжище не только у помѣщиковъ, но также у городскихъ обывателей. И въ этомъ отношеніи первое мѣсто занимала Митава, болѣе другихъ выступавшая противъ пребыванія евреевъ въ краѣ. Дворяне, караемые за держаніе у себя евреевъ, негодовали, конечно, видя, что митавскіе обыватели не подвергались за это преслѣдованію, и ландтагъ 1748 г. потребовалъ, чтобы законъ примѣнялся также въ Митавѣ, и митавскіе евреи, дѣйствительно, были вскорѣ подвергнуты изгнанію, а регистръ уголовнаго суда наполнился именами покровителей евреевъ. Желали ли, однако, въ дѣйствительности дворяне, чтобы евреи были удалены изъ городовъ? Конечно, нѣтъ. Пребываніе евреевъ въ городахъ интересовало, какъ видно, дворянъ лишь настолько, насколько оно могло имъ служить орудіемъ мести бюргерамъ за то, что послѣдніе добиваются изгнанія евреевъ изъ края. Фактъ тотъ, что даже тогда, когда Митавѣ предстояло остаться безъ евреевъ, дворяне не обнаружили желанія разстаться съ ними, не только въ своихъ имѣніяхъ, но даже и въ самой Митавѣ, гдѣ они владѣли недвижимой собственностью [1]).

Дворяне извлекали такую пользу отъ пребыванія евреевъ, что налагавшіеся штрафы представлялись ничтожными; къ тому

---

[1]) Особое покровительство евреямъ въ Митавѣ оказывалъ камергеръ Буттляръ, отъ имени русскаго правительства завѣдывавшій имѣніями Бирона. Его „фабрика“, представлявшая собою нѣчто въ родѣ гостиннаго двора, была, по словамъ митавскихъ бюргеровъ, полна евреями; тамъ они имѣли свои товарные склады и даже устроили синагогу. Елизавета I приказала Буттляру прекратить сношенія съ евреями, но это повелѣніе, какъ кажется, не было полностью осуществлено.

же часто евреи принимали штрафы на свой счетъ. Это побуждало противниковъ евреевъ добиваться, чтобы кара, болѣе серьезная, чѣмъ штрафъ, обрушивалась не столько на дворянъ, сколько на евреевъ, что и было принято ландтагомъ 1754 г.

Однако, въ томъ же году многіе кирхшпили высказались за то, чтобы евреямъ было дано право свободнаго проживанія въ краѣ. Еще болѣе рѣшительное выступленіе дворянства состоялось въ 1755 г., когда ландтагъ старался убѣдить правительство въ томъ, что евреи въ свое время были ограничены только въ торговыхъ правахъ, а не въ правѣ осѣдлости. Полемика между правительствомъ и ландтагомъ приняла острый характеръ; обѣ стороны усердно занялись историческими изысканіями и комментированіемъ законовъ.

Когда въ 1759 г. въ Курляндію прибылъ новый герцогъ — Карлъ, сынъ польскаго короля, евреи возбудили ходатайство, чтобы тридцать семействъ были признаны терпимыми, при чемъ они берутъ на себя отвѣтственность за поступленіе сбора и пошлинъ. Можно предположить, что это были тѣ семьи, которыя осѣли въ городахъ; ихъ, жившихъ по близости другъ отъ друга, должно было объединить,—а вмѣстѣ съ тѣмъ, отдѣлить отъ прочаго еврейскаго населенія, сидѣвшаго на помѣщичьихъ земляхъ,— то обстоятельство, что имъ было легко производить между собою раскладку сбора и что они не имѣли другого защитника, кромѣ герцога. Однако, назначеніемъ новаго герцога воспользовались и митавскіе торговцы; они обратились къ герцогу съ обширной запиской, въ которой говорили, что христіане-торговцы стонутъ подъ игомъ евреевъ, и если послѣдніе не будутъ изгнаны, христіанамъ придется покинуть свои дома и родной городъ и отдать все въ распоряженіе евреевъ. Ходатайство, подкрѣпленное, быть можетъ, нѣкоторой суммой денегъ, привело къ опубликованію патента (20 сентября 1760 г.) объ удаленіи евреевъ изъ края [1]). Ландтагъ 1761 г. подвергъ этотъ актъ безпощадной критикѣ. Между правительствомъ и ландтагомъ завязалась обширная переписка, въ которой обѣ стороны проявили и настойчивость, и рѣзкость. Въ спорѣ занялъ видное мѣсто, между прочимъ, и вопросъ о правахъ городовъ, ибо все сводилось къ тому, насколько торговая дѣятельность евреевъ нарушаетъ привилегіи городского класса. Но правительство не пошло на уступку, и если не всѣмъ, то все же многимъ евреямъ пришлось покинуть страну. А тѣ, которые остались въ герцогствѣ, не признавались за мѣстныхъ жителей.

---

[1]) „Еврейская Старина“ 1911 г., вып. IV; „Борьба бюргерства съ евреями“.

Однажды прiѣзжiй еврей тяжко заболѣлъ въ Митавѣ; „привилегированный“ Бенiаминъ Беръ, въ теченiе ряда десятилѣтiй заботившiйся о митавской общинѣ, не зналъ, что дѣлать со своимъ единовѣрцемъ, такъ какъ въ Митавѣ некому было ухаживать за нимъ, а въ случаѣ смерти негдѣ было бы похоронить. Кладбище, устроенное въ 1710 г., было разрушено въ 1761 г. — быть можетъ, въ связи съ указомъ объ изгнанiи евреевъ. И вотъ, Беръ сталъ хлопотать о томъ, чтобы въ Митавѣ могли проживать двое евреевъ, которые заботились бы о больныхъ и о погребенiи умершихъ, и чтобы было разрѣшено возстановить кладбище; въ первой просьбѣ было отказано; что касается второй, то особымъ патентомъ (5 ноября 1762 г.) старая привилегiя на пользованiе кладбищемъ была подтверждена.

Когда русскiй дворъ настоялъ на замѣщенiи герцога Карла старымъ Бирономъ, возвращеннымъ изъ ссылки, евреи поспѣшили обратиться (1763 г.) къ нему съ просьбой, чтобы ихъ признали подданными государства, — впрочемъ, не всѣхъ евреевъ, проживавшихъ въ Курляндiи, а лишь опредѣленное число; по крайней мѣрѣ, такое направленiе вопросу было придано ландтагомъ, съ которымъ, надо думать, еврейскiе ходатаи дѣйствовали сообща. Но правительство рѣшительно отказывалось отъ какихъ бы то ни было уступокъ. Тѣмъ не менѣе, евреи, въ томъ или иномъ числѣ, опять появляются въ краѣ, на помѣщичьихъ земляхъ, и въ самой Митавѣ [1]). Конечно, по прежнему приходилось неустанно бороться за право проживанiя. Ландтаги стояли на сторонѣ евреевъ, но правительство не сходило со своей позицiи, а города не хотѣли смягчить свою непрiязнь къ чужестранцамъ, въ томъ числѣ и къ евреямъ. Между правительствомъ и ландтагомъ велась переписка о предоставленiи евреямъ спокойнаго существованiя. Но, не взирая на это, правительство издало патентъ (13 марта 1778 г.), направленный противъ чужихъ купцовъ вообще, а въ частности — и противъ евреевъ, разъѣзжавшихъ по странѣ съ мелочнымъ товаромъ. Ландтагъ, узнавъ объ этомъ, пришелъ въ крайнее негодованiе, считая, что правительство не должно было издать законъ безъ вѣдома дворянъ. Оставленiя евреевъ на мѣстахъ желали не одни дворяне,

---

[1]) О митавскихъ евреяхъ, которымъ Екатерина II поручила колонизировать Новороссiю, см. выше, стр. 88 и слѣд. Въ 1770 г., въ виду появившагося моровего повѣтрiя, курляндское правительство, по требованiю Екатерины II, настояло на временномъ удаленiи всѣхъ евреевъ изъ края, дабы эпидемiя не была занесена торговцами, поддерживавшими оживленныя сношенiя съ Литвой. Исключенiе было сдѣлано для Бенiамина Бера, за котораго ходатайствовалъ Бима Шпейеръ (см. выше, стр. 127, примѣчанiе). О р ш а н с к i й, Русское законодательство о евреяхъ, стр. 375 и слѣд.

но и нѣкоторые круги городского общества, которые, однако, чувствуя на себѣ тяжелую руку городской власти, не могли высказаться по этому вопросу. Между тѣмъ ландтагъ заявилъ герцогу, что, разъ евреямъ отказано въ терпимости, то пусть и городскіе евреи будутъ удалены. И тогда въ городахъ евреямъ пришлось очень плохо. Здѣсь такъ трудно было найти защиту, что Беніаминъ Беръ, ходатайствуя о разрѣшеніи ему остаться въ Митавѣ, мотивировалъ свою просьбу тѣмъ, что нужно, чтобы хоть кто-нибудь имѣлъ надзоръ за кладбищемъ и вообще заботился о погребеніи пріѣзжающихъ на время евреевъ, которыхъ здѣсь застигаетъ смерть. Вѣроятно, и изъ помѣщичьихъ имѣній многіе были удалены. Во всякомъ случаѣ, оффиціально считалось, что въ Курляндіи евреевъ нѣтъ. Изгнанники переселились, повидимому, въ ближайшія литовскія мѣстечки.

Несмотря, однако, на столь неблагопріятныя условія, „евреи, изгнанные изъ герцогства"—такъ подписывались они въ это время на ходатайствахъ,—зная, что дворяне поддержатъ ихъ, стали хлопотать (1778 г.) не только о томъ, чтобы имъ было разрѣшено вернуться въ Курляндію, но и чтобы было урегулировано постоянное пребываніе ихъ въ странѣ. И вотъ, правительство согласилось, чтобы вопросъ о евреяхъ былъ поставленъ на обсужденіе ландтага, но съ тѣмъ, чтобы предложенія, которыя будутъ сдѣланы ландтагомъ, были представлены на разсмотрѣніе городскимъ магистратамъ. Уполномоченный ландтага фонъ-деръ-Брюггенъ не замедлилъ изготовить (1780 г.) проектъ устройства евреевъ: они могутъ проживать по всей странѣ, не исключая городовъ; только въ крестьянскихъ селеніяхъ имъ не слѣдуетъ жить; въ городахъ же ограниченію подлежатъ лишь торговыя права; евреи устраиваютъ синагогу и учреждаютъ кагалъ, который собираетъ съ еврейскаго населенія подать.

Осуществленіе проекта требовало времени, а потому ландтагъ добился того, что еврейскому населенію было гарантировано спокойное пребываніе въ краѣ, пока проектъ будетъ разсматриваться на ландтагахъ.

Эти благопріятныя обстоятельства были, конечно, использованы евреями; они покинули зарубежныя поселенія, вернулись на свои старыя мѣста въ Курляндіи и стали по-прежнему подписываться на оффиціальныхъ бумагахъ „die sämtliche hiesige Judenschaft". Численность евреевъ быстро возросла, а вмѣстѣ съ тѣмъ начала развиваться ихъ общинная жизнь. Митавскій пинкосъ свидѣтельствуетъ, что даже въ тяжелый 1778 г. въ „хевра-кадиша" вступили новые члены,—братья Боркумъ, много сдѣлавшіе впослѣдствіи для митавской общины. А въ 1779 г. въ Митавѣ возникъ

кагалъ. Этотъ моментъ былъ ознаменованъ особымъ актомъ 5-го ниссана 5539 года по еврейскому лѣтосчисленію (мартъ или апрѣль 1779 г.). Были установлены слѣдующія правила. Изъ числа лицъ, подписавшихъ этотъ актъ, пятеро, посредствомъ жеребія, становились выборщиками и ими, по большинству голосовъ, назначались девять членовъ кагала: три „парнеса“, одинъ „рошъ-іешива“, одинъ „нееманъ“, двое „тувимъ“ и два „рое-хешбонъ“. Парнесы, каждый въ свой очередной мѣсяцъ, должны кормить за своимъ столомъ бѣдныхъ ученыхъ и пріѣзжихъ канторовъ; только очередной парнесъ имѣетъ право оказывать изъ общественныхъ средствъ помощь бѣднымъ; разъ въ три мѣсяца „рое-хешбонъ“ провѣряютъ отчетность, которую представляютъ парнесы. Кромѣ того избирались особыя лица, которыя собирали деньги, обходя прихожанъ въ синагогѣ. При подписаніи акта было постановлено, чтобы извѣстный намъ Беніаминъ Беръ, а также Вульфъ Яковъ и одинъ изъ братьевъ Боркумъ, были несмѣняемыми членами кагала. Тогда же парнесовъ обязали запросить кенигсбергскую и другія большія еврейскія общины, на какихъ основаніяхъ тамъ дѣйствуютъ кагалы; эти уставы должны были быть прочитаны въ присутствіи всѣхъ членовъ общины, дабы большинствомъ голосовъ установить правила для митавской общины.

Лица, впервые объединившіяся въ кагалѣ, должны были, по необходимости, явиться самозванными представителями общины, и вполнѣ естественно, что эта группа, захватившая власть въ свои руки, создала себѣ враговъ. Тутъ сыграли извѣстную роль обстоятельства личнаго свойства—оскорбленное самолюбіе, зависть и т. д. Но были также причины общаго характера. Дѣло въ томъ, что кагалъ, возникшій въ Митавѣ, выполнялъ, какъ видно, всѣ тѣ функіи, которыя обычно были присвоены этому институту; не ограничиваясь дѣлами благотворительности, онъ устанавливалъ и взыскивалъ сборы, творилъ судъ и расправу и проч. И вотъ, уже вскорѣ начинаютъ раздаваться жалобы по поводу слишкомъ широкой дѣятельности кагала. Члены кагала были даже привлечены правительствомъ къ отвѣтственности, но вскорѣ дѣло было прекращено, причемъ, однако, правительство потребовало, чтобы кагалъ занимался исключительно дѣлами религіознаго характера. Нельзя сказать, чтобы представители кагала находились на высотѣ своего призванія. Въ нѣдрахъ кагала происходили печальныя столкновенія на личной почвѣ, завершавшіяся даже физической расправой.

Какъ и слѣдовало ожидать, города отнеслись отрицательно къ проекту устройства еврейскаго народа, выработанному Брюггеномъ. Тогда возникло опасеніе, что будетъ приведенъ въ испол-

Курляндское
герцогство
Масштабъ
20 0 20 40 вер.
Балтійское Море
Рижскій Заливъ
Лифляндія
Витебск. губ.
Виндава
Пильтенъ
Тальсенъ
Абау
Кандау
Цабельнъ
Гольдингенъ
Тукумъ
Рига
Виндава
Газенпотъ
Шрунденъ
Фрауенбургъ
Дурбенъ
Гробинъ
Либава
Амботенъ
Швanденъ
Аутцъ
Добленъ
Митава
р. Аа
р. Экау
Нейгутъ
р. Мусса
Зельбургъ
Якобштадтъ
Рѣжица
Бауск
р. Вадаксъ
Нѣмансъ
Сусей
Зап. Двина
Двинскъ
(Динабургъ)
Пруссія
Мемель
Шавли
Поневѣжъ
р. Аа
Ковенская губ.
Вил.
57
56
39
40
41
42
43
44
45

неніе указъ объ удаленіи евреевъ, и ландтагъ 1782 г. поспѣшилъ сдѣлать герцогу надлежащее представленіе, указавъ, что рѣчь идетъ о человѣческихъ правахъ, которыя занимаютъ въ этотъ просвѣщенный вѣкъ умы самыхъ мудрыхъ монарховъ. Одинъ только гробинскій кирхшпиль не присоединился къ этой резолюціи, ссылаясь на то, что торговая конкуренція со стороны чужеземцевъ—въ томъ числѣ и евреевъ—противна интересамъ страны. Герцогъ Петръ, сынъ Бирона, отвѣтилъ ландтагу, что онъ цѣнитъ и человѣческія права, и духъ терпимости, дѣлающій честь „нашему вѣку“, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ уклоняться отъ шаговъ, которые не соотвѣтствовали бы закону; онъ готовъ принять отъ ландтага всякія предложенія относительно евреевъ, но лишь поскольку таковыя не будутъ противорѣчить правамъ третьей стороны, т. е. городовъ. Новый проектъ устройства евреевъ, составленный въ 1786 г. по порученію ландтага фонъ-деръ Реке, отличался тѣмъ же духомъ гуманности, что и предшествующій.

Вопросъ о признаніи евреевъ терпимыми, по поводу котораго такъ много говорилось въ бюрократическихъ канцеляріяхъ, на ландтагахъ, въ кирхшпиляхъ и въ городскихъ торговыхъ группахъ, обратилъ на себя вниманіе и въ широкихъ кругахъ общества. Въ 1786—1787 гг. появились четыре брошюры, посвященныя еврейскому вопросу. Первая, „Ueber die Duldung der Juden in den Herzogthümern Kurland & Semgallen“ (приписываемая Георгу фонъ-Виттенштейну), вышла въ 1786 или 1787 г. Отвѣтомъ на нее явилась книжка „Bemerkungen über die Duldung der Juden etc.“ (приписываемая Христіану-Давиду Брауну). Авторомъ третьей брошюры „Beantwortung der Bemerkungen über die Duldung der Juden etc.“ считается еврей врачъ Лахманъ, жившій въ Бauскѣ. Наконецъ, съ горячей защитою евреевъ выступилъ пасторъ Георгъ Готфридъ Милихъ въ книжкѣ „Meine Gedanken bei der Frage: ob man in unserm Vaterland Juden dulden solle, oder nicht?“. При офиціальномъ обсужденіи еврейскаго вопроса религіозный мотивъ не выдвигался, но въ обществѣ, насколько можно судить по брошюрѣ „Ueber die Duldung etc.“, религіозный моментъ игралъ нѣкоторую, хотя и очень незначительную роль; впрочемъ, авторъ брошюры осуждаетъ религіозную нетерпимость и указываетъ, что страны, въ которыхъ царитъ свобода совѣсти, наиболѣе счастливыя. Литературная полемика свидѣтельствуетъ, что общественное мнѣніе не было безусловно настроено противъ евреевъ. Даже глашатай городовъ („Bemerkungen über die Duldung etc.“) говорилъ больше всего о выгодахъ городского торговаго класса (не совпадавшихъ съ интересами широкихъ круговъ общества): вопроса же объ удаленіи евреевъ изъ страны,—наряду съ другими конку-

рентами, иностранными христіанами,—авторъ касается въ сущности лишь вскользь; впрочемъ, когда онъ ведетъ рѣчь о евреяхъ, онъ руководствуется въ данномъ случаѣ соображеніями не только экономическаго, но отчасти и религіознаго характера. Авторъ „Ueber die Duldung“, являясь выразителемъ мнѣній и желаній дворянства, указывалъ на матеріальную пользу, приносимую странѣ евреями, а пасторъ Милихъ присоединилъ къ соображеніямъ экономическаго характера также этическіе принципы.

Въ эту пору былыя тревоги въ извѣстной мѣрѣ улеглись, и евреи проживали какъ на помѣщичьихъ земляхъ, такъ и въ городахъ, особенно въ Митавѣ. Однако, въ Курляндію прибывали все новыя группы евреевъ, что должно было раздражать городскихъ торговцевъ и безпокоить ту часть еврейства, которая недружелюбно смотрѣла на своихъ соплеменниковъ, позже водворившихся. Опасеніе, что ростъ еврейскаго населенія заставитъ правительство вернуться къ репрессіямъ, побудило „осѣдлыхъ“ евреевъ, жившихъ въ Митавѣ (1793 г.), ходатайствовать о предоставленіи права жить въ герцогствѣ лишь извѣстнымъ семьямъ, такъ какъ—объясняли они—чрезмѣрное число евреевъ въ краѣ угрожаетъ благосостоянію и христіанъ, и туземныхъ евреевъ.

Въ то время былъ образованъ особый комитетъ изъ видныхъ лицъ для разсмотрѣнія жалобъ городовъ; ему пришлось заняться и судьбою евреевъ. Насколько можно судить по имѣющимся даннымъ, города въ своихъ жалобахъ менѣе всего говорили о евреяхъ; они болѣе интересовались урегулированіемъ взаимотношенія между различными группами городского населенія и администраціей; о евреяхъ же вспоминали лишь между прочимъ, наряду съ другими чужеземцами. Но группа членовъ еврейской митавской общины внесла (1794 г.) въ комитетъ проектъ опять-таки о предоставленіи осѣдлости лишь опредѣленному числу евреевъ; такъ, изъ двухсотъ семей, водворившихся въ Митавѣ, право пребыванія въ городѣ должно быть предоставлено только шестидесяти, причемъ ходатаи составили даже списокъ этихъ привилегированныхъ семей; участь быть изгнанными угрожала также „излишнимъ“ семьямъ въ другихъ мѣстностяхъ. Комитетъ чувствовалъ себя безсильнымъ примирить въ еврейскомъ вопросѣ противоположные интересы дворянъ и бюргеровъ, не желавшихъ идти на взаимныя уступки. Впрочемъ, курляндскому правительству не пришлось долго размышлять надъ этимъ вопросомъ, разрѣшеніе котораго волею судьбы было предоставлено русской власти.

Слѣдуетъ отмѣтить, что въ предѣлахъ Курляндіи находилась мѣстность—Пильтенскій округъ,—гдѣ жизнь евреевъ про-

текала независимо отъ того, что происходило въ герцогствѣ [1]. Газенпотъ, столица Пильтенскаго округа, добивался порою удаленія евреевъ изъ города, но дворянство и правительство не допускали, чтобы евреи терпѣли притѣсненія въ городахъ. Въ 1751 г. ландтагъ разрѣшилъ евреямъ построить синагогу въ Газенпотѣ [2]). Тогда же былъ учрежденъ кагалъ [3]) на подобіе существовавшаго въ польско-литовскомъ государствѣ. А въ 1783 г. пильтенскій ландтагъ объявилъ, что такъ какъ евреи уплачиваютъ всѣ городскіе налоги, и, кромѣ того, обложены особымъ сборомъ въ пользу города Газенпота, то они должны пользоваться свободой промысловъ [4]).

Въ 1795 г., какъ мы знаемъ, курляндское герцогство было присоединено къ Россіи [5]). Едва произошелъ этотъ переворотъ, митавскіе евреи представили Екатеринѣ II то самое, повидимому, ходатайство, которое было раньше внесено ими въ комитетъ, но оно осталось безъ результата. Не произошло никакой перемѣны и съ введеніемъ въ Курляндіи (1796 г.) Городового положенія, на основаніи котораго евреи въ другихъ губерніяхъ участвовали въ сословно-городскомъ самоуправленіи. При всемъ томъ общественное положеніе евреевъ какъ будто упрочилось [6]). Нѣкоторое улучшеніе наступило и въ правовомъ положеніи.

Въ виду упомянутаго постановленія пильтенскаго ландтага 1783 г. было потребовано, чтобы еврейскіе купцы Пильтена вступили въ Газенпотѣ въ купеческія гильдіи. И общественное положеніе евреевъ оказалось здѣсь настолько благопріятнымъ, что газенпотскій еврей Эйхель былъ избранъ въ члены мѣстнаго магистрата. Право записываться въ гильдіи въ Газенпотѣ было предоставлено также прочимъ еврейскимъ купцамъ Курляндской губерніи, чѣмъ и воспользовались многіе митавскіе и другіе евреи.

---

[1]) При уничтоженіи Ливонскаго ордена Пильтенскій округъ перешелъ не къ курляндскому герцогству, а непосредственно къ польскому королю; только короткое время курляндскій герцогъ былъ правителемъ и этого округа.

[2]) Ранѣе евреи имѣли въ Газенпотѣ молельню, какъ это видно изъ того, что въ 1740 г. граждане Газенпота постановили, чтобы бургомистръ и войтъ дѣлили между собою поровну сборъ съ еврейской молельни—jüdische Capellengelder. Регесты и надписи, т. III, № 1857.

[3]) О пильтенскомъ кагалѣ—см. Joffe, Ueber einige jüd. Chroniken oder Pincosim aus den Ostseeprovinzen.

[4]) Исторія евреевъ въ Пильтенскомъ округѣ изложена подробнѣе въ моей книгѣ „Евреи въ Россіи“ (очеркъ „Дарованіе гражданскихъ правъ евреямъ въ Курляндіи“). Значительно полнѣе этотъ періодъ разработанъ въ моемъ изслѣдованіи, извлеченіе изъ котораго составляетъ настоящая глава.

[5]) См. стр. 180.

[6]) Когда въ 1797 г. императоръ Павелъ I посѣтилъ Митаву, евреямъ была дана возможность лично выразить государю свои вѣрноподданническія чувства.

Вскорѣ и въ Якобштадтѣ нѣкоторые евреи были записаны въ гильдіи. Подобно своимъ единовѣрцамъ въ остальной Россіи, купцы-евреи, записавшіеся въ Газенпотѣ, уплачивали процентный сборъ съ капиталовъ въ двойномъ размѣрѣ въ сравненіи съ христіанами; но сверхъ того, кажется, они уплачивали каждые три мѣсяца спеціальный налогъ въ размѣрѣ сорока талеровъ.

Къ этому времени численность еврейскаго населенія замѣтно возросла—однихъ мужчинъ (1797 г.) было зарегистрировано 4581, изъ коихъ 896 проживали въ городахъ, остальные были разбросаны по имѣніямъ; въ Митавѣ проживали 642 еврея, въ Газенпотѣ—209, въ Гольдингенѣ—26, въ Либавѣ—19.

Экономическое положеніе евреевъ было чрезвычайно плачевно. Въ городахъ они занимались мелочной торговлей, покупкой и продажей старыхъ вещей, а также маклерствомъ, въ то время признававшимся преступнымъ дѣяніемъ, а въ деревняхъ—винокуреніемъ, содержаніемъ корчемъ, ремесленнымъ трудомъ, разносной торговлей, а кое-гдѣ и земледѣліемъ. При этомъ большая часть ихъ не имѣла осѣдлости, а вела кочевой образъ жизни; въ поискахъ за заработкомъ многіе то уходили заграницу, то вновь возвращались. При такихъ условіяхъ трудно было взыскивать съ нихъ сборы.

Въ связи съ этимъ обстоятельствомъ сенату было поручено (1797 г.) установить для курляндскихъ евреевъ вообще такія правила, которыми регулировалась еврейская жизнь въ прочихъ губерніяхъ. Курляндская губернская администрація, находившаяся подъ вліяніемъ митавскаго торгово-промышленнаго класса или членовъ бывшаго курляндскаго правительства, мнила, что разрѣшить еврейскій вопросъ можно въ духѣ минувшихъ вѣковъ. Она заявила, что евреи „никогда законнымъ образомъ терпимы не были“ и не могли ни жить въ странѣ, ни заниматься какимъ-либо дѣломъ, что они „всегда за вкравшихся жителей почитались“ и что они таковыми же и остались, такъ какъ прежнія запретительныя узаконенія о нихъ не отмѣнены. Вообще евреи—сообщала администрація,—исключая немногихъ въ Митавѣ, живутъ столь бѣдно, что большая часть ихъ едва имѣетъ дневную пищу; евреи между собою никакого общества не составляютъ, большая часть ихъ не имѣетъ и постояннаго даже мѣстопребыванія, и „по извѣстнымъ свойствамъ сего народа, не предвидится никакого средства, чтобы большую часть сихъ бродягъ можно было принудить къ постоянной жизни или къ какому порядочному ремеслу“. Относясь отрицательно къ тому, что евреи не занимаются ремеслами и не имѣютъ внутренней организаціи, администрація, представивъ сенату рядъ старыхъ ограничительныхъ постановленій о

евреяхъ, преднамѣренно проглядѣла, что именно въ этихъ постановленіяхъ надо искать причину того, что евреи лишены всякой организаціи, что они не имѣютъ постояннаго труда.

Къ счастью для евреевъ, сенатъ понялъ, что евреевъ въ теченіе двухсотъ лѣтъ насильственно устраняли отъ ремеслъ и торговли, что ихъ кочевой образъ жизни объясняется часто возобновлявшимися выселеніями и запрещеніемъ жить въ городахъ, а потому нельзя считать ихъ за вкравшихся, а тѣмъ менѣе „лишать ихъ столь древняго ихъ жилища". Въ виду этого, сенатъ потребовалъ, чтобы курляндская администрація, сообразуясь съ мѣстными обстоятельствами, а также съ законами, предоставляющими евреямъ жительство въ другихъ губерніяхъ, высказала свои соображенія, на какихъ основаніяхъ слѣдуетъ оставить евреевъ на мѣстахъ. Этотъ рѣшительный шагъ, долженствовавшій положить предѣлъ политикѣ „нетерпимости", сенатъ сдѣлалъ подъ вліяніемъ сенатора барона Карла-Генриха Гейкинга, лично извѣстнаго государю [1]). Пользуясь исключительнымъ правомъ ужинать въ тѣсномъ кругу царской семьи и ближайшихъ къ государю лицъ, Гейкингъ имѣлъ случаи бесѣдовать съ государемъ, и когда возникъ вопросъ о курляндскихъ евреяхъ, Павелъ I поручилъ бар. Гейкингу составить записку о нихъ [2]). Гейкингъ считалъ необходимымъ предоставить евреямъ права гражданъ, и сенатъ согласился съ этимъ мнѣніемъ.

Но курляндская администрація никакъ не хотѣла примириться съ мыслью, что вѣковое отношеніе мѣстнаго законодательства къ еврейскому населенію осуждено. Она старалась доказать сенату, что нѣтъ никакой возможности извлечь изъ евреевъ пользу для казны и общества, что ея донесеніе основано на истинѣ, что лишь незначительная часть евреевъ родилась въ предѣлахъ Курляндіи, что лишь у немногихъ родители и дѣды здѣсь проживали, да и то все это тѣ, которые живутъ въ Пильтенѣ; прочіе же прибыли изъ-за рубежа и ничѣмъ не связаны съ краемъ. Въ силу

---

[1]) Баронъ Гейкингъ род. въ 1751 г., умеръ въ 1809 (?). Его теща Лафонъ была начальницей Смольнаго института и она, кажется, способствовала возвышенію Гейкинга. Вступивъ на престолъ, Павелъ I вызвалъ Гейкинга изъ Митавы, гдѣ онъ занималъ постъ предсѣдателя суда, назначилъ его сенаторомъ по третьему отдѣленію, гдѣ сосредоточены были дѣла о евреяхъ, и приблизилъ его къ себѣ. Въ 1798 г. Гейкингъ подвергся опалѣ и былъ высланъ въ деревню. Александръ I возвратилъ его къ мѣсту служенія.

[2]) „Я съ моей стороны, — писалъ впослѣдствіи Гейкингъ, — сдѣлалъ всѣ изслѣдованія, чтобы объяснить сей предметъ (о свидѣтельскихъ показаніяхъ евреевъ), по случаю даннаго мнѣ повелѣнія покойнымъ государемъ императоромъ Павломъ I, представить мое мнѣніе о евреяхъ, находящихся въ Курляндіи" (Архивъ сената, дѣло мин. юстиціи, 1810 г. № 149). Въ печатныхъ запискахъ Гейкинга объ этомъ не упоминается.

почти природнаго отвращенія къ труду,—такъ завѣряла курляндская администрація сенатъ,—евреи живутъ въ чрезвычайной бѣдности, ходятъ въ рубищахъ; занятіе маклерствомъ (по найму квартиръ, продажѣ товаровъ) ставится имъ въ упрекъ наряду съ отдачей денегъ въ ростъ и корчемствомъ; торговая дѣятельность евреевъ наноситъ ущербъ христіанамъ-торговцамъ; взыскивать же подати съ евреевъ очень трудно въ виду ихъ кочевого образа жизни, вслѣдствіе чего взиманіе сборовъ съ нихъ приходится поручать городамъ и помѣщикамъ; если, однако, не взирая на эти обстоятельства, правительство все же желаетъ, чтобы еврейская жизнь была урегулирована въ краѣ, то пусть всѣ евреи будутъ приписаны къ Газенпоту, гдѣ, не въ примѣръ прочимъ городамъ, они пользуются правами гражданства; старшины еврейскіе укажутъ, кого оставить въ странѣ; прочіе должны удалиться. Съ своей стороны митавскіе евреи Salomon Eljokum и Marcus Jacob, отъ имени „еврейской націи въ Курляндіи“, выступили съ проектомъ устройства евреевъ, въ общихъ чертахъ схожимъ съ тѣмъ, который былъ представленъ въ 1793 г. Къ счастью для курляндскихъ евреевъ все это не было осуществлено.

Законъ 14 марта 1799 г.[1]), выработанный въ Петербургѣ въ соотвѣтствіи съ тѣми постановленіями, которыя дѣйствовали въ отношеніи евреевъ въ другихъ губерніяхъ, предоставилъ курляндскимъ евреямъ бóльшія права, чѣмъ они ожидали: имъ было дозволено проживать по всей территоріи Курляндіи, заниматься торговлей и ремеслами на общихъ основаніяхъ, записываться въ купечество и мѣщанство, принимать участіе въ сословномъ и городскомъ самоуправленіи, голосовать на выборахъ и занимать общественныя должности. Такимъ образомъ, кочевникъ превратился въ осѣдлаго жителя, покровительствуемый еврей—въ гражданина. Государство получило возможность взимать съ евреевъ подать. Городское населеніе ничего не потеряло отъ совмѣстной жизни съ новыми согражданами. И тогда стало ясно, что двухвѣковая борьба противъ евреевъ вызывалась не государственными интересами, а одной лишь корыстью торговаго класса.

[1]) Первое полное собраніе законовъ, № 18889. Изложеніе на нѣмецкомъ языкѣ этого высочайше утвержденнаго доклада сената, а также вызванно этимъ закономъ распоряженіе курляндской губернской администраціи, приведены у Wunderbar'a, стр. 50—56.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ [1]).

Обостреніе религіозной распри въ концѣ 18-го вѣка. — Борьба между хасидами и ихъ противниками сосредоточивается вокругъ кагальной власти. — Виленскій гаонъ призываетъ общины совмѣстно выступить противъ хасидовъ. — Успѣшныя дѣйствія виленскихъ хасидовъ и недовольство кагаломъ въ широкихъ кругахъ виленской общины. — Виленскіе старшины ищутъ поддержки у власти. — Заточеніе р. Залмана въ Петропавловской крѣпости. — Повелѣніе Павла I о признаніи за хасидами права на открытое существованіе. — Хасиды овладѣваютъ виленскимъ кагаломъ. — Отрѣшенные виленскіе старшины обращаются за содѣйствіемъ къ высшей власти. — Доносъ раввина Авигдора и вторичный арестъ Залмана. — Вопросъ о совмѣстномъ существованіи кагала и хасидской секты.

Несмотря на насильственныя мѣры, къ которымъ прибѣгали раввинисты въ борьбѣ со своими противниками, хасидизмъ продолжалъ распространяться [2]). Могло даже казаться, что раввинисты примирились съ ростомъ сектантскаго движенія. Послѣ того, какъ погромная агитація могилевскаго съѣзда привела въ 1784 г. къ народному самосуду надъ хасидами, наступаетъ сравнительное затишье; отдѣльныя столкновенія не прекращаются, но не было болѣе планомѣрной борьбы. Это объясняется тѣмъ, что политическія смуты и внутреннія войны, охватившія Польшу и Литву, а также неурядицы въ большинствѣ кагаловъ, особливо въ виленскомъ, отвлекли вниманіе раввинистовъ отъ религіозной распри. Хасиды, конечно, воспользовались ослабленіемъ дѣятель-

---

[1]) Въ основу настоящей главы положены, помимо трудовъ С. М. Дубнова по исторіи хасидизма, появившихся въ „Восходѣ“ за 1888—1893 гг., нижеуказанные матеріалы изъ архива сената, которые я уже ранѣе использовалъ въ очеркѣ „Къ исторіи религіозной борьбы“ (Восходъ, 1902 г., кн. I и II; см. также мою книгу „Евреи въ Россіи“, стр. 143—191):

— По прошенію бывшаго въ Минскѣ оберъ-раббина Хаима. Дѣло министерства юстиціи, 1800 г., № 85.

— О каролинской сектѣ. Дѣло I отдѣленія 3 департамента, 1801 г., № 413.

— О виленскихъ кагальныхъ старшинахъ. Дѣло I отдѣленія 3 департамента, 1800 г., № 328.

Документы первыхъ двухъ изъ этихъ дѣлъ были сообщены мною С. М. Дубнову и напечатаны имъ, съ моего согласія, въ „Еврейской Старинѣ“ за 1910 г.

[2]) См. выше, стр. 127—128, 155—158

ности противниковъ. Во многихъ общинахъ они добились численнаго преобладанія. И многіе раввинисты стали мирно уживаться съ хасидами—одни изъ опасенія нарушить общественное спокойствіе, другіе—изъ личныхъ цѣлей, какъ, напр., раввины, зависѣвшіе матеріально отъ хасидовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ хасиды утвердились. Когда же, съ послѣднимъ раздѣломъ Польши, край былъ умиротворенъ, представители раввинизма, увидѣвъ, къ чему привело ихъ бездѣйствіе, въ особенности же молчаніе гаона, рѣшили вновь выступить противъ сектантовъ [1]).

Однако, возобновленію враждебныхъ дѣйствій должно было въ значительной мѣрѣ способствовать также то, что хасиды завладѣли въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ общественной властью, сосредоточенной въ кагалахъ, что являлось угрожающимъ для раввинско-кагальнаго союза, и это обстоятельство придало религіозной борьбѣ новую окраску.

Хасидскіе кружки съ тайными молельнями завелись въ самой Вильнѣ; въ Гродненской губерніи хасиды издавна группировались вокругъ Хайкеля Амдурскаго, печальной памяти цадика-чудодѣя. Повидимому, литовскіе хасиды уже вскорѣ по присоединеніи края къ Россіи стали, подобно своимъ бѣлорусскимъ собратьямъ [2]), выходить изъ-подъ власти кагала, обращаясь — быть можетъ, наряду съ другими недовольными элементами — по судебнымъ дѣламъ не къ кагаламъ, а къ магистратамъ. Мы видимъ, что въ 1795 г. виленскіе и гродненскіе кагальные старшины сообща просятъ литовскаго генералъ-губернатора постановить, чтобы споры между евреями разрѣшались въ кагалахъ [3]).

Особенно успѣшно хасидизмъ распространился, начиная съ девяностыхъ годовъ, въ Минской губерніи, гдѣ его приверженцевъ называли „карлинерами", „каролинами", по предмѣстью Пинска, Карлину, резиденціи старѣйшаго литовскаго цадика Соломона (ум. въ 1792 г.). Кагалы старались парализовать хасидское движеніе. Такъ, минскій кагалъ постановилъ въ 1794 г. закрыть въ Минскѣ хасидскую молельню, при чемъ лицамъ, уполномоченнымъ на это, онъ предоставилъ произвести нужные расходы безъ всякаго контроля [4]). Крайне ревностнымъ противникомъ хасидовъ былъ пинскій раввинъ Авигдоръ Хаимовичъ, взявшій, съ согласія кагала, у владѣльцевъ вблизи лежащихъ мѣст. Злобина и Столина,

---

[1]) С. Дубновъ, Исторія хасидскаго раскола, глава XII (Восходъ, 1891 г., книга XI).

[2]) См. выше, стр. 161—163.

[3]) Акты, издаваемые Виленскою комиссіею для разбора древнихъ актовъ, т. XXIX, докум. № 244.

[4]) Брафманъ, Книга кагала, т. II, документъ № 9.

а также Добровичей, на откупъ раввинскіе доходы. Убѣдившись въ безцѣльности своей проповѣди, обращенной къ хасидамъ, Авигдоръ побудилъ виленскаго гаона предать публичному сожженію хасидскія книги, забранныя Авигдоромъ. Тогда хасиды Злобина, Столина и Добровичей, хозяйничавшіе, повидимому, въ этихъ пинскихъ прикагалкахъ, добились того, что Авигдоръ былъ лишенъ раввинскихъ доходовъ, а затѣмъ устраненъ отъ должности раввина въ Пинскѣ [1]). Болѣе того, мѣста судей и старшины въ пинскомъ кагалѣ также заняли (1796 г.) хасиды [2]). Эта побѣда оказалась чреватой не только для мѣстныхъ хасидовъ. Пинское событіе должно было внушить всей партіи мысль о борьбѣ съ противниками на почвѣ общинной (кагальной) власти. Дѣйствительно, можно полагать, что въ Минской губерніи хасиды сумѣли въ той или иной мѣрѣ подчинить кагалы своей волѣ; нѣсколько лѣтъ спустя мѣстный губернаторъ свидѣтельствовалъ [3]), что каролинская секта „отправляетъ молитвы свои и прочее безъ всякаго препятствія отъ древней“ (т.-е. раввинистовъ). Пинское событіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, должно было обнаружить предъ „ревнителями вѣры“, какую общественную силу они встрѣтили въ лицѣ хасидовъ. Захватъ хасидами власти не могъ не вызвать въ гаонѣ опасенія за будущее. Если теперь хасидамъ удалось потрясти хотя бы въ незначительной, сравнительно, части духовную власть

---

[1]) На его мѣсто былъ назначенъ хасидъ Гершель Колоднеръ, склонившій, какъ видно, на свою сторону минскую администрацію тѣмъ, что заявилъ о взиманіи Авигдоромъ непомѣрныхъ поборовъ съ населенія.

[2]) Всеподданнѣйшая жалоба Авигдора. Архивъ сената, дѣло министерства юстиціи, 1800 г., № 85.

Можно предположить, что распоряженіе, послѣдовавшее въ 1795 г. (см. выше, стр. 185), чтобы кагалы не касались никакихъ другихъ дѣлъ, „кромѣ обрядовъ закона и богослуженія“, было издано по ходатайству хасидовъ. Это распоряженіе, которое, несомнѣнно, не было осуществлено въ полной мѣрѣ, имѣлъ, вѣроятно, въ виду Авигдоръ, говоря: „прежде всегда было у насъ въ обыкновеніи, чтобы токмо наши ученые рѣшали дѣла... Что и покойная государыня утвердила при вступленіи на престолъ (?), дабы іудейскія спорныя дѣла были рѣшены учеными іудеями. Но богатые люди, которымъ сіе не нравилось, довели происками до того, что сила іудейскаго суда въ спорныхъ дѣлахъ осталась тщетна“. Такъ какъ Авигдоръ устно изложилъ свои претензіи, а переводчикъ съ его словъ писалъ по-русски, то, очевидно, переводчикъ неправильно написалъ „при вступленіи на престолъ“; имѣлся въ виду переходъ Минской губерніи подъ скипетръ государыни Выразившись „богатые люди“, Авигдоръ хотѣлъ сказать, что богатые хасиды подкупили мѣстныя власти; это видно изъ общаго содержанія его жалобы. Въ пользу предположенія, что хасиды исходатайствовали указанное распоряженіе, говоритъ то обстоятельство, что минская администрація, какъ это видно будетъ въ дальнѣйшемъ, выступала въ защиту хасидовъ.

[3]) Изъ донесенія литовскаго военн. губернатора 12 іюля 1800 г. (дѣло минист. юстиціи, 1800 г. № 85).

раввинской партіи, то не удастся ли имъ захватить въ свои руки и свѣтскую, вѣрнѣе, административную? Возможно, что именно эти соображенія и заставили раввинистовъ воспрянуть отъ многолѣтняго покоя. Во всякомъ случаѣ, въ дальнѣйшей борьбѣ вопросъ объ общинной власти занимаетъ видное мѣсто.

Состоявшееся весною 1796 г. въ Вильнѣ, подъ предсѣдательствомъ гаона, засѣданіе раввиновъ и представителей кагаловъ постановило призвать всѣ вліятельныя общины Литвы и Бѣлоруссіи къ борьбѣ противъ хасидовъ и сообща выработать мѣры противъ распространенія сектантства. Отъ имени виленскаго гаона былъ разосланъ циркуляръ, призывавшій всѣхъ бороться съ шайкой „людей злыхъ и преступныхъ, именующихъ себя хасидами“. Такой циркуляръ былъ, между прочимъ, доставленъ и въ Минскъ, но здѣсь хасиды распространили слухъ, что циркуляръ подложенъ; этого было достаточно, чтобы раввины воздержались отъ его обнародованія. Для провѣрки его подлинности пришлось отправить депутацію въ Вильну. Тогда послѣдовало второе, болѣе суровое посланіе гаона, обращенное къ духовнымъ и свѣтскимъ вождямъ Литвы, Бѣлоруссіи, Подоліи и Волыни [1]), требовавшее борьбы съ хасидами при содѣйствіи административной силы кагаловъ, при помощи полицейскихъ мѣръ.

„Вѣрные сыны Израиля, благоговѣйно покорные слову Божію, идущіе на проломъ, дабы отстоять домъ Израилевъ, очистить сердца отъ камней, охранить паству Божію, какъ пастырь—стадо свое; вы, предводители губернскаго кагала г. Минска, — да охранитъ васъ Богъ за то, что вы первые вышли на священную борьбу! Пламя вашего рвенія прорвалось и охватило сухіе сучья, которые слѣдуетъ искоренить изъ вертограда Господня — изъ народа, избраннаго Богомъ, какъ наслѣдіе Его. Если они (хасиды) издѣваются (надъ Закономъ), то сокрушите имъ голову! Пусть безумцы, строющіе козни, поймутъ, что ждетъ ихъ, и не вернутся къ своему безумію. Первыми должны выступить въ походъ вы, герои избранники означеннаго города, а съ вами должны раздѣлить трудъ ваши пастыри, избранные въ губернскомъ кагалѣ. Вы же, горы Израиля, духовные пастыри каждой губерніи, свѣтскіе вожди каждой губерніи, вы, предводители губернскихъ кагаловъ Могилева, Полоцка, Житоміра, Винницы, Каменца-Подольска,—въ вашихъ рукахъ есть молотъ, которымъ вы можете разбить злоумышленниковъ, противниковъ свѣта, враговъ народа, и обратить ихъ въ бѣгство! Вы, воины слова Божія, имѣете силу искоренить тѣхъ, которые окажутъ сопротивленіе справедливому приговору,

---

[2]) С. Дубновъ, Исторія хасидскаго раскола, гл. XII.

который вы произнесете надъ виновными... Горе этому роду (хасидовъ), проклинающему своего отца (Бога) и не благословляющему своей матери (Торы)! Тяжко провинились они передъ вами, отвернувшись отъ васъ... Они нарушили законы, отвергли постановленія своего Создателя и дѣлаютъ въ божественномъ ученіи открытія, несогласныя съ истиною... Унаслѣдованное нами ученіе Моисеево они урѣзываютъ, сочиняютъ новый Завѣтъ..., толкуютъ превратно законы вѣры, и воображаютъ, что ихъ путь угоденъ Богу... Горе ихъ дурнымъ пастырямъ, измыслившимъ отъ себя новый законъ и новое ученіе... Между ними (хасидами) есть люди, запятнавшіе себя кровью невинныхъ бѣдняковъ. Всякому дурному дѣлу они содѣйствуютъ, всякаго злодѣя и грѣшника они поддерживаютъ...

„Нужно всенародно наказывать скорпіонами этихъ безумцевъ, для ихъ же исправленія. Пусть никто не сжалится надъ ними и не пріютитъ ихъ, Пусть общество лицемѣровъ останется всѣми покинутымъ. Тотъ, кто послѣдуетъ за ними, пусть будетъ выставленъ къ позорному столбу... [1])

Послѣ этого и минскій кагалъ разослалъ по губерніи отъ своего имени циркуляръ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „Приготовьтесь же къ борьбѣ сейчасъ, и вы будете благословленны! Пусть не щадитъ никто ни своего брата, ни своего сына (сектанта), пусть скажетъ отцу и матери — я васъ не знаю! Не жалѣйте никого, пока не будетъ положенъ конецъ распложенію зла... Каждый уѣздный кагалъ долженъ отдавать приказанія въ этомъ смыслѣ окрестнымъ общинамъ... Ослушниковъ мы въ состояніи давить и преслѣдовать, такъ какъ мы, слава Богу, имѣемъ поддержку со стороны нашего генералъ-губернатора, который далъ намъ полномочія и велѣлъ писать евреямъ въ духѣ божескихъ и человѣческихъ законовъ, ибо и (государственный) законъ запрещаетъ подобное (сектанство) во Израилѣ... Будемъ же стремиться къ тому, чтобы у насъ не было двухъ религій, но чтобы мы были единодушны, какъ въ былыя времена...“ [2])

Судя по этому посланію, можно заключить, что минскій кагалъ, обрушиваясь на религіозныхъ противниковъ, обезпечилъ себя поддержкой со стороны мѣстной администраціи. Однако, возникаетъ сомнѣніе, дѣйствительно ли была обѣщана эта поддержка и не была ли сдѣлана ссылка на генералъ-губернатора лишь для того, чтобы раввинисты дѣйствовали болѣе рѣшительно

---

[1]) С. Дубновъ, Исторія хасидскаго раскола, гл. XII.
[2]) Его-же, Историческія сообщенія, Восходъ, 1893 г., кн. VIII.

и открыто. Во всякомъ случаѣ, администрація не всегда и не всюду протягивала руку помощи раввинистамъ. Хасиды также умѣли пріобрѣтать расположеніе властей, и сами кагалы невольно способствовали этому. Безпорядки, царившіе въ кагальномъ хозяйствѣ, а также обремененіе населенія поборами, позволяли хасидамъ выступать предъ администраціей въ роли благородныхъ защитниковъ народа, хотя многіе цадики, особливо примыкавшіе къ типу украинскихъ вожаковъ, сами безудержно обирали народъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, злоупотребленія, которыя допускались кагальными старшинами, давали администраціи поводъ вмѣшиваться въ общинныя дѣла.

Въ Вильнѣ, центрѣ литовскаго края, гнетъ кагальной олигархіи еще въ польскія времена дошелъ до крайнихъ предѣловъ. Здѣсь въ теченіе многихъ лѣтъ тянулась борьба между кагаломъ и раввиномъ Самуиломъ; несмотря на то, что раввина обвиняли во взяточничествѣ, пьянствѣ, нарушеніи присяги и т. д., простонародье было все же болѣе враждебно настроено противъ кагала, чѣмъ противъ недостойнаго раввина, такъ какъ злоупотребленія кагала были для народа невыносимѣе. Представитель простонародья Вильны Шимонъ Вольфовичъ, выступивъ противъ кагала, запасся „желѣзнымъ листомъ“ отъ короля Станислава, долженствовавшимъ обезпечить неприкосновенность личности и имущества какъ самого Шимона Вольфовича, такъ и стоявшей за нимъ народной массы. Но кагалъ предалъ ходатая херему, а затѣмъ добился заключенія его въ тюрьму (1788 г.) Тогда Шимонъ Вольфовичъ, находясь въ заключеніи, рѣшился написать посланіе къ четырехлѣтнему сейму о совершенномъ упраздненіи кагальной власти [1]). Распри между кагаломъ, раввиномъ и простонародной массой потрясли кагальную организацію на Литвѣ, уронили достоинство кагала въ глазахъ еврейскаго общества. При такихъ условіяхъ борьба хасидовъ съ кагаломъ облегчалась.

Когда гаонъ умеръ (1797 г.), хасиды предались веселію и въ день погребенія его, какъ шла молва, устроили шумный пиръ. Миснагдимъ—такъ стали называть раввинистовъ, т. е. противниковъ хасидизма— поклялись отмстить сектантамъ. Гаонъ не оставилъ послѣ себя достойнаго преемника, и веденіе борьбы съ хасидами перешло въ руки „совѣта пяти мужей“, т.-е. пяти членовъ виленскаго кагала. Среди нихъ наиболѣе дѣятельную роль сыгралъ Моисей Ошеровичъ. Имъ была вручена вся полнота власти для преслѣдованія хасидовъ.

---

[1]) С. Бершадскій, Литовскіе евреи, стр. 48 и сл. См. также: Акты, издаваемые Виленскою комиссіей для разбора древнихъ актовъ, т. XXIX.

Въ одинъ изъ праздничныхъ дней, въ виленскихъ синагогахъ, наполненныхъ молящимися, раздались, во время перерыва богослуженія, звуки „шофера“, свѣчи были погашены, и среди мрака и тишины было громогласно прочитано нижеслѣдующее постановленіе виленскаго кагала: „Если на кого нибудь будетъ показано, что онъ принадлежитъ къ означенной сектѣ, а подавно, если станетъ извѣстно, что онъ идетъ по путямъ ихъ (сектантовъ) и слѣдуетъ ихъ обрядамъ,—то такой человѣкъ не только отлучается и отвергается отъ всѣхъ и считается чуждымъ всего святого въ еврействѣ, но вовсе не признается сыномъ Израиля и приравнивается къ самаритянину и саддукею. Его вино и хлѣбъ запрещено вкушать, онъ совершенно изгоняется изъ нашего города, лишается здѣсь всякаго права владѣнія и подавно не имѣетъ права занимать какую бы то ни было должность въ кагалѣ, участвовать въ собраніяхъ или въ какомъ-нибудь братствѣ. Все это дѣлается чрезъ тайнаго преслѣдователя... Всякій изъ нашей общины, который пожелаетъ взять на себя роль преслѣдователя въ означенномъ дѣлѣ, имѣетъ на то полное право, какъ если бы былъ уполномоченъ всѣмъ духовнымъ собраніемъ“ [1]).

Иначе говоря,—былъ провозглашенъ херемъ. Эта мѣра заставила хасидовъ направить свои усилія къ тому, чтобы прежде всего лишить кагалъ возможности объявлять проклятіе,—и, дѣйствительно, въ томъ же году виленскій губернаторъ Фризель запретилъ кагалу прибѣгать къ херему [2]). А затѣмъ хасиды стали добиваться того, чтобы кагалъ не рѣшалъ духовныхъ и гражданскихъ дѣлъ. Это имъ также удалось. Литовское губернское правленіе, какъ жаловался Ошеровичъ, въ „26-ой день апрѣля 1798 г. запретило намъ по нашимъ духовнымъ законамъ наказывать евреевъ, нарушающихъ обряды религіи, позволило каролинамъ отправлять богомоленіе не по правиламъ праотцевъ нашихъ и не велѣно кагалу и духовному суду принимать и судить между евреями дѣлъ“ [3]).

Этимъ успѣхомъ хасиды обязаны были не только своимъ организованнымъ дѣйствіямъ, но и тому обстоятельству, что въ сущ-

---

[1]) С. Дубновъ, Исторія хасидскаго раскола, глава XIII. Постановленіе состоялось 10 октября 1797 г. „по римскому“ счисленію, какъ сообщаетъ въ своей жалобѣ отъ 11 февраля 1799 г. Моисей Ошеровичъ. Архивъ сената I отд. 3 департ., дѣло 1800 г., № 328.

[2]) Та же жалоба Ошеровича. Возможно, что запретъ Фризеля состоялся при жизни гаона, но кагалы продолжали пользоваться старымъ орудіемъ преслѣдованія и хасиды вновь просили о запрещеніи кагаламъ объявлять херемъ, какъ это видно изъ жалобы Ошеровича.

[3]) Жалоба Ошеровича отъ 20 февраля 1799 г. (въ томъ же архивномъ дѣлѣ).

ности, со стороны миснагдимъ въ религіозныхъ столкновеніяхъ принимала участіе лишь немногочисленная группа, близко стоявшая къ кагалу; болѣе широкіе круги, повидимому, относились пассивно къ междуусобію. Виленское еврейское общество могло даже сочувствовать хасидамъ въ ихъ стремленіи сломить силу кагала, потому что и миснагдимъ, страдая подъ гнетомъ кагала, боролись противъ кагала, и тѣмъ самимъ играли въ руку хасидамъ.

Въ разгаръ борьбы между хасидами и ихъ противниками, сосредоточенными въ виленскомъ кагалѣ, группа литовскихъ евреевъ обращается въ губернское правленіе съ просьбою указать имъ, какимъ образомъ избирать кагальныхъ старшинъ и членовъ, такъ какъ на это не имѣется, будто-бы, никакихъ узаконеній. Эта мотивировка обнаруживаетъ смѣлое желаніе пойти противъ установленнаго порядка, такъ какъ система кагальныхъ выборовъ была издавна выработана, и если нужны были какія-нибудь измѣненія въ этой области, то таковыя должны были быть введены волею самого же еврейскаго общества. Ходатаями были, вѣроятнѣе всего, хасиды. Но вскорѣ къ разрѣшенію поднятаго вопроса была привлечена столь многолюдная группа виленскаго еврейскаго общества, что кругъ лицъ, которыя живо заинтересовались этимъ дѣломъ, не могъ состоять изъ однихъ только хасидовъ,—явное недовѣріе къ кагалу обнаружила наиболѣе вліятельная часть виленскаго общества.

Въ отвѣтъ на упомянутую просьбу губернское правленіе предложило евройскимъ купцамъ собраться и, пригласивъ къ совѣшанію нѣсколькихъ единовѣрцевъ, „коихъ знаніе, способность и честность извѣстны“, прочитать Городовое положеніе, сообразно которому, „не отвергая еврейскихъ постановленій“, выработать положеніе о кагальныхъ выборахъ. Это собраніе состоялось, и оно донесло правленію, что старшины кагала и духовнаго суда избираются ежегодно и что допускается двоякій порядокъ выборовъ: парнесовый (?) и гминовый; при первомъ производятъ выборъ только тѣ, кто купитъ или инымъ образомъ пріобрѣтетъ право голоса отъ кагала, а при послѣднемъ—участвуетъ „и вся чернь безъ исключеній“; на выборахъ происходятъ злоупотребленія, а потому собраніе просило производить впредь выборы по новому порядку, а вмѣстѣ съ тѣмъ позволить „выбрать для смотрѣнія за кагаломъ изъ еврейскихъ купцовъ трехъ человѣкъ“. Болѣе того, ознакомленіе съ Городовымъ положеніемъ привело ходатаевъ къ мысли просить правительство дать литовскимъ евреямъ такое же устройство, какое имѣютъ остальные евреи, а именно: „по части производства дѣлъ, какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ, присоединить (евреевъ) къ маги-

стратамъ и позволить выбрать въ оный (людей) своего закона", т.-е. лишить кагалъ судебныхъ функцій, введя евреевъ въ гражданскомъ отношеніи въ общую массу населенія [1]).

Это выступленіе виленскихъ евреевъ противъ кагала объясняется желаніемъ сломить силу кагала не только какъ религіозно-судебнаго, но и какъ финансоваго органа. Многолѣтніе раздоры въ нѣдрахъ кагала, сопряженные съ большими издержками, должны были печально отразиться на благосостояніи общины; борьба же съ сектантами, поглощавшая значительныя средства, еще болѣе ухудшила матеріальное положеніе членовъ общины.

Кагалъ видѣлъ вокругъ себя общее недовольство, но онъ отнюдь не хотѣлъ выпустить власть изъ своихъ рукъ, и еще съ большей энергіей пошелъ противъ хасидовъ. И надо думать, что именно отсюда, изъ среды кагальныхъ заправилъ, былъ сдѣланъ въ 1798 г. доносъ на хасидовъ, главнымъ образомъ на Залмана. Подъ доносомъ подписался нѣкій Гиршъ Давидовичъ изъ Вильны, но его тамъ впослѣдствіи не нашли: вѣроятно, это было вымышленное лицо, или же, въ виду неблагопріятнаго исхода доноса, миснагдимъ скрыли доносчика. Обвиненіе выставило Залмана и его послѣдователей не сектантами, а политическими преступниками; говорилось не объ ихъ дѣйствіяхъ, опасныхъ для еврейскаго общества, а о „вредныхъ для государства поступкахъ". Въ результатѣ—бѣлорусскій губернаторъ получилъ предписаніе доставить въ Петербургъ Залмана, а литовскій губернаторъ — произвести разслѣдованіе, и „главнѣйшихъ здѣшнихъ сообщниковъ рабина Боруховича прислать за крѣпкимъ карауломъ" въ Петербургъ. Вслѣдствіе этого въ Вильнѣ и ближайшихъ повѣтахъ было арестовано двадцать два еврея, изъ коихъ семеро, признанные „главными сообщниками начальника ихъ", были отправлены въ Петербургъ [2]). Принятіе такихъ чрезвычайныхъ мѣръ объясняется общимъ характеромъ эпохи; однако, въ данномъ случаѣ могло сыграть роль и то обстоятельство, что литовскій губернаторъ Я. И. Булгаковъ увѣдомилъ государя въ 1798 г., что тамошніе обыватели дѣлаютъ „потаенныя стачки, неблагопріятныя для Россіи, а полезныя для французовъ", и Павелъ I приказалъ таковыхъ заговорщиковъ ловить и привозить въ петербургскую крѣпость, гдѣ ихъ въ тайной канцеляріи допрашивали, а послѣ допроса предали суду сената [3]); кажется, миснагдимъ воспользо-

[1]) Архивъ сената, журналъ 1 отд. 3 департ., 13 августа 1800 г. № 28.— Объ избраніи литовскихъ евреевъ въ магистраты—см. выше, стр. 196—199.

[2]) Изъ донесенія литовскаго военнаго губернатора Голенищева-Кутузова отъ 30 іюля 1800 г. Съ дороги ихъ вернули назадъ и вскорѣ освободили.

[3]) Второе академич. изданіе сочиненій Державина, т. VI (1876 г.) стр. 708.

вались этими тревожными слухами, представивъ Булгакову хасидовъ, какъ политически ненадежныхъ людей, и губернаторъ далъ знать объ этомъ въ Петербургъ [1]).

Рабби Залманъ подвергся допросу въ тайной канцеляріи. Увидѣвъ предъ собою не политическое сообщество, а иновѣрную секту, правительство успокоилось; не усмотрѣвъ „въ поведеніи евреевъ, коихъ считаютъ въ сектѣ той, ничего вреднаго для государства, ниже развратнаго въ нравахъ и нарушающаго общее спокойствіе", государь повелѣлъ освободить всѣхъ заключенныхъ. Бѣлорусскій губернаторъ далъ 15 декабря 1798 г. знать витебскому земскому комиссару, что, согласно высочайшему повелѣнію, „взятый предъ симъ изъ мѣстечка Ліозны проживающій тамъ раввинъ Залманъ Боруховичъ, по разсмотрѣніи обстоятельствъ, учиненъ свободнымъ и секта евреевъ, каролины именуемая, остается при прежнемъ ея существованіи" [2]).

Борьба между миснагдами и хасидами, вѣрнѣе — между кагальными заправилами и хасидами—велась лишь тѣми, кто бился изъ-за общественной власти, и тѣми, кто стоялъ близко къ вожакамъ движеній. Народная масса не принимала замѣтнаго участія въ столкновеніяхъ. Однако, такія исключительныя событія 1797—1798 гг., какъ херемы, исходившіе изъ Вильны, или заточеніе Залмана въ петербургскомъ казематѣ, столь обострившія религіозную борьбу, должны были остановить на себѣ вниманіе и широкихъ слоевъ общества. Отголоски того, что происходило въ руководящихъ кругахъ, не могли не доходить и до самыхъ отдаленныхъ угловъ. Но помимо этого, ожесточенная борьба должна была напоминать о себѣ народу и благодаря тому, что она требовала отъ него большихъ матеріальныхъ жертвъ. Обѣ враждовавшія стороны добивались содѣйствія мѣстной администраціи и сочувствія въ столичныхъ канцеляріяхъ, вели пропаганду и т. д.,—на все это нужны были большія средства, и потому приходилось изыскивать различные источники денежныхъ поступленій. Можно полагать, что состоявшіеся въ Минскѣ въ 1796 и 1799 гг. съѣзды представителей отъ кагаловъ всего края [3]) имѣли отношеніе къ между-

---

[1]) Въ цитированной жалобѣ Авигдора говорится: „поступки оной секты, соединенные съ вольностью и союзомъ между собою, усмотрѣлъ и бывшій въ Вильнѣ губернаторъ, о чемъ и сюда (Петербургъ) далъ знать".

[2]) Во время пребыванія р. Залмана въ столицѣ художникъ Кириллъ Ивановичъ Головачевскій (1735—1823 г.), извѣстный въ ту пору портретный живописецъ, сдѣлалъ съ него снимокъ, который находился позже въ Варшавѣ, въ галлереѣ графа Тышкевича. Копія съ этого портрета была издана въ 1889 г. въ литографированномъ видѣ. См. выше, стр. 157.

[3]) Брафманъ, Книга кагала, документы №№ 69 и 106.

усобію, и что подобныя собранія происходили и въ другихъ мѣстностяхъ. По крайней мѣрѣ, сохранилось извѣстіе о съѣздѣ еврейскихъ представителей отъ трехъ губерній: Подольской, Волынской и Кіевской. Въ августѣ 1798 г. начальнику этихъ губерній, графу Гудовичу, стало извѣстно, что среди мѣстныхъ евреевъ производится денежный сборъ, „по разосланному отъ старшихъ ихъ рабиновъ повелѣнію, на отправленіе отъ нихъ какой-то депутаціи". Имѣя въ виду появившееся въ нѣмецкихъ газетахъ какое-то предостереженіе противъ евреевъ, хотя и не оправдавшееся, графъ Гудовичъ приказалъ отобрать собранныя деньги и навести конфиденціально болѣе точныя справки, и оказалось, что сборъ, въ размѣрѣ 15 копеекъ серебромъ съ души, былъ установленъ состоявшимся въ Острогѣ „собраніемъ старшихъ еврейскихъ рабиновъ и почетныхъ евреевъ на отправленіе къ Его Императорскому Величеству отъ всего ихъ общества депутатовъ, съ принесеніемъ всеподданнической благодарности за высокомонаршее ихъ покровительство, и съ испрошеніемъ о дарованіи имъ нѣкоторыхъ выгодъ [1])". При этомъ губернаторы завѣрили гр. Гудовича, что въ собираніи денегъ никакихъ „злонамѣреній" не скрывается.

Въ описанномъ эпизодѣ одно достовѣрно, а именно, что состоялось собраніе представителей еврейскаго общества, которое и постановило произвести сборъ со всего населенія. Что же касается цѣли этого сбора, то возможно усомниться, дѣйствительно ли предполагалось послать депутацію къ государю лично? Дѣло въ томъ, что вступивъ (1796 г.) на престолъ, Павелъ I не принялъ поздравленія отъ сената, не пожелалъ принять дворянскія депутаціи. И позже, когда въ августѣ 1797 г. управляющій Волынской и Подольской губерніями сообщилъ въ Петербургъ о готовящейся депутаціи,—какъ кажется, еврейской,—то получился отвѣтъ, изъ котораго можно было сдѣлать выводъ, что „депутатовъ къ высочайшему двору посылать, и особенно отъ жидовъ, высочайше не дозволено". Врядъ ли мѣстные евреи могли, при такихъ условіяхъ, расчитывать, чтобы депутація, на которую собирали деньги въ 1798 г., была принята государемъ. Вѣроятно, имѣлось въ виду послать депутацію, которая хлопотала бы въ столичныхъ канцеляріяхъ по злободневному вопросу, а въ ту пору религіозная борьба заслонила, кажется, остальные вопросы еврейской жизни. Но такъ какъ сборъ, производившійся безъ вѣдома властей, былъ незаконенъ, то, чтобы избѣгнуть кары, евреи оправдывались тѣмъ, что рѣчь идетъ о депутаціи къ государю. Однако, кто именно—хасиды или ихъ противники—собирали деньги? Хасиды были въ томъ

[1]) Архивъ сената, дѣло министерства юстиціи, 1798 г., № 968.

краѣ весьма многочисленны; цѣлыя общины присоединялись къ сектантамъ; Залманъ находился около того времени въ заключеніи, и всей сектѣ угрожалъ доносъ, сдѣланный изъ Вильны. Все это позволяетъ предположить, что собравшіеся въ Острогѣ „старшіе рабины" были цадики. Хасидскіе источники также сообщаютъ, что особое собраніе хасидовъ постановило собрать деньги для освобожденія Залмана и что опытные хасиды-дѣльцы отправились послѣ этого въ Петербургъ, имѣя при себѣ шестьдесятъ тысячъ рублей [1]).

Какъ бы то ни было, евреи заявили, что намѣревались послать депутацію къ государю. Судя по примѣру прошлаго, можно было ожидать, что она не будетъ разрѣшена. Но случилось иное. Государь приказалъ возвратить евреямъ отобранныя у нихъ деньги и дозволить „депутаціи ихъ отправиться къ Е. И. Величеству" [2]).

Офиціальное признаніе за сектой права на существованіе [3]) облегчило ей борьбу съ противниками изъ за общинной власти. Несмотря на призывъ Залмана миролюбіемъ привлечь къ себѣ враговъ, хасиды выступили противъ оплота миснагдимъ—виленскаго кагала, и имъ удалось, какъ мы вскорѣ увидимъ, сломить его силу. Виновникомъ этого успѣха явился самъ виленскій кагалъ, употребившій общественныя деньги на преслѣдованіе хасидовъ. Еще въ 1798 г., запретивъ виленскому кагалу наказывать нарушителей законовъ и проч., губернское правленіе потребовало, чтобы кагалъ не взымалъ съ населенія излишнихъ сборовъ, но кагалъ продолжалъ растрачивать общественныя деньги. На 1798 г. подать съ евреевъ Вильны и принадлежащихъ къ ней парафій была назначена въ размѣрѣ 22,000 золотыхъ, между тѣмъ кагалъ собралъ свыше 36,000 зл., но все же внесъ въ казну лишь около 10,000. Принимая во вниманіе, что казначейскія обязанности исполнялись старшими кагальными (роши) и что въ „совѣтѣ пяти мужей", въ распоряженіе котораго была предоставлена касса для борьбы съ сектантами, участвовали нѣкоторые старшіе кагальные — среди нихъ Ошеровичъ, — не трудно понять, на что уходили общественныя средства. Этими обстоятельствами и воспользовались

---

[1]) С. Дубновъ, Религіозная борьба, Восходъ, 1893 г., кн. IV.

[2]) Архивъ сената, дѣло министерства юстиціи, 1798 г., № 968. Увѣдомленіе генералъ-прокурора отъ 22 сентября 1798 г. Свѣдѣній о томъ, состоялась-ли отправка депутаціи, насколько извѣстно, не сохранилось.

[3]) Изъ предосторожности за хасидами былъ установленъ надзоръ, „нѣтъ-ли и не будетъ-ли отъ нихъ какихъ потаенныхъ сношеній или переписокъ съ развратно толкующими о правительствѣ и образѣ правленія" (цитированное выше донесеніе Голенищева-Кутузова). Эти строки подтверждаютъ предположеніе о связи между броженіемъ въ краѣ и арестомъ Залмана.

хасиды, чтобы вовлечь администрацію въ распрю и чтобы вооружить противъ кагала широкіе круги виленскаго общества. Сперва администрація постановила, что податныя недоимки должны быть пополнены кагальными старшинами, допустившими незаконные расходы; но потомъ было рѣшено взыскать недоимки со всего населенія, такъ какъ, молъ, старшины израсходовали деньги на нужды общества. Тогда хасиды обѣщали исходатайствовать, чтобы недоимки были уплачены старшинами, а не населеніемъ [1]), и этимъ они купили если не активное содѣйствіе, то пассивное отношеніе виленскаго общества къ перевороту, который они задумали произвести въ кагалѣ. По наущенію хасидовъ 4 февраля 1799 г. члены виленскаго кагала были арестованы на нѣсколько часовъ, а въ это время всѣ бумаги, принадлежащія какъ кагалу, такъ и его членамъ, были опечатаны; въ тотъ же вечеръ представители власти, и въ ихъ числѣ губернскій казначей, явились въ сопровожденіи хасидовъ въ синагогу и объявили, что члены кагала и духовнаго суда смѣщаются. Черезъ два дня были произведены новые выборы, и хотя хасиды численно уступали миснагдимъ, въ кагалъ вошли восемь хасидовъ [2]). Изъ отрѣшенныхъ восьми членовъ кагала — среди коихъ былъ и Ошеровичъ, — только трое, вѣроятно, завѣдывавшіе финансами кагала, продолжали дѣйствовать сообща съ Ошеровичемъ; остальные не поддерживали его; кое-кто указалъ даже на то, что одна запись въ кагальной книгѣ фальшива.

---

[1]) Дѣйствительно, одинъ изъ совѣтниковъ губернскаго правленія, открыто покровительствовавшій хасидамъ, опротестовалъ постановленіе объ уплатѣ недоимки населеніемъ, вслѣдствіе чего дѣлу былъ данъ дальнѣйшій ходъ и, наконецъ, сенатъ постановилъ, что недоимки должны быть взысканы со старшинъ. Опредѣленіе 1 отдѣл. 3 департ. сената, 11 іюля 1800 г. (№ 43).

[2]) Всѣхъ мѣстъ въ кагалѣ было, повидимому, 17 (см. предыдущій источникъ). О переворотѣ, совершенномъ хасидами, подробно изложено въ жалобахъ Ошеровича отъ 11 и 20 февраля 1799 г. (Архивъ сената, 1 отдѣл. 3 департ., 1800 г., № 328.—См. мою книгу „Евреи въ Россіи", стр. 164-165). Словамъ Ошеровича не слѣдуетъ вообще довѣрять; такъ, напр., онъ пишетъ: хасиды жаловались, „что кагалъ, утвердивъ пять избранныхъ особъ, поручилъ якобы имъ гнать каролиновъ", но кто же лучше его самого могъ знать, что этимъ лицамъ было въ дѣйствительности поручено преслѣдовать хасидовъ.

Среди прочихъ хасидовъ въ кагалъ вступилъ виднѣйшій хасидскій дѣятель въ Вильнѣ Мееръ Рефоэльсъ (Рафаельсъ, Рафаловичъ), устроившій у себя въ домѣ молельню; она была послѣ переведена въ домъ Ицки Абрамовича, которому Ошеровичъ съ другими старшинами сдѣлали, для отвращенія соблазна, публично, въ синагогѣ „напоминовеніе по обряду своего еврейскаго закона и по силѣ привилегій, отъ прежнихъ польскихъ королей евреямъ жалованныхъ, дозволяющихъ въ преступленіи религіи чинить наказаніе". При избраніи хасидовъ въ кагалъ видную роль играли хасиды Нохимъ (Нахумъ) Ицковичъ и Можешъ Мордуховичъ (см. жалобы Авигдора и Ошеровича).

Ошеровичъ, отъ имени отрѣшенныхъ старшинъ, обратился съ жалобой къ престолу, а вмѣстѣ съ тѣмъ донесъ ген.-прокурору обо всемъ происшедшемъ и просилъ: „возвратить прежнему кагалу свое существованіе купно съ духовнымъ судомъ“; вновь выбранныхъ восемь человѣкъ удалить; „съ каролинами для изысканія истины назначить въ Литовской губерніи судъ“; запретить каролинамъ „выдумывать новую секту и обряды“ [1]). Тогда же другой забаллотированный членъ виленскаго кагала, Ицка Мелентовичъ, обратился къ высшимъ властямъ съ просьбой о возвращеніи кагалу судебныхъ функцій по гражданскимъ дѣламъ [2]). Но эти ходатайства остались безъ удовлетворенія. Просителямъ было объявлено, что по высочайшему соизволенію „секта каролинская должна быть терпима и что кагалъ долженствуетъ заниматься единственно дѣлами обрядовъ закона и богослуженія, не вмѣшиваясь въ гражданскія дѣла, для коихъ установлены закономъ особенныя мѣста“ [3]).

Однако, отрѣшенные виленскіе старшины не хотѣли сложить оружія. Самъ Ошеровичъ уже не могъ открыто выступить и поэтому душою новаго заговора противъ хасидовъ явился извѣстный намъ Авигдоръ Хаимовичъ, пинскій раввинъ, смѣщенный хасидами. Когда, несмотря на долгія хлопоты, ему не удалось взыскать съ хасидовъ убытки, которые онъ понесъ вслѣдствіе ухода съ раввинскаго поста, онъ направился къ членамъ виленскаго кагала, среди которыхъ, по его словамъ, было много враговъ секты, и тогда созрѣлъ, повидимому, планъ связать матеріальные интересы Авигдора съ интересами лицъ, группировавшихся вокругъ отрѣшенныхъ членовъ кагала. Авигдоръ пріѣхалъ въ столицу и здѣсь составилъ обширную записку,—доносъ на хасидовъ,—которая и была представлена государю [4]). Изъ содержанія этого документа видно, что Авигдоръ былъ до извѣстной степени „опытный“ человѣкъ; ему удалось уже два раза представить Павлу I свои сочиненія и даже получить милостивый подарокъ. Авигдоръ, зная, очевидно, характеръ государя, постарался выставить себя послушнымъ рабомъ монарха, имѣющаго право на неограниченную власть. Авигдоръ составилъ свою записку весьма дипломатически; такъ какъ секта каролиновъ была признана терпимой, онъ ни разу не упоминаетъ этой клички, довольствуясь выраженіемъ „новая секта“.

---

[1]) Упомянутыя выше прошенія Ошеровича.

[2]) Сообщеніе литовскаго губернатора виленской полиціи въ январѣ 1800 г. Имѣется копія въ дѣлѣ „О каролинской сектѣ“.

[3]) Въ январѣ 1800 г. Тамъ-же.

[4]) Въ началѣ 1800 г. Архивъ сената, дѣло минист. юстиціи, 1800 г., № 85 (напечат. въ „Еврейской Старинѣ“, 1910 г., вып. I, стр. 90—109).

Правительство первоначально такъ и предположило, что рѣчь идетъ о новой сектѣ; когда же обнаружилось, что Авигдоръ жалуется на каролиновъ, дѣло уже нельзя было пріостановить, и Авигдоръ въ дальнѣйшемъ болѣе не стѣсняется называть своихъ противниковъ каролинами.

Авигдоръ утверждалъ, что его преслѣдователи принадлежатъ къ сектѣ „Шабзусъ-Цвинкусъ", т.-е. къ сектѣ франкистовъ [1]), которыхъ народъ называлъ „шабсицвинниками". Трудно сказать, говорилъ ли это Авигдоръ по невѣдѣнію или онъ преднамѣренно лгалъ. Во всякомъ случаѣ надо предположить, что онъ связалъ своихъ гонителей съ сектой франкистовъ потому, что въ то время правительство имѣло случай заинтересоваться ею. Въ мартѣ 1800 г. военный губернаторъ Каменецъ-Подольска графъ Гудовичъ, состоявшій вмѣстѣ съ тѣмъ волынскимъ и кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, сообщилъ генералъ-прокурору Обольянинову, что изъ-за границы получились письма на древне-еврейскомъ языкѣ по адресу кагаловъ въ городахъ ввѣренныхъ ему губерній. Это были однородныя посланія увѣщательнаго характера, имѣвшія цѣлью привлечь евреевъ къ сектѣ „Еддомъ" (Эдомъ), т.-е. къ сектѣ франкистовъ. Франка уже не было въ живыхъ, и во главѣ сектантовъ, исповѣдывавшихъ католическую вѣру, стояла его дочь Ева; ея „дворъ" требовалъ большихъ средствъ и, вѣроятно, съ цѣлью пополнить ея кассу, вожаки секты, братья Воловскіе и Дембовскій [2]), задумали возобновить пропаганду. Чтобы придать значеніе своему посланію, они присоединили къ нему воззванія самого Франка, выпущенныя въ 1767 и 1768 гг. Посланія были написаны красными чернилами, такъ какъ красный цвѣтъ имѣлъ для секты символическое значеніе [3]). Перехваченные 24 экземпляра, въ большинствѣ отправленные изъ Дудерштадта (въ Прусской про-

---

[1]) См. о нихъ выше, стр. 126—127.

[2]) Францискъ Воловскій, называвшійся ранѣе Соломонъ бенъ Элиша Шоръ изъ Рогатына; Михаилъ Воловскій, называвшійся прежде Натанъ-Ната б. Элиша Шоръ изъ Рогатына; Іендрки Дембовскій, называвшійся прежде Іерухамъ б. Ханани Литманъ изъ Черникозеницъ.

[3]) Эти посланія хранятся въ Государственномъ архивѣ. Тамъ же имѣется и переписка между гр. Гудовичемъ и генералъ-прокуроромъ (дѣло № 3460). Пользуясь этимъ матеріаломъ, М. Вишницеръ написалъ изслѣдованіе „Посланіе франкистовъ 1800 г.", напечатанное въ Запискахъ академіи наукъ (по историко-филологич. отдѣлу, т. XII, № 3). Въ 1894 г. посланіе было опубликовано, по копіи съ экземпляра, адресованнаго въ чешскую Прагу, въ Revue des études juives, т. 29.

Указанное выше дѣло хранилось въ свое время въ тайной канцеляріи, при чемъ франкистскія письма были вынуты генерал.-прокуроромъ изъ дѣла и спрятаны въ отдѣльномъ пакетѣ. Нынѣ они положены на мѣсто.

Приношу признательность директору Государственнаго архива С. М. Горянинову, разрѣшившему мнѣ сдѣлать снимки, помѣщаемые здѣсь въ видѣ иллюстраціи.

винціи ГанноверЪ) и адресованные въ города юго-западнаго края, гдѣ,—особливо въ Подольѣ,—агитація Франка имѣла въ свое время успѣхъ, и были пересланы въ Петроградъ. Въ посланіяхъ

Первыя и заключительнюя строки посланія франкистовъ отъ 1800 г.

An
Die Dubner Synagoge

Дубенскому

zu Dubno
in … Wolynien

Конвертъ, адресованный въ г. Дубно.

не было найдено „ничего возмутительнаго или къ нарушенію тишины клонящагося“ [1]), тѣмъ не менѣе государь повелѣлъ на-

[1]) Переводъ былъ сдѣланъ „надворнымъ совѣтникомъ“ Беніомономъ Шпеіеромъ (см. о немъ выше, стр. 224, примѣч.).

блюдать за евреями, не скрываютъ ли они „подъ видомъ закона иныхъ вредныхъ сношеніевъ". Все сказанное стало, вѣроятно, извѣстнымъ Авигдору, когда онъ пріѣхалъ въ столицу [1]), и возможно, что именно этотъ эпизодъ побудилъ его назвать своихъ противниковъ послѣдователями франкистской секты. Однако, лживость этого заявленія вскорѣ обнаружилась. Литовскія власти сообщили въ Петербургъ вѣрныя свѣдѣнія о франкистахъ, при чемъ донесли, что въ краѣ нѣтъ франкистовъ и что Франкъ „состоитъ у здѣшнихъ евреевъ въ общемъ омерзѣніи" [2]).

Въ доносѣ Авигдора говорилось, что сектанты распространяютъ „вольныя злодѣятельныя сочиненія" противъ священнаго писанія, что они не проникнуты должнымъ уваженіемъ къ Богу; искажая толкованіе хасидами одного псалма, на основаніи котораго они считали возможнымъ нарушать мелкіе обряды, Авигдоръ утверждалъ, будто сектанты позволяютъ нарушать заповѣди—не кради, не божися ложно; поученію основателя хасидизма, что человѣкъ долженъ быть всегда веселъ и радостенъ, Авигдоръ придалъ тотъ смыслъ, что такъ какъ сектанты „въ собраніяхъ своихъ не иное что дѣлаютъ, какъ хорошо пьютъ и ѣдятъ, то и побуждаетъ ихъ сіе къ особеннымъ вольностямъ, чрезъ которыя они между собою учреждаютъ тайные союзы, что можетъ подать поводъ къ величайшимъ продерзостямъ и злодѣяніямъ"; далѣе, подчеркивая, что другіе народы берутъ примѣръ съ хасидовъ, Авигдоръ говорилъ, что сектанты „не имѣютъ предъ начальникомъ никакого страха", каковое обвиненіе не могло не обратить на себя особаго вниманія правительства; Авигдоръ поставилъ хасидамъ въ упрекъ и то, что они высылаютъ деньги въ Палестину [3]).

Однако, наибольшаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что Авигдоръ рѣшился предложить государю, чтобы члены

---

[1]) Гр. Гудовичъ далъ знать въ Петербургъ о перехваченныхъ письмахъ въ мартѣ 1800 г.; въ это именно время Авигдоръ и сталъ появляться въ столичныхъ канцеляріяхъ; его всеподданнѣйшая жалоба была передана генералъ-прокурору для разслѣдованія въ апрѣлѣ 1800 г. (а не въ февралѣ, какъ ошибочно напечатано въ „Евр. Старинѣ").

[2]) Впослѣдствіе хасидамъ приписывались преступленія, которыя будто бы совершались франкистами, какъ объ этомъ разсказывается въ произведеніяхъ кровавой литературы (см. выше, на стр. 208, подстрочное примѣчаніе 3).

[3]) Отсылка значительныхъ суммъ за предѣлы Россіи считалась въ то время однимъ изъ тягчайшихъ преступленій; въ русскомъ обществѣ носились слухи о какихъ-то затаенныхъ намѣреніяхъ, связанныхъ съ отсылкой денегъ. Какъ извѣстно, въ 1799 г. Наполеонъ, противъ котораго составилась коалиція державъ съ Павломъ I во главѣ, обратился съ воззваніемъ къ палестинскимъ евреямъ, и отсылка денегъ въ Палестину, какъ замѣчаетъ С. М. Дубновъ, могла вызвать въ правительствѣ мысль, что хасиды преслѣдуютъ какія-то политическія цѣли.

духовнаго суда впредь не избирались еврейскимъ обществомъ, а назначались государемъ, иначе говоря, правительствомъ. Если бы— писалъ Авигдоръ въ малопонятныхъ выраженіяхъ—дѣла евреевъ, какъ это было прежде, рѣшались только „учеными", т.-е. раввинами, то тѣ, кто возмутился противъ Бога и Его помазанниковъ (а въ этомъ Авигдоръ обвинялъ хасидовъ!), были бы уничтожены. Поэтому Авигдоръ возлагаетъ свои надежды на государево правосудіе —„и сіе должно тѣмъ скорѣе случиться, ежели по высочайшему Вашему именному повелѣнію опредѣлены будутъ судьи, къ которымъ должно болѣе оказывать покорности, нежели тѣмъ, которые избраны другими".

Многое говоритъ за то, что Авигдоръ явился послушнымъ орудіемъ виленскихъ старшинъ, отрѣшенныхъ отъ должности. Но и самъ Авигдоръ, какъ бы случайно, подтверждаетъ, что между ними дѣйствительно существовала связь. Передъ тѣмъ, какъ просить о назначеніи членовъ духовнаго суда, Авигдоръ вдругъ разсказываетъ, что благодаря хасидамъ виленскіе старшины были удалены, вслѣдствіе чего они потеряли болѣе десяти тысячъ червонцевъ, и такую же сумму Авигдоръ требуетъ съ хасидовъ въ возмѣщеніе яко бы личныхъ убытковъ. Надо полагать, что только имѣя за собою вліятельныхъ виленскихъ старшинъ, снабженныхъ матеріальными средствами, Авигдоръ рѣшился просить объ устраненіи выборныхъ членовъ кагала; сами же виленскіе старшины, вѣроятно, надѣялись вернуться такимъ путемъ на свои мѣста, расчитывая на благоволеніе государя къ Авигдору. Однако, несмотря на то, что Авигдоръ убѣдительно доказывалъ библейскими цитатами, что государи могутъ разрѣшать спорныя дѣла даже безъ свидѣтельскихъ показаній, „по благоугодности своей", дабы „народы оказывали страхъ и повиновеніе", Павелъ I не пожелалъ рѣшить дѣло по собственному усмотрѣнію. Прошеніе Авигдора, „описывающаго притѣсненія и гоненія, претерпѣваемыя имъ отъ какой-то новой секты", было послано литовскому военному губернатору Голенищеву-Кутузову. Но въ томъ краѣ ничего не было слышно о сектѣ „Шабзусъ-Цвинкусъ", а потому, такъ какъ Авигдоръ жилъ въ Пинскѣ, прошеніе было переслано минскому губернатору Карнѣеву, и тогда дѣло приняло оборотъ, неблагопріятный для противниковъ хасидизма. Объяснивъ, что секта, „по ученому Шабсусъ-Цвинкусъ, а попросту называемая Китаевою"—это хасиды, Карнѣевъ, возмущаясь желаніемъ Авигдора уничтожить ихъ, сообщилъ, между прочимъ, Голенищеву-Кутузову, что „секта сія, равно древней ихъ, существуя по городамъ Минской губерніи, ведетъ себя покойно и всѣ государственныя подати платитъ равно съ другими", и высказался противъ удовлетворенія просьбы Авигдора. Голени-

щевъ-Кутузовъ присоединился къ этому мнѣнію. Узнавъ изъ объясненій Карнѣева, о комъ идетъ рѣчь въ прошеніи Авигдора, Голенищевъ-Кутузовъ собралъ свѣдѣнія о хасидахъ [1]) и представилъ о нихъ генералъ-прокурору довольно подробный докладъ. Замѣчая, что секта „ничего противнаго не токмо правительству, но и самой ихъ религіи въ себѣ не заключаетъ, кромѣ отриновенія ими нѣкоторыхъ заблужденій, помѣщаемыхъ въ послѣдней“, Голенищевъ-Кутузовъ далъ вмѣстѣ съ тѣмъ характеристику Иліи гаона, не лестную и несправедливую, представивъ его человѣкомъ, который добился своего исключительнаго положенія не только ученостью, но будто бы и „пронырствомъ“. Но суть въ томъ, что и донесеніе Карнѣева, и докладъ Голенищева-Кутузова, явно инспирированы хасидами, и это обстоятельство заслуживаетъ особаго вниманія, потому что свидѣтельствуетъ о вліятельномъ положеніи, которое заняли хасиды въ то время на Литвѣ.

Доносъ Авигдора, благодаря отзывамъ мѣстныхъ властей, не могъ вызвать въ правительственныхъ сферахъ подозрительнаго отношенія къ хасидамъ, а еще менѣе къ Залману, который былъ упомянутъ въ документахъ вскользь; все-же „дѣло“, образовавшееся изъ доноса Авигдора, было препровождено въ сенатъ, который въ то время былъ занятъ разсмотрѣніемъ цѣлаго ряда вопросовъ, касавшихся евреевъ въ Россіи вообще; Авигдору не могло улыбаться то, что рѣшать вопросъ будетъ сенатъ, и онъ задумалъ добиться аудіенціи у государя. Это, повидимому, удалось Авигдору [2]) и онъ, познакомивъ, какъ кажется, государя съ содержаніемъ „Завѣщанія Бешта“, попросилъ вытребовать Залмана въ Петербургъ

Вскорѣ послѣ этого Залманъ былъ вновь арестованъ и доставленъ въ столицу. Авигдоръ полагалъ, что Залманъ былъ обя-

---

[1]) Голенищевъ-Кутузовъ получилъ вѣрныя свѣдѣнія о происхожденіи секты и проч. Онъ указываетъ, между прочимъ, что слово „каролины“ произошло отъ города Карлины, въ которомъ ученики Бешта учредили школу свою, и объясняетъ, что въ Минской губерніи ихъ также называютъ китаевцами, такъ какъ „ученнѣйшіе между ими, по особому правилу, не могутъ носить иного платья, какъ изъ бумажной матеріи, и потому носятъ обыкновенно китайчатое“.

Ошеровичъ писалъ въ своей жалобѣ, что сектантовъ назвали каролинами „по ихъ сумасбродству“. А р. Залманъ въ своемъ прошеніи (мартъ 1801 г.) замѣчаетъ, что Авигдоръ называетъ хасидовъ каролинами „по ненависти“.

[2]) О томъ, что Авигдоръ говорилъ лично съ государемъ, имѣется извѣстіе въ хасидскихъ источникахъ, но столь ненадежныхъ, что С. Дубновъ отнесся къ нему съ недовѣріемъ. Объ аудіенціи мы узнаемъ изъ слѣдующихъ словъ автора: „И такъ какъ я понравился государю Павлу, какъ это всѣмъ извѣстно, то я...“. (прошеніе Авигдора на еврейскомъ языкѣ,—см. Еврейская Старина, 1910 г., вып. II, стр. 275 –277).

занъ своимъ вторичнымъ арестомъ исключительно его ходатайству предъ государемъ. Такъ думалъ и самъ Залманъ. Но тутъ сыграло несомнѣнно, роль и слѣдующее побочное обстоятельство.

Въ 1800 г. въ Бѣлоруссію былъ командированъ, въ качествѣ сенатора, поэтъ Державинъ, чтобы изслѣдовать причины свирѣпствовавшаго тамъ голода, а также составить „мнѣніе“ о вредѣ, который причиняли евреи крестьянамъ [1]). Державинъ запретилъ винокуреніе, такъ какъ оно уменьшало хлѣбные запасы въ краѣ, а между тѣмъ ему донесли, что въ м. Ліознѣ (т. е. тамъ, гдѣ жилъ Залманъ) евреи курятъ вино. Державинъ прибылъ туда и дѣйствительно засталъ евреевъ за винокуреніемъ. Тогда онъ конфискуетъ найденный хлѣбъ и опечатываетъ заводъ; все это происходило въ присутствіи Залмана. Встрѣча при подобныхъ обстоятельствахъ не могла оставить въ Державинѣ пріятное впечатлѣніе; еще болѣе повредило Залману то, что сообщили о немъ Державину миснагдимъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ нижеслѣдующія строки изъ „Мнѣнія“ Державина: „Славится здѣсь (въ Бѣлоруссіи) въ разбирательствѣ тяжбъ чрезвычайными собраніями даже иностранныхъ Іудеевъ, нѣкоторый жидъ Зальманъ Броховичъ, живущій въ мѣстечкѣ Лезнѣ... Въ лицемѣра сего, видѣннаго мною, вѣруютъ наиболѣе хасиды, почитая его своимъ патріархомъ. Слово его — имъ законъ. Хасиды сіи суть ихъ раскольники, или сектаторы, въ недавнемъ времени отъ древнихъ ихъ преданій нѣкими новыми обрядами отличающіеся. Уже примѣтно видимъ между ими раздоръ. Первые (т.-е. миснагдимъ) жалуются на послѣднихъ, что они дѣтей ихъ, а особливо богатѣйшихъ купцовъ, сманивая въ свою секту, обираютъ у нихъ золото и серебро, которое остается въ неизвѣстное употребленіе вышеупомянутаго ханжи. Многіе утверждаютъ, что будто чрезъ него переводятъ они серебряныя и золотыя деньги въ Палестину на богоугодныя тамъ дѣла, чаятельно при случаѣ пришествія Мессіи, котораго всечасно ожидаютъ, на созданіе имъ храма“.

Весьма вѣроятно, что бѣлорусскіе миснагдимъ сообщили обо всемъ Авигдору и онъ постарался, чтобы въ столицѣ было обращено вниманіе на докладъ Державина. Объ этомъ могъ позаботиться, конечно, и самъ Державинъ, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ съ генералъ-прокуроромъ Обольяниновымъ, въ руки котораго было передано все дѣло. Во всякомъ случаѣ, Державинъ вольно или невольно способствовалъ тому, что р. Залманъ

---

[1]) См. дальше главу одиннадцатую. Въ Бѣлоруссіи Державинъ познакомился съ евреемъ-врачемъ Франкомъ, который, будучи приверженцемъ „мендельсоновскаго“ движенія, не могъ не быть противникомъ хасидовъ; онъ не поскупился на темныя краски и при характеристикѣ раввинистовъ.

былъ арестованъ. 26 октября 1800 г. Державинъ представилъ генералъ-прокурору свое „Мнѣніе“, а уже 30 того-же мѣсяца ген.-прокуроръ послалъ бѣлорусскому гражданскому губернатору приказъ объ арестѣ Залмана. Въ пользу указаннаго мнѣнія говоритъ и то обстоятельство, что въ офиціальной перепискѣ о сектантахъ встрѣчалось до тѣхъ поръ лишь наименованіе „каролины“, но отнюдь не „хасиды“. Это названіе ген.-прокуроръ впервые узналъ отъ Державина и онъ пустилъ это слово въ оборотъ, потребовавъ ареста „начальника каролинской секты или хасидовъ, еврея Боруховича“.

9 ноября 1800 г. р. Залманъ, какъ онъ самъ писалъ объ этомъ, „взятый изъ дому подъ строжайшій караулъ, не иначе, какъ-бы важнѣйшій преступникъ“, былъ отправленъ въ столицу, въ сопровожденіи двухъ сенатскихъ курьеровъ [1]), и здѣсь подвергнутъ „тайному аресту“. Тогда же были опечатаны бумаги и книги, найденныя въ домѣ Залмана, и отосланы въ Петроградъ [2]).

Въ судилищѣ р. Залманъ увидѣлъ предъ собою Авигдора, который сталъ требовать отъ него объясненій на свои вопросы.

Первые два обвинительныхъ пункта Авигдора, направленные, по его словамъ, противъ р. Залмана и всѣхъ каролиновъ, не сохранились; остальные имѣются на еврейскомъ языкѣ [3]). Авигдоръ приводитъ цитаты изъ „Завѣщанія Бешта“, которыя якобы противорѣчатъ еврейскому вѣроученію; онъ обвиняетъ Залмана въ отсылкѣ денегъ въ Палестину; предлагаетъ устроить диспутъ между раввинами и цадиками (это въ свое время проектировалъ Ошеровичъ!); далѣе Авигдоръ упрекаетъ цадиковъ въ чрезмѣрномъ обремененіи общинъ поборами, вслѣдствіе чего общинамъ приходится растрачивать государственные сборы, полученные

---

[1]) Донесеніе бѣлорусскаго губернатора 13 ноября 1800 г.

[2]) Хасиды предвидѣли, что и съ признаніемъ секты терпимой, борьба съ миснагдами не кончена. Какъ только Авигдоръ сталъ дѣйствовать въ столицѣ, хасиды, имѣвшіе здѣсь своихъ агентовъ, запаслись документами, удостовѣрявшими, что согласно высочайшему повелѣнію, сектантовъ нельзя безпокоить. Въ Вильнѣ Мееръ Рафаловичъ (см. о немъ подстрочное примѣчаніе на стр. 246) исходатайствовалъ копію съ бумаги, коей Ошеровичу было объявлено, что его жалобы оставлены безъ удовлетворенія, а витебскій купецъ Бенишъ Янкелевичъ раздобылъ копію съ ордера бѣлорусскаго губернатора отъ 1798 г. о томъ, что хасиды имѣютъ право на открытое существованіе. Эти документы были позже пріобщены Залманомъ къ своему прошенію.

[3]) Послѣ того, какъ Залманъ отвѣтилъ на два вопроса, Авигдору было приказано изложить свои обвиненія на бумагѣ, такъ какъ судьи не знаютъ еврейскаго языка, и тогда онъ выставилъ еще 17 пунктовъ. Залманъ отвѣтилъ письменно. Эти документы были переведены на русскій языкъ Лейбой Неваховичемъ, съ которымъ мы еще встрѣтимся, какъ съ первымъ русско-еврейскимъ писателемъ, и Юдой Файбишевичемъ.

съ населенія, и многіе жители впадаютъ въ такую бѣдность, что умираютъ съ голода; Авигдоръ при этомъ подчеркиваетъ, что каролины стараются занять мѣста старшинъ, чтобы распоряжаться общественными суммами [1]); сектантамъ было брошено обвиненіе и въ томъ, что „присяга для нихъ ничего не стоитъ", — Авигдоръ брался доказать это въ Вильнѣ, при условіи, если тамошніе кагальные старшины будутъ не изъ числа сектантовъ, иначе свидѣтели будутъ бояться давать показанія; далѣе Авигдоръ заявлялъ, что хасиды не почитаютъ родителей, особливо отцовъ, что они воруютъ деньги у родителей и женъ и отдаютъ цадикамъ; въ виду всего этого Авигдоръ утверждалъ, что каролины— тѣ же „шабсицвинники", позволяющіе человѣку дѣлать все по своей прихоти; Залману пришлось услышать упрекъ и въ томъ, что къ нему пріѣзжаютъ послѣдователи въ большомъ числѣ,—и кто знаетъ о чемъ они тамъ толкуютъ; эти пріѣзды стоятъ много денегъ, да и поѣздки цадиковъ обходятся дорого; наконецъ, послѣдній обвинительный пунктъ заключался въ томъ, что вновь вступающій въ секту долженъ представить цадику счетъ совершенныхъ грѣховъ, и что вступленіе въ секту, какъ объ этомъ идетъ слухъ, связано съ передачею души цадику, такъ какъ цадикъ говоритъ, что въ его душѣ слиты всѣ души его приверженцевъ [2]).

Изъ отвѣтовъ Залмана сохранились лишь два: одинъ изъ нихъ — маловаженъ по содержанію, а въ другомъ Залманъ изливаетъ личное чувство, вызванное доносомъ Авигдора: „Не могу сносить его (т.-е. Авигдора) ругани и лжи. Онъ наводитъ на насъ такія обвиненія, какихъ и никогда не слыхали, развѣ во времена Польши и ея ксендзовъ, которые возводили лживыя обвиненія въ употребленіи человѣческой крови на пасху и еще другія подобныя обвиненія, изъ-за которыхъ было пролито много еврейской крови. Онъ самъ навѣрно ничего не слыхалъ и не видѣлъ чего-либо подобнаго, но что ему мѣшаетъ болтать языкомъ, когда онъ гуляетъ на свободѣ? Вѣдь онъ самъ сознается, что только слышалъ, и самъ не знаетъ, дѣйствительно ли это такъ. А пока онъ безпокоитъ нашего милостиваго государя, не разъяснивъ прежде дѣла въ судахъ; покорный слуга не долженъ безпокоить государя... пока не знаетъ дѣла въ точности. Помощь можетъ пріити только отъ государя, и я полагаюсь на его великую милость, что онъ

---

[1]) Такъ какъ многіе цадики и ихъ прихвостни жили широко за счетъ народа, то весьма возможно, что овладѣвъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ кагальной кассой, хасиды, подобно своимъ противникамъ, пользовались ею для личныхъ цѣлей.

[2]) Обвинительные пункты приведены полностью въ моей книгѣ „Евреи въ Россіи", стр. 181—184.

съ высоты престола посмотритъ на униженнаго; онъ пойметъ, что я не виновенъ и освободитъ меня изъ темницы“ [1]).

Глава бѣлорусскихъ хасидовъ былъ оправданъ [2]). Роль сыграли въ данномъ случаѣ донесенія мѣстныхъ властей, благопріятныя для хасидовъ, которыя должны были убѣдить правительство въ томъ, что дѣло Залмана лишено политическаго значенія; бѣлорусскій губернаторъ заявилъ, что въ жизни хасидовъ ничего „соблазнительнаго, или неповиновенія къ власти не токмо не замѣчается, но и надѣяться сего совершенно невозможно, ибо во всѣхъ ихъ существуетъ непоколебимое вѣрноподданничество къ Высочайшему Его Императорскаго Величества престолу, истинное и безропотное повиновеніе къ власти и по самой сектѣ ихъ ничего подобнаго къ соблазнамъ или противнаго общей тишинѣ и спокойствію не предусматривается“, да и „начальникъ“ каролинской секты Боруховичъ, по свидѣтельству бѣлорусскаго губернскаго кагала (который, какъ изъ этого слѣдуетъ заключить, былъ представленъ хасидами), занимается только чтеніемъ духовныхъ книгъ и разбираетъ, въ качествѣ третейскаго судьи, тяжбы, причемъ, по удостовѣренію того же кагала, стороны оставались довольны его рѣшеніями [3]).

---

[1]) Подъ этимъ значится подпись „Шнейеръ Залманъ Боруховичъ“. Потомки р. Залмана носятъ фамильное имя Шнеерсонъ.

Указанные выше вопросы, поставленные Авигдоромъ Залману, во многомъ напоминаютъ тѣ, которые, по словамъ С. Дубнова, были предложены Залману при его первомъ арестѣ въ 1798 г. Возможно, что въ данномъ случаѣ въ источникахъ, которыми пользовался С. Дубновъ, допущена ошибка, и то, что произошло въ 1800 г., отнесено невѣрно къ 1798 г.; такая ошибка произошла и съ доносомъ Авигдора, выступившаго впервые открыто въ 1800 г., а не въ 1798 г. Но можно допустить, что Авигдоръ повторилъ въ своемъ доносѣ то, что виленскіе миснагдимъ выставили противъ Залмана и его приверженцевъ въ 1798 г.; это могло тѣмъ легче произойти, что, когда Авигдоръ отправился въ столицу, чтобы открыть кампанію противъ хасидовъ, виленскіе миснагдимъ снабдили его матеріаломъ; къ тому же, объясненія, которыя представилъ Залманъ правительству въ 1798 г., были посланы для перевода въ Вильну.

[2]) Авигдоръ сообщаетъ, что отвѣты Залмана понравились государю.

[3]) Северинъ, какъ видно, хотѣлъ опровергнуть то, что сказалъ о хасидахъ Державинъ. Такъ, Державинъ писалъ, что Залманъ рѣшаетъ дѣла „чрезвычайными собраніями“, Северинъ же указываетъ, что дѣла рѣшаются „самымъ краткимъ образомъ“, безъ письменнаго производства. Любопытно слѣдующее недоразумѣніе: Державинъ высказался въ томъ смыслѣ, что хасиды—еврейскіе раскольники; Северину эти слова были переданы въ превратномъ смыслѣ, и онъ вошелъ въ разсмотрѣніе жизни не только каролиновъ, но и „россійскихъ раскольниковъ“.

Въ архивномъ дѣлѣ сохранилось на еврейскомъ языкѣ небольшое анонимное „сочиненіе“, авторъ котораго, — Залманъ или Авигдоръ, — выбравъ изъ Библіи 24 слова, заключающія въ себѣ 96 буквъ, составилъ изъ тѣхъ же 96 буквъ, путемъ перестановки ихъ, новую фразу опять-таки въ 24 слова, гласящую: „Гла-

Если было очевидно, что дѣятельность Залмана не таила въ себѣ никакой опасности для государства, то что же представляла собою, въ глазахъ правительства, борьба Авигдора съ Залманомъ? Правительство поняло, что передъ нимъ раскрылась борьба хасидизма съ кагаломъ. Кагалъ, крѣпкій своей вѣковой организаціей, представлявшій собою матеріальную, физическую силу, сталъ по пути развитія хасидизма, мощнаго своимъ религіознымъ возбужденіемъ и представлявшаго собою духовную силу. И хасидизму пришлось направить свой ударъ противъ олигархіи, упрочившейся въ кагалѣ. Чтобы положить конецъ междуусобію, надо было согласовать эти двѣ враждующія силы. Предоставленіе кагалу права заниматься религіозно-обрядовыми и богослужебными дѣлами противорѣчило требованію правительства, чтобы кагалъ терпѣлъ хасидскую секту, ибо хасидизмъ олицетворялъ собою протестъ противъ того религіозно-бытового уклада, который такъ зорко оберегался кагаломъ. И потому правительство вынуждено было взяться за разрѣшеніе этой задачи. 27 ноября 1800 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе „дѣло между евреями Авигдоромъ Хаимовичемъ и Залманомъ Боруховичемъ, касающееся до ихъ религіи и прочаго, въ сенатѣ разсмотрѣть и учинить положеніе, на какомъ впредь основаніи быть сектѣ хасидовъ и кагаламъ“.

Это дѣло разсматривалось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ связи съ другими вопросами еврейской жизни [1]). Тѣмъ временемъ междуусобіе не прекращалось. Но такъ какъ хасиды находили защиту у власти, то ихъ противникамъ пришлось нѣсколько смириться и перенести борьбу какъ бы въ подполье. Между прочимъ, миснагдимъ, по мѣрѣ возможности, ополчались и противъ хасидскихъ книгъ. Въ ту пору цензура еврейскихъ книгъ была сосредоточена въ Ригѣ, гдѣ главнымъ евреемъ-цензоромъ былъ ученикъ Мендельсона, Леонъ Элканъ, прусскій уроженецъ, съ которымъ мы еще встрѣтимся въ дальнѣйшемъ изложеніи; его помощники также не принадлежали къ хасидамъ и они, конечно, не могли относиться доброжелательно къ сектантскимъ сочиненіямъ; не пропустивъ двухъ рукописей, присланныхъ изъ Волынской губерніи, изъ коихъ одна была отобрана (по доносу?) губернаторомъ у хмельницкаго раввина, евреи-цензоры дали слѣдующее объясненіе: „по самымъ преданіямъ еврейской церкви должно стараться болѣе преграждать, нежели под-

вари мятежниковъ французскихъ сперва будутъ преуспѣвать, но въ концѣ будутъ посрамлены, ибо царь истинный отмститъ имъ, заколетъ ихъ мечомъ и покоритъ, и погибнетъ мужъ Бонапартъ. Тогда міръ отдохнетъ, радуясь и ликуя“. Этимъ пророчествомъ авторъ надѣялся, какъ видно, вызвать къ себѣ расположеніе государя.

[1]) См. главу двѣнадцатую.

крѣплять печатаніе такихъ книгъ, которыя знанію каждаго не подлежатъ и умы читателей наполняютъ словами безъ мыслей, изъ чего рождаются споры вѣры, расколы и другія глупости". И вотъ, въ эту цензуру поступилъ въ 1800 г. доносъ на книгу Залмана; доносчикъ писалъ, что, если будутъ вѣрить разсужденіямъ Залмана, то могутъ произойти весьма худыя послѣдствія. Авторомъ доноса былъ, вѣроятно, тотъ же Авигдоръ, который, когда его дѣло было передано въ сенатъ, наклеветалъ на книгу Залмана генералъ-прокурору [1]).

[1]) Повидимому, миснагдимъ старались и на мѣстахъ парализовать распространеніе хасидскихъ книгъ. Радзивиловскій цензоръ усиленно хлопоталъ о томъ, чтобы въ Радзивиловѣ была учреждена такая же спеціальная цензура еврейскихъ книгъ, какая существовала въ Ригѣ; онъ указывалъ, что раввины Волынской и сосѣднихъ губерній, „по случаю раздѣленія ихъ вѣры", свободно печатаютъ свои сочиненія безъ всякаго разсмотрѣнія цензуры и что по „одобренію" (быть можетъ, раввинскому одобренію, такъ назыв., „гаскамѣ", т. е. раввинской цензурѣ) на печатаніе книгъ, данному типографіямъ въ Острогѣ и Корецѣ, печатаются какъ дозволенныя, такъ и недозволенныя книги въ славутской типографіи (Архивъ сената, дѣло минист. юстиціи, 1797 г. № 190); упоминаніе о „раздѣленіи вѣры", а также то обстоятельство, что славутская типографія обслуживала хасидовъ, позволяетъ думать, что радзивиловскій цензоръ, предлагая учредить на мѣстѣ особую еврейскую цензуру, намѣревался преслѣдовать хасидскія книги; это предположеніе какъ бы подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что одно время въ Радзивиловѣ обязанности цензора еврейскихъ книгъ исполнялъ безплатно еврей, знавшій въ совершенствѣ не только еврейскій, но также нѣмецкій и русскій языки, т.-е. по условіямъ той эпохи, человѣкъ просвѣщенный, который не могъ равнодушно относиться къ развитію хасидской литературы (Ю. Гессенъ, Евреи въ Россіи, стр. 187—190. Тамъ же, очеркъ IX, „Возникновеніе цензуры еврейскихъ книгъ").

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Экономическое положеніе евреевъ. — Ремесленный трудъ. — Торговая дѣятельность стѣсняется существованіемъ „черты осѣдлости“. — Земледѣліе. — Подати, сборы и повинности. — Самообложеніе для оплаты внѣшнихъ налоговъ и для покрытія общинныхъ нуждъ. — Коробочный сборъ. — Бѣдственное состояніе еврейской массы. — Офиціальныя свидѣтельства современниковъ. — Возобновленіе попытки переселить еврейское населеніе изъ уѣздовъ въ города. — Зарожденіе представленія о вредоносности евреевъ для крестьянскаго хозяйства. — Отрицательное отношеніе властей и польскихъ дворянъ къ поголовному выселенію евреевъ изъ деревень.

И въ городахъ, и въ уѣздныхъ поселеніяхъ евреи занимались торговлей, крупной и мелкой, а также ремеслами; кромѣ того, они арендовали различныя отрасли помѣщичьяго хозяйства и продавали водку.

„Все купечество и всѣ ремесла въ польскихъ губерніяхъ большею частью наполнены евреями“ [1]). „Въ здѣшнихъ городахъ, а паче въ мѣстечкахъ, большая часть ремесленниковъ суть евреи“ — читаемъ мы въ описаніи жизни евреевъ на Литвѣ, и узнаемъ, что они предпочитали тѣ виды труда, которые не требовали чрезмѣрнаго физическаго напряженія: „рукодѣлія, коими они наиболѣе занимаются, суть тѣ, которыя меньше требуютъ силы и трудовъ, какъ-то: портное, сапожное, золотыхъ дѣлъ мастерство, рѣзьба на камнѣ и на металлахъ и другія легкія; тѣ же ремесла, которыя тяжелы, какъ-то: кузнечное, плотническое, слесарное, столярное, каменнаго дѣла, горшечное, кожевенное и тому подобное, между евреями неупотребительны“ [2]). То же было и въ другихъ мѣстностяхъ (см. стр. 261). Любопытно, что число евреевъ-сапожниковъ въ Минскѣ было крайне незначительно; это, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что среди поляковъ имѣлись искусные сапожники; въ Кіевской же губерніи число евреевъ-сапожниковъ достигаетъ большой цифры — очевидно, здѣсь они не имѣли сильныхъ

---

[1]) Докладъ Комитета о евреяхъ 1809 года. Русскій Архивъ, 1903 г., кн. II, стр. 265.

[2]) Записка литовскаго губернатора Фризеля. С. Бершадскій, Положеніе о евреяхъ 1804 года. Восходъ, 1895 г., кн. III.

конкуррентовъ. Дѣйствительно, мѣстный губернаторъ сообщалъ, что въ Кіевѣ „изъ мѣщанъ христіанскаго закона нѣтъ никакихъ хорошихъ искусныхъ мастеровъ и художниковъ (ремесленниковъ), а находятся разные изъ таковыхъ большею частью евреи“ [1]). Впрочемъ, имѣется также аттестація, отнюдь не лестная для еврейскихъ ремесленниковъ; литовскій губернаторъ указывалъ, что „учась какому-нибудь ремеслу, они никогда своей науки не оканчиваютъ; едва только начинаютъ сами какъ-нибудь работать, тотчасъ дѣлаются мастерами и заводятся своимъ хозяйствомъ“, что можно объяснить ранними браками; христіане же болѣе основательно изучали свое ремесло [2]).

Евреи занимались и фабричнымъ производствомъ, но опредѣлить число фабрикантовъ не представляется возможнымъ, такъ какъ ихъ порою причисляли къ группѣ ремесленниковъ [3]).

Что касается торговли, то въ бывшихъ польскихъ губерніяхъ она въ значительной части сосредоточивалась въ рукахъ евреевъ. Подольскіе маршалы такъ и заявляли, что „большей частью въ промыслѣ и рукахъ сего народа состоитъ коммерція и чрезъ нихъ только знатный вывозъ краевыхъ продуктовъ производится, откуда коммерческій прибытокъ, чрезъ нихъ удерживаемый, къ земледѣльцамъ и дворянству переходитъ“ [4]). О торговлѣ евреевъ въ Бѣлоруссіи бѣгло упоминаетъ поэтъ и сенаторъ Державинъ; впрочемъ, мало знакомый съ фактическимъ положеніемъ дѣлъ, и къ тому же крайне непріязненно относившійся къ евреямъ, онъ замѣчаетъ, что торговля евреевъ едва ли полезна государству и казнѣ. Относительно же Литвы имѣется свидѣтельство, что заграничная торговля евреевъ вообще [5]) довольно „знатна“, но большинство евреевъ торгуетъ въ кредитъ и они часто дѣлаются банкро-

---

[1]) Ю. Гессенъ, Евреи въ Россіи, стр. 360.

[2]) С. Бершадскій, Восходъ, 1895 г., кн. III.

[3]) Въ Минской губерніи, охватывавшей въ то время нѣкоторыя мѣстности, вошедшія впослѣдствіи въ предѣлы Виленской губерніи, 16 евреевъ содержали (около 1808 г.) слѣдующія фабрики, находившіяся на помѣщичьихъ земляхъ: въ мѣст. Иліи—пять евреевъ одинъ стеклянный заводъ; въ Городкѣ съ 1805 г.—двое евреевъ одну кожевенную фабрику; въ мѣст. Друѣ съ 1786 г. двое евреевъ одинъ мыльный заводъ; къ нимъ, какъ видно, присоединился въ 1790 г. еще одинъ еврей; тамъ же трое евреевъ имѣли съ 1804 г. бумажную фабрику; въ мѣст. Бобовнѣ трое евреевъ владѣли съ 1799 г. суконной фабрикой (въ моей книгѣ „Евреи въ Россіи“, стр. 360, я далъ преувеличенныя цифры, неправильно понявъ рукописное сообщеніе).—Въ 1806 г. въ предѣлахъ Подольской, Минской и Литовской губерній евреямъ принадлежали семь шерстяныхъ фабрикъ. Въ Витебской губ. нѣкоторые евреи дѣлали вату. Въ Полтавѣ пятеро евреевъ занимались изготовленіемъ „иртути, каліи, индикта“. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстностяхъ встрѣчаются „поташники“, мыльники и другіе, занятіе коихъ приближается къ фабричному производству.

[4] и [5]) Восходъ, 1895 г., кн. I, стр. 96; кн. III, стр. 88.

(1802 г.) Торгово-промышленный классъ въ Минскѣ *).

	Христіане.	Евреи.		Христіане.	Евреи.
Шляхтичи	458	—	Овчинники	15	—
Купцы	56	29	Бѣлильщики тканей . .	—	8
Мѣщане	1175	2689	Живописцы	4	6
Изъ нихъ:			Каменьщики	30	—
Лавочники	—	60	Столяры	10	2
Портные	4	160	Плотники	25	1
Скорняки	5	16	Стекольщики	—	4
Шмуклеры	—	18	Переплетчики	—	2
Позументщики	—	4	Свѣчники	—	3
Ювелиры	2	2	Токари	—	2
Часовщики	2	2	Кузнецы	12	3
Цырульники	2	10	Мельники	1	3
Сапожники	135	2	Прочихъ ремеслъ . . .	12	—

Остальные христіане—поденщики, евреи -факторы и шинкари.

(1807 г.) Евреи-ремесленники **).

	Кіевская губ.	Минская губ.	Екатеринослав. губ.		Кіевская губ.	Минская губ.	Екатеринослав. губ.
Портные	955	686	109	Гребенники	2	—	—
Шапочники	—	80	—	Шлюфари	5	7	—
Сапожники	279	94	15	Мыльники	—	6	—
Серебренники и золо-				Дѣлающіе ковры . .	5	—	—
тари	102	102	22	Клейники	—	5	—
Мѣдники и котляры .	136	57	—	Маляры	1	—	—
Стекольщики	24	47	—	Кожевенники	3	5	—
Цырульники	40	115	—	Бондари	1	—	—
Шмуклеры	52	86	—	Плотники	1	12	5
Рѣзчики	—	34	—	Войлочники	1	—	—
Оловянишники . . .	3	2	—	Бляхари	2	46	—
Кушнера	173	67	—	Овчинники	—	3	—
Ткачи	9	4	—	Красильники	1	64	—
Винокуры	—	4	5	Музыканты	2	33	—
Столяры	12	15	—	Перчаточники	—	5	—
Токари	3	20	—	Селитренные мастера	9	—	—
Олейники	—	3	—	Дѣлающіе пергаментъ	1	14	—
Часовые мастера . .	12	30	—	и хлопчатую бумагу .	—	15	—
Переплетчики	8	32	—	Колесники	2	1	—
Мельники	—	6	—	Кузнецы	3	4	—
Гомбары	4	—	—	Свѣчники	—	4	—
Поташники	—	8	—	Каменьщики	—	7	—
Сѣдельники	2	1	—	Набойщики	—	2	—

*) Изъ Рукописнаго сборника Имп. публичной библіотеки, F'' 195.

**) Изъ дѣлъ архива сената. Сохранены наименованія подлинника.

тами [1]). Адмиралъ Мордвиновъ говоритъ, что въ чертѣ осѣдлости евреи „отправляютъ важнѣйшую часть торговли". Въ купечество вступали лишь болѣе крупные торговцы; но и значительная часть еврейскаго мѣщанства вела коммерческую дѣятельность, торгуя на ярмаркахъ, обходя съ товаромъ дома и т. д.

Торговля евреевъ не могла ограничиться предѣлами черты осѣдлости, возникновенію которой, какъ мы видѣли выше, способствовали московскіе купцы. Евреи пытались перенести свою торговую дѣятельность за границу черты осѣдлости, но отдѣльныя группы христіанскаго торгово-промышленнаго класса и въ дальнѣйшемъ нерѣдко настаивали на томъ, чтобы такъ называемыя „внутреннія" губерніи были закрыты для евреевъ. Однако, таковое запрещеніе противорѣчило интересамъ широкихъ круговъ христіанскаго населенія, и вотъ почему запретъ не осуществлялся въ полной мѣрѣ. Въ самомъ Петербургѣ въ концѣ восемнадцатаго вѣка существовала прочно осѣвшая еврейская община. Вообще на рубежѣ девятнадцатаго вѣка русскіе государственные люди считали необходимымъ не только во имя справедливости, но и въ интересахъ торговли и промысловъ разрѣшать евреямъ производить промыслы повсемѣстно.

Характеренъ нижеслѣдующій эпизодъ, относящійся къ обѣимъ столицамъ. Въ 1800 г. бѣлорусскіе еврейскіе купцы первой и второй гильдій жаловались на то, что городское правленіе камеральнаго департамента препятствуетъ имъ производить въ Петербургѣ попрежнему оптовую торговлю. Здѣшніе купцы-христіане не скрывали мотивовъ, которыми они руководствовались, требуя ограниченія правъ евреевъ; они откровенно заявили, что готовы разрѣшить евреямъ вести въ Петербургѣ оптовую торговлю, но только „чрезъ приказчиковъ или комиссіонеровъ изъ русскихъ купцовъ, дабы чрезъ то воспользовался жалованьемъ или нѣкоторой частью барыша россіянинъ, а не еврей". Сенатъ нашелъ, что евреевъ нельзя записывать въ петербургское купечество и мѣщанство; но, съ другой стороны, „заключеніе, что барышъ въ торговлѣ преимущественно принадлежитъ россіянину, не можетъ почесться основательнымъ"; къ тому же еврейскіе купцы, платя двойныя подати, несутъ одинаково со всѣми подданными обязанности и, слѣдовательно, они не должны быть „отчуждаемы отъ общихъ правъ и выгодъ въ торговлѣ и промыслахъ"; а потому нельзя запретить купцамъ-евреямъ производить оптовую торговлю за предѣлами черты осѣдлости.

---

[1]) Въ ту пору банкротство было повсемѣстнымъ явленіемъ въ Россіи. Въ 1797 г. было постановлено: впредь сдавать злостныхъ банкротовъ въ крѣпостныя работы (архивъ сената, дѣло мин. юстиціи 1797 г. № 279).

Предоставленное евреямъ право оптовой торговли должно было быть распространено, между прочимъ, и на Москву; тѣмъ не менѣе, здѣсь имъ иногда запрещали не только вести торговлю, но даже временно проживать. Когда же бѣлорусскіе евреи-купцы выступили (въ 1802 году) съ жалобой на это стѣсненіе, то сославшись на злоупотребленія со стороны евреевъ въ торговлѣ (контрабанда) и опираясь на существованіе черты осѣдлости и двойной подати, сенатъ призналъ, что евреи могутъ имѣть лишь временное пребываніе во внутреннихъ губерніяхъ и въ столицахъ („для доправленія старыхъ долговъ, хожденія по тяжебнымъ дѣламъ и для общественныхъ ихъ нуждъ"), не занимаясь торговлей.

Это рѣшеніе, направленное къ охранѣ интересовъ русскаго торговаго класса путемъ уничтоженія конкуренціи, подверглось рѣзкой критикѣ въ Государственномъ Совѣтѣ; если трое членовъ, гр. Салтыковъ, гр. Воронцовъ и Румянцевъ, присоединились къ мнѣнію сената, то семеро другихъ, въ томъ числѣ кн. Куракинъ, кн. Лопухинъ и Трощинскій, заявили, что запрещеніе евреямъ внутренней торговли относится къ тому времени, когда евреи еще не находились въ русскомъ подданствѣ, теперь же ихъ нельзя лишать этого права; запретивъ евреямъ водворяться внѣ черты, законъ не лишилъ ихъ права производить повсемѣстно оптовую торговлю; городовое положеніе поощряетъ оптовую торговлю иностранцевъ, „кольми же паче,—указывали члены Совѣта—не можно воспретить подданнымъ россійскимъ, не маловажную часть населенія составляющимъ и еще двойную подать платящимъ"; что касается контрабанды, „то частныя злоупотребленія не могутъ быть основаніемъ правилъ на цѣлое состояніе". Къ этому мнѣнію присоединился и адм. Мордвиновъ, еще шире развившій мысль о необходимости не стѣснять евреевъ въ торговлѣ. Онъ указывалъ, что надо стремиться къ тому, чтобы мѣстная торговля находилась въ возможно большей связи со всѣмъ государствомъ; запрещеніемъ евреямъ вести оптовую торговлю внутри Россіи была бы разорвана торговая связь между губерніями черты еврейской осѣдлости и прочими; стѣсненіе евреевъ въ торговлѣ отниметъ у нихъ „важный способъ существованія, и праздность ихъ будетъ только бременемъ, отягощающимъ государство".

Впрочемъ, затронутый вопросъ не былъ тогда разрѣшенъ. Графъ Кочубей, сопровождавшій государя въ путешествіи, сообщилъ Трощинскому, что по возвращеніи въ столицу государь назначитъ комитетъ, который могъ бы „представить виды для общаго положенія о евреяхъ" [1]). Положеніе же 1804 г., выработ-

---

[1]) Ю. Гессенъ. Евреи въ Россіи, стр. 356 и слѣд. (архивъ сената; всеподданн. докладъ 1802 г.). Журналъ Совѣта отъ 9 іюня 1802 г. Архивъ Госуд. совѣта,

танное этимъ комитетомъ, предоставило фабрикантамъ, купцамъ и ремесленникамъ пріѣзжать по дѣламъ на время, съ семьями, во внутреннія губерніи и столицы. Любопытно, что когда въ 1802 г. бухарскіе евреи запросили шкловскую общину о положеніи евреевъ въ Россіи, шкловитяне отвѣтили, что „всѣмъ купцамъ разрѣшено теперь торговать и разъѣзжать по всей странѣ, и вы также можете пріѣзжать сюда по своему желанію“ [1]).

Отъ землевладѣнія евреи были устранены. По закону 1784 г. не-христіане не могли имѣть крѣпостныхъ христіанъ, въ условіяхъ же того времени крупное землевладѣніе предполагало наличность крѣпостного труда [2]). Случалось, однако, что евреи—подъ видомъ аренды—владѣли землями и пользовались крѣпостнымъ трудомъ [3]). Кое-гдѣ евреи лично обрабатывали собственные земельные участки, но это были исключенія [4]).

Какъ было уже указано [5]), евреи въ первое время облагались податью въ размѣрѣ, установленномъ спеціально для нихъ [6]); войдя же въ составъ русскаго торгово-промышленнаго класса, евреи стали платить тѣ же суммы, что и прочее населеніе: купцы—одинъ процентъ съ объявляемаго ими „по совѣсти“ капитала [7]), мѣщане—поголовную подать [8]). Сверхъ процентнаго сбора съ капитала купцы въ то время уплачивали 12 коп. почтоваго сбора, а мѣщане, помимо подушной подати въ размѣрѣ „сорока алтына“ и 12 коп. почтоваго сбора, уплачивали еще по 2 копѣйки съ

т. III, ч. II, ст. 740—743. Вслѣдствіе неправильной выписки изъ журнала Совѣта, я въ своихъ прежнихъ работахъ ошибочно отмѣчалъ Салтыкова и гр. Воронцова среди сторонниковъ расширенія еврейской торговли. Воронцовъ (см. выше, стр. 176) уже и ранѣе высказывался противъ расширенія торговыхъ правъ евреевъ.

Министръ коммерціи Н. П. Румянцевъ считалъ, что только тогда, когда удастся обратить евреевъ „къ исправленію хлѣбопашества и всякихъ обществу полезныхъ работъ“ въ чертѣ осѣдлости, „можно будетъ съ надлежащими предосторожностями допустить ихъ даже и до повсемѣстнаго въ Россіи обитанія“.

[1]) Сборникъ „Пережитое“, т. II, стр. 279.

[2]) До 1800 г. русскіе купцы и мѣщане не могли владѣть даже незаселенными землями.

[3]) Ю. Гессенъ, Евреи въ Россіи, стр. 360 и слѣд.

[4]) О запрещеніи пользоваться трудомъ крестьянъ—см. главу пятнадцатую.

[5]) См. выше, стр. 131, 143—144.

[6]) Перв. полн. собраніе законовъ: № 13865, § I (13 сентября 1772 г.: „Крестьяне въ семигривенный окладъ. Съ жидовъ сборъ положить также поголовный по одному рублю.., Съ купечества по 1 р. 20 к. съ головы“.—№ 14892 (3 іюля 1779 г.) „съ начала будущаго 1780 г... поголовныя съ крестьянъ по 35 к., да за винную продажу по 20 к., съ городовъ поголовныя съ мѣщанъ по 60 к., да за винную продажу по рублю; съ мѣстечекъ за винную продажу по 50 к. съ головы, аренды по 50 к., да поголовныя съ жидовъ по 50 к. съ каждой“.

[7]) Перв. полн. собраніе законовъ, № 14962 (7 янв. 1780 г.). Это было повторено 10 марта 1781 г. (№ 15130).

[8]) Перв. полн. собраніе законовъ, № 15724. Указъ 3 мая 1783 г.

каждаго рубля подушной подати. Но, какъ мы знаемъ, съ 1794 г. евреи вынуждены были платить сборы, подушныя подати и налоги, а позже также наслѣдственныя пошлины, въ двойномъ размѣрѣ [1]). Въ одномъ лишь отношенiи евреи были уравнены съ христiанами: евреи-купцы и мѣщане были, подобно христiанскимъ купцамъ, обложены рекрутскимъ сборомъ взамѣнъ натуральной рекрутской повинности; евреи платили по 500 р. за рекрута, слѣдовавшаго съ еврейскаго населенiя.

Помимо указанныхъ сборовъ, евреи уплачивали городскiе и другiе мѣстные налоги, а евреи, жившiе на помѣщичьихъ земляхъ, несли еще рядъ повинностей въ пользу землевладѣльцевъ. Сверхъ того, еврейское населенiе оплачивало свои общественные расходы.

Значительная часть евреевъ не выносила такого налогового бремени. Приходилось прибѣгать къ раскладкѣ, т.-е. обязывать болѣе состоятельныхъ уплачивать за бѣдныхъ. Общество несло на себѣ тяжесть круговой поруки, кагалу же [2]) было предоставлено право устанавливать размѣръ взноса для каждаго отдѣльнаго лица. Знакомый намъ уставъ Петровическаго кагала гласилъ: „...сборъ поголовнаго и пропинацiи [3]) взимается такъ: одна половина по числу душъ, а для восполненiя другой половины повысить сборъ съ мяса, а если все-таки не хватитъ, то недоимки съ несостоятельныхъ обывателей слѣдутъ разложить на прочихъ"; подобнымъ же образомъ поступали и со сборами въ пользу помѣщика: „все, что слѣдуетъ дать въ пользу двора, взимается: половина по числу домовъ, а другая половина по раскладкѣ, или посредствомъ учрежденiя новаго коробочнаго сбора, какъ это дѣлаютъ въ другихъ общинахъ". Въ Витебскѣ „богатые" платили сборъ за пять душъ мѣстнаго населенiя, „среднiе"—за три души; кто платилъ меньше—считался „бѣднымъ".

Раскладка сборовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ поручалась самому обществу. Такъ, минскiй кагалъ постановилъ избрать посредствомъ баллотировки „пять шамоимъ изъ высшаго, средняго и низшаго сословiй и поручить имъ составленiе раскладки на жителей города" для пополненiя суммы, потребовавшейся по случайному поводу [4]). Порою раскладка происходила въ кругу неболь-

---

[1]) Сенатскiй указъ 29 декабря 1796 г.

[2]) См. выше стр. 137—138, 185, 188.

[3]) Евреи и христiане, наряду съ поголовнымъ, уплачивали сборъ въ казну за винную продажу.

[4]) Брафманъ, Книга кагала, докум. № 97. Это былъ, вѣрнѣе, не сборъ, а внутреннiй заемъ,—постановленiе гласило, что „сумма, которая каждымъ лицомъ будетъ внесена по этой раскладкѣ, вычтется ему изъ первыхъ его взносовъ по коробочному сбору".

шихъ общественныхъ группъ. Когда, согласно заявленію повѣренныхъ по сбору съ рѣзки скота, не хватило денегъ для уплаты государственныхъ податей, минскій кагалъ распорядился избрать изъ каждой „сотни“ по одному контролеру, которые должны были, раздѣливъ потребную сумму на одиннадцать равныхъ частей (одиннадцать сотенъ), составить раскладку для каждой сотни отдѣльно [1]). То, что кагалъ передавалъ дѣло взиманія сбора въ руки сотниковъ, свидѣтельствуетъ, какъ можно думать, о чрезвычайныхъ трудностяхъ, съ которыми было сопряжено взысканіе денегъ съ каждаго отдѣльнаго лица. И именно непосильное обремененіе населенія разнаго рода налогами заставляло кагалы прибѣгать къ коробочному сбору, который представлялъ собою преимущественно не прямой, а косвенный налогъ, уплачивавшійся какъ бы незамѣтнымъ образомъ, небольшими суммами.

Коробочнымъ или кружечнымъ сборомъ издавна, повидимому, назывались въ польско-литовскомъ еврействѣ налоги, взымавшіеся не путемъ прямого обложенія (подушнаго съ личности, оцѣночнаго съ имущества), а косвеннаго. Этотъ сборъ существовалъ уже въ первой половинѣ семнадцатаго вѣка. Изъ постановленія, принятаго въ 1650 г. ваадомъ представителей главныхъ литовскихъ общинъ, видно, что по поводу коробочнаго сбора возникали недоразумѣнія между общинными заправилами и населеніемъ, вслѣдствіе чего вааду пришлось выработать порядокъ введенія коробочнаго сбора. Первоначально коробочный сборъ служилъ для покрытія общинныхъ долговъ, однако, затѣмъ его стали предназначать и для другихъ цѣлей. Сперва коробочный сборъ представлялъ собою налогъ на предметы первой необходимости (мясо, молоко, хлѣбъ и др.), но постепенно онъ былъ распространенъ на различныя профессіи и сталъ подоходнымъ [2]). Слѣдуетъ замѣтить, что коробочный сборъ не всегда носилъ характеръ косвеннаго налога; онъ являлся порою также и прямымъ налогомъ.

Въ земляхъ, перешедшихъ къ Россіи отъ Польши, коробочные сборы не всюду существовали (кое-гдѣ они устанавливались лишь на время ярмарокъ), и уже находясь подъ русскимъ господствомъ, многіе кагалы стали вводить коробочный сборъ, испрашивая на это разрѣшенія администраціи; нѣкоторыя же малолюдныя общины такъ и не установили у себя коробочнаго сбора.

Въ Литвѣ значительная часть коробочнаго сбора употреблялась на уплату старыхъ общинныхъ долговъ. Въ Витебскѣ ко-

---

[1]) Тамъ же, док. № 376. О сотникахъ см. выше, стр. 188.

[2]) Исторія еврейскаго народа (изд. „Міръ“), т. XI, стр. 153.

робочный сборъ былъ обращенъ на покрытіе кагальнаго долга [1]). Въ другихъ мѣстностяхъ сборомъ покрывались и прочіе кагальные расходы. По Брестскому уѣзду изъ суммъ коробочнаго сбора производились „расходы на внутреннія кагаловъ надобности“ (около 1805 г.). Встрѣчались общины, на частновладѣльческихъ земляхъ, которыя отдавали сборъ помѣщикамъ въ счетъ причитавшихся повинностей. Въ иныхъ кагалахъ сборы, въ зависимости отъ хозяйственныхъ условій, обращались то на одну, то на другую цѣль. Такъ, минскій кагалъ ввелъ (1795 г.) коробочный сборъ „для покрытія извѣстныхъ долговъ“; два года спустя этотъ сборъ былъ обращенъ—быть-можетъ, частично—на уплату государственныхъ повинностей, а вслѣдъ затѣмъ было постановлено ввести коробочный сборъ съ торговыхъ операцій для покрытія расходовъ кагала вообще и уплаты податей за неимущихъ. Расходы минскаго кагала изъ суммъ коробочнаго сбора были чрезвычайно разнообразны (наприм., въ 1801 г. были истрачены сто золотыхъ на покупку сахара и кофе для начальства). Въ Шкловѣ коробочный сборъ, достигавшій въ концѣ восемнадцатаго вѣка 12 тысячъ рублей въ годъ, шелъ, какъ утверждали общинные заправилы, на уплату государственныхъ податей за неимущихъ, на содержаніе школъ (молитвенныхъ домовъ) и на „воспитаніе бѣдныхъ“. По Бѣлоруссіи суммы сбора, по словамъ мѣстныхъ евреевъ, употреблялись на содержаніе молитвенныхъ домовъ (школъ) и на вспомоществованіе убогимъ. Вообще, коробочные сборы шли на самыя разнообразныя нужды еврейскихъ общинъ — на содержаніе духовенства, молитвенныхъ домовъ, училищъ, больницъ, общественныхъ бань, на пособіе неимущимъ вдовамъ и сиротамъ, погребеніе бѣдныхъ; на эти же сборы содержался кагалъ, выполнялись общественные наряды—исправленіе дорогъ, наемъ помѣщенія для полиціи и для воинскихъ командъ. Суммами коробочнаго сбора въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ уплачивались подати и повинности за неимущихъ, увѣчныхъ и др., а также производилась уплата процентовъ по вѣчнымъ долгамъ, поземельной подати во владѣльческихъ мѣстечкахъ. Нѣкоторые владѣльцы городовъ и мѣстечекъ получали часть коробочнаго сбора; въ Бердичевѣ владѣлецъ получалъ опредѣленную сумму съ каждаго кошернаго вола, коровы и др.; въ Слуцкѣ и мѣст. Копыль (Минской губ.) откупщики коробочнаго сбора платили владѣльцамъ извѣстную сумму; въ Гродненской губ. въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ владѣльцы взимали извѣстный сборъ съ тѣхъ именно предметовъ, которые были обложены коробочнымъ сборомъ, въ м. Линцахъ (Кіевскаго уѣзда) — съ мясныхъ лавокъ. Въ иныхъ мѣстечкахъ вся сумма короб-

[1]) Регесты и надписи, № 2358.

наго сбора поступала въ пользу владѣльца, и въ этихъ случаяхъ для покрытія общинныхъ расходовъ производилась „складка“ [1]).

Не было, кажется, общины, гдѣ бы сборомъ не облагались убой скота и рѣзка птицъ; въ большинствѣ случаевъ это были единственныя статьи обложенія. Но нерѣдко коробочнымъ сборомъ оплачивались: продажа кошернаго мяса (а иной разъ и некошернаго мяса), отдѣльныя части животнаго, водка, соль, хлѣбъ, крупа, пшеничная и ржаная мука, свѣжая и иная рыба, льняное и конопляное масло, сало, свѣчи, смола, деготь, дрова, сѣно, выдѣланная и невыдѣланная кожа, листовой табакъ, „шабашныя“ свѣчи, мука, употребляемая въ Пасху, бани; сборъ взимался и съ пріѣзжихъ торговцевъ за покупку или продажу товаровъ. Въ коробочный сборъ поступали также шкуры съ воловъ, коровъ, телятъ, козловъ и козъ (Витебскъ) [2]). Отдѣльные кагалы пользовались не всѣми этими сборами, а нѣкоторыми изъ нихъ. Такъ, наприм., въ концѣ восемнадцатаго вѣка шкловскій кагалъ взималъ сборъ съ мяса и водки, а также, повидимому, съ капиталовъ; но позже число предметовъ, подлежавшихъ въ Шкловѣ сбору, увеличилось; былъ, напримѣръ, установленъ сборъ съ соли. Минскій кагалъ сперва взималъ сборъ съ убоя скота, рѣзки птицъ, съ товаровъ, привозимыхъ иногородними торговцами, а въ 1797 г. онъ ввелъ коробочный сборъ по образцу шкловскаго.

Чрезвычайно разнообразнымъ представлялся сборъ по Гродненской губерніи. Помимо указанныхъ выше предметовъ обложенія, коробочный сборъ взимался здѣсь съ съѣстныхъ припасовъ, привозимыхъ иногородними евреями и продаваемыхъ въ разносъ мѣстными евреями, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, сборъ опредѣлялся съ „уторгованныхъ злотовъ“, т.-е. съ суммы, полученной за товаръ; сборъ взимался также: съ суммы денегъ, на которую пріѣзжій еврей пріобрѣталъ товаръ; съ заработка мѣстнаго ремесленника, извозчика, мелкаго лавочника, содержателя шинковъ; съ продажи и покупки разнаго товара; съ доходовъ отъ сдачи внаймы домовъ и амбаровъ; съ

---

[1]) См. мой очеркъ „Къ исторіи коробочнаго сбора въ Россіи“, „Еврейская Старина“, 1911 г., вып. III и IV (также отдѣльн. издан. Спб., 1912 г.). При составленіи указаннаго очерка, основаннаго преимущественно на рукописныхъ матеріалахъ, я использовалъ, кромѣ источниковъ, приведенныхъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, также слѣдующія дѣла изъ архива Канцеляріи министерства финансовъ: 1823 г. № 36 (559) О коробочномъ сборѣ и о способѣ взысканія податей съ евреевъ; 1833 г. № 16—262 О коробочномъ сборѣ; 1836 г. № 43 Положеніе о коробочномъ сборѣ.

Приведенныя здѣсь данныя не всѣ относятся къ описываемому времени, но общая картина не страдаетъ отъ нарушенія хронологической послѣдовательности.

[2]) Регесты и надписи, № 2358.

„авантажа съ бильярдовъ"; съ обмѣна товаровъ (наприм., пивного солода на ячмень, водочнаго солода — на рожь); съ сплавляемаго лѣса и мног. друг. Нѣкоторые виды коробочнаго сбора дѣлились еще на разныя группы; такъ, наприм., сборъ съ убоя теленка имѣлъ шесть подраздѣленій [1]); особый размѣръ сбора устанавливался для оптовой и розничной торговли. Кромѣ того, сборъ взимался за райскія яблоки и пасхальныя „брашны" со всякаго хозяина и каждаго мужчины въ его домѣ, при чемъ были установлены особыя таксы: для зажиточныхъ хозяевъ, для хозяевъ „посредственнаго состоянія" и для неимущихъ. Это дѣленіе по имущественному состоянію, установленное для уплаты податей за бѣдныхъ, примѣнялось и къ другимъ видамъ коробочнаго сбора. Сборъ уплачивали также: „имѣющіе право употреблять къ убою скота ножъ", съ каждой штуки скота; цырюльники (каждую пятницу); духовный судъ (бесъ-динъ)—съ производимыхъ имъ дѣлъ; погребальныя братства за выносъ тѣла и погребеніе. Сборомъ оплачивались: приданое (съ каждыхъ ста золотыхъ); свѣчи, зажигаемыя въ домахъ (хозяева дѣлились на указанныя выше три группы) и въ синагогахъ по пятницамъ и праздникамъ; содержимыя евреями бани (еженедѣльный сборъ). Сборъ взимался при расторженіи браковъ (три группы по имущественному состоянію), а также при совершеніи обряда вѣнчанія (только съ зажиточныхъ хозяевъ). Такса по этимъ сборамъ, обязательнымъ для всѣхъ кагаловъ Гродненской губерніи, не всюду была одинаковаго размѣра; города и мѣстечки губерніи были распредѣлены на четыре группы въ зависимости отъ численности мѣстнаго еврейскаго населенія; многолюдныя общины уплачивали сборъ по болѣе высокой таксѣ, чѣмъ малолюдныя.

Впрочемъ, въ большинствѣ губерній не существовало общей таксы; размѣръ таковой въ каждомъ обществѣ устанавливался, по мѣстнымъ условіямъ, приговоромъ самаго общества, и поэтому въ отношеніи размѣра таксы замѣчается чрезвычайное разнообразіе.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда коробочный сборъ взимался съ продавцовъ товаровъ, коробочный сборъ косвеннымъ образомъ уплачивали и не евреи, ибо въ виду коробочнаго сбора еврей-торговецъ повышалъ цѣну на товаръ. Гродненскіе христіане жаловались (около 1802 г.), что кагалъ принуждалъ христіанъ уплачивать, наряду съ евреями, сборъ съ привозимаго въ городъ горячаго вина (водки), и это домогательство поддерживалось откупщикомъ этого сбора, христіаниномъ. Христіанамъ, конечно, не приходилось уплачивать сборъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ

---

[1]) Особая такса была установлена съ кошерной и трефной скотины.

взимался не съ продавцовъ товара, а только съ покупателей-евреевъ.

Отъ уплаты коробочнаго сбора не были освобождены (за отдѣльными исключеніями) и евреи, жившіе единицами по деревнямъ и корчмамъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ къ раіону каждаго коробочнаго сбора присоединялась пятиверстная полоса отъ города или мѣстечка, и всѣ жившіе здѣсь евреи подлежали сбору въ пользу даннаго откупщика; если же между двумя мѣстечками было менѣе десяти верстъ, т. е. на каждаго изъ двухъ сосѣдей-откупщиковъ приходилось менѣе пяти верстъ, пространство дѣлилось между ними поровну.

Въ большинствѣ обществъ коробочный сборъ отдавался на откупъ тому, кто предлагалъ высшую плату; въ отдѣльныхъ общинахъ, гдѣ сумма коробочнаго сбора была незначительна, а потому не было желающихъ взять его на откупъ, сборы взимались непосредственно кагаломъ или старшинами, спеціально длв этой цѣли избиравшимися. Арендаторами коробочнаго сбора могли быть какъ евреи, такъ и христіане. Въ договорѣ, заключенномъ въ 1789 г. витебскимъ кагаломъ съ нѣкоторыми евреями о передачѣ послѣднимъ коробочнаго сбора по окончаніи срока договора съ христіаниномъ, было сказано: „Такъ какъ арендаторы сами евреи, то они должны собирать коробочный сборъ согласно правиламъ о сборѣ коробочномъ, если даже въ этомъ контрактѣ не все было предусмотрѣно“ [1]).

Порядокъ торговъ на откупъ также не всюду былъ одинаковъ; въ иныхъ мѣстностяхъ торги производились администраціей, въ другихъ — кагаломъ; въ нѣкоторыхъ губерніяхъ откупъ производился поуѣздно, въ другихъ — по каждому обществу отдѣльно. Въ незначительныхъ общинахъ торги вовсе не производились, а общество или кагалъ отдавали откупъ извѣстному лицу, иногда даже не заключая особыхъ условій: все ограничивалось тѣмъ, что обыватели обязывались покупать у послѣдняго опредѣленные припасы по нѣсколько повышенной, а порою даже по обычной цѣнѣ [2]).

Общее наблюденіе за правильнымъ производствомъ сбора губернская администрація обычно передавала мѣстной полиціи, которая вмѣшивалась въ дѣла откупа лишь тогда, когда поступали жалобы и „въ лучшемъ случаѣ представляла произведенныя слѣдствія на судебное разсмотрѣніе“. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ власти не имѣли никакого надзора за коробочными сборами.

---

[1]) Регесты и надписи, № 2358

[2]) Въ Черниговѣ общество обязало евреевъ покупать извѣстные припасы у одного торговца, получивъ за эту монополію 3.140 рубл.; но наряду съ этимъ функціонировалъ обычный коробочный сборъ.

Коробочные сборы въ иныхъ обществахъ поступали въ кассу кагала, въ другихъ—въ городскія думы, магистраты или ратуши; порою въ земскіе или уѣздные суды, а по нѣкоторымъ городамъ непосредственно въ уѣздныя казначейства въ счетъ недоимокъ или податей, причитавшихся съ общества; случалось, что откупщикъ обязывался расплачиваться съ кредиторами общества (казной, частными лицами), а въ концѣ года передавалъ обществу остатки.

Налоговое бремя, упадавшее чрезъ посредство коробочнаго сбора и на бѣднѣйшіе слои населенія, усугублялось злоупотребленіями кагаловъ. Значительная часть коробочнаго сбора оставалась въ рукахъ старшинъ. Яковъ Гиршъ изъ Могилева, предложившій обратить часть коробочнаго сбора на устройство училищъ [1]), слѣдующимъ образомъ описываетъ хищническое обращеніе съ суммами коробочнаго сбора. Изъ тридцати тысячъ рублей, собираемыхъ по могилевскому намѣстничеству, лишь десять тысячъ идутъ на общественныя нужды. „Остатокъ же теряется безъ истинной пользы въ рукахъ надсмотрщиковъ, въ которые избираются въ могилевскомъ намѣстничествѣ ежегодно 41 человѣкъ съ жалованьемъ въ сто рублей. Но какъ ежегодный выборъ сихъ людей зависитъ почти единственно отъ голосовъ самыхъ богатыхъ евреевъ каждаго мѣста, то сіи пособляютъ чрезъ то бѣднымъ своимъ свойственникамъ, которые въ тотъ годъ службы своей умѣютъ неправеднымъ образомъ снискать столько имѣнія (состояніе) и друзей, что не опасаются уже ни счета (отчетности), ни наказанія. По прошествіи года избираются на мѣсто ихъ другіе, которые по примѣру первыхъ слѣдуютъ.“. Раввинъ Іуда Лебъ Марголіотъ говоритъ о кагальныхъ, завѣдующихъ взиманіемъ подати, которые и открыто, и тайно набиваютъ свои карманы и всѣ тяготы возлагаютъ на неимущихъ. Вѣроятно, въ связи съ кагальными хищеніями находится любопытный фактъ, что шкловскіе евреи, вопреки желанію кагала, обратились (1786 г.) къ владѣльцу мѣстечка съ просьбой взять въ свое распоряженіе коробочные сборы, освободивъ еврейское населеніе, взамѣнъ того, отъ налога съ домовъ. Надо, однако, отмѣтить, что кагальные старшины нерѣдко вынуждены были прибѣгать къ репрессивнымъ мѣрамъ при взысканіи сборовъ съ населенія, такъ какъ за недоимки администрація карала самихъ членовъ кагала.

Еще тогда, когда состоялся первый раздѣлъ Польши, матеріальное положеніе бѣлорусскихъ евреевъ было печально. Могилевскій губернаторъ Каховской [2]), изобразившій въ крайне мрач-

---

[1]) См. о немъ выше, стр. 159—160.

[2]) См. выше, стр. 134.

ныхъ краскахъ нравственный обликъ мѣстныхъ евреевъ, констатируетъ что они бѣдствовали; по его словамъ торговый еврейскій классъ ничего не имѣлъ, кромѣ чужихъ денегъ или товаровъ, и потому неудивительно, что евреи-торговцы приводили обывателей „обще съ собою" въ убожество. Ничего утѣшительнаго не представляла собою экономическая жизнь въ бывшемъ польскомъ краѣ и въ позднѣйшія десятилѣтія.

Внѣшнія неблагопріятныя условія—попытки выселенія изъ деревень, двойная подать, помѣщичьи поборы, — а, съ другой стороны, злоупотребленіе кагаломъ своей властью, достигшее особыхъ размѣровъ въ годины обостренной религіозной борьбы, привели къ тому, что широкія массы бѣдствовали. Современники единогласно говорятъ о нищетѣ еврейскаго населенія, особенно шинкарей, которыхъ такъ охотно обвиняли въ эксплоатаціи крестьянъ. Литовскій губернаторъ Фризель заявлялъ, что въ корчмахъ сидятъ женщины, а не мужчины, которые „выходятъ на другіе промыслы, поелику доходъ съ шинка часто бываетъ недостаточенъ на ихъ содержаніе". Державинъ сообщалъ, что бѣлорусская еврейская масса влачитъ свое существованіе „въ крайнемъ изнуреніи и нищетѣ, каковыхъ суть большая часть". О печальномъ положеніи еврейскаго населенія особенно ярко свидѣтельствуетъ всеподданнѣйшій докладъ кіевскаго губернатора Панкратьева [1]). Изъ числа почти 20.000 евреевъ-мѣщанъ, по словамъ Панкратьева, если не больше, то никакъ не менѣе $^{2}/_{3}$ находится въ такомъ состояніи, что не только платить не могутъ положенныхъ на нихъ казенныхъ податей, но „съ величайшимъ усиліемъ находятъ они теперь дневное пропитаніе". Указавъ далѣе на причины бѣдствія евреевъ въ Кіевской губерніи, онъ писалъ „...справедливымъ кажется помыслить объ участи и сего презрѣннаго (т. е. презираемаго всѣми) и угнетеннаго народа, который, не получивъ отъ государства никакой въ его собственность принадлежности, платить обязанъ и казнѣ за позволеніе здѣсь жить двойную подать, а помѣщикамъ за земли и позволеніе промысловъ въ ихъ владѣніяхъ столько же или и болѣе. Отчего пришелъ онъ, кромѣ малаго количества, въ такое состояніе, что не только платить податей, но и самъ себя содержать не можетъ...". Въ виду этого, Панкратьевъ ходатайствовалъ о томъ, чтобы евреи уплачивали обычную подать, а не двойную. О бѣдственномъ состояніи евреевъ говоритъ и еврейскій дѣятель Нота Хаимовичъ Ноткинъ — „отъ наложенія платить двойную подать за прошедшіе годы накоплялись большія

---

[1]) Архивъ министерства внутр. дѣлъ, департаментъ полиціи исполнительной, дѣло 1802 г. № 558 „Объ освобожденіи евреевъ отъ двойной подати".

недоимки; ибо бѣдные, лишившись способа къ жизни, и самые нищіе и увѣчные, находясь не въ состояніи оную платить, то къ очисткѣ таковыхъ недоимокъ члены кагаловъ, къ коимъ всѣ евреи приписаны, бывъ строго отъ начальства понуждаемы не только секвестромъ имѣнія, но и содержаніемъ подъ арестомъ, располагали оныя на зажиточнѣйшихъ; изъ сего произошло, что въ нѣсколько кратъ, а не двойную подать принуждены были платить. Къ время отъ времени число бѣдныхъ размножается, кои къ поправленію своему способовъ не имѣютъ, а зажиточные неминуемо въ худое приходятъ состояніе и раззоряются" [1]).

Однако, власти и окружающее общество игнорировали тяжелое экономическое положеніе еврейскаго населенія. Стремясь, съ одной стороны, къ заселенію и развитію городовъ, а съ другой—къ освобожденію крѣпостного крестьянства отъ сосѣдства евреевъ, считавшихся виновниками его бѣдственнаго положенія, правительство упускало изъ виду, что сами евреи, проживавшіе среди крестьянъ, влачили жалкое существованіе; оно не хотѣло отказаться отъ мысли объ удаленіи евреевъ изъ деревень въ города, хотя было очевидно, что малонаселенные, бѣдные города рѣшительно не могли дать пропитаніе новымъ пришельцамъ [2]), такъ какъ и безъ нихъ въ городахъ было болѣе, чѣмъ достаточно, ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ, причемъ значительную ихъ часть, какъ намъ уже извѣстно, составляли евреи.

Мы видѣли, что въ 1795 г. послѣдовало по вновь пріобрѣтеннымъ губерніямъ распоряженіе „стараться переселять" евреевъ въ города; въ томъ же году тождественное распоряженіе было отдано и по Бѣлорусскимъ губерніямъ [3]). Бѣлорусская администрація, имѣвшая старые счеты съ еврейскимъ населеніемъ, тотчасъ принялась за дѣло. Но эта попытка встревожила не только евреевъ, но и владѣльцевъ мѣстечекъ, такъ какъ уменьшеніе мѣстечковаго населенія грозило имъ убыткомъ. Повидимому, последнее обстоятельство побудило администрацію (1796 г.), оставивъ евреевъ въ мѣстечкахъ, ограничиться выселеніемъ ихъ только изъ деревень и изъ корчемъ, расположенныхъ у дорогъ. Но и

---

[1]) Ю. Гессенъ, Евреи въ Россіи, стр. 445 (рукописный сборникъ Импер. публичной библіотеки).

[2]) См. выше, стр. 152, 259.

[3]) Соотвѣтствующіе высочайшіе указы на имя Тутолмина, генералъ-губернатора Минской, Волынской и Подольской губерніи, отъ 3 мая 1795 г. (Перв. полн. собраніе законовъ, № 17327) и Пассека, бѣлорусскаго генер.-губернатора, въ сентябрѣ 1795 г. (Восходъ, 1895 г., кн. VI, стр. 38—39) послѣдовали не по инициативѣ государыни, она лишь утвердила представленія обоихъ генер.-губернаторовъ; быть-можетъ, Тутолминъ, незнакомый съ мѣстными условіями, снесся съ опытнымъ въ еврейскихъ дѣлахъ Пассекомъ.

это оказалось невыполнимымъ. Было выдворено лишь небольшое число евреевъ [1]).

Въ это время мѣстечки были приравнены къ городамъ, и такимъ образомъ запретными для евреевъ остались только деревни и села.

Въ исторіи выселенія евреи фигурировали до сихъ поръ какъ члены торгово-промышленнаго класса; ограничительныя мѣры въ отношеніи проживанія въ уѣздахъ и винокуренія одинаково имѣли въ виду какъ евреевъ, такъ и христіанъ; евреямъ, правда, удѣлялось болѣе мѣста въ административной перепискѣ, но это потому, что указанные запреты пріобрѣтали исключительно острый характеръ въ примѣненіи къ еврейскому населенію въ виду его многочисленности. Противъ евреевъ, какъ особой народности, не выставлялось никакихъ специфическихъ обвиненій. Но вскорѣ вопросъ о евреяхъ, проживавшихъ въ уѣздахъ, былъ превращенъ въ „еврейскій вопросъ", и тогда широкое общественно-экономическое явленіе стало разсматриваться съ точки зрѣнія грубыхъ предразсудковъ [2]).

Въ 1797 г., въ виду сильнаго голода, поразившаго Минскую губернію, Павелъ I потребовалъ, чтобы мѣстныя власти совмѣстно съ дворянствомъ выяснили причины несчастья и указали, какія мѣры могли бы смягчить бѣдствіе. Дворяне—вѣрнѣе, маршалы, т.-е. предводители дворянства — нарисовали мрачную картину тяжелыхъ испытаній, выпавшихъ на долю крестьянъ. Прежде всего, было указано на то, что крестьяне не могутъ достигнуть благосостоянія въ виду своего невѣжества и незнанія сельскохозяйственнаго дѣла. А на ряду съ этимъ крестьяне страдали и отъ внѣшнихъ невзгодъ, связанныхъ съ „революціей" въ краѣ; сверхъ того, „неурожай во многихъ мѣстахъ, по причинѣ песчаныхъ и низкихъ земель, ежечасно случающійся, а къ тому и падежъ скота, истребляютъ въ людяхъ поощреніе къ трудолюбію"; наконецъ, „неспособность въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ торговлѣ", а также отсутствіе путей сообщенія, благодаря чему затрудняется доставка продуктовъ, еще болѣе усугубляли тяжелое положеніе крестьянъ. Отмѣтивъ рядъ обстоятельствъ, способствовавшихъ разоренію крестьянъ, маршалы при всемъ томъ не досказали главнаго—они умолчали, что основнымъ зломъ печальной крестьянской жизни являлась крѣпостная зависимость. Не въ интересахъ маршаловъ было говорить о роли, которую играли сами дворяне-помѣщики въ несчастной судьбѣ крестьянъ. А такъ какъ предъ

---

[1]) С. Бершадскій, Восходъ, 1895 г. кн. VI, стр. 39—41.

[2]) Ю. Гессенъ, Законъ и жизнь, Спб. 1910.

стихійными бѣдствіями обычныя административныя распоряженія были безсильны, съ другой же стороны, въ виду разразившагося голода, требовалось, чтобы были приняты мѣры, которыя хотя бы внѣшнимъ образомъ свидѣтельствовали, что помѣщики озабочены улучшеніемъ положенія крестьянъ, то маршалы и постарались найти виновниковъ крестьянскихъ бѣдъ.

И вотъ, въ первую очередь былъ выдвинутъ еврей. „При сихъ несовершенствахъ—заявили маршалы по поводу невзгодъ, обрушивающихся на крестьянъ—вящшею еще причиною суть евреи, на арендахъ и шинкахъ владѣльцами удерживаемые, въ противность повелѣній отъ начальства, предназначающихъ имъ жительство по городамъ, которые, безъ собственнаго труда проживая съ немалыми семействами въ селеніяхъ, и послѣднее съ крестьянъ разными свѣдомыми имъ средствами высасываютъ“... За евреемъ послѣдовали священники всякаго исповѣданія, которые, по словамъ минскихъ маршаловъ, вымогательствами приводятъ крестьянъ въ крайнюю бѣдность. Наконецъ, выступилъ и третій злой геній крестьянъ—самъ помѣщикъ-дворянинъ. Маршаламъ пришлось признать, что отдѣльные дворяне виновны въ бѣдственномъ положеніи крестьянъ. Уже говоря о евреяхъ, „владѣльцами удерживаемыхъ“ на арендахъ и шинкахъ, маршалы, хотя и въ скрытой формѣ, осуждали тѣхъ изъ дворянъ, которые пользовались услугами евреевъ. Если, съ одной стороны, право проживанія евреевъ на частновладѣльческой землѣ зависѣло отъ воли помѣщика, то, съ другой стороны, и роль притѣснителя крестьянъ навязывалась еврею-арендатору самими помѣщиками: помимо того, что помѣщики назначали евреямъ высокую арендную плату, они обязывали своихъ крестьянъ продавать хлѣбъ и другіе продукты еврею, заплатившему помѣщику за эту монопольную скупку товара, и требовали, чтобы крестьяне всѣ нужные имъ припасы пріобрѣтали только у помѣщика или у его арендатора; нерѣдко помѣщики предоставляли арендатору возможность принуждать крестьянъ покупать у него для семейныхъ торжествъ опредѣленную мѣру водки съ помѣщичьей винокурни; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы уже видѣли выше, случалось, что помѣщики принуждали арендатора продать крестьянамъ то или другое количество водки [1]). Маршалы не ограничились этимъ косвеннымъ обвиненіемъ помѣщика,—они пошли дальше, указавъ, что крестьянамъ должна быть оказываема начальствомъ защита, когда помѣщики ихъ притѣсняютъ, и что помѣщики разрушаютъ сельское хозяйство тѣмъ, что отдаютъ свои земли въ краткосрочную аренду,

---

[1]) См. выше, стр. 205.

побуждающую арендаторовъ вести интенсивное, хищническое хозяйство, обезсиливающее землю.

Въ виду сказаннаго, маршалы постановили: положить предѣлъ вымогательствамъ со стороны священниковъ; запретить краткосрочныя аренды; напомнить помѣщикамъ, что они не смѣютъ облагать крестьянъ противозаконными сборами; дозволить крестьянамъ вывозить свои продукты и продавать ихъ по своему усмотрѣнію, не придерживаясь прежняго „неистоваго“ обыкновенія продажи одному только арендатору; запретить винокуреніе „евреямъ и прочимъ арендаторамъ“; [1]) они могутъ лишь торговать помѣщичьей водкой, не давая ея, однако, въ долгъ крестьянамъ подъ закладъ вещей, хлѣба и проч.

Шинкарями и арендаторами являлись не одни евреи, но и христіане. Евреи, вѣроятно, преобладали. Однако, они были особо упомянуты маршалами не изъ-за этого численнаго превосходства, а потому, что въ Польшѣ издавна привыкли смотрѣть на евреевъ, какъ на людей, которые выдѣлены изъ общаго состава населенія въ отдѣльную группу, какъ на людей, для которыхъ пишутся спеціальные законы. И это привело въ данномъ случаѣ къ тому, что вниманіе правительства сосредоточилось не на арендаторахъ вообще, а на арендаторѣ-евреѣ.

Павелъ I предписалъ минскому губернатору [2]) принять мѣры въ соотвѣтствіи съ постановленіями маршаловъ. Такимъ образомъ, государемъ были санкціонированы три мѣры, направленныя къ улучшенію участи крестьянъ, а именно: „ограниченіе правъ“ евреевъ, выступавшихъ въ качествѣ арендаторовъ и шинкарей; обузданіе священниковъ; упорядоченіе сельскаго хозяйства путемъ запрещенія краткосрочныхъ арендъ. Но затѣмъ, когда, по высочайшему повелѣнію, постановленія минскихъ маршаловъ были переданы на разсмотрѣніе сената, вопросъ о причинахъ экономическаго упадка минскихъ крестьянъ получилъ новое освѣщеніе, и отвѣтственность за бѣдственное состояніе крестьянъ легла уже всѣмъ бременемъ на евреевъ. Заявивъ, что поселяне

---

[1]) Винокурни поглощали много дровъ, и арендаторовъ упрекали въ томъ, что они хищнически вырубали помѣщичьи лѣса; предполагалось, что помѣщики, какъ заинтересованные въ сохраненіи хозяйства, болѣе бережливо обращались бы съ лѣсомъ.

[2]) Минскій губернаторъ Захаръ Карнѣевъ считалъ главной причиной экономическаго кризиса краткосрочную аренду. Что касается евреевъ и священниковъ, то онъ нашелъ достаточнымъ опубликовать постановленія маршаловъ, которыя должны были избавить крестьянъ „отъ многихъ притѣсненій, наносимыхъ необузданнымъ нравомъ евреевъ и поповъ“. Архивъ сената, 1 отд. 3 деп., дѣло 1797 г. № 64. „Объ утвержденіи мнѣнія двор. маршаловъ Минской губ. объ ограниченіи правъ евреевъ...“

находятся въ крайней бѣдности „не столько отъ ежечасныхъ тамъ неурожаевъ, сколько отъ того, что владѣльцы держатъ въ селеніяхъ своихъ евреевъ на арендахъ и шинкахъ", сенатъ предвзято умалилъ значеніе стихійныхъ бѣдствій, поражавшихъ крестьянъ, и совершенно затушевалъ дѣятельность христіанъ, подобно евреямъ занимавшихся содержаніемъ шинковъ; сенатъ отнесся милостиво и къ другимъ виновникамъ раззоренія крестьянъ, обойдя молчаніемъ, напр., предложеніе маршаловъ, чтобы начальство оказывало крестьянамъ защиту отъ жадныхъ помѣщиковъ. Съ другой стороны, однако, сенатъ напомнилъ, что законъ требуетъ переселенія евреевъ изъ деревень въ города.

Все это должно было получить для евреевъ тѣмъ большее значеніе, что, задумавъ ввести однообразные порядки во всѣхъ бывшихъ польскихъ губерніяхъ, сенатъ потребовалъ мнѣній отъ губернаторовъ и дворянства прочихъ польскихъ губерній, причемъ онъ разослалъ имъ копію постановленія минскихъ маршаловъ, отмѣтивъ, что оно Высочайше одобрено, предуказавъ такимъ образомъ характеръ отвѣтовъ. Никто изъ властей и маршаловъ бывшихъ польскихъ губерній не думалъ серьезно и не говорилъ, будто евреи—хотя бы наряду со священниками—въ дѣйствительности являются главными виновниками бѣдствій крестьянъ. Напримѣръ, литовскіе маршалы, предложившіе наиболѣе рѣшительную мѣру противъ евреевъ, такъ и заявили, что для улучшенія матеріальнаго положенія крестьянъ недостаточно одного того, чтобы охранить ихъ „отъ всѣхъ обмановъ евреевъ и вымогательствъ духовныхъ" (священниковъ); а подольскіе маршалы, завѣряя правительство, что дворяне защищаютъ крестьянъ „отъ грабительствъ евреевъ", вынуждены были все же отмѣтить, что крестьяне „неурожаемъ хлѣба, народною моровою язвою и падежами скота" приведены въ такое убожество, что „попеченіе правительства, ласковое обхожденіе и снабженіе въ ихъ нуждахъ отъ дворянства не суть въ возможности удержать ихъ отъ ежедневныхъ побѣговъ заграницу". Вообще маршалы указали на различныя причины, вызвавшія экономическій кризисъ; между прочимъ, не были забыты корыстолюбивые священники, а также помѣщики, въ личныхъ выгодахъ не позволявшіе крестьянамъ свободно распоряжаться плодами рукъ своихъ. Что касается шинка и хищнической аренды, какъ источниковъ бѣдствія крестьянъ, то и въ этомъ отношеніи евреи не могли быть признаны единолично отвѣтственными, такъ какъ шинкари и арендаторы творили волю помѣщика, и въ ихъ числѣ были не только одни евреи, но также и христіане. Дѣйствительно, минскіе маршалы, добиваясь того,

чтобы право винокуренія фактически принадлежало однимъ лишь дворянамъ, ополчались, какъ мы видѣли, не только противъ евреевъ, но также и противъ христіанъ, занимавшихся содержаніемъ арендъ и шинковъ. То же было и въ другихъ польскихъ губерніяхъ [1]).

Тѣмъ не менѣе, среди шумной тревоги, вызванной ужасомъ голода, громче всего произносилось слово „еврей"! Изъ трехъ общественныхъ группъ, окружавшихъ крестьянина,—помѣщиковъ, священниковъ и евреевъ—фигура еврея представлялась наиболѣе рельефной. На евреяхъ было сосредоточено вниманіе правительства, потому что съ ними—какъ могло казаться—легче всего было расправиться. Тотъ, кто такъ думалъ, упускалъ изъ виду, что помѣщики, евреи и крестьяне были связаны тяжкой цѣпью взаимной экономической зависимости, и насиліе надъ однимъ изъ этихъ невольныхъ союзниковъ должно было отозваться и на другихъ. Законъ о принудительномъ переводѣ евреевъ изъ селеній въ города могъ служить только угрозой, но не реальной мѣрой. Уже одинъ тотъ фактъ, что евреи проживали въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщикъ являлся полноправнымъ господиномъ, ясно указывалъ, что попытка освободить деревни отъ евреевъ встрѣтится съ такими препятствіями, которыя сдѣлаютъ ее безрезультатной, а вмѣстѣ съ тѣмъ создадутъ представленіе, будто бы евреи оказались въ данномъ случаѣ сильнѣе правительства. Дворяне, жертвуя евреемъ, когда нужно было посадить кого-нибудь на скамью подсудимыхъ, переходили на сторону еврея, когда поднимался вопросъ объ удаленіи его изъ деревни. Бороться же съ помѣщиками, матеріально заинтересованными въ проживаніи евреевъ въ деревнѣ, правительству было слишкомъ тяжело.

Считаясь съ требованіями вѣками установившагося экономическаго строя въ бывшемъ польскомъ краѣ, ни мѣстныя власти, ни дворянство не поддержали идеи о поголовномъ удаленіи евреевъ изъ селеній; чтобы численность еврейскаго населенія въ деревняхъ не превышала экономическихъ силъ крестьянъ, какъ производительнаго класса, было предложено лишь р а з р ѣ д и т ь еврейское населеніе въ уѣздныхъ поселеніяхъ, т.-е. излишекъ размѣстить по городамъ, а также по пустопорожнимъ землямъ для земледѣльческаго труда [2]).

---

[1]) Подольскіе маршалы просили, чтобы винокуреніе не было отдаваемо въ аренду не имѣющимъ на то права „не только евреямъ, но и христіанамъ"; подобное же заявленіе сдѣлалъ начальникъ Минской, Волынской и Подольской губерній; винокуреніе, по его словамъ, должно быть запрещено „евреямъ и другимъ состояніямъ, не имѣющимъ на то права".

[2]) Соотвѣтствующіе матеріалы, опубликованные С. Бершадскимъ (Восходъ, 1895 г.), были провѣрены и дополнены мною по дѣлу архива сената 1797 г. № 64. См.

Въ полной невозможности осуществить мѣру выселенія убѣдился вскорѣ и сенатъ. Даже сравнительно немногочисленные христіане-мѣщане, жившіе въ деревняхъ, не подчинились указу о выдвореніи оттуда всѣхъ вообще мѣщанъ и остались на своихъ мѣстахъ. Поэтому въ 1801 г. былъ повсемѣстно вновь разосланъ указъ—удалить непремѣнно мѣщанъ въ города, не допуская ихъ пользоваться по деревнямъ „крестьянскими прибытками съ крайнимъ ихъ утѣсненіемъ". Это распоряженіе должно было, между прочимъ, распространиться также и на Бѣлоруссію. Но повѣренные „бѣлорусскаго еврейскаго общества" выступили съ прошеніемъ, въ которомъ указывали, что подобное общее требованіе о переселеніи мѣщанъ не можетъ имѣть силы для Бѣлоруссіи, гдѣ дѣйствуютъ особыя мѣстныя постановленія, предоставляющія помѣщикамъ по своему усмотрѣнію отдавать винокурни и корчмы на откупъ евреямъ, и сенатъ, сославшись на свой прежній указъ [1]) о томъ, чтобы бѣлорусскихъ евреевъ не принуждали переселяться въ города, удовлетворилъ ходатайство повѣреннаго бѣлорусскаго еврейскаго общества [2]).

Евреи остались на своихъ мѣстахъ. При всемъ томъ, они не долго пользовались покоемъ.

также мою книгу „Евреи въ Россіи", стр. 18 и слѣд., 298 и слѣд. Въ названной моей книгѣ имѣются кое-какія неточности, но онѣ не представляютъ, впрочемъ, чего-либо серьезнаго.

[1]) Указъ 1786 г. См. выше, стр. 168—169.

[2]) Опредѣленіе I отд. 3 деп. сената, 27 января 1802 г. „О нечиненіи евреямъ въ Бѣлоруссіи въ промыслахъ и жительствѣ стѣсненія" (напечатано въ моей книгѣ „Евреи въ Россіи", стр. 455—456). Въ это время новороссійское губернское правленіе по собственной инициативѣ обратилось въ сенатъ съ ходатайствомъ, чтобы евреевъ не выселяли изъ уѣздовъ, такъ какъ „нѣтъ слѣдовъ заключить, чтобы тѣ евреи составляли какое-либо для крестьянъ отягощеніе; напротивъ того, ежели удалить ихъ, евреевъ изъ селеній въ города..., то лишивъ ихъ профикта, должно лишить не только промысловъ, сіе состояніе ихъ заключающихъ, но повремени останутся они въ самомъ бѣдственномъ положеніи, безполезными для общества и не въ состояніи платить казенныя подати". Архивъ сената, I отд. 3 деп., дѣло 1800 г.. № 317 „О переселеніи евреевъ Бѣлорусской губ. изъ уѣздовъ въ города".

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Потребность въ преобразованіи еврейскаго быта. — Проповѣдь Ноты Хаимовича Ноткина о насажденіи производительнаго труда. — Отношеніе Державина къ евреямъ и его проектъ реформы ихъ экономической и духовной жизни. Вліяніе Ноткина на планъ экономической реформы. Взглядъ Державина на нравственное состояніе еврейскаго народа. Кровавый миѳъ. Воздѣйствіе Якова Франка на систему духовнаго преобразованія. — Либеральный проектъ Фризеля. — Учрежденіе комитета для разработки еврейской реформы. — Характеристика членовъ комитета. — Приглашеніе нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ евреевъ и депутатовъ отъ кагаловъ къ участію въ совѣщаніяхъ комитета. — Новое выступленіе Ноткина. — Лейба Неваховичъ и его „Вопль дщери іудейской“.

Когда говорили, что, въ согласіи съ установившимся въ Россіи соціально-хозяйственнымъ порядкомъ и сообразуясь съ интересами крестьянъ, надо перевести многотысячное еврейское населеніе (сплошь состоявшее изъ мѣщанъ и купцовъ) изъ деревень въ города, потому что вообще торгово-промышленное сословіе не должно быть терпимо въ уѣздныхъ селеніяхъ, то совершенно не интересовались вопросомъ, какъ отражается на экономическомъ положеніи самихъ евреевъ то, что они живутъ среди нищаго крестьянства. А между тѣмъ, скопленіе значительнаго числа евреевъ въ бѣдныхъ селеніяхъ, гдѣ однимъ изъ главныхъ занятій евреевъ служили винные промыслы, представляло собою явленіе, вызывавшее тревогу отнюдь не за однихъ только крестьянъ, но также и за еврейское населеніе.

Еврейская масса, сидѣвшая въ деревняхъ и корчмахъ и торговавшая тамъ водкой, вела, какъ мы знаемъ[1]), нищенское существованіе. И самый родъ занятій, и окружающая обстановка деморализующе вліяли на деревенскаго еврея: невѣжественный и грубый, озлобленный нуждою, онъ хватался за всякое дѣло, лишь бы достать кусокъ хлѣба для голодной семьи. Если даже городское еврейское населеніе находилось въ ту пору въ состояніи умственнаго застоя, то сельскій еврей, оторванный отъ культурныхъ центровъ, еще болѣе дичалъ. Просвѣщеніе и производительный трудъ,

---

[1]) См. выше, стр. 272.

вотъ что должно было, какъ говорили болѣе вдумчивые евреи, возродить духовно и физически еврейскій народъ. Но насажденіе производительнаго труда и просвѣщенія, требующее наличности творческихъ силъ и денежныхъ средствъ, представлялось тѣмъ болѣе труднымъ среди народа, духовно и матеріально порабощеннаго господствующимъ классомъ, что по тогдашнимъ понятіямъ усвоеніе свѣтскихъ знаній было равносильно измѣнѣ народу, а тяжелый земледѣльческій трудъ считался неприличествующимъ. Конечно, не одни только предразсудки стояли на пути распространенія знаній и производительнаго труда; серьезнѣйшія, быть можетъ, даже непреодолимыя, препятствія таились также въ многообразныхъ явленіяхъ еврейскаго быта и въ условіяхъ окружающей жизни. Все же сила предразсудковъ не должна быть умалена въ данномъ случаѣ, ибо подъ ихъ вліяніемъ не только разрѣшались отдѣльные вопросы практическаго значенія, связанные съ насажденіемъ образованія и физическаго труда, но и складывался весь внутренній еврейскій бытъ, духовный и матеріальный. Поэтому-то важными, цѣнными въ историко-культурномъ отношеніи являются всѣ этапы борьбы съ указанными предразсудками, независимо отъ ея результатовъ.

Въ своемъ мѣстѣ мы говорили о Яковѣ Гиршѣ, мечтавшемъ создать сѣть общеобразовательныхъ школъ для еврейскаго юношества. Здѣсь же слѣдуетъ вспомнить объ одномъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей среди евреевъ въ Россіи, уже знакомомъ намъ Нотѣ Хаимовичѣ Ноткинѣ[1]), выступившемъ, между прочимъ, съ планомъ привлечь евреевъ къ производительному труду. Это было въ то время, когда правительство занялось вопросомъ о голодѣ среди крестьянъ Минской губерніи, причемъ общее вниманіе остановилось на евреѣ, якобы важнѣйшемъ виновникѣ бѣдствія [2]). Воспользовавшись своимъ знакомствомъ съ генералъ-прокуроромъ Куракинымъ,

---

[1]) См. выше, стр. 175—176; 190. Въ виду смерти Потемкина, Ноткинъ не могъ добиться разсчета по поставкамъ; его дѣла пошатнулись; онъ дважды объявлялъ себя банкротомъ (въ 1799 г. вмѣстѣ съ русскими купцами), но это не лишило его вліянія въ еврейскомъ обществѣ и уваженія въ русскомъ. Ноткинъ находился, между прочимъ, въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ владѣльцемъ Шклова Зоричемъ, и когда Ноткинъ отправился въ 1797 г. въ Петербургъ, чтобы произвести разсчетъ съ казною, Зоричъ снабдилъ его письмомъ на имя генералъ-прокурора кн. А. Б. Куракина, который и выразилъ „готовность быть полезнымъ подателю сего письма“. Архивъ сената, дѣло министерства юстиціи, 1797 г., № 475—103. Переписка Куракина съ Зоричемъ.—См. Ю. Гессенъ, Евреи въ Россіи, стр. 42.

Предпріятія Ноткина были столь сложны, что еще въ 1833 г. въ сенатѣ разбирался вопросъ о взысканіяхъ въ пользу конкурса по дѣламъ Ноткина. Въ соотвѣтствующей печатной запискѣ разбросаны отрывочныя свѣдѣнія о Ноткинѣ.

[2]) См. главу десятую.

Ноткинъ передалъ ему для представленія государю проектъ о привлеченіи евреевъ къ производительному труду. Бѣгло разсказавъ о томъ, какъ помѣщики въ Польшѣ склоняли евреевъ къ винокуренію, и какъ экономическое положеніе евреевъ въ Бѣлоруссіи ухудшилось благодаря тому, что ихъ лишили права заниматься винокуреніемъ, стали выселять изъ деревень и обложили податью въ двойномъ размѣрѣ, Ноткинъ предложилъ водворить—очевидно, на средства казны—часть еврейскаго населенія колоніями на югѣ, у Чернаго моря, гдѣ поселенцы на земляхъ, отведенныхъ казною, могли бы заниматься размноженіемъ овецъ, насажденіемъ виноградныхъ лозъ, разведеніемъ шелковичныхъ червей и проч.; позже, какъ думалъ Ноткинъ, необходимость научитъ евреевъ „земледѣліемъ сыскивать хлѣбъ и пріятность обильной жизни сельскими трудами своими". Для того же, чтобы развить среди евреевъ ремесла, наиболѣе необходимыя государству, Ноткинъ проектировалъ учредить вблизи черноморскихъ портовъ суконную, прядильную, канатную, парусную и др.

Автографъ Ноты Хаимовича Ноткина.

фабрики, на которыхъ евреи обучались бы этимъ производствамъ. Особая комиссія [1]) имѣла бы право опредѣлять евреевъ обоего пола на фабрики, съ тѣмъ, однако, чтобы они не были обращены въ крѣпостную зависимость. Выселеніемъ части еврейскаго населенія изъ Бѣлоруссіи въ колоніи Ноткинъ надѣялся создать болѣе благопріятныя экономическія условія и для тѣхъ, кто останется на старыхъ мѣстахъ. Возвысивъ голосъ въ пользу привлеченія не только мужчинъ, но и женщинъ къ физическому труду, Ноткинъ выступилъ, какъ мы видимъ, противъ предразсудка, господствовавшаго среди народа, будто подобный родъ занятій непристоенъ [2]). Но, помимо этого идейнаго значенія, записка Ноткина не осталась безъ извѣстныхъ практическихъ результатовъ. Мыслью

[1]) Рукописное отдѣленіе Имп. публичной библіотеки, F'' 195. „Проектъ о переселеніи евреевъ колоніями на плодородныя степи, для размноженія тамъ овецъ, земледѣлія и прочаго; тамъ же заведенія, по близости черноморскихъ портовъ, фабрикъ суконной, прядильной, канатной и парусной, на коихъ мастеровые люди были бы обучены изъ сего народа". Въ рукописи утрачены четыре страницы, благодаря чему многое въ проектѣ неясно.—Ю. Гессенъ, Евреи въ Россіи, стр. 443—446.

[2]) По свидѣтельству Державина, бѣлорусскіе кагалы высказались противъ земледѣльческаго труда, заявивъ, что „евреи способности и привычки къ хлѣбопашеству не имѣютъ и въ законѣ своемъ находятъ къ тому препятствіе".

о привлеченіи широкихъ еврейскихъ массъ къ производительному труду, высказанною Ноткинымъ, воспользовался Державинъ въ своемъ проектѣ еврейской реформы, а оттуда она пошла дальше.

Державинъ написалъ проектъ еврейской реформы въ 1800 г. Онъ прибылъ тогда въ Бѣлоруссію по Высочайшему повелѣнію, чтобы оказать помощь голодающимъ крестьянамъ [1]), которымъ помѣщики „изъ безмѣрнаго корыстолюбія“ не хотѣли помочь въ годину недорода. Можно думать, что Державинъ занялся еврейскимъ вопросомъ изъ личныхъ побужденій, надѣясь стать во главѣ проектированнаго имъ самимъ особаго вѣдомства по дѣламъ еврейскаго народа [2])—въ качествѣ такъ назыв. протектора, снабженнаго широкими полномочіями. Однако, было и другое обстоятельство, заставившее его сосредоточить свое вниманіе не на помѣщикѣ и крестьянинѣ, а на евреѣ. Державинъ имѣлъ случай убѣдиться, что даже искренне желая улучшить матеріальное положеніе крестьянъ, правительство ни въ какомъ случаѣ не согласится на умаленіе власти помѣщика надъ крестьянами, а этимъ въ корнѣ подрывалась возможность заставить помѣщика облегчить условія экономической жизни крестьянъ. Когда въ 1799 году государь послалъ Державина въ Бѣлоруссію, чтобы разслѣдовать жалобы на владѣльца Шклова, Зорича [3]), угнетавшаго какъ евреевъ, такъ и крестьянъ, Державину было поручено оказать защиту всѣмъ тѣмъ, „кои притѣсненіе претерпѣли“. Но, Державинъ не отважился выслушать претензіи крестьянъ. И Державину не пришлось раскаяться въ осторожности — ему было сообщено Высочайшее повелѣніе ограничиться изслѣдованіемъ жалобъ, приносимыхъ евреями на Зорича; жалобы же крестьянъ на Зорича, какъ составляющія для Державина обстоятельство побочное, не должны быть принимаемы, тѣмъ болѣе, что подобный примѣръ „можетъ произвести волнованіе“[4]). Державину пришлось вспомнить объ этомъ случаѣ, когда онъ вторично пріѣхалъ въ Бѣлоруссію въ голодный годъ, чтобы оказать крестьянамъ помощь.

---

[1]) См. выше, стр. 253.

[2]) Ю. Гессенъ, Евреи въ Россіи, стр. 32—34. Указанные тамъ документы, напечатанные въ академич. изданіи сочиненій Державина, имѣются также (въ рукописяхъ) въ архивѣ сената: дѣло министерства юстиціи, 1800 г. № 251 (новый № 2379).

[3]) См. о немъ выше, стр. 203-206. Опредѣленіе сената по дѣлу Зорича состоялось въ августѣ 1800 г. по I отдѣленію 3 департамента (книга опредѣленій за № 25).

[4]) Архивъ сената, дѣло министерства юстиціи, 1799 г., № 1326. „По имянному указу данному сенату о командированіи въ Бѣлорусскую губернію сенатора Державина для разбора жалобъ на отставного генер.-лейт. Зорича вступаемыхъ“. См. мою книгу „Евреи въ Россіи“, стр. 34 и слѣд.

Экономическое положеніе Бѣлоруссіи предстало предъ Державинымъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, причемъ въ центрѣ этой картины стояли помѣщики. По его словамъ, благодаря частымъ неурожаямъ, не осталось хлѣбныхъ запасовъ; поляки-поселяне „лѣнивы въ работахъ, чужды отъ всѣхъ промысловъ, нерадѣтельны въ земледѣліи, не заботятся о будущемъ, но ищутъ какъ бы прогулять время и отлынять отъ трудовъ"; помѣщики, за небольшими исключеніями, „не суть домостроительны"; свои доходы помѣщики извлекаютъ преимущественно изъ куренья водки; сдавая имѣнія въ аренду, они не охраняютъ крестьянъ отъ притѣсненій, заставляютъ ихъ продавать продукты своихъ трудовъ арендатору и у него же покупать все необходимое и т. д. Однако подойти къ крестьянину по большой дорогѣ Державинъ не смѣлъ— она была недоступна, такъ какъ тамъ стоялъ помѣщикъ; поэтому приходилось довольствоваться окольными путями; разъ помѣщикъ пользовался полною неприкосновенностью, ничего иного не оставалось, какъ обрушиться на еврея. Державинъ отказался отъ мысли принять дѣйствительныя мѣры къ обузданію помѣщичьяго произвола; напротивъ того, онъ считалъ, что за помѣщикомъ нужно сохранить всю власть надъ крестьяниномъ, такъ какъ, молъ, „поправленіе крестьянскаго характера и состоянія должно отнести къ попеченію владѣльцевъ"; помѣщики-дворяне могутъ въ крестьянахъ злое исправлять, доброе поддерживать благоразумнымъ наставленіемъ и проч.

Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что Державинъ отнюдь не считалъ евреевъ главными виновниками экономическаго упадка бѣлорусскаго крестьянства. Даже въ своей запискѣ о голодѣ въ Бѣлоруссіи Державинъ, остерегаясь рѣзкаго выраженія по адресу дворянскаго сословія, все же намекнулъ на то, что отвѣтственность за печальную участь крестьянъ падаетъ въ извѣстной мѣрѣ на отдѣльныхъ менѣе радивыхъ помѣщиковъ; съ другой стороны, и рисуя нравственный обликъ крестьянъ, онъ не поскупился на темныя краски; однако, все это было сказано въ такихъ выраженіяхъ, чтобы не впасть въ противорѣчіе съ офиціальной версіей объ исключительной вредоносности евреевъ. Но изъ одного письма, въ которомъ Державинъ опрометчиво позволилъ себѣ высказаться съ полной откровенностью о положеніи дѣлъ въ Бѣлоруссіи, мы узнаемъ, что, обрушившись въ офиціальной запискѣ на евреевъ, какъ на главныхъ, будто бы, виновниковъ бѣдствія крестьянъ, Державинъ былъ весьма далекъ отъ искренности. Вотъ что онъ написалъ генералъ-прокурору Обольянинову: „Трудно безъ погрѣшенія и по справедливости коголибо строго обвинять. Крестьяне пропиваютъ хлѣбъ жидамъ и

оттого терпятъ недостатокъ въ ономъ. Владѣльцы не могутъ воспретить пьянства для того, что они отъ продажи вина почти весь свой доходъ имѣютъ. А и жидовъ въ полной мѣрѣ обвинять также не можно, что они для пропитанія своего извлекаютъ послѣдній отъ крестьянъ кормъ. Словомъ, надобно бы всѣмъ сохранить умѣренность и черезъ то воспользоваться общимъ благоденствіемъ. Но гдѣ же, и кто таковъ, кто бы въ полной мѣрѣ соблюлъ оную? Всякъ себѣ желаетъ больше выгодъ“ [1]).

Высказавъ подобный взглядъ, Державинъ все же счелъ себя вынужденнымъ, въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ, направить главный ударъ на евреевъ, представлявшихъ собою среднее звено въ той экономической цѣпи, которая тяжело лежала на всемъ краѣ. И вотъ почему свою записку о голодѣ въ Бѣлоруссіи онъ озаглавилъ „Мнѣніе сенатора Державина объ отвращеніи въ Бѣлоруссіи недостатка хлѣбнаго обузданіемъ корыстныхъ промысловъ евреевъ, о ихъ преобразованіи и о проч.“ [2]).

„Корыстными промыслами“ являлось фактически одно лишь посредничество между помѣщикомъ и крестьяниномъ. А въ этомъ, въ сущности, не было вопроса спеціально о евреяхъ; самъ Державинъ имѣлъ въ виду устранить всякаго посредника, — будь то христіанинъ или еврей — который въ качествѣ шинкаря и арендатора вторгался въ крестьянскую жизнь и нерѣдко пользовался тѣми правами надъ крестьянами, которыя принадлежали одному только помѣщику. Подобно минскимъ и другимъ маршаламъ, Державинъ предлагалъ аренду дворянскихъ имѣній купцамъ и мѣщанамъ, „христіанскаго ли они закона или жиды, вовсе запретить, дабы люди несвойственными своему состоянію упражненіями не занимались“; точно также онъ настаивалъ, чтобы винными промыслами не смѣли заниматься „окольная шляхта, панцырные бояре и жиды“. Несмотря, однако, на это, фигура еврея все же выросла подъ перомъ Державина до такихъ размѣровъ, что заслонила собою и самихъ крестьянъ, и помѣщиковъ, и христіанъ-арендаторовъ. Все зло заключалось, по его словамъ, въ томъ, что евреи, при своей многочисленности, „не напахиваютъ для себя хлѣба, а достаютъ оный отъ крестьянъ“. По существу это замѣчаніе было, въ извѣстной мѣрѣ, правильно; но все же скопленіе евреевъ на помѣщичьихъ земляхъ, являясь однимъ изъ

---

[1]) Письмо отъ 5 іюля 1800 г. Архивъ сената, дѣло министерства юстиціи 1800 г., № 251 (№ 2379).

[2]) „Мнѣніе“, оригиналъ котораго находится въ рукописномъ отдѣленіи Имп. публ. библіотеки (F'' 195), напечатанъ въ академическомъ изданіи сочиненій Державина, т. VII (1878 г.). Въ сокращенномъ видѣ проектъ появился въ Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, Спб. 1862 г., кн. IV, стр. 60—84.

результатовъ общественно-хозяйственныхъ отношенiй въ краѣ, не служило источникомъ всѣхъ бѣдъ.

Но возникалъ вопросъ, что дѣлать съ массою евреевъ, подлежавшихъ удаленiю изъ деревень? На этотъ-то вопросъ и отвѣтилъ Державину Нота Хаимовичъ Ноткинъ, представивъ ему [1]) тотъ проектъ о переселенiи евреевъ колонiями, который онъ въ 1797 г. вручилъ Куракину для передачи государю [2]). Державину стало тогда ясно, что старое распоряженiе о выводѣ евреевъ изъ селенiй въ города не могло быть осуществлено, разъ „средства къ тому подано не было" [3]), разъ евреямъ-шинкарямъ не была облегчена возможность перейти къ другимъ занятiямъ. И онъ воспринялъ мысль Ноткина о привлеченiи евреевъ къ производительному труду. Былъ другой—болѣе близкiй—путь, который могъ бы отвести часть евреевъ отъ шинковъ,—а именно разселенiе евреевъ за предѣлами черты осѣдлости. Но Державину потому, между прочимъ, такъ улыбалась колонизацiя евреями южнаго края, что оттуда было далеко до „внутренности Россiи". Онъ даже особо оговорилъ, что евреевъ-купцовъ не слѣдуетъ пускать за черту осѣдлости.

Такова была экономическая реформа, предложенная Державинымъ. На ряду съ ней онъ выдвинулъ на очередь вопросъ и о такъ называемомъ „нравственномъ" преобразованiи евреевъ.

Въ извѣстной мѣрѣ подъ влiянiемъ польскаго общества, добивавшагося, чтобы и подъ русскимъ господствомъ еврейская жизнь была атрофирована правовыми ограниченiями, русскiе люди стали усваивать общественные взгляды, проникнутые не столько религiозной нетерпимостью къ евреямъ, сколько эгоизмомъ и корыстью: господство христiанскаго населенiя надъ еврейскимъ какъ въ гражданской, такъ и въ экономической жизни должно было покупаться цѣною лишенiя евреевъ естественныхъ правъ; когда же случалось, что матерiальныя вожделѣнiя господствовавшаго населенiя не въ силахъ былъ побудить правительство принять по отношенiю къ евреямъ репрессивныя мѣры, тогда борьба съ евреями переносилась на религiозную почву: провозглашалось, что евреи должны быть стѣснены въ гражданской и экономической жизни, какъ люди,

---

[1]) При письмѣ отъ 30 августа 1800 г. Это письмо, извлеченное мною изъ рукописнаго сборника Имп. публичной библiотеки F'' 195, напечатано въ моей книгѣ „Евреи въ Россiи", стр. 443—444 (см. подстрочное примѣчанiе). Сославшись на записку Ноткина, Державинъ приложилъ ее къ „Мнѣнiю".

[2]) См. выше, стр. 282.

[3]) Письмо Державина къ Обольянинову отъ 26 октября 1800 г. Архивъ сената, дѣло министерства юстицiи, 1800 г. № 251 (2379). Ю. Гессенъ, Евреи въ Россiи, стр. 453—454.

чуждые христіанской морали; ихъ экономической и общественной дѣятельности приписывались дурныя качества, какъ бы вытекавшія изъ религіозныхъ воззрѣній евреевъ, этихъ враговъ христіанъ. А наряду съ этимъ искусственнымъ привнесеніемъ религіознаго мотива въ общественно-экономическія взаимоотношенія между христіанскимъ и еврейскимъ населеніемъ, изъ Польши проложилъ себѣ путь въ Россію и тотъ фанатизмъ, рожденный въ нѣдрахъ стихійныхъ предразсудковъ, который питалъ легенду объ употребленіи евреями крови христіанъ и о совершеніи другихъ религіозныхъ преступленій. Мы уже знаемъ, какъ возникла „кровавая литература" на русскомъ языкѣ [1]). Теперь слѣдуетъ разсказать о наиболѣе раннемъ въ Россіи ритуальномъ процессѣ.

Въ 1799 г. въ Сѣнненскомъ уѣздѣ (въ Бѣлоруссіи), вблизи корчмы, принадлежавшей еврею, былъ найденъ трупъ женщины. Это случилось незадолго до еврейской пасхи, и слѣдственная власть, „имѣя основаніемъ слухъ, что евреямъ нужна христіанская кровь", заподозрила нѣсколькихъ евреевъ въ совершеніи преступленія. Однако, уликъ противъ нихъ не было собрано, и тогда главный бѣлорусскій судъ поручилъ своему секретарю Стукову „секретнымъ образомъ извѣдать и дойтить, нѣтъ ли, по народному слуху, засвидѣтельствованному подъ присягою многими людьми, въ законахъ еврейскихъ положенія, что евреямъ христіанская кровь нужна". Стуковъ сталъ собирать печатный матеріалъ. Русскихъ книжекъ, о которыхъ мы говорили выше, не оказалось въ Бѣлоруссіи. Но Стукову удалось раздобыть „изъ отдаленныхъ отъ Витебска мѣстъ" широко распространенный среди евреевъ религіозный кодексъ „Шулханъ Арухъ", а также одну изъ ходкихъ польскихъ клеветническихъ книжекъ — „Открытіе таинственныхъ дѣлъ еврейскихъ чрезъ рабиновъ, принявшихъ христіанскій законъ", въ которой утверждалось, что евреямъ нужна кровь христіанъ. Крещеный еврей Костинскій предложилъ свои услуги въ качествѣ знатока еврейскаго языка, и измыслилъ цитаты, будто бы извлеченныя изъ Шулханъ Аруха, говорившія, что евреи, молъ, употребляютъ кровь христіанъ.

И вотъ случилось, что, когда Державинъ впервые (1799 г.) прибылъ въ Бѣлоруссію, чтобы разобрать жалобы евреевъ на владѣльца Шклова, Зорича, то Стуковъ, по волѣ ли слѣпой судьбы, или преднамѣренно, съ тайною цѣлью, былъ прикомандированъ къ нему для письменныхъ работъ. Стуковъ ознакомилъ Державина, какъ съ сѣнненскимъ процессомъ, такъ и съ собраннымъ литературнымъ матеріаломъ и вручилъ ему соотвѣтствующую

---

[1]) См. выше, стр. 207—210.

„своеручно писанную записку". Державинъ переслалъ ее самому государю, при чемъ объяснилъ, что записка „обвиняетъ всѣхъ евреевъ въ злобномъ пролитіи, по ихъ Талмудамъ, христіанской крови", разбирать же жалобы евреевъ на Зорича приходится. основываясь на свидѣтельскихъ показаніяхъ; поэтому, „доколь еврейскій народъ не оправдится передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ помянутомъ, ясно доказываемомъ на нихъ общемъ противу христіанъ злодѣйствѣ, не могу я — писалъ Державинъ — противу моей совѣсти, безъ особливаго Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, принимать и уважать ихъ показанія и свидѣтельства противъ христіанъ" [1]. Несмотря, однако, на свой исключительный характеръ, донесеніе Державина не произвело впечатлѣнія въ Петербургѣ. Его предложеніе не принимать свидѣтельскихъ показаній отъ евреевъ было отвергнуто—Державину было приказано выполнить возложенное на него порученіе, оставивъ въ сторонѣ сѣнненское дѣло [2]).

Евреи, привлеченные къ отвѣтственности по сѣнненскому дѣлу, были признаны невиновными въ преступленіи. Все же въ исторіи навѣта въ Россіи сѣнненское дѣло представляется весьма важнымъ. Литературныя произведенія, пущенныя въ оборотъ благодаря сѣнненскому дѣлу, должны были способствовать распространенію вѣры въ легенду [3]). И если напуганное общественное мнѣніе уже было въ нѣкоторой мѣрѣ подготовлено къ тому, чтобы въ любомъ трупѣ увидѣть жертву еврейскаго изувѣрства, то враги евреевъ, пользуясь польскими книжками, подробно разсказывавшими о томъ, какъ происходитъ, будто бы, источеніе крови, легко могли сдѣлать „ритуальнымъ" любой трупъ. Дѣйствительно, въ ближайшее время

---

[1]) Архивъ сената, 1799 г., № 1326. Возможно, что Державинъ дѣйствовалъ и по соображеніямъ, ничего общаго не имѣвшимъ съ евреями: ему казалось, что царскій любимецъ Кутайсовъ добивался того, чтобы жалобы на Зорича были признаны справедливыми, такъ какъ въ этомъ случаѣ имѣнія Зорича были бы взяты въ опеку и проданы, и Кутайсовъ могъ бы ихъ пріобрѣсти; поэтому Державинъ старался обѣлить Зорича; при такихъ условіяхъ записка Стукова была ко двору; она могла дать Державину поводъ устранить нежелательныя свидѣтельскія показанія евреевъ. О свидѣтельскихъ показаніяхъ евреевъ см. выше, стр. 140—141, 171.

[2]) См. предыдущее архивное дѣло. Въ это время врачъ-еврей Авраамъ Бернгардъ представилъ государю записку „Свѣтъ во мракѣ Самогиціи" (Жмудь), заключавшую въ себѣ „при общемъ описаніи гоненій на евреевъ въ среднихъ вѣкахъ, особенно свѣдѣнія о двухъ слѣдственныхъ дѣлахъ по поводу подозрѣнія ихъ въ убійствѣ христіанскихъ дѣтей для полученія ихъ крови, будто бы употребляемой ими въ праздники Пасхи, и разныя доказательства изъ Моисеева закона и Талмуда противъ подобнаго обвиненія". Архивъ канцеляріи министерства финансовъ. Меморія еврейскаго комитета за ноябрь 1826 г. О Бернгардѣ см. Еврейскую Энциклопедію, т. IV, стр. 296—297.

[3]) Въ 1800 г. „Обряды жидовскіе" вышли новымъ изданіемъ въ Смоленскѣ.

въ Бѣлоруссіи неоднократно дѣлались попытки добиться обвиненія евреевъ въ преступленіяхъ ритуальнаго характера. Сѣнненское дѣло оставило по себѣ слѣдъ и въ другомъ направленіи—оно породило толки о „злобѣ“ евреевъ противъ христіанъ, и этимъ внесло новый элементъ въ такъ называемый еврейскій вопросъ. Начало создаваться представленіе, будто евреи, сплоченные своей внутренней организаціей, стремятся въ своей экономической и общественной дѣятельности не столько къ обычнымъ житейскимъ цѣлямъ, сколько къ тому, чтобы восторжествовать надъ христіанами и вредить имъ.

Всему этому—распространенію вѣры въ кровавую легенду и насажденію взгляда на евреевъ, какъ на заклятыхъ враговъ христіанъ—содѣйствовалъ по мѣрѣ силъ Державинъ своимъ „Мнѣніемъ“. Правда, онъ писалъ—„съ моей стороны, о сихъ кровопролитіяхъ думаю, что если они и бывали гдѣ-либо въ древности, то не иначе, какъ токмо по изступленію нѣкоторыхъ ихъ фанатиковъ“, но надо помнить, что Державинъ, хитрый царедворецъ, пожелалъ быть въ данномъ случаѣ осторожнымъ лишь потому, что долженъ былъ считаться съ отрицательнымъ отношеніемъ Павла I къ этому обвиненію. И въ самомъ дѣлѣ, Державинъ тутъ же заявляетъ, что въ кагалахъ — „исполняются или, по крайности, теперь только защищаемы бываютъ тѣ христіанскія кровопролитія, въ коихъ Іудеи по разнымъ временамъ и царствамъ подозрѣвались“, и онъ пріобщаетъ къ своему офиціальному докладу какъ записку Стукова, такъ и другой подобный матеріалъ [1]). Что же касается обвиненія евреевъ во враждѣ къ христіанамъ, то объ этомъ Державинъ говорилъ безъ обиняковъ. Онъ проникся убѣжденіемъ, что, несмотря на внѣшнее униженное состояніе евреевъ, они фактически господствуютъ надъ окру-

---

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе Державина по поводу сѣнненскаго дѣла (архивъ сената, дѣло министерства юстиціи, 1799 г. № 1326) приведено въ моей книгѣ „Евреи въ Россіи“, глава VIII. Записка Стукова напечатана въ академич. изданіи соч. Державина, т. VII (1878), стр. 340—342; здѣсь имѣется также приложенная къ запискѣ Стукова искаженная выписка изъ извѣстной исторической книги „Schelet Jehuda“, повѣствующей о преслѣдованіяхъ, которымъ подвергались евреи въ разныхъ мѣстностяхъ.—Редакторъ академ. изданія сообщаетъ, что къ одному списку „Мнѣнія“ была приложена рукописная копія книжки „Обряды жидовскіе и т. д.“ (т. VII, подстрочное примѣчаніе на стр. 286).—Лживыя цитаты Костинскаго использованы въ напечат. въ 1844 г. „Розысканіи объ убіеніи евреями христіанскихъ младенцевъ и употребленіи крови ихъ“, которое въ 1913 г. вышло подъ заглавіемъ „Записка о ритуальныхъ дѣлахъ“ и приписано лексикографу В. Далю. Въ этой „Запискѣ“ цитаты Костинскаго приведены на стр. 26. См. коллективную брошюру: „Записка о ритуальныхъ убійствахъ (приписываемая Далю) и ея источники“ (Ю. Гессена, М. Вишницера и А. Карлина), Спб. 1914 г., глава III, очеркъ А. Карлина.

жающимъ населеніемъ, и что они — враги христіанъ не только въ вопросахъ религіи, но и въ общежительныхъ отношеніяхъ. Страхъ предъ еврейскимъ населеніемъ, которое словно только и думаетъ о томъ, чтобы причинять вредъ христіанамъ, до того овладѣлъ Державинымъ, что даже въ невинныхъ привычкахъ и обычаяхъ, въ самыхъ простыхъ житейскихъ дѣйствіяхъ евреевъ ему мерещился какой-то злобный умыселъ [1]).

Убѣжденіе, что евреи, будто, въ силу своего религіознаго міровоззрѣнія проникнуты враждою къ христіанамъ, было внушено Державину не только писаніями и разсказами христіанъ. Эту мысль внушилъ ему и одинъ просвѣщенный еврей, который, впрочемъ, тотчасъ же преподалъ Державину совѣтъ, что́ нужно сдѣлать для того, чтобы братски сблизить евреевъ съ христіанами. Это былъ врачъ Илья Франкъ [2]), практиковавшій въ мѣстечкѣ Креславкѣ Бѣлорусской губерніи. Услышавъ изъ устъ Державина многообѣщающія слова „разъ Промыслъ сохранилъ этотъ маленькій разсѣянный народъ, то и мы должны позаботиться объ его сохраненіи“ [3]), Франкъ, въ увѣренности, что видитъ предъ собою просвѣщеннаго сановника, проникнутаго искреннимъ желаніемъ пріобщить евреевъ къ общей культурѣ, повѣдалъ ему то, что не могло быть правильно воспринято Державинымъ, человѣкомъ, не знакомымъ съ евреями, не питавшимъ ни малѣйшаго добраго чувства къ нимъ.

Франкъ составилъ для Державина записку: „Можетъ ли еврей стать хорошимъ и полезнымъ гражданиномъ?“ [4]). Только хорошій человѣкъ, говорилось въ ней, можетъ быть хорошимъ подданнымъ; одни только добрыя нравственныя убѣжденія создаютъ гражданскую добродѣтель; между тѣмъ нравственный характеръ евреевъ въ послѣдніе вѣка измѣнился къ худшему и вслѣдствіе этого они стали вредными подданными; однако, есть возможность ихъ исправить; еврейская религія въ своей первоначальной чистотѣ покоится на требованіяхъ строгой морали; но позднѣйшіе еврейскіе народные учители исказили истинный духъ вѣроученія, путемъ „мистико-талмудическихъ лжетолкованій“ библіи, извратили по-

---

[1]) Говоря, что у евреевъ часто встрѣчаются одни и тѣ же имена и что они носятъ одинаковое платье, Державинъ замѣчаетъ „сіе должно отнести также къ ихъ хитрости“! См. мою книгу „Евреи въ Россіи“, стр. 47 и др.

[2]) Илья Франкъ (также Яковъ Исай) учился въ Берлинѣ; въ 1794 г., послѣ экзамена, получилъ право медицинской практики въ Россіи.

[3]) Эту мысль Державинъ высказалъ и въ „Мнѣніи“.

[4]) Франкъ послалъ Державину записку при письмѣ (см. иллюстрацію на стр. 292) отъ 6 сентября 1800 г. изъ Креславки (Kraslau). Архивъ сената, дѣло министерства юстиціи, № 251 (2379). Оба документа опубликованы мной, въ русскомъ переводѣ, въ книгѣ „Евреи въ Россіи“, приложеніе № 2.

нятіе о правдѣ и неправдѣ и, руководимые личными выгодами, они, „чтобы держать народъ въ сторонѣ отъ просвѣтительныхъ стремленій, ввели строгіе законы, которые обособляли евреевъ отъ остальныхъ народовъ, внушили евреямъ глубокую ненависть ко всякой другой религіи“, и возвели стѣну изъ суевѣрныхъ представленій, отдѣлившую еврея отъ окружающаго населенія; съ другой стороны, христіанское общество позволяло евреямъ добывать средства къ жизни только такими способами, которые лишали ихъ нравственнаго достоинства: торговля и ростовщичество питали мелкія эгоистическія страсти и низменныя побужденія, убивали порывъ къ великимъ дѣяніямъ и къ нравственному усовершенствованію. Такимъ образомъ, чтобы нравственно и политически возродить евреевъ, ихъ нужно вернуть къ первоначальной чистотѣ ихъ религіи. Евреи не уклонились бы отъ истиннаго духа религіи, если бы, зная хорошо еврейскій языкъ, могли читать и понимать библію; какъ только еврей ознакомится съ еврейскимъ языкомъ—„съ его глазъ падаетъ повязка, онъ ясно видитъ тогда глупости Талмуда, спѣшитъ неудержимо къ своему нравственному возрожденію“; такимъ-то путемъ знаменитый Мендельсонъ просвѣтилъ самого себя и своихъ нѣмецкихъ единовѣрцевъ. Поэтому реформа еврейскаго быта должна начаться съ открытія общественныхъ школъ, въ которыхъ молодежь обучалась бы русскому, нѣмецкому и еврейскому языкамъ; правда, при такой системѣ только будущее поколѣніе просвѣтится, и государство увидитъ пользу отъ еврейскихъ подданныхъ спустя лишь долгое время, послѣ значительныхъ затратъ; но никакая другая, быстрая и насильственная, реформа не сможетъ внести прочное улучшеніе.

Державинъ съумѣлъ искусно воспользоваться этой запиской Франка, какъ богатой палитрой—онъ нашелъ на ней краски, пригодныя и для того, чтобы нарисовать мрачную картину современной еврейской жизни, нравственнаго вырожденія еврейскаго народа, и для того, чтобы бросить лучъ просвѣта въ отдаленное будущее народа, который, впрочемъ, самимъ Державинымъ былъ обреченъ на новыя испытанія. Многія слова Франка разсыпаны въ „Мнѣніи“ — тамъ, гдѣ говорится о низкомъ уровнѣ нравственнаго состоянія евреевъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мысль Франка о пріобщеніи евреевъ къ просвѣщенію [1]) легла въ основу культурной реформы, предложенной Державинымъ—еврейскія дѣти обязывались посѣ-

[1]) Въ письмѣ къ Обольянинову отъ 26 октября 1800 г. Державинъ указываетъ, что мысль о нравственномъ возрожденіи еврейскаго народа заимствована имъ „изъ разсужденій нѣкоего просвѣщеннѣйшаго нѣмецкаго еврея“ и онъ приложилъ записку Франка. Архивъ сената, дѣло министерства юстиціи, 1800 г. № 251 (2379). См. „Евреи въ Россіи“, приложеніе № 5.

щать школы съ общеобразовательной программой. Духовно возродить евреевъ, давъ имъ образованіе,—эта задача показалась заманчивой Державину. Однако, его озабочивала мысль не столько о благѣ самихъ евреевъ, сколько о томъ, чтобы сдѣлать ихъ без-

Hochwohlgebohrner
Hochzuehrender Herr Senateur

„Da die Vorsehung dieses kleine zerstreute"
„volk bisher erhalten hat, so müssen auch wir"
„für seine erhaltung sorgen."

Könnte ich auch meine gefühle, die diese menschenfreundliche worte in mir erregten, wörtlich ausdrücken, so würde ich es doch hier nicht thun, um Ihrer Excellence bescheidenheit nicht zu beleidigen. Genug sie ermunterten mich zu beifolgenden aufsaz, und geben mir die hoffnung dass Sie mir gnädigst verzeihen werden, dass ich Ihnen einige Ihrer theuren augenblicke raube, und dass Sie mir erlauben werden, dass ich mich mit innigster Hochachtung nenne

Ihrer Excellence
unterthänigster diener
J. Frank

Письмо Франка къ Державину.

вредными для христіанъ; только тогда, когда распространеніе просвѣщенія среди евреевъ „дастъ плоды, пріятные христіанству", тогда только „развращенные евреи, если перемѣнять свои суевѣрные обычаи, будутъ россійскаго престола прямыми подданными"; до наступленія же этого далекаго счастливаго будущаго надо парализовать не только господство евреевъ надъ окружающимъ на-

селеніемъ, но даже обычное житейское сближеніе съ нимъ. И вотъ, ставя себѣ теоретически задачей просвѣтить евреевъ и, „истребивъ въ нихъ ненависть къ иновѣрнымъ, сблизить ихъ съ ними", Державинъ при практическомъ осуществленіи этой задачи кладетъ преграды для общенія между евреями и христіанами, запрещая, напр., евреямъ пользоваться услугами христіанъ, требуя, чтобы евреи жили во владѣльческихъ мѣстечкахъ обособленно отъ христіанъ, на особыхъ улицахъ, и предлагая—въ угоду бѣлорусскому христіанскому населенію — совершенно устранить евреевъ отъ участія въ общественномъ самоуправленіи [1]).

Противорѣчія, обнаруживаемыя Державинымъ въ проектѣ какъ экономической, такъ и культурной реформы, объясняются въ извѣстной мѣрѣ тѣмъ, что „Мнѣніе" было создано [2]) мыслью и волей не одного только его автора; перомъ Державина водили порою соображенія, которыхъ онъ искренне не раздѣлялъ, но которыя, какъ господствующія, были для него обязательны; съ другой стороны, многое изъ того, что было высказано Державинымъ по доброй волѣ, не являлось однимъ лишь его личнымъ взглядомъ, а, навѣянное извнѣ, носило до нѣкоторой степени характеръ какъ бы общественнаго мнѣнія.

Отдалить евреевъ отъ крестьянской массы и пріобщить ихъ къ культурной жизни окружающаго населенія—таковъ былъ лозунгъ, продиктованный на порогѣ 19-го вѣка запутанными общественно - экономическими отношеніями въ бывшемъ польскомъ краѣ. Тѣ явленія, которыя побудили Державина выдвинуть въ первую линію вопросъ объ измѣненіи экономическаго быта евреевъ и о пріобщеніи подрастающаго поколѣнія къ общему просвѣщенію, были присущи не одной лишь Бѣлоруссіи, но всему польскому краю. Вотъ почему и могло случиться, что главныя начала, на которыхъ выросло „Мнѣніе", послужили основаніемъ и для другихъ проектовъ еврейской реформы, выработанныхъ въ ту пору. Конечно, придерживаясь одной и той же схемы, можно было рисовать различными узорами реформу еврейскаго быта; идя въ одномъ и томъ же направленіи, можно было намѣтить различныя цѣли. Но все же общее было то, что всѣ считали нужнымъ преобразовать экономическій бытъ евреевъ и поднять уровень ихъ культурнаго состоянія. Таковымъ былъ и проектъ еврейской ре-

---

[1]) О противодѣйствіи христіанъ избранію евреевъ на общественныя должности см. главы пятую и шестую.

[2]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о „Мнѣніи" имѣются въ моей книгѣ „Евреи въ Россіи", въ главахъ, посвященныхъ „Исторіи Положенія о евреяхъ 1804 г.".— Державинъ заимствовалъ многое изъ прусскаго регламента 1797 г., каковой онъ приложилъ къ своему проекту.

формы, составленный литовскимъ губернаторомъ Фриземъ (1800), хотя и цѣль, которую преслѣдовалъ Фризель [1]), и средства, помощью которыхъ онъ хотѣлъ ее осуществить, въ корнѣ отличаютъ его проектъ отъ „Мнѣнія“ Державина. Все зависѣло отъ того, разсматривалась ли еврейская жизнь съ точки зрѣнія общегосударственныхъ интересовъ или однихъ лишь интересовъ опредѣленныхъ группъ христіанскаго населенія.

Преграда, помѣшавшая Державину подойти вплотную къ корню зла, заставила и Фризеля частично разрѣшить экономическую проблему по трафаретной схемѣ. Онъ смѣлѣе, чѣмъ Державинъ, указывалъ на своеволіе помѣщиковъ и на необходимость оберегать крестьянина отъ ихъ безграничной власти. Все же сколько-нибудь серьезно измѣнить положеніе крестьянъ нельзя „такъ какъ — указывалъ Фризель — приведеніе въ дѣйствіе сего намѣренія можетъ иногда сей непросвѣщенной части народа внушить болѣе покушеній искать себѣ свободы, нежели дозволить ему можно пользоваться оною“. Поэтому и въ проектѣ Фризеля, какъ это мы видѣли у Державина, ближайшей осуществимой мѣрой къ поднятію благосостоянія крестьянъ являлось устраненіе евреевъ отъ питейнаго промысла и привлеченіе ихъ къ производительному труду. Однако, на ряду съ этимъ, Фризель выдвинулъ и такія мѣры, которыя были подсказаны непосредственной заботой объ экономическихъ нуждахъ самихъ евреевъ. Матеріальное благополучіе отдѣльныхъ общественныхъ группъ находится въ извѣстной зависимости отъ ихъ правового положенія, и Фризель, предложивъ уравнять евреевъ въ правовомъ отношеніи съ прочимъ населеніемъ, тѣмъ самымъ открылъ предъ ними путь къ развитію экономической дѣятельности.

Конечно, предоставленіе евреямъ гражданскихъ правъ имѣло цѣлью не только создать болѣе благопріятныя матеріальныя условія; оно должно было повести народъ и по пути духовнаго развитія. Въ ту пору на Литвѣ религіозный расколъ достигъ, какъ мы знаемъ [2]), крайняго напряженія; хасиды и ихъ противники прибѣгали къ самымъ предосудительнымъ средствамъ борьбы; кагалы угнетали народъ, растрачивали общественныя деньги. Все это повліяло крайне деморализующе на народныя массы, привело ихъ къ тяжелому матеріальному положенію. Фри-

---

[1]) Проектъ И. Фризеля (архивъ сената, I отдѣл. 3 департ., дѣло 1797 г. № 64; опубликованъ Б е р ш а д с к и м ъ — Восходъ, 1895 г. кн. III) поступилъ въ сенатъ въ апрѣлѣ 1800 г., т.-е. за два мѣсяца до того, что Державинъ задумалъ заняться еврейскимъ вопросомъ; однако, не видно, чтобы Державинъ заимствовалъ что-либо у Фризеля.

[2]) См. выше, главу девятую.

зель былъ свидѣтелемъ этого междуусобія. Ему казалось, что правительство должно вмѣшаться въ религіозный споръ и искоренить среди евреевъ секты и вообще суевѣрія. Однако, не въ этомъ заключалось, по мысли Фризеля, главное средство для нравственнаго перевоспитанія народа. Просвѣщеніе и гражданское равенство—вотъ что должно было разрушить религіозные предразсудки [1]). „Невѣжество евреевъ и безпорядочную ихъ жизнь не другому чему приписать можно, указывалъ онъ, какъ токмо, что не даютъ они дѣтямъ надлежащаго воспитанія. Правительство, приступая къ образованію народа сего, долженствуетъ, во-первыхъ, обратить вниманіе свое на его воспитаніе. Предоставивъ имъ самимъ изученіе токмо вѣры, нужно непремѣнно учредить, чтобы обучались они и прочимъ наукамъ въ публичныхъ школахъ. Когда получатъ они нѣкоторое просвѣщеніе и нравственность ихъ образуется, тогда, они, безъ сомнѣнія, станутъ гнушаться тѣми пороками, которые имъ вообще приписываются". Однако, сколь ни было печально нравственное состояніе литовскихъ евреевъ, оно—по убѣжденію Фризеля—не таило въ себѣ особой опасности для окружающаго населенія; то было внутреннее зло, которое нужно было искоренить для блага самихъ евреевъ. И вотъ почему Фризель не остановился предъ тѣмъ, чтобы уравнять евреевъ въ правахъ съ христіанскимъ населеніемъ, хотя на Литвѣ, какъ извѣстно, христіанское общество добилось устраненія евреевъ отъ участія въ сословно-городскомъ самоуправленіи [2]). А разъ евреи, въ качествѣ купцовъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ, были бы уравнены въ правахъ и обязанностяхъ съ соотвѣтствующими христіанскими классами, прекратилось бы собираніе казенной подати чрезъ посредство кагаловъ; кагалъ утратилъ бы также значеніе судебнаго учрежденія, такъ какъ „всякій классъ имѣлъ бы свое судилище", и въ результатѣ „уничтожились бы кагалы, а съ ними и тысячи несправедливостей", т.-е. случилось бы то, чего желали [3]) и многіе евреи (остался бы одинъ лишь духовный судъ).

Державинъ и Фризель—это были два голоса [4]), звавшіе пра-

---

[1]) Мысль о необходимости просвѣщенія была внушена Фризелю (подобно Державину), повидимому, болѣе образованными виленскими евреями.

[2]) См. выше, стр. 197—199.

[3]) Державинъ, предлагая упразднить кагалъ, имѣлъ въ виду не избавить еврейское населеніе отъ гнета кагальныхъ старшинъ, а охранить христіанъ отъ опасности, которою, будто бы, кагалы имъ угрожали.

[4]) Въ то время съ проектами еврейской реформы выступили лица, принадлежащія къ разнообразнымъ общественнымъ классамъ. Нѣкоторые изъ такихъ проектовъ (изъ рукописнаго сборника Имп. публичной библіотеки), представляющіе собою своего рода обывательскую литературу, разобраны въ моей книгѣ „Евреи въ Россіи", стр. 98—108.

вительство, какъ мы видимъ, въ противоположныя стороны: Державинъ — въ частныхъ интересахъ отдѣльныхъ группъ христіанскаго населенія хотѣлъ увлечь за собою правительство на путь общественнаго униженія евреевъ, ограниченія ихъ въ правахъ; Физель же, вѣря въ живую силу гражданской свободы, предлагалъ, во имя общаго блага, сбросить съ евреевъ тѣ путы—наслѣдіе отошедшихъ вѣковъ,—которыя не соотвѣтствовали новымъ условіямъ государственнаго быта.

Благодаря отчасти связямъ Державина — ставшаго вскорѣ министромъ юстиціи – его запискѣ было отведено первенствующее мѣсто среди прочихъ разнообразныхъ документовъ, собранныхъ по вопросу о евреяхъ [1]). Въ концѣ 1802 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ объ учрежденіи особаго комитета, который долженъ былъ войти въ ближайшее разсмотрѣніе проекта Державина, касавшагося, какъ мы знаемъ, однихъ лишь бѣлорусскихъ евреевъ, и „распространить благоустройство евреевъ и въ прочихъ пріобрѣтенныхъ отъ Польши, а равно и въ полуденныхъ губерніяхъ“ [2]).

Личный составъ этого комитета, членомъ котораго былъ назначенъ и самъ Державинъ, заслуживаетъ особаго вниманія.

Какъ извѣстно, молодой императоръ Александръ I не сразу отрекся отъ либеральныхъ идей, которыми онъ увлекался въ тѣ дни, когда былъ наслѣдникомъ престола. Воцарившись, Александръ I предоставилъ бюрократическому механизму дѣйствовать въ прежнемъ направленіи; но, тѣмъ не менѣе, государь не переставалъ размышлять о коренномъ преобразованіи государственнаго устройства Россіи. Онъ не повѣрялъ своихъ мечтаній открыто правительству; онъ дѣлился ими въ интимномъ кружкѣ своихъ личныхъ друзей, воодушевленныхъ либеральными идеями. Нѣкоторые члены этого какъ бы „тайнаго совѣта“ постепенно заняли видныя государственныя должности. И вотъ, двое изъ нихъ—министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Викторъ Кочубей и товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ князь Адамъ Чарторыжскій—вошли въ составъ комитета объ устройствѣ евреевъ. Членомъ комитета былъ назначенъ также графъ Северинъ Потоцкій, не принимавшій участія въ „тайномъ совѣтѣ“, но все же близкій государю и его кружку друзей. Управленіе дѣлами комитета было поручено знаменитому впослѣдствіи государственному дѣятелю Сперанскому, уже въ то

---

[1]) Обольяниновъ испросилъ у государя (10 декабря 1800 г.) разрѣшенія внести „Мнѣніе“ въ сенатъ, гдѣ уже были собраны матеріалы по еврейскому вопросу; опредѣленіемъ 23 іюня 1802 г. сенатъ постановилъ пріобщить всѣ эти матеріалы къ „Мнѣнію“, придавъ, такимъ образомъ, ему первенствующее значеніе.

[2]) Указъ 9 ноября 1802 г.; архивъ сената, именные указы, т. 253, л. 206 (напечатанъ у Бершадскаго, кн, Голицына, въ моей книгѣ „Евреи въ Россіи“, стр. 74).

время быстро выдвигавшемуся и являвшемуся правой рукой Кочубея [1]).

Эти лица, при всемъ своемъ пылкомъ либерализмѣ, не были смѣлыми реформаторами, и, вообще, врядъ ли они пошли бы нога въ ногу при практическомъ осуществленіи своихъ мечтаній. Но ихъ объединяли лозунги, проникнутые принципами свободолюбія и гуманности, не мирившіеся съ рутинными взглядами въ государственныхъ вопросахъ; эти-то прогрессивныя стремленія и служили гранью между молодыми государственными дѣятелями и старыми бюрократами. Послѣдніе не утратили былой власти. Выдвигая своихъ друзей, государь не отказывалъ въ покровительствѣ представителямъ стараго режима. Назначивъ Кочубея министромъ внутреннихъ дѣлъ, государь, по личному выбору, не посовѣтовавшись даже съ членами „тайнаго совѣта“, поручилъ портфель министра юстиціи Державину.

Понятіе о правахъ гражданъ, которое проповѣдывали молодые государственные дѣятели, въ корнѣ противорѣчило взглядамъ Державина на правительство, какъ на всевластнаго опекуна народа. Державинъ съ возмущеніемъ говорилъ, что лица, окружавшія Александра I,—среди нихъ Чарторыжскій и Кочубей—„набиты конституціоннымъ французскимъ и польскимъ духомъ“, а Северинъ Потоцкій вызвалъ гнѣвъ Державина своимъ проектомъ о военной службѣ дворянъ, которымъ государь, „какъ бы въ какомъ народномъ правленіи сравненъ со всѣми гражданами“ [2]). При такихъ обстоятельствахъ было неизбѣжно разногласіе и въ еврейскомъ вопросѣ. Однако, Державинъ, упрямый, но вмѣстѣ съ тѣмъ готовый приноравливаться къ окружающимъ условіямъ, надменно-вспыльчивый, но на ряду съ этимъ умѣвшій быть льстивымъ, не сталъ, какъ видно, въ открытую оппозицію къ своимъ товарищамъ по еврейскому комитету, пока рѣчь шла о теоретической разработкѣ еврейскаго вопроса. Когда же было приступлено къ практическимъ мѣрамъ, то, хотя къ тому времени Державинъ уже вышелъ изъ комитета, его „Мнѣніе“, какъ продуктъ— въ извѣстной мѣрѣ — коллективной мысли, наложило печать на работу комитета.

Еще прежде, чѣмъ заняться дѣлами, комитетъ принялъ такую [illegible]ную мѣру, какъ приглашеніе евреевъ къ участію въ его совѣщаніяхъ. Было постановлено вызвать въ Петербургъ де-

---

[1]) Членомъ комитета состоялъ также Валеріанъ Зубовъ, но онъ, повидимому, вообще, малоактивный, не дожилъ до завершенія комитетомъ своей работы.

[2]) См. „Записки“ Державина въ академическомъ изданіи его сочиненій.

путатовъ отъ губернскихъ кагаловъ. Кромѣ того, каждому члену комитета было Высочайше разрѣшено привлечь, по личному выбору, къ участію въ совѣщаніяхъ по одному „изъ просвѣщеннѣйшихъ и извѣстныхъ въ честности евреевъ“.

Учрежденіе комитета вызвало переполохъ въ кагалахъ, а оттуда тревога разлилась по чертѣ осѣдлости. Кагаламъ не трудно было придти къ заключенію, что правительство готовится поставить на очередь вопросъ о проживаніи евреевъ въ селахъ и деревняхъ. Но возможно, что кагаламъ стало извѣстно и о томъ, что проекты еврейской реформы, представленные правительству, имѣютъ въ виду пріобщить подрастающее еврейское поколѣніе къ общему просвѣщенію. Одного или другого было вполнѣ достаточно, чтобы встрепенуться. Въ Минскѣ состоялось чрезвычайное собраніе кагала въ присутствіи многихъ виднѣйшихъ обывателей, на которомъ было принято слѣдующее постановленіе: „Вслѣдствіе распространившихся неблагопріятныхъ слуховъ изъ столицы Петербурга о томъ, что дѣла, касающіяся всѣхъ евреевъ вообще, переданы нынѣ въ руки пяти сановниковъ съ тѣмъ, чтобы они распоряжались ими по своему усмотрѣнію, необходимо поѣхать въ столицу С.-Петербургъ и просить Государя нашего, да возвысится слава Его, чтобы они (сановники) не дѣлали у насъ никакихъ нововведеній. Такъ какъ это сопряжено съ большими расходами, то съ общаго согласія всего собранія, рѣшено установить процентный сборъ“ съ жителей всей губерніи [30]). Минскій кагалъ чрезвычайно торопился сборомъ денегъ, чтобы отправить въ Петербургъ ходатаевъ, угрожая неисправнымъ плательщикамъ суровой карой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, минскій кагалъ объявилъ трехдневный постъ (понедѣльникъ, четвергъ и слѣдующій понедѣльникъ), каковой долженъ былъ быть соблюденъ мужчинами и женщинами наравнѣ съ постомъ Эсѳири. „Въ эти три дня—гласило постановленіе—во всемъ городѣ не должна быть открываема ни одна частная молельня и каждый обязанъ непремѣнно являться въ большую синагогу для общаго соединенія и усиленія молитвъ къ Богу“.

Тревога охватила не одну только Минскую губернію. Кочубей разослалъ (21 января 1803 г.) циркуляръ о Высочайшемъ повелѣніи, чтобы губернаторы обратили вниманіе на толки, волнующіе еврейское населеніе, „кагаламъ и прочимъ еврейскимъ обществамъ объявили бы и истолковали, что при учрежденіи комитета о разсмотрѣніи ихъ (евреевъ) дѣлъ, никакъ не было въ намѣреніи стѣснить ихъ состояніе или умалить существенныя ихъ выгоды;

---

[30]) Брафманъ, Книга кагала, ч. II (изд. III, Спб., 1888 г.), №№ 335, 339 и др.

но, напротивъ, предполагается доставить имъ лучшее устройство и спокойствіе, а потому, чтобы не развлекались ложными слухами, къ нимъ доходящими... въ твердой увѣренности къ правительству, пользу ихъ назидающему“ [1]).

Поѣздка депутатовъ въ столицу требовала значительныхъ суммъ — помимо ихъ личныхъ расходовъ (минскому депутату было выдано двадцать червонцевъ на шитье новаго платья), предстояли еще расходы въ столичныхъ канцеляріяхъ. Уѣзднымъ кагаламъ Минской губерніи было предписано доставить въ Минскъ по одному рублю съ каждой души уѣзднаго еврейскаго населенія, а минчане были обложены $^{1}/_{2}$% съ капитала и другими сборами [2]). Возможно, что изъ-за финансовыхъ затрудненій не всѣ губерніи прислали депутатовъ: въ Петербургъ прибыли представители — большею частью купцы первой гильдіи — только отъ Минской, Подольской, Могилевской и Кіевской губерній [3]). „Продолжался ихъ съѣздъ, явки и представленія во всю почти зиму“ — сообщаетъ о нихъ Державинъ. „Сегодня во вторникъ 15 тамуза 563 (1803) — записано въ книгѣ братства петербургской еврейской общины — заношу на память, что въ семъ году были здѣсь уполномоченные отъ евреевъ всѣхъ губерній (называемые по-русски депутатами) для содѣйствія комитету, учрежденному по Высочайшему повелѣнію Государя нашего Александра I для устройства быта евреевъ“ [4]).

---

[1]) О безпокойствѣ еврейскаго населенія Кочубею сообщилъ, какъ видно, Нота Ноткинъ; за день до разсылки циркуляра (20 января 1803 г.) Ноткинъ писалъ Кочубею: „Пріемлю смѣлость, повергнувшись къ стопамъ Вашего Сіятельства, всеусерднѣйше благодарить за попеченіе, которое Вы, сіятельнѣйшій графъ, прилагаете о подкрѣпленіи духа еврейской націи, находящейся нынѣ въ такомъ уныніи, каковому обыкновенно подвержены человѣческія сердца при предпріемлемыхъ перемѣнахъ въ ихъ состояніи“. — Циркуляръ Кочубея и письмо Ноткина находятся въ рукописномъ сборникѣ Имп. публичной библіотеки, F'' 195. (Ю. Гессенъ, Евреи въ Россіи, приложеніе № 4).

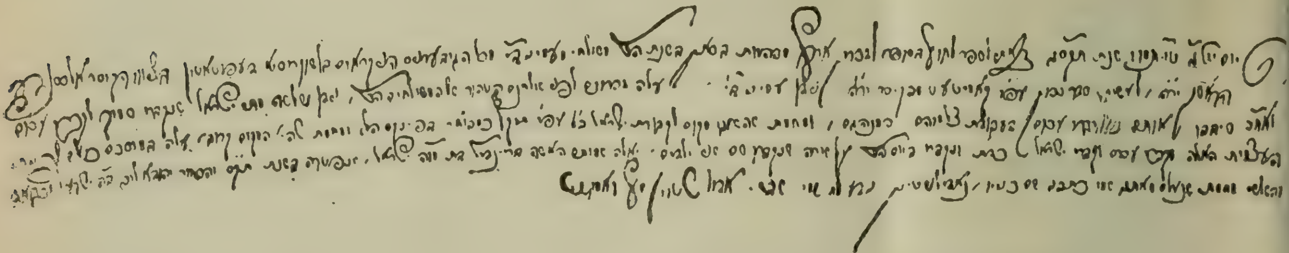
[2]) Дабы участіе въ расходахъ приняли всѣ еврейскія общества губерніи, было постановлено, что если два уѣзда или Минскъ не внесутъ причитающихся съ нихъ суммъ, то собранныя деньги будутъ возвращены и поѣздка не состоится.

[3]) Академич. изданіе сочиненій Державина, т. VI (1876 г.), стр. 761, подстрочное примѣчаніе.

[4]) См. иллюстрацію на стр, 300. Въ началѣ 19-го вѣка община состояла изъ нѣсколькихъ десятковъ душъ; не имѣя права на проживаніе, поселенцы, однако, кое-какъ устроились здѣсь: они имѣли своихъ рѣзниковъ, mohel'а; только кладбища у нихъ не было, и первые три покойника были поэтому преданы землѣ на иновѣрческомъ кладбищѣ. Тогда община вошла въ сдѣлку съ совѣтомъ евангелическо-лютеранской церкви и пріобрѣла площадь земли въ раіонѣ нынѣшняго Волкова кладбища (записи въ пинкосѣ общины и факсимиле договора помѣщены мной въ Еврейской Энциклопедіи, т. XIII, статья „Санктъ-Петербургъ“).

Минскій депутатъ [1]), какъ это видно изъ пинкоса минскаго кагала, обязывался слѣдовать инструкціи, которая будетъ дана ему кагаломъ [2]). Дѣйствовать по указкѣ кагала были, конечно, вынуждены и прочіе депутаты, прибывшіе изъ провинціи.

Въ иномъ положеніи оказались евреи, приглашенные членами комитета—они могли свободно выражать свои мысли. Извѣстно, что Державинъ предложилъ участвовать въ комитетѣ Нотѣ Хаимовичу Ноткину [3]). Что касается остальныхъ пригла-



Изъ пинкоса еврейской общины въ Петроградѣ.

шенныхъ евреевъ, то имѣя въ виду, что это были люди просвѣщенные, мы должны искать ихъ среди немногочисленныхъ образованныхъ членовъ еврейской общины въ Петербургѣ.

Наиболѣе виднымъ въ ряду петербургскихъ евреевъ являлся извѣстный откупщикъ, подрядчикъ по кораблестроенію и финан-

---

[1]) Избраніе одного изъ трехъ депутатовъ отъ Минской губерніи было предоставлено минскому кагалу, причемъ, однако, кандидатъ долженъ былъ быть утвержденъ съѣздомъ уполномоченныхъ отъ губерніи; каждый уѣздъ могъ послать на этотъ съѣздъ опредѣленное число уполномоченныхъ, подлежавшихъ утвержденію со стороны магистратовъ.

[2]) Брафманъ, Книга кагала, № 353.

[3]) См. иллюстрацію (на стр. 301), изображающую первую страницу письма; на второй слѣдуетъ продолженіе: „Высочайшаго вниманія и препровождены на разсмотрѣніе сего комитета, желалъ бы, чтобы вы были между прочихъ вашихъ депутатовъ отъ меня представлены комитету, ежели кто изъ господъ сочленовъ не избралъ васъ къ тому. Но если уже вы кѣмъ другимъ предназначены, то прошу меня увѣдомить,—на кого бы я могъ обратить мой выборъ, ибо мнѣ надобенъ такой человѣкъ, который бы имѣлъ подобныя вашимъ качества и не былъ ослѣпленъ предразсудками и закоренѣлымъ обычаемъ, столь ревностно желалъ, какъ вы, всякаго добра своей націи и, видя отъ устройства оной истинныя пользы, старался бы о введеніи и распространеніи его пожертвованіемъ иногда частною выгодою общему благу".—Архивъ сената, дѣло министерства юстиціи, 1802 г. № 170.

Впослѣдствіи Державинъ пытался запятнать память Ноткина, говоря, что Ноткинъ хотѣлъ его подкупить (Академическое изданіе сочиненій Державина, т. VI, стр. 763 и слѣд.). Въ 1801 г. Ноткинъ представилъ Державину проектъ „о пріумноженіи купеческаго капитала съ купцовъ евреевъ и о заведеніи торговой купеческой компаніи на Черномъ морѣ", каковой проектъ былъ переданъ на разсмотрѣніе коммерцъ-коллегіи (архивъ сената, дѣло министерства юстиціи, 1801 г. № 41). Письмо Державина къ Обольянинову по этому поводу напечатано въ моей книгѣ „Евреи въ Россіи", стр. 454.

систъ Абрамъ Перетцъ, удостоенный при Павлѣ I званія коммерціи совѣтника. Ведя въ столицѣ открытый домъ, принимая у себя „весь городъ“, Перетцъ былъ близокъ со многими высшими санов-

~~№~~ 945.

Государь мой Нота Хаимовичь!

По случаю поднесеннаго мною въ прошломъ 1800 году мнѣнія, о живущихъ въ бѣлорускои губерніи — Евреяхъ, Государь Императоръ высочайше учредить изволилъ комитетъ, относительно устрой ства ихъ на общую государственную, и частную самыхъ ~~ихъ~~ пользу. — члены комитета, каковымъ и я — высочайше удостоенъ, испросили всеподданнѣйшимъ докладомъ у Его Императорскаго величества позволеніе избрать себѣ сверхъ предположенныхъ изъ губерній депутатовъ, по одному такому же изъ про свѣщеннѣйшихъ и извѣстныхъ въ честности Евреевъ. Я будучи нѣсколько уже лѣтъ извѣстенъ обь усердіи ~~расположе~~ ~~ніи~~ вашемъ къ общему благу и полезныхъ ~~располож~~ ~~ніяхъ~~ для Еврейскаго ~~вашего~~ народа, (которые предпринимаемые удостоены —

Черновикъ письма Державина къ Нотѣ Хаимовичу Ноткину отъ 9 декабря 1802 г.

никами. Особенно же тѣсныя узы дружбы связывали Перетца со Сперанскимъ [1]), что такъ не нравилось Державину.

Вмѣстѣ съ Перетцемъ въ Петербургъ пріѣхалъ его другъ и бывшій его учитель Лейба Неваховичъ. Исполняя дѣловыя порученія Перетца, Неваховичъ, имѣя влеченіе къ самообразованію и литературной дѣятельности, отдавалъ свои досуги любимымъ занятіямъ [2]). Быть можетъ, Неваховичъ занималъ въ столицѣ офиціальную должность переводчика [3]).

Въ домѣ Перетца проживалъ и извѣстный еврейскій писатель Мендель Левинъ (Сатановеръ), одинъ изъ раннихъ ратоборцевъ за просвѣщеніе между евреями въ Россіи, состоявшій воспитателемъ сына Перетца, Гирши. Живя въ мѣстечкѣ, принадлежавшемъ Адаму Чарторыжскому, Мендель Левинъ сблизился съ княземъ, которому преподавалъ математику и другія науки [4]).

---

[1]) Родомъ изъ Галиціи, Перетцъ былъ женатъ на дочери шкловскаго богача и ученаго Іошуи Цейтлина, управлявшаго дѣлами Потемкина. По совѣту Потемкина Перетцъ переселился въ Петербургъ. Здѣсь Перетцъ позже женился на христіанкѣ. Сынъ Перетца отъ перваго брака, Григорій, былъ замѣшанъ въ дѣлѣ декабристовъ; внукъ Перетца былъ государственнымъ секретаремъ. О Перетцѣ см.: Л. Гордонъ, Къ исторіи поселенія евреевъ въ Петербургѣ, Восходъ, 1881 г., кн. II; Ю. Гессенъ, Евреи въ Россіи, стр. 78—81, 85—87, 91, 138—139, 162—163; Н. Голицынъ, Исторія русскаго законодательства о евреяхъ, стр. 929—31, 987—988; баронъ Корфъ, Жизнь и дѣятельность Сперанскаго; П. Берлинъ, Банкиръ Перетцъ, Новый Восходъ, 1913 г., № 1.

Перетцъ велъ нѣкоторыя дѣла въ компаніи съ херсонскимъ купцомъ Николаемъ Штиглицемъ, который, еще будучи евреемъ, былъ произведенъ въ чинъ коллежскаго ассесора (1801 г.), а позже, крестившись, занялъ видный постъ въ министерствѣ финансовъ; состояніе Николая Штиглица перешло къ его брату, Людвигу, возведенному въ 1826 г. въ баронское достоинство. О Штиглицѣ см. замѣтку въ Еврейской Энциклопедіи, т. XVI, стр. 116—117. Когда Николай Штиглицъ пріобрѣлъ въ 1802 г. большое имѣніе съ крѣпостными душами, Державинъ опротестовалъ эту сдѣлку, указывая, между прочимъ, что Штиглицъ, какъ еврей, не можетъ владѣть крестьянами (изъ разрозненныхъ бумагъ, присланныхъ изъ архива сената въ Имп. публичную библіотеку; предложеніе Державина отъ 5 февраля 1803 г.). Въ „Гамелицѣ“ за 1881 г. № 6, въ статьѣ Фриденштейна, сообщается объ эпизодѣ, какъ одинъ изъ братьевъ Штиглицъ узналъ, что другой крестился.

[2]) Неваховичъ род. 1776 г. въ Летичевѣ. Въ архивѣ государственнаго совѣта (Комитетъ 1807 г. охраненія общей безопасности, 1809 г. № 4) имѣется слѣдующее дѣло: «О доносѣ евреина Осипа Лазарева Пинуса на комиссіонера евреина Абрама Израилевича Перетца, евреина Лейбу Наваховича Кона, въ закупкѣ ими запрещенныхъ къ вывозу товаровъ и отправкѣ ихъ заграницу чрезъ посредство двухъ своихъ товарищей англичанъ Ив. Ив. Крамера и Ив. Ив. Фроста». Сохранившіяся бумаги не проливаютъ достаточнаго свѣта на это дѣло. Самъ Пинусъ сидѣлъ въ тюрьмѣ и оттуда послалъ доносъ.

[3]) См. выше, стр. 254, 3-ье подстрочн. примѣчаніе. Въ 1809 г. Неваховичъ указанъ среди подписчиковъ журнала „Меасефъ“ въ званіи „секретаря сената“ (?).

[4]) См. Еврейская Энциклопедія, XIV т., стр. 29—31 (Сатановеръ, Мендель).

Среди образованныхъ евреевъ, жившихъ въ то время въ Петербургѣ, долженъ быть отмѣченъ также Леонъ Элканъ (род. въ 1759 г.). Ученикъ Мендельсона, онъ состоялъ членомъ научнаго общества „Меасефъ". По завершеніи образованія въ Кенигсбергскомъ университетѣ, Элканъ, въ качествѣ преподавателя, жилъ нѣкоторое время въ Ригѣ, а потомъ въ Петербургѣ, гдѣ состоялъ наставникомъ въ русскомъ домѣ. Въ 1798 г. онъ былъ назначенъ въ Ригѣ цензоромъ для просмотра еврейскихъ книгъ, а по закрытіи въ 1802 г. цензурнаго комитета, Элканъ былъ назначенъ на службу въ сенатъ, по департаменту герольдіи, и въ это время, судя по его дальнѣйшей карьерѣ, онъ сблизился съ графомъ Севеpинымъ Потоцкимъ, членомъ еврейскаго комитета [1]).

Образованныхъ петербургскихъ евреевъ связывало съ членами комитета личное знакомство, и можно думать, что если не всѣ они принимали офиціальное участіе въ совѣщаніяхъ комитета, то частнымъ образомъ они вліяли на своихъ сановныхъ знакомыхъ. Нѣкоторыя черты законодательнаго акта, выработаннаго комитетомъ, свидѣтельствуютъ, что члены комитета усвоили взглядъ на еврейскую реформу, который раздѣлялся образованными евреями. Возможно, что сами просвѣщенные евреи указали правительству на необходимость пригласить ихъ на засѣданія комитета, дабы создать оппозицію провинціальнымъ депутатамъ, ставленникамъ кагала и раввината.

Кипучую дѣятельность проявилъ въ это время Нота Хаимовичъ Ноткинъ: „Пламенѣя ревностнымъ желаніемъ видѣть при старости лѣтъ единоплеменниковъ моихъ на томъ (й) степени благополучія, на которую Всемилостивѣйшій государь нашъ соизволяетъ ихъ возвести,—пишетъ онъ министру внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубею,—я употребляю нынѣ неусыпные труды къ поспѣшествованію сей священнѣйшей воли Августѣйшаго Монарха. Нѣкій патріотическій духъ побуждаетъ и ободряетъ меня принять на себя ходатайство за пользу общую" [2]). Какъ только комитетъ возникъ, на его разсмотрѣніе были внесены предположенія [3]) Нот-

---

[1]) Объ Элканѣ, ставшемъ позже директоромъ гимназіи, и о его сынѣ, см.: С. Штрайхъ, Еврей Элканъ, директоръ одесской гимназіи, Новый Восходъ. 1913, № 31; Ю. Гессенъ, Евреи въ Россіи, стр. 413—415, 421, 423, 427; его-же, замѣтка въ Еврейской Энциклопедіи, т. XVI, стр. 232—233; Ленцъ, Учебно-воспитат. заведенія, изъ которыхъ образовался Ришельевскій Лицей, стр. 108—9, 279—82, 285, 349, 384—5; Н. Л., Прототипъ Загорѣцкаго, Русск. Старина, 1908, XII.

[2]) Цитированное выше письмо отъ 20 января 1803 г.

[3]) Въ описи дѣлъ комитета значатся: „Проэктъ польскаго надв сов. Ноты Хаимовича о евреяхъ", „По запискѣ польскаго надв. сов. Ноты Хаимовича объ отправленіи къ евреямъ, въ волынской губерніи обитающимъ, съ препорученіемъ еврея же Давида Абрамовича". Архивъ сената, дѣло мин. юстиціи, 1804 г., № 89.

кина, каковыя предварительно были доведены до свѣдѣнія государя. Вообще, Ноткинъ обращался къ правительству съ ходатайствами по разнымъ еврейскимъ дѣламъ. Но главная его работа—это составленный имъ для комитета (май 1803 г.) новый проектъ преобразованія быта евреевъ. Подвергнувъ въ этой запискѣ [1]) болѣе широкой разработкѣ тѣ вопросы, которые были затронуты въ первоначальномъ проектѣ, Ноткинъ касается, вмѣстѣ съ тѣмъ, и другихъ сторонъ еврейской жизни, обращаетъ особое вниманіе на поднятіе умственнаго развитія еврейскаго населенія [2]).

Наряду съ Ноткинымъ въ исторіи русскихъ евреевъ вписано и имя Неваховича. Чтобы воздѣйствовать на русское общественное мнѣніе, Неваховичъ выпустилъ въ 1803 г., въ разгаръ дѣятельности еврейскаго комитета, „Вопль дщери іудейской", первое по времени русско-еврейское произведеніе.

„По что сѣтуешь нынѣ, дщерь Іаковля? — такъ начинается книжка Неваховича – Чего тебѣ недостаетъ?—возвѣсти! Не созерцаешь ли ты того же солнца, какъ и иноплеменные? Стопы твои не попираютъ ли ту же злачную землю, какъ другіе? Не пользуешься ли ты тѣмъ же воздухомъ, той же жизнью, тѣмъ же общежитіемъ, какъ и иные обитатели полушара земного? — Возвѣсти!—Ахъ, нѣтъ, не сіе смущаетъ меня,—вопіетъ дщерь Іаковля,— увы! Я упадаю духомъ, я уничижена предъ лицомъ земли, я исключена изъ той связи, каковою пользуются другіе подсолнечные обитатели: я теперь себя не узнаю!".—Книга Неваховича направлена къ тому, чтобы вызвать въ русскомъ обществѣ гуманныя чувства къ евреямъ, напомнить о томъ, что евреи лишены общественнаго уваженія, внушить русскимъ людямъ, что евреи ихъ „соотчичи", — послѣднее является основной темой сочиненія. Неваховичъ словно вовсе не замѣчаетъ нищеты и безправія евреевъ, его душа лишь „уничижается прискорбіемъ единоплеменниковъ, отвергаемыхъ отъ сердецъ соотчичей", и именно въ этомъ отношеніи онъ пытается вызвать сочувствіе въ читателѣ, привлечь его вниманіе къ нравственно-страдающему еврею: „Быть презрѣннымъ — сего не довольно! О, мученіе, превосходящее всякую горесть на свѣтѣ! О, мученіе, мѣры котораго ни одинъ смертный изъяснить не можетъ! Если бы громы, вѣтры, бури и шумное треволненіе океана, смѣшиваясь съ воплемъ человѣка презрѣннаго, составили единый гласъ, то развѣ бы

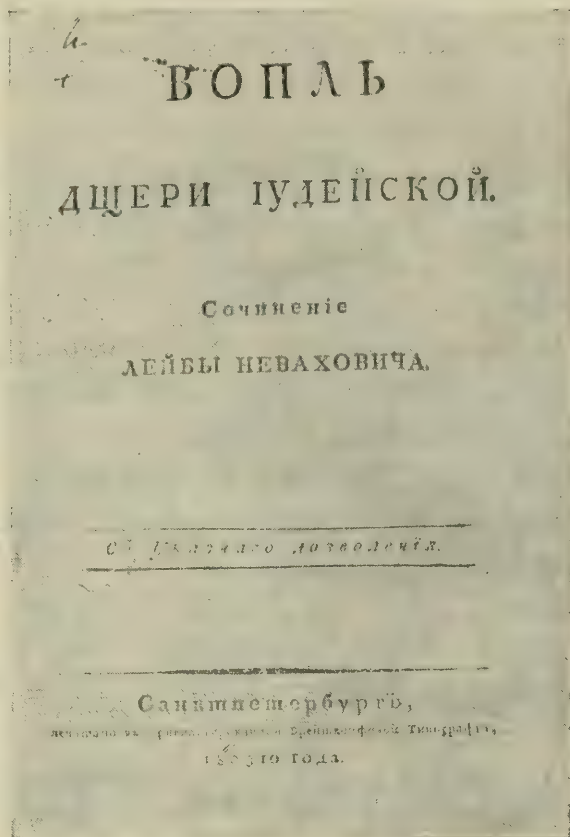
---

[1]) Въ академич. изданіи сочиненій Державина (т. VI, стр. 353–355) напечатанъ „экстрактъ" этого новаго проекта. См. мою книгу „Евреи въ Россіи", подстрочное примѣчаніе на стр. 43—44.

[2]) Ю. Гессенъ, Евреи въ Россіи, стр. 69—73. О проектѣ будетъ сказано нѣсколько словъ въ слѣдующей главѣ.

тогда уже такой ужасный вопль могъ выразить великость страданія онаго!“.

Такъ какъ Нота Ноткинъ и другіе дѣятели ознакомили правительство съ тяжелымъ матеріальнымъ положеніемъ евреевъ, то Невáховичъ, быть-можетъ, именно потому обошелъ молчаніемъ эту сторону еврейской жизни. Но Невахович, какъ кажется, испытывалъ все же преимущественно только тѣ страданія, которыя ему причинялъ общественный остракизмъ: „Я чувствую всю тяжесть этого мученія,—говоритъ онъ,—и прошу облегченія“. Поставивъ рѣшеніе еврейскаго вопроса главнымъ образомъ въ зависимость отъ побѣды гуманныхъ чувствъ надъ нетерпимостью, разсудка надъ предубѣжденіями, Невáховичъ не требуетъ въ категорической формѣ гражданскаго равноправія для евреевъ, а лишь апеллируетъ къ сердцу христіанскаго населенія: „О, христіане, славящіеся кротостью и милосердіемъ, имѣйте къ намъ жалость, обратите къ намъ нѣжныя сердца ваши“. Предразсудки и нетерпимость, внушаемые людямъ путемъ воспитанія въ раннемъ возрастѣ, съ трудомъ искореняются—вотъ что глубоко огорчаетъ Невáховича, и, реабилитируя еврейскій народъ въ глазахъ христіанъ, стараясь разбить ложныя сужденія о немъ, Невáховичъ загорается искреннимъ паѳосомъ: „Вѣки—народы обвиняютъ Іудеевъ... Вѣки еще не успѣли открыть тщеты умысловъ противъ нихъ, какъ уже наступали новыя. Подобно звеніямъ неразрывной цѣпи, соединены оные къ утѣсненію только сего народа, подобнаго жребіемъ своимъ несчастному сыну, страждующему среди семейства, ненавидящаго его“.



Восхваливъ еврейскій народъ, высказавъ надежду на полученіе гражданскаго равенства, Невáховичъ посвящаетъ остальныя строки выраженію такихъ чувствъ, которыя въ ту пору могли раздѣлить лишь немногіе евреи; любя Россію съ какой-то страстной гордостью, Невáховичъ жаждалъ, чтобы русское общество—

ужъ если еврейскому народу суждено влачить жалкое существованіе—признало хотя бы за отдѣльными представителями еврейства, наиболѣе образованными, право считать себя р у с с к и м и; „имѣя сердце сокрушенное и находясь въ крайнемъ отчаяніи, я взываю ко всѣмъ чувствительнымъ и сострадательнымъ: что бы такое ни было, за что осуждается цѣлый мой народъ на презрѣніе, но буде находится хотя одинъ неповинный, то участь его не столь же достойна пощады человѣколюбивыхъ, какъ и цѣлаго народа. Такъ я вѣщаю въ пламенномъ изступленіи своемъ, но знаю, что многія тысячи находятся такихъ неповинныхъ“ [1]).

Невaховичъ и Ноткинъ не выступали самостоятельно и разрозненно: ихъ дѣятельность была объединена, какъ нужно полагать, въ лицѣ Перетца. То обстоятельство, что „Вопль дщери Іудейской“ посвященъ гр. Кочубею, а еврейскій переводъ книжки, принадлежащій перу того же Невaховича, „коммерціи совѣтнику“ Перетцу и „защитнику своего народа“ Ноткину, бросаетъ свѣтъ на роль Перетца. Вспомнивъ, что гр. Кочубей чрезвычайно благоволилъ Сперанскому, можно уловить связь между дѣятельностью комитета и книгой Невaховича,: Перетцъ—другъ Сперанскаго и Невaховича—явился, быть можетъ, связующимъ звеномъ въ этой цѣпи взаимныхъ отношеній, хотя, какъ видно, наиболѣе энергичную дѣятельность проявилъ въ это время Ноткинъ, который, можетъ быть, и побудилъ Перетца и Невaховича взяться за народное дѣло.

Всеподданнѣйшій
Абрамъ Перетцъ
Коммерціи Совѣтникъ.

Автографъ Перетца.

---

[1]) „Вопль дщери Іудейской“ и посвященіе гр. Кочубею перепечатаны въ сборникѣ журнала „Будущность“ за 1902 г. Болѣе подробно содержаніе „Вопля“ изложено въ моей книгѣ „Евреи въ Россіи“, стр. 91 и слѣд.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Настроеніе членовъ комитета. — Графъ Потоцкій, какъ выразитель ихъ взглядовъ на существо еврейской реформы. — Что думали и какъ дѣйствовали члены комитета. — Всеподданнѣйшій докладъ и новый законъ: „Положеніе о евреяхъ 1804 года". — Роль еврейскихъ депутатовъ и ихъ взаимоотношенія. — Новый законъ приноситъ насущные интересы евреевъ въ жертву домогательствамъ другихъ общественныхъ группъ. — Принудительное удаленіе евреевъ изъ деревень. — Преобразованіе внутренняго быта и просвѣтительная реформа. — Кагалъ сохраняетъ за собою господство надъ народомъ и этимъ парализуется стремленіе правительства поднять культурный уровень евреевъ. — Взглядъ русскихъ людей на новый законъ какъ на актъ, знаменующій торжество гуманности и прогресса.

Въ атмосферѣ, проникнутой чувствомъ справедливости и доброжелательства, началась работа комитета объ устройствѣ евреевъ. Собесѣдованія съ еврейскими депутатами и собраніе разнообразныхъ документовъ обнаружили предъ глазами членовъ комитета искалѣченную еврейскую жизнь. Много противорѣчиваго было какъ въ томъ, что говорили депутаты—представители кагаловъ и просвѣщенные столичные дѣятели, такъ и въ томъ, что сообщалось въ письменныхъ матеріалахъ, принадлежавшихъ перу офиціальныхъ и частныхъ лицъ, христіанъ и евреевъ. Но искреннее желаніе смягчить страданія еврейскаго народа — духовныя и физическія — должно было помочь членамъ комитета найти выходъ изъ лабиринта противоположныхъ мнѣній и пожеланій. Сохранился документъ, дающій представленіе о томъ, съ какими помыслами подошли члены комитета къ народу, ближайшее будущее котораго было отдано въ ихъ руки, — это составленный однимъ изъ нихъ докладъ на французскомъ языкѣ, представляющій собою сводку того, что было высказано въ засѣданіяхъ комитета [1]).

Намъ предстоитъ заняться судьбой семи-восьми сотъ тысячъ людей,—такъ начинаетъ авторъ записки. Каковы бы они ни были, отвѣт-

---

[1]) Рукописный сборникъ Императорской публичной библіотеки F. II, № 195, „Vues préliminaires sur les juifs". Авторъ заявляетъ, подходя къ концу записки: „Я кончаю на этомъ свой предварительный очеркъ..., не сдѣлавъ, въ сущности, почти ничего иного, какъ проредактировавъ результаты нашихъ бесѣдъ".—Содержаніе записки я излагаю въ сжатомъ видѣ.

ственность передъ Богомъ, обществомъ и нами самими слишкомъ велика, чтобы не вооружиться полнымъ безпристрастіемъ и сдѣлать шагъ безъ самаго зрѣлаго обсужденія. Преслѣдуемые въ теченіе болѣе восемнадцати вѣковъ, устраненные почти отъ всѣхъ честныхъ промысловъ, обремененные налогами, обреченные на ненависть народовъ, евреи не могли не заразиться пороками, которые признавались, быть-можетъ, прирожденными. Эти пороки должны были усилить всеобщее презрѣніе, а оно, въ свою очередь, способствовало развитію пороковъ. Нельзя отъ себя скрывать, что прежде, чѣмъ будетъ достигнуто замѣтное улучшеніе, надо будетъ преодолѣть тысячи препятствій, сломить тысячи предразсудковъ, побѣдить тысячи трудностей, согласовать, наконецъ, тысячи мнѣній, потому что кто же не считаетъ себя вправѣ высказываться о евреяхъ? Имъ приписываютъ всяческіе пороки и недостатки. Эти различныя обвиненія—говоритъ авторъ—въ большей своей части, къ сожалѣнію, справедливы, но, разсматривая пороки, слѣдуетъ отличить присущіе собственно евреямъ и вызванные положеніемъ, въ которомъ находится еврейскій народъ, отъ тѣхъ, которые свойственны евреямъ наряду съ прочими людьми.

Евреи—лживы, плутоваты, хитры. Да, они, можетъ быть, таковы по характеру, и это слѣдуетъ осудить. Но когда хитрость служитъ единственнымъ и послѣднимъ оружіемъ противъ притѣснителя, можно ли признавать ее за несомнѣнное преступленіе?

Евреи занимаются ростовщичествомъ. Это такъ, и если и не безъ исключенія, они превосходятъ остальныхъ своей алчностью. Впрочемъ, они дѣлаются ростовщиками главнымъ образомъ въ Германіи и, быть можетъ, въ Англіи — тамъ, гдѣ цехи выталкиваютъ ихъ изъ мастерства, гдѣ обработка земли имъ воспрещена и гдѣ даже торговая дѣятельность стѣснена. Всякій знаетъ, что въ Польшѣ дворянство и монастыри давали евреямъ деньги въ ростъ и оттого такъ велика задолженность кагаловъ [1]), не говоря уже о задолженности отдѣльныхъ лицъ.

Евреи обманываютъ въ торговлѣ. Кому же обманывать, какъ не мелкому торговцу, почти всюду, всегда стѣсненному? А еврейскій мелкій торговецъ платитъ тройную подать [2]), подверженъ многимъ незаконнымъ поборамъ; занимающіеся же оптовой торговлей,

---

[1]) Русскіе суды неоднократно разсматривали дѣла по искамъ католическихъ духовныхъ организацій къ кагаламъ, которымъ монастыри давали деньги въ ростъ. Напр., опредѣленіе I отд. 3 деп. сената 1801 г. (январь, № 91) по дѣлу браиловскаго кагала съ монахами.

[2]) То-есть, двойную государственную подать, и подать, взимавшуюся помѣщикомъ.

т.-е. болѣе состоятельные евреи, лучше выполняютъ свои обязательства, чѣмъ другіе.

Евреи склонны къ вреднымъ занятіямъ. Это частое явленіе, и надо наблюдать за евреями въ большей степени, чѣмъ за прочими, въ виду умѣнья евреевъ обходить законъ. Нужно воспретить имъ питейную продажу подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, иначе они никогда не перестанутъ вовлекать мужика въ пьянство и распутство. Въ этомъ отношеніи недопустимы никакія послабленія, кромѣ двухгодичнаго срока для полнаго прекращенія этого промысла.

Евреевъ обвиняютъ въ томъ, что они предпочитаютъ легкія занятія, что они лѣнивы. Это невѣрно. Подобно другимъ, они стремятся нажить побольше, работая возможно меньше; но вѣдь у еврея ничего нѣтъ, ему никто ничего не даетъ; всѣ, отъ высшей власти до послѣднихъ чиновниковъ, самыхъ маленькихъ помѣщиковъ и магистратовъ, считаютъ себя въ правѣ требовать отъ евреевъ всего, что заблагоразсудится. Если евреи и не бываютъ кузнецами, каменьщиками, то среди нихъ много пекарей, портныхъ, сапожниковъ и другихъ, столь необходимыхъ въ большихъ городахъ. Пріучить евреевъ къ земледѣлію будетъ очень трудно. Но если это и возможно, то развѣ это единственный способъ сдѣлать ихъ полезными для государства? Слѣдуетъ ли игнорировать фабриканта и ярмарочнаго торговца, который собираетъ зерно, воскъ, коноплю и др. продукты, чтобы отправить ихъ за границу, оживляя такимъ путемъ обращеніе товаровъ? Этимъ человѣкомъ въ нашихъ польскихъ губерніяхъ является еврей, и онъ тѣмъ болѣе пригоденъ къ такому занятію, что, живя крайне скромно, онъ продаетъ дешевле товаръ, покупаетъ его по болѣе дорогой цѣнѣ, доставляя большую пользу сельскохозяйственной промышленности.

Вражда къ христіанамъ. Въ этомъ — говоритъ авторъ доклада—я убѣжденъ. Но кто же отдаетъ себя въ рабство, тиранію, доходящую до безчеловѣчія? Какое существо настолько обездолено, чтобы терпѣливо выносить подобное презрѣніе?

Евреи тѣсно связаны между собою—это единственный противовѣсъ суровому закону болѣе сильнаго [1]). Евреи склонны къ коснымъ предразсудкамъ,—но именно тамъ, гдѣ ихъ болѣе притѣсняютъ, они наиболѣе косны.

Евреи безмѣрно множатся. Этотъ упрекъ лучше всего свидѣтельствуетъ о чистотѣ ихъ нравовъ, ихъ экономіи. Но вмѣстѣ

---

[1]) Здѣсь авторъ съ чувствомъ удовлетворенія говоритъ о благотворительныхъ учрежденіяхъ, устроенныхъ еврейскою общиной въ Берлинѣ.

съ тѣмъ естественно, если подобныя опасенія возникаютъ въ странахъ, гдѣ мало свободныхъ земель, гдѣ города заселены; но въ Россіи съ ея обширными степями, при почти полномъ отсутствіи средняго сословія въ южныхъ провинціяхъ, со столь многочисленными пограничными городами, съ быстро растущимъ населеніемъ, слѣдуетъ ли больше бояться одного или двухъ милліоновъ евреевъ, чѣмъ соотвѣтственнаго числа калмыковъ или армянъ?

Таковъ былъ, въ главныхъ чертахъ, отвѣтъ докладчика на вопросъ, что представляетъ собою еврейскій народъ. Найдя въ себѣ мужество сказать слово въ защиту евреевъ, авторъ записки не могъ, однако, избавиться отъ тревожнаго чувства, что его сочтутъ слишкомъ дружественно настроеннымъ по отношенію къ евреямъ; „надѣюсь, — замѣчаетъ онъ — что меня не обвинятъ въ пристрастіи въ пользу евреевъ; мое рѣзко высказанное мнѣніе объ ихъ вредоносныхъ занятіяхъ достаточно, чтобы меня оправдать. Я указалъ на ихъ дурныя качества, но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что евреи никогда не станутъ иными, что напрасно стараться сдѣлать ихъ лучшими?“.

Перейдя далѣе къ существу необходимой реформы, авторъ указывалъ, что евреи имѣютъ нѣсколько вредныхъ промысловъ и много полезныхъ, а потому надо въ корнѣ вырвать первые, чтобы развились вторые. Если евреи слишкомъ многочисленны въ мѣстахъ ихъ нынѣшней осѣдлости, имъ слѣдуетъ дать возможность оживить южный край, но переселеніе должно произойти спокойно, чтобы они отъ нищеты не погибли тамъ, куда безсознательный росчеркъ пера загналъ бы ихъ. Разъ евреи отчуждены отъ окружающаго общества, нужно открыть имъ, хотя бы въ отдаленной перспективѣ, возможность приблизиться къ обществу, которое ихъ отталкиваетъ отъ себя, и надо избѣгать всего того, что отдѣляетъ ихъ отъ прочаго населенія [1]). Если евреи одержимы пороками, вызываемыми униженіемъ и невѣжествомъ, необходимо стараться возвысить ихъ душу, принуждая къ лучшему воспитанію. Надо пріобщить еврейское населеніе къ общей культурѣ—посылать еврейскихъ дѣтей въ правительственныя школы или въ особыя еврейскія, гдѣ бы преподавались и общіе предметы; нужно заставить взрослое еврейское населеніе усвоить русскую грамоту (запретить торговые документы на еврейскомъ языкѣ и пр.); евреевъ слѣдуетъ „пріучить къ замѣнѣ традиціонной одежды такъ называемымъ нѣмецкимъ платьемъ; привычка къ одеждѣ, обреченной на презрѣніе, усугубляетъ привычку къ самому презрѣнію, а пока оно существуетъ—нѣтъ надежды на

[1]) Авторъ высказывается, между прочимъ, противъ „протектора“ надъ евреями, который былъ предложенъ Державинымъ.

возрожденіе“. Евреямъ нужно облегчить возможность развить свою торгово-промышленную дѣятельность, слѣдуетъ смягчить ограниченія ихъ въ жительствѣ, — „внутренняя Россія является для евреевъ чѣмъ-то въ родѣ обѣтованной земли, въ которую они жаждутъ проникнуть въ надеждѣ на крупные заработки въ столицахъ. Я далекъ отъ желанія предоставить имъ доступъ въ нее всѣмъ безъ различія, но полагаю, что при нѣкоторыхъ ограниченіяхъ и извѣстныхъ условіяхъ—и первое изъ нихъ: отмѣна традиціонной одежды — можно было бы разрѣшить хотя бы временное пребываніе нѣсколькимъ купцамъ первой гильдіи и ремесленникамъ съ правомъ занятія своей профессіей“.

Членъ комитета 1802 г. графъ В. П. Кочубей.

Однако, за подобной общей схемой, представленной докладчикомъ, оставалось еще многое, что нужно было обсудить. Матеріалъ, собранный въ комитетѣ, всесторонне охватывалъ еврейскую жизнь. Если одни вопросы могли быть разрѣшены въ соотвѣтствіи съ условіями общегосударственной жизни, то при разрѣшеніи другихъ считалось необходимымъ сообразоваться съ интересами отдѣльныхъ группъ христіанскаго населенія. Все это представлялось докладчику нелегкимъ дѣломъ: надо подчинить еврейское населеніе общимъ судебнымъ установленіямъ, съ тѣмъ, однако, чтобы не потерпѣлъ ущерба его религіозный кодексъ; парализовать чрезмѣрное вліяніе кагала, не подрывая, впрочемъ, его авторитета, который могъ быть использованъ при преобразованіи еврейской жизни; избавить евреевъ отъ власти помѣщика, порою тиранической, не отдавая ихъ во власть, часто еще болѣе тяжелую, капитанъ-исправника; подчинить ихъ извѣстнымъ правиламъ, но съ тѣмъ, чтобы законодательныя постановленія не давали повода для притѣсненій; устранить нелѣпости Талмуда, не ожесточая фанатизма; поощрять еврейскихъ ремесленника и землѣдельца, не обходя торговца; открыть просторъ предъ еврейской промышленностью, не покушаясь на привилегіи нѣкоторыхъ губерній и городовъ, которые не пожелали бы принять евреевъ. Чтобы

согласовать столь различные интересы, говорилъ авторъ, необходимо ознакомиться со многими произведеніями и заграничными законодательствами по еврейскому вопросу; нужна большая работа, чтобы изготовить законодательный проектъ, который не причинилъ бы зла и обѣщалъ бы успѣхъ, если не скорый, то вѣрный и длительный. Первоначальный набросокъ будущаго законопроекта и былъ составленъ авторомъ записки [1]).

Авторомъ интересующей насъ записки и законопроекта, составленныхъ человѣкомъ, цѣнившимъ просвѣщеніе и чуждымъ религіозныхъ предразсудковъ, слѣдуетъ, вѣроятнѣе всего, считать гр. Северина Потоцкаго, ярко проявившаго соотвѣтствующія качества [2]). Хотя записка и представляетъ собою резюме того, что было высказано членами комитета, на ней все же лежитъ индивидуальная печать автора. Повидимому, Потоцкій прислушался и къ тому, что говорили ему просвѣщенные евреи, Элканъ или другіе члены петербургской и,—что весьма возможно—берлинской еврейскихъ общинъ [3]). Кто бы это ни былъ, тотъ, кто познакомилъ Потоцкаго съ состояніемъ западно-европейскаго и русскаго еврейства, былъ приверженцемъ прогрессивнаго, „мендельсоновскаго“ движенія; Потоцкій такъ и указываетъ, что „Мендельсоны, Блохи, Герцы и Фридлендеры“, т.-е. виднѣйшіе дѣятели прогрессивнаго нѣмецкаго еврейства, должны служить примѣромъ для евреевъ въ Россіи.

Вліяніе на Потоцкаго оказалъ также другъ Мендельсона, Домъ своей извѣстной книгой „Ueber die bürgerliche Verbesserung der Juden“. Въ основныхъ положеніяхъ записка Потоцкаго совпадаетъ съ книгой Дома.

---

1) Esquisse d'un projet du reglement pour la Nation juive. Между прочимъ, въ этомъ проектѣ, именемъ государя, возвѣщалось, что всякій за усердіе и познанія будетъ удостаиваться наградъ и что религія, единственнымъ Судіею которой является Богъ, не будетъ въ данномъ случаѣ служить помѣхой.

2) Авторъ ссылается на свой двадцатилѣтній опытъ, что могъ сдѣлать только Потоцкій, старшій среди членовъ комитета; Чарторыжскій и Кочубей были для этого слишкомъ молоды, а замѣститель Державина, кн. Лопухинъ, поздно вошелъ въ составъ комитета и къ тому же не принадлежалъ къ лагерю прогрессистовъ Будучи попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа, Потоцкій покровительствовалъ Элкану (см. о немъ выше, стр. 302—303), какъ педагогу и назначилъ его преподавателемъ одесской коммерческой гимназіи; въ 1808 г. Потоцкій, испрашивая для него чинъ, говорилъ: „кажется, что вѣра его нисколько не можетъ препятствовать въ такомъ его производствѣ, особливо если взять въ разсужденіе, что и самое правительство печется нынѣ о благосостояніи его соотечественниковъ“.

3) Судя по тому, что Потоцкій подробно описываетъ благотворительныя учрежденія берлинской еврейской общины, надо заключить, что онъ близко ознакомился съ ней.

Гуманные взгляды Потоцкаго, преклоненіе предъ свободной человѣческой личностью раздѣлялись его товарищами по комитету, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующая выдержка изъ журнала комитета [1]).

„...Преобразованія, производимыя властью правительства, вообще не прочны, и особенно въ тѣхъ случаяхъ малонадежны, когда власть сія должна бороться съ столѣтними навыками, съ закоренѣлыми заблужденіями, съ суевѣріемъ неумолимымъ... Лучше и надежнѣе вести евреевъ къ совершенству, отворяя только путь къ собственной ихъ пользѣ, надзирая издалека за движеніемъ ихъ и удаляя все, что съ дороги сей совратить ихъ можетъ, не употребляя, впрочемъ, никакой власти... Сколь можно менѣе запрещенія, сколь можно болѣе свободы. Вотъ простыя стихіи всякаго устройства въ обществѣ!.. Въ исчисленіи вѣроятностей, опредѣляющихъ дѣйствіе человѣка, первымъ основаніемъ должно всегда полагать частный прибытокъ, сіе внутреннее начало, нигдѣ и никогда не престающее, и отъ всѣхъ законовъ ускользающее, когда сіи законы для него стѣснительны. Правительства, кои въ учрежденіяхъ политическихъ забывали или пренебрегали сію истину, не рѣдко принуждены бывали, послѣ великихъ издержекъ, оставлять свои предпріятія. Можно бы было представить множество примѣровъ безплодныхъ въ семъ родѣ попытокъ, въ торговлѣ, въ ународованіи, въ просвѣщеніи: вездѣ, гдѣ правительства мнили приказывать, вездѣ являлись одни только призраки успѣховъ, кои, подержась нѣсколько времени на воздухѣ, исчезали вмѣстѣ съ началами, ихъ родившими. Напротивъ, во всѣхъ учрежденіяхъ, кои заводились нечувствительно, образовались частнымъ прибыткомъ, поддерживались свободою и были только покровительствуемы правительствомъ, была видима внутренняя сила, ихъ

---

[1]) Эта выдержка случайно сохранилась, какъ цитата, въ другомъ документѣ. Журналы комитета и почти все его дѣлопроизводство погибли, какъ видно, во время пожара 1862 г., истребившаго архивъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, куда въ 1818 г. были переданы еврейскія дѣла изъ министерства внутр. дѣлъ (въ описяхъ архива министерства указано несохранившееся дѣло 1818 г. № 332 „О передачѣ еврейскихъ дѣлъ въ департаментъ духовныхъ дѣлъ"). Только небольшая часть дѣлопроизводства комитета попала во время пожара въ чужія руки и въ 1887 г. была передана въ Импер. публичную библіотеку,—это тотъ сборникъ F II № 195, на который я часто ссылаюсь (содержаніе сборника указано въ „Отчетѣ" библіотеки за 1887 г., стр. 142—148). Изъ дѣлъ комитета мнѣ удалось найти и использовать въ настоящей книгѣ лишь тѣ, которыя поступили въ комитетъ изъ сената, и по завершеніи комитетомъ работы были возвращены въ сенатъ. Списокъ дѣлъ комитета имѣется въ архивѣ сената, дѣло министерства юстиціи, 1804 г., № 89.

утверждающая, существовало непоколебимое основаніе, временемъ и личною пользою положенное. Всѣ сіи уваженія заставляютъ и въ образованіи евреевъ предпочесть средства тихаго ободренія, возбужденія ихъ собственной дѣятельности и пресѣченія только тѣхъ препятствій, кои зависятъ непосредственно отъ правительства и сами собой пресѣчься не могутъ“ [1]).

Таковы были слова, которыми комитетъ, послѣ ряда засѣданій [2]), запечатлѣлъ свое желаніе разрѣшить еврейскій вопросъ въ духѣ либеральныхъ идей. И позже, завершивъ работу, комитетъ свидѣтельствовалъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ, что онъ не отказался отъ своихъ прежнихъ побужденій. Высказываясь въ этомъ докладѣ [3]) въ пользу постепенныхъ мягкихъ мѣръ, комитетъ указывалъ, что „опытъ и примѣръ устройства, къ коему приведены евреи въ нѣкоторыхъ государствахъ, доказываютъ, что усовершеніе ихъ не есть невозможно, что добрыми правилами и постояннымъ ихъ исполненіемъ превозмогаются, наконецъ, самыя закоснѣлыя привычки и что мѣры постепенныя, на взаимныхъ пользахъ основанныя, хотя не скоро, но всегда вѣрно производятъ свое дѣйствіе“. И комитетъ былъ увѣренъ, что выработанныя имъ постановленія „не что другое суть, какъ приложеніе сихъ способовъ тихихъ, умѣренныхъ, постепенныхъ, на личной пользѣ евреевъ и на усовершеніи политическаго бытія ихъ основанныхъ“; комитетъ завѣрялъ, что имъ руководило желаніе показать евреямъ, что „правительство, простирая имъ руку благодѣтельнаго своего о нихъ промысла, не хочетъ исторгнуть ихъ сильнымъ дѣйствіемъ власти изъ настоящаго ихъ состоянія, но вывести ихъ путемъ собственныхъ ихъ пользъ къ состоянію лучшему, надежнѣйшему, для нихъ самихъ выгоднѣйшему, что охраняя спокойствіе ихъ совѣсти, не дѣлая ни малѣйшаго прикосновенія къ ихъ религіи, щадя самые предразсудки ихъ, оно во всемъ ищетъ одной и той же цѣли, чтобы удостовѣрить и

---

[1]) Журналъ 20 сентября 1803 г.; извлеченъ изъ всеподданнѣйшаго доклада комитета, учрежденнаго въ 1809 г. для разсмотрѣнія еврейскихъ дѣлъ (Русскій Архивъ, 1903 г., кн. II),—въ главахъ тринадцатой и четырнадцатой я останавливаюсь на этомъ докладѣ.

[2]) Имѣется извѣстіе о засѣданіяхъ 14 и 20 декабря 1802 г.. 18 января, 20 и 28 февраля, 7 и 9 марта 1803 г. (архивъ сената, дѣло мин. юстиціи, 1804 г., № 89).

[3]) Въ докладѣ встрѣчаются строки, взятыя изъ цитированнаго выше журнала. Я пользовался экземпляромъ доклада, имѣющимся въ дѣлѣ архива сената, 1 департаментъ, 1804 г. № 423 „О евреяхъ“; на немъ указаны подписи Лопухина, Кочубея, Чарторыжскаго и Потоцкаго; въ „Исторіи русскаго законодательства о евреяхъ“ кн. Голицынъ говоритъ, что докладъ былъ подписанъ пятью лицами, но это ошибка, такъ какъ Зубовъ умеръ до завершенія комитетомъ работы.

обезпечить состоянiе ихъ законною промышленностью, прiобщить ихъ ко всѣмъ выгодамъ и уваженiю, коими пользуются прочiя состоянiя, подъ общимъ покровительствомъ законовъ, терпимости и благоустройства“ [1]).

Увы, многое изъ сказаннаго оказалось лишеннымъ всякаго реальнаго содержанiя. Приверженцы рацiоналистически-просвѣтительной идеологiи, либеральные члены комитета, съ полной готовностью снабжавшiе—въ теорiи—еврейское населенiе естественными правами человѣка, тотчасъ, какъ бы сами того не замѣчая, подрѣзали крылья своей свободолюбивой мысли, какъ только приступали къ практическимъ мѣропрiятiямъ. Несомнѣнно, это дѣлалось въ значительной мѣрѣ — какъ мы вскорѣ увидимъ — подъ сильнымъ давленiемъ извнѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сами члены комитета, во многомъ опередившiе окружавшую ихъ среду, грубую и жестокую, чуждые инымъ предразсудкамъ своего времени, были все же дѣтьми господствовавшаго класса, основывавшаго свое благополучiе на безправiи прочаго населенiя.

Глубокая пропасть лежала между „Мнѣнiемъ“ Державина [2]) и запиской Потоцкаго; Державинъ злобно клеветалъ на евреевъ, настаивалъ на стѣсненiи ихъ въ гражданскихъ правахъ, требовалъ обособленiя ихъ отъ христiанскаго населенiя; Потоцкiй же старался облегчить тяжесть обвиненiй, которыя такъ щедро предъявлялись еврейскому народу, не говорилъ о новомъ ограниченiи евреевъ въ правахъ, искренне желалъ слить евреевъ съ христiанскимъ населенiемъ въ общей культурной жизни. Но оба автора почти одинаково далеко стояли отъ Фризеля [3]), который, сходясь съ Державинымъ и Потоцкимъ въ иныхъ принудительныхъ мѣрахъ, опередилъ ихъ тѣмъ, что потребовалъ гражданскаго равенства евреевъ. И случилось, что хотя Потоцкiй и его товарищи по комитету были, по своимъ соцiальнымъ идеаламъ, болѣе родственны Фризелю, нежели Державину, они въ своемъ проектѣ еврейской реформы подошли ближе къ Державину, чѣмъ къ

---

[1]) Баронъ Корфъ въ книгѣ о Сперанскомъ (стр. 72 и 98) говоритъ по поводу его дѣятельности: „если отъ богатаго посѣва не все взошло, а изъ того, что взошло, не все принялось, то безпорно остались и нѣкоторые полезные плоды дѣятельности этого министерства, какъ, напр., положенiе о евреяхъ, написанное въ гораздо свободнѣйшемъ противъ прежняго духѣ“ и при этомъ указываетъ, что Сперанскiй составилъ всеподданнѣйшiй докладъ, представленный комитетомъ. А Державинъ сообщаетъ въ „Запискахъ“, что составленный чиновникомъ канцелярiи комитета Барановымъ „приговоръ“ въ духѣ Державинскаго проекта, „велѣно было отдать г. Сперанскому, который передѣлалъ его по своему“. Трудно установить, насколько Сперанскiй былъ авторомъ доклада, долженствовавшаго выразить мнѣнiе не составителя доклада, а членовъ комитета.

[2]) и [3]) См. выше, главу одиннадцатую.

Фризелю, несмотря на то, что вовсе не пользовались трудомъ Державина какъ опорой для своего проекта еврейской реформы. Члены комитета хотѣли сдѣлать евреевъ безвредными, не уничтожая тѣхъ условій, пагубно отражавшихся—морально и экономически—на еврейскомъ населеніи, наличностью которыхъ обезпечивалось преимущественное положеніе христіанъ; они желали создать культурное единеніе между евреями и христіанами, не устранивъ препятствій, мѣшавшихъ общественному сближенію. Не рѣшаясь выступить реально противъ общественныхъ предразсудковъ, считая необходимымъ уклоняться отъ столкновенія съ тѣмъ или другимъ христіанскимъ кругомъ, комитетъ довелъ свой лозунгъ „сколь можно менѣе запрещенія, сколь можно болѣе свободъ“ до полнаго отказа отъ вмѣшательства правительственной власти въ тѣхъ случаяхъ, когда, во имя естественныхъ правъ евреевъ, надо было умалить привилегіи остальнаго общества. А вмѣстѣ съ тѣмъ, провозгласивъ, что реформа должна быть осуществлена путемъ постепеннаго измѣненія условій еврейской жизни, комитетъ прибѣгъ къ рѣшительной мѣрѣ по отношенію къ евреямъ—въ заботѣ о благѣ крестьянъ, хотя причины бѣдственнаго положенія крестьянъ коренились въ другихъ общественныхъ факторахъ.

Результатомъ дѣятельности комитета явилось изданіе перваго по времени систематически разработаннаго законодательства о евреяхъ въ Россіи, такъ называемаго „П о л о ж е н і я о е в р е я х ъ 1804 года“.

Въ своихъ главнѣйшихъ пунктахъ Положеніе совпадаетъ съ наброскомъ законопроекта, составленнымъ Потоцкимъ, предложеніе котораго тщательно изучить вопросъ передъ тѣмъ, чѣмъ издать законъ, не было принято. Однако, проектъ Потоцкаго и Положеніе нельзя признать тождественными документами. Въ писаніяхъ Потоцкаго было много словъ, выражавшихъ доброе чувство къ еврейскому народу, смягчавшихъ до извѣстной степени—хотя бы во внѣ—несправедливость и суровость нѣкоторыхъ мѣръ; перспективы лучшаго будущаго, наступленія котораго Потоцкій искренне желалъ, какъ бы оправдывали ограничительныя постановленія. Менѣе благопріятнымъ, несомнѣнно, въ этомъ отношеніи являлся докладъ комитета, — не столь словоохотливо говоря въ пользу евреевъ, онъ придавалъ новому законодательству преимущественно, такъ сказать, „исправительный“ характеръ, — закону ставилось въ задачу не столько улучшить положеніе евреевъ, сколько исправить ихъ, сдѣлать ихъ безвредными для окружающаго населенія.

Самое же Положеніе 1804 года, не скрашенное ни однимъ мягкимъ выраженіемъ, не согрѣтое ни малѣйшимъ дыханіемъ сочувствія, совершенно открыто прошло подъ лозунгомъ борьбы правительства съ евреями во имя блага прочаго населенія, а это должно было придать особую остроту тѣмъ принудительнымъ мѣрамъ, которыя установилъ новый законъ [1]). Въ указѣ (9 декабря 1804 г.) объ изданіи Положенія было сказано, что оно вызвано многократными жалобами „на разныя злоупотребленія и безпорядки во вредъ земледѣлія и промышленности обывателей въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ евреи обитаютъ, происходящіе“; благодаря этому, реформа—хотя въ указѣ и сказано было, что она соотвѣтствуетъ благу самихъ евреевъ—получила характеръ не положительной мѣры, направленной къ улучшенію условій, въ которыхъ жили евреи, а отрицательной мѣры, долженствовавшей устранить тѣ явленія еврейской жизни, которыя признавались вредными для христіанскаго населенія [2]).

Передъ тѣмъ, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію существа реформы, намѣченной комитетомъ, надо остановиться на вопросѣ о роли еврейскихъ депутатовъ въ комитетѣ.

Членъ комитета 1802 г.
графъ Северинъ Потоцкій.

Приглашеніе просвѣщенныхъ петербургскихъ евреевъ [3]) послѣдовало сейчасъ же по учрежденіи комитета, депутаты же изъ провинціи прибыли позже; лишь послѣ разсмотрѣнія собраннаго матеріала комитетъ вызвалъ уже ранѣе предположенныхъ депутатовъ и, пока происходили выборы, онъ успѣлъ составить „главное начертаніе началъ“. Благодаря этому, одни лишь приглашенные евреи, какъ видно, получили

---

[1]) 14 ноября 1804 г. Положеніе было разсмотрѣно въ Госуд. совѣтѣ. Архивъ Госуд. совѣта, т. II, ч. I (Спб. 1878 г.), стр. 841—842.

[2]) Въ законопроектѣ Потоцкаго говорилось, что реформа основана на заботѣ государя о всѣхъ подданныхъ, независимо отъ религіи и сословій; далѣе отмѣчалось, что невѣжество евреевъ, ихъ отчужденность, пристрастіе къ торговлѣ водкой и пр. вредны для государства; въ концѣ же законопроекта выражалось явное желаніе культурно и экономически поднять еврейскій народъ.

[3]) См. выше, стр. 297 и слѣд.

возможность воздѣйствовать на выработку этихъ началъ; кагальные депутаты нашли готовый проектъ, какъ бы одобренный представителями просвѣщеннаго еврейства.

Врядъ ли депутаты, присланные кагалами, могли дѣйствовать сообща съ петербургскими евреями. Этому, конечно, должно было препятствовать уже то, что депутаты, представлявшіе кагалъ, не рѣшались выступать самостоятельно безъ санкціи кагала. Когда комитетъ сообщилъ депутатамъ главныя основанія предположенной реформы, „послѣ долговременной нерѣшимости— сказано во всеподданнѣйшемъ докладѣ комитета—депутаты отозвались, что не могутъ они безъ кагаловъ ихъ поступить на какія-либо по сему дѣлу заключенія и просили дать имъ для совѣщанія сего полугодичное время". Тогда главныя статьи проекта были сообщены чрезъ губернскія начальства кагаламъ съ тѣмъ, чтобы „не дѣлая въ статьяхъ ихъ никакой отмѣны, представили отвѣты свои къ дополненію ихъ новыми средствами, кои бы къ пользѣ ихъ, по мѣстнымъ уваженіямъ, принять было можно". Въ отвѣтъ на это кагалы заявили, что вообще реформу нужно отложить на пятнадцать-двадцать лѣтъ.

Но, помимо того, что представители кагаловъ не были свободны въ сужденіяхъ, ихъ отдѣляло отъ петербургскихъ депутатовъ и различіе въ міросозерцаніи. Если просвѣщенные евреи, послѣдователи Мендельсона, клали краеугольнымъ камнемъ новаго зданія еврейской жизни—просвѣщеніе, то кагалы, оберегая неприкосновенность внутренняго быта евреевъ и тѣхъ условій еврейской жизни, съ которыми связывались экономическіе интересы господствовавшаго еврейскаго класса, отрицательно относились къ вопросамъ культуры. Одинъ только Ноткинъ могъ, какъ кажется, до извѣстной степени объединять въ общей работѣ этихъ различныхъ представителей еврейскаго общества.

Анонимная записка, представленная правительству нѣсколько позже нѣкіимъ просвѣщеннымъ евреемъ [1]), отчетливо рисуетъ обликъ депутатовъ. Среди евреевъ въ бывшихъ польскихъ губерніяхъ—говоритъ анонимный авторъ—очень мало людей, которые имѣли бы представленіе о необходимой реформѣ еврейскаго быта, а еще менѣе такихъ, которые имѣли бы понятіе объ истинномъ народномъ благѣ. Но если бы такіе люди и могли сыскаться, то ихъ образъ мыслей не согласовался бы съ общимъ мнѣніемъ ихъ единовѣрцевъ, которые „и, кромѣ того, не имѣютъ прямого понятія о вещахъ". Поэтому состоявшійся выборъ депутатовъ не

[1]) Архивъ министерства земледѣлія, дѣло 1808 г., № 15063: „Нѣкоторыя замѣчанія касательно благоустройства евреевъ".

можетъ считаться соотвѣтствующимъ желанію правительства. Выборъ депутатовъ „руководимъ былъ однимъ суевѣріемъ и страстью богачей, которыми порабощена воля собратій“,—общественные заправилы держатъ массу въ своей власти благодаря торговымъ отношеніямъ, а также раскладкѣ податей; духовно-религіозныя потребности равнымъ образомъ отдаютъ массу въ зависимость отъ нихъ, потому что „богачи—по родственной связи ихъ съ суевѣрными учеными (т.-е. раввинами), имѣющими самый сильный перевѣсъ между евреями“, а раввины „по нуждѣ своей“ въ богачахъ, имѣютъ другъ на друга „величайшее во всемъ вліяніе“ [1]). Къ тому же, если бы среди депутатовъ и нашелся просвѣщенный человѣкъ, онъ не могъ бы принести никакой пользы, такъ какъ депутаты, имѣя инструкцію отъ своихъ довѣрителей, могли говорить не то, что мыслили, а лишь то, что имъ было поручено. Что касается просвѣщенныхъ евреевъ, приглашенныхъ членами комитета, то, получа образованіе въ Германіи, они „не могли равнымъ образомъ правильно судить о тѣхъ евреяхъ, кои, живучи въ бывшей Польшѣ, совершенно отличны отъ германскихъ евреевъ какъ образомъ мыслей, такъ и обстоятельствами“.

Изъ всѣхъ моментовъ еврейской жизни, подлежавшихъ разсмотрѣнію комитета, наиболѣе важное значеніе какъ въ глазахъ правительства, такъ и для самихъ евреевъ имѣлъ вопросъ о проживаніи евреевъ въ деревняхъ, гдѣ они занимались преимущественно винными промыслами. Учреждая комитетъ, правительство еще не было знакомо съ еврейскимъ бытомъ; зная, что отъ скопленія евреевъ въ уѣздахъ страдали крестьяне, оно находилось въ невѣдѣніи относительно того, какъ отражалось это обстоятельство на матеріальномъ положеніи самихъ евреевъ. Ненормальныя условія хозяйственнаго быта въ краѣ являлись въ глазахъ правительства исключительно вопросомъ крестьянской жизни, и только съ точки зрѣнія ея интересовъ проживаніе евреевъ въ деревняхъ стало предметомъ вниманія правительства, стало основнымъ вопросомъ еврейской реформы. Но самъ-то комитетъ могъ убѣдиться изъ собраннаго имъ матеріала и изъ объясненій, представленныхъ депутатами, что не одни крестьяне страдали отъ создавшагося положенія. Если обвиненіе евреевъ въ причиненіи вреда крестьянству и не было ложнымъ, то, во всякомъ случаѣ, они дѣлали это не по злой волѣ, а въ силу неизбѣжной необходимо-

---

[1]) Кагалы и раввины, нерѣдко боровшіеся другъ съ другомъ, объединялись для защиты своихъ общихъ интересовъ. См. выше, главу девятую.

сти, вызывавшейся ихъ крайней бѣдностью. При этомъ и винные промыслы не спасали ихъ отъ тяжелыхъ матеріальныхъ условій— еврейское населеніе, проживавшее въ деревняхъ, какъ мы знаемъ [1]), влачило нищенское существованіе. Однако, выступивъ противъ пребыванія евреевъ въ деревнѣ, комитетъ оставилъ безъ всякаго вниманія ихъ безотрадное экономическое положеніе.

И это потому, что „комитетъ въ постановленіяхъ своихъ долженъ былъ имѣть въ виду главнѣйше предохраненіе крестьянъ отъ раззоренія“ [2]).

Нѣтъ сомнѣнія, что государь лично настаивалъ на удаленіи евреевъ изъ деревень. Совершивъ незадолго до того поѣздку по западнымъ губерніямъ, онъ увидѣлъ тамъ много неприглядныхъ картинъ. Сопровождавшій государя въ путешествіи гр. Кочубей, сообщая члену Государственнаго совѣта Трошинскому, что государь намѣренъ учредить комитетъ для выработки общаго положенія о евреяхъ, писалъ, что „разныя обстоятельства, до нихъ (т.-е. евреевъ) относящіяся, самому Государю въ проѣздъ чрезъ польскія губерніи представившіяся“, дѣлаютъ эту мѣру необходимой [3]). Директива, данная комитету — позаботиться, главнымъ образомъ, объ охраненіи крестьянъ отъ раззоренія — изошла отъ государя лично.

Объявивъ евреевъ виновниками убожества деревни, комитетъ призналъ нужнымъ совершенно устранить ихъ отъ винныхъ промысловъ [4]) и арендъ въ деревняхъ. А такъ какъ было очевидно, что, оставаясь на мѣстахъ, значительная часть ихъ вынуждена будетъ продолжать старыя занятія, чтобы не умереть голодной смертью, то комитетъ постановилъ удалить въ теченіе трехъ лѣтъ все еврейское населеніе изъ деревень [5]).

Комитетъ пошелъ въ этомъ отношеніи по стопамъ многихъ авторовъ, разрабатывавшихъ проекты еврейской реформы. Даже тѣ изъ нихъ, которые относились сочувственно къ евреямъ [6]),

---

[1]) См. выше, стр. 272—273.

[2]) Архивъ Гос. Совѣта, т. IV (департ. экономіи), ч. II, стр. 694 (записка товарища министра внутреннихъ дѣлъ).

[3]) Письмо отъ 17 іюня 1802 г., изъ Витебска. Арх. Госуд. совѣта, т. III, ч. II (Спб., 1878 г.), стр. 743.

[4]) Нѣсколько ранѣе появился законъ (17 іюня 1803 г.) объ отдачѣ въ Подольской, Волынской и Кіевской губерніяхъ казенныхъ земель въ аренду частнымъ лицамъ съ тѣмъ условіемъ (§ 3 проекта контрактовъ), чтобы посессоръ не отдавалъ евреямъ винной продажи. Первое полн. собраніе законовъ, № 20801.

[5]) Въ городахъ и помѣщичьихъ мѣстечкахъ евреи могли заниматься винными промыслами. Помѣщикамъ было запрещено присваивать деревнямъ мѣстечковыя права или устраивать новыя мѣстечки безъ разрѣшенія высшаго начальства.

[6]) Напр., Фризель (см. выше, стр. 294), Тадеушъ Чацкій (см. выше, стр. 183).

считали нужнымъ признать евреевъ виновниками раззоренія деревни и рѣшительными мѣрами вырвать винные промыслы и аренды изъ ихъ рукъ. Тутъ играли роль два обстоятельства. Объ одномъ уже говорилось. Всякій, подходившій къ интересующему насъ вопросу, долженъ былъ остановиться предъ тупикомъ: заявить, что отвѣтственность за бѣдствіе крестьянской массы падаетъ на дворянъ-помѣщиковъ, значило осудить крѣпостничество, основу государственнаго строя; а потому приходилось всю тяжесть вины возложить на евреевъ [1]). Второе обстоятельство заключалось въ господствовавшемъ наивномъ взглядѣ на природу экономической жизни народовъ — общее мнѣніе было таково, что экономическія явленія можно видоизмѣнять чисто механическимъ способомъ, путемъ приказовъ.

А въ данномъ случаѣ принудительная мѣра оправдывалась еще тѣмъ, что наряду съ ней, какъ бы въ видѣ компенсаціи, съ цѣлью улучшить общія условія еврейской жизни, предлагались положительныя мѣры. Однако, послѣднія—это надо подчеркнуть—были, въ большинствѣ, далеки отъ чего-либо реальнаго, были почти вовсе неосуществимы. „И въ прочемъ, можно ли назвать мѣру сію (запрещеніе заниматься прежними промыслами) для нихъ стѣснительною, когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, открывается евреямъ множество другихъ способовъ не только содержать себя въ безбѣдномъ состояніи, но дѣлать пріобрѣтеніе — въ земледѣліи, фабрикахъ, ремеслахъ, когда вмѣстѣ съ симъ открывается имъ способъ даже владѣть землею въ собственность [2]). Какимъ образомъ ограниченіемъ одной вѣтви промышленности можетъ быть стѣсненъ сей народъ въ такомъ государствѣ, гдѣ тысячи другихъ для него отверсты“, гдѣ имѣются удобныя къ хлѣбопашеству земли въ губерніяхъ плодородныхъ и мало населенныхъ, гдѣ „отечественныя произведенія призываютъ только руку дѣятельности и трудолюбія, чтобы основать фабрики“. Можно было подумать, что достаточно одного разрѣшенія покупать земли и строить фабрики, чтобы многотысячная нищая масса, оставаясь въ прежнихъ соціальныхъ и экономическихъ условіяхъ, тотчасъ превратилась въ земледѣльцевъ и фабрикантовъ; достаточно, молъ, чтобы купецъ и ремесленникъ предложили свои услуги, какъ тотчасъ найдутся выгодные покупатели.

Быть можетъ, и нѣкоторые просвѣщенные евреи, не предвидя, къ какимъ послѣдствіямъ приведетъ указанный запретъ,

[1]) См. выше, главу одиннадцатую.

[2]) Положеніе 1804 г. разрѣшило пріобрѣтать лишь незаселенную землю, т.-е. подтвердило прежнее постановленіе сената (4 апрѣля и 5 мая 1801 г., 1-ое отд. 3 деп., книга № 33, ч. I, № 82). См. выше, стр. 264.

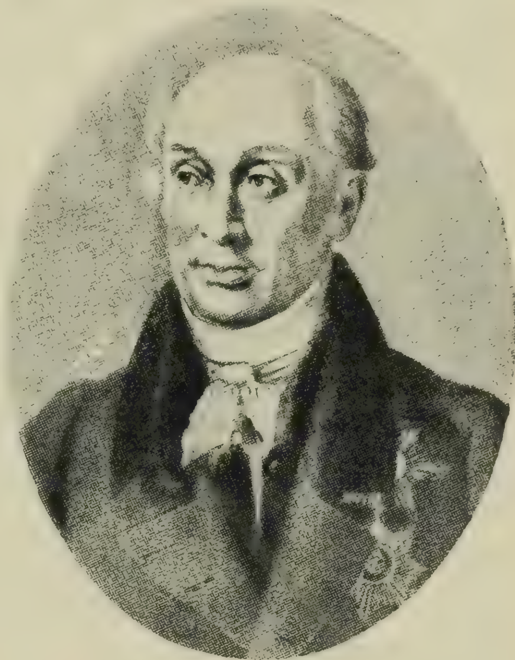
одобряли его, сознавая, подобно членамъ комитета, что шинки деморализуютъ еврейскую массу, вызываютъ противъ нея озлобленіе окружающаго населенія. Но Нота Ноткинъ, въ предвидѣніи грядущихъ бѣдствій, убѣждалъ комитетъ оставить евреевъ на мѣстахъ, принявъ лишь мѣры противъ возможныхъ злоупотребленій съ ихъ стороны; онъ указывалъ въ своемъ проектѣ еврейской реформы, что во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ проживаютъ евреи, крестьяне пользуются достаткомъ, а тамъ, наоборотъ, гдѣ евреевъ нѣтъ, крестьяне терпятъ нужду; онъ говорилъ, что если и существуетъ предположеніе переселить евреевъ на пустопорожнія земли съ той цѣлью, чтобы они занялись сельскимъ хозяйствомъ, то это совершенно невыполнимо, такъ какъ нельзя ожидать, чтобы евреи, въ массѣ, занялись работою, къ которой не имѣютъ ни склонности, ни привычки; къ тому же, откуда взять средства на прокормленіе и обзаведеніе этихъ тысячъ людей; съ другой стороны—указывалъ Ноткинъ—съ удаленіемъ евреевъ, крестьянамъ придется ѣздить въ городъ продавать продукты своего хозяйства, что сопряжено съ большой тратой времени и денегъ, а проѣзжія дороги останутся безъ постоялыхъ домовъ. Вообще, Ноткинъ стоялъ за то, чтобы евреи обратились къ земледѣлію, но это должно быть достигнуто мѣрами поощренія, а отнюдь не принужденія. Депутаты, присланные кагалами, также, конечно, просили не лишать евреевъ средствъ къ существованію.

Двѣсти-триста тысячъ людей, подавляющую часть которыхъ составляли бѣдняки, должны были перейти въ города, не имѣвшіе, какъ мы знаемъ, мѣста для изгнанниковъ [1]). Нужна была помощь. Но о дѣйствительныхъ мѣрахъ къ экономическому возрожденію евреевъ никто не думалъ серьезно. Правда, было обѣщано отвести извѣстное количество казенной земли для тѣхъ, кто пожелаетъ заняться хлѣбопашествомъ, и оказать имъ денежную ссуду. Но фактически, какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, это намѣреніе не могло быть выполнено въ сколько-либо значительной мѣрѣ. Еще было обѣщано, что евреи, которые оснуются на арендованной землѣ особыми поселеніями, будутъ освобождены отъ подати на пять лѣтъ, а поселившіеся на казенной землѣ— на десять лѣтъ. Но вѣдь обратиться къ тяжелому незнакомому земледѣльческому труду могла лишь самая незначительная часть еврейскаго населенія, голоднаго, измореннаго. Еще меньшее число лицъ могло разсчитывать на полученіе отъ казны нѣкотораго

---

[1]) См. выше, стр. 152—153. Это сознавалось и современниками: см. представленіе минскихъ маршаловъ (Восходъ, 1895 г., кн. III, стр. 76).

пособія на устройство фабрикъ [1]). Въ массѣ же—евреи, въ силу вѣкового уклада своей жизни, должны были обратиться къ ремесленному труду и мелкой торговлѣ. Обѣщаніе оказать ремесленникамъ денежную помощь также обречено было остаться лишь платоническимъ пожеланіемъ. Впрочемъ, шагомъ впередъ явилось то, что цехамъ, не принимавшимъ евреевъ въ свою организацію, запретили препятствовать евреямъ заниматься ремеслами, не записываясь въ цехъ, что ранѣе не дозволялось. Было выполнено лишь обѣщаніе освободить евреевъ отъ двойной подати, когда они возьмутся за новыя занятія,—нѣсколько лѣтъ спустя двойная подать оказалась отмѣненной [2]).



Завѣдующій дѣлами комитета 1802 г. графъ М. М. Сперанскій.

Новый законъ—надо отмѣтить — расширилъ черту осѣдлости, дозволивъ евреямъ пріобрѣтать земли также въ губерніяхъ Астраханской и Кавказской — но этотъ отдаленный край не могъ привлечь къ себѣ изгнанниковъ [3]). Съ другой же стороны, Положеніе сохранило въ силѣ привилегіи, предоставлявшія нѣкоторымъ городамъ право не допускать къ себѣ евреевъ или же дозволять имъ жить лишь въ опредѣленныхъ участкахъ. Умолчавъ объ этихъ привилегіяхъ, новый законъ далъ имъ право на дальнѣйшее существованіе [4]).

Въ одномъ лишь отношеніи законъ 1804 г. пошелъ навстрѣчу экономическимъ потребностямъ евреевъ; было подтверждено, что фабрикантамъ, купцамъ и ремесленникамъ разрѣшается выѣз-

---

[1]) Ноткинъ проектировалъ, чтобы „всякое общество евреевъ каждой губерніи“ имѣло свои фабрики, которыя считались бы общей собственностью; доходы обращались бы на общественныя нужды.

[2]) Высоч. утвержденное 30 мая 1805 г. опредѣленіе сената отмѣнило уплату евреями почтоваго сбора въ двойномъ размѣрѣ, т. к. сборъ изъ казеннаго былъ превращенъ въ общественный. Первое полное собраніе законовъ, № 21766.

[3]) Позже евреямъ было запрещено водворяться тамъ. О Курляндіи Положеніе, по недосмотру, не упомянуло.

[4]) Въ свое время (см. выше, стр. 200—202) попытки нѣкоторыхъ городовъ изгнать евреевъ не увѣнчались успѣхомъ, но позже подобныя домогательства удовлетворялись то полностью (изъ Трокъ евреи должны были удалиться по на-

жать съ семьями на время по дѣламъ за черту осѣдлости. Этимъ правомъ фактически могли воспользоваться лишь немногіе; но все же оно дало евреямъ возможность осѣсть постепенно, небольшими колоніями, во внутреннихъ губерніяхъ и столицахъ, чѣмъ вообще были облегчены торговыя сношенія.

Такова была экономическая реформа. Предстояла еще реформа культурнаго характера.

Низкій уровень нравственнаго состоянія евреевъ комитетъ объяснялъ какъ широко распространенными среди нихъ винными промыслами, такъ и оторванностью отъ окружающаго общества, недостаткомъ общаго просвѣщенія и различіемъ въ языкѣ; благодаря изолированности, вызывавшейся религіозными законами и обрядами, а равно привычками, еврейскій народъ „отчуждался отъ общихъ правъ и уваженія, съ ними соединеннаго", и это униженіе довершали неблагородныя занятія. Съ другой стороны, изъ-за отсутствія среди евреевъ общаго образованія было трудно „привести политическое бытіе ихъ въ нѣкоторое согласіе и соотвѣтственность съ другими состояніями". Чтобы пріобщить евреевъ къ общей гражданской жизни, было задумано „привести въ надлежащіе предѣлы особенное внутреннее ихъ управленіе и соединить ихъ пользы подъ одно управленіе, всѣмъ подданнымъ общее".

Такимъ образомъ, возникъ вопросъ о согласованіи кагальной организаціи съ государственными установленіями, а, въ связи съ этимъ, и объ участіи евреевъ въ сословно-городскомъ общественномъ самоуправленіи.

Мы видѣли выше, что, съ предоставленіемъ еврейскому населенію гражданскихъ правъ, кагалъ долженъ былъ утратить ту роль представительнаго учрежденія, которую онъ игралъ въ Польшѣ. Хотя кагалъ, собирая подать съ евреевъ, объединялъ ихъ въ фискальномъ отношеніи, вѣрнѣе, сковывалъ ихъ круговой порукой, онъ не представлялъ интересовъ евреевъ, какъ коллектива [1]).

стоянію караимовъ), то частично; въ нѣкоторыхъ городахъ евреи могли проживать лишь на опредѣленныхъ улицахъ (Вильна, Житомиръ, Кіевъ и др.). Въ Ригѣ право жительства евреевъ подвергалось всяческимъ ограниченіямъ.—Гр. Потоцкій (см. выше, стр. 311) не считалъ возможнымъ посягнуть на привилегіи губерній и городовъ, не желающихъ принимать евреевъ,—повидимому, онъ имѣлъ въ виду запрещеніе жить во внутреннихъ губерніяхъ и привилегіи польско-литовскихъ городовъ.

[1]) См. выше, главу шестую. Лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ кагалъ становился во главѣ данной общины при ея внѣшнихъ выступленіяхъ; такъ, напр., онъ порою дѣйствовалъ на выборахъ въ органы городского общественнаго самоуправленія, сплачивая еврейскія силы, противъ которыхъ выступало христіанское населеніе, объединенное религіознымъ предубѣжденіемъ къ евреямъ и враждою къ нимъ, какъ къ конкурентамъ.

Въ общей гражданской жизни евреи не являлись сплоченной группой. Между тѣмъ, права ихъ въ сословно-городскомъ самоуправленіи были подвергнуты ограниченію, дабы господствующее положеніе всегда принадлежало христіанскому населенію [1]). Въ Литовскихъ же губерніяхъ евреи были совершенно устранены отъ участія въ сословно-городскомъ самоуправленіи по ходатайству здѣшнихъ христіанскихъ обществъ, ссылавшихся на свои старинныя привилегіи [2]).

Приходилось сдѣлать выборъ: или укрѣпить организацію еврейскаго населенія, представленную кагалами, или же возстановить его права въ сословно-городскомъ самоуправленіи. Разъ комитетъ стремился дать евреямъ тѣ „выгоды и уваженіе", которыми пользовались христіане, предъ нимъ былъ только второй путь, такъ какъ возрожденіе кагала препятствовало бы желанному сближенію евреевъ съ христіанами въ гражданской жизни. Но, не рѣшаясь идти противъ домогательствъ христіанскихъ обществъ, комитетъ не отважился вернуть евреямъ прежнее равноправное положеніе въ сословно-городскомъ самоуправленіи, предоставленное имъ во времена Екатерины II. Санкціонировать же введенныя ограниченія комитету было неудобно, какъ противорѣчившія поставленной имъ себѣ задачѣ. И вотъ, онъ просто обошелъ вопросъ молчаніемъ. А благодаря этому не только старыя ограниченія остались въ силѣ, но постепенно были установлены и новыя [3]).

---

1) См. выше, стр. 192—196.—На стр. 196, подстр. примѣчаніе 4, я упустилъ отмѣтить, что переписка по поводу разсылки указа 9 декабря 1802 г. (тождественнаго съ опредѣленіемъ сената 7 октября 1802 г.) имѣется въ архивѣ сената: 1 отдѣл. 3-го департ., 1804 г. № 533, дѣло „О выборѣ евреевъ въ члены магистратовъ".—Въ копіи этотъ указъ находится въ архивѣ министерства внутр. дѣлъ, департам. внутренн. дѣлъ, 1803 г. № 10: „По просьбѣ гражданъ виленскихъ, гродненскихъ и мѣст. Докшицы объ отклоненіи евреевъ въ городскія должности" а также въ архивѣ Госуд. совѣта, департам. законовъ, дѣло 1835 г., № 11.

2) См. выше, стр. 195—199. Въ дополненіе къ указаннымъ тамъ источникамъ добавлю, что ходатайство виленск. христіанъ, опубликованное Бершадскимъ, напечатано также Шугуровымъ по копіи, представленной госуд. канцлеру гр. А. Р. Воронцову; оно имѣется и въ архивѣ сената, 1 отд. 3 деп., 1804 г., № 533, Подробности устраненія евреевъ отъ городск. должностей изложены въ указѣ сената отъ 21 апрѣля 1804 г. (опубл. Бершадскимъ, „Восходъ", 1895 г., кн. 6, стр. 54—63); соотвѣтствующіе матеріалы см. въ упомянутомъ дѣлѣ 1804 г. № 533. Болѣе полное собраніе документовъ—см. архивъ министерства внутр. дѣлъ, департ внутр. дѣлъ, 1803 г. № 10; здѣсь имѣются: прошенія христіанъ на имя разныхъ лицъ, записка министра Кочубея объ устраненіи евреевъ отъ выборовъ, упомянутый указъ сената 21 апрѣля 1804 г. (копія послѣдняго также въ архивѣ Гос. совѣта, департ. законовъ, 1835 г. № 11, стр. 200—218) и друг.

3) Такъ, ссылаясь на Положеніе 1804 г., евреевъ устранили отъ участія въ городскихъ выборахъ въ Таврической губ. и въ Кіевѣ. Архивъ министерства народн. просвѣщенія, дѣло № 47505, стр, 75.

Съ другой стороны, безъ значительныхъ измѣненій была сохранена и кагальная организація. Мы знаемъ, что, въ связи съ новыми условіями еврейской жизни въ Россіи, кагалъ, принесшій въ свое время извѣстную пользу, нуждался въ соотвѣтствующемъ преобразованіи, но въ польско-русскомъ еврействѣ, обезсиленномъ и деморализованномъ какъ аномаліями его вѣкового быта въ Польшѣ, такъ и религіозной борьбой, не было общественныхъ силъ для подобной творческой работы, и кагалъ въ своей старой формѣ, болѣе не гармонировавшей съ потребностью времени, являлся поработителемъ народа въ матеріальномъ и духовномъ отношеніи. Часть еврейскаго общества стремилась къ сокращенію функцій кагала. Въ пылу религіозной борьбы еврейское общество нанесло даже кагалу сильный ударъ [1]). Но правительство, неоднократно подтверждавшее, что кагалъ предназначенъ лишь для религіозныхъ дѣлъ, само укрѣпляло его, предоставляя ему, въ фискальныхъ соображеніяхъ, собираніе подати, чѣмъ легко было пользоваться для воздѣйствія на народную массу. Тому, кто всматривался въ еврейскую жизнь, было ясно, что мощь кагала таится въ собираніи подати и въ его союзѣ съ раввинатомъ, державшимъ народъ въ повиновеніи помощью мѣръ религіозно-общественнаго характера. И потому люди, различно относившіеся къ еврейской реформѣ, единодушно высказывались за то, чтобы собираніе подати и различныя административныя функціи, связанныя съ этой обязанностью, были поручены общимъ государственнымъ установленіямъ, а религіозныя дѣла принадлежали вѣдѣнію спеціальныхъ духовныхъ судовъ, не облеченныхъ никакими административными полномочіями. При такихъ условіяхъ кагалъ пересталъ бы существовать.

Но и теперь, намѣреваясь подвергнуть еврейскій бытъ коренной реформѣ, сознавая, что собираніе подати служитъ въ рукахъ кагала страшнымъ орудіемъ для порабощенія массы, правительство, въ интересахъ казны, рѣшило не подрывать власти и значенія кагала [2]). Къ тому же, кагалъ, какъ надѣялось правительство, поможетъ осуществить если и не культурную, то экономическую реформу; предполагалось возложить на кагалъ заботу о массѣ, подлежавшей выселенію изъ деревень [3]).

---

[1]) См. главу девятую.

[2]) Въ 1804 г. министръ финансовъ настоялъ на томъ, чтобы и въ Курляндіи кагалы собирали подать съ еврейскаго населенія (архивъ сената, 1 департ., 1804 г., дѣло № 423). Въ Пруссіи регламентъ 1797 г. отмѣнилъ раскладку подати, а вмѣстѣ съ тѣмъ предуказалъ упраздненіе кагала.

[3]) Потоцкій, проектируя „conseil rabbinique“, т.-е. коллегію изъ четырехъ раввиновъ, разсчитывалъ, что раввины будутъ склонять евреевъ къ земледѣлію.

Считая, однако, необходимымъ существованіе сильнаго кагала, комитетъ, прислушиваясь къ нареканіямъ на него, исходившимъ какъ изъ административныхъ круговъ, такъ и изъ среды евреевъ, намѣтилъ все же мѣры съ цѣлью обуздать власть кагально-раввинскаго союза. Было постановлено, что кагальные старшины должны быть утверждаемы администрацией и что кагалы не смѣютъ вводить новые сборы; вмѣстѣ съ тѣмъ, раввинамъ было строжайше запрещено прибѣгать къ наказаніямъ религіознаго характера, а особливо къ херему [1]). Конечно, и при этихъ условіяхъ отдѣльныя личности были безсильны бороться съ кагаломъ, который располагалъ значительными матеріальными средствами и привлекалъ нерѣдко на свою сторону мѣстную администрацію. Но преслѣдовать религіозныхъ противниковъ теперь кагалу было трудно. Помимо того, что хасиды, благодаря своей внутренней организаціи, представляли значительную общественную силу, на ихъ защиту стало и правительство. Чтобы лишить кагалъ возможности угнетать сектантовъ, законъ 1804 г. постановилъ, что если въ какой-либо мѣстности „возникнетъ раздѣленіе сектъ и расколъ прострется до того, что одинъ толкъ съ другимъ не захочетъ быть въ одной синагогѣ,—въ такомъ случаѣ позволяется одному изъ нихъ построить свою синагогу и выбрать своихъ раввиновъ; но во всякомъ городѣ кагалъ долженъ быть одинъ". Религіозная борьба, предоставленная въ этихъ условіяхъ своему естественному теченію, должна была утратить ту остроту, которая толкала оба лагеря на путь недостойныхъ, а порою и преступныхъ дѣйствій. Подъ защитою закона хасиды могли впредь открыто слѣдовать своему ученію. Кагальная власть, будучи даже всецѣло въ рукахъ миснагдимъ, не могла, какъ прежде, угрожать сектантамъ, и возможно, что это ослабило въ хасидскихъ кругахъ стремленіе къ общинной власти; да и миснагдимъ имѣли теперь меньше основанія противиться избранію хасидовъ на кагальныя должности.

Впрочемъ, было и другое обстоятельство, заставившее сектантовъ и миснагдимъ смягчить взаимную вражду. Предъ хасидами и миснагдами появился общій врагъ—просвѣщеніе, возвѣщенное Положеніемъ 1804 г. Хасиды и ихъ противники были одинаково заинтересованы въ противодѣйствіи всякимъ попыткамъ насадить просвѣтительныя идеи среди еврейскаго общества.

При такихъ условіяхъ, правительство, давъ кагалу власть, само обезсилило культурную реформу, которую желало провести.

„Всѣ дѣти евреевъ—гласилъ первый пунктъ новаго закона—могутъ быть принимаемы и обучаемы, безъ всякаго различія отъ дру-

[1]) Было недозволено примѣненіе „запрещенія пасхальнаго брашна и мясъ (кошаръ), а паче изгнанія и изверженія".

гихъ дѣтей, во всѣхъ россійскихъ училищахъ, гимназіяхъ и университетахъ". Общія условія тогдашней еврейской жизни—равнымъ образомъ и русской —были таковы, что идея о „европейскомъ" просвѣщеніи не только не могла проникнуть въ еврейскую массу, но и встрѣтить сочувствіе со стороны болѣе видныхъ еврейскихъ представителей. Не говоря уже о причинахъ, таившихся въ глубинѣ религіозно-бытового уклада еврейскаго народа, правовыя ограниченія также побуждали еврейское общество усматривать въ просвѣтительныхъ мѣропріятіяхъ правительства какіе-то опасные замыслы; но и для того, кто былъ менѣе подозрителенъ и кто въ общемъ просвѣщеніи не видѣлъ опасности для религіозно-національнаго существованія еврейскаго народа, просвѣщеніе, ожидавшее евреевъ въ общей школѣ, само по себѣ не являлось особой цѣнностью. Живя сплоченной массой, евреи обходились въ повседневномъ быту еврейскимъ языкомъ и тѣми знаніями, которыя они пріобрѣтали въ еврейскихъ школахъ. Поэтому знаніе русской или польской грамоты и вообще „европейское" образованіе могло интересовать евреевъ лишь постольку, поскольку все это имѣло значеніе въ сферѣ общенія ихъ съ христіанами. При такихъ обстоятельствахъ успѣшное насажденіе просвѣщенія зависѣло не только отъ разрѣшенія принимать еврейскихъ дѣтей въ общія школы, но также и отъ устраненія тѣхъ причинъ, которыя заставляли евреевъ со страхомъ относиться къ новшеству,— т. е., отъ измѣненія гражданскаго быта евреевъ въ такомъ направленіи, которое привело бы ихъ къ необходимости примкнуть къ общему просвѣщенію. Правда, правительство постаралось успокоить евреевъ завѣреніемъ, что никто изъ еврейскихъ дѣтей не будетъ въ школахъ „ни подъ какимъ видомъ отвлекаемъ отъ своей религіи, ни принуждаемъ учиться тому, что ей противно и даже несогласно съ нею быть можетъ" [1]); новый законъ даже пообѣщалъ, что евреи, „кои способностями своими достигнутъ въ университетахъ извѣстныхъ степеней отличія въ медицинѣ, хирур-

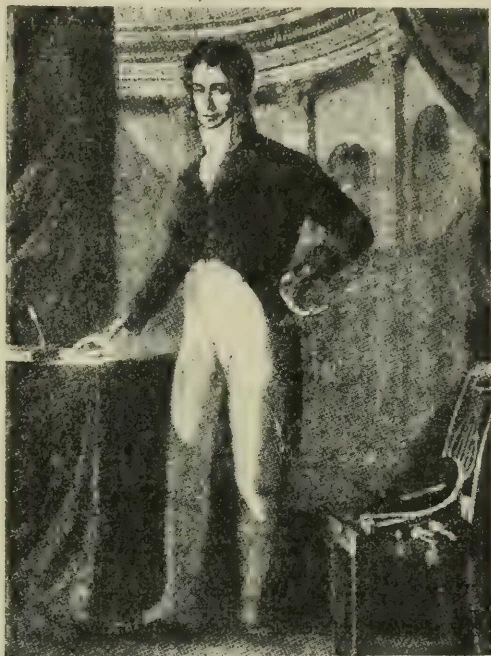
---

[1]) Потоцкій предложилъ не крестить, вообще, евреевъ моложе 20 лѣтъ, но въ Положеніи этого нѣтъ.—Если и не часто, то все же, какъ видно, случалось, что еврейскихъ дѣтей насильственно крестили. Одинъ такой случай я описалъ (см. Будущность, 1901 г., №№ 32 и 33) на основаніи дѣла изъ архива сената, по министерству юстиціи: 1801 г., № 283 „Объ обольщеніи и удержаніи мстиславскимъ іезуитскимъ кляшторомъ двухъ еврейскихъ мальчиковъ". Въ именномъ указѣ отъ 21 августа 1801 г. Католическому департаменту юстицъ-коллегіи говорилось, что насильственное крещеніе—это поступокъ, „не сообразный ни съ общими правилами христіанской вѣры, насилія не терпящей, ни съ государственными законами, всякій подговоръ и обольщеніе строго наказующими". По поводу мстиславскаго случая послѣдовалъ указъ сенату отъ 21 августа 1801 г. (архивъ Госуд. совѣта, департ. законовъ, 1835 г., № 11), а затѣмъ и опредѣленіе сената по 1 отд. 3 департ., 25 сент. 1801 г.

гіи, физикѣ, математикѣ и другихъ знаніяхъ, будутъ въ оныхъ признаваемы и производимы въ университетскія степени наравнѣ съ прочими россійскими подданными“. Но такими постановленіями нельзя было прорубить въ еврейской жизни окно въ Европу.

Кагальные представители, засѣдавшіе въ комитетѣ, не могли, разумѣется, высказаться въ пользу какихъ бы то ни было мѣръ культурнаго, просвѣтительнаго характера. Иначе отнеслись къ этому вопросу петербургскіе дѣятели.

Ноткинъ указывалъ на необходимость обратить особое вниманіе на образованіе юношества, такъ какъ евреи не радѣютъ о воспитаніи дѣтей; онъ совѣтовалъ учредить во всѣхъ мѣстечкахъ общественныя еврейскія школы, куда принимались бы дѣти какъ состоятельныхъ, такъ и бѣдныхъ евреевъ, потому что нельзя ожидать, чтобы евреи добровольно отдавали дѣтей въ общія школы; въ еврейскія школы слѣдовало бы опредѣлить учителей, которые преподавали бы не только русскій, но и другіе языки.



Членъ комитета 1802 г. князь А. Чарторыжскій.

Вѣроятно, къ этому мнѣнію присоединились и прочіе петербургскіе дѣятели, участвовавшіе въ совѣщаніяхъ, такъ какъ въ ту пору и въ Пруссіи, и въ Австріи, какъ передовые евреи, такъ и правительственные круги считали цѣлесообразнымъ учрежденіе еврейскихъ училищъ съ общеобразовательной программой, дабы устранить опасеніе консервативныхъ элементовъ, что государственная школа будетъ стремиться къ тому, чтобы оторвать еврейское юношество отъ религіи отцовъ.

Однако, правительство не приняло этого плана, быть можетъ потому, что учрежденіе еврейскихъ школъ требовало активной дѣятельности, непосильной для русской администраціи; возможно, что въ данномъ случаѣ сыграла извѣстную роль также оппозиція со стороны кагальныхъ депутатовъ. Было рѣшено ограничиться предоставленіемъ свободнаго доступа во всѣ правительственныя школы,—и депутаты, представлявшіе кагалъ, предвидя, что это не приведетъ фактически къ сколько-нибудь замѣтнымъ результатамъ, могли одобрить такое разрѣшеніе вопроса. Если же—предварялъ законъ—евреи не захотятъ посылать подростающее

поколѣніе въ общую школу, тогда на ихъ средства будутъ учреждены спеціальныя еврейскія училища.

Въ цѣляхъ привлеченія еврейскаго населенія къ общей культурѣ, считалось необходимымъ, чтобы евреи вышли изъ своей религіозно-національной замкнутости: усвоили языкъ, на которомъ говорили христіане данной мѣстности (русскій, польскій, нѣмецкій), перемѣнили свой внѣшній видъ, —традиціонная одежда, ермолка и пейсы, рѣзко выдѣляя евреевъ среди сосѣдей, производили на русскихъ отталкивающее впечатлѣніе [1]). Поэтому было потребовано, чтобы на должности въ городскомъ общественномъ управленіи и въ кагалѣ, а также въ раввины избирались только тѣ евреи, которые знаютъ грамоту на одномъ изъ языковъ — русскомъ, нѣмецкомъ и польскомъ [2]); евреи, избранные въ члены магистрата, были обязаны носить въ бывшихъ польскихъ губерніяхъ—польское или русское платье, если не пожелаютъ облачиться въ „нѣмецкое", а въ прочихъ губерніяхъ черты осѣдлости — нѣмецкое платье. Это нѣмецкое платье „безъ всякаго отъ другихъ отличія" обязаны были носить и всѣ евреи, не исключая женщинъ и дѣтей, выѣзжавшіе за предѣлы черты осѣдлости, въ противномъ случаѣ „не должны они быть терпимы и имѣютъ полиціею быть выселяемы". Чтобы, по мѣрѣ возможности, не создавать препятствій для поступленія въ общія учебныя заведенія, дѣтямъ, обучавшимся въ низшихъ школахъ, приходскихъ и уѣздныхъ, было разрѣшено носить традиціонное платье; начиная же съ гимназій, они должны были быть одѣты „для единообразія и благопристойности въ нѣмецкомъ или польскомъ платьѣ" [3]).

Характерная черта новаго закона—готовность жертвовать правами и нуждами евреевъ въ угоду христіанскому обществу— особенно рельефно сказалась при разрѣшеніи вопроса о евреяхъ на помѣщичьихъ земляхъ. Несмотря на то, что правительство

---

[1]) Минскіе маршалы указывали, что еврейское платье „сверхъ того, что для недостаточныхъ убыточно, по неопрятности евреевъ внушаетъ къ нимъ сильное отвращеніе".

[2]) Въ публичныхъ актахъ и торговыхъ документахъ евреи также должны были пользоваться однимъ изъ указанныхъ языковъ (или сопровождать еврейскій текстъ переводомъ). Такое же требованіе пользованія нѣмецкимъ или польскимъ языкомъ мы находимъ въ прусскомъ регламентѣ.

Ноткинъ высказался за то, чтобы въ магистратахъ, въ бывшихъ польскихъ губерніяхъ, дѣла велись на русскомъ языкѣ (а не на польскомъ) и „вообще на правахъ россійскихъ", а не по мѣстнымъ законамъ, и чтобы евреи, избираемые въ члены магистрата, обязательно знали русскую грамоту.

[3]) Законъ 1804 г. потребовалъ, по примѣру прусскаго регламента, чтобы евреи присвоили себѣ фамильныя имена; до того времени они пользовались лишь личными именами и прозвищами.

уже въ теченіе ряда лѣтъ стремилось освободить евреевъ от произвола помѣщиковъ [1]), новый законъ, считаясь исключительно съ интересами землевладѣльцевъ, укрѣпилъ зависимость евреевъ отъ помѣщика. Правда, Положеніе 1804 г. установило, что помѣщики не имѣютъ надъ евреями права суда ни въ тяжебныхъ, ни въ уголовныхъ дѣлахъ, не должны вмѣшиваться въ выборы раввиновъ [2]) и членовъ кагала; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, законъ принудилъ евреевъ отдавать помѣщику отчетъ въ своихъ общественныхъ расходахъ, что облегчало ему возможность вторгаться во внутреннюю жизнь евреевъ; кромѣ того, законъ потребовалъ, чтобы евреи при переходѣ съ мѣста на мѣсто представляли свидѣтельство отъ помѣщика въ томъ, что они выполнили по отношенію къ нему всѣ обязательства [3]); необходимость получить подобный документъ, конечно, всецѣло подчиняла еврейское населеніе помѣщичьей власти, ибо фактически право передвиженія его было при такихъ условіяхъ отдано въ руки помѣщика.

Комитетъ былъ доволенъ результатомъ своей работы. Вглядываясь въ окружающую русскую жизнь и учитывая то, что было сдѣлано для евреевъ въ другихъ странахъ, онъ вѣрилъ, что „судя по мѣстнымъ обстоятельствамъ, нигдѣ не было употреблено къ сему средствъ болѣе умѣренныхъ, болѣе снисходительныхъ и съ пользами ихъ тѣснѣе соединенныхъ“ [4]).

Сопоставленіе того, что ожидало евреевъ въ Россіи послѣ изданія новаго закона, съ тѣмъ, что переживали евреи въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ странахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сопоставленіе условій жизни еврейской массы съ судьбою закрѣпощеннаго крестьянства,—все это заставляло не только творцовъ новаго закона, но и другихъ либерально настроенныхъ русскихъ людей, смотрѣть сквозь розовыя стекла на предпринятую реформу. Новый законъ знаменовалъ въ ихъ глазахъ торжество гуманности и либерализма въ эпоху, когда могло казаться, что Россію ждетъ великое обновленіе.

Въ ту пору общество имѣло мало возможностей выражать свою мысль; публицистика, выступившая было со смѣлостью при

---

[1]) См. выше, стр. 202—207.

[2]) Въ Пруссіи за помѣщиками было сохранено право назначать раввина и получать за это вознагражденіе.

[3]) Ноткинъ предлагалъ освободить евреевъ отъ уплаты помѣщикамъ сбора за производство промысловъ и запретить помѣщикамъ увеличивать размѣръ подати съ евреевъ.

[4]) Сравнивая Положеніе 1804 г. съ прусскимъ регламентомъ 1797 г., мы видимъ, что въ Россіи не были установлены ограниченія въ правѣ вступать въ бракъ (имущественный цензъ и возрастъ), не было нарушено внутреннее самоуправленіе.

Екатеринѣ II, должна была уже вскорѣ замолкнуть; при такихъ условіяхъ заслуживаетъ особаго вниманія то, что въ „Вѣстникѣ Европы“,—этомъ признанномъ родоначальникѣ русской журнальной прессы, пользовавшемся наибольшей распространенностью,—появилась статья, цѣликомъ посвященная Положенію 1804 г.

„Еще въ концѣ прошлаго года—такъ начиналась статья [1])—человѣколюбивый Александръ даровалъ евреямъ бытіе политическое. Вопреки всѣмъ усиліямъ здравой философіи, предразсудокъ противъ сей націи тирански господствуетъ надъ умами простолюдиновъ, и даже такихъ людей, которые не считаютъ себя принадлежащими къ низшему классу народному; господствуетъ—и справедливость, любовь къ человѣчеству, политика, долженствуютъ молчать передъ заблужденіемъ. Къ стыду нашего вѣка, во многихъ городахъ Италіи и теперь еще запираютъ несчастныхъ потомковъ Израиля въ особыхъ улицахъ или частяхъ города... Не трудно подобными примѣрами ясно доказать, съ какою несправедливостью угнетаютъ сей народъ въ просвѣщенныхъ государствахъ Европы. Какая же причина тому?“. Отмѣтивъ далѣе, какія обвиненія, выставляемыя противъ евреевъ, служатъ обычно предлогомъ, чтобы подвергать евреевъ стѣсненіямъ, авторъ продолжаетъ: „Но Александръ царствуетъ для счастья своихъ подданныхъ, а евреи составляютъ знатную часть въ губерніяхъ, новопріобрѣтенныхъ отъ Польши. Александръ знаетъ, что пороки, еврейской націи приписываемые, суть необходимыя слѣдствія сего закоренѣлаго угнетенія, которое давитъ ихъ впродолженіе многихъ столѣтій, знаетъ, что гражданская и церковная терпимость есть вѣрнѣйшее средство сдѣлать евреевъ полезными членами общества“. Цѣль новаго закона—образовать для государства полезныхъ гражданъ, а евреямъ—даровать отечество. „Сами благомыслящіе евреи признаются, что многіе изъ ихъ собратій не имѣютъ понятія о внутреннемъ достоинствѣ человѣка и совсѣмъ не знакомы съ моралью; но надобно ли страсть къ обманамъ и корыстолюбіе нѣкоторыхъ мелочныхъ торгашей почитать свойственными цѣлой націи? Не лучше ли заключить, что презрѣніе къ нимъ, собственное ихъ невѣжество и неувѣренность въ политической безопасности суть виною зла сего?... Самые умные моралисты и глубокіе политики признали неоспоримою истиной, что человѣкъ, обремененный игомъ рабства, влекущій дни свои въ униженномъ состояніи, носящій на себѣ печать презрѣнія, не

---

[1]) Вѣстникъ Европы, 1805 г., кн. 10—„Объ узаконеніи для блага евреевъ обитающихъ въ Имперіи Всероссійской“; авторъ статьи скрылся подъ буквой „Ч“ Журналъ выходилъ въ Москвѣ, подъ редакціей извѣстнаго Каченовскаго.

способенъ мысленно возноситься до благороднаго, изящнаго, великаго... Еврейская нація многіе вѣки сряду безпрестанно терпѣла гоненія отъ невѣжества и фанатизма; итакъ, чему удивляться, если народъ сей наслѣдовалъ отъ предковъ своихъ особенныя понятія о благонравіи? Сіи случайные пороки, слишкомъ уже много увеличенные, которыми жестоко упрекаютъ націю, достойную примѣчанія по своимъ несчастіямъ, по оборотливости, по способностямъ къ промышленности, по непобѣдимой привязанности къ вѣрѣ прародительской, сіи пороки неужели столько закоренѣлы, что всѣ усилія тонкаго политика, клонящіяся къ ихъ истребленію, должны оставаться безполезными? Нѣтъ, конечно!...“

Статья выражала пожеланіе такихъ людей, къ которымъ принадлежалъ Потоцкій. Ихъ было немного. Большая часть общества не способна была проникнуться взглядами, высказанными въ статьѣ: его совѣсть и мысль были подавлены какъ крѣпостничествомъ, лежавшимъ въ основѣ всей государственно-общественной жизни, такъ и предубѣжденіемъ противъ евреевъ.

Что касается петербургскихъ еврейскихъ дѣятелей, то при всемъ своемъ оптимизмѣ они врядъ ли могли надѣяться, чтобы новый законъ улучшилъ условія экономической и духовной жизни евреевъ, чтобы онъ способствовалъ ихъ духовному общенію съ христіанскимъ обществомъ. Нотѣ Хаимовичу не суждено было дожить до тѣхъ дней, когда начались ужасы насильственнаго выселенія евреевъ изъ деревень [1]). А его товарищи по защитѣ народныхъ правъ, Неваховичъ и Перетцъ, видя, что борьба, которую они вели, проиграна, покинули побѣжденныхъ, перейдя въ христіанство [2]).

---

[1]) Петербургскій пинкосъ сообщаетъ: „Высокопоставленный и знатный господинъ Натанъ Ноте сынъ Хаима изъ Шклова скончался въ субботу 11 элула 564 (1804 г.) въ 7 часовъ утра и похороненъ въ воскресенье 12 элула въ 1 ряду“ (на Волковомъ кладбищѣ). Въ запискѣ по дѣлу о наслѣдствѣ Ноткина, слушанной въ сенатѣ, сказано, что Ноткинъ умеръ 6 августа 1804 г.—Нѣкоторыя данныя о Ноткинѣ, отчасти легендарныя, приведены въ моей книгѣ „Евреи въ Россіи“, стр. 82—83.

[2]) Если на „Воплѣ дщери іудейской“ гордо красуется „Леба Неваховичъ“, то на дальнѣйшихъ его произведеніяхъ еврейское происхожденіе автора затушевывается: на книжкѣ „Человѣкъ въ природѣ“ (1804 г.) и на „Примѣчаніяхъ на рецензію касательно опыта Россійской Исторіи“ (1806 г.) значится „Л. Неваховичъ“, а на драмѣ „Суліоты“ (1810 г.) появляется уже новое имя „Левъ Неваховичъ“.— См. мою книгу „Евреи въ Россіи“, стр. 137—138, подстрочное примѣчаніе.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Тяжелые годы. — Изгнаніе евреевъ изъ деревень. — Правительство не въ силахъ дать пріютъ выселенцамъ. — Созывъ въ Парижѣ собранія нотаблей еврейскихъ (1806 г.) вызываетъ тревогу въ Россіи. — Война съ Франціей и посланіе синода о союзѣ Наполеона съ евреями. — Французскія событія служатъ поводомъ пересмотрѣть законъ о выселеніи. — Эта задача возлагается на особый комитетъ (1807 г.). — Обстоятельства, дѣлающія мѣру выселенія невыполнимой. — Созывъ еврейскихъ депутатовъ (1807 г.). — Сенатору Алексѣеву поручается изучить на мѣстѣ вопросъ о выселеніи. — Единодушное мнѣніе о неосуществимости мѣры выселенія. — Указомъ 29 декабря 1808 г. выселеніе пріостанавливается. — Образованіе (1809 г.), подъ предсѣдательствомъ сенатора Попова, новаго комитета для окончательнаго разрѣшенія вопроса о выселеніи и разсмотрѣнія просьбъ еврейскихъ депутатовъ объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ постановленій Положенія 1804 года. — Комитетъ признаетъ (1812 г.) необходимымъ совершенно отказаться отъ принудительнаго выселенія.

Наступили тяжелые годы. Удалить евреевъ изъ деревень—такова была главная задача, поставленная себѣ правительствомъ. Въ зародышѣ погубить намѣченную культурно-просвѣтительную реформу—вотъ къ чему были направлены старанія и стремленія господствовавшаго еврейскаго класса. Обѣ силы—правительство и кагалъ—шли, каждая къ своей цѣли, не считаясь съ условіями окружающей дѣйствительности. Если первая изъ этихъ силъ вынуждена была, въ концѣ концовъ, послѣ того, что ей было принесено въ жертву много человѣческихъ существованій, признать себя побѣжденной въ столкновеніи съ требованіями жизни, то вторая изъ нихъ могла увѣнчать себя лаврами побѣдителя въ борьбѣ съ велѣніями времени[1]). Но обѣ эти силы, въ своей совокупности, идя противъ насущныхъ потребностей народа, надолго задержали его экономическое и духовное развитіе.

Извѣстіе, что новымъ закономъ предписано поголовное изгнаніе евреевъ изъ деревень, а затѣмъ начавшіяся попытки осуществить это мѣропріятіе наполнили еврейскую жизнь смятеніемъ и слезами. Тысячи были высланы, а тѣ, кому удалось остаться въ деревняхъ, находились въ теченіе ряда лѣтъ въ

---

[1]) О противодѣйствіи кагаловъ культурной реформѣ—см. дальнѣйшія главы.

страхѣ за завтрашній день, и эта тревога раздѣлялась и всѣмъ остальнымъ еврейскимъ населеніемъ, потому что ему приходилось принять на себя непосильную заботу о кочующихъ толпахъ голодныхъ и полуголыхъ выселенцевъ.

Уже при первыхъ попыткахъ удалить евреевъ изъ деревень стало очевиднымъ приближеніе катастрофы, которая поразитъ не однихъ только евреевъ...

Для удаленія евреевъ—шестидесяти тысячъ семействъ!—изъ деревень былъ назначенъ трехлѣтній срокъ,—къ январю 1808 г. Совершенно неподготовленные къ физическому труду, обремененные семьями, лишенные денежныхъ средствъ, изгнанники должны были, оставшись безъ куска хлѣба, перейти въ города и жить тамъ, не имѣя занятій, или же устремиться на казенныя земли. Правительство обѣщало оказать еврейскому населенію содѣйствіе при обращеніи къ земледѣлію. Правда, обѣщанная помощь была слишкомъ ничтожна въ сравненіи съ грандіозными расходами, неизбѣжными при перемѣщеніи многихъ тысячъ людей. Однако, „слухи и вѣсти о выгодности переселенія распространились по всѣмъ еврейскимъ захолустьямъ, а послѣдній срокъ выселенія... изо дня въ день все грознѣе приближался... Не выбравшихся еще добровольно изъ деревень теперь гнали изъ нихъ силою; пожитки неповиновавшихся уничтожали; осѣдлости ихъ разоряли безъ сожалѣнія!.. Евреи молили объ отсрочкѣ, вопили и стонали, но все было напрасно: ихъ безпощадно выпроваживали подъ конвоемъ крестьянъ и даже солдатъ!.. Ихъ загоняли, точно скотъ, въ мѣстечки и городишки, и тамъ, на плошадяхъ, подъ открытымъ небомъ, оставляли размышлять о превратностяхъ судьбы!.. Въ пылу отчаянія они подавали всѣмъ властямъ цѣлыми кипами слезныя прошенія о безотлагательномъ переводѣ ихъ въ земледѣльцы, въ Новороссію, полагая, что тамъ все готово къ ихъ услугамъ“ [1]). Но уже вскорѣ обнаружилось, что правительство не въ силахъ оказать даже ту поддержку, которую обѣщало. Ходатайства евреевъ о предоставленіи имъ земельныхъ участковъ въ губерніяхъ, гдѣ они жили, были отвергнуты въ виду отсутствія свободныхъ земель; просьбы группы евреевъ о переселеніи ихъ въ качествѣ земледѣльцевъ на Кавказъ также не были удовлетворены,—потокъ будущихъ земледѣльцевъ долженъ былъ быть направленъ въ пустынную Новороссію. Въ сравненіи съ массой, подлежавшей выселенію, число евреевъ, пожелавшихъ перейти въ Новороссію, было невелико, но и оно оказалось чрезмѣрнымъ

---

[1]) В. Никитинъ. Евреи-земледѣльцы. Спб. 1887 г. (ранѣе напечатано въ „Восходѣ“ за 1881—1886 г.г.).

для слабыхъ рессурсовъ страны, и, вмѣсто поощренія, правительство было вынуждено начать ставить преграды стихійному стремленію къ переселенію, охватившему часть еврейскаго населенія. Руководитель дѣла переселенія, гр. Кочубей, предвидя, надо думать, печальныя послѣдствія массового перехода торговцевъ къ чуждому имъ земледѣльческому труду, не вѣря, чтобы всѣ эти люди, по нуждѣ слезно молившіе о землѣ, дѣйствительно стали хлѣбопашцами, и сознавая всю свою безпомощность предъ неожиданно разразившимся земельнымъ голодомъ, всячески сдерживалъ переселенческій потокъ— подъ разными предлогами онъ отказывалъ въ ходатайствахъ о переводѣ на казенныя земли. Пришлось ввести очередь для переселенцевъ; только небольшія партіи отправлялись, остальнымъ предлагалось ждать. А между тѣмъ продолжалось изгнаніе изъ деревень, сопровождаемое всѣми ужасами насилія. Если нѣкоторые кагалы, опасаясь разстройства общинной жизни, убѣждали изгнанниковъ не уходить въ далекую Новороссію, то другіе кагалы, по мѣрѣ силъ, предоставляли мѣстнымъ властямъ матеріальныя средства для оказанія помощи переселенцамъ [1]). Но это была капля въ морѣ. Среди изгнанниковъ появились болѣзни, усилилась смертность. Возникло опасеніе эпидемій.

Гр. Кочубей лучше всѣхъ сознавалъ необходимость пріостановить массовое изгнаніе изъ деревень, но могло-ли правительство выразить на это свое согласіе и нанести, какъ обычно думаютъ въ такихъ случаяхъ, ущербъ престижу власти? Выйти изъ запутаннаго положенія помогло совершенно побочное обстоятельство.

Въ это время далеко за предѣлами Россіи произошло событіе, которое, не имѣя никакой внутренней связи съ евреями въ Россіи, все же сыграло нѣкоторую роль въ исторіи изгнанія. Наполеонъ I созвалъ (1806 г.) въ Парижѣ собраніе нотаблей еврейскихъ для разрѣшенія различныхъ вопросовъ, касающихся религіи и быта евреевъ. Засѣданія собранія нотаблей были открыты съ большой торжественностью, а при тогдашнемъ политическомъ настроеніи этотъ декорумъ могъ создать преувеличенное представленіе о намѣреніяхъ Наполеона по отношенію къ евреямъ. Тревога должна была усилиться, когда вслѣдъ затѣмъ Наполеонъ рѣшилъ созвать въ Парижѣ Синедріонъ съ цѣлью „снова вызвать истинный духъ закона, истолковать законы іудейства, согласно духу времени, положить конецъ ложнымъ или спорнымъ толкованіямъ и создать новую организацію“. Чтобы Синедріонъ занялъ

[1]) В. Никитинъ, цитированное сочиненіе.

подобающее ему мѣсто, было рѣшено оповѣстить объ его созывѣ всѣ синагоги Европы и пригласить ихъ прислать депутатовъ въ Парижъ.

Это обстоятельство вызвало въ Петербургѣ извѣстныя опасенія. Періодическая печать удѣлила вниманіе затѣѣ Наполеона, усматривая въ ней попытку объединить евреевъ всѣхъ странъ и склонить ихъ на сторону Франціи [1]). Правительство также рѣшило заняться этимъ вопросомъ въ связи съ принудительнымъ выселеніемъ евреевъ изъ деревень.

24 августа 1806 г. [2]) „Государь Императоръ повелѣлъ по случаю того, что Бонапартъ созвалъ въ Парижѣ собраніе представителей евреевъ, имѣющее главной цѣлью дать евреямъ разныя преимущества и связать евреевъ всей Европы, созвать особый комитетъ для обсужденія того, не требуетъ ли это обстоятельство принятія какихъ-либо особыхъ мѣръ относительно русскихъ евреевъ“ [3]). Былъ, повидимому, поднятъ вопросъ объ отсрочкѣ выселенія евреевъ изъ деревень. Въ составъ вновь образованнаго комитета вошли министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Будбергъ, Кочубей, Чарторыжскій [4]).

Въ это время политическое положеніе Россіи обострилось. 16 ноября 1806 г. послѣдовалъ манифестъ о войнѣ съ Франціей, а вслѣдъ затѣмъ о составленіи милиціи. Русское общество не было въ то время проникнуто воинственнымъ настроеніемъ, образованіе милиціи было принято какъ чрезвычайно обременительная мѣра. И вотъ, чтобы поднять общественное настроеніе, была сдѣлана попытка внушить населенію, что война ведется во имя православной церкви. При этомъ случаѣ не преминули вспомнить о евреяхъ. Правительствующій Синодъ разослалъ (декабрь 1806 г.) „объявленіе“, рисовавшее Наполеона богопротивникомъ. Обвинивъ Наполеона въ томъ, что въ Египтѣ онъ проповѣдывалъ коранъ, пріобщился къ гонителямъ Христовой церкви и проч., посланіе Синода гласило далѣе: „Наконецъ, къ вящшему посрамленію оной, созвалъ во Франціи іудейскія синагоги, повелѣлъ явно воздавать раввинамъ ихъ почести и установилъ новый великій сангедринъ Еврейскій, сей самый богопротивный соборъ, который нѣкогда дерзнулъ осудить на распятіе Господа нашего

---

[1]) С. М. Гинзбургъ, Отечественная война 1812 года и русскіе евреи (Спб., 1912 г.), стр. 14 и слѣд.

[2]) Дата указана въ академич. изданіи сочиненій Державина (т. VI, изд. 1876 г., стр. 761, подстр. примѣчаніе) по рукописному сборнику гр. Д. Толстого.

[3]) И. Оршанскій, Русское законодательство о евреяхъ, стр. 271 (кажется, это цитата изъ какого-то документа).

[4]) Тамъ-же, стр. 272. См. также акад. изд. сочиненій Державина, т. VI, стр. 761.

и Спасителя Іисуса Христа,—и теперь помышляетъ соединить Іудеевъ, гнѣвомъ Божіимъ разсыпанныхъ по всему лицу, и устремить ихъ на ниспроверженіе Церкви Христовой и (о дерзость ужасная, превосходящая мѣру всѣхъ злодѣяній!) на провозглашеніе лжемессіи въ лицѣ Наполеона... Отринувъ мысли о правосудіи Божіемъ, онъ мечтаетъ въ буйствѣ своемъ, съ помощію ненавистниковъ имени христіанскаго и способниковъ его нечестія, Іудеевъ, похитить (о чемъ каждому человѣку и помыслить ужасно!) священное имя Мессіи; покажите ему, что онъ тварь, совѣстію сожженная и достойная презрѣнія...“

„Перечитывая эту грозную филиппику—говоритъ историкъ царствованія Александра I, Н. Шильдеръ [1]),—нельзя не удивляться искусству, съ которымъ извращалась въ этомъ объявленіи историческая обстановка данной минуты. Войну, предпринятую единственно ради спасенія погибавшей Пруссіи, чтобы не дать этому государству исчезнуть съ карты Европы, превращали въ народную войну, направленную противъ гонителя православной церкви, мечтавшаго, при содѣйствіи іудеевъ, провозгласить себя Мессіей!“.

Такое же, по существу, объявленіе выпустилъ митрополитъ римско-католическихъ церквей въ Россіи.

Были приняты мѣры къ тому, чтобы посланіе Синода получило широкую огласку. Повременная печать, съ своей стороны, также усердно распространяла представленіе о Наполеонѣ какъ о лжемессіи [2]).

Къ счастью, синодское посланіе, насколько извѣстно, никого не смутило. Но характерно, что когда на призывъ государя, обращенный къ дворянству, купечеству и мѣщанству, оказать содѣйствіе добровольными приношеніями устройству ополченія, откликнулись и евреи, то въ официіальныхъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ печатались списки жертвователей, среди которыхъ часто упоминаются кагалы, еврейскія общества и частные евреи [3]), и этимъ спискамъ предшествовало объявленіе, что государь повелѣлъ „предать во всенародное извѣстіе и въ память потомству“ имена жертвователей. Такимъ образомъ, евреи, съ одной стороны, объявлялись союзниками врага, а съ другой—сынами отечества, достойными благодарной памяти.

Вопросъ о томъ, могутъ ли событія во Франціи повліять на отношеніе правительства къ евреямъ въ Россіи, былъ различно разрѣшенъ членами комитета, образованнаго въ 1806 г. Будбергъ

---

[1]) Н. Шильдеръ, Исторія Александра I (т. II, стр. 155—157, 352—361).

[2]) С. Гинзбургъ, Отечественная война 1812 года и русскіе евреи, стр. 32 и др.

[3]) Тамъ же, стр. 36 и слѣд. (списокъ пожертвованій, сдѣланныхъ евреями).

заявилъ, что, не взирая ни на что, Положеніе 1804 года должно быть исполняемо строго, и евреевъ слѣдуетъ выселить изъ деревень. Но гр. Кочубей (а вмѣстѣ съ нимъ и Чарторыжскій) былъ другого мнѣнія; 10 февраля 1807 г. онъ представилъ по этому поводу записку государю; указывая въ ней, что „сомнѣнія въ томъ никакого быть не можетъ, что правительство всѣми мѣрами должно удерживать постановленія свои", Кочубей, вмѣстѣ съ тѣмъ, обращалъ вниманіе на то, что „нельзя отрицать, чтобы оно (правительство) не могло найтись въ необходимости отступить иногда отъ правила сего", и потому онъ полагалъ бы необходимымъ „дать отсрочку къ переселенію евреевъ изъ деревень въ города и мѣстечки, поставивъ вообще націю сію въ осторожность противъ намѣреній французскаго правительства" [1]).

Ссылка Кочубея на намѣренія французскаго правительства должна была лишь замаскировать—въ глазахъ тѣхъ, кто склонялся въ пользу немедленнаго выселенія евреевъ изъ деревень и, повидимому, въ глазахъ, главнымъ образомъ, государя—дѣйствительное положеніе вещей; если созывъ Синедріона и внушалъ нѣкоторыя опасенія, то все же при разрѣшеніи вопроса о выселеніи принимались во вниманіе обстоятельства иного характера,— о французскихъ дѣлахъ въ позднѣйшихъ документахъ ничего не говорится, а въ запискѣ самого Кочубея въ оправданіе отсрочки выселенія приведены такіе мотивы, ничего общаго не имѣющіе съ парижскимъ событіемъ, которые неоднократно повторялись въ позднѣйшихъ документахъ. Кочубей указывалъ, что евреи могли бы быть частью переселены въ города и мѣстечки, но значительное число мѣстечекъ носитъ лишь такое названіе, въ дѣйствительности же въ нѣкоторыхъ изъ нихъ „нѣтъ ни промысловъ, ни торговъ и никакихъ другихъ къ пропитанію способовъ", и что переселенцы не могли бы найти тамъ даже убѣжища, „а тѣмъ менѣе могутъ по бѣдности сами себѣ выстроить дома". Къ тому же нѣкоторые города и мѣстечки, населенные главнымъ образомъ евреями, выгорѣли, и евреи-погорѣльцы не только не въ силахъ принять у себя единовѣрцевъ, выселяемыхъ изъ деревень, но сами вынуждены направляться въ деревни, а такъ какъ ихъ туда не пускаютъ, то они „бродятъ и скитаются". Что касается тѣхъ, кто, согласно видамъ правительства, желалъ обратиться къ фабричной дѣятельности, то фабрикъ казенныхъ не было и „правительство не могло еще сдѣлать о семъ никакого особаго распорядка"; частныхъ же фабрикъ было такъ мало, „что только развѣ

[1]) Эти строки, въ видѣ цитаты, имѣются въ докладѣ комитета, образованнаго въ 1809 г.; см. Русскій Архивъ, 1903 г., кн. II, стр. 258. См. также Оршанскій, Русское законодательство о евреяхъ, стр. 272.

нѣсколько евреевъ могли бы въ иныхъ найти пристанище". Печально обстояло дѣло и съ переселенiемъ на казенныя земли. Удовлетворить требованiе евреевъ, изъявившихъ желанiе перейти на казенныя земли—говорилъ Кочубей,—не только неудобно, такъ какъ казна должна была бы истратить много денегъ, не имѣя увѣренности въ успѣхѣ, но и совсѣмъ невозможно. „Вообще, ни сами они (т. е. евреи) не могутъ имѣть способовъ, оставивъ нынѣшнiя жилища по селамъ, деревнямъ и корчмамъ, найти оныя себѣ въ иныхъ мѣстахъ, ни правительство не можетъ въ томъ имъ подать никакого пособiя" [1]).

Эта записка была Высочайше утверждена. Но она отнюдь не убѣдила государя въ необходимости уступить непреклонному требованiю жизни. Стремясь улучшить положенiе бѣдствующаго крестьянина и встрѣчая на своемъ пути препятствiя въ основахъ государственнаго строя, государь не желалъ примириться съ сознанiемъ своего безсилiя. Неудовлетворенная жажда дѣйствовать въ пользу крестьянъ заставляла Александра I быть исключительно настойчивымъ въ отношенiи евреевъ; государь соглашался въ крайнемъ случаѣ нѣсколько смягчить мѣру выселенiя, но никакъ не отказаться отъ нея [2]).

Записка Кочубея побудила правительство предпринять мѣры въ двоякомъ направленiи: съ одной стороны, нужно было предотвратить возможность влiянiя французскихъ событiй на настроенiе евреевъ, а съ другой стороны—надо было ближе ознакомиться съ вопросомъ о выселенiи изъ деревень.

20 февраля 1807 г. гр. Кочубей предписалъ начальникамъ западныхъ губернiй имѣть наблюденiе за тѣмъ, нѣтъ ли какихъ-нибудь сношенiй между русскими евреями и парижскимъ собранiемъ, и принять мѣры противъ возможности такихъ сношенiй; при этомъ — для того, чтобы отклонить симпатiи евреевъ отъ синедрiона—предлагалось внушать евреямъ, что парижское собранiе стремится къ измѣненiю еврейской религiи; въ предписанiи упоминалось также, что парижское собранiе имѣетъ, вѣроятно, цѣлью дать французскому правительству возможность политическаго влiянiя, чрезъ посредство евреевъ, во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ послѣднiе обитаютъ [3]).

---

[1]) Эти строки заимствованы изъ позднѣйшаго документа, а именно, доклада кн. Куракина, замѣстителя Кочубея, но, какъ сообщаетъ докладъ комитета, образованнаго въ 1809 г., выставленные Куракинымъ мотивы въ пользу отсрочки выселенiя, „суть почти всѣ тѣ же", на какiе указалъ Кочубей.

[2]) Юлiй Гессенъ, Законъ и жизнь (Спб. 1911 г.), стр. 48.

[3]) И. Оршанскiй, Русское законодательство о евреяхъ, стр. 272.

Что касается вопроса о выселеніи, то для его разрѣшенія былъ образованъ комитетъ, въ который, кромѣ Кочубея, Чарторыжскаго и Будберга, вошли бывшіе члены комитета, выработавшаго Положеніе 1804 года, Лопухинъ и Северинъ Потоцкій, а также гр. Чацкій и Новосильцевъ [1]). Одновременно правительство созвало депутатовъ отъ еврейскихъ обществъ и поручило сенатору Алексѣеву изучить вопросъ на мѣстѣ [2]).

19 февраля 1807 г. послѣдовалъ слѣдующій Высочайшій указъ на имя начальниковъ западныхъ губерній [3]).

„Отъ Еврейскаго Виленскаго кагала принесено Намъ прошеніе, въ коемъ, между прочимъ, изъясняются разныя затрудненія, предстоящія въ исполненіи Положенія, въ 1804 г. о евреяхъ изданнаго. Желая дать подданнымъ Нашимъ еврейскаго народа новое доказательство попеченія Нашего о ихъ благосостояніи, Мы признали за благо дозволить всѣмъ еврейскимъ обществамъ, въ губерніяхъ Виленской, Гродненской, Кіевской, Минской, Подольской, Волынской, Витебской и Могилевской существующимъ, избрать депутатовъ и представить, посредствомъ ихъ, начальникамъ тѣхъ губерній, гдѣ они живутъ, о способахъ, кои сами они признаютъ болѣе удобными къ успѣшнѣйшему исполненію мѣръ, въ Положеніи 9 декабря 1804 г. изображенныхъ, и о средствахъ, каковыя приняты быть могутъ, безъ отмѣны сего Положенія, къ лучшему ихъ устройству на будущее время...“

Какъ мы видимъ изъ этого указа, готовясь смягчить въ томъ или другомъ направленіи мѣру выселенія, правительство не сослалось на фактическое положеніе вещей, предъ которымъ, какъ могло понять общество, государственная власть оказалась безсильной. Воспользовавшись тѣмъ, что виленскій кагалъ обратился съ ходатайствомъ къ государю, правительство хотѣло придать указу характеръ милостиваго акта по отношенію къ еврейскому населенію. О ходатайствѣ виленскаго кагала упомянуто и въ рескриптѣ (15 февраля 1807 г.) на имя сенатора Алексѣева. Рескриптъ указывалъ, что война, возложившая на помѣщиковъ различныя заботы, можетъ затруднить выселеніе; хотя отмѣна или

---

[1]) См. цитированный выше докладъ комитета 1809 г.—Оршанскій, также сообщающій о комитетѣ въ составѣ указанныхъ семи лицъ, полагаетъ, что это былъ тотъ самый комитетъ, созванный въ 1806 г., который разсматривалъ вопросъ о Синедріонѣ (Русское законодательство о евреяхъ, стр. 277). Повидимому, комитетъ 1806 г. былъ пополненъ въ 1807 г. новыми компетентными членами, что было, вѣроятно, вызвано несогласіемъ государя съ Кочубеемъ въ вопросѣ о выселеніи.

[2]) Алексѣевъ отправился въ западный край съ различными порученіями.

[2]) Архивъ сената, I департаментъ, 1804 г., дѣло № 423 „О евреяхъ“, стр. 165, 167 и др.

отсрочка переселенія „можетъ имѣть великія неудобства, но, съ другой стороны, нельзя не принять во вниманіе краткость остающагося къ переселенію срока, военныя обстоятельства, настоящее положеніе пограничныхъ губерній и разореніе, каковое евреи понести должны, если силою понуждены они будутъ къ переселенію". Поэтому Алексѣеву поручалось удостовѣриться, насколько мѣстныя обстоятельства могутъ затруднить переселеніе евреевъ. „Возлагая на васъ—гласилъ далѣе рескриптъ—пріобрѣсти на мѣстѣ сіе удостовѣреніе, Я поручаю вамъ войти въ разсмотрѣніе способовъ, кои могутъ имѣть евреи, чтобъ къ 1808 г. изъ деревень переселиться; если найдете вы сіе возможнымъ..., то вы не оставите силою сего подтвердить всѣмъ гражданскимъ губернаторамъ, чтобъ общее положеніе о евреяхъ приводимо было повсемѣстно въ точное исполненіе. Если же вы найдете, что предположеніе сіе безъ крайняго разоренія къ назначенному сроку... совершиться не можетъ, тогда вы представите Мнѣ какъ о дѣйствительныхъ причинахъ сей невозможности, такъ и о средствахъ, коими бы можно было, по крайней мѣрѣ, постепенно привести во исполненіе тѣ виды, кои въ положеніи о евреяхъ для пользы края и для лучшаго ихъ самихъ устройства были постановлены..." [1]).

Въ западномъ краѣ состоялись выборы еврейскихъ депутатовъ, и ихъ объясненія, касавшіяся не только выселенія, но и другихъ сторонъ еврейской жизни, затронутыхъ Положеніемъ 1804 года, были препровождены, съ отзывами губернаторовъ, въ Петербургъ.

Депутаты, конечно, высказались за то, чтобы выселеніе было отложено на долгій срокъ. Нѣкоторые губернаторы присоединились къ этому пожеланію [2]). Сенаторъ Алексѣевъ не воспользовался предоставленнымъ ему правомъ предписать губернаторамъ немедленно осуществить мѣру выселенія. А комитетъ, признавъ невозможнымъ переселить евреевъ въ короткій срокъ, указалъ

---

[1]) Архивъ сената, I департаментъ, 1804 г. № 423, стр. 170,

Будучи новгородско-сѣверскимъ губернаторомъ, Алексѣевъ считалъ евреевъ желательнымъ для края элементомъ (см. первое полное собраніе законовъ, № 17605). Командировка Алексѣева, снабженнаго полнотой власти, чтобы осуществить мѣру, въ извѣстной мѣрѣ осужденную Кочубеемъ и Чарторыжскимъ, даетъ основаніе полагать, что требованіе о выселеніи евреевъ изъ уѣздовъ не было выставлено по собственной инціативѣ извѣстнымъ намъ комитетомъ 1802 г., въ которомъ участвовали Чарторыжскій и Кочубей, а было введено въ Положеніе 1804 г. подъ вліяніемъ извнѣ. Не лишне здѣсь отмѣтить, что въ докладѣ, при которомъ былъ представленъ государю проектъ Положенія 1804 г., ничего не было сказано о массовомъ изгнаніи.—Кочубей ознакомилъ Алексѣева съ подробностямн вопроса о выселеніи.

[2]) По словамъ Алексѣева.

на тѣ печальныя послѣдствія, къ которымъ это привело бы: евреи не имѣютъ необходимыхъ для переселенія матеріальныхъ средствъ, а правительство, съ своей стороны, оказалось безсильнымъ помочь тѣмъ, кто хотѣлъ перейти къ земледѣлію и фабричному производству [1]). Несомнѣнно, комитетъ не могъ предполагать, чтобы въ ближайшее время обстоятельства настолько измѣнились, чтобы можно было надѣяться на фактическое выселеніе евреевъ изъ деревень; комитетъ, какъ видно, считалъ нужнымъ совершенно отказаться отъ этого намѣренія, но онъ не смѣлъ поставить вопросъ столь широко, и ему пришлось ограничиться отсрочкой. Пользоваться такимъ фиговымъ листкомъ, какимъ въ свое время послужили событія во Франціи, уже нельзя было болѣе, такъ какъ борьба Александра I съ Наполеономъ закончилась Тильзитскимъ миромъ (іюнь 1807 г.).

Мнѣніе комитета было Высочайше утверждено, а вслѣдъ затѣмъ былъ изданъ указъ—19 октября 1807 г. [2])—не соотвѣтствовавшій тому, что вытекало изъ заявленій комитета. Умолчавъ о дѣйствительныхъ причинахъ неудачи, постигшей мѣру выселенія, указъ ограничился ссылкой на условія военнаго времени и на ходатайства еврейскихъ депутатовъ. Согласно указу, съ 1-го января 1808 г. должно было „безъ отлагательства малѣйшаго и послабленія“ начаться переселеніе частями, съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ теченіе трехъ лѣтъ оно было завершено; было предписано учредить въ губерніяхъ комитеты изъ дворянъ, которые предлагали бы кагаламъ дѣлать денежныя складки для цѣли переселенія, побуждали бы помѣщиковъ основывать на своихъ земляхъ еврейскія колоніи, поощряли бы богатыхъ евреевъ устраивать фабрики, а равнымъ образомъ заботились бы объ отпускѣ казною средствъ для переселенія неимущихъ.

Во всемъ этомъ не было ничего реальнаго. Менѣе всего слѣдовало ожидать, что дворяне позаботятся о еврейскомъ населеніи,—и дѣйствительно, дворянскіе комитеты не проявили никакой дѣятельности [3]). Безпочвенными являлись также надежды на по-

---

[1]) См. журналъ комитета отъ 19 сентября 1807 г., приведенный въ докладѣ комитета, образованнаго въ 1809 г. Гр. Чацкій опредѣлилъ число выселенцевъ въ 60 тысячъ семействъ.

[2]) Первое полное собраніе законовъ, № 22651; здѣсь приведенъ указъ на имя каменецъ-подольскаго военнаго губернатора Эссена; подобные же указы послѣдовали и на имя другихъ начальниковъ губерній; см. Никитинъ, Еврейскія земледѣльч. колоніи, Восходъ, 1881 г., кн. I, стр. 98.—Въ указѣ отъ 29 декабря 1808 г. (Первое полн. собраніе законовъ № 23424) упоминается указъ 19 октября 1807 г. на имя могилевскаго губернатора.

[3]) Никитинъ (названное сочиненіе) говоритъ о дворянскихъ комитетахъ, что „ихъ точно нигдѣ и не существовало“.

мощь со стороны кагаловъ, такъ какъ еврейскія общины были бѣдны [1]). Лишь одно представляло собою реальную дѣйствительность. А именно: въ силу вышеупомянутаго указа, евреевъ каждой губерніи въ отдѣльности разбили на три части, и первую очередную часть стали безпощадно изгонять изъ деревень; въ теченіе послѣдующихъ двухъ лѣтъ этотъ жребій долженъ былъ постигнуть и остальныя двѣ группы.

Между тѣмъ былъ полученъ и всеподданнѣйшій рапортъ сенатора Алексѣева [2]). Повторивъ то, что многіе говорили о невозможности выселить евреевъ въ короткій срокъ, онъ указывалъ, что если это все же состоится въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ, то послѣдуетъ большое несчастье, такъ какъ и безъ пришельцевъ города и мѣстечки не могутъ въ достаточной мѣрѣ пропитать мѣстное еврейское населеніе. Къ тому же, результаты гоненій уже сказались: возросшая среди еврейскаго населенія бѣдность привела къ увеличенію преступности среди него.

Выселенцамъ негдѣ было преклонить голову, такъ какъ города и мѣстечки были переполнены, и несчастные молили, чтобы ихъ поселили поскорѣе въ Новороссіи. Губернаторы также усердно хлопотали, чтобы въ Новороссію было направлено возможно большее число бездомныхъ семействъ, и спрашивали, какими мѣрами сдерживать ихъ порывы и спасти ихъ отъ нищеты. Но новороссійская администрація отказывалась отъ принятія новыхъ поселенцевъ, и министру внутреннихъ дѣлъ Куракину, подобно его предшественнику Кочубею, приходилось задерживать изгнанниковъ тамъ, гдѣ они кочевали, не находя пріюта, и совѣтовать этимъ голоднымъ людямъ запастись терпѣніемъ и заняться пока физическимъ трудомъ [3]), чтобы подготовиться къ будущей дѣятельности хлѣбопашца!

---

[1]) Тамъ же. Когда могилевскій губернаторъ сообщилъ, что многія общества согласны обложить себя на пять лѣтъ сборомъ по 5000 рублей, лишь бы выселенцы были водворены въ Новороссіи, министръ внутр. дѣлъ Куракинъ отказался отъ этого именно въ виду бѣдности евреевъ.

[2]) Отъ 5 декабря 1807 г. Сборникъ историч. матеріаловъ изъ архива Собств. Е. И. В. Канцеляріи (1889 г.), вып. II, отд. II, стр. 337—344 (въ дальнѣйшемъ приведены рапорты Алексѣева и по другимъ, возложеннымъ на него, порученіямъ, касающимся западнаго края).—Алексѣевъ предлагалъ брать въ солдаты празднашатающихся и порочныхъ евреевъ и вообще привлечь евреевъ къ рекрутской повинности, чѣмъ сократилось бы число бездомныхъ, такъ какъ кагалы постарались бы пріохотить евреевъ къ земледѣлію, чтобы спасти ихъ отъ рекрутчины.

[3]) Никитинъ, Еврейскія землед. колоніи.—Въ 1810 г. переселеніе евреевъ въ Новороссію было прекращено за недостаткомъ средствъ у казны; половина денегъ, ассигнованныхъ на переселеніе, была употреблена на посторонніе расходы (Первое полное собраніе законовъ, 24185а. Положеніе комитета министровъ отъ 6 апрѣля 1810 г.).

Сотни семействъ были удалены изъ деревень· тысячи голодныхъ бродили, ища хлѣба. Наводненіе края бездомными нищими встревожило мѣстную власть: среди мирнаго еврейскаго населенія зародился элементъ, опасный для общественнаго спокойствія. Въ столицу посыпались донесенія, что законъ 1804 г. неосуществимъ. Бѣдствіе, выпавшее на долю евреевъ, стало превращаться въ общее несчастье. Тогда, наконецъ, Куракинъ рѣшился высказать то, что всѣми сознавалось, но о чемъ не смѣли говорить.

Въ запискѣ, утвержденной государемъ 23 декабря 1808 г. Куракинъ, повторивъ то, что было сказано два года назадъ Кочубеемъ, заявилъ откровенно, что евреевъ необходимо оставить на старыхъ мѣстахъ, „пока они были бы постепенно переселены на казенныя земли, къ чему потребно нѣсколько десятковъ лѣтъ, по чрезмѣрному ихъ количеству“ [1]). При этомъ Куракинъ предложилъ образовать новый комитетъ для разсмотрѣнія злосчастнаго вопроса [2]).

Такимъ образомъ вопросъ не былъ еще окончательно разрѣшенъ. Куракинъ выявилъ необходимость пріостановить выселеніе, и этимъ онъ сдѣлалъ шагъ впередъ по сравненію со своимъ предшественникомъ. Но совершенно снять вопросъ съ очереди Куракинъ не осмѣлился. Завершеніе дѣла было предоставлено новому комитету.

Указомъ 29 декабря 1808 г. [3]) государь повелѣлъ пріостановить выселеніе и оставить евреевъ „на ихъ жительствахъ по прежнему“, впредь до повелѣнія. При этомъ государь предписалъ „войти въ особенное и окончательное“ разсмотрѣніе вопроса, каковая задача, указомъ 5 января 1809 г. [4]), была возложена на виднаго государственнаго дѣятеля того времени, сенатора В. С. Попова. Онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ вновь образованнаго комитета въ составѣ знакомыхъ намъ Северина Потоцкаго и сенатора Алексѣева, а также товарища министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева, писателя, просвѣщеннаго человѣка, который въ качествѣ сенатора разрѣшалъ разнообразные вопросы еврейской жизни; позже въ комитетѣ принялъ участіе бывшій минскій губернаторъ, масонъ Карнѣевъ, близко знакомый съ положеніемъ евреевъ

[1]) Содержаніе записки Куракина приведено въ докладѣ комитета, образованнаго въ 1809 г.; какъ тождественная во многомъ съ представленіемъ Кочубея, записка Куракина изложена мною выше (стр. 339—340), за исключеніемъ строкъ о томъ, что для переселенія нужны десятки лѣтъ, каковое заявленіе принадлежитъ одному лишь Куракину; Кочубей, склонившись вообще къ отсрочкѣ, не указалъ срока.

[2]) Акад. изданіе сочиненій Державина, т. VI (1876 г.), стр. 762, подстр. примѣч.

[3]) Первое полное собраніе законовъ, № 23424.

[4]) Тамъ же, № 23435.

въ деревняхъ. Комитету было поручено разсмотрѣть просьбы депутатовъ касательно отмѣны различныхъ постановленій Положенія 1804 г., а особливо ходатайства объ отсрочкѣ выселенія.

По требованію указа предстояло изыскать мѣры, посредствомъ которыхъ евреи, будучи удалены отъ винныхъ промысловъ, могли бы „себѣ доставлять пропитаніе работой“ [1]). Но въ чемъ же могли заключаться такія мѣры, когда, по словамъ того же указа, невозможность переселенія „не отъ чего иного главнѣйше происходитъ, какъ только отъ того, что евреи, по нищетѣ ихъ, не имѣютъ сами способовъ, оставивъ настоящія ихъ жительства, устроиться и обзавестись въ новыхъ состояніяхъ. Правительство равнымъ образомъ не можетъ принять на себя водвореніе всѣхъ ихъ на новыхъ мѣстахъ“. Такимъ образомъ комитетъ имѣлъ предъ собою одинъ выходъ: отмѣнить выселеніе. Но евреи, измученные событіями послѣднихъ лѣтъ, не могли освободиться отъ опасенія, что наступившее затишье смѣнится вскорѣ грозой. Къ тому же, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ власти запрещали евреямъ, жившимъ въ деревняхъ, заниматься винными промыслами, такъ какъ, несмотря на то, что выселеніе было пріостановлено, послѣдовало разъясненіе, что тѣ евреи, которые попали въ партію, подлежавшую выселенію въ первую очередь, должны немедленно прекратить винные промыслы; принадлежавшіе ко второй очереди могли продолжать промыслы въ теченіе лишь года, а тѣ, кто былъ зачисленъ въ третью очередь, могли заниматься ими въ теченіе двухъ лѣтъ [2]). Евреи стали испытывать страшную нужду, и ихъ „повѣренные“ присылали въ столицу прошенія, въ которыхъ, „съ большей или меньшей силою въ выраженіяхъ описывая крайне стѣсненное положеніе и совер-

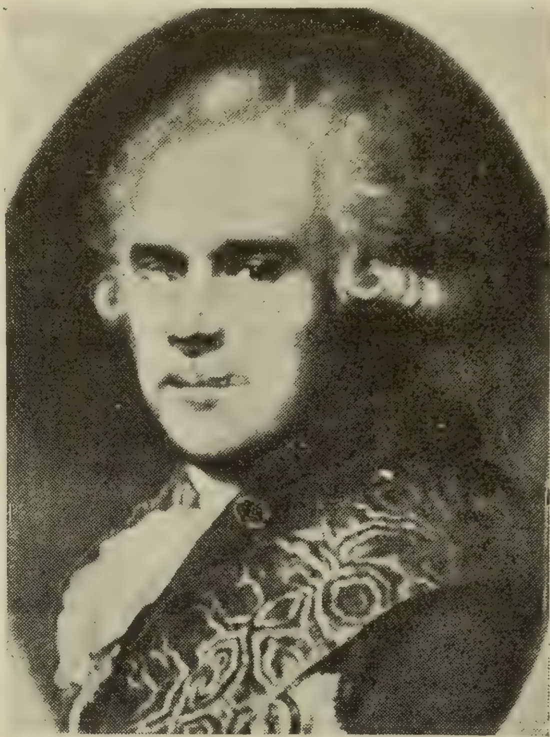
---

[1]) Въ 1809 г. въ Кременчугѣ была устроена, на средства казны, „училищная фабрика для евреевъ“, чтобы создать новую отрасль промышленности и предоставить евреямъ возможность заняться фабрично-ремесленнымъ трудомъ. На фабрикѣ мастера должны были обучать евреевъ суконодѣлію; при фабрикѣ имѣлись помѣщенія для 40 еврейскихъ семей, содержащихся на средства казны; по истеченіи года обучившіеся должны были селиться въ Малороссіи для самостоятельной выдѣлки сукна. Къ сожалѣнію, попытка не имѣла успѣха и фабрика была вскорѣ упразднена (И. Павловскій, Кременчугская фабрика суконодѣлія для евреевъ въ началѣ XIX в. Голосъ минувшаго, 1913 г., кн. X.). Подобную фабрику было предположено устроить также въ Черниговѣ. См. Журналы комитета министровъ (1888 г.), т. I, стр. 233, 249, 255², 285. Также: Архивъ Госуд. совѣта, т. IV (департ. экономіи), ч. II, стр. 1401—1403.

[2]) Постановленіе комитета министровъ 5 мая 1809 г. См. Журналы комитета министровъ, т. I (1888 г.), стр. 285.—Исключеніе было сдѣлано для казенныхъ селеній, гдѣ евреи были допущены, въ казенныхъ интересахъ, къ торгу на винные откупа. См. указъ сената херсонскому губ. правленію 14 марта 1811 г. (копія указа въ архивѣ Госуд. совѣта, департ. законовъ, 1835 г., дѣло № 11).

шенное разореніе цѣлаго еврейскаго народа, сколько отъ долговременнаго неустроенія его участи, столько отъ нарушенія его правъ“, ходатайствовали о подтвержденіи разрѣшенія заниматься прежними промыслами.

Послѣ трехлѣтней работы комитетъ Попова изготовилъ (17 марта 1812 г.) всеподданнѣйшій докладъ [1]). Главное значеніе этого документа заключается въ томъ, что онъ представляетъ собою результатъ коллективной мысли. Комитетъ не обосновалъ своего рѣшенія новыми фактами и не пришелъ къ новымъ выводамъ; онъ лишь правильно подвелъ итогъ старымъ матеріаламъ и выводамъ. Ознакомившись съ документами, собиравшимися въ теченіе 25 лѣтъ, служившими полнымъ отраженіемъ сложной дѣйствительной жизни въ западныхъ губерніяхъ, комитетъ пришелъ къ необходимости повторить то, что до него говорили многіе представители мѣстной власти, помѣщики и евреи. И этимъ онъ разсѣялъ легенду о евреѣ, какъ виновникѣ крестьянскихъ бѣдъ. Если даже не согласиться со всѣми заявленіями комитета, все же надо признать, что, всесторонне изслѣдовавъ вопросъ о пребываніи евреевъ по сосѣдству съ крестьянами, комитетъ сумѣлъ разобраться въ



Сенаторъ В. С. Поповъ
(въ молодые годы).

[1]) Впервые докладъ былъ использованъ Оршанскимъ (1871 г.), а 15—20 лѣтъ спустя М. Θ. Шугуровымъ въ работѣ „Исторія евреевъ въ Россіи“, напечатанной послѣ его смерти въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1894 г.—Шугуровъ отнесся къ докладу крайне отрицательно. Когда же этотъ документъ, извлеченный изъ бумагъ Шугурова, появился полностью въ „Русск. Архивѣ“ за 1903 г., то докладъ оказался снабженнымъ введеніемъ, за подписью М. Θ. Шугурова, отмѣчающимъ, что комитетъ Попова разрѣшилъ еврейскій вопросъ „въ духѣ терпимости, просвѣщеннаго свободолюбія и полной справедливости“.—Въ примѣчаніяхъ къ докладу, напечат. въ „Русск. Архивѣ“ за 1903 г., указываются мѣста, будто бы подчеркнутыя Александромъ I. По моему мнѣнію, это было сдѣлано Оршанскимъ. Подробности см. въ моей книгѣ „Евреи въ Россіи“ (стр. 335—337, подстр. примѣчаніе).

Голицынъ (Исторія русск. законодательства о евреяхъ, стр. 556) сообщаетъ, безъ указанія источника, что докладъ былъ составленъ Алексѣевымъ. Шугуровъ, не приводя фактическихъ доказательствъ, говоритъ, будто на докладѣ комитета отразилось вліяніе Сперанскаго.

этомъ обострившемся общественно-экономическомъ явленіи, и что, разсмотрѣвъ его съ государственно-хозяйственной точки зрѣнія, онъ правдиво и смѣло засвидѣтельствовалъ, какъ безполезна борьба съ этимъ явленіемъ помощью такого способа, какъ изгнаніе многотысячнаго населенія съ насиженныхъ мѣстъ. Спокойное безпристрастное освѣщеніе, данное вопросу комитетомъ, много выигрываетъ при сопоставленіи со спѣшностью и настойчивостью, съ которыми высшая власть, въ благородномъ, но недостаточно обдуманномъ стремленіи, пыталась изгнать евреевъ изъ уѣздовъ.

Указавъ на то, что въ бывшихъ польскихъ губерніяхъ, благодаря отсутствію прочнаго сельскаго хозяйства, винокуреніе и арендное управленіе остались главнѣйшими источниками помѣщичьихъ доходовъ, и что евреи, въ силу необходимости, должны были заняться продажей водки, комитетъ призналъ, что вообще было бы желательно — будь это фактически возможно, — чтобы евреи обратились къ другимъ занятіямъ, но, во всякомъ случаѣ, замѣна евреевъ христіанами въ роли арендаторовъ и корчмарей никому не принесла бы пользы, ни крестьянамъ, ни помѣщикамъ, ни государству, — крестьяне по прежнему пьянствовали бы, кто бы ни стоялъ въ шинкѣ, а между тѣмъ тысячи крестьянъ были бы оторваны отъ земледѣльческаго труда и превращены въ шинкарей, что уменьшило бы доходы помѣщика и нанесло бы ущербъ государству; къ тому же, евреи приносятъ несомнѣнную пользу въ деревняхъ—они занимаются торговлей, доставляютъ крестьянину все необходимое изъ города, возятъ почту. „Доколѣ у Бѣлорусскихъ и Польскихъ помѣщиковъ будетъ существовать теперешняя система экономіи, основанная на продажѣ вина,—заявилъ комитетъ—доколѣ помѣщики не перестанутъ, такъ сказать, покровительствовать пьянству, дотолѣ зло сіе, возрастая годъ отъ году, никакими усиліями не истребится, и послѣдствія будутъ все тѣ же, кто бы ни былъ приставленъ къ продажѣ вина, еврей или христіанинъ“.

И, принимая во вниманіе бѣдственное состояніе еврейскаго населенія, еще болѣе разореннаго попытками выселить его изъ деревень, незначительность городовъ и мѣстечекъ, не могущихъ дать пропитаніе пришельцамъ, отсутствіе по близости свободныхъ казенныхъ земель для поселенія евреевъ, недостатокъ средствъ у казны, принявъ, наконецъ, во вниманіе пользу, приносимую крестьянамъ евреями своей торгово-промышленной дѣятельностью, комитетъ, опасаясь, къ тому же, что дальнѣйшія насильственныя мѣры, при тревожныхъ политическихъ условіяхъ, ожесточатъ уже „до крайности стѣсненный“ еврейскій народъ, призналъ нужнымъ, вмѣсто постоянныхъ отсрочекъ, которыя ничего другого не об-

наруживаютъ, какъ неосуществимость закона, рѣшительнымъ образомъ пресѣчь замѣшательство, оставивъ евреевъ на старыхъ мѣстахъ при прежнихъ занятіяхъ.

Докладъ комитета, удѣлившій главное вниманіе вопросу о выселеніи евреевъ изъ деревень, не былъ утвержденъ государемъ [1]. Быть-можетъ, правительство не считало возможнымъ принять къ исполненію докладъ, опасаясь [2], что отмѣна выселенія, на которомъ правительство такъ настаивало въ теченіе ряда лѣтъ, уронитъ уваженіе къ закону и довѣріе къ правительственнымъ дѣйствіямъ. Легко допустить и то, что государь не хотѣлъ санкціонировать постановленіе, которое шло въ разрѣзъ съ его волей. Наконецъ, возможно предположить, что Отечественная война помѣшала дальнѣйшему движенію доклада. Во всякомъ случаѣ, то обстоятельство, что мѣра выселенія не была отмѣнена законодательнымъ путемъ, не могло имѣть тогда практическаго значенія, такъ какъ указомъ 1808 г. евреямъ было возвращено право жить въ деревняхъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ, по просьбамъ евреевъ и по представленіямъ другихъ лицъ правительство постепенно „открыло имъ промыслы виномъ“ [3].

[1]) Директорскій еврейскій комитетъ (изъ директоровъ департаментовъ), учрежденный въ 1825 г., заслушалъ въ засѣданіи 21 августа 1825 г. заключенія, „предположенныя учрежденнымъ въ 1809 г. комитетомъ, но не вошедшія еще въ законную силу за неутвержденіемъ поднесеннаго всеподданнѣйшаго доклада“. Архивъ министерства народнаго просвѣщенія, дѣло № 47505 (карт. 1483).

[2]) По мнѣнію Оршанскаго.

[3]) Меморія директорскаго еврейскаго комитета за мартъ 1827 г. (архивъ министерства вн. дѣлъ, департ. полиціи исполнительной, 1827 г. дѣло № 624). Указами 18 апрѣля 1819 г., „соотвѣтственно предшествовавшимъ разрѣшеніямъ по разнымъ случаямъ“, было дозволено евреямъ и Бѣлорусскихъ губерній содержать шинки и постоялые дворы (Высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ 14 февраля 1825 г. Копія въ архивѣ Госуд. Совѣта, деп. законовъ, 1835 г. № 11).

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Голоса протеста противъ устарѣвшихъ формъ религіозно-общественнаго быта. — Рабби Менаше Иліеръ и авторъ анонимной записки, какъ выразители мнѣнія прогрессивныхъ круговъ. — Депутаты отъ кагаловъ, созванные въ 1807 г., выступаютъ противъ культурно-просвѣтительной реформы и добиваются укрѣпленія власти кагала и раввината. — Отечественная война 1812 года. — „Депутаты еврейскаго народа“ при Главной Квартирѣ государя. — Высочайшая благодарность кагаламъ и вызовъ депутатовъ въ Петербургъ. — Тревожныя ожиданія. — Дѣятельность депутата Диллона. — Аудіенція, данная государемъ депутатамъ Диллону и Зонненбергу. — Милостивыя обѣщанія. — Сосредоточеніе всѣхъ еврейскихъ дѣлъ въ рукахъ кн. А. Н. Голицына. - - Мистическое настроеніе государя и кн. Голицына. — Избраніе новыхъ депутатовъ.

Культурно-просвѣтительная реформа, возвѣщенная въ 1804 г., отнюдь не была предпринята[1]) съ цѣлью разрушить религіозно-національный бытъ евреевъ,—ея задача сводилась лишь къ тому, чтобы — не прибѣгая къ принужденію, „щадя самые предразсудки“—приблизить бытъ евреевъ къ обычнымъ формамъ внѣшней жизни. Даже запрещеніе раввинамъ провозглашать херемъ, а кагаламъ—налагать чрезмѣрные поборы, равно какъ предоставленіе хасидамъ права устраивать особыя синагоги, даже все это было направлено не къ преобразованію внутренней еврейской жизни, а лишь къ огражденію еврейской массы отъ гнета всесильнаго кагала. Еще менѣе, конечно, могли имѣть самоцѣлью колебать основу религіозно-національнаго быта такія постановленія, какъ требованіе, чтобы раввины, кагальные старшины и члены магистратовъ знали еще одинъ, кромѣ еврейскаго, языкъ, чтобы члены магистрата носили общепринятое платье, а не еврейское. Открытіе юношеству свободнаго доступа въ общую школу тоже, разумѣется, не заключало въ себѣ ничего агрессивнаго противъ религіозно-національнаго существованія еврейскаго народа. Однако, эти мѣропріятія сильно встревожили кагалъ, и не только потому, что въ нихъ гнѣздилась угроза для его господства надъ народомъ, но и потому, что въ нихъ, по искреннему убѣжденію представителей кагала и

---

[1]) См. главу двѣнадцатую.

раввината, таилась опасность для неприкосновенности религіи и вѣкового національно-общественнаго быта.

Узломъ новшествъ являлось просвѣщеніе. Чтобы воспрепятствовать юношеству переступить порогъ русской школы, откуда—въ этомъ консервативные элементы не сомнѣвались—не было возврата къ народу, кагалъ нуждался въ полнотѣ власти, и въ этомъ отношеніи запрещеніе предавать ослушниковъ херему было чувствительнымъ стѣсненіемъ свободы дѣйствій; чтобы держать по прежнему народъ въ рабскомъ подчиненіи вѣками сложившемуся общественному укладу, нельзя было допустить перемѣны одежды, которая духовно-слѣпымъ людямъ представлялась реликвіей священной старины. Утрата малѣйшаго звена могла повлечь за собою разрывъ старой цѣпи, которою въ теченіе вѣковъ искусственно укрѣплялась національно-общественная жизнь, расшатывавшаяся въ обветшавшихъ формахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ искусственно поддерживалась власть кагала. И господствовавшій классъ, не находя въ себѣ ни желанія, ни силъ для созидательной работы, которая освѣжила бы печальное существованіе народа, направилъ свою энергію на то, чтобы оградить окаменѣлую религіозно-національную жизнь отъ ударовъ времени—извнѣ и извнутри.

Кагалъ являлся не только формальнымъ представителемъ народа; значительнѣйшая часть населенія, невѣжественная и нищая, покорно гнулась подъ игомъ кагала и молча слѣдовала — и въ образѣ жизни, и въ образѣ мысли—его велѣніямъ. Однако, кагалъ не представлялъ всего еврейскаго общества. Если явныхъ противниковъ существующаго строя было слишкомъ мало, то за ними, таясь въ неизвѣстности, скрывались многіе. Кагалъ это сознавалъ и потому сурово подавлялъ даже самые слабые голоса протеста.

Жертвой этой темной силы палъ и выдающійся талмудистъ, поборникъ просвѣщенія, рабби Менаше Иліеръ [1]). Онъ чутко прислушивался къ тому, что—въ связи съ изданіемъ Положенія 1804 г.—говорилось о евреяхъ, и къ тому, что говорилось самими евреями. Его печалило, что на нихъ возводились тяжкія обвиненія, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ скорбѣлъ и о томъ, что евреи, по его мнѣнію, были сами въ значительной степени виноваты въ своемъ печальномъ положеніи. Онъ страстно хотѣлъ направить своей проповѣдью еврейскій народъ къ новой достойной жизни, но главари народа заглушили голосъ Менаше Иліера.

Въ 1807 году, т. е. тогда, когда представители кагаловъ, созванные въ западныхъ губерніяхъ, настаивали [2]) на томъ, чтобы

---

[1]) Менаше бенъ Іосифъ Иліеръ (Бенъ-Поросъ) родился въ 1767 г. въ Сморгони; умеръ въ 1831 г. въ мѣст. Иліи, Виленской губерніи.

[2]) См. ниже, стр. 355 и слѣд.

культурно-просвѣтительныя постановленія Положенія было отмѣнены, р. Менаше разослалъ раввинамъ и общественнымъ дѣятелямъ свою книгу „Pescher Dabar"; она была встрѣчена крайне непріязненно; изъ уваженія къ учености рабби Менаше его не предали херему, а книгу не сожгли; но все же она была изъята изъ обращенія. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ началъ было печатать новое свое произведеніе, но типографъ, подъ давленіемъ со стороны фанатиковъ, сжегъ отпечатанные листы вмѣстѣ съ рукописью; а позже книга р. Менаше „Schekel hakodesch" подверглась массовому сожженію—отъ нея остались лишь немногіе экземпляры.

За что же книги р. Менаше подвергались гоненію? За то, что онъ смѣло обличалъ господствующій классъ и отмѣчалъ темныя стороны еврейской жизни. Нищета—говорилъ онъ—необычайно велика, но можетъ ли быть иначе, когда у евреевъ ртовъ болѣе, нежели рабочихъ рукъ. Надо внушить массѣ, что средства къ жизни слѣдуетъ добывать собственнымъ трудомъ, не расчитывая на поддержку со стороны богачей, причемъ, конечно, необходимо дать этимъ бѣднымъ людямъ соотвѣтствующія знанія. Молодые люди, не имѣющіе никакихъ заработковъ, вступаютъ въ бракъ, надѣясь на милосердіе Божіе и на кошелекъ тестя. А когда эта поддержка рушится, они, обремененные къ тому времени семьями, бросаются на первое попавшееся занятіе, хотя бы и не честное. Толпами берутся за торговлю, но она не можетъ всѣхъ прокормить, а потому прибѣгаютъ къ обману. Вотъ почему желательно, чтобы евреи обратились къ земледѣлію. Армія бездѣльниковъ, подъ личиною „ученыхъ", живетъ на средства благотворительности и за счетъ общины. Некому заботиться о народѣ: богачи заняты мыслями о наживѣ, а раввины—распрей между хасидами и миснагдами; общественные дѣятели слѣдуютъ по ихъ стопамъ и ихъ единственная забота сводится къ тому, чтобы предотвращать „гзейры", т. е. несчастье въ видѣ правительственныхъ распоряженій, хотя бы они несли съ собою благо для народа. Нужно, чтобы ученые собрались и сдѣлали въ религіозныхъ обрядахъ измѣненія, вызываемыя потребностью времени. Надо просвѣтить народъ, отказаться отъ нелѣпой системы воспитанія [1]).

Не имѣя возможности открыто выступать противъ отрицательныхъ сторонъ внутренняго быта, люди, проникнутые желаніемъ обновить общественную жизнь, вынуждались дѣйствовать тайно, и здѣсь беретъ начало укоренившаяся вскорѣ привычка обращаться къ правительству съ записками, а также и съ доносами. Авторы записокъ, представляя ихъ сановнымъ лицамъ, обычно

---

[1]) С. Розенфельдъ, Р. Менаше Иліеръ. Сборникъ „Пережитое", т. IV.

не скрывали своего имени, но въ цѣляхъ предосторожности, по просьбѣ авторовъ, записки поступали въ правительственныя канцеляріи какъ анонимныя произведенія.

Въ 1808 г., когда различные вопросы еврейской жизни, затронутые Положеніемъ 1804 г., должны были быть вновь пересмотрѣны, неизвѣстный образованный еврей вручилъ министру внутреннихъ дѣлъ кн. Куракину записку, озаглавленную „Нѣкоторыя замѣчанія касательно благоустройства евреевъ". Куракинъ представилъ ее на усмотрѣніе государя, а затѣмъ по Высочайшему повелѣнію внесъ ее въ Государственный совѣтъ [1]); отсюда, по выслушаніи ея, она была передана въ комитетъ Попова [2]).

Авторъ прежде всего касается раннихъ браковъ; обычай женить юношей 14 или 13 лѣтъ, и даже моложе, „есть корень безчисленныхъ золъ и составляетъ сильнѣйшую препону къ отвлеченію евреевъ отъ тѣхъ закоренѣлыхъ обычаевъ и дѣлъ, коими они навлекаютъ на себя общее негодованіе и бываютъ вредны себѣ и другимъ". Неженившіеся въ эти ранніе годы презираемы среди евреевъ „не только въ молодости, но и въ самой старости и теряютъ много достоинства и выгодъ между ими, потому что нынѣ всѣ почти преимущества чести и довѣрія между ними заключаются единственно въ строгомъ исполненіи обрядовъ и введенныхъ толкователями вѣры обычаевъ". Даже бѣднѣйшіе напрягаютъ послѣднія усилія къ тому, чтобы возможно раньше женить дѣтей, хотя этихъ новобрачныхъ ожидаютъ муки нищенскаго существованія. Ранніе браки были введены раввинами, извлекавшими изъ этого доходы. Кто ревностно изучаетъ Талмудъ и строго исполняетъ обряды, тотъ скорѣе найдетъ выгодное супружество; кто же не столь усердно исполняетъ религіозныя предписанія, тому труднѣе „сыскать супружество, сколь бы въ прочемъ не имѣлъ свѣтскихъ достоинствъ"; этимъ людямъ приходится одаривать родителей и родственниковъ жениха или невѣсты „по мѣрѣ мнимаго своего порока или безславія". Выгоднымъ бракомъ называется тотъ, благодаря которому устанавливается родственная связь съ учеными талмудистами и тѣми, кто ревностно исполняетъ обряды. Многіе не почитаютъ священными безчисленные обряды и правила, произвольно введенные, удаляющіе евреевъ отъ другихъ народовъ,

[1]) Архивъ министерства земледѣлія, 1808 г. № 15063 (цитаты изъ этой записки—см. выше, стр. 318—319); записка была препровождена Куракинымъ въ Госуд. совѣтъ 11 ноября 1808 г.

[2]) Архивъ Государственнаго совѣта, т. III, ч. I, стр. 843—844 (Спб. 1878 г.) 14 іюня 1809 г. была читана записка министра внутр. дѣлъ, „въ коей изложены нѣкоторыя замѣчанія одного изъ евреевъ, имѣющаго хорошее свѣдѣніе о своей націи, на обычаи и на поправленіе состоянія сего народа".

отвлекающіе вниманіе отъ всего полезнаго, отдающіе народъ въ рабство предразсудкамъ, отнимающіе по своей многочисленности большую часть времени, лишающіе евреевъ „удобности быть хорошими гражданами"; но все же, даже тотъ, кто все это сознаетъ, самъ исполняетъ въ строгости предписанныя обрядности, чтобы можно было вступить въ приличествующій бракъ и не потерять въ обществѣ добраго имени и довѣрія, а слѣдовательно и своего благосостоянія. Люди, рано женившіеся, занимаются лишь изученіемъ Талмуда, и когда наступаетъ, наконецъ, время самостоятельнаго существованія, эти отцы семействъ, совершенно не подготовленные къ труду, вовсе не знающіе жизни, обращаются къ виннымъ промысламъ и мелкой торговлѣ; иные, у кого остались деньги, становятся заимодавцами, а другіе—народными учителями, отъ которыхъ дѣти перенимаютъ лишь невѣжество и неопрятность. Семья увеличивается, а между тѣмъ подросшихъ дѣтей надо, въ свою очередь, женить... Постоянная нужда не позволяетъ и ремесленникамъ добросовѣстно заниматься своимъ дѣломъ; женившись, пятнадцатилѣтній ученикъ уже не обучается своему ремеслу, но дѣлается самъ хозяиномъ и „портитъ только работу". Поэтому надо запретить ранніе браки; евреи будутъ внутренне довольны, если правительство избавитъ ихъ отъ тягостнаго обычая; жалѣть будутъ лишь тѣ, кто извлекаетъ изъ этого личную выгоду.

А затѣмъ необходимо „пресѣчь всѣ способы къ сниcканію чести и выгодъ въ предметахъ суевѣрія (т. е. исполненіемъ излишнихъ религіозныхъ предписаній) и обратить оные къ стяжанію гражданскихъ добродѣтелей". Указавъ, что раввины, въ своихъ интересахъ, опутали еврейскую жизнь сѣтью постановленій, авторъ отмѣчаетъ, что съ теченіемъ времени въ рукахъ раввиновъ сосредоточились всѣ власти — духовная, законодательная и полицейская, и такимъ образомъ отъ раввиновъ стали зависѣть „честь и довѣріе частныхъ евреевъ", вслѣдствіе чего именно изученіе Талмуда и исполненіе обрядовъ, какъ единственное средство отличиться и пріобрѣсти благосостояніе, стали „главнѣйшей мечтою стремленій евреевъ". Хотя въ послѣдніе годы правительство и ограничило права раввиновъ и кагаловъ, но „духъ въ народѣ остался прежній" и предразсудки продолжаютъ господствовать, поддерживаемые житейскими потребностями и страхомъ народа предъ властью раввиновъ. И именно эта тайная сила, проникающая во всѣ домашнія и общественныя дѣла, должна быть уничтожена. Съ этой цѣлью авторъ предложилъ, между прочимъ, не дозволять духовнымъ правленіямъ вмѣшиваться въ дѣла о податяхъ и полицейскихъ повинностяхъ, — чѣмъ, какъ мы знаемъ, именно и былъ

силенъ кагалъ, — и предоставить высшему духовному судилищу право отмѣнять постановленія, не имѣющія основанія въ еврейскомъ Законѣ, и вводить новыя, вызываемыя условіями времени. Когда надлежащія преобразованія будутъ осуществлены, тогда евреи должны быть во всемъ уравнены съ прочимъ населеніемъ [1]).

Неизвѣстный авторъ этой записки и р. Менаше Иліеръ сходились. какъ мы видимъ, во взглядѣ на существо внутренней реформы; обоихъ печалили однѣ и тѣ же темныя стороны религіозно-общественнаго быта, оба считали раввиновъ и кагалъ виновниками народнаго невѣжества и нищеты. А между тѣмъ, это были люди, различные по воспитанію и общественному положенію.

Мутна была накипь еврейской жизни; сдавленный стонъ доносился изъ глубинъ народа. Но кагально-раввинскій союзъ не хотѣлъ ничего ни видѣть, ни слышать. Тяжелою завѣсою распростеръ онъ надъ народною массою свою власть, чтобы ни единый лучъ свѣта не проникъ въ темное царство.

И случилось, что именно тогда, когда была сознана необходимость внутренней реформы, власть кагала расширилась, несмотря на то, что въ это же время права кагальныхъ старшинъ и ихъ союзниковъ, раввиновъ, были урѣзаны. Если законъ и потребовалъ, чтобы старшины не налагали чрезмѣрныхъ податей, а раввины не прибѣгали къ карамъ религіознаго характера, то эта утрата была компенсирована тѣмъ, что кагалъ пріобрѣлъ—правда, только въ извѣстной мѣрѣ—ту роль представительнаго учрежденія, которою онъ пользовался въ Польшѣ. Усиленіемъ своего значенія кагалъ былъ обязанъ институту депутатовъ.

Когда въ 1807 г. обществамъ западныхъ губерній предоставили избрать депутатовъ [2]), которые высказались бы по поводу осуществленія Положенія 1804 г., общественными представителями явились лица, принадлежавшія къ господствующему классу—это были ставленники кагаловъ. Такимъ образомъ, то, что было принято правительствомъ, какъ мнѣніе народа, представляло собою лишь стремленія кагаловъ, высказанныя устами депутатовъ. И значеніе кагала, какъ признаннаго глашатая нуждъ и желаній народа, должно было усилиться, когда нѣсколько позже, какъ мы увидимъ, самый институтъ депутатовъ занялъ болѣе вліятельное положеніе.

О чемъ же помышляли эти представители народа, созванные въ годину столь тяжелыхъ испытаній? Въ тревожное время, когда многотысячной массѣ предстояло изгнаніе съ насиженныхъ

---

[1]) Авторъ предложилъ поручить дѣло реформы особому „попечителю“ при содѣйствіи видныхъ евреевъ.

[2]) См. выше, стр. 341.

мѣстъ, когда всему народу угрожало экономическое бѣдствіе, депутаты направили усилія къ тому, чтобы укрѣпить власть кагала, остановить въ самомъ началѣ культурное движеніе. Депутаты, конечно, хлопотали о нѣкоторыхъ нуждахъ еврейскаго населенія, но характерно для общаго направленія дѣятельности кагаловъ, что и въ годину разгрома народной жизни они не забыли о собственныхъ интересахъ. На помощь депутатамъ явились такъ называемые „повѣренные обществъ", изъ коихъ, очевидно, нѣкоторые прибыли въ столицу, чтобы лично воздѣйствовать на сановниковъ въ пользу кагаловъ.

Господствующій классъ, представленный депутатами и повѣренными, былъ озабоченъ преимущественно упроченіемъ своей власти. Для этой цѣли ему нужно было, съ одной стороны—добиться отмѣны закона, запрещавшаго раввинамъ подвергать непокорныхъ членовъ общины суровымъ карамъ, а съ другой стороны — надо было задержать культурное движеніе.

Депутаты заявили, что лишеніе раввиновъ права карать ослушниковъ противно тому „духовному уваженію", которое евреи „по закону обязаны имѣть къ раввинамъ"; лишеніе раввиновъ власти, данной имъ религіею, „ослабивъ узы совѣсти (евреевъ), можетъ въ скоромъ времени довести ихъ до крайняго разврата"; поэтому депутаты просили предоставить, „на основаніи древнихъ правилъ, раввинамъ полную власть сужденія преступниковъ духовныхъ законовъ и чиненія надлежащаго по духовнымъ законамъ взысканія".

Мы знаемъ, что постановленія комитета Попова не получили силы закона, тѣмъ не менѣе, его рѣшеніе по поводу этого домогательства заслуживаетъ вниманія, ибо оно раскрываетъ тѣ условія, въ которыхъ протекла въ первой своей стадіи борьба съ культурной реформой.

Члены комитета, люди просвѣщенные, могли понять изъ цитированной выше анонимной записки, что духовные законы, о которыхъ говорили депутаты, слишкомъ широко понимались, что раввины придавали религіозный характеръ повседневнымъ житейскимъ явленіямъ именно съ той цѣлью, чтобы прогрессивное теченіе не подмыло вѣкового уклада еврейскаго быта. Сенаторъ Алексѣевъ, посѣтившій западныя губерніи, отлично уяснилъ себѣ [1]), что общественные главари „при всякомъ случаѣ выставляютъ въ видѣ религіи", именно для отклоненія реформъ, не только постановленія о пищѣ, но даже „отмѣнности въ одѣя-

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ Алексѣева. Сборникъ историч. матеріаловъ изъ архива Собств. Е. И. В. Канцеляріи, 1889 г., вып. II.

ніи“ и пр. Однако, члены комитета не устояли передъ угрозой, что, выйдя изъ повиновенія раввинамъ, евреи впадутъ въ „развратъ“. Зная изъ упомянутой записки, что̀ представляла собою еврейская жизнь, руководимая кагаломъ, комитетъ готовъ былъ сохранить въ неприкосновенности весь этотъ архаическій строй, лишь бы избѣгнуть ужасныхъ послѣдствій, о которыхъ говорили депутаты. Напомнивъ, что при изданіи Положенія 1804 г. имѣлось въ виду не затрагивать вопросовъ совѣсти, комитетъ заявилъ, что вообще не слѣдовало бы касаться обрядовъ религіи, „малѣйшее неосторожное прикосновеніе къ которой потрясаетъ основанія нравственности, на коихъ утверждаются вѣрность къ Государю и повиновеніе къ правительству“! Очевидно, депутатамъ удалось внушить членамъ комитета, что раввины—это охранители государственныхъ устоевъ и власть раввиновъ служитъ опорой для правительственной власти. А вмѣстѣ съ тѣмъ, раввины завѣрили членовъ комитета, что „всякое дѣяніе еврея подчинено какому-либо законному обряду религіи, упущеніе котораго почитается дѣйствительнымъ грѣхомъ“, а потому духовныя преступленія евреевъ и слѣдуемыя за нихъ наказанія отличны отъ преступленій и наказаній у другихъ народовъ; разъ на раввиновъ возложено „сохраненіе“ религіозныхъ обрядовъ, то нельзя лишить раввиновъ средствъ „къ обузданію евреевъ“. Поэтому комитетъ предложилъ: не ослаблять духовной власти раввиновъ: запрещеніе херема должно остаться въ силѣ, но раввинамъ слѣдуетъ вернуть право подвергать ослушниковъ другимъ наказаніямъ [1]).

Очевидно, комитетъ не уяснилъ себѣ, кого депутаты считали „преступниками духовнаго закона“; онъ не подозрѣвалъ, что таковыми являлись и тѣ, кто стремился къ просвѣщенію, т. е. тѣ, во имя которыхъ комитетъ отвергъ домогательства депутатовъ, направленныя противъ насажденія просвѣщенія [2]).

Законъ 1804 г., какъ мы знаемъ, не ввелъ обязательнаго обученія; онъ ограничился предостереженіемъ, что если евреи не пойдутъ въ общую школу, то на ихъ средства будутъ учреждены спеціальныя училища. Слѣдовательно, впредь до осуществленія этой угрозы, одного пассивнаго отношенія со стороны евреевъ къ общей школѣ было вполнѣ достаточно, чтобы свести на нѣтъ намѣреніе правительства привлечь ихъ къ просвѣщенію. Кагалъ, бдительный стражъ народнаго невѣжества, могъ быть спокоенъ, что широкія массы, которымъ мысль объ образованіи подростающаго поколѣнія была чужда, останутся въ прежней своей непо-

---

[1]) Докладъ комитета Попова. Русскій Архивъ, 1903 г., кн. II, стр. 273.
[2]) Тамъ же, стр. 267.

движности. Но въ извѣстныхъ общественныхъ кругахъ,—особливо въ крупныхъ городахъ, гдѣ болѣе тѣсно общеніе съ христіанскимъ населеніемъ,—призывъ правительства въ школу долженъ былъ найти сочувственный откликъ. А съ этимъ кагалъ, конечно, считалъ себя обязаннымъ бороться.

Указанными обстоятельствами опредѣляется содержаніе объясненій, которыя были даны въ 1807 г. депутатами по вопросу объ образованіи.

Депутатамъ Минской и Могилевской губерній удалось обойти вопросъ о просвѣщеніи молчаніемъ. Отвѣты же остальныхъ депутатовъ носили вообще неопредѣленный характеръ; говорилось не то, что думалось; повидимому, нѣкоторые отвѣты были даны по принужденію, въ виду требованія мѣстныхъ властей. Ѳ посѣщеніи общей школы высказались только виленскіе депутаты. Здѣсь, въ тогдашнемъ культурномъ центрѣ, среди еврейскаго общества успѣло проложить себѣ путь прогрессивное теченіе; къ тому же, мѣстныя власти относились въ ту пору благосклонно къ евреямъ, защищая ихъ отъ выпадовъ со стороны польскаго общества; при такихъ условіяхъ виленскіе депутаты не рѣшались открыто выступить противъ общей школы, но они заявили такое требованіе, которое явилось бы сильнѣйшимъ тормазомъ для движенія въ общую школу: въ каждомъ классѣ долженъ находиться неотлучно при дѣтяхъ „нарочито избранный для сего еврейскій смотритель“, дабы они не могли ничего дѣлать такого что было бы „укорительнымъ религіи и ея обрядамъ“; о каждомъ „преступленіи“ смотрители обязаны докладывать, кому слѣдуетъ. Депутаты другихъ губерній говорили только объ еврейскихъ школахъ, а не объ общихъ. Подольскіе представители просили разрѣшенія завести собственныя училища, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи ихъ дѣти переходили въ общую школу; но при этомъ депутаты откладывали учрежденіе еврейскихъ школъ на десять лѣтъ (повидимому, въ этой отсрочкѣ и заключалась главная цѣль!), дабы можно было собрать необходимыя средства; волынскіе депутаты выражали готовность учредить еврейскія школы лишь при матеріальномъ содѣйствіи со стороны правительства; гродненскіе представители настаивали, чтобы въ еврейскихъ школахъ языки преподавались лишь евреями, а отнюдь не христіанами; такое же пожеланіе выразили и витебскіе депутаты, пояснивъ, что учителя-христіане могутъ отвлечь дѣтей отъ ихъ „наукъ и религіи“; а кіевскіе депутаты просто заявили, что кагалы не могутъ открыть школы [1]).

---

[1]) Архивъ министерства нар. просвѣщенія, дѣло № 47505 (карт. 1483, стр. 24 и слѣд.

Евреи, съ которыми бесѣдовалъ членъ главнаго училищнаго правленія гр. Платеръ, ревизовавшій въ 1808 г. училища Могилевской и Витебской губерній, завѣрили его, что они опасаются, что въ школѣ дѣти „будутъ совращены съ ихъ вѣры" и въ этомъ отношеніи ихъ не можетъ успокоить то, что закономъ 1804 г. запрещено такое совращеніе; гр. Платеръ узналъ также, что евреи не будутъ отдавать дѣтей и въ еврейскія школы, если преподавателями будутъ христіане или даже „нѣмецкіе" евреи, коихъ считаютъ „еретиками" [1]). Трудно сказать, насколько еврейскіе представители въ дѣйствительности опасались, что школа будетъ склонять дѣтей къ переходу въ христіанство; вѣроятно, ихъ тревожило, главнымъ образомъ, лишь то, что, благодаря общей школѣ, молодое поколѣніе станетъ менѣе ревностно соблюдать религіозныя предписанія и выйдетъ изъ-подъ власти кагала; но для того, чтобы оправдать отрицательное отношеніе къ общей школѣ, выставлялся болѣе вѣскій доводъ.

Помимо приведенныхъ выше ходатайствъ, депутаты хлопотали объ отмѣнѣ и другихъ нѣкоторыхъ статей Положенія 1804 г. Все это, однако, не привело къ цѣли, такъ какъ докладъ комитета Попова не былъ санкціонированъ.

Но уже вскорѣ, въ связи съ событіями двѣнадцатаго года, появились новые „депутаты еврейскаго народа", которые и приняли на себя заботу объ осуществленіи пожеланій, высказанныхъ депутатами, созванными въ 1807 году [2]).

Отечественная война принесла еврейскому населенію много бѣдствій,—матеріальныя потери и нравственныя страданія; пришлось терпѣть даже отъ плѣнниковъ, которые, видя, что евреи находятся въ положеніи пасынковъ страны, издѣвались надъ ними, оскорбляли ихъ религіозныя чувства. Русскіе офицеры и непріятельскіе заставляли евреевъ быть лазутчиками, и многіе пали жертвами полевыхъ судовъ. Однако, евреи часто добровольно доносили русскимъ начальникамъ о движеніяхъ французскихъ войскъ. Престарѣлый глава бѣлорусскихъ хасидовъ Шнеуръ Залманъ призывалъ своихъ приверженцевъ всячески вредить врагу и помогать русскимъ. Извѣстенъ трагическій случай, когда трое евреевъ изъ г. Борисова, не подозрѣвая, что они введены въ заблужденіе французскимъ маршаломъ Удино о мѣстѣ переправы его войскъ, поспѣшили увѣдомить объ этомъ адмирала Чичагова, надѣявшагося захватить Наполеона при его отступленіи; Чичаговъ имѣлъ основаніе вѣрить, что донесеніе борисовскихъ евреевъ со-

---

[1]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія, дѣло № 47505.

[2]) См. ниже, главу пятнадцатую.

отвѣтствуетъ дѣйствительности; когда же оказалось, что Удино съ военной хитростью распространилъ ложный слухъ о намѣреніяхъ французской арміи, и Чичаговъ, обманутый Наполеономъ, далъ послѣднему возможность уйти, злоба адмирала обрушилась на несчастныхъ борисовскихъ евреевъ, и ихъ казнили, какъ измѣнниковъ. Были и болѣе счастливые соглядатаи. Бѣлостокскій купецъ Гиршъ Гальперинъ (Альперинъ) оказался столь полезнымъ правительству, что удостоился различныхъ наградъ, представленія государю и пожизненной пенсіи [1]). Преданность евреевъ русскому народу была засвидѣтельствована офиціальнымъ органомъ печати. Извѣстный партизанъ Давыдовъ столь довѣрчиво относился къ еврейскому населенію, что, вступивъ въ Гродно, передалъ кагалу полную власть въ городѣ. Евреи въ ту пору не отбывали натуральной рекрутской повинности, однако, все же сохранилось извѣстіе о подвигѣ улана, который не могъ украсить себя пожалованнымъ ему георгіевскимъ крестомъ, потому что былъ евреемъ. Быть можетъ, встрѣчались и другіе такіе волонтеры. Правительство пользовалось евреями и какъ поставщиками. Евреи жертвовали на нужды арміи и на помощь раненымъ воинамъ [2]).

Въ 1812—1813 гг. при Главной Квартирѣ имп. Александра I состояли два еврея, Зундель Зонненбергъ (онъ же Гродненскій) и Лейзеръ Диллонъ (Несвижскій). Сопровождая Квартиру и за предѣлами Россіи, они исполняли, при содѣйствіи кагаловъ, порученія по удовлетворенію нуждъ арміи, за что и получили похвальные листы отъ состоявшаго при особѣ государя начальника главнаго штаба кн. П. М. Волконскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они предстательствовали за еврейскій народъ, и населеніе считало ихъ призванными охранять его интересы; высшіе администраторы принимали ихъ представленія, а кагалы—ихъ указанія. Зонненбергъ и Диллонъ назывались „находящимися при Главной Квартирѣ депутатами отъ еврейскаго народа“ или депутатами отъ кагаловъ [3]).

---

[1]) Юлій Гессенъ, Кто онъ? (Новый Восходъ, 1912 г., №№ 31 и 32).

[2]) С. Гинзбургъ, Отечественная война 1812 года и русскіе евреи.

[3]) Излагая исторію института депутатовъ, я пользуюсь моимъ изслѣдованіемъ „Депутаты еврейскаго народа при Александрѣ I“ („Еврейская Старина“, 1909 г., кн. III и IV), написаннымъ на основаніи нижеуказанныхъ источниковъ. Рукописные матеріалы изъ Центральнаго архива министерства внутр. дѣлъ: Общая канцелярія министерства полиціи, 1816 г. № 117 (кн. 95, стр. 74, 78), „По просьбѣ депутата Делліона о представленіи его лично государю“; тамъ же, 1817 г. № 304 (кн. 125, стр. 59), „Объ отправленіи Делліона въ Несвижъ“; Особая канцелярія мин. полиціи, 1817 г., № 89 „О невысылкѣ изъ Петербурга депутата Диллона“; тамъ же, 1817 г., № 101 „Объ избраніи еврейскихъ депутатовъ вмѣсто Лейзера Диллона и Зунделя Зонненберга“; Департаментъ полиціи исполнительной, 1817 г.,

И вотъ, депутатъ отъ кагаловъ, Зонненбергъ, находясь при Главной Квартирѣ, представилъ (1813 г.) государю записку, въ которой ходатайствовалъ, между прочимъ, о слѣдующемъ: разрѣшить евреямъ по всей Россіи торговать, брать откупа и курить вино; запретить помѣщикамъ обременять евреевъ новыми сборами; простить еврейскому населенію недоимки и облегчить податное бремя; дозволить засѣдать въ городскихъ учрежденіяхъ въ равномъ числѣ съ христіанами и возвратить „духовному начальству", т. е. раввинамъ, право карать нарушителей Закона. Государь не далъ движенія запискѣ Зонненберга [1]), рѣшивъ, какъ видно, выждать момента, болѣе удобнаго для разсмотрѣнія ходатайства; судя по благосклонности, которую государь проявилъ въ ту пору къ Диллону и Зонненбергу и вообще къ еврейскому населенію, надо заключить, что прошеніе Зонненберга было отложено, а не отвергнуто.

Въ 1814 г. „депутація еврейскаго кагала" представилась государю въ Главной Квартирѣ; государь обѣщалъ депутатамъ облегчить участь еврейскаго народа [2]); оффиціальный документъ гласитъ, что 29 іюня 1814 г., находясь въ Брухзалѣ, „Его Величество соизволилъ выразить еврейскимъ кагаламъ свое милостивѣйшее расположеніе и повелѣть, чтобы та же депутація или подобная отправилась въ С.-Петербургъ, дабы тамъ, во имя проживающихъ въ имперіи евреевъ, выждать и получить выраженіе Высочайшей воли и опредѣленіе относительно ихъ всеподданнѣйшихъ желаній и просьбъ касательно современнаго улучшенія ихъ положенія".

Зонненбергъ и Диллонъ увѣдомили губернскіе кагалы о Высочайшемъ соизволеніи на прибытіе депутаціи. Въ 1815 году въ Бѣлоруссіи и Литвѣ состоялись собранія уполномоченныхъ мѣстныхъ кагаловъ, а въ маѣ 1816 г. представители главныхъ литов-

---

№ 252 „По представленію волынскаго губернатора о еврейскихъ депутатахъ"; тамъ-же, 1827 г., № 624, меморіи евр. комитета за іюнь и сентябрь 1826 г., (также архивъ общей канцеляріи министра финансовъ, 1823 г., № 23). Печатные матеріалы: Голицынъ, Исторія русскаго законодательства о евреяхъ; Р. (Ильишъ), Очеркъ исторіи рижскихъ евреевъ. „Восходъ", 1885 г., кн. VII; С. Пенъ, Депутація еврейскаго народа. „Восходъ", 1905 г., кн. I, II, и III.

Въ настоящей книгѣ я воспользовался, сверхъ указанныхъ матеріаловъ, нѣкоторыми новыми архивными данными, а также документами, опубликованными — въ переводѣ съ еврейскаго языка — Д. Г. Маггидомъ (Къ исторіи еврейскихъ депутатовъ въ царствованіе Александра I, сборникъ „Пережитое", т. IV, стр. 181—191),

[1]) Она была найдена послѣ смерти Александра I въ его кабинетѣ (Архивъ минист. внутр. дѣлъ, департаментъ полиціи, дѣло 1827 г., № 349, ч. II, стр. 265). Содержаніе записки приведено въ меморіи (за іюнь 1826 г.) еврейскаго директорскаго комитета, куда записка была препровождена по повелѣнію Николая I.

[2]) Диллонъ былъ награжденъ медалью. Вѣроятно, и Зонненбергъ былъ отличенъ.

скихъ и бѣлорусскихъ общинъ съѣхались въ Минскѣ. Съѣздъ считалъ своей задачей „ускорить поѣздку въ Царскій городъ Петербургъ депутатовъ, необходимыхъ для непосредственнаго выслушанія властнаго царскаго слова, обращеннаго къ своимъ вѣрнымъ слугамъ, народу израильтянъ, и чтобы создать средства для поддержки стонущихъ и вздыхающихъ бѣдняковъ". Для этой цѣли, кромѣ сбора за сожиганіе свѣчей (религіозный обычай по пятницамъ вечеромъ), были установлены различные налоги. Съѣздъ выпустилъ по этому поводу воззваніе [1]), но оно не произвело впечатлѣнія на общество; деньги, потребованныя съѣздомъ, не были собраны и, повидимому, въ связи съ этимъ, избраніе новыхъ депутатовъ не состоялось — Диллону и Зонненбергу пришлось продолжать нести свои депутатскія обязанности [2]).

Въ это время надъ еврейской жизнью собрались грозовыя тучи. Правительство хотѣло знать точную численность еврейскаго населенія, чтобы взыскивать съ кагаловъ соотвѣтствующую податную сумму. Кагалы же, чтобы облегчить свое тяжелое финансовое положеніе, скрывали дѣйствительное число „душъ",—подобная „утайка душъ" широко практиковалась русскимъ населеніемъ по всей странѣ и за „прописныя души" налагались денежныя кары. Въ каждой еврейской общинѣ было немало калѣкъ и нищихъ, и безъ того ложившихся на кагалъ тяжелымъ бременемъ, такъ какъ, помимо оказываемой имъ помощи, за нихъ приходилось уплачивать подать; къ тому же на кагалахъ уже за прежніе годы накопились громадныя недоимки. Несомнѣнно, что часть собранныхъ податей переходила въ собственность недобросовѣстныхъ старшинъ. Правительство пыталось добиться правильнаго поступленія подати путемъ репрессій, — такъ, старшинъ, признанныхъ виновными въ недоборѣ, сдавали, примѣнительно къ манифесту отъ 16 мая 1811 г., на казенныя суконныя фабрики [3]); но недоборы продолжались.

А на ряду съ этимъ нареканія на еврейское населеніе вызывало то, что среди него была распространена торговля контрабандными товарами.

Прибывъ въ Петербургъ, Диллонъ узналъ отъ одного освѣдомленнаго лица, расположеннаго къ евреямъ, о такихъ ужасахъ, угрожавшихъ еврейскому населенію, о которыхъ онъ не рѣшился

---

[1]) Напечатано Д. Маггидомъ въ сборникѣ „Пережитое".

[2]) Въ меморіи еврейскаго комитета за сентябрь 1826 г. говорится, что „два еврея, находившіеся при Главной Квартирѣ, по Высочайшему соизволенію, въ 1817 г. пріѣхали сюда въ качествѣ депутатовъ".

[3]) Указъ сената отъ 3 іюля 1819 г. на имя министра финансовъ. Копія указа въ архивѣ Госуд. совѣта, департам. законовъ, 1835 г., № 11.

даже сообщить въ письмѣ на имя минскаго кагала. Рѣчь шла объ исключительно тяжелой карѣ за утайку душъ, и сановный собесѣдникъ посовѣтовалъ Диллону разсказать всю правду государю, чтобы такимъ добровольнымъ признаніемъ заслужить прощеніе. Въ это же время изготовлялся указъ и о томъ, чтобы земли, находившіяся на арендѣ у евреевъ, были возвращены помѣщикамъ, независимо отъ того, уплатятъ ли помѣщики евреямъ долги по арендамъ, и Диллонъ сталъ хлопотать объ отмѣнѣ этой мѣры, долженствовавшей разорить евреевъ. Наконецъ, Диллону пришлось заступиться за петербургскихъ евреевъ; генералъ-губернаторъ Вязмитиновъ, ссылаясь на законъ, потребовалъ, чтобы всѣ водворившіеся въ столицѣ евреи были немедленно удалены, но Диллону удалось добиться отсрочки--онъ представилъ Вязмитинову указъ императора 1814 г., обѣщавшій улучшеніе положенія евреевъ, и сказалъ ему: „Господинъ мой! я удостоился слышать изъ святыхъ устъ Государя Императора нашего, да возвеличится Его слава, что Онъ намѣренъ устроить помощь и поддержку евреямъ, а Вы приказали выселить ихъ безъ всякой съ ихъ стороны вины".

Видя, какъ съ разныхъ сторонъ еврейскому народу начинаютъ угрожать несчастья, Диллонъ рѣшилъ искать помощи непосредственно у государя. Въ ноябрѣ 1816 г. Диллонъ обратился къ Вязмитинову съ прошеніемъ объ исходатайствованіи Высочайшей аудіенціи [1]).

Въ отвѣтъ на это прошеніе Диллонъ получилъ предложеніе явиться къ кн. Волконскому, знавшему еврейскихъ депутатовъ по ихъ дѣятельности при Главной Квартирѣ. Волконскій передалъ государю просьбу Диллона объ аудіенціи, и государь отвѣтилъ: „я его позову". Это было въ концѣ декабря 1816 г. Диллонъ умолялъ кагалы прислать кого-нибудь въ помощь. Пріѣхалъ Зонненбергъ.

Въ январѣ 1817 г. депутаты были приняты государемъ въ продолжительной аудіенціи.

„Въ началѣ прошлаго вечера—такъ писали депутаты минскому кагалу вслѣдъ за аудіенціей [2]) — въ 25 минутъ 7-го, мы удостоились быть введенными во внутреннія палаты дворца Его Величества... Тамъ, въ этомъ страшномъ мѣстѣ, мы молили за себя и просили за народъ нашъ до 40 минутъ 8-го, излагая подробно и пространно всѣ нужды нашего народа. Мы говорили и о торговлѣ, и о промыслахъ, а также о ложныхъ обвиненіяхъ,

---

[1]) См. иллюстр. на стр. 365 (Общая канцелярія мин. полиціи, 1816 г., № 117).

[2]) Такія же письма были посланы и въ другіе вліятельные кагалы. Переводъ съ еврейскаго языка сдѣланъ Д. Маггидомъ.

возводимыхъ противъ насъ, которыми враги желаютъ опорочить насъ и представить насъ обществу въ самомъ недостойномъ видѣ. Чтобы все вамъ изложить, не хватитъ бумаги. Если бы даже уста наши были исполнены пѣнія, подобно морю, мы не были бы въ состояніи подробно изложить окончательную милость и милосердіе Государя Императора нашего, да возвеличится Его слава. Онъ придерживается правилъ Пресвятого, благословенъ Онъ, ибо и Онъ желаетъ быть милостивымъ, Онъ снова сжалится надъ бѣдными заброшенными овцами... кромѣ Особы Императора, некому изъ людей сжалиться надъ общей массою израильтянъ".

Государь обѣщалъ депутатамъ: послать чиновника разслѣдовать обвиненія (въ ритуальныхъ обвиненіяхъ), возведенныя на евреевъ Межирѣчья, Люблина и другихъ общинъ; пріостановить указъ сената по поводу утайки душъ, угрожавшій народу невообразимымъ бѣдствіемъ; поручить завѣдываніе всѣми еврейскими дѣлами кн. А. Н. Голицыну (личному другу государя), который будетъ непосредственно докладывать государю; при этомъ государь, обѣщавъ предупредить кн. Голицына ласково обходиться съ депутатами, приказалъ Зонненбергу и Диллону явиться къ кн. Голицыну и сказать ему: „мы — тѣ евреи, о которыхъ съ вами говорилъ императоръ".

„Но вотъ горе намъ—писали далѣе депутаты—горько было услышать изъ святыхъ устъ Государя Императора... очень непріятныя для насъ вещи, что братья наши израильтяне сбросили съ себя иго царства небеснаго, и много іудеевъ совершали противозаконныя дѣла, не исполняютъ постановленій Господа и Его заповѣдей, какъ предписываетъ намъ наша священная Тора и совершаютъ еще дурныя и недопустимыя дѣла, какъ, напр., утайка количества душъ и т. п. Его Величество предупредилъ насъ, что Онъ немедленно пошлетъ Своего чиновника во всѣ области и губерніи съ приказомъ отъ Его Величества, чтобы мужчины и женщины обязательно соблюдали законъ своей вѣры, какъ имъ предписывается въ ихъ Торѣ, чтобы возлагали надежды свои на Бога, а не на добрыхъ людей, и чтобы усерднѣе молились Создателю, ибо желаніе государя таково, чтобы каждый народъ соблюдалъ свое вѣроученіе, какъ ему предписывается, и сами собою исчезнутъ преступники и поступающіе противъ законовъ (страны)".

Государь указалъ депутатамъ на то, что евреи торгуютъ контрабанднымъ товаромъ, и депутаты заклинали: „Поспѣшите! Проходите разъ и еще разъ по всѣмъ станамъ еврейскимъ съ великимъ трубнымъ звукомъ и великимъ тяжелымъ херемомъ, чтобы отнынѣ и во вѣки ни одинъ израильтянинъ не торговалъ контрабандой и не искалъ бы никакихъ обходовъ закона". Пусть

№ 1977 20 Генваря 1816

Его Высокопревосходительству

Господину Генералу от инфантерии — Санктпетербургскому Военному Генерал Губернатору и разных орденов кавалеру Сергею Кузмичу Вязмитинову

Депутата Еврейскихъ кагаловъ — Лейзера Диллона.

Прошение

Угодно было ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ Величеству при объявлении через Господина Генерал Адъютанта князя Волконского прошлого 1814 года июля 29 дня за границею в Брухзале Высочайшего своего благоволения всем еврейским кагалам за усердную и ревностную службу находившихся при Главной квартире ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО Величества депутатов, высочайше повелеть притом [illegible] присылать таковых самых или таковых же въ С. Петербургъ.

Я бывъ от Главной квартиры в числе депутатовъ и ныне [illegible] сие звание. Выполняя Его Высочайшую волю прибыл сюда в столицу — осмеливаюсь Вашего Высокопревосходительства при поднесении в оригинале упомянутого данного повеления, всенижайше просить представительством своим исходатайствовать мне Высочайшее соизволение о личном мне къ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ Величеству представлении.

= Депутатъ Лейзеръ Диллонъ

Генваря 20 дня 1816 года

Объ Еврейско[м] [illegible] Его Высокопревосходительство [illegible] чтобы онъ явился къ Г. Генералъ адъютанту Волконскому почему и [illegible] ему [illegible].

Юлій Гессенъ, Петроградъ, 1916 г.

каждый правдиво скажетъ, есть ли у него контрабандный товаръ,— депутаты обѣщали постараться исходатайствовать у государя прощенiе за прежнюю вину [1]).

„Братья, друзья наши!—писали Диллонъ и Зонненбергъ— Мы здѣсь, понятно, будемъ стоять на стражѣ интересовъ братьевъ нашихъ Израильтянъ, какъ полагается Императорскимъ депутатамъ, вы-же у себя взывайте усиленно къ Господу, и младъ, и старъ, излейте сердца ваши предъ Господомъ, дабы Онъ сжалился надъ всѣми братьями нашими израильтянами, дабы мы нашли благоволенiе и милосердiе у сановниковъ и у Императора".

Въ заключенiе депутаты сообщали, что пребыванiе въ столицѣ обходится дорого. Имъ хотѣлось бы вернуться домой. И такъ какъ государь желаетъ, чтобы въ столицѣ находились „постоянно два нашихъ избранника, которые были бы въ непосредственномъ распоряженiи Императора, да возвеличится Его слава, чрезъ которыхъ постоянно доходили бы до Его Величества всѣ желанiя и нужды братьевъ нашихъ Израильтянъ", то депутаты просили намѣтить достойныхъ людей, которые бы замѣнили ихъ [2]). Государь приказалъ Зонненбергу и Диллону оставаться въ столицѣ въ теченiе двухъ мѣсяцевъ, пока еврейскимъ дѣламъ не будетъ данъ надлежащiй ходъ, потомъ же они могутъ испросить разрѣшенiе ѣхать домой и замѣстить себя новыми депутатами.

Когда въ апрѣлѣ 1817 г. минскiй губернаторъ потребовалъ прибытiя Диллона въ Несвижъ, въ виду производившагося тамъ слѣдственнаго дѣла надъ однимъ генераломъ, государь приказалъ, чтобы депутаты, вообще, не покидали столицы безъ Высочайшаго разрѣшенiя, и чтобы Диллонъ не уѣзжалъ въ Несвижъ [3]).

18 января 1817 г. послѣдовалъ Высочайшiй указъ, чтобы дѣла, касающiяся еврейскихъ обществъ, сосредоточенныя въ сенатѣ, направлялись, какъ обѣщалъ государь депутатамъ, „для положенiя по онымъ мнѣнiя" къ кн. А. Голицыну, состоявшему главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣ-

---

[1]) О торговлѣ контрабандными товарами — см. главы пятнадцатую и шестнадцатую.

[2]) Понявъ это предложенiе въ томъ смыслѣ, что отъ каждой губернiи долженъ быть отправленъ депутатъ, житомiрскiе евреи испросили въ апрѣлѣ 1817 г. разрѣшенiе вызвать съ этой цѣлью въ Житомiръ представителей отъ всѣхъ кагаловъ губернiи. Но Диллонъ и Зонненбергъ объяснили правительству, что произошло недоразумѣнiе, и съѣздъ въ Житомiрѣ былъ отмѣненъ. По этому поводу губернаторамъ было дано знать, что съѣзды для избранiя депутатовъ могутъ происходить лишь съ Высочайшаго разрѣшенiя (Департаментъ полицiи исполнительной 1817 г., № 252). На житомiрскомъ съѣздѣ предполагалось принять мѣры противъ торговли контрабандными товарами. См. объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

[3]) См. иллюстр. на стр. 367—368 (Особ. канцелярiя мин. полицiи, 1817 г., № 89).

[illegible] 17 сентяб. 1817.

Милостивый Государь Сергѣй Кузмичь,

Къ наряженной въ Несвижѣ Минской Губерніи въ Слуцкомъ повѣтѣ слѣдственной Коммиссіи по дѣлу, прикосновенному къ Генералъ-Маіору Тучкову 1-му требуется отсюда Депутатъ Еврейскаго народа Лезеръ Дилонъ, котораго С. Петербургская управа благочинія, по предписанію здѣшняго Г-на Гражданскаго Губернатора, 13 числа сего мѣсяца обязала подпискою, чтобъ онъ въ теченіи трехъ сутокъ выѣхалъ въ Несвижъ.

Его Императорское Величество высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ, сообщить Вашему Высокопревосходительству, чтобы Лезеръ Диллонъ не былъ теперь высылаемъ изъ С. Петербурга; если же нужно ему сдѣлать какіе вопросы, то и здѣсь можно взять отъ него показаніе; равнымъ образомъ и впредь Депутатовъ Еврейскаго народа

Его Высокопревосходительству
С. К. Вязмитинову.

Юлій Гессенъ, Петроградъ, 1916 г.

отсюда невысылать безъ Доклада Его Императорскому Величеству.

Честь имѣю быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію,

Вашего Высокопревосходительства

покорнѣйшій слуга.

Князь Александръ Голицынъ

N. 406
16го Августа 1817го г.

даній и занявшему также постъ министра народнаго просвѣщенія. Князь Голицынъ серьезно отнесся къ задачѣ, возложенной на депутатовъ; онъ усилилъ ихъ офиціальное значеніе, установивъ, чтобы депутаты, избираемые еврейскими обществами, подлежали Высочайшему утвержденію, и включивъ депутатовъ въ число лицъ и учрежденій, съ которыми должно было сноситься объединенное министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія [1]).

Помимо старой дружбы, государя и кн. Голицына связывало мистическое настроеніе, владѣвшее ими обоими. Туманное представленіе о народномъ благѣ, покоящемся на благочестіи царя и его подданныхъ, во всемъ поступающихъ по завѣтамъ св. Евангелія, внушало идею о необходимости не стѣснять подданныхъ въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, не подавлять религіознаго чувства у иновѣрца; благочестіе—основа истиннаго просвѣщенія. Библейское общество, руководимое Голицынымъ и покровительствуемое государемъ, представлявшее собою какъ бы органъ правительственной власти, преслѣдовало мистическія цѣли, распространяя въ Россіи изданія Библіи на разныхъ языкахъ среди христіанъ всѣхъ исповѣданій, а также среди магометанъ и другихъ народовъ. При такомъ настроеніи, государь и Голицынъ прониклись особымъ чувствомъ къ евреямъ, въ которомъ смогли сплестись, въ своеобразномъ сочетаніи, благожелательное отношеніе къ бѣдственному положенію древняго народа Ветхаго Завѣта, извѣстное уваженіе къ его религіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и желаніе пріобщить этотъ народъ мирными путями къ Новому Завѣту.

Подобное отношеніе къ еврейскому народу если и не внушилъ, то поддержалъ Льюисъ Вей (Way), видный членъ лондонскаго миссіонерскаго общества. Пріѣхавъ въ Россію (1817 г.), чтобы ознакомиться съ положеніемъ евреевъ, Вей имѣлъ бесѣду съ Александромъ I и, вѣроятно, тогда же высказалъ ему тѣ свои взгляды на еврейскій народъ, которые позже изложилъ въ запискахъ [2]). Склоняя евреевъ искреннимъ словомъ къ принятію христіанской вѣры, Вей былъ противникомъ принудительнаго обра-

[1]) Первое полное собраніе законовъ, № 27106.

[2]) Ко времени Аахенскаго Конгресса (1818 г.) Вей составилъ для Александра I, испросивъ его согласіе, записку о еврейской реформѣ—„Mémoire sur l'état des juifs, adressé à S. M. l'Empereur de toutes les Russies“ (Вей, между прочимъ, отмѣтилъ, что безплодно приглашать евреевъ стать христіанами, если не обращаться съ ними, какъ съ людьми и братьями, пріобщая ихъ къ общей жизни и распространяя на нихъ ея блага), а затѣмъ дополнительную записку—„Mémoire pour servire de suite et de développement aux principes, énoncés dans l'ecrit, adressé (т.-е. въ упомянутой выше запискѣ) à S. M. l'Empereur de toutes les Russies, concernant l'état actuel des israélites, et l'amelioration de leur sort“. См. мою статью въ „Еврейской Энциклопедіи“, т. V, ст. 367—370.

щенія ихъ въ христіанство; болѣе того, онъ настаивалъ на необходимости предоставить имъ гражданскія права. Вѣря, что по возвращеніи на древнюю родину евреи послѣдуютъ ученію Христа, онъ считалъ своимъ долгомъ заботиться о возрожденіи униженнаго народа.

Однако, если, оставаясь въ предѣлахъ религіозныхъ мечтаній, государь и кн. Голицынъ сходились съ Веемъ во взглядѣ на дѣло еврейской реформы, то, выходя на путь практическихъ мѣропріятій, они расходились съ нимъ въ разныя стороны. Правительство сознавало, что евреи имѣютъ право на облегченіе ихъ участи. „Приверженность сего народа къ Россійскому престолу и усердіе его пользамъ правительства, въ продолженіе прошедшей войны доказанныя,— писалъ кн. Голицынъ [1]) въ мартѣ 1817 г. — и какъ гражданскимъ, такъ и военнымъ начальствомъ засвидѣтельствованныя, пріобрѣли евреямъ благоволеніе Государя Императора и, конечно, даютъ имъ полное право, наравнѣ съ прочими подданными Его Величества, на покровительство законовъ...“. Тѣмъ не менѣе, правительство даже не задумывалось надъ тѣмъ, чтобы заняться вопросомъ о евреяхъ съ цѣлью улучшить ихъ правовое положеніе, оно готово было лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ оказать вниманіе евреямъ, и потому проповѣдь Вея о смягченіи ограничительнаго законодательства не нашла отклика въ русскомъ правительствѣ [2]).

Въ этихъ условіяхъ депутатамъ предстояла тяжелая работа. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что ихъ дѣятельность не ограничилась защитою интересовъ евреевъ, жившихъ въ Имперіи. Депутатамъ пришлось взять на себя также заботу о еврейскомъ населеніи, вновь созданнаго Царства Польскаго [3]). Ихъ затруднительное положеніе усугублялось еще тѣмъ, что пребываніе въ столицѣ, сопряженное съ хожденіемъ по канцеляріямъ, требовало значительныхъ расходовъ, кагалы же не присылали того, что нужно было (можно допустить, что депутаты не достаточно бережно обходились съ общественными деньгами) и это отражалось на успѣшности работы депутатовъ [4]). Къ тому же между ними происходили нелады на почвѣ личныхъ отношеній. Первенствующую роль, какъ видно, игралъ Диллонъ: червь за-

---

[1]) Изъ архива Н. Новосильцева. Русскій Архивъ, 1908 г., кн. 8, стр. 580. См. также: Еврейская Старина, 1912 г., стр. 157.

[2]) Идеи Вея нашли свое выраженіе—въ искаженномъ видѣ—въ учрежденіи „Общества израильскихъ христіанъ“, о коемъ говорится въ слѣдующей главѣ.

[3]) См. главу семнадцатую.

[4]) О дѣятельности депутатовъ и объ упраздненіи этого института—см. главы пятнадцатую и шестнадцатую.

висти точилъ Зонненберга, и, по словамъ одного офиціальнаго документа, „по поводу происшедшаго между депутатами несогласія, они желали, чтобы ихъ народъ избралъ новыхъ депутатовъ". Воспользовавшись отъѣздомъ Диллона въ Несвижъ, Зонненбергъ добился того, что въ октябрѣ 1817 г. было объявлено о новомъ избраніи двухъ-трехъ депутатовъ, для чего должны были быть созваны въ одномъ мѣстѣ „изъ каждой губерніи по два первѣйшихъ духовныхъ члена".

Избраніе кандидатовъ по губерніямъ происходило медленно; Екатеринославская и Таврическая губерніи уклонились отъ посылки своихъ делегатовъ, сославшись на отсутствіе средствъ. Лишь 19 августа 1818 г. состоялось въ Вильнѣ собраніе губернскихъ представителей. Оказались избранными: Зундель Зонненбергъ, Бейнишъ Лапковскій изъ Витебска и Михель Айзенштадтъ изъ Шклова, а кандидатами къ нимъ: сынъ кенигсбергскаго раввина Шмуйла Эпштейнъ изъ Вильны, лепельскій купецъ Маркусъ Файтельсонъ и знакомый намъ Лейзеръ Диллонъ [1]). Эти лица (за исключеніемъ Эпштейна, о которомъ должно было послѣдовать особое повелѣніе) были по представленію комитета министровъ [2]) Высочайше утверждены 4 января 1819 г. въ своихъ званіяхъ, о чемъ князь Голицынъ увѣдомилъ Зонненберга.

Съ тяжелымъ чувствомъ приняла на себя новая шестичленная коллегія—депутаты и кандидаты—отвѣтственную задачу; „опасаясь въ столь немаловажномъ предметѣ, клонящемся ко всему еврейскому народу, основываться на собственномъ своемъ разумѣ" и притомъ, не находя возможнымъ давать публично отчетъ въ расходахъ, которые предстояло производить въ столицѣ, коллегія настояла, чтобы съѣздъ неофиціально выбралъ дополнительно троихъ лицъ, которыя дѣлили бы обязанности депутатовъ.

---

[1]) Г. Маггидъ (въ „Иръ Вильна" на еврейскомъ языкѣ) сообщаетъ, что Александръ I, проѣзжая Несвижъ, остановился у Диллона, и что, когда впослѣдствіи Диллонъ, по доносу, былъ заключенъ въ тюрьму, а на его имущество наложенъ арестъ, государь велѣлъ вернуть ему свободу. Нѣкогда человѣкъ богатый и вліятельный, занимавшійся поставками для арміи, Диллонъ послѣ 1817 г. не игралъ никакой роли; онъ умеръ въ бѣдности въ 1838 г. въ Вильнѣ.

[2]) Выписка изъ журнала комитета министровъ отъ 17 сентября 1818 г. и 4 января 1819 г. Архивъ Госуд. совѣта, департ. законовъ, 1835 г., № 11 (копія выписки).

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Результаты аудіенціи, данной государемъ депутатамъ.—Высочайшее повелѣніе не возводить обвиненій въ преступленіяхъ съ ритуальной цѣлью.—Отмѣна кары за утайку душъ.—Длительный споръ въ связи съ вопросомъ о правѣ евреевъ владѣть помѣщичьими землями и пользоваться трудомъ крестьянъ.—Дѣятельность депутатовъ, направленная къ сохраненію въ неприкосновенности вѣкового религіозно-общественнаго быта.—Ихъ старанія вернуть кагалу право провозглашать херемъ.—Противодѣйствіе общему образованію.—Внѣшнія обстоятельства, препятствовавшія насажденію просвѣщенія.—Попытка основать еврейскую газету.—По ходатайству депутатовъ, запрещеніе носить внѣ черты осѣдлости традиціонное платье отмѣняется.—Мистическія чаянія Александра I и учрежденіе „Общества израильскихъ христіанъ“.

Аудіенція, испрошенная у государя депутатами [1]), оказалась въ высшей степени своевременной. Малѣйшее промедленіе могло оказаться чреватымъ важнѣйшими послѣдствіями. Если бы не счастливое стеченіе обстоятельствъ, давшее еврейскому народу возможность—устами депутатовъ—высказаться предъ государемъ, повѣдать ему о тяжелой жизни, объ обидахъ, тысяча восемьсотъ семнадцатый годъ оставилъ бы по себѣ, вѣроятно, страшную страницу въ исторіи евреевъ въ Россіи.

Обвиненіе въ употребленіи христіанской крови для религіозныхъ цѣлей — съ одной стороны, а съ другой — тяжкая кара за утайку душъ и отнятіе арендуемыхъ земель, долженствовавшее гибельнымъ образомъ отразиться на экономическомъ положеніи еврейскаго населенія, вотъ какими наиболѣе явными и близкими угрозами были встрѣчены въ столицѣ депутаты при первыхъ шагахъ своей дѣятельности.

Въ 1816 году обвиненія въ ритуальныхъ преступленіяхъ возникаютъ почти одновременно въ Гроднѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вновь образованнаго Царства Польскаго [2]).

---

[1]) См. главу четырнадцатую.

[2]) Объ обвиненіяхъ въ мѣстностяхъ Царства Польскаго см.: Ритуальные процессы 1816 года. Еврейская Старина, 1912 г., стр. 144—163 (записка Якова Шапира и перепечатка документовъ изъ архива Новосильцева, напечатанныхъ въ Русскомъ Архивѣ, 1908 г., кн. VIII).

Когда въ Гроднѣ, за городомъ, была найдена мертвой четырехлѣтняя дочь мѣщанина Адамовича, то сейчасъ же былъ пущенъ слухъ [1]), что ребенокъ „кончилъ жизнь отъ рукъ жидовскихъ". Немедленно начатое слѣдствіе не раскрыло виновнаго. Жителей оповѣстили по церквамъ и по синагогамъ о случившемся, дабы всякій, знающій что-либо о смерти ребенка, сообщилъ властямъ. Но такъ какъ и послѣ этого виновнаго не нашли и никто „не могъ подать слѣда къ обнаруженію истины и къ доказанію того, что евреи употребляютъ якобы во время праздника своего Пейсаха христіанскую кровь", то слѣдственная комиссія приступила къ „секретному розыску". Тогда явились выкресты: мѣщанка Варвара Обеліова, перешедшая тридцать лѣтъ назадъ въ католичество, и принявшій православіе унтеръ-офицеръ Павелъ Савицкій, и показали, что евреямъ, молъ, дѣйствительно, нужна кровь христіанъ для религіозныхъ цѣлей. Въ это-то время въ дѣло вмѣшались депутаты. Сперва послѣдовало (февраль 1817 г.) Высочайшее повелѣніе уничтожить секретное розысканіе, а затѣмъ, 6 марта 1817 г., кн. Голицынъ разослалъ начальникамъ губерній циркуляръ, въ которомъ говорилось, что государь повелѣлъ „объявить всѣмъ г.г. управляющимъ губерніями монаршую волю, чтобы впредь евреи не были обвиняемы въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей безъ всякихъ уликъ, по единому предразсудку, что якобы они имѣютъ нужду въ христіанской крови, но если бы гдѣ случилось смертоубійство и подозрѣніе падало на евреевъ, безъ предубѣжденія, однакожъ, что они сдѣлали сіе для полученія христіанской крови, то было бы производимо слѣдствіе на законномъ основаніи по доказательствамъ, къ самому происшествію относящимся, наравнѣ съ людьми прочихъ вѣроисповѣданій, которые уличались бы въ преступленіи смертоубійства".

Вслѣдствіе этого Высочайшаго повелѣнія Гродненское дѣло было прекращено [2]).

---

[1]) О первомъ по времени, Сѣнненскомъ дѣлѣ — см. выше, стр. 287—289. Въ 1805 и 1811 годахъ въ Бѣлоруссіи чуть было не возникли подобные же процессы, — за неотысканіемъ виновныхъ оба дѣла были преданы „волѣ Божьей". В. И. Даль, Записка о ритуальныхъ дѣлахъ (СПБ., 1913 г.), стр. 55—56 (на этой книгѣ я остановлюсь во второмъ томѣ настоящаго труда).

[2]) Справка къ докладу по еврейскому вопросу (составлена канцеляріей Совѣта объединенныхъ дворянскихъ обществъ), ч. V, стр. 1-34.—Изъ архива Н. Н. Новосильцева, Русскій Архивъ, 1908 г., кн. VIII.—Д. Хвольсонъ, О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ (второе изданіе, С.П.Б., 1880 г.).

Позже Гродненское дѣло было возобновлено, въ связи съ Велижскимъ процессомъ.

Вслѣдъ затѣмъ былъ разрѣшенъ вопросъ объ утайкѣ душъ. Намѣченная сенатомъ репрессивная мѣра, какъ государь обѣщалъ депутатамъ во время аудіенціи, не была приведена въ исполненіе. Именной указъ отъ 19 апрѣля 1817 г., обязавъ кагалы строжайше слѣдить за тѣмъ, чтобы впредь не было прописныхъ, освободилъ еврейское населенія отъ штрафовъ и пени за прописныхъ по прежнимъ ревизіямъ, а также отъ уплаты податныхъ недоимокъ за прошлые годы; вмѣстѣ съ тѣмъ, было объявлено прощеніе евреямъ, арестованнымъ или подвергнутымъ другимъ взысканіямъ за прописку душъ; между прочимъ, получили свободу члены кіевскаго кагала, взятые подъ стражу за допущенную прописку [1]).

Не такъ легко состоялась отмѣна подготовленнаго къ опубликованію сенатскаго указа, въ силу котораго земли, арендованныя евреями у помѣщиковъ, должны были быть возвращены ихъ владѣльцамъ, безъ того, чтобы за евреями были обезпечены деньги, взятыя помѣщиками у евреевъ за аренду. Правительство давно уже добивалось того, чтобы евреи не арендовали помѣщичьихъ имѣній. Оно имѣло при этомъ въ виду, съ одной стороны — оградить матеріальные интересы крестьянъ, а съ другой—не дать евреямъ возможности пользоваться личнымъ трудомъ крестьянъ.

Отдача имѣнія въ аренду, разумѣется, всецѣло зависѣла отъ воли помѣщиковъ, и правительство должно было бы, конечно, обращаться съ соотвѣтствующимъ запретомъ къ помѣщикамъ. Но, избѣгая излишнихъ столкновеній съ дворянами, оно вступало въ борьбу не съ помѣщиками, а съ евреями. Даже тогда, когда явно принимались мѣры противъ своеволія не евреевъ, а помѣщиковъ, налагавшихъ на крестьянъ обязанности по отношенію къ арендаторамъ, въ законодательныхъ актахъ говорилось порою не объ арендаторахъ вообще, а спеціально о евреяхъ. Въ 1817 г. было произведено, по Высочайшему повелѣнію, разслѣдованіе по поводу притѣсненій, претерпѣваемыхъ крестьянами въ Минской губерніи отъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ, и тогда многіе христіане—экономы и управители—были признаны виновными въ „отягощеніи крестьянъ непомѣрными работами и въ другихъ злоупотре-

[1]) Первое полное собраніе законовъ, № 26805.—Такъ какъ кагалы Кіевской губерніи допускали при ревизіи утайку душъ, въ министерствѣ финансовъ было рѣшено примѣнить къ евреямъ манифестъ 1811 г. о ревизіяхъ, фактически не осуществлявшійся, согласно которому виновные въ утайкѣ душъ (манифестъ имѣлъ въ виду не евреевъ, а населеніе вообще) подлежали отдачѣ въ рабочій домъ на одинъ годъ. Постановленіе министерства финансовъ было препровождено въ январѣ 1817 г. въ сенатъ. См. архивъ канцеляріи министра финансовъ, 1 отд., 4 столъ, 1816 г. дѣло № 16. „О происходящей утайкѣ душъ евреевъ по Кіевской губерніи“.

бленіяхъ“ [1]); тѣмъ не менѣе, въ Высочайшемъ указѣ (23 марта 1818 г.), изданномъ по этому поводу и распространившемъ на всѣ бывшія польскія губерніи тѣ распоряженія, которыя послѣдовали по Минской губерніи для охраненія крестьянъ отъ притѣсненій, было обращено особое вниманіе на евреевъ, отдѣльно отъ арендаторовъ вообще [2]).

Что касается пользованія личнымъ трудомъ крестьянъ, то, завѣдуя различными отраслями помѣщичьяго хозяйства, евреи, давая помѣщикамъ деньги подъ залогъ имѣнія, являлись фактически владѣльцами населенныхъ имѣній, гдѣ и распоряжались трудомъ крѣпостныхъ крестьянъ. Русское законодательство, запрещая евреямъ пользоваться работой крѣпостныхъ, опиралось на польскія постановленія, вызванныя соображеніемъ о достоинствѣ христіанской религіи, не допускающемъ, чтобы иновѣрный господствовалъ надъ христіаниномъ. Впрочемъ, и само русское правительство издавна слѣдило за тѣмъ, чтобы иновѣрецъ не владѣлъ христіанами. Въ отношеніи евреевъ таковое ограниченіе были впервые установлено [3]) въ 1800 г. Когда же бѣлорусская власть, убѣдившись, что евреи, владѣющіе помѣщичьими землями, „обезпечены арендным правомъ, судебнымъ порядкомъ совершеннымъ“, не осмѣлилась отобрать у нихъ земли, сенатъ (въ 1801 г.) подтвердилъ, что евреи не могутъ владѣть имѣніями; что же касается денежныхъ разсчетовъ съ помѣщиками, вытекавшихъ изъ аренды, то таковые должны быть разрѣшены обычнымъ законнымъ порядкомъ [4]). Но подобными распоряженіями не могло быть устранено издавна создавшееся положеніе вещей, вызывавшееся мѣстными хозяйственно-правовыми условіями. Въ западномъ краѣ не было иного способа удовлетворить кредитора, какъ отдать ему имѣніе „въ традицію“, для удержанія (изъ различныхъ долговыхъ обязательствъ, лежащихъ на имѣніи) причитающейся ему суммы, или же—когда имѣніе было обременено крупными долгами, отдать въ „колліокацію“, т. е. назначить на имѣніе конкурсъ. Такимъ образомъ, при запрещеніи евреямъ въ какой бы то ни было формѣ владѣть землею, они

---

[1]) Высочайше утвержденное мнѣніе Госуд. совѣта 22 октября 1825 г. Первое полное собраніе законовъ, № 30543.

[2]) Первое полное собраніе законовъ, № 27516. Напр., не принуждать крестьянъ возить хлѣбъ на мельницы, арендуемыя евреями; уничтожить экзекуцію со стороны помѣщиковъ за неотдачу крестьянами „еврейскихъ долговъ“; евреямъ, арендующимъ корчмы, не позволять давать крестьянамъ въ ростъ деньги, и т. д., словно одни евреи брали въ аренду мельницы и пр.

[3]) Опредѣленіе сената 11 декабря 1800 г. Книга опредѣленій 1 отд. 3 департамента, № 27 (опред. № 37). По представленію Державина.

[4]) Это опредѣленіе (4 апрѣля и 19 мая 1801 г.; книга опредѣленій 1 отд. 3 департ., № 33, ч. I) было сообщено бѣлорусскимъ властямъ указомъ 8 іюля 1801 г.

Численность еврейскаго населенія по офиціальнымъ даннымъ [1]).

ГУБЕРНІИ.	1812 г. Число мужчинъ [2]).						1818 г. Число мужчинъ и женщинъ [3]).									
	Купцы.	Мѣщане.	Фабриканты.	Ремесленники.	Земледѣльцы.	Итого.	Купцы.		Мѣщане.		Ремеслен.		Землед.		Итого.	
							М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
Кіевская	130	13836	4	1894	1391	17485	57	65	3[illegible]362	27661	3126	2291	745	450	42288	30467
Екатеринославская .	65	600	—	156	179	1200	29	33	1043	971	213	227	—	—	1285	1231
Черниговская . .	234	2198	—	219	5	2656	42	36	6374	6371	151	156	3	2	6570	6565
Полтавская	305	1856	5	389	2	2555	67	75	4059	3915	172	207	—	—	4296	4197
Таврическая	60	473	—	70	—	603	100	85	2154	2129	77	76	—	—	2331	2290
Могилевская	1364	13833	61	2664	156	18078	5	1	21683	12120	—	—	—	—	21688	12121
Витебская	707	5644	—	1655	2099	10105	112	117	18158	12780	1504	1462	132	106	19906	14465
Гродненская . . .	108	12224	68	2369	1978	16747	47	42	25683	27162	1032	1047	—	—	26762	28251
Виленская	152	12682	—	3352	7078	23264	32	36	21258	21760	5440 [4])	5603 [4])	8721	7214	35451	34613
Минская	276	11086	16	1734	122	13234	85	60	29144	25094	—	—	—	—	29229	25154
Волынская	374	13028	25	3143	199	21769	323	292	77970	65254	8872	8030	180	240	87345	73814
Подольская	495	17298	29	3030	496	21348	134	141	52754	44083	13197	11442	—	—	66137	55738
Курляндская	170	1271	—	203	4	1648	180	178	3677	3660	408	406	—	—	4265	4244
Бѣлостокская область	—	—	—	—	—	—	17	13	5164	5714	2115	2343	38	40	11468	12932
Херсонская	176	2432	—	317	216	3141	158	130	3748	4188	—	—	1992	1654	5898	5972
Итого	4814	113511	208	21195	13925	153653	1388	1304	311231	262862	40441	38112	11863	9778	364923	312056

1) Эта сводка извлечена изъ архива министерства народнаго просвѣщенія: дѣло № 47505, стр. 153—154.

2) Распредѣленіе по сословіямъ не соотвѣтствовало дѣйствительности; здѣсь указано число лицъ, лишь выразившихъ (по требованію правительства) желаніе записаться въ данное сословіе,—многія не осуществили этого намѣренія.

3) Эти цифры были установлены послѣ провѣрки, вызванной указомъ 1817 г. объ утайкѣ душъ (см. выше, стр. 374).

4) Къ группѣ ремесленниковъ Виленской губерніи относится, нижеслѣдующее подстрочное примѣчаніе къ таблицѣ: „Здѣсь надобно причислить 4134 шинкаря (т. е. мѣщанъ), показанныхъ въ статьѣ о земледѣльцахъ, и 4822 женскаго пола“.

лишались возможности получить полностью деньги, данныя взаймы помѣщику подъ залогъ имѣнія, такъ какъ христіане, которые могли бы купить имѣніе или взять его въ аренду, злоупотребляли затруднительнымъ положеніемъ еврея, лишеннаго права купить землю или держать ее въ арендѣ. Поэтому, сенатъ (1813 г.) ввелъ новый порядокъ: если не окажется подходящаго покупателя или арендатора,--надо отдать имѣніе въ администрацію кому-либо изъ мѣстныхъ помѣщиковъ съ вознагражденіемъ за этотъ трудъ за счетъ кредитора-еврея [1]). Тогда помѣщики прибѣгли къ такъ называемой „кресценціи",—они запродавали евреямъ будущій урожай, и послѣдніе снимали съ полей хлѣбъ, мололи и проч., пользуясь для всего этого безплатными услугами крестьянъ. Въ виду такого обхода закона, сенатъ постановилъ (1816 г.) отобрать у евреевъ всѣ имѣнія, не принявъ никакихъ мѣръ къ тому, чтобы евреи могли получить отъ помѣщиковъ обратно деньги, выданныя подъ залогъ имѣнія; сенатъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ въ духѣ старыхъ польскихъ постановленій, позволявшихъ помѣщикамъ не платить евреямъ долговъ, сдѣланныхъ подъ обезпеченіе земли. Депутаты поспѣшили принести (1817 г.) всеподданнѣйшее прошеніе объ отмѣнѣ сенатскаго постановленія, возложившаго всю тяжесть кары за обходъ закона на однихъ евреевъ, и, по представленію кн. Голицына, государь повелѣлъ передать постановленіе сената на разсмотрѣніе кн. Голицына.

Кн. Голицыну пришлось положить много труда, чтобы внушить правительству мысль о необходимости охранить интересы евреевъ, вытекавшіе изъ гражданскихъ сдѣлокъ съ помѣщиками; онъ долженъ былъ доказывать, что если помѣщики отдали, вопреки закону, свои земли евреямъ, то при обратномъ полученіи земель они обязаны вернуть евреямъ деньги, взятыя подъ земли; проектируемый же законъ, отбирая у евреевъ земли, не позаботился о томъ, чтобы евреямъ были возвращены ихъ капиталы; разъ обѣ стороны нарушили законъ, нельзя, чтобы одна была наказана, а другая даже извлекла выгоду; помѣщики получатъ и свои земли, и деньги евреевъ, а евреи будутъ разорены; и безъ того еврейское населеніе бѣдствуетъ, между тѣмъ его положеніе еще болѣе ухудшится, если состоятельные евреи, „по законамъ еврейской вѣры и по обычаямъ сего народа" пекущіеся о неимущихъ, потеряютъ деньги, данныя помѣщикамъ. Однако, эти столь простые азбучные доводы оказались убѣдительными лишь для немногихъ. Сенатъ отказался обезпечить капиталы евреевъ тѣми имѣніями,

---

[1]) Указъ сената 20 февраля 1813 г. (копія въ архивѣ Гос. совѣта, департ. законовъ, 1835 г., № 11).

которыя находились въ ихъ владѣнiи, и не хотѣлъ потребовать объясненiй отъ присутственныхъ мѣстъ, съ вѣдома которыхъ были заключены контракты между помѣщиками и евреями [1]). Въ виду этого дѣло было перенесено въ Государственный совѣтъ. Кн. Голицынъ и здѣсь выступилъ въ защиту правъ евреевъ и столь же неуспѣшно, какъ въ сенатѣ. Къ нему примкнули лишь немногiе. Но Государь утвердилъ мнѣнiе этого меньшинства, и такимъ образомъ законъ обязалъ помѣщиковъ вернуть евреямъ взятыя у нихъ деньги [2]).

Какъ мы видимъ, депутатамъ удалось отвести еврейское населенiе изъ-подъ направленныхъ противъ него ударовъ. Но самый фактъ скопленiя опасностей заключалъ въ себѣ угрозу для будущаго. Однако, депутаты врядъ ли заглядывали въ даль. Ободренные успѣхомъ, достигнутымъ въ борьбѣ съ описанными внѣшними невзгодами, они направили свои усилiя къ тому, чтобы сохранить въ неприкосновенности вѣковой укладъ внутренней жизни,— они поставили себѣ задачей: противодѣйствовать намѣченной въ Положенiи 1804 года культурно - просвѣтительной

Князь А. Н. Голицынъ.

---

[1]) 27 марта 1819 г. послѣдовалъ соотвѣтствующiй сенатскiй указъ, предоставившiй евреямъ и помѣщикамъ „развѣдаться особо“ въ своихъ разсчетахъ, т.-е. евреямъ пришлось бы самимъ заботиться о полученiи денегъ отъ помѣщиковъ, предъявивъ къ нимъ искъ судебнымъ порядкомъ. Князь Голицынъ опротестовалъ этотъ указъ и дѣлу было дано дальнѣйшее движенiе.

[2]) 20 декабря 1820 г. Первое полное собранiе законовъ, № 28501. См. также архивъ Госуд. совѣта, департам. гражданскихъ дѣлъ, 1820 г., дѣло № 23: „Объ отдаваемыхъ помѣщиками евреямъ имѣнiяхъ съ крестьянами подъ именемъ Крестенцiй“. Это дѣло изложено въ указѣ сената отъ 18 апрѣля 1821 г. (копiя указа на имя кн. Голицына имѣется въ архивѣ Госуд. совѣта, департаментъ законовъ, 1835 г. № 11).—Изъ журнала Госуд. совѣта мы узнаемъ, что въ общемъ собранiи Госуд. совѣта кн. Голицынъ, увидя себя въ меньшинствѣ, заявилъ, что представитъ новыя объясненiя; но и при вторичномъ разсмотрѣнiи вопроса (въ новомъ засѣданiи) онъ не собралъ большинства, причемъ одинъ членъ Госуд. совѣта указалъ, что вторичное разсмотрѣнiе уже рѣшеннаго вопроса не законно.

реформѣ. Съ этой цѣлью депутаты пытались вернуть кагаламъ право карать непослушныхъ членовъ общины, старались воспрепятствовать учрежденію общеобразовательныхъ школъ, добились отмѣны правилъ о ношеніи „европейскаго“ платья внѣ черты осѣдлости.

Мы помнимъ, что въ посланіи къ кагаламъ депутаты умоляли прекратить посредствомъ херема торговлю контрабанднымъ товаромъ. Прибѣгать къ херему было запрещено Положеніемъ 1804 года, но волынскіе евреи, задумавъ (1817 г.) собраться, чтобы послать депутата въ столицу [1]), намѣревались объявить на этомъ съѣздѣ херемъ занимающимся недозволенной торговлей. Когда же предположенный съѣздъ не состоялся, съ той же цѣлью было использовано прибытіе въ губернію сенатора Сиверса на ревизію. Одинъ еврей, отъ имени всѣхъ обществъ, обратился къ нему съ просьбой исходатайствовать прощеніе за прежнюю вину, и обѣщалъ, что въ будущемъ на каждаго, уличеннаго въ торговлѣ контрабанднымъ товаромъ, будетъ наложенъ херемъ. Узнавъ объ этомъ, кн. Голицынъ потребовалъ, чтобы депутаты высказали свое мнѣніе. Они поддержали просьбу волынскихъ евреевъ. Но министръ финансовъ воспротивился забвенію старыхъ прегрѣшеній, такъ какъ къ отвѣтственности за подобное преступленіе привлечены „люди разнаго состоянія и даже таможенные чиновники“ и было бы несправедливо простить однихъ евреевъ. Поэтому кн. Голицынъ вынужденъ былъ ограничиться тѣмъ, что предписалъ депутатамъ удерживать своихъ собратій, при содѣйствіи кагаловъ, отъ недозволенной торговли, „сообразно Моисеевымъ книгамъ, запрещающимъ всякіе противозаконные поступки и обманы“, и разрѣшилъ прибѣгать въ соотвѣтствующихъ случаяхъ къ херему, о чемъ были оповѣщены начальники губерній, дабы они не чинили въ этомъ отношеніи никакихъ препятствій [2]).

Въ ту пору еврейскія общества сильно опасались, что контрабандная торговля навлечетъ на нихъ бѣдствія, и можно допустить, что кагалы, борясь съ этимъ зломъ, хотѣли прибѣгнуть къ херему, надѣясь такимъ путемъ дѣйствительно достигнуть успѣха. Но надо полагать, что кагалы имѣли въ виду воспользоваться херемомъ какъ орудіемъ воздѣйствія не только противъ

---

[1]) См. выше стр. 366, подстрочное примѣчаніе.

[2]) Архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ, особая канцелярія министерства полиціи, 1817 г., дѣло № 99: „О позволеніи евреямъ для открытія тайнаго провоза товаровъ употреблять клятву херемъ“. Губернская администрація, какъ видно, приходила на помощь евреямъ, когда они жаловались, что раввины предаютъ ихъ херему. Извѣстно, что курляндская администрація однажды вмѣшалась въ такое дѣло и запретила раввину провозглашать проклятіе.

тѣхъ, кто торговалъ контрабанднымъ товаромъ. Мы знаемъ, что депутаты, созванные въ 1807 г. въ западныхъ губерніяхъ, добивались возвращенія кагаламъ права провозглашать херемъ; объ этомъ же ходатайствовалъ въ 1813 г. и Зонненбергъ, а вѣдь ни въ 1807 г., ни въ 1813 г. вопросъ о торговлѣ контрабандными товарами не носилъ остраго характера [1]). Съ другой стороны, есть указаніе, что и депутаты, находившіеся съ 1817 г. въ столицѣ, хлопотали о томъ, чтобы кагаламъ было вообще дозволено подвергать херему ослушниковъ [2]), независимо отъ вопроса о контрабандѣ. Изъ этого, кажется, можно заключить, что депутаты, находившіеся въ столицѣ, добивавшіеся подобно депутатамъ, созваннымъ въ 1807 г., того, чтобы мѣропріятія, намѣченныя правительствомъ съ культурно-просвѣтительной цѣлью, не были осуществлены, старались вернуть кагаламъ утраченное право, дабы посредствомъ херема возстановить прежнюю власть кагала, столь нужную для борьбы съ просвѣтительнымъ движеніемъ.

Въ 1817 г. минскій прокуроръ обратилъ вниманіе на то, что въ мѣстныхъ общихъ училищахъ не было ни одного еврея, въ еврейскихъ же школахъ продолжали, по прежнему, обучать одному лишь еврейскому языку. Поэтому, „не имѣя надежды, чтобы евреи когда либо рѣшились“ послать дѣтей въ общую школу, губернское правленіе постановило (согласно съ Положеніемъ 1804 года) учредить спеціальныя еврейскія училища съ общеобразовательной программой, на средства самихъ еврейскихъ обществъ. Но это намѣреніе потерпѣло неудачу. Учрежденію школъ воспротивился самъ кн. Голицынъ (май 1817 г.), мотивируя тѣмъ, что вопросъ о просвѣщеніи долженъ быть разрѣшенъ въ связи съ предполагаемой разработкой новаго законодательства о евреяхъ [3]); но это была простая отписка, такъ какъ нѣтъ никакихъ указаній, чтобы въ то время дѣйствительно приступлено было къ выработкѣ такого законодательства.

Нѣсколько позже повторился подобный же случай. Витебское губернское правленіе сдѣлало какія-то распоряженія съ цѣлью побудить евреевъ отдавать дѣтей въ общія школы или учредить особыя еврейскія, но кагалы воспротивились этому, говоря, что, въ

---

[1]) См. слѣдующую главу.

[2]) Въ меморіи еврейскаго директорскаго комитета за іюнь 1826 г. говорится, что депутаты ходатайствовали объ удовлетвореніи всѣхъ тѣхъ просьбъ, съ которыми Зонненбергъ обратился въ 1813 г. къ государю, а среди нихъ была и просьба о разрѣшеніи кагаламъ пользоваться херемомъ.

[3]) Особая канцелярія министерства полиціи, 1817 г., № 91 „По донесенію минскаго губернатора объ установленіи по Минской губ. особыхъ школъ для евр. дѣтей“. См. также: архивъ министерства народн. просвѣщенія, дѣло № 47505.

виду незнанія языка дѣти не могутъ обучаться въ общихъ училищахъ [1]), для особыхъ же школъ нѣтъ знающихъ учителей; иные кагалы указывали, что евреи стараются давать дѣтямъ домашнее образованіе; всѣ же вообще заявляли, что бѣдность служитъ препятствіемъ къ насажденію образованія. Въ виду этого губернское правленіе запросило сенатъ, а сенатъ, какъ мы знаемъ, долженъ былъ по всѣмъ еврейскимъ дѣламъ обращаться къ кн. Голицыну. И вотъ, какъ четыре года назадъ, кн. Голицынъ вновь объяснилъ, что его министерство вырабатываетъ общее положеніе о евреяхъ, а потому мѣры, предпринятыя витебскимъ губернскимъ правленіемъ, какъ превышающія власть правленія, должны быть немедленно остановлены; сенатъ вынужденъ былъ съ этимъ согласиться [2]).

Можно допустить, что, препятствуя учрежденію школъ, кн. Голицынъ отчасти сообразовался со своими общими взглядами на просвѣщеніе, которое, по его мнѣнію, должно было создавать согласіе „между вѣрой, знаніемъ и властью". Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вполнѣ очевидно, что онъ въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ въ соотвѣтствіи съ желаніемъ депутатовъ; какъ гласитъ одинъ офиціальный документъ, депутаты, говоря, что еврейскія дѣти обучаются польскому, нѣмецкому и преимущественно русскому языку вмѣстѣ съ еврейскимъ у частныхъ учителей, и что этимъ способомъ, не требующимъ большихъ издержекъ, достигается цѣль правительства, „представляли, что они не считаютъ за нужное учрежденіе особыхъ еврейскихъ школъ, на которыя потребовались бы издержки значительныя и по разстроенному состоянію евреевъ для нихъ чувствительныя" [3]).

Несомнѣнно, массовое учрежденіе школъ было непосильно для бюджета общинъ. Но дѣло было не въ однихъ только матеріальныхъ затрудненіяхъ. Школа встрѣчалась съ противодѣйствіемъ со стороны консервативнаго класса и тогда, когда она не требовала матеріальныхъ жертвъ. Судьба уманьской школы можетъ послужить въ данномъ случаѣ иллюстраціей.

При всей зоркости кагаловъ, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ зарождались ячейки просвѣтительнаго движенія—сношенія съ за-

---

[1]) Въ 1808 г. въ Витебской губерніи, и именно въ Витебскѣ, обучался всего одинъ еврей въ общей школѣ. Въ Могилевской же губерніи—девять: одинъ въ Могилевѣ и восемь въ уѣздномъ городѣ Бабиновичи. См. С. Познеръ, Евреи въ общей школѣ (С.П.Б. 1914 г.), стр. 5.

[2]) Указъ сената отъ 4 августа 1821. Копія указа, опубликованнаго мною въ сборникѣ „Пережитое" (т. 4, стр. 321—322), имѣется въ архивѣ Госуд. совѣта, департаментъ законовъ, 1835 г., № 11. См. также: архивъ министерства народн. просвѣщенія, дѣло № 47505.

[3]) Архивъ министерства народ. просвѣщенія, дѣло № 47505.

рубежными единовѣрцами и общеніе съ сосѣдями служили русломъ, по которому въ еврейскую жизнь втекали незамѣтно новыя знанія, новыя стремленія. Носителями просвѣщенія являлись преимущественно врачи. Нѣкоторые изъ нихъ обучались въ виленскомъ и дерптскомъ университетахъ. Но въ большинствѣ врачи получали образованіе за границей, а затѣмъ держали экзамены въ Петербургѣ при медико-хирургической академіи, послѣ чего получали право частной практики или назначались городовыми и повѣтовыми врачами, опредѣлялись на военно-медицинскую службу. За отсутствіемъ правовыхъ ограниченій, въ ихъ послужныхъ спискахъ не отмѣчалось вѣроисповѣданіе, благодаря чему не всегда возможно установить, принадлежитъ ли данное имя еврею; однако, въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда врачи исключались кагаломъ изъ подушнаго оклада, обнаруживается ихъ еврейское происхожденіе [1]).

Наряду съ врачами, распространенію просвѣщенія содѣйствовали богатые купцы и выходцы изъ Германіи и Галиціи.

Стараніямъ мѣстнаго коммерсанта обязана своимъ возникновеніемъ школа въ Умани, первая, насколько извѣстно, по времени общеобразовательная школа для еврейскихъ дѣтей. Около 1820 года [2]) хорошо образованный банкиръ Гиршъ-Беръ Гуровичъ (Гурвичъ), ставшій впослѣдствіи извѣстнымъ ученымъ въ Кембриджѣ [3]), основалъ вмѣстѣ съ однимъ единомышленникомъ въ Умани школу, въ которой выписанный изъ Галиціи учитель Горнъ преподавалъ еврейскій языкъ „по новѣйшей системѣ, полезнѣйшей для нравственнаго образованія, нежели прежняя механическая, состоявшая въ обученіи Библіи“; въ школѣ изучали также нѣмецкій и французскій языки, ариѳметику, исторію и географію, т.-е. предметы, которыхъ традиціонная школа не признавала. Уманьское училище привлекло изъ Умани всего восемь, а изъ другихъ мѣстъ—четве-

---

[1]) Юлій Гессенъ, Къ судьбѣ евреевъ-врачей въ Россіи. Еврейская Старина 1910 г., стр. 612 и слѣд. Въ русской арміи служилъ, между прочимъ (съ 1788 г.), Эліасъ Аккордъ, переводчикъ съ польскаго на нѣмецкій языкъ анонимной брошюры „Die Juden oder die Nothwendige Reformation der Juden in der Republik Polen“ (1786г .). Напомню о врачѣ Франкѣ, ознакомившемъ Державина со своими соображеніями о нравственномъ преобразованіи евреевъ, и объ Авраамѣ Бернгардѣ (позже крестившемся), представившемъ Павлу I записку въ защиту евреевъ отъ обвиненія въ ритуальныхъ преступленіяхъ.

[2]) Въ архивѣ министерства нар. просвѣщенія значится дѣло отъ 1817 г. объ учрежденіи въ Вильнѣ школы на средства кагала или общества, но отыскать дѣла не удалось.

[3]) Подъ именемъ Германа Бернарда. См. Еврейскую Энциклопедію, т. IV, ст. 287-289.—Гуровичъ былъ недоволенъ тѣмъ, что правительство разрѣшало евреямъ носить традиціонную одежду.

рыхъ дѣтей. Но и къ этому скромному начинанію консервативные элементы отнеслись враждебно. Къ князю Голицыну поступила жалоба на затрудненія, чинимыя школѣ „суевѣрными евреями“; учредители ея хлопотали, чтобы домъ школы былъ освобожденъ отъ военныхъ постоевъ и полицейскихъ повинностей, а учитель отъ казенныхъ податей,—такъ какъ все это служило, очевидно, въ рукахъ кагала орудіемъ противъ школы,—и ея основатели просили кн. Голицына о „покровительствѣ“. Но помощь не была оказана, и школу пришлось закрыть [1]).

Мы видимъ, что кагалы прилагали старанія, чтобы пріостановить въ зародышѣ культурно-просвѣтительную реформу. Но, тѣмъ не менѣе, было бы несправедливо возложить на нихъ всю отвѣтственность за то, что приглашеніе правительства войти въ общую школу не было использовано евреями. Распространенію общаго образованія препятствовали въ значительной степени также и внѣшнія обстоятельства. Школы восьми губерній (въ которыхъ было сосредоточено еврейское населеніе), входили въ составъ округа виленскаго университета, а училища этого округа содержались главнымъ образомъ на доходы отъ поіезуитскихъ суммъ, и болѣе двухъ третей изъ школъ находились въ рукахъ римско-католическаго духовенства и различныхъ монашескихъ орденовъ, которые не внушали еврейскому населенію довѣрія къ себѣ: школы носили чаще всего дворянскій характеръ; даже низшія школы находились въ вѣдѣніи дворянъ и римско-католическаго духовенства,—все это должно было затруднить доступъ въ школу [2]).

Къ тому же и правительство рано сдѣлало первый шагъ въ дѣлѣ стѣсненія свободы образованія. Когда курляндскій уроженецъ Симонъ Вульфъ, окончившій [3]) дерптскій университетъ со званіемъ кандидата правъ, пожелалъ (1816 г.) быть допущеннымъ къ испытанію на степень доктора юридическихъ наукъ, факультетскій совѣтъ, имѣя въ виду ограничительное законодательство о евреяхъ и то, что церковное право, составляющее часть юрис-

---

[1]) Архивъ министерства нар. просвѣщенія, 1819 г., дѣло № 21923 (карт. 491) „О желаніи нѣкоторыхъ евреевъ въ Уманьскомъ повѣтѣ завести училище“. Тамъ же, дѣло № 47505, стр. 13.— С. Станиславскій, Изъ исторіи и жизни одной евр. школы. Восходъ, 1884 г., кн. 4.

Даже десять лѣтъ спустя извѣстный врачъ Бернгардъ Абрагамсонъ, пытавшійся возродить эту школу, долженъ былъ отступить въ виду противодѣйствія со стороны консервативныхъ элементовъ. См. Еврейскую Энциклопедію, т. I, ст. 144.

[2]) Докладъ А. И. Георгіевскаго: „По вопросу о мѣрахъ относительно образованія евреевъ“, представленный Высшей комиссіи (1883-1888 г.г.).

[3]) Послѣ изданія Положенія 1804 г. Вульфъ, 27 лѣтъ отъ роду, поступилъ въ литовскую гимназію (до 1804 г. евреевъ не принимали въ гимназіи), а 34 лѣтъ окончилъ университетъ.

пруденціи, противно еврейской религіи, призналъ недопустимымъ удостаивать евреевъ степени доктора правъ. Вульфъ отнесся къ отказу не какъ къ личному, а какъ къ общееврейскому дѣлу. Во всеподданнѣйшемъ прошеніи онъ писалъ: „неотвергни Ваше Имп. Величество вѣрной службы одной изъ притѣсненныхъ націй, и можетъ быть многіе, очень многіе полезные подданные изъ оной пожелаютъ вступить въ службу Вашего Императ. Величества". А въ запискѣ, представленной министру народнаго просвѣщенія, Вульфъ, указывая, что доводы, выставленные факультетомъ, не основательны, такъ какъ давно уже наука дѣлаетъ различіе между религіей и церковнымъ правомъ, писалъ въ заключеніе: „Если еврею, пріобрѣвшему знаніе, пресѣчется путь къ благосостоянію и къ тому, чтобы быть впредь полезнымъ, то превосходнымъ образованіемъ своимъ не постигнетъ ни къ чему другому, какъ почувствовать тѣмъ болѣе позоръ, угнетающій націю его; если же таковые перейдутъ къ христіанской религіи, то Высочайшій указъ (т. е. Положеніе 1804 г.) не постигнетъ цѣли своей—просвѣтить евреевъ... Какія бы побужденія были бы евреямъ, чтобъ отдавать дѣтей своихъ въ общія народныя училища, если они усмотрятъ, что всякій изъ нихъ, пріобрѣвшій просвѣщеніе, оставитъ религію свою? Развѣ религія въ цѣлой націи есть вещь, которую можно по произволу промѣнить?". Аргументація Вульфа не была принята во вниманіе. По представленію министра народнаго просвѣщенія, графа Алексѣя Разумовскаго, забывшаго къ тому времени свою прошлую просвѣтительную дѣятельность, комитетъ министровъ постановилъ, чтобы евреи не были допускаемы къ полученію университетскихъ степеней по юриспруденціи [1]).

Коснувшись вопроса о просвѣщеніи, слѣдуетъ упомянуть о неудавшейся попыткѣ создать газету на разговорно-еврейскомъ языкѣ (жаргонѣ). Въ 1813 г. министръ полиціи доложилъ государю во время похода, что нѣкоторые виленскіе евреи желаютъ изда-

---

[1]) Сборникъ постановленій по мин. народн. просвѣщенія, т. I, стр. 802-803. Оригиналъ соотвѣтствующаго предписанія Разумовскаго на имя виленск. университета отъ 27 мая 1816 г.—см. архивъ министерства нар. просвѣщенія, дѣло № 39881—1178 (карт.).

Юлій Гессенъ, Первый еврей-юристъ въ Россіи—Симонъ Левинъ Вульфъ. Сборникъ „Пережитое", т. 2, стр. 311—317. См. архивъ министерства народнаго просвѣщенія: дѣло № 9503—б 208. Вульфъ былъ принятъ на службу въ государственную юстицъ-коллегію лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, но ему пришлось вскорѣ покинуть ее, такъ какъ кн. Голицынъ нашелъ, что еврей „доколѣ пребудетъ онъ въ своей вѣрѣ", не можетъ ни преподавать юриспруденціи, какъ заключающей въ себѣ церковное право, ни „производить оную въ практикѣ, безъ противорѣчія своему исповѣданію и сообразно духу христіанской вѣры".

вать газету; государь выразилъ свое согласіе, но лишь при условіи, если кагалъ приметъ на себя отвѣтственность за то, что въ газетѣ не появится ничего „неприличествующаго". Кагалъ отказался отъ этого, мотивируя тѣмъ, что при переводѣ статей изъ разныхъ газетъ на еврейскій языкъ могутъ произойти ошибки. Какъ видно, пререканія между инціаторами газеты и кагаломъ долго тянулись; наконецъ, типографъ Нейманъ возбудилъ въ 1817 г. ходатайство, чтобы газету цензировалъ виленскій университетъ. Виленскій попечитель кн. Адамъ Чарторыжскій высказался противъ этого, такъ какъ мѣстные профессора не знаютъ жаргона [1]). А кн. Голицынъ прибавилъ, что было бы неудобно возлагать отвѣтственность за еврейскую газету на университетъ, если даже самъ кагалъ отказался отъ подобной отвѣтственности [2]). Вспомнивъ, что въ походѣ 1813 г. государя сопровождали депутаты, тѣсно связанные съ кагаломъ, и что въ 1817 году ихъ значеніе при кн. Голицынѣ особенно усилилось, трудно отказаться отъ предположенія, что въ описанномъ эпизодѣ они сыграли извѣстную роль.

Борясь противъ мѣропріятій культурнаго характера, депутаты добились также отмѣны постановленія объ одеждѣ. Какъ мы знаемъ, отказаться отъ традиціоннаго платья должны были [3]) тѣ, кто занималъ общественныя должности, а равнымъ образомъ всѣ тѣ, кто выѣзжалъ за предѣлы черты осѣдлости.

Вопросъ объ одеждѣ осложнялся тѣмъ, что ношеніе новаго платья было сопряжено съ бритьемъ бороды, а это, по убѣжденію консервативныхъ элементовъ, являлось нарушеніемъ религіознаго предписанія. Евреи, состоявшіе членами магистратовъ Кіевской губерніи, соглашались носить „русское" платье, но съ тѣмъ, чтобы не стричь волосъ на головѣ и не брить бороды, подобно русскимъ людямъ въ великорусскихъ губерніяхъ, гдѣ ходятъ въ „русской" одеждѣ, не снимая бороды; кіевская же администрація настаивала непремѣнно на томъ, чтобы евреи сбрили бороды, такъ какъ Положеніемъ 1804 г. евреямъ предписано носить въ великороссійскихъ губерніяхъ „нѣмецкое" платье, при которомъ бритье бороды обязательно. Но кіевскій генералъ-губернаторъ Тормасовъ запретилъ

1) Чарторыжскій высказалъ и принципіальное соображеніе о нежелательности еврейскаго органа: надо, чтобы евреи усвоили государственный языкъ, который сблизитъ ихъ съ христіанскимъ населеніемъ, а при такомъ общеніи евреи избавятся отъ „суевѣрныхъ представленій".

2) Архивъ министерства нар. просвѣщенія, дѣло № 10404—224: „О дозволеніи типографщику еврею Нейману издавать газету на еврейскомъ языкѣ" (см. мою статью въ „Dos Leben", 1906 г., № 86).

3) См. выше, стр. 330.

принуждать евреевъ брить бороду [1]. Депутаты, созванные въ 1807 г. въ западныхъ губерніяхъ, просили, чтобы засѣдающимъ въ магистратахъ и выѣзжающимъ за предѣлы черты осѣдлости дозволили носить русское платье, по примѣру русскихъ купцовъ, такъ какъ евреи „по закону своему бородъ не бреютъ“, въ нѣмецкомъ же платьѣ съ небритыми бородами они будутъ служить предметомъ еще большаго поруганія и насмѣшекъ.—Повидимому, отъ евреевъ въ дальнѣйшемъ не требовалось, чтобы они снимали бороду [2]; болѣе того, избранные на общественныя должности вѣроятно, безпрепятственно носили традиціонное платье. Но выѣзжавшіе за предѣлы черты осѣдлости вынуждались, если не всегда, то въ отдѣльныхъ случаяхъ, одѣвать нѣмецкое платье, и это побудило депутатовъ (1818 г.) ходатайствовать объ отмѣнѣ соотвѣтствующаго постановленія. Князь Голицынъ согласился на это, но комитетъ министровъ не рѣшился самостоятельно отмѣнить законъ безъ Высочайшаго разрѣшенія; государь лично былъ настроенъ противъ традиціоннаго наряда, но все же, „видя давно уже, что законъ о употребленіи евреями нѣмецкаго платья нигдѣ не исполняется“, дозволилъ продолжать носить его впредь до изданія новаго законодательства. Увѣдомивъ объ этомъ министра полиціи для сообщенія губернаторамъ, кн. Голицынъ, какъ бы опасаясь, что простая отмѣна закона не избавитъ евреевъ отъ стѣсненій, прибавилъ: „напротивъ, было бы позволяемо имъ носить то платье, какое они имѣютъ нынѣ“ [3].

Уступки, сдѣланныя депутатамъ въ отношеніи херема и одежды, а особливо въ отношеніи школъ, противорѣчившія стремленію правительства возродить еврейскій народъ помощью ука-

---

[1]) Архивъ министерства внутр. дѣлъ, департам. полиціи, дѣло 1806 г., № 69: „Объ одѣяніи евреевъ, избранныхъ въ магистратскіе члены“.—Голицынъ, излагая это дѣло въ своей „Исторіи русск. законодательства о евреяхъ“ (стр. 936—937), указываетъ архивный № 309 вмѣсто № 69. См. мою статью „Борьба правительства съ еврейской одеждой“, сборникъ „Пережитое“, т. I, стр. 10 и слѣд.

[2]) Интересно отмѣтить, что въ 1837 г. Николай I подтвердилъ запрещеніе дворянамъ и чиновникамъ носить бороду „по образу жидовъ“ или въ подражаніе „французскимъ людямъ“. Минувшіе годы, 1908 г., кн. I, стр. 186.

[3]) Архивъ министерства вн. дѣлъ, особая канцелярія министерства полиціи, 1817 г., дѣло № 112: „О Высоч. повелѣніи, чтобы до новаго общаго устава о евреяхъ не было имъ въ столицахъ и во внутреннихъ губерніяхъ никакого принужденія въ костюмѣ“. См. также журналъ комитета министровъ 9 и 23 іюля 1818 г. (копія выписки изъ журнала въ архивѣ Госуд. совѣта, департам. законовъ, 1835 г., № 11).—Когда позже комитетъ министровъ, по жалобѣ депутатовъ, постановилъ, чтобы евреевъ въ Ригѣ не принуждали носить нѣмецкое платье, государь положилъ резолюцію: „Я полагаю полезнѣе не дѣлать отмѣны въ рижскихъ постановленіяхъ“ (копія выписки изъ журнала комитета министровъ отъ 18 октября 1821 г.,—въ указанномъ дѣлѣ архива Госуд. совѣта).

занныхъ мѣръ, были вызваны опасеніемъ прикоснуться неосторожной рукой къ религіознымъ предписаніямъ. Мы знаемъ, что депутаты, созванные въ 1807 г. въ западныхъ губерніяхъ и, вообще, повѣренные кагаловъ успѣли убѣдить членовъ комитета Попова, что всякое дѣяніе еврея подчинено какому-либо законному обряду религіи, упущеніе котораго почитается дѣйствительнымъ грѣхомъ [1]). Позже Диллону и Зонненбергу удалось внушить государю и кн. Голицыну мысль, что если со стороны евреевъ угрожаетъ какая-либо государственная опасность, то только благодаря упадку религіознаго рвенія. Вспомнимъ, что государь,—какъ объ этомъ писали депутаты кагаламъ,—выразилъ намѣреніе, чрезъ посредство особаго посланца, вмѣнить евреямъ въ обязанность слѣдовать предписаніямъ вѣроученія [2]).

Религіозныя вѣрованія надо было, слѣдовательно, оберегать, въ общегосударственныхъ интересахъ, такъ какъ распадъ еврейской жизни представлялся, въ той или иной степени, явленіемъ антиправительственнымъ. Но къ этимъ соображеніямъ политическаго характера могло присоединиться и другое, внушенное Веемъ и соотвѣтствовавшее движенію религіозной мысли, владѣвшей государемъ и его другомъ кн. Голицынымъ. Проникнутый убѣжденіемъ, что евреи представляютъ собою царственную націю, Вей говорилъ, что всѣ христіанскіе народы земли, получившіе спасеніе черезъ евреевъ, должны оказывать имъ величайшія почести и благодѣянія; вмѣстѣ съ тѣмъ, являясь противникомъ принудительнаго обращенія евреевъ въ христіанство, онъ вѣрилъ, что, вернувшись на древнюю родину, они примутъ ученіе Христа. Такое благорасположеніе къ евреямъ и обнаружилъ кн. Голицынъ, дѣйствовавшій въ данномъ отношеніи въ тѣсномъ общеніи съ государемъ: запрещеніе возбуждать кровавое обвиненіе, прощеніе недоимокъ, справедливое разрѣшеніе вопроса объ арендахъ, шедшее въ разрѣзъ съ мнѣніемъ большинства,—а съ другой стороны отсутствіе попытокъ принудить евреевъ къ переходу въ христіанство [3]),—все это свидѣтельствуетъ, что правительство въ ту —недолгую—пору не руководствовалось въ своемъ отношеніи къ еврейскому народу грубой религіозной нетерпимостью;

---

[1]) См. выше, стр. 356 и сл.

[2]) См. выше, стр. 364.

[3]) Въ 1819 г. ректоръ виленск. университета обратился къ кн. Голицыну съ запросомъ, какъ быть съ евреями, желающими креститься: согласно указу 10 ноября 1810 г. студенты изъ податного сословія подлежали исключенію изъ оклада по окончаніи курса; это правило распространяется и на евреевъ; но евреи, выразившіе желаніе креститься, не могутъ быть представлены ректоромъ къ увольненію изъ оклада, потому что еврейскія общества, къ которымъ они приписаны, не пожелаютъ дать увольнительнаго акта. Голицынъ отвѣтилъ, что ничто не препят-

отведя отъ него грозовыя тучи, нависшія въ связи съ кровавымъ навѣтомъ, утайкой душъ и арендами, правительство чего-то выжидало, чтобы рѣшить вопросъ: слѣдуетъ ли и въ дальнѣйшемъ сохранить вокругъ еврейскаго народа атмосферу благоволенія или же дать грозѣ бушевать надъ нимъ.

Учрежденіе „Общества израильскихъ христіанъ“[1]) какъ разъ въ то время, когда государь и кн. Голицынъ рѣшительно предотвратили грозившія еврейскому народу опасности, подтверждаетъ ту мысль, что государь и кн. Голицынъ проявили къ евреямъ столь милостивое вниманіе въ чаяніи, что лелѣемая ими религіозная утопія будетъ осуществлена.

Согласно офиціальной мотивировкѣ, Общество израильскихъ христіанъ учреждалось съ той цѣлью, чтобы облегчить положеніе новообращенныхъ, которые, уходя отъ еврейской вѣры, не только лишаются матеріальной поддержки, но еще подвергаются гоненіямъ со стороны прежнихъ единовѣрцевъ; съ другой стороны и христіане не проявляютъ заботливости о своихъ новыхъ единовѣрцахъ. Однако, фактически преслѣдовалась иная цѣль.

Израильскіе христіане могли принимать любую изъ христіанскихъ религій, и каждая такая религіозная группа—православная, лютеранская и др.—въ правѣ была имѣть свою церковь и духовенство. Новообращенные, примкнувшіе къ Обществу, должны были навсегда остаться съ нимъ въ связи; земли, безплатно отведенныя въ потомственное владѣніе членамъ Общества, запрещалось отдавать въ чужія руки. Члены Общества могли повсемѣстно (по паспортамъ отъ Правленія Общества) торговать и заниматься ремеслами, не записываясь въ гильдіи и цехи; они освобождались со всѣмъ потомствомъ навсегда отъ всякаго рода службы, гражданской и военной, а ихъ дома отъ постоевъ, земскихъ повинностей и проч.; никто безъ согласія Общества не могъ селиться на его земляхъ; власти не смѣли вмѣшиваться въ дѣла Общества; отчеты должны были быть представляемы одному только государю. Израильскіе христіане были приняты подъ покровительство государя, высшее завѣдываніе ихъ дѣлами принадлежало кн. Голицыну, предсѣдателю Библейскаго Общества;

ствуетъ студентамъ креститься, „привести въ дѣйство таковое благое и душеспасительное намѣреніе“, и что для исключенія ихъ изъ оклада не требуется увольнительнаго акта. Отвѣтъ Голицына (Сборникъ постановленій по М. Н. П., т. I, стр. 396) неоднократно невѣрно истолковывался въ исторической литературѣ, какъ мѣра, направленная будто бы къ тому, чтобы склонить евреевъ къ крещенію. Самое дѣло возникло въ виду желанія нѣкоторыхъ студентовъ креститься.— Архивъ мин. нар. просвѣщенія, 1819 г., дѣло № 7879/186 (карт).

[1]) 25 марта 1817 г. Первое полное собраніе законовъ, №№ 26752 и 26753.

во главѣ „Комитета опекунства израильскихъ христіанъ“ былъ поставленъ В. М. Поповъ, состоявшій секретаремъ Библейскаго Общества, директоръ департамента народнаго просвѣщенія, т.-е. лицо, подчиненное кн. Голицыну; членами Комитета опекунства были назначены дѣятели Библейскаго Общества и, между прочимъ, какъ сказано въ Высочайшемъ указѣ объ учрежденіи Комитета, „членъ Россійскаго Библейскаго Общества Пинкертонъ“.

Права и преимущества, предоставленныя израильскимъ христіанамъ, а еще болѣе своеобразная организація ихъ Общества, извѣстная духовная связь его съ Библейскимъ обществомъ, все указываетъ, что государемъ и кн. Голицынымъ руководили религіозныя побужденія, мистическіе замыслы. Если принять во вниманіе, что Общество израильскихъ христіанъ должны были составить не всѣ евреи, вообще, перешедшіе въ христіанство, а только тѣ, сравнительно немногіе, которые удовлетворяли по своимъ душевнымъ качествамъ какимъ-то особымъ, повидимому, религіозно-нравственнымъ требованіямъ, то можно, какъ кажется, придти къ заключенію, что кн. Голицынъ хотѣлъ осуществить въ Россіи мечту Вея—правда, въ измѣненной формѣ—о переходѣ евреевъ въ ту или иную христіанскую религію.

Несмотря на то, что Общество израильскихъ христіанъ находилось подъ покровительствомъ высокихъ особъ, оно фактически не основалось [1]). Съ одной стороны, вопросъ объ отводѣ земли для новообращенныхъ представился болѣе труднымъ, чѣмъ можно было предполагать,—только послѣ многолѣтней переписки кн. Голицыну удалось добиться отрѣзки 26.000 десятинъ въ Екатеринославской губерніи отъ земель маріупольскихъ грековъ. А съ другой стороны, оказалось, что некого селить на этой земельной площади. Въ одномъ изъ писемъ кн. Голицына мы читаемъ, что въ Общество израильскихъ христіанъ могли имѣть доступъ только тѣ крестившіеся, „которые житіемъ и качествами своими показали бы себя достойными принятаго ими на себя имени христіанъ и могли бы оправдать всемилостивѣйше дарованныя имъ, въ семъ только уваженіи, преимущества“ [2]). Такихъ достойныхъ новообращенныхъ не нашлось. Позже кн. Голицынъ писалъ, что изъ двухъ-трехъ сотъ евреевъ, „бывшихъ для сего въ виду, ни

---

[1]) Архивъ министерства земледѣлія: 1817 г., дѣло № 216: „О назначеніи для поселенія Общества израильскихъ христіанъ участка земли изъ предполагаемой къ отрѣзкѣ отъ маріупольскихъ грековъ“.; 1818 г., дѣло № 235: „Объ участкѣ для израильскихъ христіанъ“.—Голицынъ, Исторія русскаго законодательства о евреяхъ, стр. 608-625.—О. Лернеръ, Евреи въ Новороссійскомъ краѣ, стр. 234—239.

[2]) Письмо отъ 9 августа 1819 г. Въ указанномъ выше дѣлѣ 1817 г., № 216.

одинъ не соотвѣтствовалъ вполнѣ намѣреніямъ блаженной памяти Императора (Александра I) и не имѣлъ всѣхъ предположенныхъ къ тому качествъ и способностей... опытъ двухлѣтній показалъ почти явную невозможность составить поселеніе изъ такихъ крещеныхъ евреевъ, какіе къ тому предназначались“ [1]).

Итакъ, надежда, что евреи явятся покорнымъ объектомъ для какихъ-то опытовъ религіознаго характера, не оправдалась, и возможно, что это обстоятельство сыграло въ ближайшіе годы извѣстную роль.

[1]) Голицынъ, Исторія русск. законод. о евреяхъ, стр. 623. Тамъ же сообщается, что въ 1824 г., по оставленіи должности министра дух. дѣлъ и нар. просвѣщенія, кн. Голицынъ предложилъ упразднить Общество, но государь пожелалъ, чтобы оно продолжало существовать, хотя бы безъ всякаго дѣйствія. По вступленіи на престолъ Николая I, кн. Голицынъ представилъ ему записку объ Обществѣ, и государь повелѣлъ не закрывать Комитета опекунства израильскихъ христіанъ, пока Еврейскій комитетъ, разрабатывавшій новое законодательство о евреяхъ, не будетъ закрытъ. Общество было упразднено въ 1833 г.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Годы реакціи. — Религіозный моментъ въ репрессивной политикѣ. — Споръ изъ-за свидѣтельскихъ показаній евреевъ. — Секта субботниковъ и участіе евреевъ въ ея распространеніи.—Обвиненіе въ совращеніи христіанъ.— Доносчики. — Запрещеніе пользоваться личными услугами христіанъ.—Попытка устранить евреевъ изъ органовъ общественнаго самоуправленія.—Стѣсненія въ жительствѣ. – Гетто въ Вильнѣ.— Пограничная полоса и контрабандные промыслы. — Умаленіе торговыхъ правъ во внутреннихъ губерніяхъ.—Бѣдственное положеніе крестьянъ и роль евреевъ въ селеніяхъ.—Пересмотръ вопроса о вредѣ, причиняемомъ евреями, и объ ихъ выселеніи изъ деревень.—Комитетъ для разработки общей реформы еврейскаго быта.— Упраздненіе института депутатовъ.—Переходъ къ новому царствованію. — Возрожденіе кроваваго навѣта.

Мрачныя силы, давно уже собиравшіяся вокругъ еврейскаго народа, стали тѣснѣе смыкаться, чтобы обрушиться на него всей тяжестью жадной злобы и религіознаго предубѣжденія. Какъ ни печальна была жизнь еврейскаго населенія, сколь права его ни были урѣзаны, матеріальное достояніе его привлекало къ себѣ завистливые взоры тѣхъ или другихъ сосѣдей. Разнообразныя выступленія противъ еврейскаго населенія вызывались или открытыми матеріалистическими вожделѣніями или же религіозной нетерпимостью, нерѣдко тѣсно связанной съ корыстью. Достаточно было частнаго повода, чтобы установить общую репрессивную мѣру, оправданіемъ которой выставлялась необходимость положить преграду экономическому господству евреевъ или тому злу, которое, будто бы, распространяетъ вокругъ себя еврейская религія, санкціонирующая, молъ, беззаконіе не только противъ человѣка, но и противъ самого Бога. Какъ въ низшихъ, такъ и въ высшихъ слояхъ окружающаго общества укоренилось превратное представленіе объ еврейской религіи и морали. Обычные пороки и проступки единичныхъ лицъ и отдѣльныхъ группъ еврейскаго населенія объяснялись не общими факторами, влекущими человѣка на путь закононарушеній, а якобы противонравственною основою еврейскаго вѣроученія. Подобную склонность придавать религіозный характеръ даже всечастнымъ явленіямъ повседневной жизни можно объяснить въ извѣстной степени тѣмъ, что и самъ еврейскій господствующій классъ, представленный кагаломъ и раввинатомъ, стремясь удержать въ своихъ рукахъ власть надъ народной массой, завѣрилъ правительство, что всякое дѣяніе еврея

подчинено тому или иному законному религіозному обряду, нарушеніе котораго почитается дѣйствительнымъ грѣхомъ [1]). Преувеличенное представленіе о религіи, какъ объ авторитетномъ и всевластномъ руководителѣ еврея во всѣхъ его дѣйствіяхъ, вызывалось, вѣроятно, и тѣмъ, что кагалъ нерѣдко именемъ религіи дѣлалъ постановленія, касавшіяся житейскихъ отношеній. Наконецъ, роль религіи преувеличивалась и благодаря тому, что евреи, окруженные недружелюбіемъ, проявляли большее, нежели сосѣди, умѣніе организовываться; центромъ же еврейской жизни—личной и коллективной—являлась синагога, подъ сѣнью которой дѣйствовалъ и кагалъ.

Вдобавокъ, въ бюрократическихъ кругахъ все шире распространялся давній взглядъ на евреевъ не какъ на членовъ различныхъ соціальныхъ группъ, а какъ на обособленную не только въ гражданскомъ, но и въ экономическомъ отношеніи единицу, къ которой общіе законы не примѣнимы. Явленія еврейской жизни разсматривались не въ совокупности съ причинами, создавшими ихъ, а внѣ пространства и времени, какъ нѣчто, самопроизвольно зародившееся. По отношенію къ евреямъ предпринимались мѣры, почитавшіяся устарѣлыми для прочаго населенія.

На почвѣ недовѣрія къ еврейскому ученію, недовѣрія, которое создавало матеріальныя выгоды для противниковъ евреевъ, возникъ незадолго до описываемаго времени споръ о правѣ евреевъ выступать свидѣтелями въ судахъ. Хотя въ 1786 г. было постановлено, что евреи въ Бѣлоруссіи пользуются въ данномъ отношеніи такими же правами, какъ и прочее населеніе [2]), этотъ вопросъ возбуждалъ сомнѣнія въ губерніяхъ, позже присоединенныхъ къ Россіи, въ которыхъ были возстановлены въ силѣ старыя права и привилегіи [3]). Дѣло по одному такому случаю (въ Кіевской губ.) дошло (1806 г.) до сената. Сперва было рѣшено допустить евреевъ къ свидѣтельскимъ показаніямъ. Но потомъ, подъ воздѣйствіемъ со стороны, началось разногласіе. Графъ Ворцель высказался за сохраненіе въ силѣ Литовскаго Статута, устранившаго евреевъ отъ свидѣтельскихъ показаній; наивно замѣтивъ, что евреи отъ этого не пострадаютъ, такъ какъ они и въ Польшѣ не пользовались таковымъ правомъ, гр. Ворцель говорилъ, что евреи не могутъ свидѣтельствовать, потому что не видятъ брата въ иновѣрцѣ, не признаютъ за дѣйствительную ту присягу, ко-

---

[1]) См. выше, стр. 356 и сл.

[2]) См. выше, стр. 140, 171.

[3]) Брафманъ (Книга кагала, № 512) приводитъ документъ минскаго кагала отъ 1803 г. о расходахъ по дѣлу о предоставленіи евреямъ права выступать свидѣтелями въ тяжбахъ между христіанами и евреями.

торую приносятъ по требованію государственной власти, и т. д. Это мнѣніе пріобрѣло больше голосовъ, чѣмъ предложеніе гр. Северина Потоцкаго о допущеніи къ свидѣтельскимъ показаніямъ. Тогда на защиту правъ и достоинства еврейскаго народа выступилъ знакомый намъ бар. Гейкингъ [1]). „По какому праву—говорилъ онъ—позволительно будетъ объявить цѣлый милліонъ мирныхъ обитателей Имперіи не имѣющими ни справедливости, ни чести, ни чувства, ни закона. Законъ, нравственность и справедливость запрещаютъ обвинять по предполагаемымъ преступленіямъ. Возможно ли противоположить симъ вѣчнымъ правиламъ правосудія, человѣчества и здравой политики законъ неопредѣленный, противорѣчащій и не терпящій иновѣрія, Литовскій статутъ, который возбраняетъ, исключая христіанъ, почти всему человѣчеству имѣть право быть свидѣтелемъ". Если евреевъ не допускаютъ къ свидѣтельскимъ показаніямъ, какъ враговъ христіанъ, то не слѣдовало бы принимать показанія отъ христіанъ противъ евреевъ, потому что „всѣ христіанскіе народы ненавидятъ евреевъ, какъ богоубійцъ, проклятыхъ Предвѣчнымъ." Что касается мнѣнія, будто молитва „Kol-Nidre", въ день отпущенія грѣховъ, разрѣшаетъ отъ всѣхъ ложныхъ свидѣтельскихъ показаній, то бар. Гейкингъ, спеціально изучившій этотъ вопросъ, утверждалъ, что указанное обвиненіе, измышленное врагами евреевъ, лишено основанія [2]). Отповѣдь Гейкинга произвела впечатлѣніе. Въ общемъ собраніи департаментовъ сената (1809 г.) большинство сенаторовъ и министръ юстиціи высказались за уравненіе евреевъ въ отношеніи свидѣтельства съ остальнымъ населеніемъ, но дѣло все же пришлось довести до общаго собранія Государственнаго совѣта (1813 г.); здѣсь большинствомъ голосовъ вопросъ разрѣшенъ былъ въ пользу евреевъ, и государь утвердилъ это постановленіе [3]).

---

[1]) См. выше, стр. 232.

[2]) Допуская возможность, что отдѣльные евреи, превратно толкуя молитву, позволяютъ себѣ давать подъ присягой ложныя показанія, Гейкингъ предложилъ не допускать евреевъ къ свидѣтельской присягѣ, пока раввинъ или трое старшинъ не представятъ его въ свидѣтели въ присутствіи судей и не объявятъ торжественно, что въ день отпущенія грѣховъ еврей получаетъ разрѣшеніе отъ обѣтовъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда обѣтомъ связывается одна только его совѣсть, но не тогда, когда затрагиваются интересы третьяго лица,—будь то еврей или христіанинъ. Но извѣстный намъ Козодавлевъ высказался противъ такого стѣснительнаго правила.

[3]) Законъ 21 августа 1814 г. Архивъ сената: дѣло министерства юстиціи 1810 г., № 149; дѣло 1-го отд. 3-го департамента, 1814 г., № 704.—Архивъ Гос. совѣта, департаментъ гражд. и духовн. дѣлъ, 1813 г., дѣло № 1. Противъ предоставленія права свидѣтельствовать высказались кн. А. Голицынъ и кн. Лопухинъ. См. мои „Историческія миніатюры". Новый Восходъ, 1913 г., №№ 25 и 27.

Каждая подобная побѣда справедливости надъ предразсудкомъ и предубѣжденіемъ облегчала еврейское существованіе въ томъ или иномъ отношеніи, но общее положеніе мало измѣнялось отъ этого, такъ какъ, задавленные въ одномъ мѣстѣ, предразсудокъ и предубѣжденіе выступали наружу въ другомъ, и, сегодня побѣжденные, они завтра торжествовали.

Въ послѣднія десятилѣтія восемнадцатаго вѣка на поверхность русскаго сектантства выбилось изъ невѣдомыхъ нѣдръ ученіе „субботниковъ" или „жидовствующихъ". Не установлено, когда зародилось оно и гдѣ развивалось до того времени, когда существованіе этой секты стало явнымъ, и поэтому остается открытымъ вопросъ, находятся ли эти новые жидовствующіе въ преемственной связи съ тѣми, которые волновали Московское государство въ концѣ пятнадцатаго и въ началѣ шестнадцатаго вѣка [1]). На протяженіи этихъ двухъ съ половиной столѣтій, отдѣляющихъ однихъ жидовствующихъ отъ другихъ, встрѣчается лишь одно упоминаніе о сектантахъ, придерживающихся ученія съ еврейской окраской,—о нихъ бѣгло замѣчаетъ въ своемъ „Розыскѣ", появившемся въ 1745 г., Ростовскій митрополитъ Димитрій и при этомъ высказываетъ предположеніе, что новые субботники возродили ученіе старыхъ жидовствующихъ. Субботники совершали обрядъ обрѣзанія, выбирали изъ своей среды наставниковъ для отправленія богослуженія, заключавшагося въ чтеніи Библіи и пѣніи псалмовъ; сектанты отвергали Божественность Іисуса Христа, не признавали храмовъ, таинствъ, иконъ и мощей, не соблюдали постовъ; не творили крестнаго знаменія и праздновали субботу вмѣсто воскресенія. Талмуда сектанты не знали.

Секта субботниковъ распространилась тамъ, гдѣ массового еврейскаго населенія не было. Около 1770 г. въ нѣсколькихъ деревняхъ Саратовской губерніи четыреста субботниковъ открыто исповѣдывали свое ученіе. Вскорѣ обнаружены были и въ другихъ мѣстностяхъ лица, „удалившіяся отъ христіанства" и усвоившія предписанія еврейской религіи. Ихъ именовали приверженцами „моисеевой секты", субботниками, жидовствующими, іудействующими. Правительство порою примѣняло къ нимъ репрессивныя мѣры: ихъ сдавали въ рекруты, высылали на Кавказъ и въ Сибирь. А отдѣльныхъ лицъ, уклонившихся отъ христіанства, предавали суду [2]).

---

[1]) См. выше, стр. 21 и слѣд.

[2]) Излагая исторію развитія секты жидовствующихъ, я пользуюсь трудомъ Варадинова „Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ", книга VIII (правительственныя распоряженія по расколу). При этомъ, однако, я пополнилъ мате-

Впервые, насколько извѣстно, репрессивная мѣра была примѣнена къ сектантамъ въ Воронежской губерніи, гдѣ на порогѣ девятнадцатаго вѣка новое ученіе стало быстро распространяться. Указомъ 6 іюня 1806 г. было повелѣно: изъ однодворцевъ с. Кленовки, „остающихся въ расколѣ подъ именемъ моисеевой секты" и выразившихъ желаніе переселиться въ Астраханскую губернію, сдать троихъ, безъ зачета, въ рекруты; ихъ учителю Рогову было оказано снисхожденіе, такъ какъ онъ вернулся въ христіанство; но потомъ обнаружилось, что онъ остался въ расколѣ, и тогда (послѣ 1814 г.) его тоже сдали въ солдаты [1]).

Что касается привлеченія къ суду, то наиболѣе раннимъ судебнымъ процессомъ является, какъ видно, дѣло о казакахъ братьяхъ Косяковыхъ. Одинъ изъ нихъ, находясь на службѣ на Кавказѣ, въ Александровѣ, принялъ въ 1797 г. моисеево ученіе отъ мѣстнаго учителя Филиппа Донского. По возвращеніи на Донъ, Косяковъ склонилъ къ новому ученію и своего брата. Въ 1802 г. ихъ привлекли къ суду, но такъ какъ они вновь обратились въ православіе, то ихъ направили къ духовному начальству для утвержденія въ христіанской вѣрѣ. Однако въ 1810 г. братья признались наказному атаману Войска Донского, что они слѣдовали православной вѣрѣ „по однимъ только видамъ", въ дѣйствительности же придерживались моисеева закона, „отъ котораго отступать не намѣрены"; при этомъ, представивъ два документа, гласившихъ о Высочайшемъ повелѣніи не стѣснять исповѣданіе

ріалы Варадинова (извлеченные изъ архива министерства внутр. дѣлъ) собранными мною архивными данными, каковыя я и указываю въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ.

Къ французскому переводу извѣстной лѣтописи Натана Ганновера о событіяхъ въ Польшѣ въ 1648—1652 г.г., „Jewen Mezulah", появившемуся вь 1855 г подъ названіемъ „Quatre années de guerre des polonais etc.", приложена небольшая статья „Les schobatniks en Russie" („Субботники въ Россіи"), въ которой разсказывается о томъ, что въ началѣ 19-го вѣка въ Могилевѣ мученически кончилъ свои дни, въ преклонномъ возрастѣ, бывшій православный священнослужитель, открыто перешедшій въ іудейство, и что, слѣдуя за своимъ пастыремъ, многіе субботники бросились за нимъ въ огонь. По поводу этого повѣствованія извѣстный изслѣдователь раскола В. Д. Бончъ-Бруевичъ любезно сообщилъ мнѣ, что этому разсказу нельзя придавать никакого значенія; въ литературѣ рѣшительно нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы произошло подобное событіе и, вообще, нѣтъ свѣдѣній о томъ, чтобы въ Могилевской губерніи были субботники; въ исторіи раскола не встрѣчается и имени Романцовъ, какъ называется священнослужитель, претерпѣвшій будто бы мученическую смерть.—Упомянутый разсказъ перепечатанъ кн. Голицынымъ въ „Исторіи русскаго законодательства о евреяхъ", стр. 1014—1018.

[1]) Архивъ Госуд. совѣта, департаментъ гражд. и дух. дѣлъ, 1822 г., № 140 (разслѣдованіе о чиновникахъ, притѣснявшихъ сектантовъ въ Воронежской губ.).

новаго ученія и освобождать по субботамъ отъ общественныхъ работъ тѣхъ жителей Александрова, которые исповѣдуютъ моисеевъ законъ [1]), казаки просили позволить имъ соблюдать моисеевъ законъ и чтить субботу. Въ 1818 г. дѣло о Косяковыхъ дошло до сената, который и постановилъ сослать братьевъ въ Кольскую округу подъ надзоръ; ихъ женамъ было разрѣшено послѣдовать за ними, но дѣти должны были остаться въ Войскѣ Донскомъ [2]).

Если бы „жидовствующее" движеніе въ русскомъ сектантствѣ и впредь шло, какъ мы видимъ по двумъ вышеприведеннымъ примѣрамъ, безъ явнаго соприкосновенія съ евреями, то оно могло бы и не занять мѣста въ ихъ исторіи. Но уже вскорѣ евреямъ отводится вліятельная роль какъ при массовомъ пребываніи сектантовъ въ „жидовствѣ", такъ и при отдѣльныхъ отпаденіяхъ отъ христіанства, и этимъ путемъ сектантское движеніе пріобрѣтаетъ извѣстную связь и съ исторіей правового положенія евреевъ.

Мѣстныя начальства въ различныхъ губерніяхъ были освѣдомлены о существованіи субботниковъ; и центральная власть узнавала о нихъ въ отдѣльныхъ случаяхъ. Но не было извѣстно объ общемъ развитіи сектантскаго движенія, пока этотъ вопросъ не былъ поставленъ на очередь, когда въ 1818 г. однодворцы Павловскаго уѣзда Воронежской губерніи обратились къ государю съ жалобой на гражданское и духовное начальство, притѣсняющее ихъ за исповѣданіе моисеева закона. Вслѣдствіе этой жалобы началось разслѣдованіе о незаконныхъ дѣйствіяхъ чиновниковъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ государь поручилъ кн. Голицыну заняться вообще вопросомъ о іудействующихъ, вслѣдствіе чего къ нему стали поступать свѣдѣнія о нихъ изъ разныхъ мѣстностей. Между прочимъ, воронежскій преосвященный заявилъ, что секта произошла въ 1796 г. „отъ природныхъ жидовъ, между христіанами жившихъ" [3]). Эта мысль, что евреи являются, такъ сказать, непосредственными виновниками распространенія сектантства, нашла себѣ какъ бы подтвержденіе въ дѣлѣ объ отпаденіи отъ христіанства нѣсколькихъ лицъ въ Орловской губерніи.

Въ 1814 г. священникъ Введенской церкви г. Ельца, Орловской губерніи, донесъ протоіерею, что прихожанинъ, крестьянинъ Жегулинъ, удалясь отъ христіанскаго закона, пересталъ ходить въ церковь, исповѣдываться и пріобщаться, и, присоеди-

---

[1]) Подлинность этихъ документовъ не удостовѣрена.

[2]) Архивъ Гос. совѣта, департаментъ гражд. и дух. дѣлъ, 1818 г., дѣло № 178.

[3]) Первое полное собраніе законовъ, № 30436а.

нясь къ „жидовской сектѣ“, принялъ обрѣзаніе. Съ своей стороны, протоіерей наслышался отъ городскихъ жителей, что купцы Борисъ и Иванъ Яковлевы и мѣщанинъ Михайловъ, находившіеся въ родственной связи, исповѣдуютъ іудейскую вѣру, и привлекаютъ другихъ въ свою секту. Всѣ они, а также и остальные мужчины въ семьѣ Яковлевыхъ, оказались обрѣзанными. При обыскѣ у купцовъ нашли четыре еврейскія книги и письмо нѣкоего Захара Уманскаго, въ которомъ Яковлевы названы русскими евреями. При обыскѣ былъ задержанъ витебскій мѣщанинъ, винокуръ Левинъ, который, узнавъ, проѣздомъ изъ Саратова, что въ Ельцѣ есть субботники, молился съ ними, однако, не дѣлалъ никакихъ наставленій; ему-то и принадлежали еврейскія книги. Вообще, къ Яковлевымъ порою пріѣзжали евреи и „субботствовали“ съ ними. Кромѣ того, елецкіе сектанты заявили, что они имѣли свиданія и разговоры о еврейской вѣрѣ съ воронежскими сектантами. Ранѣе прочихъ отпалъ отъ христіанства Михайловъ, который еще около 1795 г., по совѣту купца Шишова изъ Александрова, принялъ обрѣзаніе на Урюпинской ярмаркѣ. Елецкіе обыватели были сильно возмущены поведеніемъ сектантовъ: „102 города Ельца граждане“ письменно засвидѣтельствовали, что сектанты презирали церковь и проч.; это подтвердили и другіе одногорожане.

Орловская палата приговорила елецкихъ субботниковъ къ каторжнымъ работамъ (1817 г.). Но въ общемъ собраніи московскихъ департаментовъ сената обнаружилось болѣе милосердное отношеніе къ подсудимымъ: вѣдь никто—такъ говорилось въ постановленіи сената—не указалъ, чтобы они не были мирными гражданами, чтобы поведеніе ихъ было развратно, чтобы они совращали другихъ, нарушали тишину и не повиновались властямъ; въ подобныхъ случаяхъ,—указывало собраніе московскихъ департаментовъ сената,—дѣло не въ числѣ свидѣтелей, а въ качествѣ самихъ подсудимыхъ—„въ чистотѣ ихъ нравственности, и въ истинномъ понятіи: извѣстно предубѣжденіе непросвѣщеннаго народа на иновѣрца или послѣдующаго иной сектѣ“; если подсудимые откололись отъ христіанства, то это по заблужденію, основанному на ложныхъ понятіяхъ объ истинномъ богослуженіи, происходящихъ отъ невѣжества, отъ недостатка въ просвѣщеніи, „ибо ревность Божію имѣютъ, но не по разуму“. А такъ какъ въ повелѣніи отъ 3 декабря 1816 г. сказано, что просвѣщенному правительству не слѣдуетъ возвращать заблудшихся въ нѣдра церкви жестокими мѣрами, то и къ обвиняемымъ надо примѣнить мѣру увѣщеванія (1820 г.). Въ виду этого, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ шла бесѣда протоіерея съ подсудимыми. Однако

сектанты остались непреклонными; они говорили, что, не осуждая христіанской вѣры, не сознаютъ себя отступниками, такъ какъ никогда не были христіанами и „содержутъ вѣру отцевъ своихъ, т. е. іудейскую“, отъ которой отступить не соглашаются ни подъ какимъ видомъ. Дѣло о нихъ вновь поступило въ сенатъ. Тутъ были намѣчены различныя мѣры наказанія. Между прочимъ, министръ юстиціи предложилъ наиболѣе мягкую мѣру, сославшись на то, что подсудимые первоначально заявили, что ихъ склонили къ іудейству двое евреевъ—Янкель Левинъ, бывшій при обыскѣ, и Лейба Келіезбергъ, часто пріѣзжавшій къ нимъ [1]).

Указаніе воронежскаго преосвященнаго на то, что мѣстные сектанты восприняли ученіе отъ евреевъ, а также причастность двухъ евреевъ къ дѣлу Яковлевыхъ, были достаточны, чтобы при изысканіи мѣръ борьбы съ распространеніемъ секты власть обратила особое вниманіе на евреевъ. А между тѣмъ для этого не было фактическаго основанія. Нигдѣ въ многоразличныхъ мѣстахъ распространенія секты субботниковъ не было еврейскаго населенія; если евреи и появлялись кое-гдѣ, то лишь въ качествѣ недолгихъ гостей; вѣроятно, ихъ привлекало извѣстіе о невѣдомыхъ людяхъ, празднующихъ субботу. Помимо сего зарожденіе сектантскихъ ячеекъ относится нерѣдко къ тому времени, когда евреевъ вообще не было въ Россіи [2]). Даже въ дѣлѣ Яковлевыхъ замѣчается цѣпь преемственныхъ отпаденій отъ христіанства, теряющаяся въ неизвѣстномъ прошломъ,—Левинъ и Келіезбергъ появляются на сценѣ послѣ того, что елецкіе субботники восприняли, чрезъ посредство Михайлова, ученіе отъ старыхъ сектантовъ г. Александрова. Что касается указанія, будто въ Воронежской губерніи секта возникла въ 1796 г. подъ вліяніемъ мѣстныхъ евреевъ, то это не соотвѣтствовало дѣйствительности,—сами субботники въ упомянутой жалобѣ государю писали, что ихъ предки давно придерживались моисеева закона, а потому не можетъ быть рѣчи о вліяніи какихъ-то мѣстныхъ евреевъ [3]).

---

[1]) Архивъ Гос. совѣта, департаментъ гражд. и дух. дѣлъ, 1825 г., дѣло № 126. Къ участію евреевъ въ дѣлѣ Яковлевыхъ я вернусь, когда перейду къ эпохѣ царствованія Николая I.

[2]) Въ Тульской губерніи „старшіе“ субботники заявили, что они „издревле“ слѣдуютъ моисееву закону, но до 1811 г. дѣйствовали скрытно (Первое полное собраніе законовъ, № 30436а). Въ Саратовской губерніи субботники „издавна исповѣдывали вѣру по моисееву закону“, а въ 1812 г. объявили о себѣ мѣстному начальству (Варадиновъ, стр. 96).

[3]) Ближайшій сотрудникъ кн. Голицына, А. И. Тургеневъ, сообщаетъ, что въ 1822 г. въ Петербургѣ появилась „воронежская секта іудействующихъ“ и что сектанты были схвачены; тогда же были предписаны мѣры противъ евреевъ, жившихъ въ Петербургѣ, но полиція не выполнила соотвѣтствующихъ распоря-

Несмотря на это, правительство, борясь съ сектантствомъ, все же направило противъ евреевъ репрессивную мѣру: законъ 1825 г., обрушившiйся на субботниковъ строгими постановленiями, за исключенiемъ субботниковъ, жительствовавшихъ въ Александровскомъ уѣздѣ, „понеже существованiе ихъ, распоряженiями самаго правительства, нѣкоторымъ образомъ утверждено“, потребовалъ поголовнаго выселенiя евреевъ изъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ обнаружены сектанты, а также изъ сосѣднихъ [1]).

Сдѣлавъ этотъ шагъ, правительство тѣмъ самымъ проложило новый путь для борьбы съ вѣроотступничествомъ,—путь репрессiй противъ евреевъ, на который столь легко было вступить при первомъ же опасенiи за религiозную стойкость христiанъ. Между тѣмъ въ это же время евреямъ было поставлено въ вину совращенiе христiанъ не только въ сектантство, но и непосредственно въ еврейство.

Много страданiй причинили евреямъ доносчики-единовѣрцы, или—бывшiе единовѣрцы. Широко разлитая бѣдность, а также преслѣдованiя, которымъ подвергалъ кагалъ неугодившихъ ему членовъ общины, пополняли кадръ людей, становившихся предателями изъ-за куска хлѣба или же изъ чувства злобы. Доносчики встрѣчали довѣрiе всюду, куда они ни обращались. Извѣтъ, какъ бы мало онъ ни былъ обоснованъ, влекъ за собою ужасныя послѣдствiя для тысячъ неповинныхъ людей, потому что преступленiе одного порочнаго члена ложилось всей своей тяжестью на цѣлыя общины. Народъ страшился доносчиковъ и мстилъ имъ. И эта борьба, сопровождавшаяся нерѣдко убiйствами, внесла въ исторiю евреевъ въ Россiи немало мрачныхъ страницъ.

Въ 1817 г. еврей Корнблюмъ, человѣкъ съ темнымъ прошлымъ, заявилъ властямъ города Бабиновичи (Могилевской губ.), что двѣ женщины обратились изъ католичества въ еврейство. Когда же мѣстныя власти не оказали того содѣйствiя, на которое расчитывалъ Корнблюмъ, онъ направился въ Могилевъ и здѣсь

женiй (Голицынъ, Исторiя русск. законодательства о евреяхъ, стр. 652). Тогда же, въ 1822 г., еврей Хлодни былъ обвиненъ въ томъ, что давалъ въ Петербургѣ „наставленiя въ еврейскомъ законѣ“ однодворцу изъ Воронежской губ. (архивъ министерства нар. просвѣщенiя, дѣло № 47505, стр. 142).

[1]) 29 iюля 1825 г. Первое полное собранiе законовъ, № 30436а. Этимъ же закономъ было повелѣно „въ сношенiяхъ мѣстныхъ начальствъ именовать субботниковъ Жидовскою сектою и оглашать, что они подлинно суть жиды, ибо настоящее ихъ наименованiе субботниковъ или придерживающихся Моисееву Закону не даетъ народу точнаго о сектѣ сей понятiя и не производитъ въ немъ того къ ней отвращенiя, какое можетъ производимо быть убѣжденiемъ, что обращать стараются ихъ въ жидовство“. Въ дополненiе къ упомянутому закону и послѣдовалъ законъ 15 сентября 1825 г. Тамъ же, № 30483.

явился съ доносомъ и къ губернатору, и въ римско-католическую духовную консисторію. По его указанію, одна изъ женщинъ, Людовика Китовичева была арестована. Она призналась, что перешла изъ католичества въ еврейство и приняла имя Дворы. Но придать вѣру ея словамъ очень затруднительно, такъ какъ, не смотря на свои молодые годы, Людовика успѣла пройти сквозь рядъ непріятныхъ приключеній. Къ тому же, помѣщенная въ католическомъ монастырѣ, она вскорѣ бѣжала оттуда и слѣдъ ея простылъ. Другой же совратившейся, о которой Корнблюмъ сообщилъ лишь то, что ее зовутъ Сорой,—вовсе не нашли. Согласно заявленію Корнблюма, въ еврейство былъ обращенъ также какой-то священникъ, проживавшій въ Бабиновицкомъ уѣздѣ подъ именемъ Абрама Либина, вмѣстѣ съ женою Нехамою. Вообще, по словамъ Корнблюма, имѣется много совращенныхъ, а потому, если правительство окажетъ поддержку, Корнблюмъ обязывался, получивъ повозку съ лошадью, всюду задерживать ихъ. Мѣстные кагалы, встревоженные извѣтомъ, стали, при содѣйствіи администраціи, преслѣдовать Корнблюма, но ему удалось спастись, и онъ поспѣшилъ въ столицу, гдѣ явился прямо къ кн. Голицыну. Корнблюмъ былъ выслушанъ и его направили къ бѣлорусскому генералъ-губернатору, которому было поручено произвести разслѣдованіе по доносу, а самаго Корнблюма оградить „отъ могущихъ послѣдовать на него нападеній“. Вскорѣ послѣ этого Корнблюмъ исчезаетъ. Смирился ли онъ и пошелъ на мировую, или онъ палъ отъ руки мстителя,—неизвѣстно. Однако, дѣло, возникшее по его доносу, не прекратилось. На смѣну Корнблюму явились новые доносчики. Нѣкіе Мордухъ Келлерманъ и Моська Гилькинъ вызвались разыскать совратившагося священника, Абрама Либина къ тому времени скрывшагося изъ бабиновицкаго повѣта. Снабженные офиціальнымъ полномочіемъ, они прибыли въ Митаву и здѣсь признали за совратившагося священника какого-то еврея Абрагама, который, вмѣстѣ со своей женой Дорисъ Іозефиной, задержанный въ качествѣ безпаспортнаго, подлежалъ высылкѣ за границу, такъ какъ объявилъ себя гамбургскимъ уроженцемъ. На очной ставкѣ съ доносчикомъ Абрагамъ признался, что онъ родился въ лютеранской семьѣ, и что незадолго до вступленія въ бракъ съ еврейкой Дорисъ Іозефиной, жившей въ Шверинѣ, принялъ въ амстердамской синагогѣ еврейство; но онъ отрицалъ свою тождественность съ Абрамомъ Либинымъ, потому что никогда не былъ въ бабиновицкомъ повѣтѣ и не знаетъ русскаго языка. Супружескую чету направили въ Могилевъ. Но они очутились въ Витебскѣ и здѣсь Абрагамъ вскорѣ умеръ въ тюрьмѣ. Не смотря на то, что обвиняемый скончался, надлежало удостовѣ-

риться, что Абрагамъ и Абрамъ Либинъ одно и то же лицо. А это стало труднымъ дѣломъ, потому что оба доносчика невѣдомыми путями оказались въ виленской тюрьмѣ и здѣсь умерли.

Трудно допустить, чтобы исчезновеніе Корнблюма, а затѣмъ гибель Келлермана и Гилькина явились цѣпью случайностей. Надо думать, что не слѣпая судьба, а рука мстителя вырвала изъ еврейской среды тѣхъ, кто предавалъ братьевъ не во имя хотя бы ложно понятаго общественнаго блага и не для того, чтобы былъ наказанъ нарушитель государственнаго закона,—доносчики творили свое дѣло обуреваемые злобой, прельщаемые наживою. Изъ четырехъ лицъ—Абрагама съ женою и Келлермана съ товарищемъ—встрѣтившихся въ недобрый часъ въ Митавѣ, осталась въ живыхъ только Дорисъ. Она одна выскользнула изъ рокового кольца смерти, стремительно охватившаго участниковъ темнаго дѣла. И теперь она представляла собою послѣднюю связь между покойнымъ Абрагамомъ и человѣческимъ судомъ, который все еще продолжалъ заниматься вопросомъ о тождественности Абрама Либина и Абрагама. Если окажется, что Дорисъ и Нехама одно и то же лицо, то этимъ будетъ доказано, что Абрамъ Либинъ дѣйствительно тотъ Абрагамъ, который былъ изобличенъ въ Курляндіи. Бабиновицкій повѣтовый судъ, въ сопровожденіи представителей отъ духовенства—ксендза и благочиннаго—совершилъ съ Дорисъ длительное путешествіе по Бабиновицкому повѣту; члены суда „разспрашивали и допрашивали разныхъ жителей города, мѣстечекъ и селеній“, знаетъ ли кто-нибудь Дорисъ, не тождественна ли она съ Нехамой, женою Либина. Но всѣ единогласно утверждали, что Дорисъ совершенно имъ невѣдома. Ее освободили изъ заключенія [1]).

Такимъ образомъ, дѣло объ Абрагамѣ осталось совершенно не выясненнымъ. Что касается вообще доноса Корнблюма, то, какъ сообщилъ могилевскій губернаторъ, „за всѣми тщательнѣй-

[1]) Юлій Гессенъ, Доносчики и авантюристы эпохи Александра I. Еврейская Старина, 1916 г., вып. I. Указанный очеркъ написанъ на основаніи матеріала изъ архива министерства внутреннихъ дѣлъ: Особая канцелярія министерства полиціи, 1818 г., дѣло № 111. „О прибывшей, подъ именемъ еврейки Дворы Абрамовой, совратившейся изъ римско-католическаго исповѣданія въ еврейскій законъ мѣщанской дочери Китовичевой и о доносѣ еврея Корнблюма“

Освобожденная изъ тюрьмы, Дорисъ обязана была выѣхать заграницу, на родину. Но она еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оставалась въ Россіи. Поселившись въ столицѣ, молодая вдова обнаружила качества, которыми могла бы похвастать ловкая авантюристка. Дорисъ, какъ видно, съумѣла использовать чары своего обаянія, чтобы найти покровителей въ высшемъ столичномъ обществѣ, и дѣло о выдачѣ ей денегъ на отъѣздъ заграницу дошло до государя. Подробности см. вышеупомянутый очеркъ.

шими розысками нарочито посыланныхъ чиновниковъ въ мѣста, показанныя евреемъ Корнблюмомъ, нигдѣ не оказалось совратившихся". Несомнѣнно, въ дѣлѣ, возникшемъ по доносу Корнблюма, есть много таинственнаго, но это, какъ кажется, слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что участниками этого дѣла явились люди, имѣвшіе основаніе скрывать свое прошлое. Абрамъ Либинъ, неизвѣстно откуда явившійся въ Бабиновицкій повѣтъ, а затѣмъ невѣдомо куда скрывшійся, его тезка Абрагамъ, кончившій свои дни въ тюрьмѣ, легкомысленная Дорисъ, не говоря уже о доносчикахъ,—эти персонажи изъ уголовнаго романа, опутали дѣло сѣтью лжи и преступленій. Все же было ясно, что если кто-либо изъ христіанъ (быть можетъ съ провокаціонной цѣлью, по подговору доносчика) и объявилъ себя перешедшимъ въ іудейство, то это могло быть лишь единичнымъ случаемъ.

Эпизодичность подобныхъ „совращеній" подтверждается и остальнымъ матеріаломъ по вопросу о совращеніи христіанъ въ еврейство, собраннымъ нѣсколько позже правительствомъ,—поступили лишь слѣдующія свѣдѣнія: видзскій кагалъ скрылъ (1817 г.) двухъ христіанскихъ дѣвочекъ двѣнадцати лѣтъ, служившихъ у евреевъ и обращенныхъ въ іудейство [1]); таврическіе евреи внушали (1819 г.) жившимъ у нихъ въ домахъ христіанамъ презрѣніе къ обрядамъ христіанской церкви и уваженіе къ субботѣ [2]); начальство Херсонской губерніи сообщило, что христіанки, служившія у евреевъ, не только не исполняли предписаній церкви, но даже принимали обычаи евреевъ, а порою вступали съ хозяевами въ связь [3]). Тѣмъ не менѣе, вопросу о совращеніи въ іудейство былъ приданъ острый характеръ.

Выше было сказано, что, дабы евреи не пользовались крестьянскимъ трудомъ, ихъ лишили права владѣть населенными землями и арендовать помѣщичьи имѣнія [4]). Кромѣ того, въ цѣляхъ огражденія достоинства господствующей церкви, послѣдовало запрещеніе [5]) отдавать евреямъ должниковъ изъ христіанъ для отработки долга, такъ какъ по польскимъ законамъ евреи

---

[1]) Это дѣло изложено въ указѣ сената 9 декабря 1826 г. (Второе полное собраніе законовъ, № 736), но чтобы выяснить дѣйствительную обстановку происшествія, необходимо разслѣдовать его по источникамъ.

[2]) Архивъ министерства нар. просвѣщенія, № 47505. стр. 142. Позже, въ 1823 г., было возбуждено дѣло о докторѣ Шпирѣ, который отклонялъ служившаго у него шляхтича отъ посѣщенія церкви по воскреснымъ днямъ (тамъ же).

[3]) Первое полное собраніе законовъ, № 28249.

[4]) См. выше, стр. 264, 374 и сл.

[5]) Сенатскій указъ отъ 22 апрѣля 1818 г. Первое полное собранія законовъ, № 27352.

не должны были имѣть христіанъ въ услуженіи, „да и самой господствующей церкви сіе противно". Но вотъ, къ этимъ постановленіямъ присоединилось новое: евреямъ было вообще запрещено пользоваться какими бы то ни было личными услугами христіанъ. Таковой запретъ, имѣвшій цѣлью оградить простонародье отъ религіознаго воздѣйствія со стороны евреевъ, былъ вызванъ опасеніемъ, что евреи склоняютъ христіанъ въ свою вѣру. Князь Голицынъ заявилъ, что „евреи, по ихъ ученію, считаютъ обязанностью обращать всѣхъ въ свою вѣру", а потому, принимая сверхъ сего во вниманіе, что они распространили свое ученіе даже въ Воронежской губерніи, надо запретить имъ принимать къ себѣ въ дома, для какихъ бы то ни было услугъ, христіанъ обоего пола, какъ крѣпостныхъ, такъ и свободныхъ. Это предложеніе было санкціонировано [1]). Новый законъ просуществовалъ въ теченіе ряда десятилѣтій, создавая множество стѣсненій какъ для евреевъ, такъ и для христіанъ, потому что евреи пользовались услугами христіанъ въ различныхъ областяхъ экономической дѣятельности (особливо при откупахъ и содержаніи почтъ), и правительству не разъ приходилось дѣлать изъятія изъ означеннаго постановленія [2]), а обывателямъ—обходить законъ.

Религіозный моментъ игралъ роль не только тогда, когда въ отношеніи евреевъ устанавливались ограниченія съ цѣлью охранить неприкосновенность вѣрованій христіанскаго населенія. Изъ Литвы, гдѣ фанатизмъ искусно сплетался съ матеріалистическими стремленіями, изошла тенденція апеллировать къ религіозному чувству и тогда, когда вводились ограничительные законы о евреяхъ, ничего общаго съ совѣстью христіанъ не имѣвшіе.

Трудно сказать, кто проявилъ во вторую половину царствованія Александра I большее усердіе въ дѣлѣ созиданія ограничительныхъ постановленій о евреяхъ,—правительство или отдѣльныя общественныя группы?

Непріязнь христіанскаго общества къ евреямъ вызывалась тѣмъ, что они пользовались правами гражданства, хотя и не въ той мѣрѣ, какъ прочее населеніе. Надежда вернуть ихъ къ тому положенію, въ которомъ они нѣкогда находились въ Польшѣ, побуждала христіанъ, черпавшихъ свою силу въ безправіи конкурентовъ, добиваться ограничительныхъ мѣръ для евреевъ. Не всегда подобныя домогательства удовлетворялись правительствомъ, но уже самое возбужденіе ихъ создавало атмосферу, неблагопріятную для еврейскаго населенія, вызывая борьбу мнѣній въ

---

[1]) 22 апрѣля 1820 г. Первое полное собраніе законовъ, № 28249.

[2]) См. статью „Наемъ личный" въ Еврейской Энциклопедіи, т. XI, стр. 492—496.

правительственныхъ кругахъ; каждое ходатайство, направленное къ умаленію правъ евреевъ, даже въ конечномъ результатѣ отвергнутое, почти неизмѣнно находило поддержку со стороны отдѣльныхъ администраторовъ.

Между прочимъ, по иниціативѣ нѣкоторыхъ христіанскихъ обществъ былъ поднятъ вопросъ объ участіи евреевъ въ сословно-городскомъ самоуправленіи.

Въ теченіе ряда лѣтъ евреи занимали общественныя должности съ тѣмъ ограниченіемъ, что не могли пользоваться болѣе, чѣмъ одной третью голосовъ; при этомъ еврейское и христіанское общества выбирали своихъ представителей каждое въ отдѣльности [1]). Въ магистратахъ и ратушахъ евреи избирались на должности ратмановъ и бургомистровъ, а въ думахъ они участвовали въ качествѣ гласныхъ и городскихъ головъ. Сохранились извѣстія объ отдѣльныхъ лицахъ, и даже семьяхъ, игравшихъ видную роль въ мѣстномъ самоуправленіи [2]).

Иначе обстояло на Литвѣ. Какъ мы знаемъ, въ 1804 г. избраніе евреевъ на городскія должности было пріостановлено. Предполагалось, что подготовлявшееся въ то время законодательство о евреяхъ разрѣшитъ этотъ вопросъ. Но оно обошло его молчаніемъ. Тогда гродненскіе евреи добились того, что мѣстная администрація, несмотря на протесты христіанъ, потребовала, чтобы половина мѣстъ въ магистратѣ и въ войтовско-лавничьемъ судѣ была предоставлена евреямъ. Но христіане отказались вступить при такихъ условіяхъ въ должности и обратились съ жалобою къ сенатору Алексѣеву, объѣзжавшему въ ту пору западныя губерніи [3]). Онъ устранилъ гродненскихъ евреевъ отъ участія въ городскомъ самоуправленіи и сдѣлалъ такое же распоряженіе по Виленской губерніи, вслѣдствіе чего евреи, состоявшіе бургомистрами въ Завилейской и Тельшевской ратушахъ, должны были оставить свои должности. Въ связи съ этимъ сенатъ, съ своей стороны,

---

[1]) См. выше, стр. 191—199; 325.

[2]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія, дѣло № 47505. Въ Невелѣ (Витебск. губ.) еврей Сангиръ былъ городскимъ головою въ теченіе ряда лѣтъ, до самой смерти; его замѣстилъ его сынъ, прежде бывшій ратманомъ и бургомистромъ. Въ Чаусахъ (Могил. губ.) должность городского головы занимали члены семейства Хейфицъ.

Въ Бѣлостокской области, гдѣ русское управленіе было введено въ 1807 г., евреи участвовали въ избраніи всѣхъ лицъ общественнаго самоуправленія, но сами они занимали должности двухъ гласныхъ въ думѣ, одного старосты, одного городского маклера; одинъ еврей избирался также въ члены квартирной комиссіи. (Первое полное собраніе законовъ, № 23166. См. также архивъ министерства народн. просвѣщенія, дѣло № 47505).

[3]) См. выше, стр. 341—342.

(10 сентября 1808 г.) разъяснилъ, въ согласіи съ мнѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, что евреи могутъ получить на Литвѣ выборное право лишь тогда, когда будетъ осуществлено Положеніе 1804 г., и—главнымъ образомъ—состоится выселеніе евреевъ изъ деревень [1]).

Однако, въ 1816 г. виленскій губернаторъ Римскій-Корсаковъ распорядился, чтобы евреи были допущены къ участію въ самоуправленіи (имѣя, вѣроятно, въ виду то обстоятельство, что переселеніе евреевъ изъ деревень было отмѣнено), и вслѣдствіе этого двое евреевъ состояли въ теченіе 1817—1820 г.г. членами виленской думы. Семеро христіанъ отказались отъ „совмѣстнаго съ ними засѣданія", за что были преданы уголовному суду. Тѣмъ не менѣе, повѣренный христіанскаго общества Рейзнеръ обратился съ жалобой къ государю, въ которой, между прочимъ, указывалось, что на судейскомъ судѣ находится Распятіе Спасителя [2]). Сенатъ, найдя неприличнымъ, чтобы евреи засѣдали тамъ, гдѣ находится изображеніе Спасителя, постановилъ отмѣнить выборы евреевъ, и къ этому присоединился комитетъ министровъ, считая, что дѣйствія губернатора не согласуются съ намѣреніемъ законодателя. Римскій-Корсаковъ настаивалъ, что онъ правильно поступилъ, но комитетъ министровъ остался (1821 г.) при своемъ прежнемъ мнѣніи [3]).

Пока разсматривалось дѣло о правахъ виленскихъ евреевъ, правительству пришлось заняться и другими жалобами христіанъ по поводу участія евреевъ въ сословно-городскомъ самоуправленіи. Къ евреямъ были предъявлены разнообразныя обвиненія. Такъ, невельскіе жалобщики были недовольны тѣмъ, что евреи, старающіеся всѣми мѣрами пріобрѣсть преимущества предъ христіанами, „увидѣли, что ближайшая дорога къ сему есть занятіе городскихъ должностей". Согласно закону 1804 года, только тѣ евреи могли занимать общественныя должности, которые были грамотны,—извѣстно, напр., что въ Витебской губ. неграмотные

---

[1]) Архивъ министерства внутр. дѣлъ, департ. полиціи: 1807 г., дѣло № 311: „О выборахъ евреевъ въ члены магистратовъ по литовскимъ губерніямъ"; 1833 г., № 381 „О злоупотребленіяхъ, происходящихъ со стороны евреевъ, допущеніемъ ихъ по Минской губерніи къ засѣданію и сужденію въ городскихъ магистратахъ и ратушахъ".

[2]) Голицынъ (въ „Исторіи русскаго законодательства о евреяхъ", стр. 735) принялъ Рейзнера за еврея, и поэтому сдѣлалъ невѣрный выводъ, будто сами евреи не хотѣли засѣдать въ думѣ.

[3]) Архивъ министерства внутр. дѣлъ: вышеуказанное дѣло 1833 г., № 381, а также: хозяйств. департаментъ 1833 г., папка № 590: „По жалобѣ повѣреннаго гор. Вильны, купца Рейзнера, на губернское начальство, въ разсужденіи допущенія евреевъ къ засѣданіямъ въ гор. думѣ и о прочемъ".—„Середонинъ, Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ", ч. I, стр. 88—89.

евреи не допускались [1]) администраціей къ занятію городскихъ должностей, а отъ христіанъ этого не требовалось; вполнѣ естественно, что при такихъ условіяхъ евреи должны были имѣть большее вліяніе на общественныя дѣла, нежели ихъ невѣжественные товарищи. Тѣмъ не менѣе, когда на должности избирались неграмотные евреи [2]), раздавались протесты. Но, въ свою очередь, и знаніе грамоты служило поводомъ для недовольства; витебскій губернскій прокуроръ жаловался сенату на то, что нѣкоторые евреи, служа въ магистратахъ нѣсколько трехлѣтій, „получивъ навыкъ въ дѣлахъ, по хитрости и пронырству, имѣютъ верхъ надъ своими сочленами, по большей части, безграмотными“ [3]). Словомъ, повторилось то, что мы видѣли [4]) двадцать лѣтъ назадъ.

Жалобъ на евреевъ поступило къ правительству немного, и изошли онѣ оттуда, гдѣ евреямъ удалось занять въ органахъ самоуправленія болѣе сильную позицію, нежели христіанамъ. Но и этихъ единичныхъ частныхъ нареканій было достаточно, чтобы въ правительственныхъ кругахъ зародилось желаніе лишить все еврейское населеніе избирательнаго права, причемъ главнымъ виновникомъ всѣхъ золъ была выставлена еврейская религія. Кн. Голицынъ заявилъ, что евреи „по своему ученію не почитаютъ преступленіемъ вреда, причиняемаго людямъ другой вѣры“, что они со спокойной совѣстью присягаютъ ложно, если присяга требуется правительствомъ, что „они даже не почитаютъ людьми христіанъ“ [5]), и вотъ образованный въ 1825 г. „директорскій комитетъ“ (изъ директоровъ департаментовъ), которому было поручено разработать проектъ новаго законодательства о евреяхъ, предложилъ совершенно устранить евреевъ отъ участія въ общественномъ самоуправленіи, дабы они не могли властвовать надъ христіанами; еврейскому населенію слѣдуетъ предоставить имѣть только депутатовъ въ органахъ сословнаго самоуправленія для

---

[1]) Указъ сената отъ 4 августа 1821 г. (по копіи изъ архива Госуд. совѣта, департ. законовъ, 1835 г. № 11) напечатанъ мной въ сборн. „Пережитое“, т. IV.

[2]) Такъ случилось въ Минской губерніи, гдѣ неграмотные вообще не утверждались администраціей. Архивъ министерства вн. дѣлъ, особая канцелярія минист. полиціи, 1817 г., дѣло № 91.

[3]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія, дѣло № 47505.

[4]) См. выше, стр. 193.

[5]) Архивъ министерства народн. просвѣщенія, № 47505. Выставляя указанныя обвиненія, кн. Голицынъ ссылался на еврейскія книги. Этотъ „литературный“ матеріалъ доставилъ Голицыну, повидимому, крещеный еврей Фоделло. Нѣкоторыя свѣдѣнія о Фоделло я привелъ въ замѣткѣ „Къ исторіи еврейскихъ типографій. Крещенные евреи Зандбергъ и Фоделло“ (Еврейск. Старина, 1909 г., вып. 4, стр. 251—255).

участія съ правомъ голоса въ разрѣшеніи дѣлъ, касающихся самихъ евреевъ; конечно, христіане будутъ слишкомъ обременены при такихъ условіяхъ общественной службой, а потому имъ надо за это платить, взыскивая съ евреевъ соотвѣтствующую сумму. Характерно, что евреевъ хотѣли поставить въ этомъ отношеніи въ такое же положеніе, въ какомъ находились члены христіанскихъ сектъ: „молоканъ еврейскаго закона“ устранили отъ общественныхъ должностей, дабы они „имѣли въ виду лишнія права, даруемыя людямъ христіанскаго закона“; при этомъ сектанты несли расходы по содержанію своихъ замѣстителей въ органахъ общественнаго самоуправленія; подобно тому, какъ старообрядцевъ и раскольниковъ допускали къ общественнымъ должностямъ лишь тамъ, гдѣ было мало другихъ православныхъ, такъ и евреи должны были являться на помощь христіанскому обществу въ мѣстностяхъ, гдѣ оно было немногочисленно [1]).

Впрочемъ, въ концѣ концовъ ограниченіе избирательныхъ правъ не было осуществлено въ предположенномъ широкомъ объемѣ, но кое-какія стѣсненія все же были введены.

Къ несравненно болѣе ощутимымъ послѣдствіямъ привели состоявшіяся въ ту пору ограниченія въ правѣ передвиженія и жительства. Эта сѣть стѣсненій была сплетена стараніями различныхъ общественныхъ группъ и правительственной власти. Каждый дѣйствовалъ по мѣрѣ своихъ силъ и въ предѣлахъ непосредственныхъ интересовъ, и потому, если въ иномъ случаѣ запретной для евреевъ становилась цѣлая территорія, то въ другомъ случаѣ конкуренты ограничивались удаленіемъ евреевъ лишь съ нѣсколькихъ улицъ даннаго города.

По объясненію одного официальнаго документа, евреевъ подвергали стѣсненіямъ въ жительствѣ потому, что они „приносятъ съ собою вредъ христіанской вѣрѣ и нравственности, причиняютъ подрывъ торгующему классу, и разореніе рабочему“ [2]). Однако, фактически заботливость о религіозномъ чувствѣ и нравственности окружающаго христіанскаго населенія, если и играла какую-либо роль при введеніи ограничительныхъ законовъ, то лишь самую незначительную; ссылка на опасности, якобы угрожавшія совѣсти христіанъ, дѣлалась лишь для того, чтобы замаскировать побужденія матеріалистическаго свойства.

Столица Литвы, Вильна, ревниво слѣдила за тѣмъ, чтобы сохранялось въ силѣ давнее мѣстное постановленіе, стѣснявшее

---

[1]) Архивъ министерства народн. просвѣщенія, дѣло № 47505.—См. также архивъ министерства вн. дѣлъ, департ. полиціи исполнительной, 1828 г., дѣло № 805 (меморія директорскаго комитета за октябрь 1825 г.).

[2]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія, дѣло № 47505, стр. 141.

евреевъ въ правѣ проживанія. Опираясь на привилегію отъ 19 февраля 1633 г., которою было учреждено „гетто“ въ Вильнѣ, задворный судъ постановилъ въ 1783 г., чтобы евреи не жили на двухъ улицахъ: отъ Острой Брамы до каѳедральнаго собора, и отъ Троицкой Брамы до костела св. Іоанна. Формально этотъ запретъ остался въ силѣ и по переходѣ края къ Россіи: сенатъ призналъ (8 мая 1811 г.) запрещеніе не отмѣненнымъ. Однако, требованія повседневной жизни побуждали отдѣльныхъ евреевъ водворяться на указанныхъ улицахъ; имъ содѣйствовали въ этомъ отношеніи христіане-домовладѣльцы, сдававшіе имъ квартиры, но другіе христіане, видѣвшіе въ евреяхъ торговыхъ конкурентовъ, протестовали противъ этого, и сенатъ (20 ноября 1816 г.) подтвердилъ старое запрещеніе. Литовскій губернаторъ Римскій-Корсаковъ нашелъ такое постановленіе неправильнымъ; онъ указывалъ, что привилегія 1633 года была вызвана неопрятностью евреевъ и отсутствіемъ полиціи, каковыя обстоятельства уже утратили свое значеніе [1]). Но уже вскорѣ обнаружилось, что вопросъ перенесенъ кн. Голицынымъ съ санитарной почвы на религіозную. Князь Голицынъ, ознакомившись съ жалобами христіанъ, выставилъ въ пользу запрета то обстоятельство, что на этихъ улицахъ бываютъ крестные ходы, а на воротахъ Острой Брамы имѣется образъ Богородицы, вслѣдствіе чего, будто, „при неуваженіи евреевъ къ святынѣ“, происходятъ безпорядки. Вопросъ не былъ тогда разрѣшенъ въ законодательномъ порядкѣ. Тѣмъ не менѣе, въ Вильнѣ было опубликовано (1823 г.) извѣщеніе полиціи, чтобы христіане не осмѣливались сдавать евреямъ помѣщенія на запретныхъ улицахъ. Но, встрѣчая союзниковъ въ лицѣ домохозяевъ-христіанъ, евреи продолжали тамъ проживать, вызывая дальнѣйшія жалобы со стороны прочихъ христіанъ [2]).

Безнадежная борьба суетливыхъ законодательныхъ регламентацій съ жизненными требованіями, спокойно и упорно побѣждающими неестественныя препятствія, которая такъ настойчиво велась на небольшомъ участкѣ двухъ виленскихъ улицъ, представляетъ собою въ миніатюрѣ изображеніе того, что происходило въ многообразныхъ видахъ на значительно большихъ территоріяхъ и при болѣе сложныхъ обстоятельствахъ.

---

[1]) Архивъ министерства вн. дѣлъ, особ. канцелярія минист. полиціи, 1819 г., дѣло № 205—851: „О воспрещеніи евреямъ въ Вильнѣ пріобрѣтать дома и жительствовать внѣ опредѣленныхъ мѣстъ“.

[2]) Архивъ министерства внутр. дѣлъ, департам. полиціи исполнительной, 1835 г., дѣло № 404: „По указу сената о предупрежденіи предлоговъ къ жительству евреевъ въ Вильнѣ на запретныхъ улицахъ“. Снимокъ съ извѣщенія помѣщенъ въ сборникѣ „Пережитое“, т. I.

Рѣшительныя постановленія были изданы съ той цѣлью, чтобы выселить евреевъ изъ пограничной полосы. Еще въ 1812 г., въ видахъ пресѣченія контрабандныхъ промысловъ, было постановлено удалить евреевъ въ Волынской губерніи изъ помѣщичьихъ имѣній и изъ домовъ, расположенныхъ вблизи границы [1]). Это распоряженіе не было полностью осуществлено. Въ 1816 г. было предписано удалить евреевъ за пятьдесятъ верстъ отъ границы вдоль Волынской губерніи; они могли оставаться въ пограничной полосѣ только въ мѣстечкахъ. Частичное выселеніе продолжалось до 1821 г. Потомъ многіе вновь водворились на старыхъ мѣстахъ по деревнямъ и корчмамъ. Мѣстныя власти были объ этомъ освѣдомлены. Самъ губернаторъ возбудилъ въ 1820 г. ходатайство о разрѣшеніи выселеннымъ евреямъ вернуться въ пограничныя селенія, такъ какъ благодаря указанному запрету не только евреи пострадали, но и помѣщики понесли матеріальныя потери [2]). Но вотъ, въ 1825 г., сославшись на то, что, подъ видомъ содержанія корчемъ и мельницъ, евреи могутъ заниматься контрабандой, правительство распространило запрещеніе жить въ пограничной полосѣ внѣ городовъ и мѣстечекъ на всѣ пограничныя губерніи [3]).

Это требованіе никогда не могло быть осуществлено, несмотря на неоднократныя настойчивыя повторенія; съ одной стороны, контрабанда создавалась не волей еврейскаго населенія, являясь результатомъ многообразныхъ обстоятельствъ, съ другой стороны, евреи, жившіе въ пограничномъ краѣ, не имѣли средствъ, чтобы покинуть свою осѣдлость, да имъ и некуда было идти.

Мы уже видѣли [4]), что не одни евреи принимали участіе въ провозѣ контрабанднаго товара. Здѣсь же слѣдуетъ отмѣтить, что именно въ описываемое время контрабандные промыслы прі-

---

[1]) Инициаторъ выселенія, правившій Волынской губ. сенаторъ Комбурлей сыгралъ неблаговидную роль въ дѣлѣ о провозѣ контрабанды чрезъ Радзивиловскую таможню; къ этому дѣлу были прикосновенны многіе волынскіе чиновники. Середонинъ, Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ, ч. I, стр. 439 и слѣд.

[2]) Архивъ министерства вн. дѣлъ, департаментъ полиціи, 1824 г., дѣло № 325: „О выведеніи изъ деревень Минской губерніи евреевъ, занимающихся продажей вина“, стр. 31—32. Губернаторъ, между прочимъ, сообщилъ, что выселеніе въ 1812 г. было вызвано опасеніемъ, чтобы евреи, въ виду военныхъ обстоятельствъ, „не дѣлали какихъ-либо непріятныхъ вліяній“.

[3]) Первое полное собраніе законовъ, № 30402. Исключеніе было сдѣлано для собственниковъ корчемъ, мельницъ и домовъ, причемъ, однако, императоръ Александръ I, по личной инициативѣ, внесъ дополненіе въ томъ смыслѣ, что свою недвижимую собственность здѣшніе евреи могутъ продавать только христіанамъ, дабы такимъ образомъ не передавалось право проживанія другому еврею, путемъ уступки ему недвижимости.

[4]) См. выше, стр. 380.

обрѣли чрезвычайно широкіе размѣры, благодаря, между прочимъ, особымъ условіямъ тогдашнихъ торговыхъ русско-германскихъ отношеній. Пріобрѣвъ (1818 г.) право свободной торговли въ предѣлахъ Россіи, на той территоріи, которая нѣкогда входила въ составъ польскаго королевства, Пруссія получила, вмѣстѣ съ тѣмъ, право почти безпошлинной транзитной торговли черезъ Россію на азіатскіе рынки. Въ этихъ условіяхъ для прусскаго государства, съ одной стороны, а съ другой—для русскихъ купцовъ, являлась болѣе выгодной не легальная, а контрабандная торговля, которой къ тому же покровительствовали таможенные чиновники, находя въ ней источники дохода. Въ 1824 г. русское правительство разъяснило, что заниматься транзитомъ могутъ русскіе, а не прусскіе купцы,—„съ контрабандой готовы были мириться, лишь бы она шла на пользу туземнаго, а не иностраннаго торговаго капитала“[1]).

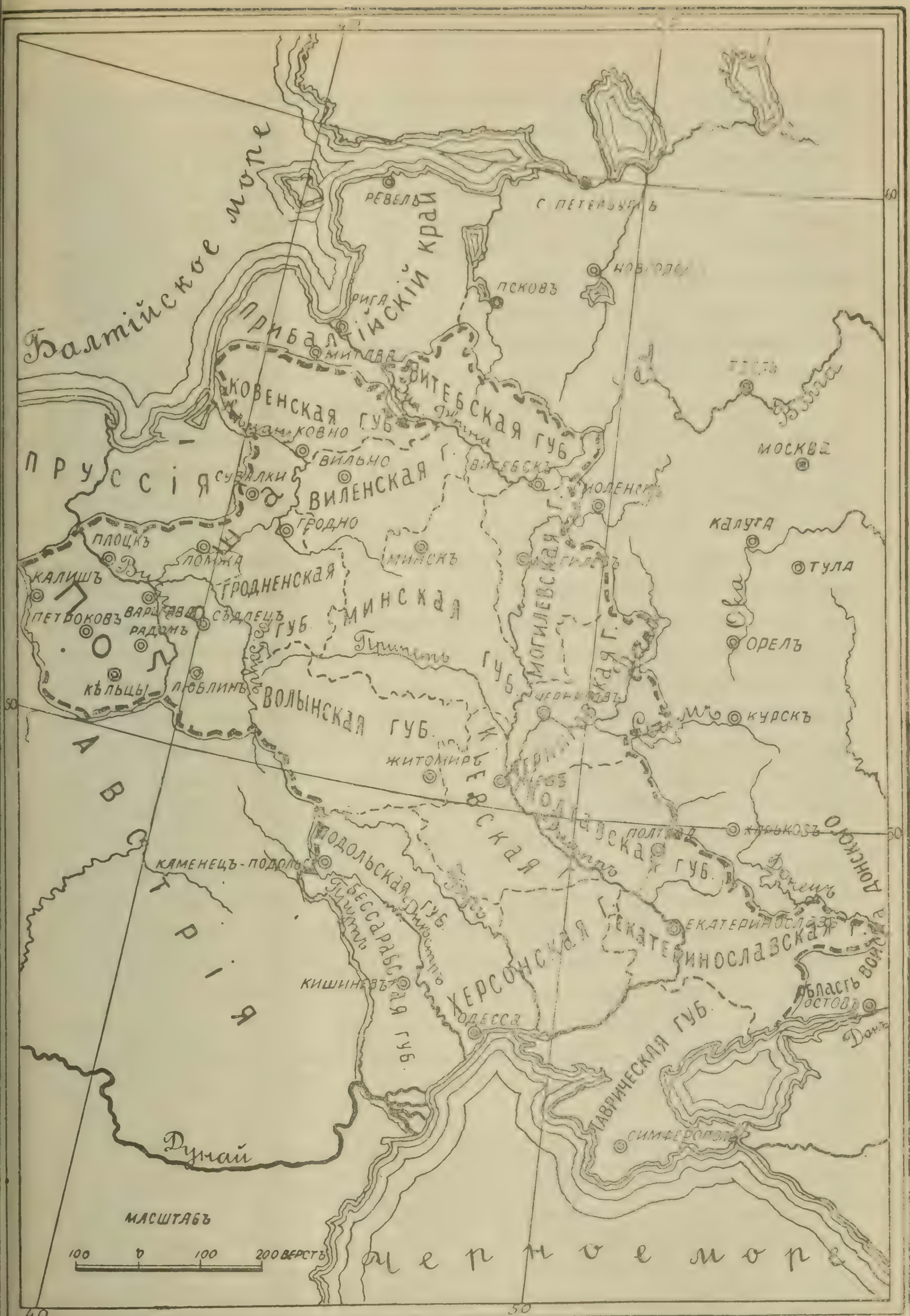
Въ ограничительномъ смыслѣ было истолковано и право временнаго пребыванія за предѣлами черты осѣдлости. А въ связи съ этимъ были урѣзаны торговыя права. Евреямъ, не вступившимъ въ общество израильскихъ христіанъ[2]), было запрещено производить внѣ черты осѣдлости торговлю не только лично, но даже черезъ посредство комиссіонеровъ и приказчиковъ изъ христіанъ[3]). Имъ также запретили отправляться изъ пограничныхъ таможенъ во внутреннія губерніи съ товарами, взятыми на комиссію. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ пограничныхъ таможняхъ торгующее купечество почти сплошь состояло изъ евреевъ („въ число израильскихъ христіанъ не входившихъ“), которые, получая изъ-за границы товаръ на комиссію, отправляли его во внутрь Россіи, особливо въ Москву, то министерство финансовъ желало дозволить евреямъ пріѣзжать туда въ тѣхъ случаяхъ, когда они будутъ предъявлять въ пограничныхъ таможняхъ довѣренности отъ купцовъ великороссійскихъ губерній, уполномочивающія евреевъ принять въ таможнѣ товаръ, адресованный великороссійскому купцу, и вмѣстѣ съ товаромъ отправиться во внутрь Россіи; такимъ образомъ евреи ограничивались бы скромною ролью приказчиковъ, хотя они должны были бы при этомъ состоять въ гильдіи[4]). Но Государственный совѣтъ

[1]) М. Покровскій, Изъ исторіи русско-германскихъ отношеній. Голосъ минувшаго, 1916 г., кн. III. Въ 1825 г. право транзитной торговли было отмѣнено.

[2]) См. выше, стр. 388—390.

[3]) Сенатскій указъ отъ 31 января 1821 г. Первое полное собраніе законовъ, № 28537.

[4]) Архивъ Госуд. сов., департаментъ экономіи, 1825 г., дѣло № 30: „О евреяхъ, отправляющихъ изъ пограничныхъ таможенъ по комиссіямъ въ великороссійскія губерніи товары“.



Территорія (отмѣчена пунктиромъ), открытая для постояннаго проживанія евреевъ: губерніи „черты осѣдлости“ и Царства Польскаго (о Царствѣ Польскомъ см. главу семнадцатую).

не согласился съ предложенiемъ министерства финансовъ; указывая, что „ожидать можно стачки у нихъ (евреевъ) какъ съ иностранными торговыми домами, такъ и съ купцами великороссiйскихъ губернiй, черезъ что непримѣтно перейдетъ современемъ торговля въ ихъ руки, и сами евреи, въ видѣ приказчиковъ, воспользуются свободою имѣть долговременное пребыванiе внутри государства“, Государственный совѣтъ высказался за то, чтобы въ правила о торговлѣ евреевъ не вносилось ничего новаго, чтобы право торговли предоставлялось евреямъ, по прежнему, только въ предѣлахъ черты осѣдлости [1]).

Разъ существовало предубѣжденiе противъ допущенiя евреевъ за предѣлы черты, то разрѣшенiе жить въ Астраханской губернiи и Кавказской области не могло не представляться аномалiей. Это право было дано Положенiемъ 1804 г. Однако, отдаленность препятствовала имиграцiи евреевъ. Двадцать лѣтъ спустя ни въ Астраханской, ни въ Кавказской губернiи не значилось въ окладѣ ни одного еврея. Когда же одинъ еврей задумалъ водвориться съ семьей въ Кавказской губернiи, министръ финансовъ Канкринъ, истолковывая законъ въ томъ смыслѣ, что евреи могутъ поселяться въ указанныхъ губернiяхъ только съ особаго каждый разъ разрѣшенiя, предложилъ (1824 г.) вовсе запретить имъ водворенiе, мотивируя это безсвязнымъ заявленiемъ, что край открытъ для внѣшней торговли, евреи же, не исполняя государственныхъ постановленiй, не направленныхъ къ личной ихъ выгодѣ, нанесутъ ущербъ таможенному сбору и общественному кредиту; и комитетъ министровъ, опираясь къ тому же на соображенiе, будто водворенiе евреевъ можетъ быть вредно при распространенiи азiатской торговли, постановилъ передать вопросъ на разсмотрѣнiе еврейскаго комитета, а пока воздержаться отъ допущенiя евреевъ въ этотъ край [2]).

Въ ту пору былъ выдвинутъ на очередь и вопросъ о проживанiи евреевъ по деревнямъ. Этотъ старый вопросъ о вредѣ, причиняемомъ евреями крестьянамъ, нѣкогда всесторонне раз-

---

[1]) 26 октября 1825 г. Первое полное собранiе законовъ, № 30561.

[2]) 30 iюня 1825 г. Первое полное собранiе законовъ, № 30404.

Путешествуя по Уральскому хребту, государь, замѣтивъ, что евреи, „вопреки коренныхъ государственныхъ узаконенiй, стекаются на горные заводы и, занимаясь тайною закупкою драгоцѣнныхъ металловъ, развращаютъ тамошнихъ жителей, ко вреду казны и частныхъ заводчиковъ“, приказалъ, письмомъ отъ 19 декабря 1824 года на имя министра финансовъ, чтобы евреи не были терпимы ни на казенныхъ, ни на частныхъ заводахъ въ горномъ вѣдомствѣ и въ Екатеринбургѣ. Этотъ указъ не былъ внесенъ ни въ собранiе, ни въ сводъ законовъ; распоряженiе объ исполненiи указа было сдѣлано секретнымъ образомъ.

смотрѣнный и, казалось, окончательно разрѣшенный [1]), не утратилъ съ годами своей живучести, и въ немъ искали спасенія тѣ, кто тѣшилъ себя обманчивой надеждой, что вѣками сложившійся общественно-хозяйственный бытъ можно въ корнѣ измѣнить простымъ механическимъ путемъ—удаленіемъ евреевъ изъ деревень. Крестьяне пьянствовали и нищенствовали, а евреи торговали водкой. Изъ этого дѣлали выводъ, что узломъ всѣхъ невзгодъ, тяготѣвшихъ надъ бывшимъ польскимъ краемъ, являются евреи. А между тѣмъ, едва только поднималась завѣса, скрывавшая жизнь не только крестьянъ, но и самихъ евреевъ, влачившихъ нищенское существованіе, какъ становилось очевиднымъ, что вопросъ о сожительствѣ помѣщиковъ, крестьянъ и евреевъ представляется крайне сложнымъ. Эти три общественныя группы были тѣсно связаны экономическими интересами и бѣдствіе одной изъ нихъ являлось бѣдствіемъ и для остальныхъ двухъ.

Если бы даже помѣщики и крестьяне могли обойтись безъ услугъ евреевъ, какъ торгово-промышленнаго класса, то все еще оставалась задача, разрѣшеніе которой представляло чрезвычайно много трудностей,—а именно, куда направить сельскихъ евреевъ и откуда взять необходимыя для этого денежныя средства. Въ свое время переселеніе евреевъ въ Новороссію для земледѣлия казалось правительству легкимъ дѣломъ. Но при практическомъ осуществленіи этого плана уже вскорѣ обнаружилась его неисполнимость изъ-за отсутствія денежныхъ средствъ, и водвореніе евреевъ въ Новороссію приказано было пріостановить. Чтобы иллюстрировать безысходность положенія, въ которомъ и позже оказывались сельскіе евреи, когда заходила рѣчь объ ихъ удаленіи, надо остановиться на слѣдующихъ двухъ эпизодахъ. Когда въ 1820 г. группа евреевъ Могилевской губерніи обратилась къ правительству съ просьбой переселить ихъ куда-нибудь для хлѣбопашества и еврейскія общества не согласились принять на себя связанные съ этимъ расходы, въ виду отсутствія средствъ, кн. Голицынъ предложилъ министру финансовъ отпустить сумму, необходимую для переселенія пятидесяти семействъ, но министръ отказалъ, заявивъ, что это обязанность еврейскихъ обществъ [2]). Съ другой стороны, когда въ неурожайные 1821—1822 гг. тысячи евреевъ добровольно направились въ Херсонскую губернію, чтобы заняться земледѣліемъ [3]), было постановлено возвратить въ

[1]) См. выше, главу тринадцатую.

[2]) Архивъ канцеляріи минист. финансовъ, 2-е отд., 1820 г., дѣло № 10: „По отношенію кн. Голицына объ отпускѣ денегъ на переселеніе евреевъ“.

[3]) В. Никитинъ, Еврейскія земледѣльческія колоніи. Восходъ, 1881 г., кн. 6 (также отдѣльно, Спб. 1887 г.).

Бѣлоруссію около шестисотъ переселенческихъ семействъ [1]) и вообще послѣдовало распоряженіе (1823 г.) о томъ, чтобы переселеніе въ Новороссію было совершенно прекращено.

Такимъ образомъ, правительство отказывало евреямъ въ содѣйствіи, когда дѣло шло о переходѣ ихъ къ производительному труду, и вообще имъ некуда было идти, чтобы заняться земледѣліемъ. Однако, едва только раздавался голосъ о тяжеломъ положеніи крестьянъ, какъ сейчасъ же, словно эхо, разносились всюду повторные возгласы, что нужна репрессивная мѣра противъ евреевъ. И случалось, что таковую, безъ долгихъ размышленій, приводили въ дѣйствіе. Такъ, когда начальникъ Черниговской губерніи заявилъ, что евреи держатъ „въ тяжкомъ порабощеніи" казенныхъ крестьянъ и казаковъ, тотчасъ же послѣдовало (1821 г.) приказаніе удалить евреевъ изъ селеній; это распоряженіе было распространено (1822 г.) и на Полтавскую губернію [2]); заниматься винными промыслами было тогда же запрещено и въ селеніяхъ новороссійскихъ губерній [3]). А между тѣмъ, достаточно было, чтобы правительство хоть нѣсколько вдумчиво отнеслось къ вопросу о проживаніи евреевъ въ деревняхъ, какъ сейчасъ же обнаружился-бы рядъ обстоятельствъ, которыя препятствовали осуществленію мѣры выселенія.

Еще тогда, когда кн. Голицыну приходилось доказывать, что, отнимая у евреевъ землю, арендованную ими у помѣщиковъ, правительство должно позаботиться, чтобы помѣщики вернули евреямъ взятыя у нихъ деньги [4]), губернское начальство было запрошено о томъ, не слѣдуетъ ли дозволить евреямъ такія аренды, которыя не связаны ни съ виннымъ промысломъ, ни съ личнымъ трудомъ крестьянъ. Этотъ запросъ кн. Голицына былъ вызванъ тѣмъ соображеніемъ, что дѣятельность евреевъ въ деревняхъ отнюдь не ограничивается продажей водки, и что они являются полезнымъ элементомъ. И дѣйствительно, отвѣтъ гласилъ, что не только необходимо для сельскихъ евреевъ, „но и полезно для края", чтобы евреи по прежнему содержали мельницы, стеклянные заводы, арендовали молочное хозяйство и др. [5]). Но картина мрачной дѣйствительности, царившей въ польскомъ

---

[1]) См. Высоч. утвержд. положеніе комитета министровъ 14 февр. 1825 г. (копіи въ архивахъ: Госуд. совѣта. департам. законовъ, 1835 г., № 11; канцеляріи министра финансовъ, 1825 г. № 43).

[2]) Первое полное собраніе законовъ, №№ 28821 и 29036.

[3]) См. Высоч. утвержд. положеніе комитета министровъ 14 февр. 1825 г.

[4]) См. выше, стр. 374 и сл.

[5]) Донесеніе виленскаго губернатора отъ 27 ноября 1819 г. и волынскаго отъ 1 сент. 1820 г. (копіи въ дѣлѣ департамента полиціи, 1824 г., № 325); донесеній другихъ губернаторовъ нѣтъ въ моемъ распоряженіи.

краѣ, раскрылась во всей своей пестротѣ лишь тогда, когда, получивъ отъ сенатора Баранова, обозрѣвавшаго Бѣлоруссію, донесеніе, что мѣстные крестьяне, не только помѣщичьи, но и казенные, находятся въ тяжеломъ экономическомъ положеніи, правительство вновь подошло вплотную къ разсмотрѣнію стараго вопроса о проживаніи евреевъ въ селеніяхъ.

Во время Отечественной войны западныя губерніи чрезвычайно пострадали. Особенно печальную участь переживалъ бѣлорусскій край. Разоренный въ 1812 г., онъ испыталъ въ 1819 г. рядъ стихійныхъ бѣдствій, а въ 1821 г. его постигъ полный неурожай. Мѣстные дворяне,— правда, не всѣ,—выставляя себя добрыми опекунами крестьянства и испрашивая у правительства различныя льготы и матеріальную поддержку, хотѣли возложить извѣстную отвѣтственность за бѣдствія на сельскихъ евреевъ [1]). Самъ Барановъ, однако, не высказался за принудительныя мѣры противъ евреевъ, разсчитывая, что евреи, если ихъ лишатъ права на винные промыслы, добровольно перейдутъ къ другимъ занятіямъ [2]); его вниманіе было сосредоточено на мѣропріятіяхъ общаго характера къ поднятію помѣщичьяго и крестьянскаго хозяйства. Сообщая содержаніе донесенія Баранова комитету министровъ, гр. Кочубей, вторично занявшій постъ министра внутреннихъ дѣлъ, указалъ, что разрѣшеніе вопроса о томъ, какимъ образомъ осуществить мѣру выселенія и „какое сдѣлать употребленіе изъ евреевъ“, сопряжено съ большими трудностями и что требуются не частичныя мѣры по одной Бѣлоруссіи, но общія мѣры для всего еврейскаго населенія; предлагаемое переселеніе въ Новороссію обречено на неудачу [3]); другія-же средства, направленныя къ поднятію нравственности и благосостоянія крестьянъ, какъ введеніе казенной продажи питей и уничтоженіе права пропинаціи, не легко осуществимы. Такимъ образомъ, гр. Кочубей не видѣлъ исхода изъ создавшагося положенія. Со своей стороны, и комитетъ министровъ не счелъ возможнымъ предпринять сей-

---

[1]) Маршалы Витебской губерніи и могилевскій губернскій маршалъ предложили совершенно удалить сельскихъ евреевъ изъ края или же запретить имъ винные промыслы въ деревняхъ (Высоч. утвержд. положеніе комитета министровъ 14 февр. 1825 г.). Въ представленіи витебскаго губернскаго маршала ничего не говорилось о мѣрахъ противъ евреевъ (см. архивъ министерства внутр. дѣлъ, хозяйств. департ., 1822 г., дѣло № 62: „По представленію сенатора Баранова о улучшеніи Бѣлорусскаго края и о составленіи особаго комитета для устройства евреевъ“).

[2]) Донесеніе Баранова при отношеніи отъ 6 іюня 1822 г. на имя министра внутр. дѣлъ, гр. Кочубея. См. предыдущее дѣло.

[3]) Записка Кочубея отъ 26 августа 1822 г. (мин-ство внутр. дѣлъ, хозяйств. департ., 1822 г., № 62). Кочубей ошибочно приписалъ Баранову идею о переселеніи евреевъ въ Новороссію.

часъ же какія-либо частныя мѣры, и потому онъ предложилъ образовать спеціальный комитетъ, который выработалъ бы новое законодательство о евреяхъ [1]). Но уже вскорѣ другой комитетъ, изъ четырехъ сановниковъ, среди коихъ былъ и гр. Кочубей, учрежденный въ началѣ 1823 г. съ цѣлью оказать поддержку Бѣлорусскому краю, постановилъ, между прочимъ, идя навстрѣчу желанію дворянъ, выселить евреевъ изъ деревень. Комитетъ министровъ согласился съ этимъ, и тогда послѣдовалъ Высочайшій указъ (11 апрѣля 1823 г.), чтобы въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ евреи прекратили къ 1824 г. винные промыслы, а также содержаніе арендъ и почтъ, а къ 1825 г. переселились въ города и мѣстечки [2]).

Однако, государь ясно представилъ себѣ тѣ бѣдствія, которыя должны были сопутствовать выселенію, ибо отъ непріятельскаго нашествія 1812 г. и отъ стихійныхъ несчастій пострадали не только помѣщики и крестьяне, но также и городскія общества; чтобы помочь мѣщанамъ пришлось установить льготы въ отношеніи платежа податей и недоимокъ; между прочимъ, къ государю поступили отъ христіанъ и евреевъ Витебска и гор. Бабиновичи, а также отъ евреевъ Ліозны прошенія, въ которыхъ описывалось бѣдственное положеніе горожанъ, вызванное какъ разореніемъ 1812 г., такъ и неурожаями послѣднихъ лѣтъ [3]). Такимъ образомъ, бѣлорусскія городскія общества не могли принять выселенцевъ, не были въ силахъ оказать имъ поддержку. И поэтому, подписывая указъ о выселеніи, государь повелѣлъ обратить вниманіе на „способы и прокормленіе для переселенія евреевъ на мѣста новаго жительства, дабы они, оставаясь безъ пристанища, не подверглись въ семъ положеніи тягостнѣйшимъ нуждамъ въ своемъ пропитаніи“; члены комитета министровъ, каждый въ отдѣльности, должны были представить свои мнѣнія, дабы уже потомъ было выработано окончательное постановленіе.

Между тѣмъ началось выселеніе. Къ январю 1824 г. по обѣимъ губерніямъ были изгнаны около двадцати тысячъ евреевъ. Не находя пріюта и питанія въ городахъ и мѣстечкахъ, выселенцы страшно бѣдствовали и между ними развились болѣзни, погло-

---

[1]) Сентябрь 1822 г. См. первое полное собраніе законовъ, № 29443.

[2]) Положеніе комитета министровъ отъ 14 февр. 1825 г.; также первое полное собраніе законовъ, № 29420.

[3]) Архивъ министерства внутр. дѣлъ, хозяйственн. департаментъ, I отдѣленіе, 1823 г., дѣло № 35. На прошеніи витебскаго городского общества, среди членовъ магистрата и думы, фигурируетъ подпись бургомистра Хаима Этигина; помимо того, витебскіе евреи обратились къ государю и съ особымъ прошеніемъ, подписаннымъ тремя кагальными; отъ имени христіанскаго и еврейскаго общества г. Бабиновичи подписались „избранные“, одинъ христіанинъ и одинъ еврей.—Витебскъ пострадалъ особливо отъ того, что были нарушены торговыя сношенія съ Ригой.

тившія не мало жертвъ [1]). Сохранились просьбы невельскихъ, городокскихъ и велижскихъ евреевъ, трогательно молившихъ [2]) государя обратить вниманіе на ихъ тяжелое положеніе. „Государь, - писали съ несомнѣнной смѣлостью велижскіе евреи,—отъ самого Тебя ожидаемъ разрѣшенія судьбы нашей, око Твое да узритъ правильность, ибо отъ Губернскаго начальства и учрежденныхъ ими комитетовъ малѣйшихъ средствъ къ облегченію не предвидимъ и единственно полагаемъ только надежду нашу на Небеснаго Творца и на Тебя, государь, исполняющаго волю Его".

Представители бѣлорусскаго еврейства стали ходатайствовать объ отмѣнѣ выселенія: еврейское населеніе— указывали они—еще недавно сильно пострадало отъ неурожаевъ, теперь же оно подвергается новымъ страданіямъ; едва ли одинъ изъ тысячи будетъ имѣть возможность „пріобрѣсть себѣ хижину"; разъ предстоитъ пересмотръ законодательства о евреяхъ, пусть до того будетъ пріостановлено выселеніе; многіе помѣщики,—говорили далѣе ходатаи,—видя бѣдствіе, „всякую мѣру превосходящее, могли бы изъ единаго человѣколюбія оказать свою милость въ дачѣ пристанища или другого какого пособія", но они опасаются нарушить распоряженіе правительства [3]).

Это ходатайство побудило комитетъ министровъ ускорить разсмотрѣніе дѣла. Повидимому, члены комитета ознакомились съ запиской одного изъ своихъ товарищей, которая и послужила основаніемъ для ихъ сужденій (какъ это можно заключить изъ того, что они выступили съ новымъ тождественнымъ предложеніемъ о привлеченіи евреевъ къ отбыванію рекрутской повинности натурою); тѣмъ не менѣе, члены комитета разошлись въ цѣломъ рядѣ основныхъ вопросовъ.

Общій голосъ былъ таковъ, что евреи въ селеніяхъ влачили нищенское существованіе. Въ Витебской губерніи, по словамъ губернатора, всѣхъ ихъ „можно считать совершенно неимущими"; въ Могилевской губерніи, по крайней мѣрѣ, одна треть не имѣла никакихъ средствъ. Нужда царила и среди евреевъ, жившихъ по городамъ и мѣстечкамъ: бѣлорусскій генералъ-губернаторъ указывалъ, что они „большей частью бѣдные, едва снискивающіе себѣ пропитаніе". Министръ финансовъ заявилъ, что промыслы евреевъ „вообще совершенно недостаточны къ прокормленію сего народа". Такимъ образомъ, было ясно, куда бы ни были напра-

---

[1]) Голицынъ, Исторія русскаго законодательства о евреяхъ, стр. 686—687.

[2]) Эти три прошенія имѣются въ архивѣ мин. вн. дѣлъ, департаментъ полиціи исполнительной, 1827 г., дѣло № 349, стр. 12—18.

[3]) Положеніе комитета министровъ отъ 14 февраля 1825 г.

влены сельскіе евреи, нужны были денежныя средства для ихъ водворенія на новыхъ мѣстахъ. Но даже въ этомъ вопросѣ не было единогласія. Князь Голицынъ легко нашелъ выходъ изъ затруднительнаго положенія: христіане не обязаны помогать евреямъ, а потому эту заботу должны нести сами евреи, по ученію которыхъ состоятельныя лица изъ самыхъ отдаленныхъ странъ дѣлаютъ складки для нуждъ бѣдныхъ единовѣрцевъ. Министръ финансовъ также высказался за то, чтобы пріисканіе средствъ было предоставлено самимъ евреямъ, „безъ всякаго участія со стороны казны, отъ коего въ семъ случаѣ едва ли можно ожидать успѣха". Съ другой же стороны, бѣлорусскій ген.-губернаторъ предупреждалъ, что какія мѣры ни были бы предприняты, казнѣ предстоитъ оказать евреямъ значительную матеріальную помощь; предсѣдатель департамента экономіи Государственнаго совѣта также предложилъ планъ, который требовалъ помощи со стороны казны; а предсѣдатель департамента духовныхъ и гражданскихъ дѣлъ Госуд. совѣта, адмиралъ Мордвиновъ, подчеркнулъ, что если издержки, связанныя съ выселеніемъ, будутъ возложены на кагалы и казна не отпуститъ средствъ, то изъ всего этого ничего не выйдетъ.

Противоположныя мнѣнія были высказаны и по вопросу, куда направить сельскихъ евреевъ? Бѣлорусскій ген.-губернаторъ настаивалъ на переселеніи въ Новороссію, стараясь доказать, что неудача, постигшая первый опытъ, была вызвана случайными обстоятельствами. Онъ говорилъ, что выселенцы не найдутъ пристанища въ самой губерніи, такъ какъ небольшіе города переполнены еврейскимъ торгово-промышленнымъ населеніемъ [1]); помѣщики не захотятъ принять въ свои мѣстечки евреевъ въ виду бѣдности послѣднихъ; казенныхъ имѣній почти вовсе нѣтъ; помѣщики также не склонны водворить евреевъ на своихъ пустопорожнихъ земляхъ; какъ только кончились контракты на содержаніе евреями шинковъ и прочаго, помѣщики, не видя болѣе пользы отъ евреевъ, стали ихъ выселять изъ своихъ имѣній. Другіе же члены комитета имѣли въ виду оставить выселенцевъ именно

[1]) Въ 1823 г. минскій губернскій маршалъ обратился къ цесаревичу съ просьбой, чтобы указъ о выведеніи евреевъ изъ деревень въ Бѣлоруссіи былъ распространенъ и на Минскую губернію. По этому поводу Новосильцевъ далъ цесаревичу отзывъ въ томъ смыслѣ, что нельзя приступить къ подобной мѣрѣ, не позаботившись о пропитаніи выселенцевъ. Между прочимъ, минскій губернаторъ, на запросъ Новосильцева, объяснилъ, что если бы евреи были выселены въ города, они не нашли бы тамъ средствъ къ жизни; но все же эту мѣру можно привести въ исполненіе, если рѣшиться пожертвовать этой частью населенія въ пользу остального большинства. См. архивъ министерства внутр. дѣлъ, департаментъ полиціи, 1824 г., дѣло № 325: „О выведеніи изъ деревень Минской губерніи евреевъ, занимающихся продажей вина".

въ предѣлахъ данной губерніи, разсчитывая, въ частности, что помѣщики постараются устроить у себя часть изгнанниковъ. Ходатайство же еврейскихъ депутатовъ (высказавшихся по предложенію кн. Голицына) и повѣренныхъ бѣлорусскаго еврейскаго общества о расширеніи торговыхъ правъ евреевъ, о предоставленіи имъ большаго территоріальнаго района если не для жительства, то для экономической дѣятельности, нашли сочувствіе лишь у одного Мордвинова.

При всемъ, однако, разнорѣчіи, члены комитета осудили ту поспѣшность, съ которой было предпринято въ Бѣлоруссіи выселеніе. Признавъ, что если бы сельскіе евреи были сразу переведены въ города, то они не нашли бы тамъ пропитанія, комитетъ рѣшилъ завершить выселеніе въ теченіе восьми лѣтъ, отправляя ежегодно одну восьмую часть. Комитетъ утѣшалъ себя, что въ городахъ евреи могутъ заниматься винными промыслами и такимъ образомъ они найдутъ средства пропитанія [1]). Когда бѣлорусскіе евреи стали жаловаться на выводъ изъ деревень, гр. Кочубей составилъ записку, въ которой объяснялись „законность и польза" этой мѣры [2]). Дѣйствительно ли, однако, изгнаніе евреевъ могло дать желанные результаты? Слѣдовало ли принести одну часть населенія въ жертву другой? Бѣлорусскіе евреи пережили тягчайшее бѣдствіе [3]). Нѣсколько лѣтъ спустя, жалуясь на невыносимое положеніе еврейскаго народа, виленскій кагалъ, напомнивъ объ изгнаніи изъ бѣлорусскихъ деревень, нарисовалъ слѣдующую картину: „Въ то время, когда за недостаткомъ дождей послѣдовалъ въ хлѣбѣ неурожай и крестьяне терпѣли недостатокъ, сдѣлано (было) подобное представленіе, что будто бы евреи, жившіе по селамъ и деревнямъ, были причиною того недостатка; каждый вспоминаетъ объ нихъ съ содроганіемъ; болѣе сорока тысячъ обоего пола душъ тѣхъ евреевъ принуждены были расположиться съ малолѣтними дѣтьми на дорогахъ, не зная сами, куда взять направленіе, и въ семъ печальномъ положеніи не малое количество изъ нихъ погибло отъ голоду, а остальные остались безъ всякаго средства къ содержанію и до нынѣ суть тягостью для жителей городовъ и мѣстечекъ"; мѣстное начальство старалось увѣрить

---

[1]) Высоч. утвержд. положеніе комитета министровъ 14 февраля 1825 г.

[2]) Архивъ министерства нар. просвѣщенія, дѣло № 47505, стр. 8.

[3]) Правительство ассигновало въ пользу выселенцевъ 50.000 р., но большая часть суммы была употреблена лишь на оказаніе помощи больнымъ, потому что „раздачею сихъ денегъ нуждающимся для пропитанія доставлена была бы ничтожная помощь на самое короткое время". Изъ всеподданнѣйшаго представленія генер.-губернатора кн. Хованскаго отъ 29 января 1827 г. (департаментъ полиціи исполнительной, 1827 г., дѣло № 349 г., стр. 316—318).

правительство о своемъ попеченіи объ изгнанникахъ, для чего былъ образованъ даже особый комитетъ при ген.-губернаторѣ, „но какъ комитетъ сей составили тѣ же самыя лица, кои принимали участіе въ домогательствѣ объ изгнаніи евреевъ изъ селъ и деревень, то и разумѣется, что въ чашѣ, наполненной горестью, едва ли уповать можно накопить вкусъ сладости“ [1]).

Эти страданія никому не принесли пользы. Двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ изгнанія департаментъ законовъ Государственнаго совѣта заявилъ, что изгнаніе „раззорило евреевъ и отнюдь не видно, чтобы улучшилось отъ того состояніе поселянъ“ [2]).

Разнообразныя правовыя ограниченія, установленныя въ 1817—1825 г.г., изъ коихъ нѣкоторыя [3]) указаны выше, носили случайный характеръ; хотя ихъ объединяла доминирующая цѣль— „обезвредить“ евреевъ, въ частности—парализовать ихъ экономическую дѣятельность, въ томъ или иномъ отношеніи нежелательную для прочаго населенія, все же эти ограничительные законы представляли собою нѣчто разрозненное, возникая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ по частному поводу. Но, какъ выше было указано, комитетъ министровъ, занявшись вопросомъ о сельскихъ евреяхъ, призналъ необходимымъ, чтобы особый комитетъ, пересмотрѣвъ существующія постановленія о евреяхъ, выработалъ новое законодательство [4]) къ „лучшему устройству гражданскаго положенія сего народа“. Впрочемъ, возникшая этимъ путемъ коллегія изъ четырехъ министровъ—внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, юстиціи и народнаго просвѣщенія—уже вскорѣ увидѣла себя безсильной выполнить указанную задачу, требовавшую большой подготовительной работы; поэтому былъ образованъ (1825 г.) комитетъ изъ директоровъ департаментовъ соотвѣтствующихъ министерствъ, который долженъ былъ, подъ наблюденіемъ комитета изъ четырехъ министровъ, составить возможно скорѣе законопроектъ, дабы неотложно принять мѣры какъ для улучшенія положенія самихъ евреевъ, такъ и для „содѣланія ихъ болѣе полезными“ [5]).

---

[1]) Юлій Гессенъ, Записка виленскаго кагала о нуждахъ еврейскаго народа. Еврейская Старина, 1911 г., стр. 96—108 (документъ извлеченъ изъ архива Гос. совѣта, деп. законовъ, 1835 г., № 11).

[2]) Справка къ докладу (С. А. Панчулидзева) о еврейск. вопросѣ, вып. I, стр. 18.

[3]) Слѣдуетъ отмѣтить, что закономъ 29 іюля 1824 г. было запрещено водворяться въ Россіи заграничнымъ евреямъ, дабы положить предѣлъ „чрезвычайному размноженію еврейскаго племени“; въ большинствѣ выходцы не имѣли средствъ къ существованію и общины порою отказывались принимать ихъ къ себѣ, дабы не обременять своего бюджета податными недоимками.

[4]) См. выше, стр. 416. Предложеніе комитета министровъ было утверждено послѣ того, что состоялся указъ объ удаленіи евреевъ изъ бѣлорусскихъ деревень. Первое полное собраніе законовъ, № 29443.

[5]) Положеніе комитета министровъ 14 февраля 1825 г.

Ближайшимъ результатомъ возникновенія этихъ, такъ называемыхъ „еврейскихъ комитетовъ“, явилось упраздненіе института депутатовъ.

Достигнувъ въ 1817 г. успѣха въ дѣлѣ защиты интересовъ народа [1]), депутаты не могли похвастать плодами своей дальнѣйшей дѣятельности. Ихъ ходатайства объ осуществленіи пожеланій, высказанныхъ во всеподданнѣйшемъ прошеніи Зонненберга въ 1813 г., не были удовлетворены, „какъ противныя общему порядку и особеннымъ законамъ, о евреяхъ изданнымъ“ [2]). Безрезультатными остались и другія ходатайства, вызывавшіяся событіями дня. Такъ, жалоба на рижскую администрацію, притѣснявшую пріѣзжавшихъ евреевъ, была признана неосновательной, и депутаты получили предписаніе, чтобы они „впредь не утруждали таковыми (т.-е. неосновательными жалобами) правительство“ [3]). Безъ вниманія была оставлена просьба о смягченіи правовыхъ ограниченій въ виду предстоявшаго выселенія евреевъ изъ бѣлорусскихъ деревень [4]). Быть можетъ, дѣятельность депутатовъ парализовалась отсутствіемъ средствъ. Депутаты не долго оставались въ столицѣ въ полномъ составѣ; получая отпускъ, они не возвращались болѣе, и петербургскіе чиновники полагали, что это происходитъ именно изъ-за отсутствія средствъ,—„еврейскія общества, при избраніи депутатовъ назначивъ имъ содержаніе, съ самаго начала доставляли оное неисправно, а съ 1822 г. прекратили всякое пособіе къ ихъ содержанію“; между тѣмъ депутаты прибѣгали къ рѣшительнымъ мѣрамъ, чтобы побудить общества присылать деньги; такъ, въ 1820 г. они разослали тайно отъ правительства письма, которыя „имѣли цѣлію убѣдить народъ страхомъ къ непозволенному доставленію денегъ“; въ этихъ письмахъ депутаты представляли правительство „въ невыгодномъ свѣтѣ“; въ 1824 году депутаты писали брацлавскимъ евреямъ, что правительство разрабатываетъ такіе законопроекты, какъ, напр., о рекрутчинѣ, запрещеніи раннихъ браковъ и проч. [5]); все это не было ложью, такъ какъ въ коми-

---

[1]) См. выше, стр. 372—378.

[2]) Меморія директорскаго комитета за іюнь 1826 г.

[3]) Положеніе комитета министровъ 18 октября 1821 г. (копія въ архивѣ Гос. совѣта, деп. законовъ, 1835 г. № 11).

[4]) Около 1823 г. депутатъ Айзенштадтъ представилъ адм. Мордвинову записку по поводу выселенія, въ которой онъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что онъ дѣйствуетъ „по обязанности своей исходатайствовать отъ высшаго правительства для своихъ собратьевъ милосерднаго воззрѣнія къ облегченію таковой ихъ горестной участи“. Мордвиновъ засѣдалъ въ комитетѣ министровъ, когда разбирался указанный вопросъ. Записка Айзенштадта напечатана въ моей книгѣ „Евреи въ Россіи“ (стр. 438), гдѣ ошибочно отнесена къ болѣе раннему времени.

[5]) Меморія директорскаго комитета за сентябрь 1826 г.

тетѣ министровъ, при разсмотрѣніи вопроса объ удаленіи евреевъ изъ селеній, раздавались голоса въ пользу такихъ мѣропріятій; но несомнѣнно, депутаты все это преувеличивали, чтобы склонить общества къ присылкѣ денегъ.

Изъ шести лицъ, избранныхъ въ 1818 г. въ Вильнѣ, двое, уѣхавшіе въ отпускъ въ 1820 и 1822 г., не вернулись въ столицу. Самъ Зонненбергъ „за дерзость предъ начальствомъ, по представленію государя цесаревича, былъ лишенъ своего званія". Съ 1823 года въ столицѣ оставались лишь депутатъ Айзенштадтъ и кандидатъ Файтельсонъ. Но и они, уѣхавъ въ февралѣ 1825 года въ отпускъ на четыре мѣсяца, не вернулись къ сроку и обратились съ просьбой о продленіи отпуска еще на четыре мѣсяца. Къ этому времени постъ министра народнаго просвѣщенія занялъ извѣстный консерваторъ Шишковъ, не одобрявшій дѣятельности своего предшественника кн. Голицына. Онъ внесъ въ комитетъ министровъ предложеніе объ упраздненіи института депутатовъ, мотивируя это тѣмъ, что депутаты разглашаютъ предположенія правительства касательно евреевъ и собираютъ деньги съ еврейскаго народа. Комитетъ министровъ согласился съ ходатайствомъ Шишкова, но засѣдавшій въ комитетѣ кн. Голицынъ заявилъ, что такъ какъ депутаты были созваны „для защищенія общественныхъ еврейскихъ дѣлъ", то ихъ слѣдуетъ оставить до тѣхъ поръ, пока не будетъ выработано новое законодательство; во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ предоставить самому еврейскому комитету рѣшить вопросъ, „нужны ли депутаты или другой способъ назначить евреямъ имѣть свой голосъ". Мнѣніе князя Голицына было поддержано лишь двумя членами комитета министровъ, не имѣвшими непосредственнаго отношенія къ еврейскимъ дѣламъ, но государь утвердилъ именно предложеніе князя Голицына [1]). Тогда Шишковъ воспользовался тѣмъ, что Айзенштадтъ и Файтельсонъ не вернулись изъ отпуска, и представилъ государю докладъ; указывая, что комитету, занятому разработкой законодательства о евреяхъ, предстоитъ рѣшить вопросъ, нужно ли вообще призвать депутатовъ, а въ утвердительномъ случаѣ опредѣлить, „какимъ образомъ составить сію депутацію, такъ какъ еврейскія общества раздѣлились на разныя секты" и положеніе евреевъ въ различныхъ губерніяхъ неодинаково, Шишковъ высказался за то, чтобы Файтельсонъ и Айзенштадтъ не были вызваны въ столицу, ибо они все равно не составили

---

[1]) Записка Шишкова отъ 28 іюля 1824 г. была заслушана комитетомъ министровъ 14 февраля 1825 г. Резолюція государя была объявлена въ засѣданіи комитета министровъ 28 апрѣля 1825 г.—См. меморію директорскаго комитета за сентябрь 1825 г.

бы той депутаціи, которой еврейскія общества дали полномочіе. Государь согласился съ предложеніемъ о невызовѣ упомянутыхъ лицъ, и это рѣшило судьбу института депутатовъ: директорскій комитетъ (сентябрь 1825 г.) не нашелъ надобности въ новой депутаціи [1]).

Годъ спустя виленскій, минскій и гродненскій кагалы возбудили ходатайство о томъ, чтобы еврейскимъ обществамъ была дана возможность высказать, чрезъ посредство „своихъ почетнѣйшихъ и религійныхъ евреевъ", о нуждахъ народа [2]). Но надо, кажется, полагать, что таковое желаніе не раздѣлялось всѣми. Указаніе Шишкова, что еврейскія общества разбились на „секты". позволяетъ предположить, что до правительства дошли жалобы — вѣроятно, отдѣльныхъ евреевъ — на дѣятельность депутатовъ; болѣе просвѣщенные представители обществъ не могли быть довольны депутатами, являвшимися посланцами кагала, противодѣйствовавшими культурнымъ теченіямъ и обновленію религіозно-бытовой жизни. Однако, думается, депутаты принесли извѣстную пользу. Нѣтъ сомнѣнія, что, если не оффиціально, то путемъ частныхъ бесѣдъ съ сановниками, они боролись, поскольку это было возможно, съ жалобами и навѣтами на еврейскій народъ.

Директорскій комитетъ приступилъ къ работѣ въ августѣ 1825 г., завершилъ же ее въ началѣ 30-хъ годовъ. Такимъ образомъ, его дѣятельность почти всецѣло [3]) относится къ эпохѣ Николая I. Тѣмъ не менѣе, результаты многолѣтняго труда комитета нельзя признать дѣтищемъ одного только этого царствованія. Обозрѣвая еврейскую жизнь въ годы Александра I, мы видимъ, что правительство и кагалъ, считавшій себя единственнымъ выразителемъ мнѣній еврейскаго общества, эти двѣ власти, каждая по своему, пытались установить бытъ евреевъ, не считаясь съ ихъ насущными потребностями. Съ этой цѣлью правительство и кагалъ искали другъ у друга поддержки, но ни одна сторона не дѣлала уступокъ, и еврейское населеніе испытывало тяжелыя послѣдствія столкновенія двухъ силъ, въ одинаковой мѣрѣ готовыхъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Правительство добивалось отъ евреевъ, чтобы они исправно уплачивали подати, перемѣнивъ

---

[1]) См. меморіи директорскаго комитета за сентябрь 1825 г. и за сентябрь 1826 г. См. также: архивъ канцеляріи минист. финансовъ, 1825 г., дѣло № 43 (1 отд.) „Относительно предназначеннаго переселенія бѣлорусскихъ евреевъ изъ селеній въ города и о составленіи комитета о евреяхъ вообще" (представленіе Шишкова министру финансовъ о депутатахъ отъ 31 іюля 1825 г.).

[2]) Ходатайство 22 августа 1826 г. Архивъ мин. вн. дѣлъ, департаментъ полиціи исполнительной, 1827 г., дѣло № 349.

[3]) Александръ I скончался 9 ноября 1825 г.: Николай I вступилъ на престолъ 12 декабря 1825 г. (манифестъ 14 декабря 1825 г.), въ виду отказа цесаревича Константина отъ трона.

вѣковыя профессіи, но при этомъ не оказывало имъ поддержки, столь необходимой при ломкѣ экономическаго быта; чтобы евреи просвѣтились, пріобщились къ русской жизни, но не пользовались общественнымъ уваженіемъ и вліяніемъ; чтобы они покинули свою узко-религіозную замкнутую жизнь, но не вышли изъ-подъ власти кагала. Въ свою очередь, кагалъ всячески препятствовалъ попыткамъ, направленнымъ къ культурному общенію евреевъ съ окружающимъ населеніемъ, требуя, вмѣстѣ съ тѣмъ, гражданскихъ правъ для евреевъ; ходатайствовалъ объ отмѣнѣ законодательныхъ постановленій, которыя подрывали благосостояніе евреевъ, но одновременно самъ способствовалъ ухудшенію ихъ матеріальнаго положенія. Эта картина встрѣтится и тогда, когда мы подойдемъ къ слѣдующему царствованію. Политика по еврейскому вопросу, которой придерживалось правительство Николая I, покоилась на фундаментѣ, прочно положенномъ въ дни Александра I. Основныя черты законодательства, созданнаго при Николаѣ I, были установлены въ предшествующее царствованіе. Если при учрежденіи „еврейскаго“ комитета изъ четырехъ министровъ, говорилось о томъ, что нужно улучшить состояніе самихъ евреевъ и, кромѣ того, сдѣлать ихъ болѣе полезными, то инструкція, выработанная коллегіей изъ четырехъ министровъ, поставила директорскому комитету уже въ задачу сдѣлать евреевъ „безвредными“ [1]. Законодательная работа, начатая при Александрѣ I, влившись по пути своего теченія въ эпоху Николая I, не приняла новаго направленія, а продолжала движеніе по старому руслу. Еврейская жизнь перешла изъ одного царствованія въ другое, не испытавъ потрясеній, не переживъ обманутыхъ надеждъ, столь памятныхъ въ исторіи Россіи. Многое изъ того, что въ эпоху Николая I явилось для русскаго общества какъ бы новымъ и неожиданнымъ, представлялось еврейскому народу наслѣдіемъ недавнихъ лѣтъ. Смѣна государей не оставила никакихъ вѣхъ въ исторіи еврейскаго народа. И словно для того, чтобы стереть послѣднюю грань между сопредѣльными царствованіями, наканунѣ кончины Александра I возродился кровавый навѣтъ, жертву которому евреи принесли уже въ слѣдующую эпоху.

Въ концѣ апрѣля 1823 года въ Велижѣ у солдатки Агафьи исчезъ малолѣтній сынъ Федоръ; спустя нѣсколько дней онъ былъ найденъ за городомъ мертвымъ, „чѣмъ-то въ нѣсколькихъ мѣстахъ пронзеннымъ“, и молва сейчасъ же объявила евреевъ его убійцами. При какихъ именно обстоятельствахъ погибъ Федоръ,

---

[1]) Архивъ канцеляріи минист. финансовъ, I отд., 1825 г., дѣло № 43. См. также архивъ министерства нар. просвѣщенія, дѣло № 47505.

осталось неизвѣстнымъ. Агафья заявила слѣдственной власти, что какая-то женщина, оказавшаяся Марьей Терентьевой, развратной нищенкой, предававшейся пьянству, погадавъ, еще до нахожденія ребенка, сказала ей, что сынъ находится „въ домѣ еврейки Мирки"; это подтвердила и „больная дѣвка" Еремѣева, къ которой Агафья обратилась, зная, что та „много предугадываетъ". Отецъ погибшаго ребенка заявилъ, что ему неизвѣстно, кто убилъ сына, и что онъ „кромѣ евреевъ" ни на кого не имѣетъ подозрѣнія, а тетка убитаго показала, что „по всѣмъ замѣчаніямъ въ пронзеніи племянника доказывается, что загубленъ евреями". Этихъ заявленій невѣжественныхъ людей оказалось достаточно, чтобы слѣдствіе было направлено единственно противъ евреевъ, сначала даже не противъ какихъ-нибудь опредѣленныхъ лицъ, а противъ евреевъ вообще. Былъ произведенъ безрезультатный обыскъ у престарѣлой Мирки Аронсонъ, съ которой жили дочь Славка съ мужемъ, купцомъ Шмеркой Берлинымъ и ихъ взрослыя дѣти. Затѣмъ Терентьева показала, что видѣла, какъ мальчика Федора вела за руку Ханна Цетлинъ, содержательница шинка, жена ратмана городского магистрата, зажиточнаго коммерсанта. Хотя христіанки-сосѣдки и отрицали, будто кто-либо изъ евреевъ велъ ребенка, однако, показанію Терентьевой была придана полная, мѣра и подозрѣніе было направлено противъ самого Цетлина. Слѣдствіе велось при полномъ нарушеніи правъ еврейскаго населенія; вопреки закону, отъ слѣдственнаго производства былъ устраненъ еврейскій представитель. Важной уликой являлись слѣды брички, подъѣзжавшей къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ трупъ, а такъ какъ въ тотъ день, когда послѣдній былъ найденъ, въ городъ пріѣхалъ ксендзъ Серафимовичъ, то евреи настояли, чтобы его бричка была вымѣрена; но это вызвало сильное возмущеніе христіанъ, заинтересованныхъ въ ходѣ дѣла; Серафимовичъ же счелъ измѣреніе экипажа „для себя и всего христіанскаго духовенства крайне обиднымъ". Къ отвѣтственности были привлечены пріѣхавшіе незадолго въ Велижъ къ Берлину нѣкій Іосель Гликманъ и его 15-лѣтній спутникъ. 15 декабря 1823 г. полиція представила слѣдственный матеріалъ городовому магистрату, который совмѣстно съ повѣтовымъ судомъ долженъ былъ разслѣдовать дѣло о всѣхъ упомянутыхъ евреяхъ и о Терентьевой. Въ это время подъ какимъ-то неосновательнымъ предлогомъ второй еврей, засѣдавшій въ магистратѣ, былъ также устраненъ, и евреи снова остались безъ защитника. За отсутствіемъ законныхъ уликъ судъ не рѣшился строго осудить обвиняемыхъ; онъ освободилъ Берлиныхъ отъ „сужденія и взысканія", а Ханна Цетлинъ и Гликманъ были оставлены „въ сильномъ подозрѣніи", причемъ

послѣдній былъ арестованъ впредь до разсмотрѣнія дѣла въ высшей инстанціи. Но агитація со стороны нѣсколькихъ темныхъ личностей успѣла настолько оживить въ умахъ христіанскаго общества кровавый миѳъ, что судъ, вопреки Высочайшему запрещенію 1817 г. возбуждать обвиненія въ убійствахъ съ ритуальной цѣлью, заявилъ: „какъ христіанамъ къ убійству его (т. е. Федора) никакихъ поводовъ не было, тѣмъ паче, что сей мальчикъ денегъ не имѣлъ, то и полагать надобно, что сдѣлано таковое изъ недоброжелательства къ христіанамъ евреями, и таковое умерщвленіе мальчика необыкновеннымъ образомъ отнести слѣдуетъ на евреевъ; токмо кто именно причиною—не дойдено, а потому смерть его... предать волѣ Божіей, умерщвленіе же оставить въ сомнѣніи на евреевъ“. Однако, первый департаментъ витебскаго главнаго суда, опираясь на элементарныя юридическія требованія, постановилъ (22 ноября 1824 г.) оставить привлеченныхъ евреевъ „безъ всякаго подозрѣнія“ и приговорилъ лишь Терентьеву „за блудное житіе“ къ церковному покаянію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, судъ предписалъ вновь разслѣдовать дѣло объ убійствѣ Федора. Но и при вторичномъ слѣдствіи убійца обнаруженъ не былъ и дѣло было прекращено.

Вѣсть о велижскомъ событіи дошла до Петербурга; бѣлорусскій генералъ-губернаторъ кн. Хованскій, въ бытность въ Петербургѣ, вступилъ, по повелѣнію имп. Александра I, въ переговоры по поводу процесса съ начальникомъ главнаго штаба Е. И. В., Дибичемъ. Осенью же 1825 г., когда государь, направляясь въ Таганрогъ (гдѣ вскорѣ скончался), проѣхалъ черезъ Велижъ, Терентьева, назвавъ себя матерью погибшаго ребенка, подала жалобу, что хотя Федоръ умерщвленъ евреями, ея просьбы не удовлетворены. И государь, забывъ о своемъ повелѣніи 1817 г., приказалъ строжайше разслѣдовать дѣло [1]) и о результатахъ довести до его свѣдѣнія...

[1]) Къ велижскому дѣлу я вернусь во второмъ томѣ настоящаго труда.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Евреи въ Царствѣ Польскомъ.—Годы существованія Варшавскаго герцогства (1807—1813).—Съ санкціи Наполеона евреевъ лишаютъ политическихъ правъ.— Ограниченіе гражданскихъ правъ.—Спеціальные сборы.—Стѣсненія въ правѣ жительства.—Права евреевъ урѣзываются въ ожиданіи присоединенія къ герцогству новой территоріи съ еврейскимъ населеніемъ.—Гибель герцогства.—Годы временнаго правительства.—Представители варшавской общины обращаются къ государю съ ходатайствами въ Петербургѣ, Парижѣ и Берлинѣ.—Возникновеніе Царства Польскаго (1815 г.).—Полемика по еврейскому вопросу въ правительственныхъ учрежденіяхъ и въ печати.—Связь между варшавской общиной и депутатами еврейскаго народа.—Проектъ еврейской реформы, представленный Новосильцевымъ, отклоняется правительствомъ.—Сташицъ и кн. Чарторыжскій.—Правительство отказывается подать евреямъ надежду на полученіе правъ.—Репрессивная политика.—Воинская повинность.—Борьба съ евреями на экономической почвѣ.—Распри въ варшавскомъ кагалѣ.—Упраздненіе кагаловъ и возникновеніе божничныхъ дозоровъ.—Попытки культурной реформы.—Авраамъ Штернъ, Яковъ Тугендгольдъ и Антонъ Эйзенбаумъ.

Съ гибелью польскаго королевства, прекратившаго свое существованіе [1]) послѣ третьяго раздѣла (1795 г.), польскій народъ не пересталъ надѣяться на возрожденіе самостоятельной государственной жизни. Политическія обстоятельства позволяли полякамъ ожидать, что руку помощи имъ протянетъ Наполеонъ. Дѣйствительно, онъ осуществилъ ихъ мечтанія, хотя и далеко не въ полной мѣрѣ. Разгромивъ Пруссію, Наполеонъ образовалъ (1807 г.) подъ своимъ личнымъ протекторатомъ изъ земель, перешедшихъ отъ Польши къ Пруссіи по второму и третьему раздѣлу, Варшавское герцогство съ саксонскимъ королемъ Фридрихомъ-Августомъ во главѣ. А послѣ пораженія австрійцевъ (1809 г.) Наполеонъ расширилъ предѣлы Варшавскаго герцогства, оторвавъ для него область отъ Австріи [2]).

---

[1]) См. выше, стр. 184.

[2]) Территорія герцогства съ 1807 по 1809 г. охватывала: воеводства Познанское и Быдгощское (Бромбергское), съ г. Торномъ, и образованныя позже губерніи: Петроковскую, Калишскую, часть Варшавской, Плоцкую, Ломжинскую и Сувалкскую; а съ 1809 г., также губерніи: Радомскую, Кѣлецкую, Люблинскую и Холмскую.

Варшавское герцогство оказалось недолговѣчнымъ,—но оно на многiе годы наложило мрачную печать на жизнь мѣстныхъ евреевъ. За короткое время герцогское правительство ввело рядъ тягостныхъ и унизительныхъ правовыхъ стѣсненiй, которымъ суждено было дѣйствовать въ теченiе нѣсколькихъ десятилѣтiй послѣ паденiя герцогства. Законы временъ Варшавскаго герцогства создали вокругъ еврейскаго населенiя общественную атмосферу, которая благопрiятствовала расширенiю правовыхъ ограниченiй и въ тѣ годы, когда значительная часть герцогства уже отошла къ Россiи и на его развалинахъ выросло Царство Польское. Конституцiонная хартiя, дарованная Наполеономъ герцогству, провозгласила равенство всѣхъ подданныхъ передъ закономъ; гражданскiй кодексъ (Code Napoléon) также предоставилъ всѣмъ жителямъ одинаковыя права. Эти законодательные акты должны были опредѣлить, въ частности, и положенiе тѣхъ евреевъ, которые могли почитаться гражданами [1]). Но уже вскорѣ обнаружилось, что эти акты—мертвая буква для еврейскаго населенiя.

Въ первые дни существованiя герцогства евреи надѣялись, какъ видно, что ихъ ждетъ впереди обновленная жизнь. Когда Аронъ Шмуиловичъ изъ Варшавы, уполномоченный литовскихъ евреевъ Ломжинскаго департамента, обратился къ королю (въ концѣ 1807 г.) съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ стѣсненiй, испытываемыхъ вслѣдствiе различiя вѣроисповѣданiя, Арону была объявлена слѣдующая резолюцiя короля: законъ распространяетъ свою опеку на всѣхъ гражданъ безъ различiя вѣроисповѣданiя [2]). Этотъ принципъ былъ поддержанъ извѣстнымъ министромъ юстицiи Феликсомъ Лубеньскимъ, когда „старѣйшины варшавскихъ обывателей старозавѣтнаго исповѣданiя", Михель Исаакъ Равскiй, Моисей Фюрстенбергъ и другiе, подали ему петицiю, въ которой жаловались на тяжелое положенiе и ограниченiя въ правѣ проживанiя въ Варшавѣ. Въ письмѣ (19 февраля 1808 г.) къ министру внутреннихъ дѣлъ и культа по поводу этой петицiи Лубеньскiй, отмѣтивъ, что евреи обременены специальными налогами, заявилъ: „Конституцiя никого не лишаетъ гражданскихъ

---

[1]) Декретомъ 19 дек. 1807 г. было установлено, что къ числу гражданъ относятся всѣ, кто родился въ странѣ или владѣетъ недвижимымъ имуществомъ, кто прожилъ десять лѣтъ и усвоилъ польскiй языкъ и т. д.—Поповъ, Варшавское герцогство. Русскiй Вѣстникъ, 1866 г. кн. I и слѣд.

[2]) Архивъ Государственнаго совѣта. Статсъ-секретарiатъ Варшавскаго герцогства, 1808 г., дѣло № 84: „Объ устройствѣ евреевъ".

На основанiи матерiаловъ изъ дѣлъ статсъ-секретарiата Варшавскаго герцогства мною написанъ очеркъ „Въ эфемерномъ государствѣ. Евреи въ Варшавскомъ герцогствѣ" (Спб., 1910 г.; первоначально напечат. въ „Еврейской Старинѣ", 1910 г. кн. I), каковой здѣсь использованъ.

правъ. Кажется поэтому, что всякія стѣснительныя для евреевъ узаконенія, несправедливыя по существу, являются одновременно и нарушеніемъ основныхъ законовъ... Правительство не можетъ равнодушно относиться къ этому вопросу, особенно, если имѣть передъ глазами примѣръ этого народа и того великаго мужа, у котораго мы взяли наши законы“ [1]).

Однако, соображенія, высказанныя Лубеньскимъ, не раздѣлялись всѣми его товарищами по кабинету. Одинъ изъ министровъ указалъ, что евреи только тогда могутъ быть признаны гражданами, удовлетворяющими требованію конституціи, когда исчезнетъ все то, что отличаетъ и отдѣляетъ ихъ отъ прочаго населенія—кагалъ, особая форма присяги, традиціонное платье, браки между одними лишь единовѣрцами, религіозныя школы, и когда евреевъ привлекутъ къ отбыванію натуральной воинской повинности [2]).

Выступая въ защиту евреевъ, Лубеньскій, какъ видно, сообразовался съ дѣйствіями Наполеона. Созывъ въ Парижѣ синедріона естественно вызывалъ предположенія, что Наполеонъ относится къ евреямъ доброжелательно. Но едва, можно сказать, высохли чернила на перѣ Лубеньскаго, какъ политика Наполеона по еврейскому вопросу представилась въ иномъ свѣтѣ. Декретомъ 17 марта 1808 г. Наполеонъ ввелъ для эльзасскихъ евреевъ рядъ правовыхъ ограниченій, срокомъ на десять лѣтъ, „въ ожиданіи, что по прошествіи этого времени и при содѣйствіи различныхъ мѣръ не будетъ никакого различія между евреями и другими гражданами государства“.

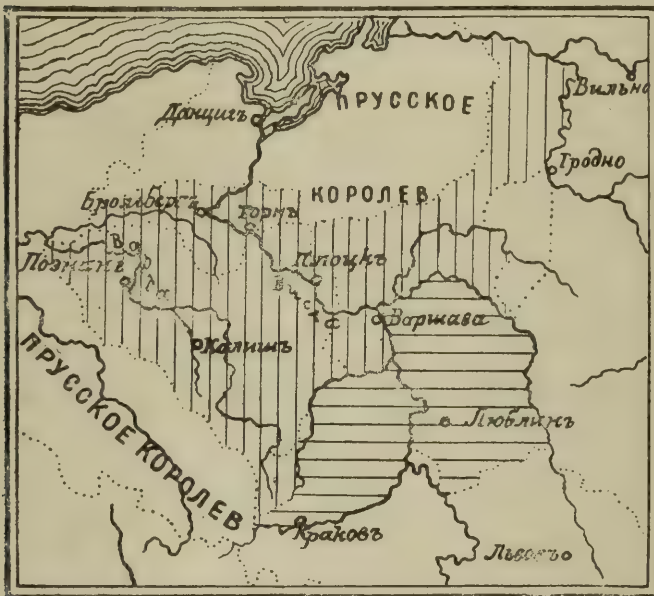
Этотъ декретъ оказался роковымъ для евреевъ герцогства. Совѣтъ управленія предложилъ королю примѣнить его къ евреямъ герцогства. Хотя постановленія Наполеона не являлись, по словамъ Совѣта управленія, закономъ для герцогства, „они все же служатъ намъ надежной точкой опоры, чтобы предпринять преобразованіе нашихъ евреевъ, это важное и необходимое дѣло“; герцогству Варшавскому грозила бы печальная будущность, если бы израильскій народъ сталъ сейчасъ же пользоваться правомъ гражданъ,— не только его одежда, внѣшній видъ и образъ жизни отдѣляютъ его отъ другихъ гражданъ, но и то, что онъ отказывается отъ

---

[1]) Szymon Askenasy, „Z dziejów Zydów polskich w dobie Ksiestwa Warszawskiego“. Kwartalnik Zydow w Polsce, кн. I. Этотъ документъ побуждаетъ меня изложить здѣсь исторію возникновенія ограничительнаго законодательства нѣсколько иначе, чѣмъ въ очеркѣ: „Въ эфемерномъ государствѣ“.

[2]) Письмо министра финансовъ, Тадеуша Дембовскаго, къ министру внутрен. дѣлъ отъ 4-го марта 1808 г. Опубликовано Шимономъ Аскенази въ указанной выше статьѣ.

личнаго служенія отечеству, „сохраняя національный духъ, внушая дѣтямъ правила, вредныя для страны, и въ особенности занимаясь ростовщичествомъ и часто контрабандой“; евреи становятся все больше въ тягость, отказываясь отъ земледѣлія; малое число евреевъ, занимающихся промышленностью, вредитъ съ одной стороны, коммерціи слишкомъ мелкой торговлей, или просто промыслами, съ другой же стороны, отдаваясь посредничеству, „они ведутъ праздную жизнь и вмѣсто того, чтобы увеличивать народныя богатства, скорѣе ихъ разрушаютъ, пользуясь плодами чужого труда“. Поэтому надо воздержаться отъ предоставленія евреямъ правъ гражданъ, но монархъ можетъ даровать таковыя права отдѣльнымъ евреямъ, которые заслужатъ эту милость [1]).



||| Первоначальная террриторія герцогства.
☰ Земли, присоединенныя къ герцогству въ 1809 г.

Нѣтъ сомнѣнія, что евреи были совершенно обособлены отъ окружающаго общества, что являлось наслѣдіемъ прошлаго въ Польшѣ, когда, пользуясь широкимъ внутреннимъ самоуправленіемъ, они были вмѣстѣ съ тѣмъ безправны въ гражданскомъ и политическомъ отношеніи; въ этихъ условіяхъ евреи, скованные національнымъ единствомъ, не могли въ массѣ проникнуться сознаніемъ гражданскаго долга, составить съ окружающимъ населеніемъ одно цѣлое. Когда въ послѣдніе годы политической самостоятельности Польши обнаружилось теченіе, направленное къ реформѣ быта евреевъ, съ цѣлью вовлечь ихъ въ обще-гражданскую жизнь [2]), и изъ среды польскаго общества раздались упреки по адресу польскаго народа за несправедливое отношеніе къ еврейскому населенію, то лишь въ немногихъ отдѣльныхъ евреяхъ пробудилось сознаніе своего гражданскаго достоинства,

---

[1]) Дѣло секретаріата Варшавскаго герцогства, 1808 г., № 84.

Лубеньскій, подъ вліяніемъ своихъ коллегъ и декрета Наполеона объ эльзасскихъ евреяхъ, отказался отъ прежняго взгляда. См. М. Вишницеръ, Проекты реформы еврейскаго быта въ Царствѣ Польскомъ и Варшавскомъ герцогствѣ, Сборн. Пережитое, т. I, стр. 166—167.

[2]) См. выше, стр. 182—184.

своего права на лучшее существованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сознаніе своихъ обязанностей по отношенію къ родинѣ. Что же касается обвиненій въ причиненіи экономическаго вреда странѣ, то они были издавна распространены въ Польшѣ. Упадокъ городовъ приписывался многочисленности еврейскаго населенія. Однако, это не вполнѣ совпадало съ дѣйствительностью; какъ указывалъ польскій писатель Суровецкій, „это только отчасти справедливо· тотъ, кто придерживается такого взгляда, забываетъ о томъ, что здѣсь слѣдствіе принимается за причину; и безъ евреевъ польскіе города не избѣжали бы этого жребія"; еврейское населеніе, — говорилъ Суровецкій, — отличается способностями, энергіей, бережливостью, и надо заботиться объ его сохраненіи въ Польшѣ, торговля и ремесла которой обязаны своимъ развитіемъ преимущественно евреямъ. Суровецкій не скрывалъ отъ себя отрицательныхъ сторонъ характера еврейскаго населенія, но онъ объяснялъ ихъ печальными историческими условіями, въ которыхъ жили евреи [1]).

Представленіе совѣта управленія о лишеніи евреевъ гражданскихъ правъ должно было произвести глубокое впечатлѣніе на короля. Могъ-ли Фридрихъ-Августъ, всѣмъ обязанный Наполеону, не считаться съ тѣмъ, какъ суверенъ относится къ евреямъ? И вотъ, Наполеону былъ посланъ законопроектъ [2]), гласившій, что „принимая за образецъ законодательство Наполеона", король лишаетъ евреевъ политическихъ правъ на десять лѣтъ. Наполеонъ одобрилъ эту мѣру. Но когда герцогское правительство выразило желаніе имѣть отъ него письменное согласіе, то въ этомъ было отказано,—надо удовольствоваться однимъ словеснымъ заявленіемъ. Вслѣдъ затѣмъ, 17 октября 1808 г., былъ изданъ слѣдующій королевскій декретъ:

„Жители нашего Варшавскаго герцогства, исповѣдующіе религію Моисея, лишаются политическихъ правъ, которыми они имѣли впредь пользоваться, на десять лѣтъ. Надѣемся, что въ теченіе этого времени они утратятъ тѣ качества, которыя столь отличаютъ ихъ отъ другихъ жителей.

„Вышеизложенный пунктъ не удерживаетъ насъ отъ дозволенія нѣкоторымъ отдѣльнымъ лицамъ, даже до истеченія десятилѣтняго срока, пользоваться правами, если они заслужатъ этой высокой нашей милости, удовлетворивъ всѣмъ условіямъ, которыя

---

[1]) К. Воблый, Очерки по исторіи польской фабричной промышленности, т. I (Кіевъ, 1909 г.), стр. 364.

[2]) Шимонъ Аскенази сообщаетъ, что это было сдѣлано послѣ многихъ колебаній, при чемъ сами евреи пытались повліять на рѣшеніе этого вопроса.

будутъ предписаны нами въ отдѣльномъ положеніи о лицахъ, исповѣдующихъ моисеево вѣроисповѣданіе“ [1]).

Условія для полученія политическихъ правъ не были, вопреки обѣщанію, выработаны,—какъ видно, для установленія ограничительныхъ законовъ требовалось меньше времени, чѣмъ для облегчительныхъ,— и ходатайства отдѣльныхъ лицъ, ссылавшихся на различныя свои достоинства—имущественное состояніе, образовательный цензъ, общеевропейскую одежду и т. д., не удовлетворялись. Когда въ 1809 году семнадцать евреевъ [2]), полагавшихъ, что сбросить традиціонную одежду и заговорить по польски достаточно, чтобы оказаться въ привилегированномъ положеніи, обратились съ соотвѣтствующей просьбой къ министру юстиціи Лубеньскому, королю было сдѣлано слѣдующее представленіе: „Безспорна истина, что предъ закономъ равны всѣ жители герцогства. Но уравненіе въ правахъ относительно частной собственности и имѣній не дѣлаетъ еще обывателями. Многіе изъ жителей (христіанъ) имѣютъ право быть обывателемъ и, по представленіи доказательствъ, будутъ впредь получать его,—но имѣть право не то же самое, что быть обывателемъ на самомъ дѣлѣ. Отечеству очень важно, чтобы честь быть обывателемъ принадлежала только тѣмъ, кто вѣренъ королю, и только этотъ край считаетъ своимъ отечествомъ. Могутъ ли исповѣдывающіе законы Моисея, согласно съ нами, почитать только этотъ край своимъ отечествомъ? Не желаютъ ли они возвратиться на родину своихъ предковъ? И не признаютъ ли евреи тотъ край, въ которомъ находятся, мѣстомъ изгнанія? Если бы имъ гдѣ-нибудь и была предоставлена честь быть гражданами, все же они считали бы это званіе чуждымъ, чувствуя себя отдѣльной націей. Заслуги передъ краемъ и явное оказаніе пользы могли бы, при сближеніи обычаевъ, удостоиться монаршей милости. Однако одна перемѣна одежды недостаточна. Монархъ прикажетъ принять въ число гражданъ тѣхъ, кто, всецѣло отдавшись этому краю, оказавъ ему значительную услугу, признаетъ Варшавское герцогство, какъ свое отечество, и пожелаетъ жить въ немъ постоянно...“

Декретъ 17 октября 1808 г., отложившія на десять лѣтъ признаніе евреевъ гражданами, говорилъ лишь о политическихъ правахъ, но правительство ограничило евреевъ и въ граждан-

---

[1]) Этотъ декретъ не внесенъ въ „Дневникъ законовъ“; онъ помѣщенъ среди актовъ, относящихся къ созыву сейма.

[2]) Давидъ Кенигсбергъ, Исаакъ Ландсгутеръ, Самуилъ Кронбергъ, Мозесъ Эвзенбергъ, Яковъ Эпштейнъ, Исаакъ Розенъ, Натанъ Глюксбергъ, Израиль Конъ, Исаакъ Равичъ и др. Архивъ ст.-секретаріата герцогства, 1808 г., дѣло № 84.

скихъ правахъ [1]). Видные варшавскіе евреи—Михель Равскій, Моисей Фюрстенбергъ, Іосифъ Ландсгутеръ, Носонъ Цедербаумъ и Борухъ Герцфельдъ—представили (30 ноября 1808 г.) королю прошеніе, въ которомъ указывали въ сильныхъ выраженіяхъ на то, что политическое возрожденіе страны не улучшило положенія еврейскаго населенія. Ходатаи просили не разсматривать евреевъ какъ чужестранцевъ внутри той націи, часть которой они составляютъ, и предоставить имъ права, данныя конституціонной хартіей всѣмъ жителямъ герцогства. Король, не рѣшавшійся идти противъ правительства, былъ вынужденъ дать уклончивый отвѣтъ. Тогда, въ виду созыва сейма, варшавскіе евреи обратились за содѣйствіемъ къ сенату, служившему верхней палатой, и представили (17 марта 1809 г.) ему записку полную упрековъ, сдержанныхъ благороднымъ негодованіемъ. „Тысячи людей польскаго народа, старозаконнаго исповѣданія, осѣвшихъ на этой землѣ съ давнихъ вѣковъ и имѣющихъ право считать ее своею родиною наравнѣ съ другими жителями,—читаемъ мы въ жалобѣ—до сихъ поръ, безъ всякой вины, съ явнымъ вредомъ для общества, обидою для всего человѣчества, неизвѣстно за что осуждены на униженіе и постоянныя притѣсненія... Всѣ несчастія, связанныя съ войнами и революціями, были пережиты какъ нашими предками, такъ и нами наравнѣ съ прочими, съ тою только разницею, что предразсудки соотечественниковъ и непріятелей поражали евреевъ особыми гоненіями, въ виду ихъ религіи, а потому не только ихъ имущество, но и они сами были подвержены постоянно насиліямъ..., а между тѣмъ старозаконные поляки не пользуются тѣмъ, что даетъ отечество своимъ сынамъ..., съ великой скорбью они должны предвидѣть, что ихъ дѣти и потомки не дождутся лучшей участи. Со всѣхъ сторонъ мы отягчены бóльшими притѣсненіями, чѣмъ прочіе граждане; куда ни обратимся—вездѣ встрѣчаемъ препятствія и обиды... Что же говорить тогда о тѣхъ счастливыхъ свободахъ, которыя цѣнятся гражданиномъ выше всего: о правѣ выбора своихъ должностныхъ лицъ изъ среды своихъ соплеменниковъ, дабы вообще не оставаться въ гражданскомъ обществѣ мертвымъ тѣломъ... Развѣ та земля, на которой родились отцы и предки наши и за это не разъ дорого платили, должна навсегда остаться намъ чужой? Говорятъ, что мы не подготовлены для этихъ благодѣяній. Если бы это такъ было—что невѣрно,—то вѣдь мертвое существо останется всегда мертвымъ, пока въ него

[1]) Изъ членовъ Совѣта управленія была организована комиссія для разработки законодательства о евреяхъ. Членъ комиссіи, Н. Войда изготовилъ соотвѣтствующій проектъ, но таковой не получилъ движенія. См. Вишницеръ, Проекты реформы еврейскаго быта (изложено содержаніе проекта Войды).

не проникнетъ животворящій духъ права. Вѣдь отягощенный человѣкъ не можетъ двигаться, когда его все болѣе обременяютъ, когда предусмотрительное правительство считаетъ его негоднымъ къ какому-либо движенію...".

Эта петиція [1]) обратила на себя вниманіе сената, выразившаго желаніе — какъ видно, искреннее — улучшить положеніе евреевъ; но все же она не привела ни къ какому результату, потому что правительство рѣшило не только сохранить въ силѣ старыя ограничительныя постановленія, но и ихъ усугубить.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что съ еврейскаго населенія по-прежнему взимался особый сборъ, такъ называемый „кошерный" (съ живности), въ пользу казны [2]). А иностранные евреи были обложены спеціальнымъ сборомъ подъ названіемъ „гелейтъ-цолль" [3]); отъ него были освобождены (съ 1810 г.) лишь купцы и ихъ приказчики, возившіе товары транзитомъ черезъ герцогство.

Крайне тягостнымъ стѣсненіямъ подвергались евреи въ Варшавѣ. Здѣсь могли проживать лишь тѣ евреи, которые уже водворились — вновь селиться было запрещено; разрѣшалось лишь кратковременное пребываніе, причемъ каждыя сутки приходилось при унизительной обстановкѣ уплачивать особый такъ называемый „билетный сборъ" (Tagzettel), поступавшій въ пользу города. Водворившіеся же евреи не должны были проживать на главныхъ улицахъ. Несмотря на то, что евреи „приняли значительное участіе въ кредитѣ гор. Варшавѣ", декретъ 1809 г. подтвердилъ старыя ограниченія. Лишь въ видѣ снисхожденія, дабы „еврейскій народъ понялъ, что правительство не стремится ис-

---

[1]) Петиція приведена полностью въ моемъ очеркѣ „Въ эфемерномъ государствѣ".

[2]) Ю. Гессенъ, Къ исторіи коробочнаго сбора въ Россіи (Спб. 1912 г.), стр. 60—62 (первоначально напечатано въ Еврейской Старинѣ, 1911 г.). См. мою замѣтку въ Еврейской Энциклопедіи т. IX, стр. 799—800. Помимо указанныхъ тамъ печатныхъ источниковъ (Дневникъ законовъ—24 и 25 марта 1809 г., 22 мая 1810 г.), см. дѣла статсъ-секретаріата Варшавскаго герцогства: 1809 г., № 90: „О кошерномъ сборѣ съ евреевъ"; 1808 г. № 84 „Объ устройствѣ евреевъ"; 1813 г., № 13: „Объ усиленіи наказанія за безпатентную продажу евреями кошернаго мяса".

Подъ названіемъ „кошернаго" существовалъ сборъ съ живности, принадлежавшій общинамъ; съ еврейскаго населенія взыскивался на общественныя нужды еще „божничій сборъ" съ предметовъ культа.

[3]) См мою замѣтку „Гелейтъ-цолль", Еврейская Старина, 1910 г., стр. 81. Въ 1811 г. была издана инструкція для таможенъ и въ ней были указаны условія, при которыхъ евреи допускались къ временному пребыванію въ краѣ, а также размѣръ сборовъ. Архивъ Госуд. совѣта, Собственная Е. И. Величества Канцелярія, 1826 г., дѣло № 119. О „гелейтъ-цолль" см. также ниже, стр. 459.

ключить его изъ среды другихъ жителей, въ случаѣ, если лица этого народа постараются быть достойными того", было сдѣлано изъятіе: на запретныхъ улицахъ могли проживать по два семейства, которыя удовлетворяли ряду условій: глава семейства долженъ обладать извѣстнымъ капиталомъ, знать грамоту польскую или французскую, въ крайнемъ случаѣ—нѣмецкую, посылать дѣтей въ общія школы, отказаться отъ традиціонной одежды [1]). Въ видѣ исключенія еще кое-кому было разрѣшено жить въ центрѣ города. Распоряженіе о выселеніи [2]) съ главныхъ улицъ вызвало междоусобія среди христіанскаго населенія, продолжавшіяся много лѣтъ. Герцогство успѣло погибнуть, а обыватели не прекращали ссориться изъ-за евреевъ: домохозяева съ запретныхъ улицъ просили объ отмѣнѣ декрета, чтобы не потерять жильцовъ, а домовладѣльцы съ прочихъ улицъ ходатайствовали объ осуществленіи декрета, такъ какъ евреи являлись для нихъ желанными гостями [3]).

Стѣсненія въ жительствѣ въ Варшавѣ послужили примѣромъ и для другихъ городовъ. Правительство охотно шло на встрѣчу подобнымъ домогательствамъ городскихъ обществъ: въ Плоцкѣ, по просьбѣ мѣстныхъ христіанъ, евреевъ обязали переселиться изъ центральныхъ улицъ на старыя мѣста, которыя были ими покинуты послѣ пожара. Съ своей стороны, министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ ввести въ большихъ городахъ правила, дѣйствовавшія въ Варшавѣ и Плоцкѣ, при чемъ предписалъ префектамъ доставить по этому поводу свои „проекты". Это привело

---

[1]) Тремъ лицамъ, въ видѣ изъятія, было разрѣшено проживать повсюду въ Варшавѣ, не отказываясь отъ традиціонной одежды и бороды. См. мой очеркъ „Въ эфемерномъ государствѣ", стр. 25—28 (Архивъ статсъ-секретаріата герцогства 1810 г. дѣло № 53: „По ходататайству нѣкоторыхъ евреевъ о предоставленіи имъ разныхъ льготъ").

Въ 1812 г. караимъ Гедалія возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи ему жить на запретныхъ улицахъ Варшавы. Принявъ во вниманіе, что караимовъ вообще въ герцогствѣ немного, что они внѣшне отличаются отъ евреевъ (различіе въ одеждѣ), занимаются земледѣліемъ и т. д., совѣтъ министровъ нашелъ, что запретъ, касающійся евреевъ, не относится къ караимамъ. Но король согласился лишь въ видѣ милости удовлетворить просьбу Гедаліи, не въ примѣръ другимъ. Архивъ Госуд. совѣта, статсъ-секретаріатъ Варшавскаго герцогства, 1812 г., дѣло № 26.

[2]) Когда въ 1809 г. австрійскія войска заняли Варшаву, декретъ о выселеніи евреевъ съ главныхъ улицъ утратилъ свою силу. Но уже вскорѣ побѣда Наполеона надъ австрійцами вернула полякамъ Варшаву и дала возможность продолжать войну съ еврейскимъ населеніемъ. Въ эти дни Берекъ Іоселовичъ (см. выше, стр. 184), находясь во главѣ двухъ эскадроновъ войска Понятовскаго, расчищавшаго главному корпусу дорогу къ австрійской арміи, палъ геройской смертью.

[3]) Любопытно отмѣтить, что угловые дома были, такъ сказать, раздѣлены на двѣ части: дозволенную и недозволенную для сдачи въ наймы евреямъ; въ отношеніи магазиновъ уголъ, выходившій на запретную и доступную улицы, почитался запретнымъ.

къ тому, что правительство стало получать отъ городовъ соотвѣтствующія ходатайства. Но въ это время фортуна измѣнила Наполеону; въ связи съ этимъ правитель герцогства, саксонскій король бѣжалъ изъ своей страны (1813 г.), и евреи были спасены отъ выселенія, правда, какъ они позже убѣдились въ этомъ —не надолго.

Согласно декрету 1808 г., къ военной службѣ призывались всѣ граждане въ возрастѣ 21—28 лѣтъ; исключеніе было сдѣлано для чиновниковъ, духовенства, учителей, а также для раввиновъ и пѣвшихъ въ синагогахъ [1]). Конечно, безправіе служило плохимъ поощреніемъ для военной службы; общественное униженіе не могло отразиться на положеніи евреевъ-солдатъ. Но совершенно независимо отъ этого ортодоксальные еврейскіе круги должны были противиться натуральной воинской повинности, въ виду вынужденнаго на службѣ нарушенія религіозныхъ предписаній. Замѣны натуральной повинности денежною добивались особливо цадики (Израиль Козеницеръ, Яковъ-Ицхокъ Люблинеръ и др.) и вліятельные хасиды [2]). Прогрессивная же часть общества ничего не могла противопоставить доводамъ ортодоксовъ, такъ какъ не было никакого основанія надѣяться, что исполненіе обязанностей приведетъ къ пользованію общими правами. По словамъ декрета 1812 г., замѣнившаго для евреевъ личную повинность денежнымъ сборомъ (ежегодно 700.000 злотыхъ), новый порядокъ послѣдовалъ по просьбамъ еврейскихъ делегатовъ отъ всѣхъ департаментовъ [3]). Но правительство, вводя указанный законъ, добивалось и собственныхъ цѣлей. Ходатаемъ за евреевъ въ данномъ дѣлѣ явился министръ финансовъ—освободить евреевъ отъ воинской повинности надо было для того, чтобы получить отъ нихъ деньги, столь необходимыя въ годину экономическаго бѣдствія. Однако, совершая эту сдѣлку, правительство постаралось объяснить, что замѣна натуральной повинности денежною вызвана непригодностью евреевъ къ военной службѣ.

Издавая ограничительные законы, правительство позорило евреевъ, чтобы этимъ оправдать свои дѣйствія. Оно поступило такимъ же образомъ и тогда, когда издало въ 1812 г. законъ [4]), запретившій евреямъ (съ 1 іюля 1814 г.) торговать водкой и находиться вообще въ шинкахъ. Однако, на этотъ разъ введеніе къ закону нарисовало еврейскій народъ въ столь мрачныхъ краскахъ, какъ виновника бѣдственнаго положенія крестьянъ, что король, обычно повиновавшійся правительству, потребовалъ, чтобы вве-

---

[1]) Поповъ, Варшавское герцогство. Русскій Вѣстникъ. 1866 г. кн. I, стр. 30.

[2]) С. Дубновъ, Новѣйшая исторія еврейскаго народа (Спб. 1914 г.), стр. 198.

[3]) Дневникъ законовъ, декретъ 29 января 1812 г.

[4]) Дневникъ законовъ, декретъ 30 октября 1812 г.

деніе было измѣнено „какъ явно подчеркивающее отрицательныя стороны еврейскаго народа“ [1]). Торопливость, съ которою проводились законы [2]) о евреяхъ, несмотря на то, что на очереди стояли многіе другіе вопросы государственной важности и что политическія событія держали страну въ напряженномъ состояніи, была бы непонятна, если бы мы не знали, какими тайными мечтами правительство вдохновлялось въ борьбѣ съ еврейскимъ населеніемъ. Когда министръ полиціи потребовалъ чтобы, не дожидаясь общей еврейской реформы, евреямъ были немедленно запрещены винные промыслы, онъ мотивировалъ это тѣмъ, что „вскорѣ ожидаются многія перемѣны и на очереди тогда окажется много спѣшныхъ дѣлъ и вопросовъ; теперь удобно воспользоваться свободнымъ временемъ, которое намъ еще остается, для введенія такихъ установленій, провести которыя можетъ впослѣдствіи явиться затруднительнымъ, тѣмъ болѣе, что нашъ край будетъ увеличенъ именно той областью, гдѣ находится наизначительнѣйшее число евреевъ, содержащихъ кабаки... Самымъ дѣйствительнымъ противъ нихъ средствомъ будетъ уже выработанное, вошедшее въ дѣйствіе постановленіе...“ [3]).

Но Варшавскому герцогству была пріуготовлена иная доля— послѣ неудачи, постигшей Наполеона въ Россіи, оно перестало существовать. Въ 1813 г. Александръ I, овладѣвъ почти всѣмъ герцогствомъ, учредилъ новое временное правительство съ резиденціей въ Калишѣ [4]). А въ 1815 г. территорія герцогства была расчленена: часть отошла къ Пруссіи. Краковъ съ округомъ былъ объявленъ самостоятельной республикой подъ покровительствомъ Россіи, Австріи и Пруссіи. Изъ остальной территоріи, присоединенной къ Россіи, было образовано Царство Польское, со столицей Варшавой [5]).

Во главѣ временнаго правительства Царства Польскаго сталъ фактически Адамъ Чарторыжскій. Членомъ варшавскаго правительства былъ назначенъ русскій государственный дѣятель Новосильцевъ. Связующимъ же звеномъ между Царствомъ Польскимъ и

---

[1]) Статсъ-секретаріатъ Варшавскаго герцогства, 1812 г., дѣло № 27: „О воспрещеніи евреямъ выдѣлки и продажи крѣпкихъ напитковъ“.

[2]) Декретомъ 30 октября 1812 г. было ограничено право пріѣзда иностранныхъ евреевъ. Ст.-секретаріатъ Варшавскаго герцогства, 1812 г., дѣло № 25: „Объ условіи допущенія иностранныхъ евреевъ въ предѣлы государства“.

[3]) Статсъ-секретаріатъ Варшавскаго герцогства, 1812 г., дѣло № 27.

[4]) Имѣется извѣстіе, что въ Калишѣ Александръ I принялъ еврейскую депутацію. Голицынъ, Исторія русск. законодательства о евреяхъ, стр. 588, 981—982.

[5]) См. карту на стр. 411.

Имперіей являлся государь,—въ ту пору русское правительство не имѣло касательства къ дѣламъ Царства Польскаго.

Сколь ни тревожилось еврейское населеніе, не зная, какая судьба ждетъ его при новыхъ политическихъ условіяхъ, была одна опасность, которую нужно было немедленно устранить, не дожидаясь того, что скажетъ грядущее,—а именно, запрещеніе заниматься винными промыслами, угрожавшее полнымъ обнищаніемъ и безъ того бѣдствовавшей еврейской массы. Уже въ 1813 г. евреи стали хлопотать предъ новымъ правительствомъ объ отмѣнѣ указаннаго распоряженія; въ слѣдующемъ году они возобновили [1]) эту просьбу, и тогда осуществленіе постановленія было отложено на одинъ годъ (до іюля 1815 г.).

Устранивъ ближайшую опасность, еврейскіе представители начали хлопотать и объ общемъ облегченіи положенія еврейскаго населенія. Они нашли поддержку въ Новосильцевѣ [2]). Онъ побудилъ ихъ послать депутацію въ Петербургъ, и тогда старшины варшавскаго кагала Михель Эттингеръ, Вольфъ Конъ и Шахна Нейдингъ, прибывъ въ Петербургъ, представили (28 іюня 1814 г.) всеподданнѣйшую петицію [3]), въ которой просили объ облегченіи податного бремени, о предоставленіи права строить синагоги, и о свободномъ проживаніи въ Варшавѣ; они ходатайствовали также о полной отмѣнѣ запрещенія заниматься винными промыслами; нарисовавъ картину бѣдствія, ожидавшаго тысячи евреевъ, которые, унаслѣдовавъ отъ предковъ это занятіе, не знали ремеслъ и вообще не были приспособлены къ труду, ходатаи жаловались, что, отсрочивъ запретъ, правительство установило вмѣстѣ съ тѣмъ для евреевъ новый налогъ. Эта петиція не привела къ цѣли. Положеніе евреевъ оставалось безотраднымъ, запрещеніе заниматься винными промыслами было вновь отложено лишь на одинъ годъ [4]), и старѣйшины варшавскаго кагала продолжали съ неустанной энергіей добиваться отмѣны ограничительныхъ законовъ.

---

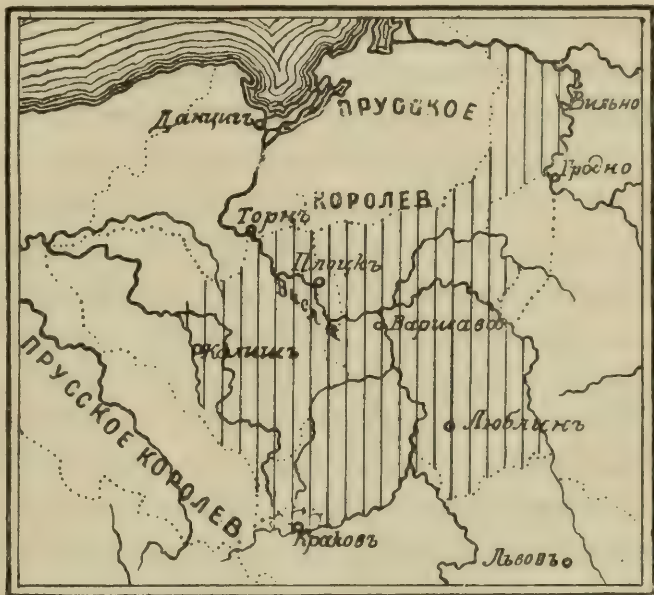
[1]) М. Вишницеръ, Проекты реформы еврейскаго быта. Сборникъ „Пережитое", т. I, стр. 172.—Szymon Askenazy, Ze spraw zydowskich w dobie Kongresowej. Kwartalnik, кн. III.

[2]) Новосильцевъ оставилъ по себѣ печальную память въ польской исторіи. Шимонъ Аскенази объясняетъ расположеніе Новосильцева къ евреямъ съ одной стороны корыстными побужденіями Новосильцева, а съ съ другой стороны—его враждою къ полякамъ, упорнымъ стремленіемъ идти наперекорь желаніямъ польскаго общества.

[3]) Szymon Askenazy, Ze spraw zydowskich w dobie kongresowej.

[4]) 24 апрѣля 1815 г.—Когда Александръ I посѣтилъ въ 1814 г. семью Чарторыжскихъ въ Пулавѣ, мѣстные евреи обратились къ государю съ прошеніемъ объ облегченіи ихъ участи. См. Askenazy, цититир. статья.

Между тѣмъ 25 мая 1815 г. государь подписалъ составленныя подъ редакціей Чарторыжскаго основныя положенія будущей конституціи, среди коихъ 36-й параграфъ былъ посвященъ евреямъ. Онъ гласилъ: „Еврейскій народъ сохранитъ за собою гражданскія права, которыми онъ донынѣ пользуется по существующимъ законамъ и правиламъ. Особое распоряженіе опредѣлитъ тѣ условія, при которыхъ евреи сумѣютъ болѣе широко пользоваться благами общественной жизни“. Эти обнадеживающія слова придали бодрости старшинамъ варшавскаго кагала. Въ 1815 г. они представились государю въ Парижѣ и подали петицію, въ которой ссылались на § 36 основъ конституціи, но отвѣта не послѣдовало. Тогда они обратились къ цесаревичу Константину, исхлопотавшему имъ аудіенцію, и онъ, вѣроятно съ вѣдома государя, вручилъ имъ письмо на имя Новосильцева, которое давало имъ возможность возобновить свои хлопоты въ Берлинѣ, гдѣ государь намѣренъ былъ остановиться по пути изъ Парижа въ Варшаву. 24 октября 1815 г. Александръ I прибылъ въ Берлинъ. Главари варшавскаго кагала передали Новосильцеву копію ходатайства, представленнаго государю въ Парижѣ, при чемъ въ запискѣ на имя Новосильцева (25 октября) вновь повторили свои просьбы. Они обратились съ запиской также къ цесаревичу [1]). Но несмотря на всѣ эти старанья, будущее оставалось окутаннымъ туманомъ—ничего опредѣленнаго не было обѣщано. 1 декабря 1815 г. былъ опубликованъ конституціонный уставъ, долженствовавшій разсѣять надежды евреевъ на указанный выше § 36 основныхъ положеній, подписанныхъ государемъ 25 мая 1815 г.,—конституціонный уставъ умолчалъ о евреяхъ, и этимъ былъ лишенъ всякаго значенія параграфъ основъ конституціи, казавшійся евреямъ столь многообѣщающимъ. Однако, съ другой стороны, государь поручилъ Новосильцеву собрать матеріалы по вопросу о нуждахъ евреевъ, „выборъ же средствъ, дабы



Царство Польское.

[1]) Подробности—Askenazy, цитир. статья.

на будущее время не только обезпечить и улучшить жребій этого племени, но и сдѣлать его для края болѣе полезнымъ, нежели доселѣ было, Государь Императоръ и Король себѣ непосредственно предоставить изволилъ“ [1]).

Нѣкоторые евреи, не дожидаясь облегченія общей участи, пытались улучшить свое собственное положеніе. Натанъ Глюксбергъ и Гетцъ Леве обратились (21 ноября 1815 г.) къ кн. Чарторыжскому съ просьбой оказать вниманіе тѣмъ евреямъ, которые эмансипировались отъ предразсудковъ и усваиваютъ общее образованіе. Подобное же ходатайство было представлено Новосильцеву съ перечисленіемъ 26 варшавскихъ семействъ [2]), достойныхъ получить обывательскія права. Наконецъ, докторъ Іозефъ Вольфъ и Натанъ Глюксбергъ составили (1 декабря 1815 г.) петицію на имя государя, въ которой заявили, что еврейское населеніе дѣлится на двѣ группы: одна состоитъ изъ людей, сохранившихъ старые обычаи и занимающихся торговлей и ремеслами; другая—изъ интеллигентныхъ лицъ, которыя, не отказываясь отъ своей религіи, усвоили европейскіе обычаи, носятъ европейское платье, занимаются науками и искусствами; такихъ семействъ въ Варшавѣ около сорока; они имѣются и въ другихъ мѣстностяхъ; чтобы не задѣть предразсудковъ христіанскаго населенія, особливо дворянства, надо предоставить первой группѣ только гражданскія права, но второй—слѣдуетъ даровать также и политическія права.

Между тѣмъ, независимо отъ всѣхъ этихъ ходатайствъ, вопросъ о евреяхъ былъ поставленъ на очередь—имъ занялась образованная въ іюлѣ 1815 г. комиссія, которая должна была разсмотрѣть и вопросъ о крестьянахъ, такъ какъ бѣдственное положеніе крестьянъ ставилось въ связь съ дѣятельностью евреевъ по деревнямъ. Предсѣдателемъ комиссіи былъ назначенъ кн. Чарторыжскій, а членами его люди, близкіе Чарторыжскому. Вопросъ о евреяхъ былъ поднятъ и временнымъ правительствомъ, главою котораго фактически былъ Чарторыжскій. И вотъ, когда работа временнаго правительства подошла къ концу, Чарторыжскій отъ имени комиссіи, разсматривавшей вопросъ объ устройствѣ городовъ, переслалъ въ комиссію по крестьянскому и еврейскому вопросамъ собственноручно написанный докладъ о еврейской реформѣ [3]).

---

[1]) Изъ письма (переводъ съ французскаго) Новосильцева отъ 25 января (6 февраля) 1816 г. на имя намѣстника Царства Польскаго (извлечено мною изъ небольшой коллекціи бумагъ, относящихся къ вопросу о евреяхъ въ Царствѣ Польскомъ).

[2]) Askenazy, цитированная статья.

[3]) 1 декабря 1815 г. Тамъ-же.

Между многими дѣйствіями новаго правительства, говорилъ кн. Чарторыжскій [1]), предпринимаемыми съ цѣлью поднять благосостояніе страны, забота объ улучшеніи положенія евреевъ должна занять одно изъ первыхъ мѣстъ. Гуманность, справедливость, слово и духъ конституціи, наконецъ общіе интересы требуютъ измѣненія униженнаго положенія многочисленнаго и способнаго народа, устраненія причины тѣхъ ненормальныхъ отношеній, которыя даютъ себя чувствовать повсюду съ обѣихъ сторонъ, и предоставленія евреямъ возможности, путемъ постепеннаго улучшенія ихъ образа жизни и благосостоянія, возбудить въ нихъ духъ гражданства и привязанность къ краю, который тогда станетъ ихъ отечествомъ. Евреи не являются прирожденными жителями страны, они—пришельцы. Привилегіи, которыя они получили въ разныя времена, давались имъ не за заслуги, а за деньги. Евреи поэтому не имѣютъ права на гражданство; предоставленіе имъ правъ и привилегій, которыя имѣютъ поляки, является милостью и актомъ милосердія. Случайныя привилегіи, которыми они злоупотребляли, не могутъ служить основаніемъ для ихъ претензій. Но притѣсняя, раздражая, унижая евреевъ, или портя ихъ слишкомъ ласковымъ отношеніемъ, мы только ухудшаемъ ихъ характеръ. Источникомъ правъ, которыя слѣдуетъ имъ дать, должны быть только справедливость, гуманность, духъ вѣка, и государственные интересы. Недостатки евреевъ не врожденные, это послѣдствіе притѣсненія и предразсудковъ тѣхъ, среди кого евреи жили. Что же касается обвиненій въ употребленіи христіанской крови, оскверненіи святынь и т. д., то въ настоящее время и опровергать ихъ не стоитъ—всѣ эти басни, изъ-за которыхъ пролито такъ много невинной крови, и которыя имѣли такое сильное вліяніе на судьбу и развитіе евреевъ, были вымышлены въ Италіи духовенствомъ, проникнутымъ ненавистью, предразсудками и завистью. Нелюбовь и неспособность евреевъ къ сельскому хозяйству, къ ремесламъ, къ труду, также не являются результатомъ врожденныхъ свойствъ. Многія изъ ихъ физическихъ и моральныхъ наклонностей показываютъ, что въ способностяхъ своихъ, если бы таковыя развивались вполнѣ, евреи не уступали бы другому народу. Нѣтъ среди евреевъ и теперь недостатка въ трудящихся людяхъ. Что же касается умственныхъ качествъ, особенно сообразительности, то они, повидимому, присущи евреямъ въ высокой степени. Обычно бросаемый упрекъ въ неопрятности кажется тоже неосновательнымъ, въ домахъ англійскихъ и гол-

---

[1]) Войда (см. выше, стр. 433, подстрочное примѣчаніе) прислалъ въ сентябрѣ 1815 г. свой старый проектъ Чарторыжскому. Вишницеръ, Проекты реформы еврейскаго быта. Сборникъ „Пережитое", т. I, стр. 177.

ландскихъ евреевъ господствуетъ чистота, въ то время, какъ въ польскихъ деревняхъ и городахъ есть много нееврейскихъ домовъ, гдѣ сильно грѣшатъ противъ опрятности. Нѣтъ и въ еврейской религіи никакихъ препятствій къ тому, чтобы они были вѣрными гражданами, какъ показываетъ примѣръ англійскихъ, гамбургскихъ и другихъ евреевъ. Выводы кн. Чарторыжскаго таковы: евреи могутъ и должны получить права гражданства, лишь только они будутъ въ состояніи исполнять гражданскія обязанности. Цѣлью правительства должно быть: устранить все то, что раздражаетъ и унижаетъ еврейское населеніе, что отдаляетъ его отъ прочихъ жителей, и, наоборотъ, предоставить евреямъ все то, что можетъ приблизить, связать и объединить ихъ съ христіанскимъ населеніемъ, дабы между гражданами не было никакого различія, исключая только взгляда на Высшее Существо; различіе въ одеждѣ, рѣчи, занятіяхъ, уплатѣ налоговъ и др., должно исчезнуть, если только евреи намѣрены приготовиться къ принятію общихъ правъ и общихъ обязанностей.

Эти разсужденія кн. Чарторыжскаго были усвоены комиссіей по крестьянскому и еврейскому вопросамъ [1]). Пока о еврейской реформѣ говорилось съ теоретической точки зрѣнія, комиссія, внимая кн. Чарторыжскому, высказывала прекрасныя мысли — человѣколюбіе, справедливость, духъ конституціи и здравый смыслъ требуютъ, конечно, коренныхъ реформъ еврейской жизни; надо предоставить евреямъ политическія права, чтобы они любили свою родину; если нравственный уровень евреевъ не высокъ, то нельзя строго осуждать ихъ, потому что это можно объяснить ихъ неблагопріятнымъ внѣшнимъ положеніемъ. Но какъ только пришлось перейти къ практическимъ мѣропріятіямъ, настроеніе комиссіи тотчасъ измѣнилось. Тѣ недостатки въ нравственномъ обликѣ еврея, которые сама комиссія готова была приписать вліянію внѣшнихъ условій его жизни, были превращены въ препятствіе для дарованія еврейскому населенію гражданскихъ свободъ; надо категорически заявить, что евреи въ концѣ концовъ получатъ равноправіе, но для этого необходимо, чтобы они подчинились мѣропріятіямъ правительства, которыя должны быть направлены къ тому, чтобы евреи отказались отъ

---

[1]) Комиссія не выработала законопроекта, а ограничилась составленіемъ лишь записки, такъ какъ — по объясненію предсѣдателя комиссіи, кн. Чарторыжскаго — комиссія предварительно хотѣла узнать мнѣніе государя относительно нѣкоторыхъ принциповъ еврейской реформы. См. Архивъ госуд. совѣта, статсъ-секретаріатъ Царства Польскаго, 1817 г., дѣло № 55, въ которомъ имѣется записка кн. Чарторыжскаго о проектѣ Новосильцева; въ запискѣ сказано, что комиссія по крестьянскому вопросу закончила работу въ апрѣлѣ 1816 г.

винныхъ промысловъ и обратились къ земледѣлію, чтобы они просвѣтились, вышли изъ своей замкнутости и т. д. [1]).

Какъ ни скромна была предложенная реформа, она должна была, по своимъ практическимъ мѣрамъ, показаться слишкомъ либеральной польскому обществу; даже просвѣщеннѣйшіе люди, раздѣляя ходячіе предразсудки, относились къ евреямъ съ нескрываемой нетерпимостью. Въ теченіе 1815—1816 г. г. появилось много брошюръ и статей по еврейскому вопросу, изъ коихъ нѣкоторыя принадлежали виднымъ дѣятелямъ и писателямъ. Извѣстный публицистъ, горячій патріотъ и государственный дѣятель Станиславъ Сташицъ, ярый врагъ евреевъ, произвелъ большое впечатлѣніе и на общество, и на правительство своимъ выступленіемъ въ печати противъ евреевъ,—голоса болѣе умѣренныхъ публицистовъ были заглушены его авторитетнымъ словомъ. Въ общемъ публицисты были согласны въ томъ, что евреи не доросли до полнаго гражданскаго и политическаго равенства, для котораго необходимо коренное измѣненіе внутренняго строя ихъ религіозно-національной жизни. Впрочемъ, иные и при условіи преобразованія быта не желали видѣть евреевъ равноправными гражданами [2]).

Между тѣмъ варшавское правительство, состоявшее изъ поляковъ, во главѣ съ генераломъ Заіончекомъ [3]), который въ концѣ 1815 г. былъ назначенъ намѣстникомъ Царства Польскаго, занялось разработкой законодательныхъ постановленій о евреяхъ. Заіончекъ былъ врагомъ евреевъ; окружавшіе его администраторы также не отличались расположеніемъ къ нимъ.

5 февраля (24 января) 1816 г. [4]) Государственный совѣтъ Царства Польскаго постановилъ начать съ 1 іюля 1816 г. выселеніе евреевъ изъ деревень [5]); разрѣшалось остаться въ деревняхъ лишь для личнаго земледѣльческаго труда, безъ помощи христіанъ; помѣщики могли въ теченіе еще шести лѣтъ пользоваться услугами евреевъ-винокуровъ; въ городахъ и мѣстечкахъ право заниматься винными промыслами было продлено на два года. Старшины варшавскаго кагала узнали тотчасъ объ этомъ и поспѣшили обратиться за помощью къ Новосильцеву, и уже на другой день, сославшись на полученное имъ Высочайшее повелѣніе собрать матеріалы по еврейскому вопросу, Новосильцевъ потребовалъ,

---

[1]) Подробное содержаніе записки—см. М. Вишницеръ, Проекты реформы еврейскаго быта. Сборникъ „Пережитое", т. I, стр. 172—179.

[2]) М. Вишницеръ, Проекты реформы еврейскаго быта, стр. 179—188.

[3]) Съ которымъ Берекъ Іоселовичъ нѣкогда бѣжалъ съ родины.

[4]) На документахъ Царства Польскаго указывалось число по новому и по старому стилю.

[5]) Этотъ законопроектъ имѣется въ упомянутой выше коллекціи рукописей.

чтобы намѣстникъ присылалъ ему всѣ законопроекты и новыя постановленія о евреяхъ, причемъ указалъ, что правительству надлежитъ не только пріостановить предположенныя мѣропріятія касательно евреевъ, но и ничего не предпринимать безъ Высочайшей санкціи, оставивъ „все дѣло такъ, какъ оно теперь есть“ [1]).

Поляки питали глубокую ненависть къ Новосильцеву, въ которомъ видѣли злѣйшаго врага Польши, посягавшаго на либеральныя основы польской конституціи, и его вмѣшательство въ польско-еврейскія отношенія, должно было вызвать возмущеніе въ правительственныхъ кругахъ. Правительство ожидало выступленія кого-либо въ защиту еврейскаго населенія, и оно поэтому торопилось провести законъ объ изгнаніи изъ деревень. Принятый Государственнымъ совѣтомъ 5 февраля, законопроектъ уже 6 февраля былъ внесенъ въ административный совѣтъ для приведенія его въ дѣйствіе. Но именно въ этотъ день Новосильцевъ написалъ и доставилъ свое письмо намѣстнику, который и былъ вынужденъ немедленно переслать письмо въ административный совѣтъ. Протоколъ засѣданія административнаго совѣта свидѣтельствуетъ, съ какимъ негодованіемъ было встрѣчено письмо Новосильцева. Указавъ, что законопроектъ, предложенный комиссіей по крестьянскому вопросу, принятъ, въ переработанномъ видѣ, Государственнымъ совѣтомъ, административный совѣтъ заявилъ, что законопроектъ долженъ быть проведенъ со всей поспѣшностью, дабы заблаговременно (всего то за пять мѣсяцевъ!) оповѣстить заинтересованныхъ лицъ объ ожидающихъ ихъ перемѣнахъ; между тѣмъ письмо Новосильцева влечетъ за собою задержку, которая можетъ свести на нѣтъ новый законъ; поэтому, чтобы избѣгнуть затрудненій, надо представить всѣ обстоятельства этого дѣла государю и испросить Высочайшаго разрѣшенія на осуществленіе закона, отъ котораго ожидаются благіе результаты для страны. Вслѣдствіе этого намѣстникъ представилъ 13 февраля (1 февраля) государю докладъ, въ которомъ доказывалъ, что новый законъ является смягченіемъ тѣхъ мѣръ, которыя были установлены декретомъ 1812 г. о полномъ удаленіи евреевъ изъ деревень и о совершенномъ запрещеніи заниматься винными промыслами; къ тому же, помимо земледѣльческаго труда, евреи могутъ остаться въ деревняхъ и для другихъ занятій,—только не для винныхъ промысловъ [2]). Но докладъ Заион-

[1]) Письмо отъ 25 января (6 февраля) 1816 г. (изъ коллекціи рукописей).

[2]) Архивъ Госуд. совѣта, статсъ-секретаріатъ Царства Польскаго, 1816 г., дѣло № 75 „О воспрещеніи евреямъ содержать питейные дома“.—Часть всеподданнѣйшаго представленія намѣстника напечатана въ „Справкѣ къ докладу по еврейскому вопросу“, составленному Канцеляріей Совѣта объединеннаго дворянства, вып. I, стр. 43, причемъ дата ошибочно указана—8 марта, вмѣсто 13 февраля.

чека запоздалъ. Новосильцевъ успѣлъ (31 января) представить государю свои объясненія по поводу новаго закона [1]) и въ концѣ концовъ постановленіемъ 28 мая 1816 г. евреямъ было запрещено [2]) лишь одно—продавать водку крестьянамъ въ кредитъ.

Еще не успѣло выясниться, на чью сторону склоняется побѣда въ борьбѣ варшавскаго правительства съ Новосильцевымъ изъ-за винныхъ промысловъ, какъ Новосильцеву пришлось вновь заступиться за евреевъ и обратиться за поддержкой къ государю. 14 февраля 1816 г. полиція предписала евреямъ, водворившимся въ Варшавѣ въ запретныхъ улицахъ, выселиться оттуда въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Евреи поспѣшили къ Новосильцеву съ просьбой, чтобы мѣра эта не приводилась въ исполненіе, пока не будетъ установлено новое законодательство; Новосильцевъ поддержалъ предъ государемъ ходатайство евреевъ, указывая, что декретъ 1809 г. о запретныхъ улицахъ никогда, вообще, не былъ полностью осуществленъ, а при временномъ правительствѣ, не находившемъ никакой пользы въ строгомъ исполненіи декрета, на запретныхъ улицахъ поселились многія еврейскія семьи [3]). И государь, какъ видно, сталъ на сторону Новосильцева,—по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣсколькихъ ближайшихъ лѣтъ нѣтъ извѣстій о томъ, чтобы варшавскихъ евреевъ тревожили.

Эти столкновенія между Новосильцевымъ и варшавскимъ правительствомъ были лишь предвѣстниками болѣе значительной борьбы. Вмѣшательство русской власти въ дѣйствія варшавскаго правительства вызывало вообще тревогу и возмущеніе въ польскомъ населеніи. Тѣмъ большую оппозицію со стороны поляковъ должно было вызвать выступленіе Новосильцева въ защиту евреевъ, разъ отношеніе къ евреямъ въ описываемую пору (1816—1817 гг.) въ Петербургѣ и въ Варшавѣ было діаметрально противоположно. Смягченное воспоминаніями о недавнемъ прошломъ, когда въ годины тяжелыхъ неудачъ и конечнаго торжества евреи обнаружили преданность престолу, русское правительство именно въ этотъ недолгій періодъ, открыто признавъ заслугу евреевъ предъ родиной, готово было проявить по отношенію къ нему благорасположеніе и въ отдѣльныхъ случаяхъ пойти навстрѣчу его просьбамъ. Съ другой же стороны, поляки, не перестававшіе преслѣдовать евреевъ въ эпоху великихъ политическихъ потрясеній, отнюдь не хотѣли отказаться отъ вражды къ евреямъ и

---

[1]) Новосильцевъ упоминаетъ объ этомъ въ позднѣйшемъ письмѣ къ государю, отъ 23 февраля, имѣющемся въ упомянутой коллекціи рукописей.

[2]) Дневникъ законовъ, т. 7, стр. 401.

[3]) Письмо Новосильцева къ государю отъ 23 февраля 1816 г. (изъ упомянутой коллекціи рукописей).

тогда, когда возникло Царство Польское, въ которомъ польскій народъ видѣлъ крушеніе мечты о свободномъ политическомъ существованіи. Мысли о недавнемъ прошломъ, такъ жестоко разбившемъ трепетныя ожиданія поляковъ, что Наполеонъ возродитъ польское королевство, будили воспоминаніе о томъ, что евреи во время нашествія Наполеона на Россію, побѣда котораго надъ русскими обѣщала независимость польскому народу, остались вѣрны Александру I.

Мы видѣли, какъ сурово обходилось съ евреями правительство недолговѣчнаго Варшавскаго герцогства. Печальную память въ евреяхъ оставило [1]) по себѣ и „временное литовское правительство“, возникшее и погибнувшее въ 1812 году. Съ репрессій начало свою дѣятельность и правительство Царства Польскаго. Эти обстоятельства не позволяли евреямъ возлагать свои надежды па поляковъ. Между тѣмъ Новосильцевъ готовъ былъ помочь евреямъ, но не путемъ осторожнаго воздѣйствія на варшавское правительство, а помощью приказовъ, и потому онъ склонялъ евреевъ обращаться за помощью къ государю, именемъ котораго онъ велъ свою политику въ Варшавѣ. Евреямъ ничего иного не оставалось, какъ слѣдовать по пути, указанному Новосильцевымъ. И это могло казаться тѣмъ болѣе благоразумнымъ, что оказать имъ содѣйствіе въ Петербургѣ могли также депутаты еврейскаго народа [2]). Между варшавскими дѣятелями и депутатами установилась связь, зарожденію которой способствовало, повидимому, общее несчастье—кровавый навѣтъ. Мы знаемъ, что въ 1816 г. возникли дѣла по обвиненію евреевъ въ преступленіяхъ съ ритуальной цѣлью какъ въ Гроднѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Царства Польскаго. Вмѣшательство депутатовъ еврейскаго народа Зонненберга и Диллона привело къ тому, что по представленію кн. Голицына послѣдовалъ Высочайшій указъ отъ 6 марта 1817 года не привлекать евреевъ къ отвѣтственности по преступленіямъ, якобы совершеннымъ ими съ религіозной цѣлью [3]). Ходатайствуя о гродненскихъ единовѣрцахъ, депутаты одновременно жаловались кн. Голицыну на то, что и въ Царствѣ Польскомъ евреи подвергаются преслѣдованіямъ изъ-за обвиненія въ употребленіи крови христіанъ, и кн. Голицынъ по Высочайшему повелѣнію вступилъ объ этомъ въ переписку съ Новосильцевымъ. Между прочимъ, кн. Голицынъ высказалъ въ письмѣ къ Новосильцеву, что евреи, оказавшіе предан-

---

[1]) С. Гинзбургъ, Отечественная война 1812 г. и евреи, стр. 48 и слѣд.
[2]) См. главы четырнадцатую и пятнадцатую.
[3]) См. выше, стр. 372—373.

ность русскому правительству въ минувшую войну, пріобрѣли благоволеніе государя и имѣютъ право, наравнѣ съ прочимъ населеніемъ, на покровительство закона [1]). Новосильцевъ, вѣроятно, не скрылъ письма кн. Голицына отъ членовъ варшавскаго правительства, совмѣстно съ которыми долженъ былъ, по повелѣнію государя, оказать защиту евреямъ, заключеннымъ въ тюрьму по обвиненію въ ритуальныхъ преступленіихъ. Съ другой стороны, врядъ ли осталось для мѣстныхъ властей тайною, что депутаты еврейскаго народа дѣйствовали по полномочію варшавскаго кагала, и что они при этомъ не ограничились одними лишь дѣлами по ритуальнымъ преступленіямъ; депутаты жаловались кн. Голицыну также на то, что евреямъ въ Царствѣ Польскомъ запрещены винные промыслы, а до приведенія этого распоряженіе въ дѣйствіе они обложены чрезмѣрными налогами; что ихъ хотятъ привлечь къ отбыванію воинской повинности натурою [2]), и что вообще предполагается установить законы, чрезвычайно тягостные для евреевъ Царства Польскаго [3]). Всѣ эти обстоятельства должны были сгустить атмосферу недружелюбія вокругъ еврейскаго вопроса.

Въ 1816 г. Новосильцевъ выступилъ съ проектомъ еврейской реформы, въ основу которой былъ положенъ слѣдующій принципъ: признать недѣйствительными всѣ старыя привилегіи и льготы, предоставленныя нѣкогда евреямъ, а съ другой стороны—отмѣнить всѣ стѣсненія и ограниченія въ правахъ, если евреи выполнятъ требованія, сводившіяся къ слѣдующему: въ общинахъ устраиваются еврейскія общеобразовательныя школы (преподается еврейскій и польскій языкъ); свидѣтельство объ окончаніи школы явится впредь необходимымъ и для вступленія въ бракъ, и для занятія ремесломъ и проч.; по возможности слѣдуетъ обратиться къ земледѣльческому труду; внутреннее самоуправленіе должно быть поколеблено; евреи несутъ личную воинскую повинность, ставя рекрутскій контингентъ въ зависимости отъ численности еврейскаго населенія въ данной мѣстности; тѣ, кто уже занятъ винными промыслами, можетъ продолжать ихъ, но вновь дозволеніе на эти промыслы не будетъ даваемо. Что касается гражданскихъ и политическихъ правъ, то тѣ евреи, которые подчинятся указаннымъ правиламъ, получатъ всѣ гражданскія права безъ исключенія. А тѣ, которые докажутъ,

---

[1]) См. выше, стр. 370.

[2]) Объ этомъ будетъ дальше сказано.

[3]) Подлинное письмо варшавскаго кагала, просившаго депутатовъ хлопотать въ Петербургѣ, кн. Голицынъ переслалъ Новосильцеву. См. Русскій Архивъ, 1908 г., кн. VIII. Документы изъ архива Новосильцева. Перепечатано также въ Еврейской Старинѣ, 1912 г., стр. 155—163.

въ порядкѣ, установленномъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, что они усовершенствовались въ наукахъ и искусствахъ, обладаютъ знаніями, необходимыми для свободныхъ профессій, и вообще отличаются нравственнымъ поведеніемъ, могутъ по представленію министра народнаго просвѣщенія получить также политическія права [1]).

Въ сущности, проектъ Новосильцева совпадалъ въ основѣ съ тѣмъ, что высказалъ кн. Чарторыжскій по вопросу объ еврейской реформѣ. Тѣмъ не менѣе, проектъ Новосильцева подвергся въ Государственномъ совѣтѣ [2]) суровой критикѣ не только со стороны Сташица, давняго противника евреевъ, состоявшаго членомъ совѣта, и поэта Козьмяна, статсъ-референдарія совѣта; проектъ Новосильцева не встрѣтилъ поддержки и въ кн. Чарторыжскомъ. Въ этомъ отношеніи сыграло роль не только то, что проектъ намѣтилъ болѣе или менѣе конкретно моментъ, когда евреи могутъ превратиться въ равноправныхъ гражданъ, но и то, что авторомъ проекта былъ Новосильцевъ [3]). Сташицъ, сходившійся во взглядахъ съ Козьмяномъ, говорилъ, что блага, дарованныя государемъ польскому народу, не приведутъ къ цѣли, пока не будутъ устранены препятствія, которыя ставятъ евреи развитію торгово-промышленной дѣятельности и поднятію благосостоянія крестьянъ; благодаря проекту Новосильцева евреи окажутся въ привилегированномъ положеніи въ сравненіи съ остальнымъ населеніемъ; проектъ создаетъ внутреннюю организованность евреевъ, приводящую къ утвержденію „государства въ государствѣ“; проектъ оказываетъ такое покровительство еврейской религіи, которымъ не пользуются остальныя. Льстя государю, Сташицъ подчеркивалъ, что проектъ находится въ противорѣчіи съ мудрыми основами конституціи; между прочимъ, конституція, заявилъ Сташицъ, имѣетъ въ виду лишь христіанъ [4]). Противъ этого заключенія выступилъ даже Козьмянъ, говоря: хотя конституція предоставляетъ права однимъ христіанамъ, но съ другой стороны нельзя совершенно устранить евреевъ отъ пользованія правами, иначе они окажутся какъ бы стоящими

---

[1]) Содержаніе проекта Новосильцева приведено довольно полно въ статьѣ М. Вишницера „Проекты реформы еврейскаго быта“.

[2]) Разсмотрѣнію проекта Новосильцева и составленію новаго проекта было посвящено нѣсколько засѣданій, въ январѣ—мартѣ 1817 г. См. Архивъ Гос. совѣта, статсъ-секретаріатъ Царства Польскаго, 1817 г., дѣло № 215 (журналы общаго собранія совѣта).

[3]) Кн. Чарторыжскій писалъ государю, что Новосильцеву слѣдовало бы покинуть Варшаву. См. Мемуары кн. Чарторыжскаго, т. II (Москва, 1913 г.).

[4]) Архивъ Государственнаго совѣта, статсъ-секретаріатъ Царства Польскаго, 1817 г., дѣло № 55: „По представленному намѣстникомъ Царства Польскаго проекту устройства евреевъ“.

внѣ защиты закона [1]). Кн. Чарторыжскій, критикуя проектъ Новосильцева, во многомъ сошелся со Сташицемъ; онъ выступаетъ противъ внутренняго самоуправленія, долженствующаго по необходимости держать евреевъ обособленными отъ прочаго населенія; не ставя такъ остро, какъ Сташицъ, вопросъ о дарованіи политическихъ правъ, кн. Чарторыжскій все же не обнаруживаетъ готовности реально признать евреевъ равноправными гражданами въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ; онъ соглашается даже оставить въ силѣ такія ограниченія, какъ запрещеніе жить на центральныхъ улицахъ столицы,—правда, исключеніе дѣлалось для тѣхъ, кто подчинится требованіямъ реформы [2]). Чарторыжскій говорилъ въ засѣданіи совѣта, что установленныя ограниченія въ дѣйствительности принесутъ пользу евреямъ, такъ какъ права, которыя были бы даны имъ слишкомъ рано, будутъ для нихъ гибельны, помѣшавъ имъ проникнуться чистой моралью и высшими принципами и соединиться съ остальнымъ населеніемъ узами братства,—словомъ отдалили бы ихъ отъ образа мыслей и чувствованій христіанъ, которыя составляютъ основу европейской цивилизаціи, долженствующей служить настоящей цѣлью реформы [3]).

Особенно близко сошлись Сташицъ и кн. Чарторыжскій въ вопросѣ о еврейскомъ вѣроученіи. Сташицъ указывалъ, что евреи далеко ушли отъ Моисеева ученія съ тѣхъ поръ, что создали Талмудъ; Моисей считалъ идолопоклонниками тѣхъ, кто обожествлялъ горы, деревья и проч., Талмудъ же признаетъ идолопоклонниками нынѣшнихъ христіанъ, причисляя ихъ къ тѣмъ народамъ, о коихъ въ Ветхомъ Завѣтѣ говорится какъ о нечестивыхъ. А князь Чарторыжскій указывалъ, что въ силу своей религіи, въ ея настоящемъ видѣ, евреи какъ по образу мыслей, такъ и по чувствамъ и дѣйствіямъ находятся въ несоотвѣтствіи съ христіанской цивилизаціей; ихъ религію нельзя назвать Моисеевымъ ученіемъ, потому что они совершенно уклонились отъ принциповъ и морали Ветхаго Завѣта. Необходимо поэтому, говорилъ Сташицъ, перевести Талмудъ на польскій языкъ; надо ознакомиться—такъ совѣтовалъ кн. Чарторыжскій—съ еврейской религіей и привести ее къ чистотѣ Ветхаго Завѣта. И только тогда можно будетъ оказать евреямъ надлежащую терпимость.

---

[1]) Журналъ засѣданія Госуд. совѣта 3 марта 1817 года.

[2]) Въ томъ же архивномъ дѣлѣ.—См. также статью М. Вишницера (проекты реформы еврейскаго быта), пользовавшагося матеріалами изъ другого источника.

Кн. Чарторыжскій предложилъ не приравнивать караимовъ къ евреямъ и предоставить караимамъ нѣкоторыя права, которыми евреи не пользуются.

[3]) Журналъ засѣданія совѣта 24 января 1817 г.

Вопросъ о религiи кн. Чарторыжскiй считалъ столь важнымъ, что посвятилъ ему особую записку [1]).

Высказанныя кн. Чарторыжскимъ соображенiя по поводу необходимости „очистить“ еврейское вѣроученiе отъ наростовъ и вредныхъ примѣсей не новы; они подсказывались въ извѣстной степени самими евреями. Между прочимъ, популярный берлинскiй дѣятель Давидъ Фридлендеръ, горячо ратовавшiй за измѣненiе религiозно-общественнаго быта евреевъ, прислалъ въ началѣ 1816 г. по просьбѣ куявскаго епископа Мальчевскаго, дѣйствовавшаго по порученiю правительства, записку [2]) о евреяхъ въ Царствѣ Польскомъ.

Интересно отмѣтить слѣдующее. Членъ Государственнаго совѣта Окотовъ заявилъ [3]), что извѣстные философы Мендельсонъ и Соломонъ Маймонъ признались ему въ частной бесѣдѣ, что iудаизмъ настолько противорѣчитъ современному строю цивилизованнаго общества, что многiе просвѣщенные евреи, считая невозможнымъ согласовать iудаизмъ съ нынѣшнимъ положенiемъ вещей или же сдѣлать измѣненiя въ еврейскомъ ученiи, крестились.

Въ связи съ высказанными взглядами на еврейское вѣроученiе, въ совѣтѣ возникъ даже споръ о томъ, какъ наименовать

---

[1]) Архивъ Гос. совѣта, статсъ-секретарiатъ Царства Польскаго, 1816 г., дѣло № 76: „Съ запискою кн. А. Чарторыжскаго“. Записка эта—отъ 6 мая 1816 г.— дефектна: недостаетъ, повидимому, четырехъ страницъ, а потому сдѣлать изъ нея выводъ затруднительно. Основная мысль, что Новый Завѣтъ можетъ служить лучшимъ средствомъ исправить пороки евреевъ.

Въ Царствѣ Польскомъ въ теченiи ряда лѣтъ подвизались эмисары Лондонскаго миссiонерскаго общества; большого успѣха они не имѣли и, какъ видно, и не добивались его, довольствуясь медленной пропагандой; власти ставили имъ препятстсвiя, желая, чтобы дѣло обращенiя евреевъ въ христiанство находилось въ рукахъ мѣстнаго духовенства; евреи-цензоры также, по мѣрѣ силъ, препятствовали развитiю ихъ дѣятельности. См. мою статью въ Еврейской Энциклопедiи (т. II, ст. 491—494), написанную на основанiи слѣдующихъ источниковъ: Архивъ Госуд. совѣта, дѣла Царства Польскаго—1822 г., № 121: „О прибывшихъ въ Царство Польское двухъ эмисарахъ англiйскаго общества“; тамъ же, 1829 г., № 298: „Объ англiйскихъ миссiонерахъ для обращенiя евреевъ“; особый архивъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданiй, № 3553. — Печатные матерiалы: Русскiй Архивъ, 1908 г., кн. 4 (Изъ архива Н. Новосильцева), Англiйскiе миссiонеры и евреи въ Царствѣ Польскомъ; De le Roi, Geschichte der evangel. Judenmission (1899, часть II).

[2]) Эту записку Фридлендеръ издалъ въ 1819 г. подъ названiемъ: „Ueber die Verbesserung der Israiliten im Königreich Pohlen. Ein von der Regierung daselbst im Jahr 1816 abgefordetes Gutachten“.

Вспомнимъ, что и при преобразованiи быта евреевъ въ Россiи врачъ Франкъ представилъ записку, въ которой говорилъ, что надо вернуть еврейскую религiю къ ея первоначальной чистотѣ. См. выше, стр. 290—291.

[3]) Журналъ засѣданiя Гос. совѣта 20 января 1817 г.

нынѣшнее вѣроученіе евреевъ, — моисеевымъ или же ученіемъ, основаннымъ на предписаніяхъ Талмуда. Министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ этотъ вопросъ не подлежащимъ обсужденію, ибо конституція не установила никакого различія по отношенію къ религіямъ. Однако, совѣтъ все же рѣшилъ называть еврейское вѣроученіе—„религіей, основанной на Ветхомъ Завѣтѣ"; такимъ образомъ, Талмудъ былъ какъ бы осужденъ правительствомъ [1]).

Для разсмотрѣнія проекта Новосильцева и высказанныхъ противъ него соображеній была составлена особая комиссія изъ лицъ, участвовавшихъ въ засѣданіяхъ совѣта; въ составъ комиссіи вошелъ Козьмянъ [2]), предсѣдателемъ ея былъ назначенъ извѣстный министръ народнаго просвѣщенія Станиславъ Потоцкій. Въ своемъ докладѣ [3]) комиссія заявила откровенно, что ея мнѣніе не заключаетъ въ себѣ никакой новизны, что это резюме того, что было сказано на основаніи многихъ наблюденій. Дѣйствительно, на докладѣ комиссіи въ сильнѣйшей степени отразились записки Сташица и кн. Чарторыжскаго и другихъ, которые, въ свою очередь, опирались на работы предшественниковъ. Такимъ образомъ, докладъ комитета какъ бы подводитъ въ сжатой формѣ итогъ тому многому, что было сказано по еврейскому вопросу различными лицами, расходившимися въ частностяхъ, но согласными въ главныхъ основахъ. И это придаетъ интересъ докладу.

Комиссія выставила слѣдующія два положенія: дабы евреи, вредные члены общества, превратились въ полезныхъ гражданъ, необходимо, какъ въ интересахъ самихъ евреевъ, такъ и страны, просвѣтить ихъ и цивилизовать; по духу своей религіи, по характеру установленій, а особливо по укоренившимся предразсудкамъ, въ силу привычки ставшимъ прирожденными, евреи не могутъ настолько слиться съ европейскими обществами, чтобы могли почитаться не подозрительными членами этихъ обществъ. Поэтому для успѣха реформы надо отдѣлить ихъ религіозные предразсудки отъ ихъ гражданскихъ отношеній, положить предѣлъ ихъ заблужденіямъ. Польскіе евреи отличаются отъ многихъ европейскихъ собратьевъ невѣжествомъ, суевѣріемъ и упорствомъ.

---

[1]) Журналъ засѣданія Гос. совѣта 3 марта 1817 г.

[2]) Журналъ засѣданія Гос. совѣта 20 января 1817 г.

[3]) Архивъ Государственнаго совѣта, статсъ-секретаріатъ Царства Польскаго, 1817 г., дѣло № 55—„Rapport de la deputation sur le projet d'Organisation de l'hierarchie israelite".—Этотъ документъ на польскомъ языкѣ имѣется въ рукописномъ собраніи, использованномъ М. Вишницеромъ (при составленіи своей статьи онъ пользовался также моими документами на французскомъ языкѣ). См. также журналы Госуд, совѣта.

Они составляютъ значительную часть польскаго населенія и превосходятъ группу тѣхъ поляковъ, которые по своимъ интеллектуальнымъ качествамъ могли бы бороться съ евреями. И если евреи въ нынѣшнемъ положеніи господствуютъ надъ крестьянами, благодаря виннымъ промысламъ, надъ городами—благодаря торговому навыку, а надъ каждымъ гражданиномъ въ отдѣльности—благодаря своимъ скромнымъ потребностямъ и бережливости, если они успѣли захватить источники богатствъ и удержать въ своихъ рукахъ пружины, которыми приводится въ движеніе общество, то чего только они не достигнутъ, если либеральныя идеи откроютъ предъ ними новый просторъ. И въ этомъ отношеніи проектъ Новосильцева не отвѣчаетъ обстоятельствамъ времени. Важнѣйшія возраженія противъ него слѣдующія: нельзя провести реформу усиліями самихъ евреевъ; вмѣсто того, чтобы подчинить евреевъ общимъ установленіямъ, проектъ создаетъ для евреевъ обособленное и привилегированное положеніе, утверждая за ними пагубную національную исключительность; эти принципы противорѣчатъ также параграфу конституціи, который обѣщаетъ покровительство всѣмъ культамъ, но не предразсудкамъ и гражданской обособленности, а вмѣстѣ съ тѣмъ, отказываетъ въ гражданскихъ и политическихъ правахъ послѣдователямъ нехристіанскихъ религій. Если дать евреямъ собственное управленіе, судъ, предоставить имъ самимъ просвѣщать себя, то страна перестанетъ быть польской; она будетъ принадлежать двумъ народамъ, изъ коихъ евреи окажутся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ поляки. Вмѣшиваться въ еврейскія дѣла полякамъ не предоставлено, а между тѣмъ евреи будутъ участвовать въ общегосударственныхъ дѣлахъ, если только проектъ Новосильцева осуществится. Религія нынѣшнихъ евреевъ не есть Моисеево ученіе, никто не знаетъ ея настоящихъ догматовъ; одно лишь извѣстно,—это смѣсь установленій религіозныхъ и политическихъ, несовмѣстимая съ нынѣшнимъ общественнымъ строемъ. Оказывая покровительство религіямъ, надо дѣлать различіе между тѣмъ, что относится къ иному бытію, и тѣмъ, что касается земной жизни. Именно отдѣленіе религіозныхъ моментовъ отъ гражданскихъ должно лечь въ основу еврейской реформы. Детализировать проектъ реформы комиссія опасалась, не имѣя возможности предвидѣть обстоятельствъ, которыя могутъ заставить измѣнить то или иное постановленіе; сказать же слишкомъ мало—значитъ дать возможность говорить слишкомъ много; поэтому надо избрать точку, откуда по обстоятельствамъ можно пойти впередъ или назадъ, не угрожая благосостоянію страны и не рискуя быть обвиненнымъ въ непостоянствѣ. Комиссія, сохраняя за

евреями свободное отправленіе вѣры, сочла нужнымъ установить надъ ними наблюденіе со стороны правительства, которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, должно заботиться объ институтѣ раввиновъ, объ образованіи подростающаго поколѣнія. Что касается внутренняго быта, то отмѣняется все то, чѣмъ создается обособленность еврейскаго населенія (кагалы, еврейскія власти), а при извѣстныхъ условіяхъ евреямъ будутъ даны гражданскія права, примѣнительно, однако, къ конституціи, имѣющей въ виду только христіанъ. Чтобы заставить евреевъ усвоить обычаи окружающаго населенія, былъ придуманъ слѣдующій способъ: евреи уплачиваютъ особый налогъ; тѣ, кто подчинится реформѣ, отъ него освобождаются; проистекающій же отъ этого недоборъ возлагается на остальныхъ евреевъ, которые не откажутся отъ старыхъ формъ жизни. Предоставляя правительству свободу дѣйствія въ отношеніи установленія правилъ о занятіяхъ евреевъ, комиссія считала, однако, необходимымъ положить нѣкоторый предѣлъ виннымъ промысламъ; пойдя въ этомъ отношеніи по пути компромисса, комиссія согласилась, чтобы евреи продолжали винные промыслы, но при соблюденіи нижеслѣдующихъ условій: совершенно не отличаться одеждой отъ остальнаго населенія; посылать своихъ дѣтей въ общія школы; обрабатывать лично извѣстный участокъ земли и др.; при неисполненіи же этихъ правилъ послѣдуетъ запрещеніе торговать водкой.

Что касается правъ обывателей и политическихъ правъ, то комиссія умолчала о нихъ, — „это было сдѣлано—объяснила комиссія—не для того, чтобы отстранить евреевъ отъ нихъ навсегда и безповоротно, но вслѣдствіе того, что еврейская раса въ настоящее время еще далеко не обладаетъ тѣми качествами, которыя позволили бы ей претендовать на всѣ блага конституціи; усилія евреевъ достигнуть этой цѣли еще такъ неопредѣленны по своимъ результатамъ; съ другой стороны, воображеніе христіанскаго населенія было бы столь непріятно поражено подобной мыслью, что все то, что можно было бы дать евреямъ въ этомъ отношеніи, хотя бы условно и безъ всякаго отношенія къ нынѣшнему дню, вызвало бы меньше воодушевленія среди евреевъ, чѣмъ произвело бы неблагопріятное впечатлѣніе на христіанъ. А разъ умы еще такъ мало подготовлены, комиссія признала болѣе удобнымъ избѣгнуть упоминанія объ этомъ, предоставивъ евреямъ заботу о томъ, чтобы изгладить въ умахъ христіанъ предубѣжденіе, къ тому же столь укоренившееся... Дать права—благое дѣло, отобрать ихъ—несправедливое дѣло. Слѣдовательно, нельзя расточать первыя, чтобы не быть вынужденнымъ сдѣлать второе.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ докладомъ Государственнымъ совѣтомъ [1]) былъ выработанъ проектъ декрета [2]). А такъ какъ всѣ акты, касавшіеся евреевъ, должны были быть утверждаемы государемъ, то Государственный совѣтъ вмѣстѣ съ тѣмъ счелъ нужнымъ представить Александру I и особый докладъ. Указывая, что евреи причиняютъ неисчислимый вредъ крестьянамъ и жителямъ маленькихъ городовъ, совѣтъ настаивалъ на ограниченіи права заниматься винными промыслами съ тѣмъ, чтобы въ близкомъ будущемъ таковые были совершенно запрещены; что касается гражданскихъ правъ, даруемыхъ еврейскому населенію проектомъ Новосильцева, то они могутъ быть предоставлены лишь тогда, когда крестьяне выйдутъ изъ-подъ власти евреевъ, просвѣтятся, почувствуютъ потребность въ лучшемъ существованіи и сумѣютъ конкурировать съ евреями, а сами евреи приблизятся по своимъ нравамъ къ христіанскому обществу и докажутъ своимъ поведеніемъ, что они могутъ амальгамироваться съ общественнымъ организмомъ. Только одинъ членъ совѣта, генералъ Гауке нашелъ, что картина вреда, наносимаго евреями, нарисована въ докладѣ слишкомъ густыми красками [3]). И съ этимъ согласился Заіончекъ. Вообще, намѣстнику была, какъ видно, непріятна критика, которой былъ подвергнутъ проектъ Новосильцева, ибо заискивая предъ цесаревичемъ, Заіончекъ нуждался въ расположеніи Новосильцева, и онъ сдѣлалъ къ докладу Государственнаго совѣта слѣдующую приписку: „я нахожу нѣкоторыя мѣста этого доклада преувеличенными (exagerées), но разъ большинство Государственнаго совѣта одобрило его, я подписываю“ [4]).

Проекты Новосильцева и варшавскаго правительства были въ основѣ слишкомъ противоположны, чтобы одинъ изъ нихъ

---

[1]) О нѣкоторыхъ подробностяхъ засѣданія—см. М. Вишницеръ, Проекты реформы еврейскаго быта. Сборн. „Пережитое“, стр. 198—200.

[2]) 31 марта 1817 г. Архивъ Гос. совѣта, статсъ-секретаріатъ Ц. Польскаго, 1817 г., дѣло № 55.—Первый параграфъ гласилъ, что еврейская религія, „основанная на догматахъ Ветхаго Завѣта“, терпима въ государствѣ. Право виннаго промысла было дано только тѣмъ лицамъ, которыя занимались промысломъ до изданія декрета. Въ 13 § указывалось, что въ гражданскомъ отношеніи евреи подлежатъ общимъ законамъ наравнѣ съ прочимъ населеніемъ, а потому упраздняются кагалы, публичныя бумаги должны бытъ писаны на польскомъ языкѣ и т. д., но общія права, конечно, не были даны евреямъ; между прочимъ, были установлены правила для проживанія въ городахъ I и II класса и проч.—Дѣлами евреевъ должна была завѣдывать комиссія (т. е. министерство) духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, членами которой состояли Сташицъ и Козьмянъ.

[3]) Журналъ совѣта 31 марта 1817 г.: „le tableau de maux, causés par les juifs, est trop exagéré“.

[4]) Докладъ былъ подписанъ Заіончекомъ 20 апрѣля 1817 г. Архивъ Гос. Совѣта, статсъ-секретаріатъ по дѣламъ Царства. Польскаго, 1817 г., дѣло № 55.

могъ быть принятъ государемъ; они какъ бы уничтожали другъ друга; каждый изъ нихъ имѣлъ вліятельныхъ защитниковъ, и ни одна изъ сторонъ не могла сдаться другой. Поэтому, оба проекта остались безъ движенія [1]). Все же побѣда склонилась на сторону правительства, а не Новосильцева: варшавскому правительству удалось постепенно разрѣшить въ желательномъ ему направленіи отдѣльные вопросы еврейской жизни. Надъ еврейскимъ населеніемъ стала все гуще сплетаться сѣть ограниченій.

За время Варшавскаго герцогства накопилось не мало такихъ постановленій, которыя можно было бы съ успѣхомъ возобновить. Но не всѣ эти постановленія оказались внесенными въ Дневникъ законовъ, благодаря чему не всѣми ими можно было воспользоваться. Между прочимъ, евреевъ лишили права владѣть недвижимой собственностью, однако эти распоряженія [2]) не были помѣщены въ сводѣ законовъ, вслѣдствіе чего во времена Варшавскаго герцогства евреи пріобрѣтали нерѣдко землю не только въ городахъ, но и внѣ ихъ, съ чѣмъ варшавское правительство не хотѣло мириться. Въ связи съ этимъ возникла мысль—считать всѣ декреты, не занесенные въ Дневникъ законовъ, какъ бы включенными въ этотъ сводъ законодательныхъ актовъ. Съ такимъ предложеніемъ намѣстникъ Заіончекъ обратился къ государю. Оно, впрочемъ, не понравилось государю—нельзя придавать декретамъ того характера, котораго они не имѣли при своемъ возникновеніи, это умалило бы ихъ силу; но есть другой выходъ—декреты, которые не были отмѣнены, должны считаться оставшимися въ силѣ, а потому намѣстнику предоставляется, согласно имъ, издавать распоряженія. Многіе декреты не помѣщены въ Дневникѣ, но разъ они были сообщены высшими властями низшимъ для исполненія, то ихъ слѣдуетъ осуществить. Такъ нужно поступать и въ вопросахъ о евреяхъ [3]). Это разъясненіе

---

[1]) Въ іюлѣ 1816 г. русскій резидентъ въ Краковѣ, Меньчинскій, сообщилъ намѣстнику, что прусскій резидентъ отъ имени своего правительства предлагаетъ, чтобы положеніе евреевъ въ Краковѣ было установлено въ соотвѣтствіи съ порядками, которые были введены въ Познанскомъ княжествѣ (часть Познани перешла къ Царству Польскому). Увѣдомивъ о семъ статсъ-секретаря по дѣламъ Царства Польскаго, Заіончекъ замѣтилъ, что онъ не можетъ дать Меньчинскому соотвѣтствующія свѣдѣнія, пока не будетъ извѣстна воля государя относительно проекта, принятаго государственнымъ совѣтомъ.—Архивъ Госуд. совѣта, статсъ-секретаріатъ по дѣламъ Царства Польскаго, 1816 г., дѣло № 172: „Объ устройствѣ евреевъ въ Краковской республикѣ". Въ этомъ дѣлѣ имѣется любопытная переписка о правѣ нѣсколькихъ краковскихъ евреевъ продавать въ базарные дни водку пріѣзжимъ единовѣрцамъ. Государь заступился за этихъ евреевъ.

[2]) Декретъ 19 ноября 1808 г. запретилъ пріобрѣтеніе земельной собственности

[3]) Архивъ Госуд. совѣта, статсъ-секретаріатъ Царства Польскаго, 1817 г., дѣло № 56: „По представленному намѣстникомъ проекту о воспрещеніи евреямъ пріобрѣтать недвижимыя имущества".

государя открыло предъ варшавскимъ правительствомъ просторъ для репрессивной политики. Постепенно были возстановлены старыя ограниченія и введены новыя.

Въ публицистической литературѣ, относящейся къ ближайшему времени до и послѣ сейма 1818 г., и на самомъ сеймѣ указывалось на необходимость выработать планомѣрный проектъ реформы [1]), но правительство считало для себя болѣе удобнымъ дѣйствовать, такъ сказать, въ партизанскомъ духѣ, совершая при каждомъ удобномъ случаѣ неожиданные набѣги на права евреевъ.

Въ основѣ ограничительныхъ постановленій лежали, преимущественно, мотивы экономическаго характера, то явные, то въ той или иной мѣрѣ скрытые. Вообще, правительство стремилось, съ одной стороны, къ тому, чтобы евреи не конкурировали съ христіанами, а съ другой—оно старалось извлечь изъ еврейскаго населенія возможно большую сумму денегъ.

Ближайшимъ путемъ къ ослабленію конкуренціи являлось стѣсненіе евреевъ въ правѣ передвиженія и жительства. Существовали города, пользовавшіеся такъ называемыми „ревирами", согласно которымъ евреи могли проживать лишь на опредѣленныхъ улицахъ. Другія же группы городовъ, на основаніи привилегій или договоровъ, или въ силу принадлежности ихъ прежде духовенству, имѣли право или вовсе не допускать къ себѣ евреевъ, или же дозволять имъ жить лишь на опредѣленныхъ улицахъ. Эти права, нерѣдко давно забытыя и даже никогда не осуществленныя, были теперь въ нѣкоторыхъ городахъ возобновлены. Въ 1822 г. и въ слѣдующихъ годахъ извѣстныя части мѣстнаго христіанскаго общества добились въ рядѣ городовъ распоряженія объ удаленіи евреевъ на основаніи старинныхъ привилегій „de non tolerandis judaeis"; однако, когда это право было дано, оно не всюду было фактически использовано; безъ практическаго результата въ большинствѣ, кажется, случаевъ, остались распоряженія, чтобы евреи проживали только на опредѣленныхъ улицахъ, ибо въ указанномъ вопросѣ сталкивались интересы отдѣльныхъ группъ христіанскаго городского населенія [2]).

Особое вниманіе было посвящено вопросу о проживаніи евреевъ въ Варшавѣ. Здѣсь имѣлось девять запретныхъ улицъ. Указомъ 19/31 іюля 1821 года [3]) число запретныхъ улицъ, на которыхъ могли проживать лишь привилегированные евреи (отказав-

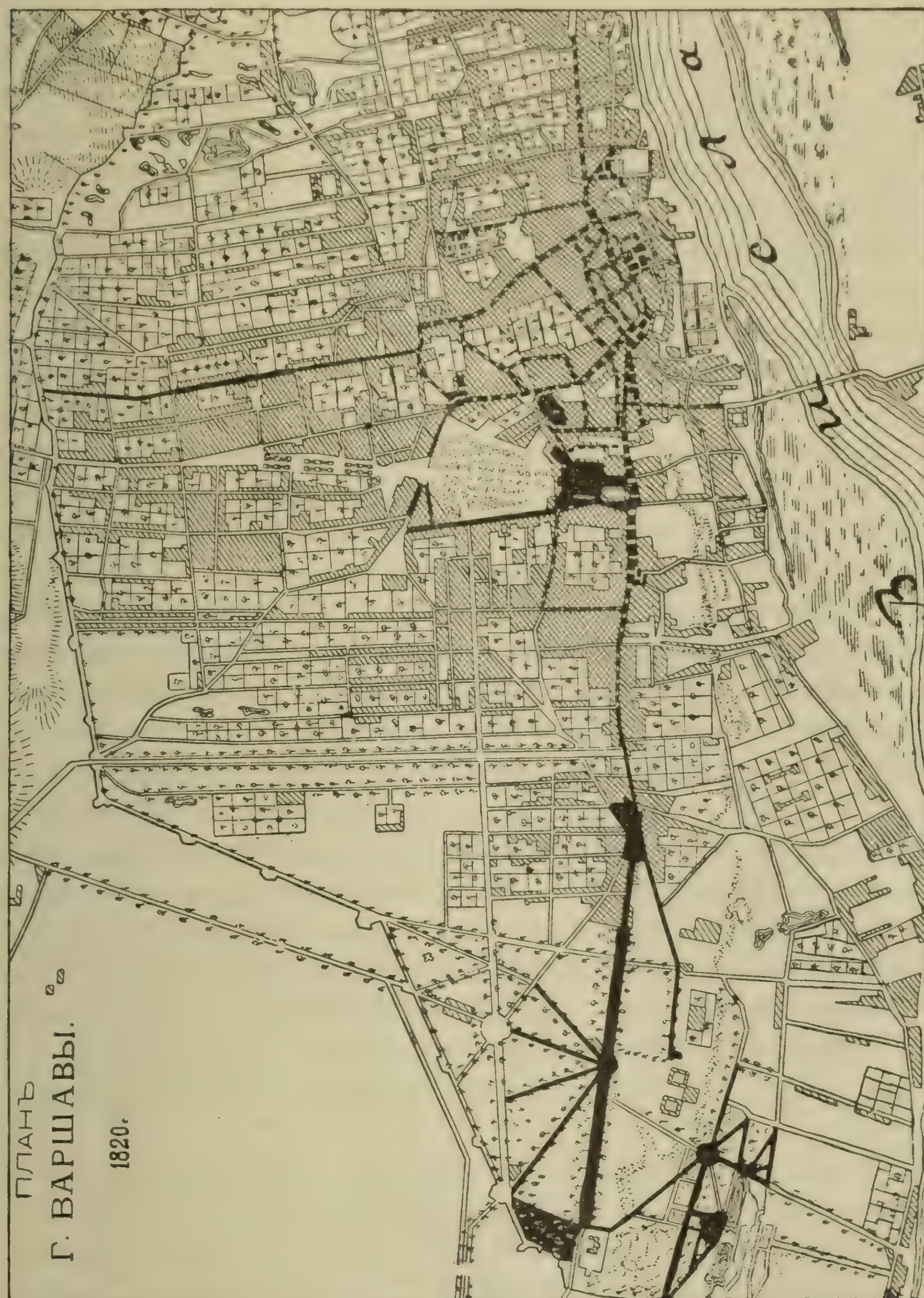
---

[1]) М. Вишницеръ, Проекты реформы еврейскаго быта. Сборникъ „Пережитое", т. I, стр. 203—216.

[2]) Списки городовъ, пользовавшихся привилегіями, ревирами и т. д., имѣются въ архивѣ Госуд. совѣта, Собств. Е. И. Величества канцелярія, 1841 г., дѣло № 7.

[3]) Дневникъ законовъ, т. 7.

шiеся отъ традицiоннаго платья [1]), говорившiе по польски и т. д.), было увеличено; этой мѣрой имѣлось въ виду не только освобо-



■■■ Улицы, запретныя по старымъ постановленіямъ. —— Улицы, ставшія запретными въ 1821 г. Изъ архива Госуд. совѣта, статсъ секретаріатъ по дѣламъ Царства Польскаго, 1821 г., дѣло № 30.

дить центральныя улицы отъ евреевъ, но и помощью евреевъ же оживить и украсить прочія улицы,—„чтобы евреи убѣдились,

---

1) Крупный поставщикъ Берекъ получилъ въ годы Варшавскаго герцогства разрѣшеніе жить во всѣхъ частяхъ Варшавы, оставаясь въ традиціонномъ платьѣ и при бородѣ; право повсемѣстнаго проживанія было даровано также его потомству по старшей линіи. Архивъ Госуд. совѣта, статсъ-секретаріатъ Царства Польскаго, 1825 г., дѣло № 44: „По ходатайству евреевъ Берковъ о предоставленіи имъ нѣкоторыхъ преимуществъ“. См. мою замѣтку въ „Еврейской Энциклопедіи“, т. IV ст. 200.

что правительство стремится предоставить имъ участіе въ выгодахъ наравнѣ съ другими жителями, если, кончечно, они сами окажутся склонными къ этому и выкажутъ свое участіе въ заведеніи порядка и украшеніи города“, имъ было разрѣшено (въ видѣ изъятія изъ закона, запретившаго пріобрѣтать недвижимую собственность) покупать пустопорожнія мѣста на новыхъ улицахъ, чтобы построить каменные дома по плану, утвержденному администраціей; съ этой же цѣлью евреямъ разрѣшили покупать деревянные дома съ условіемъ въ извѣстный срокъ возвести на ихъ мѣстѣ каменные. Выселеніе евреевъ изъ запретныхъ улицъ вызвало такую же междуусобицу среди христіанскаго населенія, какая произошла при такихъ же условіяхъ въ эпоху Варшавскаго герцогства. Но теперь въ споръ вмѣшались и сами евреи, однако, не для того, какъ можно было ожидать, чтобы хлопотать объ отмѣнѣ декрета, а, наоборотъ, чтобы просить объ его выполненіи; дѣло въ томъ, что нѣкоторые евреи, въ ожиданіи выселенія ихъ единовѣрцевъ изъ запретныхъ улицъ, понастроили въ компаніи съ христіанами дома въ доступныхъ улицахъ, а потому отмѣна декрета грозила имъ убытками, и вотъ, вмѣстѣ съ христіанами-компаньонами, эти евреи обратились къ намѣстнику съ просьбой отнюдь не откладывать осуществленія декрета объ удаленіи еврейскаго населенія изъ запретныхъ улицъ [1]). Въ это же время было подтверждено, что иногородніе евреи могутъ водворяться въ Варшавѣ лишь съ дозволенія высшей администраціи; при этомъ (1824 г.) были сохранены въ силѣ правила о взиманіи билетнаго сбора въ размѣрѣ 20 грошей въ сутки съ каждаго иногородняго еврея въ Варшавѣ; пропускные билеты продавались на заставѣ; кто желалъ пробыть нѣсколько дней, долженъ былъ ежедневно отправляться къ заставѣ за билетомъ; евреи, постоянно жившіе въ Варшавѣ, какъ освобожденные отъ сбора, снабжались при выходѣ изъ города значкомъ, отбиравшимся при возвращеніи въ городъ [2]).

Стѣсненія въ жительствѣ, установленныя для Варшавы, были распространены и на другіе города. Декретомъ 25 апрѣля (7 мая) 1822 г. государь предоставилъ намѣстнику опредѣлять города, въ которыхъ „по мѣстнымъ условіямъ и полицейскимъ соображеніямъ“ евреи могутъ проживать лишь на извѣстныхъ улицахъ.

---

[1]) Архивъ Госуд. совѣта, статсъ-секретаріатъ Царства Польскаго, 1821 г., дѣло № 30: „О воспрещеніи евреямъ проживать въ нѣкоторыхъ улицахъ г. Варшавы“. Распоряженіе намѣстника отъ 7 сентября 1824 г.

[2]) Архивъ Госуд. совѣта, Собственная Е. И. Величества канцелярія по дѣламъ Царства Польскаго, 1826 г., дѣло № 119: „О билетномъ сборѣ, взимаемомъ съ евреевъ за временное пребываніе ихъ въ Варшавѣ“.

Тѣмъ же декретомъ существовавшія въ Варшавѣ стѣснительныя формальности при наймѣ евреями квартиръ и правила о числѣ семей, могущихъ жить въ томъ или иномъ помѣщеніи, были распространены и на другіе города [1]).

Ограничительныя постановленія коснулись и цѣлой территоріи—декретъ 31 января 1823 г., въ цѣляхъ борьбы съ контрабандой [2]), запретилъ евреямъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ группъ, проживать въ трехъ-мильной пограничной полосѣ [3]).

Приглашая чужестранцевъ селиться въ краѣ, правительство сдѣлало исключеніе для евреевъ, предоставивъ имъ только временное пребываніе и обязавъ ихъ уплачивать таможенный сборъ, такъ называемый „гелейтъ-цолль" [4]). При этомъ русскіе евреи были приравнены къ иностраннымъ. Только евреи изъ вольнаго города Кракова и его округа оказались въ нѣсколько привилегированномъ положеніи: они уплачивали гелейтъ-цолль въ половинномъ размѣрѣ [5]). Въ 1819 г. депутатъ Зонненбергъ возбудилъ просьбу объ освобожденіи евреевъ изъ Россіи отъ таможеннаго сбора, ибо они не могутъ почитаться иностранцами. Но Заіончекъ высказался [6]) противъ удовлетворенія ходатайства. А министръ статсъ-секретарь Царства Польскаго Соболевскій выставилъ слѣдующіе мотивы въ пользу сбора: гелейтъ-цолль составляетъ опредѣленный доходъ казны Царства Польскаго и по общему уставу о податяхъ всѣ евреи, откуда бы они ни прибыли, должны платить эту подать; въ случаѣ отмѣны сбора въ отношеніи русскихъ евреевъ, австрійскіе и прусскіе евреи стали бы пріѣзжать въ край, подъ видомъ русскихъ, изъ Бродъ или Юрбурга; „необходимо нужно", чтобы евреи иностранные принимали равное участіе въ повинностяхъ, какія несутъ евреи Царства Польскаго; иначе польскіе евреи станутъ на время уходить изъ края и затѣмъ возвращаться подъ именемъ иностранныхъ и будутъ требовать

---

[1]) Дневникъ законовъ, т. 7.

[2]) См. выше, стр. 409—410.

[3]) Дневникъ законовъ, т. 8. Декретъ былъ опубликованъ 9 марта 1823 г.

[4]) См. выше, стр. 434. Соотвѣтствующее постановленіе административнаго совѣта отъ 2 марта 1816 г. было дополнено постановленіемъ 14 сентября 1816 г., установившимъ кару за уклоненіе отъ уплаты сбора (Дневникъ законовъ, т. 2). Архивъ Госуд. совѣта, Собственная Е. И. Величества канцелярія по дѣламъ Царства Польскаго, 1826 г., дѣло № 119.

[5]) Согласно торговаго трактата между Краковомъ и Царствомъ Польскимъ отъ 7 августа 1823 г. См. предыдущее архивное дѣло.

[6]) Статсъ-секретаріатъ по дѣламъ Царства Польскаго, 1819 г., дѣло № 171. „По ходатайству евреевъ, проживающихъ въ Россіи, объ освобожденіи ихъ отъ уплаты пограничныхъ пошлинъ".

освобожденія ихъ отъ податей. Вслѣдствіе такого отзыва ходатайство Зонненберга не было удовлетворено [1]).

Въ приведенномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, соображенія о матеріальныхъ интересахъ казны или христіанскаго общества побуждали правительство устанавливать по отношенію къ евреямъ стѣснительныя мѣры. Но однажды случилось, что именно выгода заставила правительство разрѣшить одинъ вопросъ въ согласіи съ желаніями еврейскаго населенія,—а именно, вопросъ о воинской повинности.

Покидая Варшаву, Александръ I приказалъ издать декретъ объ освобожденіи отъ воинской повинности (обязательной для всѣхъ, а слѣдовательно и для евреевъ, въ возрастѣ отъ двадцати до тридцати лѣтъ) тѣхъ лицъ, которыя женились до изданія декрета и которыя впредь будутъ вступать въ бракъ до двадцатилѣтняго возраста. Когда же, вернувшись въ Петербургъ, государь ознакомился съ соотвѣтствующимъ декретомъ (5/17 октября 1816 г.), онъ обратилъ вниманіе на то, что, благодаря этимъ новымъ правиламъ почти всѣ евреи окажутся свободными отъ воинской повинности, ибо они обычно рано женятся. Вслѣдствіе этого былъ изданъ декретъ (26 декабря 1816 г., 7 января 1817 г.) о томъ, что военной службѣ подлежатъ не только холостые, но также и женатые евреи. Такимъ образомъ для еврейскаго населенія, въ видѣ исключенія, была введена поголовная рекрутская повинность. Однако, въ новомъ декретѣ было сказано, что въ случаѣ, если служба евреевъ окажется ненужной, то будетъ установленъ особый сборъ съ евреевъ въ пользу казны. Такое предупрежденіе было сдѣлано по настоянію намѣстника Заіончека, заявившаго, что ни государь, ни цесаревичъ не желаютъ, вѣроятно, чтобы евреи служили въ арміи, и что присутствіе евреевъ въ рядахъ войскъ вовсе „не въ интересахъ національной чести"; изъ евреевъ, молъ, нельзя сдѣлать хорошихъ солдатъ, а потому лучше брать съ нихъ за это деньги [2]).

Призывъ женатыхъ вызвалъ, конечно, волненіе въ еврейскомъ обществѣ, и этому должно было содѣйствовать упоминаніе о возможности замѣны личной повинности денежною, позволившее

---

[1]) Архивъ министерства вн. дѣлъ, департам. полиціи исполнительной, 1831 г, дѣло № 808: „По просьбѣ евреевъ, чтобы пошлина гелейтъ-цолль не была распространена на евреевъ Россійскихъ подданныхъ". Когда нѣсколько лѣтъ спустя евреи возобновили ходатайство о гелейтъ-цолль, мнѣніе Соболевскаго нашло должную оцѣнку. Еврейская Старина, 1910 г., стр. 82..

[2]) Архивъ Госуд. совѣта, статсъ-секретаріатъ Царства Польскаго, 1816 г., дѣло № 77: „О рекрутскомъ наборѣ евреевъ и о замѣнѣ имъ таковаго денежнымъ взносомъ". Этимъ дѣломъ я пользуюсь и въ дальнѣйшемъ изложеніи.

предполагать, что само правительство желало бы, чтобы евреи учли это обстоятельство, хлопоча объ отмѣнѣ чрезмѣрно тяжелой повинности. Депутаты еврейскаго народа настаивали въ Петербургѣ на томъ, чтобы личная повинность была замѣнена денежной; они говорили, что сверхъ причинъ религіознаго характера, служба явится для евреевъ особенно тягостной, такъ какъ ихъ будутъ притѣснять начальники и товарищи „по ненависти къ ихъ вѣрѣ", что по слабому физическому состоянію евреи неспособны къ тяжелому труду солдата, что евреи занимаются главнымъ образомъ торговлей, которая должна пострадать отъ паденія кредита, ибо нельзя давать въ кредитъ тому, кто можетъ быть призванъ на службу [1]). Съ другой стороны, Берекъ Шмуль, Мойренъ Фюрстенбергъ и Яковъ Эпштейнъ, выступившіе въ качествѣ представителей евреевъ Царства Польскаго, возбудили ходатайство лишь о томъ, чтобы евреи не несли большей тяготы, чѣмъ прочее населеніе; разъ рѣшено привлекать и женатыхъ евреевъ, то нужно, по крайней мѣрѣ, соблюсти то требованіе справедливости, чтобы число призываемыхъ евреевъ соотвѣтствовало ихъ численному соотношенію ко всему населенію страны, и чтобы сдача въ солдаты производилась еврейскими старшинами. Впрочемъ, заявили далѣе ходатаи, если государь пожелаетъ замѣнить личную повинность денежной, и если размѣръ сбора будетъ твердо установленъ, то еврейскій народъ безропотно подчинится такому распоряженію.

По докладу министра статсъ-секретаря Царства Польскаго государь приказалъ изыскать „не нарушая справедливости", средство для устраненія „неудобствъ", вызвавшихъ спеціальный декретъ о службѣ евреевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, государь повелѣлъ обратить особое вниманіе на замѣну личной повинности денежной, при чемъ указалъ, что о намѣченномъ размѣрѣ сбора евреи не должны знать,—надо, чтобы сами евреи указали, какую сумму они могутъ вносить. Вскорѣ между министерствомъ финансовъ и депутатами отъ еврейскаго населенія состоялось соглашеніе — сборъ съ евреевъ, за исключеніемъ варшавскихъ, былъ опредѣленъ въ шестьсотъ тысячъ флориновъ ежегодно. Эту сумму намѣстникъ призналъ очень выгодной, въ сравненіи съ той, которая уплачивалась въ Варшавскомъ герцогствѣ. Что касается варшавскихъ евреевъ, то они предложили уплачивать за себя ежегодно семьдесятъ тысячъ флориновъ, правительство же требовало ста тысячъ, указывая, что число евреевъ въ столицѣ велико и что они здѣсь хорошо зарабатываютъ. Старшины варшавской об-

[1]) Меморія директорскаго комитета за февраль 1826 г. Архивъ министерства вн. дѣлъ, департаментъ полиціи, 1827 г., дѣло № 349.

щины возбудили предъ государемъ ходатайство объ уменьшеніи сбора, объясняя, что небольшой группѣ состоятельныхъ приходится уплачивать за остальныхъ бѣдныхъ членовъ общины; намѣстникъ подтвердилъ, что община не въ силахъ уплачивать болѣе семидесяти тысячъ флориновъ, но государь отказался уменьшить сборъ и приказалъ въ случаѣ, если варшавскіе евреи не обяжутся вносить ежегодно по сто тысячъ флориновъ, вернуть имъ внесенныя уже деньги и привлечь ихъ къ военной службѣ [1]). Конечно, евреямъ пришлось покориться.

Мы видѣли, что съ цѣлью избавить христіанское населеніе отъ конкуренціи, варшавское правительство стѣсняло свободу передвиженія евреевъ. На ряду съ этимъ устанавливались мѣры, направленныя противъ свободы занятій. Когда, желая улучшить ремесленную промышленность, правительство ввело въ 1816 г цеховую организацію, евреи были лишены права участвовать въ собраніяхъ мастеровъ и въ выборахъ, и вообще они не пользовались преимуществами, предоставленными членамъ ремесленныхъ цеховъ [2]). Но оказалось, что ожиданія правительства не оправдались. Цеховая организація привела къ отрицательнымъ результатамъ, внеся рутину въ ремесленное производство. Евреи же, не имѣвшіе основанія записываться въ цехи, остались въ сторонѣ отъ корпораціи и выиграли отъ создавшагося положенія—постепенно къ нимъ въ руки перешла значительная часть ремеселъ [3]).

Заработокъ еврейскаго населенія считался какъ бы украденнымъ у христіанъ. И такую претензію выражали не только коренные обыватели, но даже иностранцы, вновь поселившіеся, занятые фабричной промышленностью. Вслѣдствіе жалобъ суконодѣловъ, что евреи, поставляя для арміи, выписываютъ сукно изъ-за границы, поставка была отдана самимъ суконодѣламъ. Чтобы бороться съ евреями, скупавшими сырой матеріалъ, нужный для ткачей, въ Калишѣ образовалось даже частное товарищество, выдававшее мастерамъ ссуду для покупки шерсти. Но эти мѣры отнюдь не могли устранить евреевъ, какъ посредниковъ; роль послѣднихъ еще болѣе увеличилась съ установленіемъ свободы торговли между Россіей и Царствомъ Польскимъ. Зависимость мелкаго производителя отъ еврея заключалась отнюдь не въ одномъ томъ, что первому приходилось брать у послѣдняго въ кредитъ сырой

---

[1]) Статсъ-секретаріатъ Царства Польскаго, 1816 г., дѣло № 77.

[2]) Декретомъ 4 февраля 1823 г. (Дневникъ законовъ, т. 8) было подтверждено, что свидѣтельство о практикѣ учениковъ у мастера-еврея, не принадлежащаго къ ремесленному обществу, не служитъ доказательствомъ практики.

[3]) Матеріалы комиссіи по устройству быта евреевъ (по Царству Польскому). Спб., 1874 г., стр. 170—172.

матеріалъ, но и въ томъ, что производитель сбывалъ тому же еврею свои издѣлія; это вызывалось бѣдностью мелкихъ производителей и тѣмъ, что они не знали мѣстнаго рынка. Такимъ образомъ, домашняя промышленность подпадала подъ власть капитала, и это экономическое явленіе, разсматриваемое подъ угломъ религіозной непріязни, вызвало въ польскомъ обществѣ стремленіе не столько предоставить производителямъ самостоятельность, сколько уничтожить посредничество евреевъ. Съ этой цѣлью правительство стало вызывать изъ-за границы крупныхъ предпринимателей, которые вытѣснили бы евреевъ. Однако, изслѣдователь польской фабричной промышленности за эти годы свидѣтельствуетъ, что не евреи, очевидно, являлись виновниками затруднительнаго положенія мелкихъ ткачей, — быстрый ростъ суконадѣлія вызвалъ повышеніе цѣны на шерсть, что прежде всего и отразилось на мелкомъ производителѣ; послѣдній же, не задумываясь надъ процессомъ, происходившимъ въ народномъ хозяйствѣ, обвинялъ во всемъ скупщика-еврея.

Такое же явленіе наблюдалось и въ бумаго-ткацкой промышленности. Скупщики, пользуясь своимъ монопольнымъ положеніемъ, оказывали кредитъ производителямъ подъ очень обременительный процентъ. Борьба съ этимъ зломъ была, конечно, естественна: но ненормально было то, что ей придавали характеръ національнаго дѣла, благодаря чему создавалась религіозная вражда тамъ, гдѣ все сводилось къ экономической борьбѣ. Польскій банкъ, вызванный къ жизни (1828 г.), между прочимъ, съ той цѣлью, чтобы устранить посредничество евреевъ, долженъ былъ уже вскорѣ сознаться, что онъ безсиленъ бороться съ указаннымъ явленіемъ, встрѣчающимся во всѣхъ промышленныхъ странахъ; жалобы мелкихъ производителей на оптовиковъ „являются естественнымъ результатомъ столкновенія двухъ интересовъ на одной дорогѣ; неудобно давать помощь одному изъ нихъ и лишать ея другого; лучше предоставить дѣло естественному теченію“ [1]).

Не желая даже подать надежды евреямъ на полученіе правъ, правительство и публицисты настаивали на томъ, чтобы евреи не только восприняли новый обликъ—сняли съ себя традиціонное платье, усвоили польскій языкъ [2]), но также отказались отъ всего того, что держало ихъ въ обособленіи отъ окружающаго населе-

[1]) К. Воблый, Очерки по исторіи польской фабричной промышленности, т. I (Кіевъ, 1909). См. также: Х. Коробковъ, Экономическая роль евреевъ въ „конгрессномъ“ Царствѣ Польскомъ“ (1815—1830 г. г.). Еврейская Старина, 1910 г., стр. 121—136 (рефератъ о книгѣ К. Воблаго).

[2]) Декретъ 27 марта 1821 г. обязалъ евреевъ принять фамильныя имена и заявить о нихъ властямъ (Дневникъ законовъ, т. 7).

нія. Для этого были два средства: привлечь ихъ къ общему просвѣщенію и разрушить ихъ самоуправленіе, сосредоточенное въ кагалѣ, а если возможно, то и освободить ихъ ученіе отъ „суевѣрныхъ представленій“. Правительство знало, что среди еврейскаго населенія есть группа, которая сочувствуетъ такой задачѣ. Содѣйствію со стороны еврейскаго общества правительство придавало большое значеніе, и уже на первыхъ шагахъ своей дѣятельности по еврейскому вопросу члены правительства вошли въ сношенія съ нѣкоторыми просвѣщенными варшавскими евреями. Когда Государственный совѣтъ, въ связи съ проектомъ Новосильцева, сталъ разсматривать вопросъ о реформѣ, кн. Чарторыжскій предложилъ запросить мнѣніе еврейской депутаціи при министерствѣ народнаго просвѣщенія, дабы такимъ образомъ придать большую силу новымъ постановленіямъ [1]). Однако, надежды на помощь со стороны просвѣщенныхъ евреевъ были преувеличены. Группа „культуртрегеровъ“ была малочисленна, и ея санкція правительственныхъ мѣропріятій не могла имѣть силы въ глазахъ широкихъ круговъ народа; она, впрочемъ, была полезна правительству тѣмъ, что снабжала его свѣдѣніями о еврейской жизни, оказывая такимъ путемъ своего рода техническое содѣйствіе. Но зато, съ другой стороны, связь, установившаяся между правительствомъ и образованными евреями, давала послѣднимъ возможность пользоваться поддержкою властей въ столкновеніяхъ съ противниками культурно-общественной реформы. Помимо самой инертной народной массы, всѣмъ своимъ существомъ свыкшейся съ вѣковымъ укладомъ религіозно-національнаго быта, на стражѣ старины стояли кагалъ и цадики [2]).

Какъ въ свое время въ Имперіи, кагалы въ Царствѣ Польскомъ вели упорную борьбу съ хасидизмомъ; въ дѣлѣ борьбы съ просвѣщеніемъ оба лагеря придерживались одинаковыхъ взглядовъ, и главари варшавскаго кагала обратились однажды даже за помощью къ цадикамъ, чтобы усмирить вольнодумцевъ, осмѣлившихся открыто критиковать дѣйствія кагала. Поэтому піонеры просвѣщенія одновременно выступали и противъ кагальной организаціи, и противъ религіозно-національной замкнутости.

Прусское правительство, лишивъ кагалы судебной и исполнительной власти—права налагать кары и предавать херему непослушныхъ членовъ общины,—все же нуждалось въ той или иной сильной еврейской организаціи, которая взыскивала бы въ пользу

---

[1]) Журналъ Госуд. совѣта 24 января 1817 г.

[2]) О хасидизмѣ въ Царствѣ Польскомъ—см. D. Kandel, W dobie Królestwa Kongresowego. Kwartalnik, кн. I.

казны разнообразные сборы. Поэтому въ Варшавѣ былъ учрежденъ представительный органъ, который сталъ именоваться кагаломъ. Этотъ вновь созданный кагалъ добился вскорѣ права пользоваться херемомъ, и тогда онъ сталъ злоупотреблять своей властью. Хотя старшины должны были избираться каждые три года, въ дѣйствительности выборы не происходили и, такимъ образомъ, первоначально избранныя лица оставались на своемъ посту въ теченіе ряда лѣтъ. Во времена Варшавскаго герцогства были назначены еще три члена кагала. Обязанность взимать казенные сборы создавала вообще въ народной массѣ враждебное отношеніе къ кагалу, но къ этому присоединились и злоупотребленія кагала, особенно чувствительныя для бѣдныхъ слоевъ общества, не находившихъ нигдѣ защиты. Отношенія между кагаломъ и населеніемъ обострились особливо тогда, когда былъ введенъ новый, рекрутскій сборъ. Несмотря на жалобы, что старшины противозаконно занимаютъ должности, президентъ города не соглашался на удаленіе старѣйшинъ, онъ лишь пополнилъ старую коллегію новыми четырьмя лицами [1]). Это не успокоило общины. Вновь назначенные старшины—Эттингеръ и Неймаркъ—вынуждены были подать въ отставку, не желая нести отвѣтственности за дѣйствія старыхъ кагальныхъ заправилъ; ушелъ изъ кагала и вновь назначенный Гиршзонъ. Только эта демонстрація заставила президента внять желанію населенія и уволить (1818 г.) прежнихъ старѣйшинъ [2]). Но смута не улеглась; „друзья“ смѣщенныхъ старѣйшинъ прибѣгали, какъ видно, и къ сомнительнымъ средствамъ, чтобы свергнуть новыхъ старѣйшинъ.

Эти безпорядки, сопровождавшіеся взаимными жалобами и доносами, заставили правительство обратить особое вниманіе на кагалъ. Министерство народнаго просвѣщенія, занявшись этимъ вопросомъ, обратилось за разъясненіемъ къ просвѣщеннымъ варшавскимъ евреямъ, которые и не поскупились на мрачныя краски, рисуя дѣятельность кагала. Они говорили, что кагалъ, злоупотребляя своей властью надъ населеніемъ, сознательно держитъ его въ невѣжествѣ и противодѣйствуетъ самымъ благодѣтельнымъ намѣреніямъ правительства. Взиманіе сбора и угроза херема позволяютъ кагалу держать населеніе въ полномъ порабощеніи, и кагалъ пользуется этимъ не только для того, чтобы сохранить

---

[1]) Первоначально были назначены Моисей Фюрстенбергъ, Айзикъ Шмуль, Іосифъ Ландгутеръ и Нейдингъ какъ секретарь; затѣмъ были присоединены: Самуилъ Кроненбергъ, Берка Шмуль и Іосифъ Эпштейнъ; наконецъ послѣдними вступили въ кагалъ: Михаилъ Эттингеръ, Соломонъ Неймаркъ, Израиль Гиршзонъ и Нухимъ Фейгенблатъ.

[2]) Rafal Kempner, Agonia kahalu. Kwartalnik, кн. I.

въ неприкосновенности старый укладъ жизни, но и для собственнаго обогащенія. Опираясь на жалобы, принесенныя самими евреями, комиссія изъ представителей трехъ министерствъ рѣшила уничтожить кагалъ, перенеся нѣкоторыя функціи кагала на вновь учреждаемые „божничьи дозоры“, и, въ соотвѣтствіи съ этимъ [1]), декретомъ отъ 20 декабря 1821 г. (1 января 1822 г.) кагалы были упразднены [2]).

Во главѣ божничьяго дозора стояли раввинъ, его помощникъ и три „надзирателя“; при дозорахъ находились также служащіе общины,—школьники, рѣзники и др. Надзиратели избирались всѣми членами общины [3]). Дѣятельность божничьихъ дозоровъ была поставлена подъ болѣе близкій контроль правительства, и такимъ образомъ самоуправленіе было въ значительной степени поколеблено. Сперва эти новыя учрежденія не играли особой роли въ еврейской жизни; присвоенныя членамъ-надзирателямъ однѣ лишь служебныя обязанности оттолкнули общественныхъ дѣятелей отъ дозоровъ; пришлось даже предоставить мѣстной администраціи право принудительно назначать на эти должности кого либо изъ обывателей; кромѣ того, въ цѣляхъ поощренія, члены дозора освобождались отъ божничьихъ сборовъ, что служило приманкой для бѣдныхъ людей. Лишь постепенно дозоры присвоили себѣ извѣстную долю той власти, которою пользовались кагалы.

Въ борьбѣ съ кагаломъ участвовала не только группа просвѣщенныхъ евреевъ; вмѣстѣ съ ней дѣйствовали и болѣе широкіе круги населенія, матеріально страдавшіе отъ всесильнаго кагала. Когда же былъ поднятъ вопросъ о насажденіи общаго образованія среди народа, просвѣщенные евреи оказались въ одиночествѣ.

Въ началѣ 1818 г. министръ народнаго просвѣщенія Потоцкій предложилъ учредить въ Варшавѣ высшую школу, которая, превратившись постепенно въ своего рода „academie hebraique“, подготовляла бы болѣе просвѣщенныхъ раввиновъ; во главѣ школы предполагалось поставить образованныхъ евреевъ; ихъ не трудно найти, говорилъ Потоцкій и въ видѣ примѣра указалъ на Авраама Штерна, который и составилъ для него программу

---

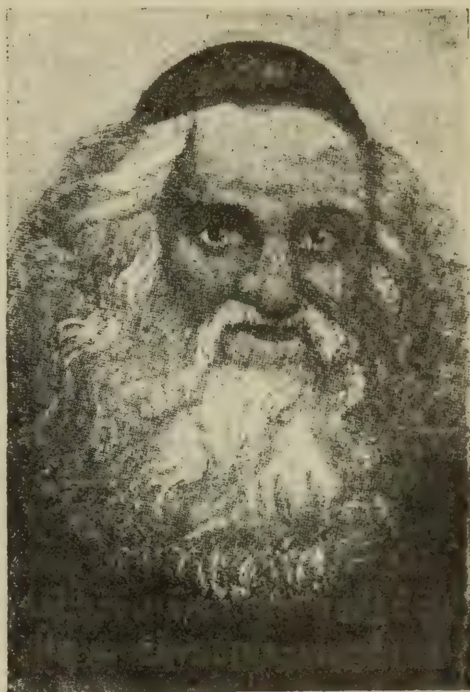
[1]) Статсъ-секретаріатъ Царства Польскаго, 1821 г., дѣло № 33: „Объ упраздненіи еврейскихъ кагаловъ и возложеніи обязанностей таковыхъ на божничьи дозоры“

[2]) Дневникъ законовъ, т. 7, стр. 275.

[3]) Постановленія о божничьихъ дозорахъ—см. Матеріалы комиссіи по устройству быта евреевъ (по Царству Польскому), СПБ., 1874 г., стр. 341 и сл. См. Еврейская Энциклопедія, т. IV. стр. 767—770. Позже былъ установленъ цензъ для выборщиковъ.

преподаванія въ школѣ. Хорошій талмудистъ, Штернъ былъ извѣстенъ, какъ талантливый механикъ, изобрѣтатель числительной машины. Членъ „королевскаго общества друзей науки", гдѣ его коллегами были польскіе ученые и магнаты, Штернъ вращался въ высшемъ польскомъ обществѣ, но онъ оставался вѣренъ традиціи и не разставался съ ермолкой, длиннополымъ капотомъ и туфлями. Покровительствуемый Сташицемъ и другими видными поляками, Штернъ дважды демонстрировалъ предъ государемъ свое изобрѣтеніе [1]).

Мысль объ устройствѣ школы была одобрена государемъ, и тогда Потоцкій внесъ въ Государственный совѣтъ соотвѣтствующій законопроектъ. Учреждая школу, въ которой имѣлось въ виду преподавать, кромѣ польскаго языка, лишь еврейскіе предметы (общее образованіе надлежало получить въ нормальныхъ школахъ), Потоцкій—какъ онъ заявилъ объ этомъ въ самомъ законопроектѣ—желалъ, не покушаясь на еврейское вѣроученіе, распространить просвѣщеніе среди евреевъ, „помочь имъ стать полезными членами государства и подготовить ихъ къ пользованію общими правами". Но въ этомъ вопросѣ онъ встрѣтилъ сильный отпоръ въ совѣтѣ. Докладчикъ по законопроекту Потоцкаго заявилъ, что нельзя обѣщать дарованіе правъ, дабы не подумали, что таково дѣйствительное желаніе совѣта. А генеральный прокуроръ Шанявскій, извѣстный писатель, превратившійся изъ революціонера, какимъ былъ въ молодости, въ яраго реакціонера, высказался вообще противъ школы, такъ какъ, устраивая ее, правительство тѣмъ самымъ какъ бы признаетъ іудаизмъ, что не соотвѣтствуетъ задачѣ Священнаго союза (состоявшагося въ 1815 г.), признающаго одну лишь христіанскую религію, а потому надо выждать, что намѣрены предпринять другія государства, вступившія съ Александромъ I въ этотъ союзъ. Крайній



Авраамъ Штернъ.

---

[1]) Архивъ Гос. совѣта, статсъ-секретаріатъ Царства Польскаго, 1815 г., дѣло № 39: „По прошенію Штерна о предоставленіи ему должности или пенсіи". См. Еврейская Энциклопедія, т. XVI, стр. 109—110.

30*

взглядъ Шанявскаго вызвалъ протестъ даже со стороны такого юдофоба, какимъ былъ Сташицъ: Священный союзъ вовсе не имѣлъ намѣренія принудительно обращать въ христіанство, и дѣло реформы необходимо начать именно съ воспитанія, для чего и нужно просвѣтить духовенство. Но давать обѣщанія относительно правъ рѣшительно недопустимо: это противорѣчитъ конституціи,— евреи возьмутъ верхъ въ народномъ представительствѣ, какъ только получатъ права. Тогда Шанявскій облекся въ тогу благородства: развѣ можно требовать, чтобы евреи, въ угоду правительству, просвѣтились, а когда они отрекутся отъ традиціи, имъ откажутъ въ правахъ. Въ результатѣ этихъ дебатовъ, цѣль учрежденія школы была мотивирована желаніемъ сдѣлать евреевъ „полезными членами государства", безъ упоминанія о правахъ. Но это показалось чрезмѣрнымъ. Представляя государю законопроектъ, утвержденный совѣтомъ, статсъ-секретарь замѣнилъ выраженіе „полезные члены государства" словами „полезные жители". И на этомъ все дѣло остановилось [1]) — проектъ Потоцкаго почему-то не получилъ движенія [2]). Впрочемъ идея о раввинской школѣ не заглохла—нѣсколько лѣтъ спустя, какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, она была осуществлена.

Въ это время изъ среды еврейскаго общества стали выступать лица, стремившіяся освободить народъ отъ оковъ традиціи и привлечь его къ общекультурной жизни. Уходя порою слишкомъ быстро и далеко въ своихъ реформаторскихъ замыслахъ, они не могли повести за собою широкіе круги; болѣе того, отказавшись въ личной жизни отъ требованій традиціоннаго быта, принявъ внѣшне „европейскій" обликъ, они давали врагамъ просвѣщенія лишнее оружіе, ибо въ самой перемѣнѣ одежды и вообще въ нарушеніи традицій народныя массы усматривали измѣну религіи. Но вокругъ молодыхъ ратоборцевъ за просвѣщеніе, поддерживаемыхъ и нѣкоторыми образованными людьми, принадлежавшими къ старшему поколѣнію, собирались юноши, жаждавшіе новой жизни, и постепенно въ еврейскомъ обществѣ проложило себѣ путь новое общественное движеніе.

Возникновеніе первыхъ по времени общеобразовательныхъ школъ для евреевъ связано съ именемъ Якова Тугендгольда (1794—1871). Сынъ дѣятеля просвѣщенія въ Галиціи, Исаи Тугендгольда, Яковъ получилъ образованіе въ бреславльскомъ университетѣ. Въ 1818 году, въ разгаръ литературной полемики по

---

[1]) Статсъ-секретаріатъ по дѣламъ Царства Польскаго, 1818 г., дѣло № 58: „По проекту учрежденія въ Варшавѣ высшаго еврейскаго училища".

[2]) Быть можетъ, въ связи съ поколебавшимся положеніемъ Потоцкаго, вынужденнаго въ 1820 г. выйти въ отставку.

еврейскому вопросу, онъ выпустилъ въ защиту евреевъ горячо написанную брошюру „Jerobaal czyli nowa o zydach“, въ которой высказывалъ увѣренность въ неминуемомъ перевоспитанiи еврейскаго народа въ духѣ современной культуры. Въ 1820 г. онъ основалъ въ Варшавѣ, по порученiю правительства, школы для еврейскихъ дѣтей.

Одновременно съ Тугендгольдомъ борцомъ за просвѣщенiе выступилъ Антонъ Эйзенбаумъ (1791—1852). Родившись въ бѣдной семьѣ и рано осиротѣвъ, онъ собственными усилiями получилъ образованiе [1]).

Въ концѣ 1823 г. Эйзенбаумъ сталъ издавать польско-еврейскую газету „Dostrzegacz Nadwislanski“ — „Der Beobachter an der Weichsel“,—эта была первая газета на разговорномъ еврейскомъ языкѣ въ Россiи. Варшавское правительство ассигновало на изданiе газеты двѣ тысячи золотыхъ съ тѣмъ, чтобы она печаталасьвъ двухъ текстахъ: польскомъ и еврейскомъ. Заключая въ себѣ легкiй матерiалъ (заграничныя извѣстiя, торговыя сообщенiя и пр.), газета, по мысли Эйзенбаума и правительства, имѣла цѣлью расширить духовные интересы еврейскаго населенiя, прiохотить его къ чтенiю. Но эта задача не была достигнута; Эйзенбаумъ, считая необходимымъ вытѣснить разговорный еврейскiй языкъ, пользовался онѣмеченнымъ жаргономъ, непонятнымъ массовому читателю; благодаря этому, газета не получила достаточнаго распространенiя, и ее пришлось годъ спустя закрыть [2]).

Антонъ Эйзенбаумъ.

Этими первыми шагами опредѣлился характеръ позднѣйшей дѣятельности Тугендгольда и Эйзенбаума, а также другихъ прогрессистовъ—они дѣйствовали въ единенiи съ правительствомъ, а между тѣмъ цѣль, къ которой стремились прогрессисты, находилась въ глубокомъ противорѣчiи съ правительственной полити-

[1]) Въ 1823 г. Эйзенбаумъ представилъ государю записку о евреяхъ, которая и была принята „avec bonté“. Статсъ-секретарiатъ по дѣламъ Царства Польскаго, 1823, дѣло № 128.

[2]) С. Л. Цинбергъ, Исторiя еврейской печати въ Россiи (Петроградъ, 1915 г.), стр. 13—15.—Natalia Gaiorowska, Cenzura zydowska w Królestwie Polskiem. Kwartalnik, кн. II, стр. 59.

кой по еврейскому вопросу. Прогрессисты разсчитывали, что культурная реформа приведетъ еврейскій народъ къ гражданскому равенству, правительство же, какъ мы видимъ, уничтожало въ самомъ зародышѣ мысль о предоставленіи евреямъ правъ.

Въ 1825 г. новый министръ народнаго просвѣщенія Грабовскій предложилъ учредить при его министерствѣ особый комитетъ, съ цѣлью пересмотрѣть существующіе законы о евреяхъ [1]), редактировать новыя постановленія и, вообще, фактически надзирать за еврейскимъ народомъ. Въ этомъ комитетѣ, въ качествѣ совѣщательныхъ членовъ, участвовало бы нѣсколько евреевъ. О томъ, чтобы обратить еврейское населеніе въ христіанство или совершенно амальгамировать его, Грабовскій не помышлялъ, — это было бы столь же нецѣлесообразно, сколько безполезно, такъ какъ еврейскій народъ долженъ остаться изолированнымъ, дабы служить живымъ доказательствомъ истинности христіанской вѣры; поэтому надо лишь смягчить его бѣдственное положеніе и сдѣлать его, по возможности, безвреднымъ для страны; даже семейная добродѣтель евреевъ—говорилъ Грабовскій—тягостна для государства, ибо благодаря ей еврейскій народъ непомѣрно возростаетъ, грозя превзойти въ численномъ отношеніи христіанское населеніе, а въ связи съ этимъ увеличивается нищета; положительныя качества, отличающія евреевъ, какъ терпѣливость и жажда дѣятельности, влекутъ ихъ, въ виду физическаго слабосилія, къ нежелательнымъ занятіямъ; преобразованіе должно идти медленно, со всей осторожностью; и такъ какъ нынѣшнія доктрины евреевъ, совершенно отличныя отъ моисеевыхъ позволяютъ имъ противоборствовать правительственнымъ распоряженіямъ, то отъ евреевъ ничего нельзя добиться, если этого не пожелаютъ ихъ главари; поэтому воздѣйствовать на массу можно только совмѣстно съ главарями, чрезъ ихъ посредство. Наряду съ комитетомъ должно функціонировать раввинское училище. Эти учрежденія, надѣялся Грабовскій, измѣнятъ современемъ обликъ іудаизма въ Царствѣ Польскомъ. 22 мая (3 іюня) 1825 г. послѣдовалъ декретъ государя объ образованіи комитета. Объ этомъ ходатайствовали сами представители варшавской общины, надѣясь, что такимъ путемъ будетъ положена преграда потоку ограничительныхъ постановленій, издававшихся по каждому отдѣльному случаю. Въ запискѣ, представленной государю [2]) за нѣ-

---

[1]) Во всеподданнѣйшемъ адресѣ сейма 1825 г. было сказано о необходимости реформы еврейскаго быта.

[2]) Отъ 8 мая 1825 г. Подписались: Мих. Эттингеръ, Як. Бергсонъ, Габріель Бергсонъ, Генрихъ Самельсонъ, Іос. Гальберштамъ, Ш. Нейдингъ.

сколько дней до упомянутаго декрета, говорилось, что условія, при которыхъ евреи могли бы пользоваться гражданскими и политическими правами, еще не установлены, а между тѣмъ ихъ положеніе все болѣе ухудшается; къ тому же неизвѣстно, какую

Nro 1

DOSTRZEGACZA

Nadwiślańskiego.

z Warszawy Dnia. 3. Grudnia 1823.

דער בעאבאכטער
אן דער ווייכסעל

וואַרשויא יען כריסטען רעצעמבר 1823.

WIADOMOŚCI KRAJOWE

Kommissyia Rządowa Przychodow i Skarbu.

Wzadość uczynieniu przepisowi Art. 7. postanowienia Xięcia Namiestnika Królewskiego z dnia 22. Lipca r. b. w Dzienniku Praw w Tomie VIII zamieszczonego, następujące rozporządzenia dotyczące się Xiąg handlowych i Xiążek konnotacyynych, przez trudniących się handlem w Królestwie Polskiem utrzymywać się winnych, do wykonania wskazuie.

§. 1. Dopełnianie przepisów prawa Artykułami 8. 9. 10 i 11. Xięgi I. Kodexu handlowego obiętych, wszystkich w ogól Kupców obowiązuiących, zostawać będzie pod szczególnym nadzorem Władz Skarbowych:

Brzmienie Artykułów tych, iest następuiące.

Artykuł 8. „Każdy Kupiec powinien utrzymywać Dziennik, któryby przedstawiał dzień po dzień długi, tak mu należne, iako też od niego winne,

נאכריכטען פאס אינלאנדע

דיא רעגירונגס קאמיסיאן דער איינקינפטע אונד דעס שאטצעס (קאמיססיא רזאנדאווא פרזיכאדאוו)

אין ערפיללונג דעס 7 טען ארטיקעלס פאם פירשטען נאמיעסטניק פאם 22 טען יולי דיזעס יאהרעס פעראררנעט אונד וועלכער אים געזעטצבוכע (דזיענניק פראוו) אים 8 טען טייל איינגעריקט איזט, ווירד הירמיט פאלגענדע פעראררנונג, אין בעטרעף דער האנדלונגס אונד קאנטאָבוכער (קאננאטאציינע) וועלכע דיא קויפלייטע אים קעניגרייכע פאהלען צו פיהרען פערפפליכטעט זינד, צור אויסאיבונג איבערגעבען.

§. 1. דיא אויסאיבונג דער געזעטצליכען פאָרשריפטען וועלכע אין דען ארטיקעלן 8. 9. 10. אונד 11. דעם האנדלונגס קאדעקס 1 טען טייל ענטהאלטען זינד אונד אללע קויפלייטע איבערהויפט צו בעפאלגען פערפפליכטעט, ווירד אונטער דער בעזאנדערען אויפזיכט דער שאטצפערוואלטונג שטעהן.

דיזע געדאכטען ארטיקעל לויטען ווי פאלגט

ארטיקעל 8. איין יעדער קויפמאן מוס פיהרען טאגעבוכער (דזיענניק) צו פיהרען אין וועלכען ער טאג פיר טאג איינשרייבען מוס, זא וואהל שולדען (חובות) דיא ער

Первый номеръ газеты, вышедшій 3 декабря 1823 г.

судьбу уготовитъ евреямъ имѣющій появиться гражданскій кодексъ; лишенные политическихъ правъ, а слѣдовательно и возможности возвысить свой голосъ, евреи надѣятся только на государя, и поэтому они просили учредить особый комитетъ, чле-

нами котораго назначены были бы лица по указанію государя, и который сдѣлалъ бы постановленія, выслушавъ представителей еврейскаго населенія.

Увы, вскорѣ стало извѣстно, что проектъ кодекса гласилъ: „евреи будутъ пользоваться только тѣми правами, которыхъ они не будутъ лишены королемъ или намѣстникомъ“, и тогда группа евреевъ вновь обратилась къ государю съ просьбой [1]) принять во вниманіе бѣдственное состояніе евреевъ и опредѣлить ихъ положеніе твердо установленными законами; при этомъ былъ представленъ списокъ ограничительныхъ постановленій, послѣдовавшихъ за послѣдніе годы.

Еврейскій комитетъ вскорѣ конституировался и при немъ была учреждена совѣщательная камера изъ дѣятелей варшавской общины [2]). Но комитетъ ни въ малѣйшей степени не оправдалъ ожиданій евреевъ, и не потому, чтобы такова была воля самаго комитета, какъ мы это увидимъ, когда перейдемъ къ эпохѣ Николая I.

---

[1]) Отъ 22 мая (3 іюня) 1825 г. Подписались: Лейбель Эйбель, Дав. Висенбергъ, Левекъ Цинцъ, Залманъ Розенблюмъ, Сам. Когенъ и др.

[2]) Статсъ-секретаріатъ по дѣламъ Царства Польскаго, 1825 г., дѣло № 45, „Объ учрежденіи въ Варшавѣ еврейскаго комитета“. См. также: D. Kandel, Komitet starozakonnych. Kwartalnik, кн. II.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Раннія встрѣчи русскихъ славянъ съ евреями.--Посредничество хозаръ.—Когда появились евреи въ Кіевѣ?—Сказаніе о крещеніи Руси и объ еврейскихъ послахъ.—Евреи въ Кіевѣ въ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ вѣкахъ.—Погромъ евреевъ въ Кіевѣ.—Лѣтописное сообщеніе объ убіеніи Андрея Боголюбскаго.—Отрывочныя извѣстія о пребываніи евреевъ на Руси въ различныхъ мѣстностяхъ:

стр. 1—17

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Отношеніе московскаго государства къ иноземцамъ.—Ересь жидовствующихъ и еврей Схарія.—Сношенія великаго князя Ивана III съ двумя вліятельными крымскими евреями.—Пріѣзды еврейскихъ купцовъ въ Москву подъ защитой польскаго правительства.—Жестокое обращеніе царя Ивана Грознаго съ плѣнными евреями.—Смутное время.—Михаилъ Федоровичъ Романовъ: благопріятное отношеніе къ плѣннымъ евреямъ; появленіе въ Москвѣ осѣдлаго еврейскаго населенія.—Московскій дворъ пользуется услугами еврейскихъ купцовъ.--Въ концѣ семнадцатаго вѣка доступъ въ Москву затрудняется евреямъ.—Жертвы стрѣлецкаго бунта.

стр. 18—63

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отношеніе Петра Великаго къ евреямъ.—Погромъ въ Малороссіи.—Евреи въ Смоленской области.—Сожженіе Возницына, отпавшаго отъ христіанства, и Бороха, совратившаго его.—Безуспѣшныя попытки удалить евреевъ изъ Россіи.—Имп. Елизавета, побуждаемая религіозной нетерпимостью, настойчиво требуетъ изгнанія евреевъ изъ малороссійскихъ и великороссійскихъ губерній, а также изъ Риги.—Къ исторіи евреевъ въ Ригѣ.—Окончательное изгнаніе евреевъ при Елизаветѣ.—Желаніе Екатерины II водворить ихъ въ Россіи.—Сочувственное отношеніе населенія къ возвращенію евреевъ.

стр. 64—96

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Съ раздѣломъ Польши часть ея еврейскаго населенія переходитъ въ русское подданство.--Исторія евреевъ въ польско-литовскомъ государствѣ.—Короли оказываютъ имъ покровительство и жалуютъ привилегіи.—Духовенство успѣшно агитируетъ противъ евреевъ среди городского мѣщанства, инсценируетъ ритуальные процессы, призы-

ваетъ къ погромамъ.—Въ виду стѣсненій въ жительствѣ и торговлѣ, испытываемыхъ въ городахъ, евреи поселяются на частновладѣльческихъ земляхъ, гдѣ занимаются арендами и винными промыслами.—Съ умаленіемъ королевскаго авторитета усиливается власть помѣщиковъ надъ евреями и ухудшается ихъ положеніе въ городахъ.—Окруженные враждебными организованными общественными группами, евреи, въ свою очередь, сплачиваются.—Кагальная организація.—Казацкія возстанія на Украйнѣ обрушиваются на евреевъ, какъ на посредниковъ между католиками-помѣщиками и православными крестьянами.—Катастрофа 1648 г.—Бѣдствія въ годы Сѣверной войны.—Разложеніе во внутренней еврейской жизни.—Въ 1768 г. повторяется кровавое событіе 1648 г.—Духовное состояніе евреевъ въ Польшѣ.—Гнетъ раввинизма и гоненія извнѣ вызываютъ въ народѣ мистическое настроеніе. — Возникновеніе сектъ: саббатіанство и франкизмъ. — Зарожденіе хасидизма.

стр. 97—128

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Переходъ бѣлорусскихъ евреевъ въ русское подданство.—Правительство санкціонируетъ кагальную организацію.—Русское сословно-городское самоуправленіе совпадаетъ во многомъ съ кагальной организаціей.—Устройство кагала и его функціи.—Подчиненіе евреевъ общимъ установленіямъ.—Вступленіе еврейскаго населенія въ составъ русскаго торгово-промышленнаго класса.—Евреи становятся равноправными гражданами.—Недовольство части христіанскаго населенія равноправіемъ евреевъ.—Борьба изъ-за избранія ихъ на общественныя должности.—Какъ члены торгово-промышленнаго класса, евреи лишаются права жить внѣ городовъ и заниматься винными промыслами.—Расколъ внутри еврейства.—Глава бѣлорусскихъ хасидовъ р. Шнеуръ-Залманъ.—Вождь литовскихъ раввинистовъ Илія Гаонъ.—Раввинисты вступаютъ въ открытую борьбу съ хасидами.—Зачатки просвѣтительнаго движенія.

стр. 129—160

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Религіозный расколъ колеблетъ авторитетъ и власть кагала.—Значеніе кагала умаляется также благодаря новымъ условіямъ гражданской жизни евреевъ.—Представители бѣлорусскихъ кагаловъ добиваются возстановленія правъ еврейскаго населенія, нарушенныхъ въ связи со вступленіемъ его въ составъ торгово-промышленнаго класса (жительство въ деревняхъ и селахъ, занятіе винными промыслами) и склоняютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, правительство къ сохраненію за кагальной организаціей ея прежнихъ функцій.—Христіанское общество противится избранію евреевъ на сословно-городскія должности.—Екатерина II настаиваетъ на признаніи евреевъ равноправными гражданами.—Установленіе „черты еврейской осѣдлости".—Обстоятельства, вызвавшія эту мѣру и характеръ ея.—Разселеніе евреевъ по сосѣднимъ губерніямъ.—Расширеніе территоріи еврейской осѣдлости.

стр. 161—179

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Второй и третій раздѣлы Польши.—Послѣднія десятилѣтія, проведенныя евреями въ польскомъ королевствѣ.—Еврейская жизнь въ краѣ, вновь присоединенномъ къ Россіи.—Кагальная организація.—Обложеніе всего еврейскаго населенія двойной податью.—Стремленіе христіанъ умалить значеніе евреевъ въ сословно-городскомъ самоуправленіи.—Ограниченіе избирательнаго права.—Наслѣдіе прошлаго: въ силу мѣстныхъ привилегій, евреевъ въ Литвѣ лишаютъ права участвовать въ общественномъ самоуправленіи. Нѣкоторые города пытаются возстановить дѣйствіе привилегій, позволявшихъ не допускать евреевъ къ водворенію. Помѣщики считаютъ себя полновластными господами надъ живущими у нихъ евреями.—Кровавый навѣтъ.

стр. 180—210

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Евреи въ Курляндскомъ герцогствѣ.—Ихъ жизнь протекаетъ въ условіяхъ борьбы между дворянами-землевладѣльцами и городами.—Въ 1710 г. евреямъ впервые предоставляется имѣть кладбище.—Многократныя постановленія объ удаленіи ихъ.—Еврейская община въ Митавѣ.—Борьба изъ-за евреевъ между дворянами, съ одной стороны и правительствомъ и городами—съ другой, принимаетъ въ концѣ восемнадцатаго вѣка острый характеръ.—Литературная полемика.—Евреи въ Пильтенскомъ округѣ.—Переходъ герцогства къ Россіи.—Послѣдніе отголоски прошлаго.—Дарованіе евреямъ Курляндіи гражданскихъ правъ.

стр. 211—233

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Обостреніе религіозной распри въ концѣ 18-го вѣка.—Борьба между хасидами и ихъ противниками сосредоточивается вокругъ кагальной власти.—Виленскій гаонъ призываетъ общины совмѣстно выступить противъ хасидовъ.—Успѣшныя дѣйствія виленскихъ хасидовъ и недовольство кагаломъ въ широкихъ кругахъ виленской общины.—Виленскіе старшины ищутъ поддержки у власти.—Заточеніе р. Залмана въ Петропавловской крѣпости.—Повелѣніе Павла I о признаніи за хасидами права на открытое существованіе.—Хасиды овладѣваютъ виленскимъ кагаломъ.—Отрѣшенные виленскіе старшины обращаются за содѣйствіемъ къ высшей власти.—Доносъ раввина Авигдора и вторичный арестъ Залмана.—Вопросъ о совмѣстномъ существованіи кагала и хасидской секты.

стр. 234—258

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Экономическое положеніе евреевъ.—Ремесленный трудъ.—Торговая дѣятельность стѣсняется существованіемъ „черты осѣдлости“.—Земледѣліе.—Подати, сборы и повинности.—Самообложеніе для оплаты внѣ-

шнихъ налоговъ и для покрытія общинныхъ нуждъ.—Коробочный сборъ.—Бѣдственное состояніе еврейской массы.—Офиціальныя свидѣтельства современниковъ.—Возобновленіе попытки переселить еврейское населеніе изъ уѣздовъ въ города.—Зарожденіе представленія о вредоносности евреевъ для крестьянскаго хозяйства.—Отрицательное отношеніе властей и польскихъ дворянъ къ поголовному выселенію евреевъ изъ деревень.

стр. 259—279

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Потребность въ преобразованіи еврейскаго быта.—Проповѣдь Ноты Хаймовича Ноткина о насажденіи производительнаго труда.—Отношеніе Державина къ евреямъ и его проектъ реформы ихъ экономической и духовной жизни: Вліяніе Ноткина на планъ экономической реформы. Взглядъ Державина на нравственное состояніе еврейскаго народа. Кровавый миѳъ. Воздѣйствіе Якова Франка на систему духовнаго преобразованія.—Либеральный проектъ Фризеля.—Учрежденіе комитета для разработки еврейской реформы.—Характеристика членовъ комитета.—Приглашеніе нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ евреевъ и депутатовъ отъ кагаловъ къ участію въ совѣщаніяхъ комитета.—Новое выступленіе Ноткина.—Лейба Неваховичъ и его „Вопль дщери іудейской“.

стр. 280—306

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Настроеніе членовъ комитета.—Графъ Потоцкій, какъ выразитель ихъ взглядовъ на существо еврейской реформы.—Что думали и какъ дѣйствовали члены комитета.—Всеподданнѣйшій докладъ и новый законъ: „Положеніе о евреяхъ 1804 года“.—Роль еврейскихъ депутатовъ и ихъ взаимоотношенія.—Новый законъ приноситъ насущные интересы евреевъ въ жертву домогательствамъ другихъ общественныхъ группъ.—Принудительное удаленіе евреевъ изъ деревень.—Преобразованіе внутренняго быта и просвѣтительная реформа.—Кагалъ сохраняетъ за собою господство надъ народомъ и этимъ парализуется стремленіе правительства поднять культурный уровень евреевъ.—Взглядъ русскихъ людей на новый законъ какъ на актъ, знаменующій торжество гуманности и прогресса.

стр. 307—333

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Тяжелые годы.—Изгнаніе евреевъ изъ деревень.—Правительство не въ силахъ дать пріютъ выселенцамъ.—Созывъ въ Парижѣ собранія нотаблей еврейскихъ (1806 г.) вызываетъ тревогу въ Россіи.—Война съ Франціей и посланіе синода о союзѣ Наполеона съ евреями.—Французскія событія служатъ поводомъ для пересмотра закона о выселеніи.—Эта задача возлагается на особый комитетъ (1807 г.).—Обстоятельства, дѣлающія мѣру выселенія невыполнимой.—Созывъ еврейскихъ депутатовъ (1807 г.).—Сенатору Алексѣеву поручается изучить

на мѣстѣ вопросъ о выселеніи.—Единодушное мнѣніе о неосуществимости мѣры выселенія.—Указомъ 29 декабря 1808 г. выселеніе пріостанавливается.—Образованіе (1809 г.), подъ предсѣдательствомъ сенатора Попова, новаго комитета для окончательнаго разрѣшенія вопроса о выселеніи и разсмотрѣнія просьбъ еврейскихъ депутатовъ объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ постановленій Положенія 1804 года.—Комитетъ признаетъ (1812 г.) необходимымъ совершенно отказаться отъ принудительнаго выселенія.

стр. 334—349

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Голоса протеста противъ устарѣвшихъ формъ религіозно-общественнаго быта.—Рабби Менаше Иліеръ и авторъ анонимной записки, какъ выразители мнѣнія прогрессивныхъ круговъ.—Депутаты отъ кагаловъ, созванные въ 1807 г., выступаютъ противъ культурно-просвѣтительной реформы и добиваются укрѣпленія власти кагала и раввината.—Отечественная война 1812 года.—„Депутаты еврейскаго народа“ при Главной Квартирѣ государя.—Высочайшая благодарность кагаламъ и вызовъ депутатовъ въ Петербургъ.—Тревожныя ожиданія.—Дѣятельность депутата Диллона.—Аудіенція, данная государемъ депутатамъ Диллону и Зонненбергу.—Милостивыя обѣщанія.—Сосредоточеніе всѣхъ еврейскихъ дѣлъ въ рукахъ кн. А. Н. Голицына.—Мистическое настроеніе государя и кн. Голицына.—Избраніе новыхъ депутатовъ.

стр. 350—371

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Результаты аудіенціи, данной государемъ депутатамъ.—Высочайшее повелѣніе не возводить обвиненій въ преступленіяхъ съ ритуальной цѣлью.—Отмѣна кары за утайку душъ.—Длительный споръ въ связи съ вопросомъ о правѣ евреевъ владѣть помѣщичьими землями и пользоваться трудомъ крестьянъ.—Дѣятельность депутатовъ, направленная къ сохраненію въ неприкосновенности вѣкового религіозно-общественнаго быта.—Ихъ старанія вернуть кагалу право провозглашать херемъ.—Противодѣйствіе общему образованію.—Внѣшнія обстоятельства, препятствовавшія насажденію просвѣщенія.—Попытка основать еврейскую газету.—По ходатайству депутатовъ, запрещеніе носить внѣ черты осѣдлости традиціонное платье отмѣняется.—Мистическія чаянія Александра I и учрежденіе „Общества израильскихъ христіанъ“.

стр. 372—390

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Годы реакціи. — Религіозный моментъ въ репрессивной политикѣ. — Споръ изъ-за свидѣтельскихъ показаній евреевъ.—Секта субботниковъ и участіе евреевъ въ ея распространеніи.—Обвиненіе въ совращеніи христіанъ.— Доносчики. — Запрещеніе пользоваться личными услугами христіанъ.—Попытка устранить евреевъ изъ органовъ общественнаго моасуправленія.—Стѣсненія въ жительствѣ. – Гетто въ Вильнѣ.—Погра-

ничная полоса и контрабандные промыслы.—Умаленіе торговыхъ правъ во внутреннихъ губерніяхъ.—Бѣдственное положеніе крестьянъ и роль евреевъ въ селеніяхъ.—Пересмотръ вопроса о вредѣ, причиняемомъ евреями, и объ ихъ выселеніи изъ деревень.—Комитетъ для разработки общей реформы еврейскаго быта.—Упраздненіе института депутатовъ.—Переходъ къ новому царствованію.—Возрожденіе кроваваго навѣта.

стр. 391—426

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Евреи въ Царствѣ Польскомъ.—Годы существованія Варшавскаго герцогства (1807—1813).—Съ санкціи Наполеона евреевъ лишаютъ политическихъ правъ.—Ограниченіе гражданскихъ правъ.—Спеціальные сборы.—Стѣсненія въ правѣ жительства.—Права евреевъ урѣзываются въ ожиданіи присоединенія къ герцогству новой территоріи съ еврейскимъ населеніемъ.—Гибель герцогства.—Годы временнаго правительства.—Представители варшавской общины обращаются къ государю съ ходатайствами въ Петербургѣ, Парижѣ и Берлинѣ.—Возникновеніе Царства Польскаго (1815 г.).—Полемика по еврейскому вопросу въ правительствнныхъ учрежденіяхъ и въ печати.—Связь между варшавской общиной и депутатами еврейскаго народа.—Проектъ еврейской реформы, представленный Новосильцевымъ, отклоняется правительствомъ.—Стащицъ и кн. Чарторыжскій.—Правительство отказывается подать евреямъ надежду на полученіе правъ.—Репрессивная политика.—Воинская повинность.—Борьба съ евреями на экономической почвѣ.—Распри въ варшавскомъ кагалѣ.—Упраздненіе кагаловъ и возникновеніе божничьихъ дозоровъ.—Попытки культурной реформы.—Авраамъ Штернъ, Яковъ Тугендгольдъ и Антонъ Эйзенбаумъ.

стр. 427—472